

ЭТОТ ДОБРЫЙ ЖЕСТОКИЙ МИР

ОЛЕГ ДИВОВ • МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО • СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ • ДАРЬЯ ЗАРУБИНА • ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ • ИГОРЬ МИНАКОВ • МАКСИМ ХОРСУН • ЮЛИЯ ЗОНИС • ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ • МАЙК ГЕЛПРИН

ЭТОТ ДОБРЫЙ ЖЕСТОКИЙ МИР

ОЛЕГ ДИВОВ • МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО • СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ • ДАРЬЯ ЗАРУБИНА • ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ • ИГОРЬ МИНАКОВ • МАКСИМ ХОРСУН • ЮЛИЯ ЗОНИС • ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ • МАЙК ГЕЛПРИН

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЭТОТ ДОБРЫЙ ЖЕСТОКИЙ МИР

ОЛЕГ ДИВОВ
МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА
ИГОРЬ МИНАКОВ
МАКСИМ ХОРСУН
МАЙК ГЕЛПРИН
ЮЛИЯ ЗОНИС
ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
И ДРУГИЕ

ЭТОТ ДОБРЫЙ ЖЕСТОКИЙ МИР

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Э 92

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Составители сборника *Т. Иванова, Н. Батхен, М. Гелприн, Г. Панченко*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Э 92 **Этот** добрый жестокий мир : фантастические повести и рассказы / Олег Дивов, Марина и Сергей Дяченко, Святослав Логинов и др. — Москва : Эксмо, 2014. — 736 с. — (Русская фантастика).

Люди могут все: изобрести вечный двигатель, улететь к звездам, даже заказать счастье. Но в любом из открытых миров, окруженный высокими технологиями или хлипкими стенами шалаша, человек останется человеком, пока в нем живет душа, пока он исповедует вечные ценности.

Вера, жертвенность и доброта делают прекрасным окружающий мир, а кто этого еще не понял — того сама жизнь научит. Ее методы иногда жестоки, но это всегда уроки Мира. Здесь есть место всему: инопланетный учитель Кмыф Лгович спасает земных детей, бесстрашная хроноинженер Маша пробивает тоннель во времени, мудрый Горан помогает расти крыльям за спиной мальчишки, а Сын подходит к телефону небесной канцелярии...

Олег Дивов, Марина и Сергей Дяченко, Святослав Логинов, Далия Трускиновская, Юлия Зонис и другие в сборнике, посвященном памяти критика и литературоведа Александра Ройфе!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Алиев Т., Батхен Н., Беляков С., Богданов Б., Венгловский В., Вереснев И., Гамаюнов Е., Гелприн М., Голдин И., Голиков А., Громов А., Давыдова А., Дивов О., Дубинянская Я., Дяченко М. и С., Зарубина Д., Звонарев С., Зонис Ю., Каримова К., Клещенко Е., Кокоулин А., Кудлач Я., Кудрявцев Л., Лебединская Ю., Логинов С., Марышев В., Минаков И., Никитин Д., Панченко Г., Погодина О., Ракитина Н., Рыженкова Ю., Ситников К., Таран А., Тихомиров М., Трускиновская Д., Удалин С., Фарб А., Хорсун М., Цюрупа Н., Чекмаев С., Шатохина О., Шауров Э., Шиков Е., Юрьева С., 2014

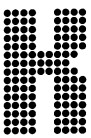
© Состав и оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-76263-7

Посвящается памяти Александра Ройфе

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — КОТЛЕТЫ ЛЕПИТЬ

аждый день я просыпаюсь от этого звука. Быстрого, шуршащего топота пальцев по столешнице. Это идет война.

Под этот непрекращающийся шелест — словно осторожно ступают по едва различимой тропе в осеннем лесу десятки ног в армейских ботинках — я варю кофе, пока в термокапсуле над кухонным столом тает телячья вырезка. И в мерный шепот боев вплетаются такие же привычные мирные звуки — мясорубка неторопливо пережевывает механическими челюстями длинную розовую говяжью мышцу.

Я никогда не пользуюсь формой для котлет. Леплю своими руками. Масло шипит, захлебываясь радостью, когда котлета — размером с мою ладонь, а у меня совсем не женские ладошки — опускается на сковороду. Сережа не любит котлет на пару, говорит, что там, где он будет их есть, паровые котлеты похожи на слизней. Поэтому, вопреки всем советам Минздрава, мясо я всегда обжариваю.

Хлеб тоже пеку сама. Хоть и не из домашнего теста. Спецзакваску для действующей армии женам на руки не выдают, поэтому каждое утро к дому подкатывает мальчишка-курьер и передает мне контейнер с тестом и записку с очередной настоятельной просьбой генерала Артушева не травить офицерский состав жареным, иначе и мясные продукты нам будут доставлять курьером.

Но это там, в большом мире, он генерал Артушев, а для меня, сколько себя помню, был дядей Жорой. Поэтому никаких привозных котлет не будет. Мой муж любит жареные, а его командование, даже неумолимый дядя-генерал, не посмеет давить на дочь полковника Гвоздева.

Я впускаю курьера в дом через кухонную дверь, пока прогреваются сковорода и духовка. Мальчишка получает на чай и тотчас уносится на своем велосипеде, едва не сталкиваясь с почтальоном. Я их не вижу за углом дома, но слышу, как испуганно звякает хромированный звонок на руле курьера и ему отвечает клаксон дяди Степы. Нам писать особенно некому, поэтому почтальон ограничивается тем, что, проезжая мимо окон, машет рукой и улыбается, огорченно и немного виновато — «опять ничего». Огорчает его не то, что в наш дом не приходят письма, а то, что тесто в контейнере — особое армейское тесто — уже просится в прогретую печь. Когда есть письма, дядя Степа проходит в кухню, делает вид, что никак не может отыскать в сумке ручку, чтобы я расписалась в почтовой ведомости, садится к столу и просит не нарушать ради него известного порядка. Я ставлю хлеб в печь и принимаюсь за котлеты. Пожилой почтальон тянет длинным крючковатым, как у Бабы-яги, носом и медленно заполняет ведомость. После чего получает первую булочку и самую горячую котлету.

Он всегда жует ее на ходу, обжигаясь и словно оправдываясь, что опять задержался и невольно напросился на завтрак.

Приходят нам чаще всего не письма, а пакеты от Минобороны. Каталоги обмундирования и компьютерных новинок. Когда Сережа приходит в увольнительную, я отдаю ему почту. Он просматривает ее,

пока я разминаю окаменевшие мышцы на его плечах, а потом сжигает в камине.

Раньше, когда Коля был маленьким, ему разрешалось сперва рвать эти пестрые, глянцевые страницы. Развлечение занимало час или два: сначала на тонкие полоски, в одну строку, а потом на мельчайшие квадратики, которые, как снег, кружились за каминной решеткой и тотчас обращались в белесый пепел, соприкасаясь с алыми углями.

Коле скоро шестнадцать. И теперь его больше интересуют теннис, баскетбол и библиотека военгородка, чем короткие разговоры с отцом над растерзанным каталогом.

Они даже перестали быть похожи. На сыне сказываются занятия спортом: он с каждым годом все раздвигается в плечах, и футболки трещат на бицепсах, а Сергея все сильнее прижимает к земле война. Спина последние дни разгибается с трудом. А еще порой пальцы, уже привычные к виртуальной клавиатуре, не справляются с ложкой или страницей газеты. И — сколько помню себя — он кричит по ночам. Было время, я к годовалому сыну вставала реже, чем к тридцатилетнему мужу.

Одно не меняется с годами. Едва по дому распространяется запах котлет, Николай уже восседает за кухонным столом и ждет свою порцию. А первую, чуть остывшую, но еще горячую, я всегда подаю Сереже. Ставлю на столик возле компьютера, чтобы он мог, не покидая виртуальности, нащупать блюдце с котлетой, выглядывающей между двумя половинками армейской булочки, и отправить в рот.

Я знаю, что в этот миг где-то там, на фронтах невидимой нам, окуклившимся в спасительном реале, войны он приваливается спиной к искрошенной пулями стене или к искореженному корпусу танка и ест. Я почти вижу своими глазами, как подтягива-

ются к нормам показатели в углу экрана. А мой муж торопливо и жадно ест котлету, так, словно — так же жадно и торопливо — целует ладонь, которая ее приготовила.

А после у меня есть время до обеда. Под непрерывный шорох боев я читаю или вяжу, ухаживаю за цветами. Иногда — хоть это и запрещено уставом — я выхожу. Как говорили древние, «что позволено Юпитеру...». Я — дочка полковника Гвоздева, внучка академика Гвоздева, в нашем маленьком мирке я почти Юпитер, и мне позволено многое, о чем могут только мечтать другие офицерские жены. Например, у меня есть свободный доступ к пятилетнему лифту. Просто потому, что его спроектировал мой дед, а потом дорабатывала я сама, давно, еще до замужества. Что уж скромничать, дедушка сделал лифт с захватом в шесть месяцев. Это благодаря мне аппарат стал «пятилетним». Так и получается, что, хотя я и оставила работу ради карьеры мужа, приходится время от времени заниматься заказами сильных мира сего. На это время Сереже дают отпуск, а к компьютеру сажусь я. И у меня такой допуск, какого, скорее всего, нет даже у дяди Жоры. Так что котлеты у Сережи будут жареными, кто бы поспорил.

Да, если уж начистоту, я скучаю по компьютеру. Хотя мир без машин, как ни странно, нравится мне больше того, что остался в прошлом. Когда через любую электронику так просто было добраться до человека, беззащитного перед творением собственного ума. Поэтому я и ныряю время от времени в пятилетний лифт без особого повода. Чаще — на три-четыре года назад. Поговорить с мамой — за полтора года я все еще не привыкла к тому, что ее больше нет. Иногда, очень редко, на четыре с половиной, когда еще был жив дед. Папу мне уже не

захватить. Он погиб рано и давно, еще в то время, когда война бушевала в реале, а вездесущие компьютеры хозяйничали в головах и душах. А вот поговорить с дедушкой я люблю. Правда, он тотчас начинает пилить меня со старческой въедливостью, что опять гоняю временной лифт из-за ерунды. Часто я привожу с собой свои новые разработки, чертежи и расчеты. Мы с дедом сидим над ними до тех пор, пока мама не постучит по часам и не напомнит, что мне пора кормить мужа.

Я не боюсь выйти из дома. При современных оборонных технологиях тяжелую рану получить почти невозможно. А уж если доберутся.... Если они выжгут Сергею мозг, я ничего не смогу сделать. Он будет мертв, даже пока я бегу из кухни. Поэтому я стараюсь не думать, что такое может произойти, молиться по вечерам и вовремя ставить на столик котлету.

Иногда я захожу в гости к себе. Раньше, пока доставал лифт, забиралась в прошлое поиграть и пообниматься с сыном. Сейчас он здоровенный шестнадцатилетний шкаф, от которого только и услышишь «ну, мама». Это «ну, мама» я слышу с десяти. А раньше мы так любили сидеть, обнявшись, и читать. Он целовал меня, возвращаясь из школы и на ночь. Пока была возможность снова навестить Колино детство, не получалось справиться с желанием нырнуть на пять лет назад и почувствовать теплые маленькие ручки. А теперь я достаю только одиннадцатилетнего обормота, который уже знает, что мама имеет привычку нырять в прошлое и каждый раз пытается выяснить, спросят ли его завтра по химии. На что я отвечаю, что с химией у него и в одиннадцатом классе не особенно хорошо. Колька обижается и уходит к себе в комнату.

Сейчас, повзрослевший, он больше не сердится на меня, но, мне кажется, втайне сильно обижен

на отца. На соревнованиях много пап сидят на трибунах, болеют за своих сыновей. А наш воюет, поэтому Колиным победам я радуюсь одна. Но когда Сережа приходит в увольнительную, мы вместе смотрим фотографии с турниров, матчей и кинопленки из дискуссионного клуба или с очередных интеллектуальных баталий, которые устраивает для школьников университет. Иногда Коля, возвращаясь домой, застает меня за расчетами и подсаживается к столу. Наверное, только в эти часы я не бываю одна. У него хорошая голова. Мне порой ужасно хочется познакомить его с дедом, но не признаваться же моему правильному сыну, что я и сейчас продолжаю нырять в прошлое. Как всякий отличник, он полностью уверен, что пятилетние лифты — ценнейшее изобретение человечества, которыми могут пользоваться только профессионалы и только для спасения планеты. А не для того, чтобы узнать у мамы, какую музыку она хочет на свои похороны, или поспорить с дедом о способах решения зубодробительной задачи.

Хотя было время, мы даже ныряли вместе. Стыдно вспомнить. Детство, конечно, и глупость, но мне жутко хотелось, чтобы мой сын хотя бы раз поиграл на компьютере. Но он — дитя чистого реала — так и не понял прелести компьютерных бродилок. А на первой минуте простенького шутера зажмурился, зажал руками уши и мотал головой, крича, еще минут двадцать, пока дед выговаривал мне, что я худшая мать на свете.

Больше я Колю в лифт не звала.

Правда, когда он решил, что непременно женится на Кате, как только они оба поступят в университет, наша бабушка потребовала Катю предъявить. И я уболтала девочку нырнуть со мной. После двух раундов стратегии на двоих мы переключились на стрелялки. Тремя часами позже, ошалевшие от игры, мы

забрались обратно в лифт, совершенно довольные друг другом. А в мой следующий визит мама сказала, что Коле нужна именно такая жена. «Она же совершенно ненормальная, совсем как ты».

В то утро я как раз хотела сказать Коле, что бабушка одобрила Катерину, а Сереже — что Коля намерен жениться. Раннего брака я не боялась. Время раздолбаев-геймеров кануло в лету вместе с общедоступностью электроники. Коля уже взрослый, а через пару лет это будет мужчина, вполне способный позаботиться о семье и детях. Такими во времена моей компьютерной молодости становились только к сорока.

Я перебирала в голове все эти сумбурные мысли, привычно держа в руке блюдце с котлетой. Открыла дверь в полутемную из-за опущенных занавесок комнату с компьютером и едва не упала, натолкнувшись на кого-то. Я вскрикнула. Но незнакомец вышел на свет.

Это был Сережа. Мой Сережа, ссутулившийся, худой, как все военные, но сероватый оттенок его лица казался пепельным, тени под глазами залегли еще глубже, а красноватые веки припухли, словно он готов был заплакать.

— Машута, мы проиграли войну, — выговорил он хрипло. — Нас завоевали.

Я даже не спросила кто. Тотчас бросила взгляд на монитор. Там, завесив экран, синела надпись о том, что выход в Сеть бессрочно заблокирован приказом командования армии объединенного... Дальше читать не было сил. В глазах встали слезы.

— Нас завоевали! Что теперь будет?..

Паника прошла быстро. Что будет? Ничего особенного не произошло. Офицерам отрубили Сеть, постирали ботов. Слегка подорожало молоко, зато поползли вниз цены на золото. Сергей был дома це-

лый день. Сперва маялся, но потом начал ходить на соревнования к сыну. Колька повеселел и решился познакомить отца с Катей.

Пожалуй, те две недели после поражения стали самыми счастливыми в моей жизни. Непатриотично звучит. Но, опять же, что позволено Юпитеру... Я разрешила себе наслаждаться этим счастьем. И была просто уверена, что буду потом возвращаться в лифте в эти безмятежные дни, когда мы, все вчетвером, устраивали в саду пикники, жарили мясо на гриле, играли в шарады.

Но ничто не длится вечно. Для этого у меня слишком патриотичный муж и слишком правильный сын. Мы продолжали проводить время вместе, но я уже ясно видела, как гнетет Сережу и Колю то, что мы живем «в завоеванной стране». Все разговоры рано или поздно возвращались к этой теме, и в них все чаще мелькало: «Надо же что-то делать?!»

Да, я люблю своих мужчин, но, поверьте, я могла бы пережить их душевные метания. «Ко всему-то подлец человек привыкает». И мои привыкли бы к такой жизни. К полной тишине конца войны. Когда утром просыпаешься и не слышно шороха пальцев, едва различимого гудения системы охлаждения компьютера. Слышно только, как шумят деревья за открытым окном. Как лает вдалеке собака, резвящаяся на утренней прогулке. Как свистит, старательно выводя простенький мотив, какая-то желтая птичка в грушевых ветвях.

Я не чувствовала, что мы несвободны. Напротив. Вольны делать, что захочется. Ходить в кино, в парк. Я, кажется, сотню лет не каталась на лодке по озеру, а в театре не была так давно, что уже и не помню дороги. А я так люблю театр. Его запахи, его бархат и полированное дерево, его голоса и робкий шепот оркестра.

А то, что оккупанты пользуются нашей Сетью, мне, признаться, глубоко наплевать.

Было, конечно, в этом «завоеванном» состоянии и то, что ударило по мне. Я говорю не о том, что командование перестало поставлять нам офицерское тесто. И сама замешу. Но победитель заблокировал не только сети — лифты. Они питались от собственных солнечных батарей, поэтому простым отключением электричества, как с компьютерами, дела было не решить. И тогда хроноразведчики заблокировали часть временного потока — пять лет. Самое гадкое, что воспользовались моими собственными расчетами, которые министерство — по привычке или халатности — сохранило в электронном виде. Я скучала по маме и деду, но все это с лихвой компенсировало то, что со мной наконец были муж и сын.

Я согласна была жить даже без этого мостика в прошлое, лишь бы все оставалось как есть. Но так тоже не бывает.

Однажды утром курьер принес приказ о ментальной обработке офицерских кадров. Демилитаризация памяти.

— И что это? — спросить осмелилась только Катя. Мужчины молча ждали, пока я скажу сама.

— Сотрут всю военную память, включая увольнительные. — Я старалась выглядеть спокойной, но понимала, что вот это — конец. Конец всему. Я вышла замуж за военного. После обработки он не вспомнит ни меня, ни сына.

Я до сих пор выгляжу неплохо, но мне уже почти сорок и вновь влюбить в себя мужа, у которого в голове останутся только воспоминания восемнадцатилетнего, что уж скрывать, будет не под силу. А Коля?

Все это пронеслось в голове, словно строка загрузки. Я медленно, будто передвигая курсор к за-

претной кнопке «play», сняла фартук и выключила огонь под сковородой, на которой обиженно зашипела котлета.

— Пошли, — прозвучало грубо и резко. Мои домашние взглянули на меня с удивлением. Но было не до нежности и объяснений: Юпитер в гневе, Мама выходит на тропу войны.

— Пошли за мной. Бери шлемы.

Муж еще сомневался, а Коля и Катя уже отсоединяли все, что можно унести, от боевой машины. Мы двинулись к ближайшему лифту в парке. Моему лифту, которым я пользовалась так часто.

Я резко дернула из рук Кати шлем и подключилась к системе. Да, признаюсь, всегда хотела увидеть отца. Хотела вернуться в то время, когда был маленьким Коля. Я вообще большая эгоистка, а все эгоисты — жуткие беспредельщики. Поэтому я давно переключила на себя общественный лифт и тайком пробивала временной тоннель глубже. Идти приходилось аккуратно, чтобы датчики не зафиксировали изменение временного потока. Мой лифт брал уже на четыре дня дальше, когда мы проиграли войну. Хроноразведка блокировала хорошо и крепко, но они не знали, что против них невидимо воюет внучка академика Гвоздева.

— Все внутрь, — скомандовала я, не снимая шлема и не разрывая связи с лифтом, прыгнула следом за родными. Катя стащила заколку с волос, готовясь надеть шлем.

— Что делать, теть Маш?

Хотелось ответить прямо: держать временной канал. Скоро наши перемещения засечет хроноразведка и попытается блокировать. Но как объяснить девчонке, что делать? И что она может? Она-то — не внучка Гвоздева. Она не хроноинженер с двадцатилетним стажем. Я чувствовала, как нарастает

паника. Если все провалится — нам не вернуться. Хронопоток выдержит лишние единицы на поверхностном натяжении еще день или два, а потом нас сольет с нами же соответствующего времени. Закон Голля-Эдвина. И даже если удастся объяснить Кате, как не дать лифту захлопнуться, мы не успеем. Только раньше потеряем девочку.

— К деду.

Мы были на крыльце через полторы минуты. Без Сергея добежали бы секунд за сорок пять, но здоровье у профессиональных военных не то, что у накачанных штафирок, выросших на овощах и свежем воздухе. Дыхалка подвела, и на крыльце тещи Сергей едва не валился с ног.

— Мам, врубай машину! Дедову, папину и свою. Катю за ноутбук. В шлеме.

— Что за сленг, Мари, — возмутилась мама, но по моему лицу поняла, что стоит послушаться. — Кстати, ноутбук уже уничтожили. Завтра придут за остальными компьютерами, так что вы вовремя.

— Так. — Стало жутко досадно, что не успела пробить на день раньше. Ноут был бы цел. — Позови деда. И пусть подключит девочку параллельно к моему. Сам берет Колю. Сергея отдельным каналом на отдельную машину.

Дед ругался, брюзжал, требовал объяснений, но на слово «проиграли» среагировал молниеносно.

— Что ж ты молчала, Марья, етить твою матрешку! — Дед быстро глянул на Катю. Та изобразила, что не услышала брани. Дед благодарно понизил голос: — Какую войну просрали! Там дел-то на три кнопки средним пальцем! Допрыгались...

— Дед Ген, ну что ты, как старый брюзга, в самом деле? — оборвала я поток его бормотания, и дед, насупленный и сосредоточенный, скрыл лицо

шлемом, из-под которого теперь выглядывала только белоснежная борода.

В мир Сергея вошли легко. Мы с дедом, конечно, имеем нужный допуск каждый в своем времени. Но сейчас входить в программу под своими логинами было опасно — хроноразведка в первую очередь отслеживает инженеров противника. К тому же даже наш «высочайший уровень» не давал хода на передовую. Поэтому нас повел Сергей. Сначала вошел он, потом прописал нас изнутри как новых ботов нижнего уровня — уровень еще нужно навоевать — и впустил в программу. Война оглушила меня. Грохотом, ревом моторов, стрекотом пулеметов, криками и топотом ног.

— Что мне делать? — Сергей уже собрался и — в своей привычной боевой аватаре — подбежал ко мне, пригибаясь, и ждал приказа.

— Ищи себя и сливайся, подавляй память ранней версии. Потом отзывай ботов.

Он исчез в дыму, за пеленой которого то и дело что-то вспыхивало, как далекие зарницы.

— Катя и Коля. — Они тотчас повернули ко мне одинаковые лица. Стандартные боты. Не разберешь, кто есть кто. — Катя отстреливается, Коля на подхвате.

— А почему так? — Стало ясно, что слева Николай. Даже по безмятежному, едва просчитанному лицу рядового бота было ясно, что сын обиделся.

— Потому что Катя умеет стрелять. Я сама ее научила.

Через мгновение из тумана раздался стрекот уже нашего пулемета. Вернулся Сергей с отрядом. И тут в дело вступил дед. Это было даже забавно. Такого драйва я не испытывала давно. Никакая игра не даст этого удовольствия — нарушать все мыслимые законы. Мы с дедом, рука об руку, как

когда-то, строили лифт. Прописывали его прямо изнутри программы.

— Помнят руки-то, помнят, — приговаривал академик, посмеиваясь. В дыму, в грохоте мы решали задачку века. Через какое-то время пришел голод. Из тумана тотчас вынырнул Сергей.

— Машута, у тебя показатели падают, — деловито сообщил он. — Хлопай рукой. Здесь.

В руке оказался бутерброд с колбасой и листом салата. Пошарив еще немного, я вытащила из реала стакан молока. В этом вся мама! Знает же, что я не переношу молоко. Но ведь полезно.

Дед не стал даже пить. Он считал и прописывал, выдергивая из плотной вязи здешней, нереальной реальности какие-то ему одному ведомые запчасти для лифта. А потом наше детище заработало.

— Давай, Машка-промокашка, канал проходи. Я-то только на полгода знаю.

Я нырнула в лифт, долго шарила рукой и пыталась заставить свои губы там, в реале, выговорить просьбу, пока мама догадалась подсунуть мне под ладонь шлем управления лифтом. Я вытащила шлем в виртуальность и, с трудом справляясь и досадуя на неуклюжесть виртуальной оболочки, затолкала голову в шлем.

Вошла.

Это всегда — как тетрис. Временные части, блоки, неровные, так не подходящие друг другу. Но потом они складываются, сливаясь в тоннель. И ты идешь в глубь прошлого. День, еще день, месяц, полтора. Потом становится труднее. Чем глубже в прошлое, тем бесформеннее блоки. За каждый день ты крутишь и крутишь хронопазл на миллион крошечных кусочков, пристраивая на место часы и сутки.

— Куда выводить, Сережа?!

Я почти кричу, не зная, в какой из реальностей меня услышат.

— На пару дней раньше нашего поражения сможешь? — говорит он откуда-то издалека.

И я вращаю, поворачиваю, соединяю бесконечные глыбы минувших дней, пробиваясь туда, где закончится мое счастливое настоящее.

В день Победы.

Буквально выпадаю из лифта, достигнув цели. И в него тотчас прыгает Сергей. За ним — пара одинаковых ботов — сын и будущая невестка. А потом — навоеванные и опытные рядовые моего мужа. Да, эту пару сотен бойцов сольет с новыми версиями в течение суток. Но на сутки у наших будут лишние руки, лишние головы. Да и пара сотен автоматов — тоже лишними не будут. Бойцы прыгают в лифт, который я удерживаю, как барашки, которых считают перед сном. Десятый пошел, сороковой пошел, сотый пошел... Наконец я устаю их считать. Кажется, что голова вот-вот взорвется. Это время, сопротивляясь моему дерзкому вмешательству, сдавливает на моем горле невидимые пальцы.

Дед подхватывает меня грубо обсчитанными руками и помогает лечь.

Я пришла в себя дома, на диване возле компьютера. В комнате — врачи и генералы. Только «часики», ни одной звезды. Хроноразведка. Для остальных последние недели изменились навсегда. В их памяти остались совсем другие события. В их жизни и молоко и золото стоят по-прежнему, а в сети Минобороны никогда не хозяйничали чужаки.

Из приглушенных голосов я поняла, что мы не только не проиграли войны — мы победили! Кто-то тихо песочил Сергея за то, что страна едва не ли-

шилась лучшего хроноинженера. Я не открывала глаз, пока все не разошлись.

— Мам, — Коля потряс меня за плечо. — Мы всех выгнали. Давай по котлетке, а? Ты же не спишь уже, я вижу.

Через пару дней к нам явился дядя Жора, судя по цветущему виду, давно не бывавший на передовой.

Говорил он долго. Дядя Жора умеет говорить долго и красиво. Пока говорил, незаметно умял все офицерские булочки, даже те, которые с повидлом. Сообщил, что Сергея за проявленный героизм повышают в звании, хотя о том, что мы сделали, «всем и каждому знать не положено». А Колю и Катю приглашают — «пока на сборы», поправился дядя, заметив мой убийственный взгляд, — в военную академию.

Понятно, я попыталась отговорить. Но сыну не хотелось расставаться с отцом, а Катерине — с пулеметом. И я отступила. В полутемную комнату со шторами поставили еще компьютер — попроще, для сборов. Кате остаться у нас не позволили родители, и девочка долго обнимала меня на крыльце, прежде чем поднять с травы свой велосипед и со звоном умчаться по улице.

А следующим утром курьер привез двойную порцию офицерского теста.

Пожалуй, правы те, кто говорит, что быть женой военного непросто. Я их понимаю. Но я люблю эту тишину. Тишину мира, которую не нарушает ничто, кроме шороха пальцев по столешнице, тихого гудения системы охлаждения машин и звонка, когда мальчик-курьер резко осаживает свой велосипед у моего крыльца.

Говорят, умная женщина не скучает в одиночестве. Пожалуй, те, кто так говорит, не совсем

правы. Но у меня есть книги. Сейчас, когда наступил мир, увольнительные Сережи и Коли не так коротки, и мы часто ходим в театр и кино. Я гуляю в парке и иногда — ведь командование в курсе моих маленьких слабостей — заглядываю к маме и деду. В полдень, когда соседи прячутся от духоты под навесами в своих садах и на улице не видно ни одного велосипеда, я сижу на крыльце и просто смотрю. Прикрываю ладонью глаза от солнца и смотрю на мирный реал, лежащий передо мной, как старая и очень добрая книга, какую читаю детям. А еще — я подписалась на новый журнал по садоводству и газету для домохозяек, и теперь старый хитрец дядя Степа дважды в неделю завтракает у нас.

Потом я закрываю за ним дверь, кладу на блюдца котлеты и иду в комнату с компьютерами, где воюют мои мужчины. Я обнимаю их, прямо там, в бою. Потому что они все равно рядом. И пока они сидят ко мне спиной — в мире будет тихо.

ЕВГЕНИЙ ШИКОВ

Я СОЖГУ ЭТОТ МИР В ПЛАМЕНИ МОЕЙ НЕНАВИСТИ

Егор проснулся и, не вставая с постели, попытался определить, что сегодня на завтрак.

— Блинчики. — Он улыбнулся. Егор любил блинчики.

На крышу дома шлепнулась дохлая птица. Под его окном всегда было много дохлятины. В особенности — голубей. Старик убирал мертвые тела

дважды в день, но, случалось, не замечал тех, что упали в малину или крыжовник, и тогда они начинали вонять.

Егор вскочил с кровати, натянул шорты, футболку и спустился вниз, где мама с испачканными в тесте руками жарила ему блинчики.

— Доброе утро! — Егор залез на стул и пододвинул к себе тарелку. — Я включу телевизор?

— Только ненадолго. С медом будешь или со сгущенкой?

— Со сгущенкой. — Егор, щелкая каналами, нашел Губку Боба. — Или с вареньем.

— Варенья нет. — Мама посмотрела на дергающихся на экране мультяшек. — Что за чушь ты смотришь? Включи новости.

— Мам...

— Включи новости. Ты же знаешь, что должен смотреть новости, а не эту белиберду.

— Ну, маам... ну можно я...

— Новости, Егор. Или выключай телевизор.

Егор взял пульт и переключил на новостной канал. Диктор говорил про какую-то очередную страну, в которой кто-то в очередной раз в кого-то стрелял.

— Когда я вырасту, — сказал Егор негромко, — я сожгу весь этот мир.

Мама улыбнулась и поцеловала его в лоб.

— Вот и умница. А пока кушай блинчики.

— Их крики, — сказал Егор, выдавливая из пакета сгущенку, — будут слышны даже на небесах.

— Это прекрасно, милый! Кушай.

— И Господь, услышав эти крики, заплачет.

Блинчики были замечательными. Солнце поднималось все выше, через открытую дверь с натянутой на ней москитной сеткой просачивался слабый ветерок. На ступеньки рядом с дверью опустилась

какая-то птичка, поводила головой — и снова взлетела в небо. Егор проводил ее взглядом.

— А еще, — сказал Егор, — я убью всех тварей земных.

— Не говори с набитым ртом, — сказала мама. — Вначале прожуй.

Егор прожевал.

— Я убью всех тварей земных, — повторил он. — Кроме собак.

Мама посмотрела на него.

— Милый, ты же знаешь — собак ты тоже сожжешь в пламени своей ненависти.

— Не хочу жечь собак, — пробурчал Егор. — В фильме у мальчика ротвейлеры были. Почему мне нельзя ротвейлера?

— Потому что у твоей сестры аллергия, — мама положила чашку в раковину и включила воду. — Ни кошек, ни собак — ничего, что бегает по дому и шерсть везде разбрасывает.

— Тогда и папа пусть не приходит, — вырвалось у Егора.

Мама обернулась к нему. На сковороде шипели блинчики.

— Такие шутки в этом доме неуместны, юноша. Твой отец столько тебе дал — и хоть бы капля благодарности в ответ.

По крыше мягко застучали мертвые птицы. Егор возил куском блинчика по сгущенке.

— Прекрати это, — сказала мама. — Игорь и так все утро их убирал.

— Я хочу собаку. Как Хатико.

— Я же сказала — нет. Твоя сестра...

Егор отодвинул от себя тарелку.

— Я и ее сожгу в пламени моей ненависти. И мне за это ничего не будет.

— Твоя сестра, юноша, сейчас изучает йогу, чтобы быть тебе хорошей женой, а ты только о себе и можешь думать.

— Не хочу я на ней жениться. У нас в классе никто на сестрах не женится.

— И сжигать мир тоже из них никто не собирается. Хочешь быть как все в твоем классе? Тогда мне нужно было пить во время беременности.

Егор молчал. В москитную сетку врезался воробей и упал вниз окровавленным комочком перьев.

— С сегодняшнего дня, — сказала мама, — вы с сестрой опять будете спать в одной постели.

— Тебе надо, ты и спи! — Егор схватил тарелку и бросил ее в телевизор. Сгущенка забрызгала лицо диктора, который не обратил на это никакого внимания и продолжал говорить про какой-то бессмысленный съезд в Германии. — Я лучше с собакой в одной постели спать буду!

— Егор! — разозлилась мама.

— Я и тебя сожгу в огне своей ненависти! И сестру, и... и даже папу! Я и его не боюсь ни капли!

— Ты для этого слишком слаб. — Мама подняла тарелку и поставила ее на стол. — Для того, чтобы все это сделать...

— Я не буду спать с сестрой! — Егор поднялся и пошел к двери. — У нее ноги всегда ледяные, и она не моргает вообще! А еще, когда я сплю, она на меня пялится!

— Егор, сядь на место! Я для кого блинчики делала?

— Я сожгу блинчики в огне моей ненависти! Я сожгу блинчики, евреев, жуков, атомные бомбы, Токио, бобовые, продавцов-консультантов, тушканчиков, ДНК, залежи плутония, свалки, сгущенку и вообще все, что захочу!

Егор выбежал на улицу, пнул ногой дохлую птицу и, засунув руки в карманы, зашагал к воротам. Старик прочесывал граблями газон. Когда Егор проходил мимо него, он почтительно склонился. Егор не обратил на это внимания и, открыв дверь, вышел на улицу.

Было жарко. Из-за соседских ворот долетал запах костра. Под ногами приятно хрустел гравий, хоть мама и говорила, что давно нужно положить в поселке асфальт, Егор был с ней не согласен. Гравий был *прикольнее*. И им можно было *кидаться*.

На дорогу выехал черный внедорожник и стал не спеша двигаться в его сторону. Рядом с мальчиком он затормозил, окно со стороны водителя опустилось.

— Здравствуйте, дядя Виталик! — поздоровался Егор.

— Привет! Мама дома? — спросил дядя Виталик. Справа от него, протянув руки к кондиционеру, сидела Лерка.

— Ага.

— А строители приезжали уже?

— Какие строители?

— Ну, на дорогу... не знаешь? Дорогу ремонтировать, где тракторы разбили.

— Не, не знаю.

— А, ну ладно тогда. — Дядя Виталик стал было закрывать окно, но Лерка вдруг открыла дверь, отстегнула ремень и спрыгнула на землю.

— Я на колонку, — сказала она. — Туда и обратно.

— А, ну ладно... — Дядя Виталик посмотрел на дочь, затем — на Егора. — Только волосы не мочите, иначе заболеете еще.

— А с чего вы взяли, что я на колонку пойду? Я, может, и не пойду на колонку. — Егор посмо-

трел на небо, нашел взглядом летящую птицу. — Мне, может, и не жарко. — Птица вдруг стала беспорядочно бить крыльями и терять высоту. — Я, может...

Лерка ударила его кулаком в плечо.

— А ну прекрати! — зашипела она.

Егор хмыкнул, развернулся и направился туда, куда шел. Сзади загудел стеклоподъемник, и вновь зашелестел под колесами гравий. Лерка догнала Егора и пристроилась рядом.

— Опять ты ночью птичий геноцид устраивал?

— А тебе-то что? — Егор принципиально на нее не смотрел. — Ты же птиц не любишь.

— Мертвых птиц я еще больше не люблю. Прекращай.

Некоторое время они шли молча.

— У меня послезавтра день рождения, — сказал Егор как бы между прочим.

— И что?

— Да ничего. Мне няня, знаешь, чего вчера сказала? Сказала, что ради моего двенадцатилетия она повесится у нас в сарае.

— Да ну? А ты чего?

— Чего... рассказал маме, и она ее уволила. Сказала: «Ишь, чего выдумала». Мы — *интеллигентная* семья. Нам слухи не нужны.

— Ясно, — сказала Лерка. — А я вчера ноготь на пальце сбила.

— Правда?

— Ага.

— Покажи!

Они остановились на дороге, и Лерка, вытащив левую ногу из шлепка, показала ему свой посиневший мизинец. Потом засунула ногу обратно в шлепок. Синий мизинец все еще было видно.

— Круто, — похвалил Егор. — Это ты обо что?

— Об ступеньку. Кровь даже была.

— Круто.

Они дошли до колонки, пару минут подождали, пока не уйдут какие-то взрослые парни с мокрыми волосами и обгоревшими спинами, и затем, тихонько ступая и оглядываясь, приблизились к железному рычагу.

— Никого? — шепотом спросила Лерка.

— Никого, — подтвердил Егор.

Он обхватил вспотевшими ладонями ручку и опустил ее вниз. В глубине что-то забулькало. По спине Егора побежал холодок — он каждый раз не был уверен, что все сработает так, как надо.

Колонка захрипела, закашлялась, и на землю толстой струей полилась густая красная жидкость.

— Кру-уто! — Лерка, замерев, смотрела на это чудо. — Так она человечья или нет?

— Не знаю... откуда мне знать? Может, это тварей земных...

Лерка протянула руку и сунула палец под струю, но сразу же отдернулась и скривилась.

— Те-еплая! — сказала она. — Фу, какая гадость!

— Ага! — гордо подтвердил Егор. — Мерзость, правда?

Они еще некоторое время наблюдали за текущей из колонки кровью, но вскоре вокруг ощутимо завоняло, и Егору пришлось уступить место у колонки Лерке, чтобы она ее «прочистила», как это у них называлось. Вначале кровь посветлела, стала светло-розовой — и продолжила светлеть до тех пор, пока из колонки вновь не пошла обычная вода. Умывшись, они двинулись обратно к домам.

— Я научился ломать позавчера, — признался вдруг Егор. — Только не говори никому, даже мама еще не знает.

— А это как? — Лерка сорвала травинку и стала ее жевать. — Я вот вчера часы разбила. Это считается?

— Не-е, не считается это. Я смотри, как умею, — Егор вытащил из кармана плеер, зажал нужную кнопку, и экран приветливо засветился.

— А теперь смотри. — Егор выпучил глаза, надул для пущего эффекта щеки — и плеер, мигнув, вырубился.

— Ого. Он теперь что, сломанный? — Лерка взяла плеер в руки и попыталась включить. Ничего не получилось. Она протянула его обратно Егору. — А не жалко? Он же дорогой.

— Не, я его потом чиню.

— Это как? — удивилась Лерка.

Егор смутился.

— Не знаю... как-то чиню... Просто меня накажут, если я вещи ломать буду... — Плеер в его руках опять загорелся, предлагая выбрать трек. — Вот! А потом — опять ломаю.

— Я думала, ты ничего хорошего делать не можешь. Ты же Антихрист.

— Не знаю... ну... это же не добро, это хитрость... чтобы никто не заметил зла, которое я делаю, правильно?

Лерка пожала плечами. Они шли по дороге, изредка пиная камешки под ногами, и смотрели по сторонам, думая о своем. На одном из каменных столбов, у ворот с цифрой 23 сидела серая кошка. Увидев проходящего мимо Егора, она выгнула спину и, раскрыв зубастый рот, зашипела. Егор нагнулся, подобрал камень и запустил им в кошку, но промазал. Серая дрянь спрыгнула во двор и вновь зашипела. Лерка, размахнувшись, ударила Егора в плечо.

— Ты чего? — спросил он, потирая ушибленное место. Лерка лупила, как надо.

— А ты чего? Зачем ты это делаешь?

— А зачем она шипит? — Егор смотрел под ноги. — Если бы не шипела, то и не кинул бы.

— Ты Антихрист, вот она и шипит.

— Ну и что, что Антихрист? Шипеть-то зачем?

— А тебе чего от этого? Шипит и шипит. Не кусается же.

— Еще бы она кусалась! Я бы тогда сжег ее в пламени своей ненависти!

— Опять ты со своей ненавистью! — Лерка ускорила шаг. — Все вы одинаковые!

— Кто одинаковые? — удивился Егор, едва за ней поспевая. — Антихристы?

Лерка фыркнула.

— Мальчики одинаковые. Только бы птичек поубивать да в кошек камнями покидаться. Еще раз так при мне сделаешь — вообще дружить с тобой перестану.

— Ну ты чего? — испугался Егор. Кроме Лерки, друзей у него не было. — Я ж это так... случайно! Я больше не буду!

— Вот и хорошо. — Лерка сбавила шаг, чтобы мальчик смог ее догнать. — Слушай, ты чего после обеда делаешь?

— Не знаю еще. Вроде бы ничего не делаю.

— У нас папа шашлыки готовит, хочешь — приходи.

— Я не знаю, — Егор пожал плечами. — Может, приду.

— А не хочешь, так не приходи! — с внезапной злобой сказала Лерка. — Очень нужно!

— Да нет, я хочу... я шашлыки люблю.

— Только чтобы без выходок своих, понял? Никаких мертвых птиц, кошек и прочего.

— Ага, понял.

— И плавки возьми. Для бассейна...

— Ага.

— Мне сегодня папа купальник купил новый, с черепами такой, фиолетовый.

— А зачем тебе купальник? — удивился Егор. — Ты ж малая еще.

— А зачем тебе трусы? Купался бы голым! Не хочешь — не приходи вообще! Тоже мне, Антихрист, гроза птиц и кошек! Ни фига не понимает, придурок, еще говорит чего-то! Сам-то не малой, а? Тебе же вообще *одиннадцать*!

— Лерка, ты чего?

Она почти бегом подбежала к воротам своего дома и распахнула дверь.

— И вообще... — она пыталась подобрать слова. — Не хочешь — не надо, понял? *Ничего* не надо!

И она хлопнула дверью. Егор посмотрел на дядю Виталика, который, стоя у ворот, поливал свою машину из шланга. Дядя Виталик, встретив его взгляд, пожал плечами.

— А черт его знает, парень. Не с той ноги встала. Вначале в магазине истерику устроила, когда купальник выбирала, потом в машине на меня наорала, когда я чуть кошку не переехал... Ты просто под горячую руку попался.

— А-а, — сказал Егор. — Понятно.

Он зашагал дальше.

Понятно ему, конечно же, ничего не было.

Обед он пропустил — ходил по поселку, сбивая палкой крапиву и лопухи, некоторое время плевал с моста в речку, а затем поднялся на небольшую горку за поселком, где недавно поставили детскую площадку. Там никого не было. Жара. Все, наверное, купаются. Егора возили один раз на водохранилище, но когда стала всплывать дохлая рыба,

а это случилось почти сразу же, пришлось ему вылезать на берег. Больше он там не купался.

Егор сел на качели и стал не спеша раскачиваться. Мимо прошла мамаша с коляской. Егор помахал им рукой, мамаша ответила тем же и пошла себе дальше. Егору стало совсем скучно. Ради развлечения он заставил червей выползти из земли наружу, где они стали извиваться под горячим солнцем, но, когда ему и это надоело, он их отпустил. Черви уползли обратно.

«Даже черви меня бросили, — подумал Егор. — Этим-то куда спешить?»

Вдруг запахло паленой шерстью. Егор обернулся.

— Привет, пап! — сказал он.

Папа, тяжело ступая, подошел к нему и сел на соседние качели. Застонало железо, заскрипели натужно веревки. Но выдержали. У папы всегда так происходило — ничего никогда не ломалось, но все и всегда страдало.

— Я разговаривал с твоей мамой, — папа оттолкнулся копытами и тоже стал раскачиваться. — Она очень за тебя переживает.

— Она мультики запрещает смотреть, — пожаловался Егор. — И говорит, что я опять с сестрой спать буду.

— С сестрой тебе спать не обязательно. По крайней мере прямо сейчас. Просто мама очень за тебя переживает, понимаешь? Хочет, чтобы ты кем-то стал в этой жизни.

— А я не хочу! — вдруг вырвалось у Егора. Он почувствовал, что вот-вот расплачется. — Не хочу я сжигать этот мир в пламени моей ненависти! Я гонщиком стать хочу!

Папа тяжело вздохнул и, прочертив копытами по песку, остановился.

— У каждого своя судьба, Егор. Ты рожден, чтобы быть Антихристом, понимаешь? Это твое предназначение. У тебя есть ответственность перед этим миром. Он давно уже ждет тебя, мир этот. Ты не можешь так просто отказаться от своей участи... Я вот тоже не могу. И сестра твоя не может. Ты ведь знаешь, как ей тяжело? Думаешь, Аглае легко с детства мертвых видеть? А ведь вокруг тебя их всегда было много...

— Я хочу стать гонщиком, — сказал Егор. — У гонщиков копыт нету. Ими на педали нажимать неудобно.

— Ну, так и не надо копыт, если не хочешь. — Папа почесал лапой за ухом. — Знаешь, я ведь тоже не всегда хотел стать тем, кем в итоге стал.

— Правда? — Егор посмотрел на папу. Тот кивнул рогатой головой. — А кем ты хотел стать?

— Богом. — Папа, улыбнувшись, поднялся на ноги. — Ладно, насчет мультиков я с мамой поговорю. Только ты ее больше не обижай, хорошо? И это, насчет птиц... — он ткнул когтем за спину Егора. Мальчик повернулся и увидел мертвую трясогузку. — Ты с этим заканчивай, хорошо? Это вредная привычка, как в носу ковыряться. Зло нужно делать с умыслом. А птиц оставь в покое.

— Хорошо, — сказал Егор. — Я больше не буду.

— Вот и молодец. Ладно, гонщик, давай лапу, — отец вытянул свою, и Егор, улыбаясь, пожал ее ладошкой. — На день рождения приду, а до этого — не могу. Дела. Ну, бывай!

И он провалился под землю. Егор, вздохнув, спустился с качелей и подошел к мертвой птице. Опустился на корточки. Птица выглядела как живая — только вот она была мертвая. Егор вдруг вспомнил сестру. Ни папа, ни мама не знали, что в прошлом году они с Аглаей, взявшись за руки, поклялись друг другу, что никогда и ни за что друг на друге не же-

нятся. Спали они с тех пор валетиком. Когда мама это увидела, то расстроилась не на шутку. Честно говоря, Аглая была не такой уж и плохой сестрой, только вот все время плакала и не моргала.

Егор взял мертвую птицу в руки. Как он может не убивать птиц, если и сам не понимает иногда, как он это делает?

Он вспомнил обещание отцу и загрустил. Птица была мертвой, и с этим ничего не поделаешь.

Хотя...

Воровато обернувшись и уверившись, что рядом никого нет, Егор накрыл птицу руками и сосредоточился.

Это должно быть не сложно. Как с плеером...

Птица вдруг забилась в его руках, и мальчик, вскрикнув, отшатнулся назад и бухнулся на песок. Птица, часто ударяя крыльями, поднялась в небо. Егор рассмеялся.

С плеером было даже *сложнее*.

Он вскочил на ноги, проследил взглядом за птицей и бросился вниз, в поселок. Ему хотелось кому-нибудь рассказать о том, что произошло, но он понимал, что родителям, конечно же, рассказывать об этом нельзя. Папа, наверное, расстроится...

Он повернул влево и понесся к Леркиному дому.

Вокруг был июль, впереди был август, и Егор надеялся, что в жизни у него еще будет много-много июлей и августов до того, как ему придется сжечь этот мир в огне своей ненависти.

«Хотя, — подумал вдруг Егор, не сбавляя шага, — если *подумать*, то чем, собственно, этот мир отличается от плеера?»

Он почувствовал запах готовящегося шашлыка и побежал быстрее.

«Купальник с черепами? — вспомнилось ему. — А ведь *действительно* круто!»

ЮЛИЯ РЫЖЕНКОВА

КОМАНДИРОВКА НА ТИТАН

Влад пришел чуть позже, к десяти. Вчера, не разгибаясь, писал разворот в номер, а начальство, хоть и звери, но не до такой степени. На подобные опоздания смотрят сквозь пальцы. Однако вместо утренней ленивой тишины в редакции было нездоровое бурление: все куда-то носились с ошалевшими лицами. Влад пожал плечами и налил кофе.

— Чудов! — воскликнула секретарша, влетая в журналистский зал. — Срочно к шефу!

— Да что тут, черт побери, происходит?! — воззвал Влад к потолку. Ответа он не ожидал, но тот неожиданно пришел из уст выпускающего редактора.

— Ты не видел еще номер? Свою статью...

Влад схватил со стола скомканную «Молнию». Встряхнул, и тонкая электронная бумага, имитирующая газетную, развернулась. Выпускающий ткнул указательным пальцем куда-то в середину.

«Первый заместитель председателя правительства Российской Федерации Сергей Рудаков на Совещании с высшими чинами Вооруженных сил России объявил, что...».

Стоп! Влад еще раз прочел эту фразу и застонал. Первой буквой в фамилии зампреда красовалась М, а не Р. Как? Как такое могло произойти?!

— Ни пуха тебе ни пера, — махнул выпускающий, и Чудов поплелся к шефу.

Робко стукнул в высокую дверь с массивными «золотыми» ручками и вошел. В кабинете уже находились все причастные.

— Чудов! Время уже десять! Почему тебя нет на

рабочем месте? Напишешь объяснительную! — рявкнул шеф.

Влад промолчал.

— Ты видел номер?! — продолжил тот, словно забыв об опоздании. — И ладно бы накосячили в фамилии, я бы объяснил Сергею Степановичу, что это техническая ошибка, но что дальше написано?! Как там... объявил о сокращении программы обеспечения жильем, которая и так выполняется лишь на сорок процентов, взамен обещал увеличить финансирование военных баз. Участники совещания приветствовали его слова бурными аплодисментами. Вероятно, они уже получили квартиры. Так, Чудов?

— Вроде бы... — пролепетал спецкор.

— Вроде бы! Прибереги свой неуместный сарказм для газеты «Полярная звезда», в которой ты в лучшем случае окажешься! Кто вообще отправил в Дом правительства этого юмориста?!

Шеф обернулся к заму по журналистике. Геннадий Анатольевич выглядел жалким, сгорбленным стариком, лакеем, испортившим выходной костюм барина. Влад таким его никогда не видел.

— Больше некого было посылать! — лепетал он. — А Чудов — он же универсал, мы его иногда и на культуру бросаем, и на политику. Вы же знаете, он один из лучших. Кого было посылать?

— А читать его кто-нибудь собирался?! Или это лишнее?

Тут забормотала корректор, что одна ее напарница в отпуске, другая заболела, и она одна вычитывала вчера четырнадцать полос. У начальника отдела тоже нашлись оправдания. В общем, крайний был он, Чудов. Полностью его косяк.

— Рудаков жаждет твоей крови. Требует уволить с «волчьим билетом», — вздохнул шеф.

Владу стало нехорошо. Это конец! Из-за одной

дурацкой опечатки! После этой истории его не возьмут даже в «Огни Зажопинска»!

— Я ему ответил, что пока не могу ничего сделать, так как ты уже улетел на Титан. Выговор я тебе, конечно, влеплю. Вам всем, — обвел шеф взглядом присутствующих. — Но, может, если ты там пересидишь какое-то время, Рудаков про тебя забудет. Спецдопуск на тебя сделали, билет переоформили. Через два часа самолет до Благовещенска, поторопись. Спускайся вниз, там тебя ждет водитель, он довезет до аэропорта.

— А... а... — Влад от удивления потерял дар речи. — И надолго мне туда?

— Не знаю. Пока я тебя не отзову. Мож, с полгода придется.

— Полгода?!

— Ты предпочитаешь увольнение? — скривил губы шеф.

— Нет, нет, конечно! Спасибо! — Чудов понял, что брякнул что-то не то.

— Все. Уйди с глаз моих. А с твоими руководителями мы еще потолкуем...

Журналист закрыл за собой тяжелую дверь. На ватных ногах доплелся до своего рабочего места, залпом выпил остывший кофе и пошел в отдел Внешней политики.

Стас Комаров сидел, как мумия, которую обещали оживить, но вероломно обманули. Белый, недвижимый, лишь опухшие красные глаза выдавали в нем живого. «Неужели он плакал?!» — обалдел Влад. Стас лелеял эту поездку полгода, так что сейчас, наверное, в полном шоке. Да только со спецпропуском его мурыжили три месяца! А Чудов получил за несколько минут, по звонку... Его в очередной раз впечатлила мощь главного редактора «Молнии».

— Стас, ты извини... я этого совсем не хотел... —

Владу нужно было лишь забрать у Комарова редакционную камеру.

— Да пошел ты, — не меняя позы, ответил внешнеполитический обозреватель.

Спецкор пошел. «На Титане от скуки напишу книгу: как нажить себе 100 врагов за один день, заменив лишь одну букву», — злился он. Стаса было жалко до соплей, но вернуть ему командировку ценой собственной карьеры он не был готов.

Мотор белой «Волги» завелся сразу, как Чудов вышел из дверей проходной. Пассажир плюхнулся на заднее кресло, и водитель нажал на газ.

— Мам, привет, меня отправляют в срочную командировку. — Влад прижал телефон к уху, тем временем упаковывая здоровенную камеру в сумку. — На Луну, с инспекцией детских оздоровительных лагерей. Как не сезон? Ну и что, что осень, самый сезон! У нас инспекция по итогам летнего заезда... в преддверии зимнего. Долго. Я не знаю, но, кажется, мы будем проверять их все. Ну на полгода может растянуться... А я что поделаю?! Мам, ты прям смешная. Сказали — проинспектировать! Как закончу, так вернусь. Телефон там не будет работать, я не знаю, смогу ли с тобой на связь выходить. Не забывай кормить кота! Да, знаю я, как ты не забываешь... Если он орет благим матом — это он не играет, а жрать хочет! Проверяй у него миску, пожалуйста. Ну все, целую, пока. Да, все будет хорошо!

Водитель оказался профи, и даже с учетом пробок в аэропорту они оказались за час до вылета. Влад подошел к ближайшей стойке, подсвеченной зеленым, то есть свободной, приложил глаз к сканеру.

— Чудов Владлен Игоревич, рейс SU 183, Москва — Благовещенск, — опознал его механический голос. — Если у вас есть багаж, поставьте его на платформу.

Багажа у Влада не было, сумку с камерой он брал с собой в салон, так что на этом процедура закончилась.

До посадки оставалось сорок пять минут, и журналист решил, что хлопнуть рюмку-другую чего-нибудь крепкого ему не помешает. А потом купить хотя бы зубную щетку и бритву. Черт его знает, что там есть на этом Титане.

Титан был самой секретной, самой закрытой российской научной лабораторией. Русским повезло: они успели первыми воткнуть в пески ледяного спутника свой флаг, хотя все предрекали, что американцы окажутся шустрее. Но еще больше повезло, когда ООН встала на сторону России и поддержала ее требование на единоличную колонизацию. Тут уже взвыли не только Штаты, но и Китай, хотя русские все сделали строго по букве и даже по духу закона «Об освоении планет, спутников и иных небесных тел», который ратифицировали все страны без исключения еще в период колонизации Луны. Так что в последние восемьдесят лет на Титан не ступала нога ни одного иностранца. Американцы уверяли весь мир, что Россия держит там мощные военные базы, на что российское правительство уклончиво отвечало, что занимается исключительно наукой, а военный контингент присутствует лишь в количестве, необходимом для защиты ученых. Но сколько его, этого необходимого количества? Об этом не знал никто.

Космический корабль не впечатлил. По сравнению с шикарными лайнерами, что курсируют между Землей и Луной, этот выглядел каким-то спартанским. И размера небольшого, и внутри все чистенько, но бедненько. Вместо привычных бара и ресторана — какая-то солдатская столовка. Да

и пассажиры... из гражданских, кажется, он один. На входе обыскали по полной программе, даже в камеру залезли, но тут грех роптать. Знал, куда летит. Его проводили до крохотной каюты, где, кроме кровати, маленькой тумбочки и нескольких крючков на стене, ничего не было.

Полет проходил тяжело и скучно. При ускорении примерно в 1,8 жэ не хотелось ни в бар, ни в ресторан. Вообще подниматься с кровати не было сил, ведь вместо обычных семидесяти Влад стал весить около ста тридцати килограммов. К счастью, до Титана лета было неделю, так что долго страдать не пришлось.

По прибытии капитан попросил «всех оставаться на своих местах» и ожидать. Влад послушно ожидал, пытаясь приноровиться к другой гравитации. Наконец, в каюту постучали, и в дверях возник... оранжевый человек. При виде него спецкор отшатнулся и тут же больно стукнулся плечом об изголовье кровати.

— Осторожней, сила тяжести здесь составляет всего одну седьмую от земной, так что аккуратней рассчитывайте свои силы, — обеспокоенно сообщил вошедший. — Не очень ушиблись?

— Нет, — потер Влад плечо. — А почему вы оранжевый? — задал он дурацкий вопрос.

— Чтобы меня не потеряли, — оранжевый улыбнулся. — На Титане очень плотная атмосфера, но вам, москвичам, будет привычно — это как постоянный серый смог в мегаполисе. Ярко-оранжевый видно издалека, поэтому скафандр нового типа — мы зовем его «перчаткой» — сделали такого цвета. Я вам такой же принес, одевайтесь.

Это действительно походило на натягивание на себя узкой резиновой перчатки. Влад долго пыхтел и кряхтел, втискиваясь в него. «Девушкам такое на-

девать привычнее, — подумал он про себя, — они каждый день на колготках тренируются».

Спецкор ступил на Титан с торжественным ожиданием, и пока они топали по бетонке к прозрачному овальному зданию космопорта, крутил головой, разглядывая барханы песка вдали и затянувшие все небо серые тучи. Весил он тут, как ребенок, но благоразумие взяло верх, и он не стал проверять, сможет ли «упрыгать».

Его встречала официальная делегация научной станции, среди которой оказалась микробиолог, что журналиста навело на некоторые размышления. Дарья Александровна Шапкина была моложе него, но черный брючный костюм, сжатые губы и сосредоточенный взгляд придавали ей «взрослости».

Владлена удивляло на Титане все. Город оказался намного больше, чем он предполагал: тут жили тридцать, а то и все сорок тысяч человек. Это не только ученые и военные, но и инженеры, рабочие разных специализаций, специалисты по гидропонике, электрики и даже парикмахеры, дворники и повара. Город состоял из куполов: старого и двух новых. С ростом населения достраивались и «районы», в которых можно находиться без скафандра. Внутри всегда поддерживалась одинаковая температура — около двадцати четырех градусов тепла и нормальное земное давление. По улицам передвигались на электромобилях; магазины, рестораны, бары, больницы и прочие заведения работали круглосуточно, поскольку ученые и военные — основные жители Титана — трудились обычно в три смены, а утро, день и ночь на спутнике, всегда затянутом серыми тучами, были понятиями умозрительными.

В первые дни Чудов осматривал город. В сопровождении группы исследователей он сделал трехчасовую вылазку на Титан, которая снилась ему

еще несколько ночей. Вместе с инженером-архитектором облазил все купола, чуть не навернувшись пару раз с высоты в тридцать метров, но чаще всего он пропадал в лаборатории у Даши. Исследователи нашли в метановых озерах жизнь — крохотные организмы, невидимые человеческому глазу, о чем Даша много и увлеченно рассказывала, забываясь, что Влад не биолог, и уходя в жуткие дебри. Он не перебивал. Просто смотрел на локоны, выбивающиеся из наспех завязанной косы, разглядывал длинные тонкие пальцы с простеньким колечком на среднем, любовался изгибом талии, шеей, когда она наклонялась к микроскопу.

В тот день он тоже сидел у Даши. Она, как обычно, работала, он, как обычно, делал вид, что собирает материал для газеты. На самом деле материала у него был целый ворох, вот только уже прошло больше двух месяцев, а от шефа ни слуху ни духу. Работает ли еще Владлен Чудов в «Молнии»? Нужен ли изданию этот материал? Впрочем, спецкор был не в обиде. Командировочные исправно капали на карточку, находиться с Дашкой было удовольствием, Титан казался прекрасным.

Тряхнуло. Еще и еще раз. Заорали сирены, затем к ним добавился вой о разгерметизации. Влад и Даша испуганно переглянулись, бросились к шкафу за скафандрами (по технике безопасности такой был в каждой комнате), рванули на улицу.

В небе шел бой. Корабли пытались сбросить на город бомбы; противокосмическая оборона сбивала их. Внизу паники не было: девяносто процентов горожан — кадровые офицеры, что делать в случае нападения знали все. Купол затрясло, по барабанным перепонкам ударило: редкие бомбы все же достигали цели.

У здания Генштаба Влад притормозил:

— Мне же сюда нельзя! — крикнул, но Шапкина только махнула рукой. Мол, со мной можно.

Генерал уже проводил экстренное совещание:

— ...Еще около трех сотен кораблей осталось. Мы выяснили, что там не только Великобритания и США, но и Австралия. Связи с Землей все еще нет, мы постоянно пытаемся ее наладить, но они глушат, так что мы не знаем, что происходит. То ли они объявили войну России, то ли просто молча напали на нас, и Москва еще не знает об этом.

Влад вдруг мгновенно взмок. «Это война! Это война!» — крутилось в голове. Сквозь панику пробивались инстинкты журналиста: это же эксклюзив! Кроме него, тут ни одного корреспондента. Если выживет и выберется — добудет сенсацию. Если...

Через два часа появились новости: атака отбита, вражеские корабли зависли над Титаном вне досягаемости российских орудий и ждут. Старый купол и один из новых устояли, в другом несколько пробоин, на ремонт которых нужна неделя. Глава города сообщил о сотне убитых и задохнувшихся азотно-метановой смесью, ворвавшейся под купол, и тысяче раненых.

— Это только предварительная информация, — скрипнул он зубами. — Думаю, жертв больше. У нас целое крыло института молекулярной физики сложилось.

— Есть связь с Землей! — В зал влетел худенький радист, похожий на птенца.

На большом экране возникло знакомое лицо первого заместителя председателя правительства Российской Федерации Сергея Рудакова. Чудов похолодел и вжался в кресло.

Звук шел с помехами, изображение тоже иногда пропадало, но в целом можно было понять, что он говорит. Вот только Влад не понимал...

— Запускаем программу БНС, — приказал Рудаков.

— Сергей Степанович, но тесты еще не закончились, — возразил профессор Хамсин, глава института микробиологии.

— Это приказ!

Чудов смотрел на лица присутствующих и чувствовал, что происходит что-то очень важное. Но что за программа БНС?

— Сергей Степанович, но последствия могут быть непредсказуемыми!

— Вы в курсе, что сейчас транслируют США по всему миру?

Влад обратил внимание, что у Рудакова трясутся руки, а сам он какого-то землистого цвета.

— Нет, нас бомбят и глушат. Мы еле смогли прорваться к вам по спецсвязи.

— Смотрите, — и первый зампред махнул куда-то рукой, после чего пошел выпуск новостей.

Показывали обеспокоенное лицо президента США, он делал доклад на Совете Безопасности ООН. Ссылаясь на какие-то резолюции и разведданные с Титана, уверял, что Россия на спутнике занимается подготовкой к бактериологической войне. Якобы в озерах спутника Сатурна найдены такие бактерии, которые, если их запустить на Землю, убьют все живое. Русские ученые научились их контролировать и готовят вторжение. Именно поэтому, дабы предотвратить мировую войну, США в коалиции с Великобританией и Австралией нанесли упреждающие точечные удары по военным базам и складам с бактериологическим оружием на Титане.

Картинка сменилась, и на экране возник Титан, висящие над ним корабли и дымящиеся разрушенные ангары на поверхности. Ведущая объявила, что, по официальной информации от правитель-

ства США, ни один мирный житель при операции не пострадал, однако коалиция полагает, что они уничтожили не все базы с оружием. В связи с этим, а также чтобы избежать ненужных жертв, она предлагает России в трехдневный срок открыть доступ ко всем своим лабораториям спецкомиссии ООН, чтобы та провела независимую экспертизу. В противном случае коалиции придется полностью уничтожить все российские базы на Титане.

Новостной ролик закончился, и Влад вновь увидел уставшего Рудакова.

— Вы понимаете, что у нас нет выхода? Бактерии есть? Есть. А как доказать, что они не для убийства? Только раскрыть проект БНС. В противном случае одним Титаном дело не ограничится. Если вас разнесут, то это означает войну и на Земле. Мы вынуждены рискнуть.

Все в зале молчали. Ситуация была патовая. Окончательное решение мог принять только один человек: руководитель проекта БНС профессор Хамсин, и десятки взглядов обратились к нему.

— Пойду запускать истребители, — прохрипел он и будто сразу постарел лет на десять.

— Спасибо, Виктор Семенович, — кивнул Рудаков. После чего посмотрел прямо на Чудова: — Я знаю, у вас там гостит журналист «Молнии».

Влада вновь бросило в жар.

— Нужно организовать трансляцию на весь мир того, что происходит на самом деле. Показать разрушенные дома, убитых мирных жителей и, самое главное, проект БНС в действии.

Головы всех присутствующих повернулись к Чудову.

— Я... я готов, — выдавил спецкор, — только как передавать информацию, если нас глушат?

— Думаю, генерал выделит вам один корабль, чтобы прорваться через осадное кольцо. А, генерал?

— Так точно!

Неожиданно Даша встала и сделала шаг вперед:

— Можно я пойду с ним?

— Ну вот и решили, — устало ответил первый зампред, уже не глядя на них.

— Боже, Дашка, объясни мне, что это за проект БНС, что тут вообще происходит и зачем ты вызвалась в это пекло?! — взвился Влад, когда они наконец вышли на улицу.

— Скоро сам все увидишь, — отмахнулась она. — Иди пока снимай пострадавших, а мне надо к Хамсину.

И убежала до того, как Влад раскрыл рот, чтобы возмутиться.

Чудов забрал из номера камеру и занялся работой. Так он меньше думал о том, что ему предстоит прорвать осаду трехсот военных кораблей. Даже мегаэксклюзивное вещание на весь мир не грело душу спецкора. Он бы сейчас с удовольствием поменялся с любым журналистом, пусть тот заберет всю славу, лишь бы ему, Владу, не надо было становиться мишенью для вооруженных сил коалиции. Сигнал ведь засекут довольно быстро...

Он как раз закончил со съемками в больнице, как его вызвали в ангар. Со смесью страха и любопытства прошел в огромные ворота... и замер. В ангаре хранились застывшие капли мощи. Влад никогда не видел столько космических истребителей: серебристые, блестящие, от них шел запах железа, машинного масла и чего-то сладкого. Он прокрутил в голове все знакомые модели, но не опознал ни одну. Неужели и это тоже новая российская разработка?

— Владик! — замахала Даша. — Иди сюда!

Она схватила его за рукав и втащила то ли в лабораторию, то ли в медсанчасть.

Пока медсестра вводила Шапкиной в вену инъекцию, микробиолог рассказывала об уникальных местных бактериях, которые могут входить в симбиоз с человеком, от чего тот приобретает совершенно фантастическую способность.

— БНС расшифровывается как бактериологическая нейронная связь, и пока человек в такой связи, он может входить в симбиоз с различной техникой. У нас сейчас пятьсот симбионтов, которые могут быть единым целым с космическим кораблем. И то, что творит такой корабль, — это за гранью реальности!

— И что, можно войти в симбиоз с тостером? — ошалел Чудов.

Даша захохотала:

— Ну, в принципе, да. Только это будет большой тостер. Симбионту надо находиться внутри.

— И ты, получается, пилот корабля?

— Мы говорим «симбионт корабля». Пилот — это ведь тот, кто стоит у штурвала, а значит, есть еще капитан, штурман, инженер-механик... Нам всего этого не надо. Корабль становится нашим телом. Тебе ведь не нужен пилот или штурман, чтобы дойти от дома до магазина? Ну а мое тело скоро будет весить несколько тонн и летать со скоростью около трех тысяч километров в секунду.

— Ну, ты готов? — Даша стояла перед ним в скафандре-перчатке, только маску еще не надела.

— Дашка... знаешь... я ужасно боюсь, что мы погибнем, — сглотнул Влад.

— Не бойся. — Она улыбнулась и провела ладонью по его волосам. — Они все даже не представляют, на что мы способны.

Чудов посмотрел в ее серые глаза, где плескался адреналин, и коснулся губами ее губ.

— Ты же пока еще не корабль? — пробормотал он.

Симбионт что-то промычала и прижалась к Владу. Он сжал ее в объятиях, целовал и не мог оторваться. Лишь тактичный кашель медсестры вернул их в реальность.

Даша взяла Влада за руку, и они побежали по ангару.

— Вот увидишь, у меня самый лучший корабль! А симбиоз — это неописуемое счастье!

— Эй, а я там выживу, при скорости в три тыщи километров в секунду? — Он не разделял ее оптимизма.

— Ты этого даже не заметишь! Ведь, по сути, ты будешь у нас внутри, ну, как в животе. И если я выживу, то и ты тоже.

«Круто», — хмуро подумал спецкор, но промолчал.

Операция начиналась через сорок минут. План был прост до примитивизма: в одно и то же время из ангара стартует пятьсот кораблей, которые за счет своей скорости и маневренности вылетают из осады и мчат прямиком к Земле. Лету им до планеты всего часов десять, так что скоро по двести кораблей нависнет над США и Великобританией, а еще сто возьмет в осаду Австралию. Дашин же корабль с Владом на борту летит первым, зависает над Титаном и транслирует происходящее. Важно было успеть рассказать обо всем до того, как чудо-корабли появятся над Землей.

В «животе» истребителя оказалось уютно: небольшое продолговатое помещение с прозрачным окном во всю «стену». В принципе, можно было снять скафандры, но оба предпочли остаться в них.

Кто знает, вдруг это спасет им жизнь. Даша села в кресло напротив окна, пристегнулась, наверное, десятью разными ремнями, зафиксировав тело и голову. Свободными остались лишь руки. Для Влада тоже нашлось кресло. Пока не объявили старт, он срочно записывал сообщение для эфира и монтировал снятое.

— Приготовься, минута до окончательного симбиоза и пять минут до старта. — Дашин голос прозвучал будто отовсюду. Чудов съежился. Кажется, он действительно сидит в животе у большого серебристого живого создания, которое уже нельзя назвать Дашей. Вся аппаратура готова, ладони вцепились в подлокотники, сердце бухает так, будто Влад сейчас бежит стометровку.

Корабль чуть вздохнул и вздрогнул. Вместе с ним вздрогнул и спецкор. Истребитель завозился, будто кит, перевалился с боку на бок и еще раз вздохнул. В это же время Чудов увидел через окно, как крыша ангара складывается, обнажая затянутое, будто смогом, небо над Титаном.

Казалось, что они всего лишь несутся в автомобиле со спецсигналом по МКАДу, как вдруг все окно заполонили звезды. Они вышли в космос за несколько секунд!

Большие, неповоротливые крейсеры коалиции выглядели грудой металлолома. Влад смотрел, как торпеды плавно поплыли в их сторону, будто деревянные лодочки, пущенные ребенком по луже. Даше не составило труда увернуться, обогнуть крейсеры и зависнуть на небольшом удалении.

— Чудов, Чудов, ты слышишь меня? Прием! Это я, Илюха! — ожил визор, и Влад очнулся — они вышли за пределы «глушилок».

— Да! Илюха! Есть связь! — заорал он. Редактор «Молнии», работающий с ним на прямых включе-

ниях, сейчас казался самым родным человеком. — Лови первую партию — вероломное нападение на мирную российскую базу на Титане, а я пошел снимать прорыв осады.

Спецкор запустил передачу данных, а сам включил камеру, к тому времени ставшую частью корабля, — Дашка постаралась. Объектив прошел обшивку насквозь, зум приблизил изображение так, будто это не камера, а телескоп. Влад никогда еще не наблюдал картинки из космоса такого качества, как снимал сейчас.

Вообще, из «живота» серебристого истребителя все виделось совсем по-другому. Оказалось, что космос не черный, в нем переливается множество цветов. Время и пространство выглядели иначе; они тоже были живыми, и даже Влад, не симбионт, это чувствовал. Он снимал, как американцы и англичане пытаются уничтожить русские корабли, как те лениво огибают торпеды, а затем просто исчезают из видимости, а сам думал: если время и пространство живые, то значит ли это, что мы с ними в симбиозе? Или это они с нами? И без них мы были бы грудой неуклюжей биомассы?

— Влад! Первая партия прошла! Есть еще что? — вновь взорвался визор криками Илюхи.

— Да! — Чудов не стал дожидаться, пока последний истребитель уйдет к Земле, снятого и так было достаточно. — Но это совсем без обработки. С колес прям.

— Пойдет. Вам еще лететь десять часов. Мы уж потратим часик и приведем это все в норму, не переживай.

— Ты уже все знаешь про проект?

— Ага. Но это пока ДСП, мне рассказали, чтоб я нормально смог подверстку сделать. Слушай... ты же сейчас в симбионте? Как оно?

— Ну-у... я не знаю, как это описать. Знаешь, мне кажется, я только сейчас понял, что весь наш мир, вся Вселенная — они живые.

— Мда. Комаров, наверное, повесится. Ведь это его командировка.

В эту секунду раздался удар, и спецкор полетел на пол. Вильнув, истребитель отпрыгнул на десяток километров. Даша застонала: торпеда повредила один из двух двигателей. Вся мощь коалиции набросилась на них, решив уничтожить хоть кого-нибудь. Торпеды летели одна за другой, Даше приходилось крутиться, но с подбитым двигателем это давалось тяжело. Чудова затошнило от страха. «Это конец», — сжал он зубы и смотрел, смотрел, не отрываясь, на шкалу передачи данных. 80%, 85%, 90%... «Давай же, давай», — держал он кулаки. Нельзя уходить, пока файл не докачается, — при скоростях симбионта ни одна связь не работает.

— Милая, держись. Осталось совсем чуть-чуть, — подбадривал Влад, хотя понимал, что им не выжить. Успеть бы докачать файл!

Истребитель вздохнул и вдруг... выплюнул торпеду. Еще и еще. Один за другим корабли коалиции вспыхивали мотыльком, попавшим в костер, а существо, бывшее девчушкой с косичками, продолжало огрызаться. Влад всем телом ощутил, как миролюбивый серебристый кит превратился в разъяренную акулу, почувствовавшую запах крови. Она, хоть и раненая, оставалась смертельно опасной для людишек, по дури загарпунивших ее. Торпеды выстреливали одна за другой, и большая их часть находила жертву.

— Все! Можно уходить! — заорал Влад, увидев заветные 100%, но Даша будто бы его не слышала. Рыча, она бросалась на очередной корабль и не

успокаивалась, пока тот не загорался смертельным огнем.

— Даша, Дашенька, милая, уходим, оставь их, — повторял Чудов, но без толку. Она превратилась в фурию. «Не это ли те самые непредсказуемые последствия, о которых говорил профессор?» — мелькнула мысль. Очутиться внутри сбрендившего живого корабля, уничтожающего все живое?

— Боже, хватит! Я этого не выдержу больше! — заорал спецкор.

И тогда флот коалиции дрогнул. Их было триста крейсеров, оснащенных самым современным и мощным оружием. Они чуть было не уничтожили российскую военную базу на Титане, укреплявшуюся восемьдесят лет. Но сейчас они бежали от одного-единственного корабля, управляемого девушкой-микробиологом, которой еще не исполнилось и тридцати лет.

Даша замерла. Серебристая акула вновь стала ленивым китом и легла на курс в направлении Земли.

Влад судорожно вздохнул. Только сейчас он заметил, что камера снимала без перерыва, но он ни словом не обмолвился об этом Илюхе, а молча отключил связь. В «Молнии» нет цензуры. В ней просто работают умные журналисты.

Он погладил обшивку корабля, и показалось, будто тот довольно заурчал.

— Даш, а может, на Титан? Там тебя починят...

Но серебристый кит безмолвствовал и плыл к Земле. Влад уже понял, что в полном симбионте его любимый микробиолог не может разговаривать, хотя все прекрасно понимает. Ей видней, что делать.

Они плыли — этот глагол Чудову казался более правильным, чем «летели» — гораздо дольше, целые сутки, и обнаружилось, что к концу путешествия

второй двигатель заработал. Чудов не стал даже гадать, как она его починила. Или правильней сказать — залечила?

Телефон зазвонил, когда они входили в плотные слои атмосферы Земли. Влад подскочил от неожиданности: совершенно отвык!

— Алле...

— Да как тебе не стыдно обманывать мать! На Луну он, значит, полетел! С инспекцией! Ох, эта твоя дурацкая журналистика все-таки научила врать собственной матери!

Влад молчал и улыбался как идиот. Господи, он дома! И тут, кажется, все как всегда.

— И не вздумай забыть обо мне, когда пойдешь в Кремль! Да, и жду тебя с девушкой вечером на ужин. Наконец-то у меня появятся внуки. Давно пора!

— Мам, что за Кремль? — смог вставить слово Влад.

— Что значит «что за Кремль»? Звезду героя вам обоим дают. Мыслимое ли дело: мой недотепа сын предотвратил мировую войну, из-за него какие-то ужасные санкции получили США, Великобритания и Австралия, а наше правительство заявило о новой программе по полету к центру галактики! Наверняка они там что-то перепутали и это все не твоя заслуга, но не вздумай отказываться от награды! Потом будет повышенная пенсия и льготы в поликлинике.

Тем временем истребитель приземлился и выдохнул. В эту секунду Даша дернулась в кресле.

— Мам, я перезвоню. — Влад отключился, не дождавшись ее согласия, и бросился к девушке. Та будто спала.

Он чертыхался и путался в ремнях, но наконец освободил ее, стянул маску и скафандр до плеч.

Сердце билось, пульс прощупывался, но Даша не приходила в сознание. Краем глаза он видел, как люди сбегаются к их кораблю, но не мог выпустить ее из объятий. Он просто ждал, леденея от страха: вдруг не очнется?

— Дашенька, ну ты уже не корабль, просыпайся, — шептал он.

— А кто я? — тихо спросила она.

— А кем хочешь быть?

— Не знаю... твои предложения?

— Могу предложить стать моей женой.

— Согласна, — улыбнулась она.

Им было плевать, что кто-то там стучит и пытается попасть внутрь. Да и «перчатки», честно говоря, уже жутко надоели. Имеют права герои Российской Федерации побыть, наконец, одни?! Влад на всякий случай отключил телефон и проверил, выключена ли камера.

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО

ВНЕ

...Тогда лабиринт коридоров оборвался, и они влетели в огромный, пыльный, заваленный рухлядью зал; прямо перед ними оказалась чья-то широкая спина, и Щек замер, изо всех сил прижимая к себе Дану.

Прямо вслед за ними в зал влетел начальник стражи в сопровождении озверелой шестерки автоматчиков; увидев широкую спину, все семеро тихо выстроились вдоль стены.

— Это кто же такой доблестный, — пробормотал Бог, не оборачиваясь, — какой же такой надежный

страж не умеет остановить и урезонить мальчика и девочку?

Автоматчики молчали. Начальник стражи вытер ладонью мокрый лоб:

— Это не девочка. Это берегиня, Господи, в нее фиг попадешь.

Бог наконец обернулся; на узком столике перед ним помещалась объемная, многоэтажная, страшно сложная игра.

Автоматчики вытянулись в струнку, а начальник стражи, наоборот, присел. Не верилось, что вся эта свора еще пять минут назад исходила жаждой убийства.

— Берегиня, — сказал Бог, оглядев Дану. — Берегиня и пастушок. — Его взгляд уперся в Щека, и тот сразу понял, отчего присел начальник стражи.

Бог вытащил из нагрудного кармана измятую пачку сигарет. Из недр захламленного зала печально и длинно пробили часы.

— Значит, так, — сказал Бог, с сожалением втягивая в себя жидкий серый дымок. — Если мальчик и берегиня все же прорвались, то следует соблюсти справедливость. Как тебя зовут, я забыл?

— Щек, — сказал Щек непослушным языком.

— Опять Щек. — Бог усмехнулся чему-то, понятному ему одному. — Хорошо. Чего ты хочешь?

— Свободы, — сказал Щек увереннее. — Я свободный человек. Я хочу наружу. А если...

Он готов был произнести сейчас самые страшные клятвы и самые нелепые угрозы, привести самые убедительные доводы в защиту своего права — однако речь его оборвали на корню.

— Да, — сказал Бог. — Очень хорошо. Может быть, ты неправильно понял, но никто не собирается тебя удерживать, Щек. Де... то есть берегиня с тобой?

Щек молчал, ошарашенный.

— С ним, — вмешался начальник стражи. — Если б не берегиня, фиг бы он ушел!

— Хорошо. — Бог снова склонился над своей игрой и осторожно перевел с позиции на позицию крохотную пульсирующую фигурку. — Идите, ради бога. Только ведь жить там, Щек, нельзя. Нечего кушать и нечем дышать, и отовсюду лезет такая-сякая гадость. Ты-то, может, и выживешь, а берегини, — он покосился на Дану, — берегини там и три дня не живут. Иди, только знай, что обратно под купол никто тебя не пустит. Иди.

Сигарета в его руке роняла красивый пушистый пепел. Начальник стражи смерил Щека торжествующим взглядом. Дана чуть слышно вздохнула и плотнее прижалась к Щековым ребрам.

Бог снова поднял голову:

— Ну что ты смотришь? Знаешь, чего мне стоит этот купол и те, кто под ним живут? Хочешь свободы — вперед. Беглец чер-ртов. Бунтарь. Повстанец. — Он скривил губы и вернулся к своей игре.

Снова стало тихо. Где-то в глубинах зала осыпался песок.

— Так, это. Вывести их? — несмело поинтересовался начальник стражи.

— Да, — резко сказал Бог. — Только дай ему бумагу и перо. Пусть напишет, что я скажу. Для очистки совести... моей.

Онемевшими пальцами Щек разгладил на колене поднесенный начальником жесткий бумажный листок. Вопросительно глянул на Бога.

— Я, такой-то такой-то. Согласен покинуть пределы купола добровольно и без принуждения. Я осознаю необратимость своего поступка и знаю, что ждет меня снаружи. Подпись. Все.

— И она пусть напишет, — предложил начальник стражи.

— Берегини по нашим законам недееспособны. — Бог вытащил следующую сигарету. — Идет с ним — пусть идет. Хоть и жаль. — И он снова глубоко затянулся.

— Я вам не верю, — сказал Щек. — Там. За куполом. Есть жизнь. Другая и... лучше.

— Очень хорошо, — отозвался Бог равнодушно. — Пойди и проверь.

Щек посмотрел на Дану — круглые синие глаза на узком лице.

— А если... — начал он, запинаясь, — если... вы мне покажете?

— Что? — удивился Бог.

— То, что... там. Чтобы я посмотрел.

Бог присвистнул:

— Надо же! Щек, ты мне либо веришь, либо нет, либо идешь, либо...

— Пусть идет, — усмехнулся начальник стражи.

— Они лгут, — тонко сказала Дана. — Купол... Не людей спасает от того, что снаружи, а то, что снаружи, спасает от людей.

— Как витиевато ты изъясняешься, де... то есть берегиня, — Бог равнодушно отвернулся к своей игре. Пробормотал, не поднимая головы: — А кто это тебе такое интересное рассказал, а?

— Разузнать? — деловито поинтересовался начальник стражи.

Дана снова вздохнула — Щек осторожно сдавил ее плечи.

— Фиг ты разузнаешь, — отозвался Бог голосом начальника стражи. После паузы добавил уже своим голосом: — Да и не надо. Зачем. Все равно.

— Там жизнь, — сказала Дана, — там небо. Желтое-желтое небо и синее солнце.

Бог фыркнул:

— Обычно бывает наоборот. Впрочем, там ничего нет ни желтого, ни синего. Ничего.

— Есть, — сказала Дана, — там деревья.

— Пожалей ее, Щек, — серьезно сказал Бог. — Не надо. Не ходи.

Люк занимал полстены — от пола до потолка.

— После того как отвалится люк, назад пути не будет, — сказал Бог. — Мне, собственно, все равно. Ну почему ты мне не веришь?!

Щек молчал и кусал губы.

Дана улыбнулась:

— Ты увидишь, Щек. Там облака.

Люк упал.

ОЛЬГА ПОГОДИНА

ПРОГРАММА ОПТИМИЗАЦИИ

Сезон дождей только начинался, и жара к полудню становилась невыносимой. Поэтому в шесть утра Ким уже был в рубке, проверял данные метеопрогноза и отчеты роботов-сборщиков. Улов был так себе, да еще ночью платформу провезло по рифу, и теперь из четырех экскаваторных ковшей, располагавшихся под днищем, сигнал готовности выдали лишь два. Придется залезать в гидрокостюм и чинить их самому.

«Какой идиот придумал оборудовать рыболовную платформу еще и экскаватором? — раздраженно думал Ким, запуская идентификатор неполадок. — Ну ладно, вертолетная площадка и впрямь нужна — мало ли как придется эвакуироваться? Но экскаваторы и бур? Сюда бы их сейчас, этих умников!»

Рабочая многофункциональная платформа с нежным названием «Ромашка» с шестью развернутыми и поднятыми сетями и впрямь напоминала гигантский механический цветок пятисот метров в диаметре. В «Прайтек» вечно пытались сэкономить, но один человек для обслуживания этакой махины, круглогодично дрейфующей в Андаманском море, не просто мало — это черт знает что! Даже по их дурацкой инструкции полагалось шесть! Когда-то, лет восемь назад, их и было шесть. А потом штат «Прайтек» начали сокращать. Их стало пять, четыре, три — пока Ким не остался на «Ромашке» в полном одиночестве. Он сто раз отправлял ходатайства, но...

— Ты идиот! — безапелляционно заявила ему по скайпу его бывшая жена Тина. — Пока поддерживаешь эту свою штуковину в рабочем состоянии, они так и будут на тебе ехать! А ты не можешь выбить даже то, что тебе положено! Мямля!

Ким согласился. По совету Тины он даже прикинулся больным: на АТЛЕ прилетел дежурный врач «Прайтек», осмотрел его, нашел здоровым и снял треть оклада за ложный вызов.

— Разве это все, чего ты хотел добиться в жизни? — выговаривала ему мать из далекого Далласа. — Рыбак! И ты для этого защищал диссертацию? Мог бы преподавать!

— Не всем это дано, — оправдывался Ким. — Человек должен быть счастлив тем, что делает, ты не находишь?

— Счастьем рот не набьешь, — едко парировала мать. Она в целом знала, что говорила: отец Кима в жизни своей не трудился в корпорациях, перебиваясь случайными заработками и протащив избранницу с маленьким ребенком по всей Юго-Восточной Азии. Ей это в конце концов опротивело, и они с Кимом уехали в Даллас сразу после развода. Но Ким,

несмотря на все усилия, так и не смог приспособиться к «цивилизованной жизни».

— Надо просто делать то, что у тебя получается лучше всего, — в сотый раз объяснял он матери. — Рано или поздно это начинает работать на тебя! Ого-го как работать!

— Это все отговорки. Ты лентяй и бесхребетник! — махала руками та.

Может быть, признавал Ким, это и впрямь всего лишь отговорки, и ему давно пора что-то кардинально поменять. Но ему нравилось одиночество, каким бы диким это ни казалось окружающим. Ему нравилось, что никто не мешает ему ходить в драных обрезанных шортах, и только в них. Открывать ножом консервные банки, жарить яичницу прямо на раскаленном от солнца люке, курить в постели — да мало ли что еще? У «Ромашки» действительно прорва функций — она опресняет воду, синтезирует вполне приличную органику, скачивает торренты, управляет банковским счетом, шьет, дезинфицирует и стирает. Шесть человек могли бы поддерживать ее в идеальном состоянии, но ему и одному кое-как основное удавалось. И потом, случись ему уволиться, куда он пойдет? Жена забрала дом, у матери новая семья. А ему не так много и надо. Пожалуй, он бы не возражал провести на «Ромашке» остаток дней, вот только наловить норму для «Прайтек» становилось все труднее.

«Неужели тебе не скучно?» — не раз спрашивали его.

«Скучно? — искренне удивлялся Ким. — У меня под ногами целый мир!»

Подводный мир Андаман его завораживал. Ким опускался под воду два-три раза в день и каждый раз возвращался с сожалением. В нарушение инструкции он часто дрейфовал на мелководье, чтобы

иметь возможность вдоволь наглядеться на косяки рыбок всех цветов радуги, грозных крапчатых мурен, изящных и смертельно опасных морских змей и прочую разнообразную живность.

За восемь лет работы на «Ромашке» Ким основательно изучил рельеф дна. У него были свои заповедные места — отловив положенную норму и сдав ее сборщикам, он на неделю-другую уплывал к маленькому подводному плато в ста милях от Симиланских островов, где покров коралловых рифов иногда поднимался к поверхности, а средняя глубина составляла метра четыре. Залитый утренним солнцем, украшенный кружевами кораллов и цветками актиний, скрывающий в себе сотни тысяч самых причудливых обитателей — то был по-настоящему его мир. Этот мир поначалу отнесся к чужаку с поверхности настороженно: Кима здорово пугали морские змеи, акулы и мурены, которые тут достигали невиданных размеров. Однако он возвращался снова и снова, пока не привык. Прочел все, что мог, о нравах морских обитателей и узнал, что слухи о кровожадности акул сильно преувеличены, а мурен человеку вообще не следует бояться.

И однажды мир начал говорить с ним. То был странный язык: жестов, символов, язык внезапных совпадений и только им, Кимом, различаемых примет.

— Ага, — бормотал Ким про себя. — Неоны. Ну-с, что вы мне сегодня скажете? Что это вы так разволновались? Акулу повстречали? Не-е, акула о вас беспокоиться не станет. Тунцы, молодые тунцы. Прожорливые, наглые, как парни из «Прайтек». Очень хорошо, малышня. Пошли-ка, дядя Ким сделает пару выстрелов из гарпуна в защиту своего желудка и мировой справедливости...

Или:

— Dascyllus Aruanus! Ах ты, моя красотка! Иди-ка к дяде Киму! Ну как, от крошек не откажемся? Эй, да ты не одна! Вот так удача! Повернись боком, дядя Ким тебя снимает... А вот в камеру лезть не надо, она несъедобная...

Вернувшись, Ким обрабатывал отснятое и грузил в Сеть на кое-как сляпанный им самим сайт «В гостях у дяди Кима». У сайта была отвратительная навигация и допотопный дизайн, но загружаемые съемки были так хороши, что количество хостов уже перевалило за миллион. Снимать обязательную плату за просмотр Киму было как-то неудобно, а потому на его счет приходили жалкие крохи от совестливых добровольцев. Зато сыпались тонны электронных писем, которые Ким, впрочем, никогда не читал. Исключением была какая-то англичанка по имени Абигайль Брекенридж, которая раз в полгода не ленилась слать ему обычные письма на пятнадцати машинописных листах, дискутируя по поводу ареала распространения Aetobatus narinari или особенностей размножения морских ежей. Ким все же стыдился не отвечать старушке.

Проглотив завтрак, Ким натянул гидрокостюм, взял камеру, набор инструментов и отправился чинить ковш.

«Кыш! — мысленно прикрикнул он на здоровенного крапчатого группера, высунувшего свою губастую морду из-за поломанного ковша. — Пшел вон!»

Группер упирался и забивался еще глубже. Судя по огромной голове, в длину он был метра два. Ким подобрался ближе и, точно пастух упирающуюся корову, смачно шлепнул рыбину по чешуйчатому боку. Группер пулей вылетел наружу и, недовольно растопырив грудные плавники, исчез.

«Дело плохо, — подумал Ким, осматривая конструкцию, — три шарнира полетели, крепежные болты сорвало. Если мне и удастся их наладить, все равно поднять ковш выше ватерлинии больше не получится. Только что и смогут грести под себя... Придется звонить в «Прайтек», чтобы прислали ремонтную бригаду».

Провозившись еще час, он поднялся на поверхность и поплелся звонить. Ким очень не любил это занятие — каждый раз, когда на экране появлялась лощеная физиономия Эдуарда, у него сразу портилось настроение. Хороших новостей Эдуард не сообщал, а недовольство работой Кима высказывал регулярно.

Вот и сейчас, едва заслышав о возникших проблемах, он сразу перевел стрелки:

— А что вы, черт побери, Самгин, вообще забыли на Май Кхао? В инструкции ясно сказано, что рабочая глубина не меньше десяти метров под килем! Знаете, как называется ваше самоуправство? Халатность, Самгин! А за халатность по административному кодексу «Прайтек» увольняют не глядя!

Ким жалко оправдывался, но Эдуард, как всегда, был неумолимо прав. Впрочем, он все же пообещал включить «Ромашку» в график облетов в следующем месяце. А потом изрек:

— Хорошо, что вы позвонили, Самгин. Я и сам собирался вас вызвать.

Ким, уже было повеселевший, снова напрягся: обычно это не сулило ничего хорошего.

— У меня для вас новость. И хорошая. Вы нужны «Прайтек», Самгин. Нет, вы не подумайте, что в этом какая-то особенная ваша заслуга. Просто вы с вашей посудиной оказались в нужное время в нужном месте.

Ким молча ждал продолжения.

— Сейчас я дам вам координаты, и вы должны тащить туда свою задницу со всей скоростью, на которую способен ваш дредноут. — Эдуард хмыкнул собственной шутке. — Наш отдел маркетинговых исследований... Ну, вы знаете, чем еще они занимаются, — разрабатывает одну очень перспективную возможность... В общем, в ста милях от Симиланских островов, по нашим данным, обнаружена последняя в мире крупная колония редчайших черных кораллов. Аккабар — вот как они называются, слыхали? Из-за редкости черные кораллы сейчас идут по ценам хороших сапфиров, а обрабатывать их куда легче. Туда были готовы ринуться сразу все, но правительство Таиланда вдруг приостановило исследования. Говорят, у их королевы на аудиенции побывала какая-то безумная баба и предложила организовать там морской заповедник. Заповедник! — Эдуард фыркнул. — В общем, конечно, никакого заповедника не будет, с королевой уже работают в нужном ключе, но пока суд да дело, надо «Олма-Тек» обойти. Однако по тайскому законодательству вести разработку в их территориальных водах могут только резиденты Таиланда. Мы уже начали регистрацию дочерней компании, но у «Олма-Тек» такая компания есть, и они нас опередят... Если вы нам не поможете.

— Я?

— Вы, Самгин! Вы — резидент Таиланда и имеете право вести лов.

Это правда. От русского папаши-хиппи Киму достались в наследство курносый нос, старая гитара, привычка к инакомыслию и тайское гражданство.

— Но у меня нет соответствующей лицензии!

— Ха! Подавайте заявку, а дальше мы вам усиление обеспечим! Это выйдет быстрее, чем регистрация фирмы! Короче, плывите туда на своей

развалине немедленно и начинайте работать! Это все равно что построить дом на ничьей земле — кто первым встал, того и тапки! — Эдуард снова засмеялся собственной шутке.

А Ким уже понимал, что иначе и быть не может: речь идет о том самом месте, которое он привык считать своим маленьким личным раем. Он ярко представил себе, как, поднимая тонны песка, взвоют лазерные буры, как десятки аквалангистов облепят дно, разнося вдребезги хрупкий безмятежный мир...

Видимо, у него было такое мрачное лицо, что Эдуард решил подсластить пилюлю.

— Не сомневайтесь, в «Прайтек» не забудут о вашем содействии. Как только мы заполучим этот кусок, я лично прослежу за вашим повышением. Во всяком случае, прозябать на этой посудине вам больше не придется. Но именно сейчас... мы не должны иметь к этому никакого официального отношения, иначе нас обвинят... хм... в промышленном шпионаже.

«Отдел маркетинга, ага».

— Но как это возможно? Я — работник «Прайтек»!

— Уже нет, — радостно улыбнулся Эдуард, — Ваш контракт истекает сегодня, и мы не станем продлевать его автоматически, как всегда делали раньше.

— Да уж, — от неожиданности Ким моргнул. Не то что бы он сильно расстроился, но все-таки...

— А «Ромашка»? Она-то ваша!

— Эта рухлядь — самая старая в компании, мы ее полностью списали еще пять лет назад. Программа оптимизации расходов. Наши бухгалтера провели ее по нормам ускоренной амортизации — как-никак, тропические условия, соль-ржавчина, туда-сюда. А списать надо было, не то технадзор с

этими «Ромашками» нас просто замучил — три инспекции в год слал, и от каждой приходилось откупаться... Нормы безопасности труда их, видите ли, не устраивали! Так что, Самгин, с вами, как видите, все чисто.

«Ах, так вот почему я пять лет ни запчастей, ни ремонтников допроситься не могу! Кто ж ремонтирует списанное оборудование! Программа оптимизации, ха! Оказывается, мы оба вышли в тираж, старушка».

— Мне надо подумать...

— Думать некогда, — решительно оборвал его Эдуард. — Плывите и начинайте бурить, Самгин, наши специалисты с вами свяжутся.

Экран погас.

— Вот так, — задумчиво глядя в потолок, сказал Ким. — Живешь себе, а потом р-раз! — жизнь в один момент откидывает коленце.

Он на всякий случай проверил координаты. Так и есть. Юный атолл, еще не достигший поверхности и обещавший через пару сотен лет стать маленьким уютным островком — прибежищем черепах, морских птиц и крабов.

Выйдя на палубу, он долго сидел, щуря глаза на ярком солнце. Море безмятежно серебрилось. Киму легко было представить, как было здесь в незапамятные времена, когда его покой нарушали только смуглые островитяне на своих утлых лодочках.

Потом он встал, отряхнул с колен вездесущий песок и улыбнулся.

— А ты знаешь, мы еще поживем, старушка! — Он ласково погладил горячую обшивку полубака и пошел сворачивать сети.

При спокойном море «Ромашка» разгонялась до двадцати узлов — отличная скорость для такой махины. Ночью на автопилоте Ким обогнул Сими-

ланские острова и к рассвету вывел « Ромашку» прямиком на подводное плоскогорье. Долго кружил вокруг своего атолла, присматривая местечко помельче, а затем полез в воду — чинить экскаваторы. На обещания Эдуарда, как он теперь понимал, не особенно стоило рассчитывать.

Экскаваторы он починил уже к вечеру, проигнорировал три разъяренных звонка и вернулся на палубу.

— Да будет свет! — сказал он сам себе, улыбаясь. Восемь прожекторов ударили в воду, распугав водных обитателей.

— Вот так. А ведь знаешь, старушка, зря я ругал твоих конструкторов! Как говорится, дай бог им здоровья!

Четыре ковша экскаваторов неохотно разогнули стальные лапы и принялись загребать песок под днище. Управляя всеми четырьмя ковшами сразу, Ким еле успевал следить за расходом энергии. Водородные двигатели «Ромашки» пели от напряжения.

В пять утра палуба приподнялась на восемь дюймов, а в восемь — на полметра. В завершение Ким опрокинул на палубу два полных ковша песка и художественно разровнял их грейдером. Потом он загрузил в «Ромашку» программу производства трех тонн тухлятины и пошел отправлять заявку.

На следующий день появился катер без опознавательных знаков. Ким наблюдал, как он опасливо обогнул его по широкой дуге и бросил якорь. Как люди на нем забегали по палубе, возбужденно размахивая руками и что-то крича. Ким курил, щурил глаза на солнце и улыбался.

К вечеру катер убрался, а количество акул несколько уменьшилось. Ким продолжал ждать. На смену акулам придут рыбы, а за ними — астроции. Эти ярко-красные с черными кольцами морские

змеи в период нереста образуют огромные ленты из тесно переплетенных змеиных тел. Ким наблюдал здесь нечто подобное пару лет назад, сразу после необычной активности акул. Должно быть, все дело в том, что после нашествия акул на остатки пиршества слетаются стайки мелких рыбешек — основная пища астроций.

На звонки Эдуарда он отвечать перестал. Астроции, как он и ожидал, появились, и подводные камеры засняли их во всей красе. Видеокартинка получилась сногсшибательной. Ким обработал данные и загрузил на свой сайт, сопроводив его коротким пояснением по существу. Он не сомневался, что маркетинговый отдел «Прайтек» получит большое удовольствие от просмотра.

Улыбчивая дама-инспектор из министерства природопользования прилетела через три дня, одновременно со вторым заходом катера «Олма-Тек», оборудованного на этот раз клеткой для защиты от акул, которая, впрочем, так и осталась не выгруженной, стоило людям с катера глянуть в воду.

Взлетную площадку Ким оставил свободной, так что инспектору не пришлось спускаться по лестнице, что было бы для гостьи в юбке затруднительным. Катер с «Олмы», увидев вертолет с логотипом министерства природопользования, пустился наутек.

— Меня зовут Ланна Тай, я инспектор министерства природопользования. — Тайка традиционно поклонилась, и Ким уважительно сложил ладони в ответ. — Ваша заявка настолько необычна, что меня откомандировали оценить вашу конструкцию на месте, — сказала она, с интересом осматриваясь. За три дня Ким не только разровнял песок по палубе, но и выложил на нем красивые узоры наподобие садов-дзен, которые ему доводилось видеть по

видео. За кормой, где ковши насыпали трехметровый вал, уже изрядно просохший, он высадил в рядок четыре пальмы из проросших кокосовых орехов и теперь с гордостью повел гостью к ним:

— Мой сад, — улыбаясь во весь рот, сообщил он ей.

— Мы, право, не знаем, как это можно рассматривать, — замялась госпожа Тай. — Стартовый взнос за регистрацию строительства гм... острова... вами уплачен, но дальше, признаюсь, мы в тупике. Искусственный остров... не знаю даже, как это классифицировать.

— Однако прошу вас засвидетельствовать в отчете, что это — остров, — невозмутимо сказал Ким. — Это искусственно созданный остров, и я намерен на нем жить.

— Да, это остров, — инспектор удивленно посмотрела на него. — Статус искусственных островов юридически закреплен. Возможно, нам стоит позаимствовать опыт Японии...

— Да, и я вам указывал, что права на использование искусственно созданной земли принадлежат ее создателям. Это международная практика.

— Но вы использовали для строительства чужой объект! — госпожа Тай топнула ногой по палубе. — «Прайтек» отобьет у вас это право с легкостью!

— Не смогут! — Ким широко улыбнулся. — Они уже пять лет как списали это имущество с баланса. А согласно морскому законодательству, человек, спасший брошенное плавсредство, может предъявить на него свои права. Имеются прецеденты — например, королевство Силэнд.

В темных глазах инспектора что-то мелькнуло. Пожалуй, ей понравился Ким и рискованная игра, которую он затеял.

— Спасибо за информацию, — невозмутимо сказала она. — Я запрошу подтверждение. А «Прайтек» должно будет заплатить штраф за нарушение порядка утилизации списываемых объектов.

— Я с удовольствием предоставлю вам их координаты. Начальника Департамента рыболовства зовут Эдуард, — любезно сказал Ким.

Дама записала что-то в свой айпад и весело прищурила карий глаз:

— Ах да, — она порылась в сумке. — Абигайль Брекенридж просила меня вам это передать. Я вижу, вы развернули тут настоящую войну, — дама фыркнула в сторону исчезнувшего катера. — Должна признаться, такого скопления астроций я давненько не видела. Они тут в радиусе пяти миль.

Ким развернул письмо. Из него выпала только фотография женщины лет тридцати пяти — сорока, с роскошной шапкой светло-русых волос и глубоким умным взглядом.

— Мисс Брекенридж проявила поразительную энергию, чтобы вас разыскать, — улыбнулась ему инспектор. — Думаю, сейчас она арендует катер и выезжает с Пхукета. Наверное, она передала это вам на тот случай, что на вашем агрегате есть еще и пушка.

— Вы что же, ее знаете? — обалдело спросил Ким.

— Конечно, — улыбнулась инспектор. — Она уже лет шесть обивает у нас пороги со своей идеей создания заповедника и научной станции «Коралловый рай». Она даже удостоилась аудиенции у королевы. Имейте в виду, она даст фору десяти «Прайтек».

— Ничего не имею против. — Ким вспомнил свои письма «британской старушке», которые вся-

кий раз начинал с вопросов о ее здоровье, и покраснел до ушей.

Госпожа Тай хмыкнула, расправила юбку и поднялась.

— Тогда мне остается пожелать вам удачи!

— Спасибо! — Ким пожал протянутую руку и пошел провожать гостью.

Когда она уже было поднялась на борт, он вдруг вскинул руку.

— Что? — крикнула она сквозь шум двигателей.

Ким приложил руку ко рту:

— И напишите письмо в «Прайтек». Пусть пересмотрят программу оптимизации.

ЮЛИЯ ЗОНИС

СЕМЕРО ИЗ СТРУЧКА

У них были имена. У них, конечно же, были имена, но Психопомп привык называть их просто: Гляциолог, Геофизик, Буровик, Водитель, Механик, Сапер, Связист. Дело тут заключалось, пожалуй, в том, что его самого никто не называл по имени и в институтских коридорах, в столовке и курилке он был известен под кличкой Психопомп, сокращенно Псих. Как и в случае пациентов, кличка обозначала профессию, но объяснялась иначе — сотрудникам трудно было выговорить его настоящее имя и фамилию.

Сегодня с утра он снова вглядывался в записи со зрительной коры Гляциолога, выведенные на экран. И снова результат был все тот же — последние двенадцать часов перед взрывом. Двенадцать часов, хотя реплики провели на Европе-8 двенадцать лет. Почему же в мозгу впавших в кому оригиналов не-

прерывно прокручивались только последние двенадцать часов? Психопомп чувствовал — если бы он нашел ответ, задача была бы решена.

С момента взрыва на Европе-8, уничтожившего семь реплик и погрузившего в кому семь человек на Земле, прошло четырнадцать месяцев. Программу «Репликатор» заморозили семь месяцев назад решением подкомитета сената по безопасности труда. Корпорация «Ай-Бионикс» теряла миллионы каждый день этих семи месяцев. И в конечном счете все сводилось к работе Психопомпа и нескольких его коллег-психиатров в правительственном институте, куда поместили впавших в кому оригиналов. Психопомп, несмотря на докторскую степень, был простым техником, считывающим данные со зрительной коры пациентов. Как правило, сигналы от этой зоны мозга у впавших в кому людей почти обнулялись, что уже само по себе настораживало.

Сняв очки — старые, еще отцовские и более чем нелепые в этом технологическом райке, — он протер усталые глаза и снова всмотрелся в экран. Белые расплывчатые пятна. Надел очки. Пятна прояснились, и из трехмерной глубины всплыла ледяная пустыня.

Она должна была быть черной. Безнадежно далекое, маленькое красное солнце системы — кружащаяся в чернильном небе звезда — не давало достаточно света. И все же в воспоминаниях или в галлюцинациях Гляциолога лед был белым. Возможно, потому, что оригинал работал только с земными и марсианскими ледниками и воспоминания реплики так странно преломились в его угасающем сознании.

Белые поля, ледяные торосы. Низкое небо над ними с намеком на синеву южных сумерек. Бесконечные звездопады — планетка находилась в зоне

соответствующей поясу Койпера, и синеву расчерчивали астероидные потоки. Горбатые полукруглые купола — лагерь «экспедиции». Черные башни двух запасных буровых установок. И воздух. Пронзительно-холодный, лишенный кислорода воздух этой ледяной планеты. Его, конечно, Психопомп не видел, но нейротехнику казалось, что он ощущает на коже морозное дыхание.

Люди не выдержали бы там и нескольких минут.

Реплики провели на Европе-8 двенадцать лет, просверливая панцирь планеты и закладывая геомагнитные бомбы, чтобы пробудить дремлющие под километровой толщей льдов вулканы. Разбуженные взрывами вулканы исторгли бы потоки тепла и магмы, создав вокруг планеты слабую пленку атмосферы и растопив льды. Они же послужили бы источниками энергии для следующей экспедиции. Водяная планета с атмосферой пригодна для терраформирования — так гласит теорема Уильямсона. Но прежде следовало превратить лед в воду. Следующими на очереди были энергостанции и кислород — этим должна была заняться вторая группа реплик, в то время как оригиналы продолжали трудиться на Земле, Марсе и других планетах «комфортной зоны». Так бы и произошло, если бы после взрыва заложенных на Европе-8 геомагнитных бомб оригиналы семерых погибших реплик не впали в кому.

Психопомп, который в свободное от работы время позволял себе довольно рискованные размышления о политике и ситуации в мире, поставил бы три против одного, что все это ловкий трюк конкурентов «Ай-Бионикс». К примеру, «Ариан Технолоджи», разрабатывавшей тяжелые скафандры и оборудование для работы на экзопланетах. Не требовалось особых познаний в рыночной инфраструк-

туре, чтобы догадаться — прогресс с репликами избавил людей от работы в экстремальных условиях. Последние двадцать лет терраформированием занимались только изделия «Ай-Бионикса», с каждым годом становившиеся все более совершенными. Кое-кто из сотрудников называл их не «репликами», а «репликантами», намекая на андроидов из старых фантастических романов. Однако различие было ключевым. Искусственный интеллект, приближенный к человеческому, создать так и не удалось, зато удалось скопировать человеческое сознание в мозг робота. Отсюда и обозначение. Оригиналы и реплики. Люди и их копии, совершенно независимые от исходного носителя сознания. Так считали вплоть до того момента, когда на Европе-8 рванули геомагнитные бомбы.

Купола жилых корпусов. Черные паучьи лапы буровых опор. Небо цвета индиго и неестественно белый лед.

— Знаешь, у эскимосов было то ли сто, то ли триста слов, обозначающих снег.

Психопомп вздрогнул и обернулся. Через спинку кресла перегнулся Лойсо Гвид, один из команды психиатров. Молодой, лет на двадцать младше нейротехника. Напористый. Амбициозный. Такие поначалу хотят покорить мир, а потом либо покоряют его, либо — что случается намного чаще — уходят из академической науки в какие-нибудь новые «Бионикс» и начинают погоню за длинным баксом.

Лойсо начал свое покорение мира с предположения, что виной всему блок «пассионарности», последняя техническая примочка производителей. Это было более чем логично. На семерке реплик блок впервые испытали в полевых условиях, хотя предварительно в течение полутора лет тестировали в лаборатории. А если быть точными (а Психопомп

предпочитал точность формулировок, за что бывшие однокурсники и нынешние сотрудники считали его педантом), сжигали, расстреливали и взрывали реплики преступников и добровольцев. Добровольцы получали за это кругленькую сумму. Преступники не получали ничего, кроме бесплатного нейроскана. Никто из подопытных, если говорить о людях, не погиб, и блок сочли достаточно безопасным, чтобы начать полевые тесты.

Эти семеро тоже были добровольцами. Теперь они покоились в стазисных гробах и все как один грезили о последних двенадцати часах перед взрывами, прогремевшими под коркой льда и навсегда изменившими облик планеты Европа-8. «Почему последние двенадцать часов?» — снова подумал нейротехник.

Только тут он заметил, что Лойсо все еще говорит.

— Триста слов для снега, неплохо. Интересно, сколько у этих, — Гвид кивнул в сторону саркофагов с пациентами, — было слов для льда?

Психопомп нахмурился. Неточность формулировок его просто убивала.

— Не у этих, а у их реплик — это раз, — сухо ответил он. — Два, не думаю, что реплики способны на словотворчество.

Лойсо ухмыльнулся, будто не замечая резкого тона, и оперся локтем о спинку кресла. Кресло провернулось на ножке, и нейротехник чуть из него не вывалился, но Гвид продолжал как ни в чем не бывало:

— Если у оригиналов и реплик одинаковые воспоминания, можно предположить, что и личность тоже одна — это раз. Два, реплики точно копируют сознание оригинала, а отчего бы нашим спящим

красавицам не иметь склонности к словотворчеству?

Психопомп поморщился — не из-за кресла, а из-за неуважения к почти покойникам. Отец, светлая ему память, всегда говорил: «О мертвых либо хорошо, либо ничего». А эти были практически мертвы — ведь нельзя считать жизнью ледяную пустыню, застывшую у них под веками.

— Вы мне мешаете, Лойсо, — мягко, но настойчиво произнес нейротехник. — Я пытаюсь просматривать записи.

Молодой ученый фыркнул и, запихнув руки в карманы халата, комически пожал плечами.

— Просматривай не просматривай, ничего нового не увидишь, друг мой Псих. Я сам чуть не сломал глаза об эти торосы. Говорю — все дело в блоке «пассионарности». Надо снять его с новых моделей, и все будет тип-топ, как раньше. Вообще, если подумать, дурная затея. Глупая и жестокая.

Психопомп склонил голову к плечу.

— Жестокая? Что вы называете жестоким?

Лойсо придвинул соседнее кресло и плюхнулся в него, вытянув длинные ноги. На ногах у него были грязные стоптанные кеды, и нейротехник снова поморщился — им всем полагалось носить пластиковые бахилы поверх обуви для соблюдения стерильности в больничном блоке.

— Жестокой, — повторил Лойсо, щуря наглые выпуклые глаза, — я называю всю эту хохму с самопожертвованием во благо и для. Ведь как было раньше — отправят команду реплик, внушив им, что они вкалывают за большие деньги, чтобы до старости семью обеспечить. Или что срок отбывают таким способом. И все ясно и понятно, вопросов нет, а сейчас у бедняг от всех этих морально-этических установок просто крышу сносит.

Психопомп поджал тонкие губы. Игры с мозгами, затеянные «Бионикса́ми», внушали ему откровенное отвращение. Якобы репликам ни в коем случае нельзя было узнать, что они реплики, иначе матрица сознания отторгалась и сложнейший механизм превращался в тупой, ни на что не пригодный, бесцельно топчущийся на месте кусок углепластика. Как кудесникам из «Ай-Бионикс» удавалось проделать этот фокус, нейротехник в упор не понимал. По замыслу, существо, которое не нуждается ни в еде, ни в дыхании, может пережить температуру, близкую к абсолютному нулю, давление в десятки атмосфер и поднимать несколько тонн груза, должно было заподозрить, что в нем что-то не так. Что, возможно, оно не совсем тот Джон Смит, который лег в нейросканер на стандартное медобследование. Тем не менее трюк работал. Реплики искренне верили, что они живые, настоящие люди.

Живым и настоящим людям неприятно умирать.

Им неприятно даже просто торчать на замерзшей планете двенадцать лет вдали от семьи и дома.

И когда за ними не прилетает обещанный челнок — а челнок не прилетал никогда, слишком дороги были межзвездные транспортировки, — их охватывает такое бесконечное и черное отчаяние, что они способны на самые неожиданные поступки.

Многие реплики пытались в последние часы — или недели, или месяцы, или годы, зависит от того, где именно их бросили — покончить с собой. Многие портили ценное оборудование, совершали диверсии. Несколько лет назад произошел громкий скандал. Трое реплик как-то ухитрились переоборудовать посадочную капсулу, совершенно не предназначенную для орбитальных полетов, и выйти на орбиту. Там они дождались корабля следующей экспедиции и захватили его. Если бы не мужественный

поступок связиста (реплики, разумеется), успевшего известить флот, дело могло бы закончиться весьма печально. Опять в прессе появились упоминания репликантов, войны машин, терминаторов и прочих замшелых фантазий человечества. Кажется, тогда подкомитет по безопасности труда, купленный-перекупленный «Ариан Технолоджи» и их коллегами, впервые поднял вопрос о закрытии «Ай-Бионикс» и о заморозке их разработок.

Ответом «Биониксов» стал блок «пассионарности». Реплики, которым вшивали этот блок, рады были умереть за счастье человечества и всегда готовы пожертвовать собой ради высших целей. По крайней мере, так утверждали пиарщики «Бионикса». Психопомп позволил себе чуть заметно усмехнуться, вспомнив один из их рекламных роликов.

Девчонка лет двенадцати, конопатая, вихрастая, по виду — чистый кошмар родителей, забирается в кабину отцовского мусоровоза. Машина, яростно фырча и завывая, несется прямиком к обрыву. Навстречу мусоровозу выскакивает один из бионикс-овских «пассионариев», упирается руками в бампер и останавливает грузовик на самом краю пропасти. Девчонка выскакивает из кабины в слезах и соплях, откуда-то с заднего плана набегает нерадивый отец, а спаситель, все же не удержавшийся на краю, медленно, со счастливой улыбкой валится вниз.

Ролик быстро убрали из сети, признав педагогически некорректным и даже вредным для подрастающего поколения. Но осадочек остался.

И остался вопрос. Ладно, допустим, всему виной блок «пассионарности», неведомо почему заставивший мозг оригиналов вспыхнуть и сгореть в ту же секунду, когда огонь проснувшихся вулканов, или взрывная волна, или острые осколки льда уничтожили их реплик. Точнее Психопомп сказать не мог,

потому что последние полчаса из тех проклятых двенадцати все никак не удавалось восстановить, а именно это он пытался сделать последние два месяца. Четкая картинка сменялась помехами, яркими вспышками, и, наконец, все заливал ослепительный свет, еще более белый, чем невозможная белизна бессолнечной планеты. Именно это медленно, но верно убивало зрение нейротехника, вплоть до того, что пришлось вытащить из комода старые отцовские очки.

Итак, пусть во всем виноват блок. Но как прошел сигнал?

Основное свойство реплик — независимость их сознания от сознания оригинала. И даже если предположить, что некая мистическая электромагнитная связь между разумами-двойниками существует, это не могла быть она. Для того чтобы электромагнитный сигнал с Европы-8 достиг Земли и Марса (а именно там на момент взрыва находились оригиналы), потребовалось бы одиннадцать лет. Но люди, те, кого Психопомп называл Гляциологом, Геофизиком, Буровиком, Водителем, Механиком, Сапером и Связистом, рухнули как подкошенные в ту самую секунду, когда на Европе-8 прогремел тщательно запланированный и безупречно произведенный взрыв.

Остались их матери, отцы, жены, дети. Незавершенные дела. Неосуществленные планы. Несбывшиеся мечты и неудовлетворенные амбиции. Все, как и у других умерших, за одним исключением — ледяная пустыня под веками, а точнее, в экстрастриарной зоне зрительной коры. Психопомп снова снял очки, протер их полой халата и устало прикрыл глаза. Как бы ни кипел энтузиазмом молодой психиатр Лойсо Гвид, ничего не было понятно.

По воскресеньям они с матерью ходили в церковь, а потом на маленькое кладбище за церковью —

навестить могилу отца. Отец был убежденным католиком. Мать посещала службу скорее по привычке, а сын — из уважения к матери. Не прислушиваясь к словам ксендза, он, сощурив больные глаза, смотрел, как косые солнечные лучи расщепляются в витражных окнах. По каменным плитам пола скользили цветные пятна. Святая на витраже смотрела снизу вверх на высокого старца с посохом. И статуи, конечно, здесь были барельефы и статуи. Святое семейство. Снятие с креста. И дальше, там, за кафедрой и спиной ксендза, мраморное распятие.

Тот, кого в институте знали под кличкой Психопомп, смотрел на распятого человека и думал о жертвенности. О том, что этот вот тоже пожертвовал всем ради высоких идеалов, если говорить языком Лойсо. Мелькнула шальная мысль: а вдруг и он был репликой с вшитым блоком «пассионарности»? Мелькнула, окрасив щеки стыдливым румянцем, заставив неловко переступить на месте и покоситься сначала на мать, а затем на ксендза. В отличие от родителей нейротехник не верил в Бога, и все же мысль была настолько кощунственной, что невольно казалось — услышит и накажет. Детский страх наказания, который трудно изжить и во взрослые годы.

После службы они с матерью вышли на солнечный порог, миновали цветочные клумбы с рыжими флоксами и золотистыми тысячелистниками и зашагали по тихой аллее. Ветер шевелил листья рябин. Ягоды уже начинали наливаться красным. По словам матери, это были не совсем такие рябины, как у них на родине. У этих ягоды крупнее и красивее, но несъедобные, а из тех можно было варить вкусное варенье.

За низкой оградкой показалась могила отца. На камне высечено имя, Вацлав Пшельский, годы жизни, и простое фото смотрело из-за стекла.

Почти вся зарплата Пшельского-младшего уходила на содержание этой могилы. Кладбища давно стали виртуальными, а освободившуюся землю заняли супермаркеты и заправки.

Мать, как всегда, всплакнула, утерла слезы платком. Поменяла воду в горшках с бессмертниками, выдернула несколько пучков проросшей у камня сорной травы. Они с отцом прожили вместе сорок лет, и самым большим горем Агнешки Пшельской было то, что ее сын до сих пор не женат и бездетен.

Когда вернулись домой, мать пошла на кухню разогревать томатный суп. Сын устроился в кресле у стола и задумался о том, как он любит мать. Она единственная называла его Яриком, единственная знала, что светлый ежик волос и серо-прозрачные глаза за стеклами очков у него от отца, а тонкий хрящеватый нос — от нее. Только она старалась вникнуть во все сыновние дела и заботы и ни разу не упрекнула за то, что он, взрослый сорокалетний мужчина, все еще сидит у нее на шее. Но дело даже не в этом. Дело не в причине, не в том, что она что-то делает или не делает, а просто сын любит мать, а мать сына — и все тут.

— О чем размышляешь?

Оказывается, перед ним уже стояла тарелка с супом. На другой тарелке лежал нарезанный хлеб, рядом белела сметана в пластиковом стакане.

— Все о своих семерых?

Ярек, доктор Ярослав Пшельский, зачерпнул сметану ложкой и улыбнулся, потому что как раз сейчас — редкий случай — он думал о чем-то другом.

— Мама, я уже слышал твои теории.

Мадам Пшельская покачала головой. Мать следила за сыном бдительно, как коршун за цыпленком, пока он не размешал сметану и не отправил ложку супа в рот. Только услышав, что суп великолепен,

как всегда, она удовлетворенно кивнула и присела на соседний стул.

— Ты зря не хочешь меня послушать, Ярик. Вам, молодым, кажется, что старики глупые...

Сын с трудом сдержал смешок — в свои сорок с лишним он и себя давно не считал молодым.

— ...а старики памятливые. Вы бежите-бежите, тут-там, тяп-ляп, все лишь бы поскорее. Много чего не замечаете. А старикам ничего уже не осталось, кроме как замечать.

— Мама, — мягко сказал нейротехник, — я не сомневаюсь в твоей наблюдательности. Но если я скажу доктору Наварре, что в семерых впавших в кому пациентах умерла душа, боюсь, это станет моим последним днем в институте.

— Говорить не надо, — упрямо гнула свое женщина, — а мать послушать не помешает. Ты помнишь дядю Джорджа, что работал с отцом?

Ярослав кивнул. Он действительно помнил Джорджа, рослого, громкого, заросшего черным волосом мужчину, наполовину ирландца, наполовину итальянца. Смесь настолько взрывная, что так просто не забудешь.

— Так вот, у дяди Джорджа был брат-близнец, Майкл. Он работал монтажником на лунной базе, какая-то там закрытая стройка. И его придавило насмерть, давно, еще до того, как ты родился. Я помню тот вечер: Джордж к нам ворвался, на нем лица не было. Упал на стул, молчит, только дышит тяжело. Отец дал ему воды. Он выпил и говорит: «Беда с Майки».

Сын пожал плечами.

— Что ж тут такого? Понятно, если брат погиб, он переживал...

— А то, — торжествующе сказала Агнешка, сверкнув черными, совсем не похожими на сыновние

глазами, — что позвонили ему только ночью. А вбежал он к нам в восемь вечера. И почувствовал еще раньше, сразу как того придавило. Близнецы потому что. У них одна душа на двоих. И эти твои реплики душу делят, потому как куда ей, душе, деваться?

Доктор Пшельский снова улыбнулся — но на сей раз уверенности в улыбке было меньше.

Когда остальные сотрудники расходились по домам и Психопомп оставался в лаборатории один, в голову начинали лезть странные мысли. Он пытался представить, как это было.

Репликам легче. Они, абсолютно уверенные в том, что прошли регулярную медицинскую проверку, отправлялись на далекие Европы, Ио и Вулканы строить лучшее будущее человечества. Но что с оригиналами? Каково это — продать свое сознание в рабство (в сексуальное рабство, непременно пошутил бы Лойсо). Это как вырвать у стоматолога зуб? Или продать отражение в зеркале? Или тень? Но человек, продавший тень или отражение, отличается от других — он не виден в зеркалах, его легко можно опознать в солнечный день. А эти? Как изменяет их заключенный с «Ай-Бионикс» контракт?

В одну из таких беспокойных ночей Психопомп залез в рабочий компьютер Гвида. Залез — сильно сказано, Лойсо никогда не прятал пароль. В сущности, он записал его на блокнотном листке и кнопкой прикрепил к стене, чтобы не забыть, потому как был чертовски рассеян. Триста названий снега явно не для Лойсо. Удивительно, что он помнил одно.

Данные медицинских и психологических тестов Психопомп пролистал быстро — он немногое мог расшифровать в этих формулах, графиках и таблицах. Но было и другое. Интервью с родственниками. Видео с камер круглосуточного наблюдения, этого недремлющего ока, ежесекундно и бдительно

следящего за каждым гражданином Земной Федерации. Видео не зарегистрировало особых отклонений, разве что Гляциолог стал реже посещать бар, Геофизик оставил свой гольф-клуб, а Сапер после многолетних неудачных попыток бросил курить. Ни экстремального спорта и травм, ни увлечения наркотиками или вирт-играми — всего того, что могло бы вызвать внезапное нарушение мозговой активности.

С родственниками интересней. Жены Гляциолога и Водителя отметили, что их мужья изменились к лучшему — стали уделять больше внимания семье. А вот супруги Механика и Сапера, наоборот, жаловались на небрежность, холодность к ним и к детям, отстраненность, черствость. Если смотреть по записям, то и в случае с Гляциологом и Водителем все было не так просто — они, несомненно, проводили с семьей больше времени, но время это тратили в основном на совместный просмотр телепередач. Ни походов на природу, ни пикников, ни школьных спектаклей, ни отдыха на венерианских курортах — всех тех маленьких радостей, которые и делают семью семьей. Так, по крайней мере, думал Психопомп, родителям которого было не до венерианских курортов. Связист, Геофизик и Буровик жили одиноко и после подписания контракта с «Ай-Бионикс» стали еще более замкнутыми.

Психопомп снова прокрутил интервью с родственниками. Холодность. Отстраненность. Черствость. Заглянув в словарь, он узнал, что синонимы к слову «черствый» — это «бесчувственный», «бессердечный» и «бездушный». Опять душа. Хоть иди в церковь и спрашивай у ксендза, что такое на самом деле эта душа. Психопомп и пошел бы, потому что привык относиться к работе тщательно и рассматривать все возможные версии, но мешал стыд:

ксендз видел его каждое воскресенье на проповеди. Несомненно, все прихожане, посещавшие церковь, отлично знали, что такое душа, и Психопомпу не хотелось казаться глупее других. Ему даже подумалось, что вопрос может оскорбить старого священника. В самом деле, что человеку, не имеющему представления о душе, делать в католическом храме?

Поэтому вместо того, чтобы донимать ксендза, он решился на рискованный шаг.

Одно дело — скопировать собственный разум в носителя, хотя бы внешне похожего на оригинал. Или погрузиться в виртуальное пространство, поддерживаемое сотнями серверов, как в случае вирт-игр. Другое — попытаться проникнуть в угасающее сознание семерых человек, в их маленькую общую вселенную, всей жизни которой — на двенадцать часов и которая может рухнуть при малейшем изменении мозговых ритмов одного из семерки.

Доктор Наварра, научный руководитель лаборатории, отнесся к затее подчиненного неодобрительно, но запрещать не стал. Ярослава Пшельского поместили в стазис-контейнер, весьма напоминавший те, в которых покоились тела пациентов. Никто, кроме Лойсо, ничего не сказал, хотя все понимали — их коллега может и не вернуться. Может навеки присоединиться к семерым в их технологически совершенных гробах. А Гвид подмигнул и, заглянув через плечо подсоединяющего электроды врача, громко прошептал:

— Псих, постарайся и вправду не стать психом.

— У вас двенадцать часов, — буркнул медик, словно Психопомп и без него не знал, сколько длится цикл.

В предплечье вонзилась игла. Мир мигнул и погас, чтобы вспыхнуть ослепительной белизной.

Он вернулся и долго не мог понять, что за лица склоняются над ним, почему так тускл свет, отчего холодно в затылке и что колет кожу черепа. Колола электродная сетка, и только эта несильная боль заставила его снова поверить в реальность собственного тела.

Потому что там, в ледяной пустыне, у него не было тела. Там он парил, как дух над водами в первый день творения. Снова рухнув в собственную плоть, он в первые минуты ощутил горькое сожаление — живому человеку не познать такой свободы.

И те семеро были там. Сейчас язык не повернулся бы назвать их привычными кличками, потому что за каждой стояло лицо. Не замершее в тупой безразличности лицо в плексигласовой гробнице стазис-контейнера, а живое человеческое лицо. Гляциолог, его звали Семеном Аркадьевичем, написал письмо жене. Он отлично знал, что письмо это никогда не достигнет адресата, и все же за три часа до взрыва написал его, опустил в железный патрон и отнес в треснувший стручок посадочной капсулы, лежавшей в воронке за лагерем.

Геофизик Ральф Фарадей ушел во льды, но вернулся перед самым взрывом, чтобы быть с товарищами.

Сержио Рамирес, Водитель, поцеловал изображение уродливого медного божка, которое носил на цепочке на шее. Носил, не снимая, все двенадцать лет.

Механика звали Вацлав, как и отца Психопомпа. Вацлав, не прикасавшийся к еде последние двенадцать лет, вдруг захотел шкубанков из картошки. Семен Аркадьевич сказал, что шкубанки отлично пошли бы под водку. Сапер Уилл Джефферсон ненадолго выбрался наружу и вернулся с пустотелым корпусом геологического зонда, заполненным ледя-

ным крошевом. Крошево растопили ультразвуковым буром, объявили водкой, и вот только стопок найти не удалось...

...Но самым поразительным было даже не это, не то, что семь реплик оказались куда более живыми, чем их оригиналы на записях камер наблюдения и в рассказах родни.

Поразительно, что они никого не проклинали. От первой секунды тех двенадцати часов до взрыва, когда стало окончательно ясно, что за ними не прилетят — потому что ближайший выход из гипера находился в двенадцати часах лета от планеты, а передатчик упрямо молчал, — и до момента, когда не сработал код дезактивации бомб и жизни им осталось всего на полчаса. Даже тогда они не заподозрили предательства и не осознали, что действительно происходит. Психопомп, парящий над ними, как некое странное небесное создание, ожидал другого. Смутно помня о блоке «пассионарности», он, как выяснилось, подсознательно ждал каких-то речей о будущем человечества, театральных жестов, ударов кулаком в грудь и восхождения на мученический алтарь. Может, виной тому шуточки Лойсо. А на самом деле семеро просто сидели в полуразобранном центральном корпусе станции и, пользуясь переговорными устройствами, вспоминали о доме. А в последние минуты вышли наружу, чтобы посмотреть, как все будет.

Лед за пределами расчищенной и ярко освещенной огнями посадочной площадки был черным.

Потом он встал дыбом. Огромные пласты льда, вздыбившиеся над горизонтом, как чешуя гигантского разгневанного ящера, изменили рисунок созвездий. Звука взрыва Психопомп уже не услышал, зато увидел, как весь лед вокруг засиял белым светом.

Нет. Наоборот. Сияние этого света навеки отпечаталось в зрительной памяти, окрасив черные льды Европы-8 в белый цвет.

— Вы плачете, Иар?

Потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить — в тех редких случаях, когда Лойсо решался произнести имя Ярослав, Яр, он безбожно его коверкал. Нейротехник сердито выдрал из предплечья иглу и протер глаза. Кто-то протянул ему очки. Стерев остатки влаги с лица, доктор Ярослав Пшельский надел очки. Все прояснилось: вот Герберт Коль, второй техник, в своем замызганном белом халате. Вот похожий на хищную птицу доктор Наварра, с немного нарочитой сединой в волосах. Вот Лойсо Гвид кривит лицо то ли в ухмылке, то ли в гримасе — не разберешь. Вот остальные. Все собрались вокруг и заботливо, встревоженно, вопросительно смотрят на него.

— Я понял, — тихо сказал Психопомп. — Доктор Гвид был прав — дело в блоке «пассионарности», но не так, как мы предполагали.

— Иар... — начал Лойсо, но Наварра оборвал его движением руки.

— И еще дело в душе, — со странной улыбкой продолжил Психопомп. — Душе нужно вместилище. В древности люди полагали, что душа обитает в сердце или в печени. В более позднее время пришли к убеждению, что ее вместилищем служит сознание. А мы его копируем. Бедная душа мечется, не зная, что ей выбрать — копию или оригинал. «Ай-Бионикс» облегчил выбор. Этот блок — идеальное вместилище для души. Они подарили репликам жертвенность. Способность пожертвовать собой ради других, ради идеи, идеала — вот, оказывается, основное свойство души, ее небесные одежды. Боюсь, я вынужден признать, что души наших семе-

рых пациентов вознеслись после того, как погибли их реплики, — а нам остались тела и эхо памяти. Памяти души, если можно так назвать...

— Иар, — настойчивей позвал Лойсо, и на сей раз Наварра его не остановил.

Психопомп вгляделся в лица сотрудников и понял, что тревога и любопытство на них сменились неловкостью. Пожалуй, так смотрел бы ксендз, явись к нему прихожанин с вопросом о природе души.

— Иар, пока ты... был там, ситуация изменилась. «Ай-Бионикс» предъявил иск «Ариан Технолоджи». Речь идет о мошенничестве в особо крупных размерах и покушении на убийство. Они нашли ключевого свидетеля, который заявил, что все это дело подстроено. В наших пациентов стреляли из нейроружей. Семеро наемников, и выстрел был согласован до секунды, чтобы это выглядело как внезапная кома после гибели реплик. А у бедняг просто вскипели мозги. Учитывая, как погибли их копии, это даже отчасти смешно...

Но Лойсо не смеялся.

— Короче, — торопливо, как-то слишком торопливо договорил он, — «Ариан Технолоджи» заплатил за то, чтобы утопить конкурента. Сейчас четверо наемников уже задержаны и дают показания. Наше исследование закрыто. Никакой связи между репликами и оригиналами на самом деле нет. Суд будет чисто формальный, представитель «Ай-Бионикс» уже заявил, что производство реплик возобновится на следующей неделе.

Психопомп потер висок. В виске начинало тихонько ныть — предвестник мигрени, последствие бессонных ночей и перенапряжения глаз.

— Подождите, — сказал он. — Как же так? Мы исключили внешнее повреждение в самом начале.

Нейроружье оставляет характерную травму. Гематомы, омертвевшие клетки, ткани — такое ни с чем не спутаешь...

— Этот проект завершен.

Холодный и раздраженный голос принадлежал Наварре. Развернувшись так резко, что полы халата взметнулись, шеф быстро зашагал к двери своего офиса. На пороге он бросил, не оборачиваясь:

— Доктор Пшельски, зайдете потом ко мне. Обсудим ваше следующее задание.

Остальные сотрудники тоже как-то быстро ретировались. Лаборатория опустела. Только Гвид задержался — плюхнулся, по своему обыкновению, в кресло и сидел, покручиваясь и закинув ногу на ногу. Он смотрел на Психопомпа. Психопомп смотрел на него. Гвид нарушил молчание первым.

— Ну что, остались мы с вами, Иар, как та принцесса на бобах.

Нейротехник прикрыл глаза. Под веками колыхалось белое свечение. «Забрали в свет», — неожиданно подумал доктор Пшельский, хотя кого и зачем забрали в свет? Как вообще можно забрать в свет, который, по сути, лишь поток фотонов?

— Лойсо, какой вы национальности? — спросил он.

Раздался смешок и быстрый ответ:

— Да, наверное, всех понемножку. А что?

Подняв тяжелые веки, Психопомп проговорил:

— Вы в это верите? Верите, что все подстроено «Ариан Технолоджи»?

Улыбка Лойсо стала совсем кривой. Крутанувшись еще раз в кресле, молодой ученый ответил:

— Я верю в то, что институт получил очень солидное пожертвование от анонимного спонсора и что меня берут ведущим психиатром в чикагский офис «Ай-Бионикс». А во что верите вы, доктор Иар Пшельски?

Психопомп молчал.

— И все-таки? Скажем, вы верите в то, что являетесь проводником душ на тот свет? Психопомп — это ведь Гермес. Он транспортировал в Аид покойничков, а самых строптивых тащил на веревке из змей. Как это вяжется с вашими теориями о душе?

Нейротехник передернул плечами. Он заговорил, поначалу неохотно, но по мере рассказа голос его становился все оживленней.

— Знаете, Лойсо, тут в последнее время в связи с этими событиями часто упоминают репликантов, терминаторов и прочее. Мне сейчас тоже вспомнился один старый фантастический рассказ. Там речь шла об Армагеддоне, решающей битве сил света и тьмы. Фантастика заключалась в том, что на стороне света люди отправили сражаться роботов — правда, с блоком «пассионарности» или без, не припомню. Воинство Господне победило, но в рай вместо людей забрали погибшие в битве машины.

Психопомп поднял голову и, глядя прямо в глаза коллеге, договорил:

— Вы спрашиваете, во что я верю? Так вот, я верю, что роботы вознесутся на небеса, а мы, Лойсо, останемся на Земле и займем их место.

ЭДУАРД ШАУРОВ

САМАЯ ВЕСЕЛАЯ ГАЙКА

Из десяти запущенных сегодня «пираний» домой вернулись только восемь. Такое случается сплошь и рядом, но я расстроился, словно потеря зондов произошла из-за моей личной некомпетентности. В полседьмого, зевая, как сытый кашалот, заявился

Паоло. Паоло предпочитает работать по личному скользящему графику, и поскольку с работой своей справляется отлично, никто против этого не возражает. Выслушав мой короткий доклад, он неопределенно пошевелил пальцами в воздухе и водрузил свое немалое тело в печально скрипнувшее кресло.

— Спокойно, студент, — пропыхтел он, — «пираньи» — материал расходный, лимиты на этот месяц пока имеются.

— И еще, похоже, пробы из двести шестнадцатого керна испорчены, — сообщил я виноватым тоном. — Наверное, мне нужно было обработать их вручную.

— Тебе нужно за гайку подержаться, — заявил Паоло. — Свободен, студент! Суши весла, в смысле, отдыхай.

Я в очередной раз ни фига не понял, но уточнять не решился.

Покинув лабораторный отсек и поднявшись на архаичном эскалаторе к верхней палубе, я пошел по пустынному тихому коридору в сторону Левиной радиорубки. Пол привычно покачивался под ногами. Никогда в жизни бы не подумал, что на ганимедской подледной гидростанции может быть так обыденно, тихо и даже скучно. А три месяца назад я на сто процентов был уверен, что мне жутко повезло. Еще бы! Выиграть единственное распределение в Дальнее Внеземелье, на станцию Модхейм! Жребий тянули всем потоком. Никогда не был везунчиком, а тут такая удача! Радость несколько омрачал тот факт, что на реверсе этой медали значилось: «два с половиной года». Но мы с Аришкой решили, что мы сильные. Ведь что такое разлука? Не более чем тренинг для настоящих чувств, цемент для серьезных отношений. Зато молодого специалиста с опытом работы на ганимедской ГИС потом будут рвать с руками и но-

гами. И вот я улетел к Юпитеру, на самую старую из подледных станций, моя девушка осталась в Антарктике, а теперь, спустя всего два месяца настоящей разлуки, я уже не так уверен в правильности своего выбора. Последнее письмо от Аришки я получил две недели назад, хотя мы договаривались писать друг другу каждые два дня. Вот и думай что хочешь.

— Оставь меня в покое! — сердито сказал впереди тихий женский голос.

Я невольно замедлил шаги и прислушался. Невнятно и сладко забормотал мужской голос.

— Прекрати, — повторила женщина.

Справа от меня тянулась «галерея героев», как ее называл Лева — два ряда физиономий именитых сотрудников Модхейма. Портрет с подписью «Рауль Мартинес» едва приметно помаргивал, словно бы сам Мартинес, похожий на пожилого Хемингуэя, подмигивал мне весело и ободряюще. Слева от меня, пятью шагами впереди, располагался отворот в боковой коридор. Непроизвольно вытягивая шею, я осторожно двинулся в ту сторону.

Они стояли почти у самого прохода: старший гидробиолог станции Гас Трэнтон и Хелена ван Дайк. Они не видели меня, увлеченные своим то ли спором, то ли ссорой, и я хотел было тихонько проскользнуть мимо, но Гас вдруг протянул белую ухоженную руку и весьма бесцеремонно схватил Хелену за задницу. Это было настолько невероятно, что я остановился. Гас Трэнтон, тихий кабинетный гриб с лицом вечного девственника, которому не хватало древних очков с толстыми маленькими стеклами, ухватил гляциолога Хелену ван Дайк за задницу! Нагло, развязно и еще черт знает как. Я обомлел. Хелена коротко размахнулась. Шлеп! Голова Гаса дернулась влево, но пальцы он разжать и не подумал. Я громко кашлянул. Трэнтон вздрог-

нул, увидел меня и быстро убрал руку. Хелена, покраснев до корней волос, упорхнула прочь, а я и Гас остались стоять в коридоре. Некоторое время мы рассматривали друг друга с интересом и некоторой неприязнью, потом Трэнтон пригладил ладонью волосы и сказал самым светским тоном:

— Вы неважно выглядите, Антон, у вас лицо сердитое. — Он секунду подумал и добавил: — Вам просто необходимо подержаться за красную гайку.

— А вам? — спросил я, тихо закипая. — Может, вам тоже необходимо за какую-нибудь гайку подержаться?

— Несомненно. — Трэнтон с готовностью махнул головой, глаза у него были масляные. — Именно за этим и иду. Был рад пообщаться.

— Взаимно, — пробормотал я.

Дурдом какой-то! Что этот тип курит?

Хелена нагнала меня почти у самой радиорубки.

— Антон, погодите. — Она поймала меня за рукав.

— Если вы об этом, — сказал я, — то обещаю никому ничего не рассказывать.

— Вы все неверно поняли. — Хелена неловко улыбнулась. — Не думайте ничего такого про Гаса.

Я кивнул. Наверное, она заметила на моем лице тень сарказма, потому что сразу добавила:

— Дело в том, что Гас занимается кое-какими исследованиями, а это, скажем так, побочный эффект.

— Да мне-то что, — пробормотал я.

Хелена испытующе заглянула мне в лицо.

— А как у вас дела, Антон? — внезапно спросила она. — Письмо от девушки не пришло?

Мысленно понося Леву самыми последними словами, я покачал головой.

— А вы подержите красную гайку, — посоветовала Хелена. — Будет легче. Ей-богу.

Вот, не хочешь доверяться трепачам, а выходит так, что доверяешься. Над Модхеймом два десятка километров метастабильного кристаллического льда, и вся связь с поверхностью Ганимеда идет исключительно через кабели подъемной шахты. Так уж здесь повелось, что кабелями, а присно и приемом-передачей неслужебной информации ведает бортинженер гидростанции Лева Симонов, он же по совместительству трепач и болтун.

С трудом сдерживая злость, я постучался в радиорубку, бывшую одновременно мастерской и Левиной каютой.

— Входите! — крикнули из-за двери.

Я вошел. Хозяин рубки сидел за раскрытым монитором.

— А! Это ты! — сказал Лева неохотно. — Садись, коли пришел.

— Кого я не люблю, так это болтунов, — сказал я, останавливаясь у него за спиной.

— Я тоже, — поддержал Лева. — Ты про что, вообще?

— Елки-палки! Тебя кто-нибудь просил трепаться про меня и Арину?

— Да я и не трепался особенно, — обиженно ответил Лева. — Ну, Тоньке обмолвился ненароком. А что ты так разволновался?

— Ничего. Мне сообщения были?

Лева грустно покачал головой:

— Нет, старик. Разве ж я бы молчал?

— Кто тебя знает, болтуна?

— Давай чуть позже подеремся, — жалобно предложил Лева, — а то мне еще заявки нужно сегодня оформить.

— Да я, собственно, про почту зашел узнать. А что за заявки?

— На гайки.

— Какие еще гайки? — удивился я.

— Тебе по сортаменту перечислить? — ехидно осведомился Лева.

— Обойдусь, — мрачно сказал я.

Уже в открытых дверях я остановился:

— Слушай, Лев, за какие гайки мне сегодня уже в третий раз советуют подержаться? Да и раньше, если вдуматься...

— А, это? — Лева пренебрежительно махнул рукой. — Не слушай местных фольклористов, лучше сходи на смотровую, развейся. Полезнее будет...

В наимерзейшем настроении я вышел из рубки. Совершенно не собираясь следовать Левиному совету, я побродил полчаса по коридорам верхней палубы и неожиданно оказался перед шлюзом на кольцевую открытую площадку, а оказавшись, подумал: «Почему бы, собственно, и нет?»

Станция Модхейм — одна из самых старых станций в Системе, здесь много чего приходится делать руками. Штурвал внутреннего люка поворачивался так неохотно, будто испытывал ко мне личную неприязнь. Четыре натужных оборота, и можно открывать внешний люк. Я поправил надутый ворот оранжевого комбинезона, потрогал рыльце кислородной маски и, чуть пригибаясь, шагнул в овальный проем.

Подледный океан Гильгамеша обрушился на мои барабанные перепонки какофонией оглушительных шорохов, плесков, тягучих вздохов. Словно гигантская мельница, медленно вращая прозрачными жерновами, без устали перемалывала миллиарды игольчатых льдинок в черную студеную жижу. Разом оробев, я сделал несколько осторожных шагов по металлическому настилу и взялся обеими руками за леера ограждения. Ледяные стены каверны Реггиса, освещенные прожекторами стан-

ции, почти вертикально уходили вверх и терялись в беспросветной морозной мгле. Черная вода, качаясь, билась о покрытые наледью антиспрединговые кольца, раскачивала блестящие борта станции, и я вместе с тоннами металла качался на зыбкой волне, которой было тесно и муторно в полукилометровой ледяной расселине. От созерцания такого количества льда у меня моментально замерзли уши и щеки, хотя я знал, что это, скорее, психологический эффект. Немного левее того места, где я стоял, метрах в пятнадцати над светящимися окнами кают верхней палубы, неподвижно висел в воздухе телескопический раструб транспортной шахты, от него тянулись вниз слабые нитки энергетических кабелей. Когда раструб пристыковывают к станции, она, наверное, становится похожа на тарелку с огромной дымовой трубой.

Я немного поглазел на черную воду, потом не спеша двинулся вдоль борта, намереваясь обогнуть станцию по кругу, и увидел стоявшего у ограждения человека. Еще один любитель вечерних прогулок. Впрочем, вечер здесь понятие вдвойне относительное. Человек, несильно размахнувшись, кинул что-то в воду, потом, обернувшись в мою сторону, церемонно склонил голову. Несмотря на кислородную маску, я узнал его почти сразу. Это был Владлен Михайлович Вершинин, директор ГИС «Модхейм», царь, бог, кумир, научный руководитель и пэр маленького коллектива, членом которого мне предстояло сделаться на ближайшие сто двадцать восемь недель. Господи! За это время можно три раза стать отцом или матерью...

Вершинин приглашающе помахал мне рукой, и я, придерживаясь за леер, пошел в его сторону.

— Здравствуйте, Владлен Михайлович.

— Здравствуйте, молодой человек, — сказал он, пожимая мне руку. — Решили взглянуть на черный нектар распутного виночерпия Ганимеда?

Я промямлил нечто утвердительное.

— Ну, как вам работа? Осваиваетесь?

Я отозвался в том плане, что вхожу в курс дела. Наши голоса звучали чуть невнятно из-за масок.

— Что ж, — сказал Вершинин. — Рад за вас, Антон. — Он сунул руку в карман, достал оттуда большую гайку, украшенную двумя мазками синей и белой краски, и задумчиво повертел ее в пальцах. — Я знаю, что работа у вас пока рутинная и скучноватая, но это ничего. Вот месяца через два у нас намечается программа с погружениями. В аквакостюме приходилось работать? — Вершинин размахнулся и кинул гайку в неспокойную зыбкую воду.

— Пару раз, — ответил я, зачарованно провожая гайку глазами.

— Ничего, поднатореете, — заверил меня директор, в его пальцах уже была другая гайка, тоже с сине-белыми пометками.

«Елки-палки, — подумал я. — И тут гайки. Что ж, все логично: Лева заказывает их на базе, гайки спускают по транспортной шахте и директор кидает их в воду».

Вторая гайка, кувыркаясь, полетела по пологой дуге. Сила тяжести на Ганимеде в три раза меньше земной, поэтому металлический шестигранник булькнулся в воду довольно далеко от борта станции. В свете прожектора я отчетливо видел водяной всплеск.

— А как настроение вообще? — Вершинин испытующе покосился на конус моей маски. — По дому не скучаете?

Похоже, стараниями Левы о проблемах Антона Сорокина на Модхейме знали теперь все, от директора до робота-уборщика.

— Последнее письмо от невесты получил две недели назад! — отрапортовал я. — Но это не смертельно, Владлен Михайлович! За борт я кидаться не стану.

Вершинин взглянул на меня удивленно:

— У вас есть невеста? Извините, не знал. А перебои с большой связью здесь иногда случаются. Не берите в голову, Антон.

— Это вы меня извините, — неловко пробормотал я, сообразив, что старик, пожалуй, действительно не в курсе. — Это мои личные дела, а тут сто советчиков, то с сочувствиями лезут, то за гайку какую-то советуют подержаться.

— За гайку подержаться можно, — одобрил Вершинин (я готов был поклясться, что он улыбается под маской). — Она красного цвета и лежит в каюткомпании в настенном буфете, слева от кофеварки. Только я бы вам не советовал этим увлекаться.

В голове моей совсем перепуталось. В это время Владлен Михайлович кинул в набегающую волну очередную гайку и продолжал как ни в чем не бывало:

— Да и не всем это подходит... Антон, а вы вообще верите в кита?

Первое правило студента: когда экзаменатор спрашивает тебя о чем-то совершенно тебе незнакомом, не спеши сознаваться в своей некомпетентности, лучше ляпнуть откровенную чушь, чем честно сказать: «Понятия не имею, о чем вы, профессор».

— Верю ли я в кита? — проговорил я с самым дебильным видом.

— Вы ведь читали монографию Карсена?

— Э-э-э... читал, — ответил я, мучительно пытаясь вспомнить, о чем писал этот Карсен, фамилия, по крайней мере, знакомая.

— Ну уж с «Искушением святого Рауля» вы наверняка знакомы, это самое популярное изложение. А еще стоит взглянуть «Введения» Ипатьева и «Феномен кита» Стрейберга, хотя в «феномене» сплошь спорные гипотезы.

— Мне вообще-то нужно идти, Владлен Михайлович, — соврал я, чувствуя, что разговор заходит в совершенно неизвестные сферы.

— Идите-идите, Антон, — Вершинин подкинул на ладони сине-белую гайку. — Не смею вас задерживать.

Я шагнул было прочь, но остановился на половине шага.

— Владлен Михайлович, а зачем вы гайки кидаете?

Вершинин на секунду задумался.

— Изучаю природу кругов на воде. Ну... и ищу кита, наверное.

В пустой кают-компании я сразу подошел к буфету и открыл архаичного вида дверцу из цветного стекла. Они лежали на второй полке, ровным коротким рядком, десять больших гаек, выкрашенных в разные цвета. Недоумевая все больше и больше, я наугад взял фиолетовую. Гайка как гайка, с царапиной на ребре. Некоторое время я вертел ее в пальцах, потом мне стало жутко скучно. Я зевнул во весь рот, без сожалений сунул гайку обратно в буфет и отправился спать. Хотя бы в конце дня на меня снизошло полное успокоение со всепоглощающей апатией, и я уснул, не успев даже додумать вечернюю мысль об Аришке.

Во сне я увидел кита, здоровенного веселого кашалота. У кита была Аришкина сумочка, и он кидал в лужу разноцветные гайки.

Проснувшись, я первым делом связался по внутренней сети с Левой, в надежде, что ночью для меня пришло сообщение. Сообщения не было, и я поплелся в лабораторию. Без всякого энтузиазма отведя смену, я еще раз позвонил Леве и поплелся в каюту, где завалился на койку, отыскал в модхеймовской информационной базе нужные книги и углубился в чтение. «Искушение святого Рауля» оказалось уж слишком беллетризованным, а вот «Введения» уже через тридцать минут заставили меня приоткрыть рот и временно отключиться от реальности.

Когда я закончил, часы показывали без четверти двенадцать. Я сел на койке, и мне захотелось сказать: «Ух!» Но говорить «ух» я не стал, а вместо этого натянул кеды и, подпрыгивая от перевозбуждения, отправился в кают-компанию. Возле навесного буфета я остановился и попытался привести свои мысли в порядок.

Жизнь наша устроена невероятно обидным образом: совершенно удивительные вещи могут благополучно пылиться в чулане цивилизации лишь только потому, что якобы не приносят материальной выгоды. Любой невероятный факт будет объявлен сказкой и забыт, если его использование нельзя поставить на рельсы массового производства. Наверное, старик Мартинес это понимал, а может, и нет, в конце концов, он был обычным бортинженером, вроде Левы Симонова. А может, он просто любил кидать гайки и играть с китами...

Я осторожно открыл стеклянную дверцу. Десять гаек лежали на полке аккуратным рядком. Я мог взять любую, но мне отчего-то было страшно. А вдруг я возьму тяжелый шестигранник в ладонь и ничего не случится? Это ведь все равно как выйти ночью в полутемную залу и увидеть там родителей, наряжающих рождественскую елку.

Я глубоко вздохнул и взял гайку с зеленой полосой.

Иней на поникшей щетке сухих травинок. Низкое сырое небо. Голые черные ветки в парковой аллее. Мертвая галка на асфальтовой дорожке и впервые осознанное, безысходно-тоскливое понимание смерти. Грусть разбегалась вокруг меня концентрическими волнами, то перехватывая горло, то превращаясь в легчайшую осеннюю дымку тумана. Мне захотелось плакать.

Кто-то крепко взял меня сзади за локоть.

— Это сильная гайка, Антон, — негромко сказал Владлен Михайлович, с улыбкой заглядывая в мои полные слез глаза. — Положите-ка лучше ее на полку и возьмите вон ту гайку с красным боком.

Я послушно положил зеленую гайку и взял в ладонь красную.

— Чувствуете пульсацию?

— Ага, — радостно сказал я, — как будто щекотка.

Мои губы сами собой разъехались в счастливую глупую улыбку.

— А от фиолетовой меня клонит в сон, — сообщил Вершинин.

— Во «Введениях» сказано про двенадцать гаек Рауля Мартинеса, — сказал я, возвращая красную гайку в буфет. — А почему тут только десять?

— Две я держу отдельно в сейфе, — серьезно объяснил Вершинин. — Одна возбуждает очень сильное сексуальное желание, а вторая сильнейшую депрессию. Чего им валяться в кают-компании?

Я с некоторой опаской поглядел на полку буфета.

— Владлен Михайлович, но ведь это же настоящая сенсация!

— Сенсации уже сорок с хвостиком лет, — Вершинин грустно улыбнулся. — К тому же очень трудно измерить то, для чего не существует шкалы.

Вот ваш друг Лева, допустим, вообще ничего от гаек не чувствует.

— Так неужели феноменом кита никто всерьез не занимается?

— Ну отчего? — Вершинин развел руками. — Я уже тридцать лет им занимаюсь, Гас Трэнтон занимается. Правда, у нас нет официально утвержденных тем, но разве это что-то меняет? Рауль Мартинес тоже не получал денег за то, что кидал гайки в воду, а кит, наверное, не получал денег за то, что иногда закидывал эти гайки обратно на Модхейм. Великие открытия, мой друг, часто базируются на невероятных случайностях. Мне вообще удивительно, как Рауль что-то заметил. Ну появилась ни с того ни с сего гайка под диваном или на кухонной плите. Кто докажет, что она не валялась там раньше? Маркировать гайки Рауль догадался далеко не сразу, и если учитывать широчайший ареал их волшебного появления, то не исключено, что некоторые из заброшенных обратно гаек благополучно исполняют свою прямую обязанность на каком-нибудь тривиальном болте.

— Вы знали Рауля Мартинеса, — догадался я. — Лично знали.

Вершинин печально кивнул:

— Я начал работать на Модхейме, когда мне было столько же, сколько тебе, а Рауль уже тогда был стар. Он умер здесь, на станции, восьмидесяти трех лет от роду, искренне полагая, что кит — его единственный настоящий друг.

— А он видел кита?

Владлен Михайлович покачал головой:

— Насколько мне известно — нет. Но кит существует. По крайней мере, три гайки из замаркированных мной вернулись на станцию. Они лежат у меня в кабинете, но эти гайки «сухие», от них не

исходит ровным счетом ничего. Может быть, все дело в Рауле, может, в ките, может, в них обоих. Может быть, кит умел играть только с Раулем, а может, это Рауль умел играть с китом. Может, эмоции Мартинеса были настолько интересны киту, что он возвращал на станцию гайки, заряженные этими эмоциями. А может, эмоции разбегаются от гаек просто потому, что их кинули...

— Наверное, это очень трудно — искать то, для чего не существует шкалы, — сказал я сочувственно.

— Нет, — Вершинин засмеялся. — Гораздо труднее ежеквартально обосновывать наряд-заказы на гайки.

Миником в моем кармане тихо завибрировал.

— Ладно, — сказал директор, покосившись на мой гудящий карман. — Пора и честь знать. Если хотите, Антон, приходите как-нибудь на обзорную. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Владлен Михайлович.

Кивнув на прощание, он вышел, а я торопливо полез в карман за миником.

— Привет, старик, — сказал с экранчика радостный Лева. — Не спишь? Тогда пляши! Тебе текстовое сообщение. Решил не тянуть до утра, так что получите и распишитесь.

Уже в своей каюте, жутко волнуясь, я открыл письмо. Сказать по правде, я был готов к чему угодно, но прочитанное послание ввергло меня в маленький шок. Почти минуту я сидел, глупо улыбаясь, а потом перечитал короткое письмо еще раз.

«Привет, милый Тошка. Знаю, что не писала больше недели. Извини. Жуткий форс-мажор. Папа выбил для меня место на ГИС «Ангара», это на Европе. Так что я лечу к тебе! Ура! Завтра буду на борту рейсового космобуса и через три недели на

Европе. Тошка! Мы увидимся в первые сентябрьские выходные! Целую тебя, твоя Аришка.

P.S. Я загодя написала тебе двенадцать голосовых посланий и, пока я буду плавать в анабиозной ванне, ты будешь получать мои письма. Чмоки».

Продолжая глупо улыбаться, я набрал Левин номер. Уже слегка заспанное лицо бортинженера возникло на экране.

— Лев, ты не спишь? — сказал я, предчувствуя взрыв негодования. — Можно будет добыть у тебя две дюжины гаек на тридцать два и немного краски?..

— Ты псих, Сорокин, — мрачно констатировал Лева. — То письма ему, то гайки, то краску. Какого хоть цвета?

— Оранжевого, — сказал я гордо.

Спустя всего сутки я сидел в своей маленькой каюте перед застеленным пленкой одноногим столиком. Самодельная кисточка в моей руке аккуратно выводила на гранях новенькой блестящей гайки оранжевые буквы: «А-р-и-ш-к-а».

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ЧЕРНАЯ ДЫРА

— По нашей парадной, — подытожил Кай, — получается светлых окон тридцать восемь и темных двадцать восемь.

— А голубых всего четыре, — огорченно произнесла Гретель. — Получается, что люди так мало телик смотрят?

— Некоторые смотрят при свете, вот их и не заметно. А вон наши окна — одно темное, одно светлое и одно голубое. Темное — наша комната, потому

что нас дома нет. Светлое — кухня, там мама ужин готовит, а голубое — мамина спальня; телевизор включен, а никого нет.

— Зато вот эти два окна, — сказала Гретель, указав на два соседних прямоугольника, — не темные, а черные. Там злой дядька сидит.

— Ага, — согласился Кай. — У него телевизора нет, и газа на кухне нет, зато посреди комнаты есть черная дыра, в которую все валится.

— Кай, а ты с дядькой здороваешься, когда на лестнице встречаешь?

— Мама велела здороваться.

— А он что?

— Идет мимо, будто меня на свете нет.

— И у меня так же. Очень скверный дядька.

— Слушай, а может, мы тихо здороваемся? Может, он не слышит? Давай в следующий раз громко-прегромко «здрасте» скажем?

— Давай. Интересно, что он тогда делать станет?

В кармане Кая громко-прегромко запел мобильник.

— Вы где запропали? — раздался мамин голос. — На улице тьма египетская, а они гуляют. Живо домой.

— Мы еще минуточку! — привычно взмолился Кай. — Мы еще окна не досчитали.

— Я вам покажу — окна. Ночь на дворе. Чтобы через три минуты дома были.

С мамой не поспоришь. Кай со вздохом поднялся со скамейки, следом поднялась и Гретель.

— Я слышала, — сказала она, — что раньше мамы по мобильнику не звонили, а высовывались в окно и кричали: «Дети, ужинать!»

— Раньше много чего было, — согласился Кай. Помолчал немного и спросил: — Как думаешь, по-

дарят мне на Новый год коньки или опять какую-нибудь ерунду?

— Не знаю. Коньки дорогие. И пряничный домик, что в кондитерской на витрине, тоже ужасно дорогой. Интересно, кому он достался в прошлом году?

— Пряников мама сама напечет. Еще вкуснее магазинных.

— Магазинный красивее. Я бы его сразу есть не стала, а сначала бы любовалась и куклам показывала.

— Эх ты, кукловодка! Пряничный домик — ерунда! Съел — и нету. А вот настоящие бегаши...

Под привычный разговор дети дошли до парадной. Лифт вызывать не стали — на третий этаж можно и пешком. Но, поднявшись на пару пролетов, остановились. Сверху спускался толстый дядька с пренеприятнейшим выражением надутого лица.

Кай и Гретель взялись за руки и громко проскандировали:

— Добрый вечер!

С тем же успехом можно было здороваться с носорогом. Дядька или не услышал, или не захотел услышать голосов. Он продолжал топать прямо на детей, так что они едва отскочили с его пути. Даже глазом не покосив на Кая и Гретель, дядька прошел мимо.

— Может, он глухой? — предположил Кай, когда внизу хлопнула входная дверь.

— И слепой тоже? — возразила Гретель. — Нетушки, это просто злой колдун, а зовут его Омбудсмен. Те, кого он заколдует, падают в черную дыру и вылезти не могут.

— Хоть бы он сам туда свалился, — сказал Кай.

Домашняя дверь на третьем этаже была приоткрыта: мама знала, что Кай и Гретель не станут

упрямиться и быстро придут домой. Прежде чем захлопнуть за собой дверь, дети оглянулись. Никого на площадке не было. Соседская дверь, вся как есть железная, недовольно кривила замочную скважину и поблескивала глазком, словно подглядывала, что рядом происходит.

Утром настало тридцать первое декабря — день особенный, потому что последний в году. Хлопот в это время куча, и все приятные. Но у Кая и Гретель день выдался свободным. Все в доме прибрано, елка куплена и наряжена, не хватает только подарков, но подарки появятся лишь после двенадцати часов, да и нарядное платьице и костюм нужно будет надеть только вечером. Получилось так, что Кай и Гретель пошли гулять, чтобы не мешать маме, которая второй день не вылезала из кухни, словно там у духовки образовалась черная дыра и мама в ней увязла. Хотя никакой дыры не было, ведь она все в себя тянет, даже запахи, а из кухни пахло праздничным обедом.

Гулять можно во дворе, одним выходить на проспект мама не разрешала, но если немножко, не отходя от дома, то это ведь не считается... А там, на углу, была замечательная вещь — елочный базар. Елки, большие и маленькие, стояли и лежали вповалку, и от каждой пахло Новым годом. Командовал всем этим великолепием дядечка, похожий на аравийского джинна.

— Здравствуйте! — сказали Кай и Гретель, а потом Гретель попросила:

— Можно мы наберем несколько веточек? Нам во дворе играть.

— Ай, девочка, — сказал аравийский джинн, — завтра эти елки ничего не будут стоить, и я повезу их выбрасывать. Зачем тебе ветки? Бери целую елку.

Елочка была маленькая и ни капли не ободранная. Кай и Гретель принесли ее во двор и воткнули в сугроб. Потом Кай сказал:

— Ты пока елку покарауль, а я сбегаю домой, принесу дождика и серпантин, чтобы наряжать.

Кай убежал, и Гретель осталась одна, без старшего брата. Оно бы и ничего, но дверь парадной заскрипела, как бы через силу, и — топ-топ! — во дворе появился злой волшебник Омбудсмен. На этот раз он не просто потопал по своим колдовским делам, а посмотрел прямо на Гретель, внимательно и нехорошо. Глаза у Омбудсмена были никакие, как будто на лицо выползли две серые дыры.

Гретель так перепугалась, что даже поздороваться не смогла. Но Омбудсмен ничего не сказал и утопал в неизвестном направлении. А там и Кай появился с дождиком, мишурой, серпантином и звездой из золотой бумаги. Кай и Гретель смастерили звезду только сегодня, и она сразу пригодилась.

Когда начали наряжать елку, Кай сказал:

— У злого соседа дверь не заперта. Не совсем, конечно, распахнула, но приоткрыта, так что мимо не пройдешь. Наверное, сидит там и подкарауливает.

— Не... Он на улицу ушел, я видела. На меня так посмотрел, будто проглотить хотел и косточки выплюнуть.

Звезду привязали ниткой на самую верхушечку, серпантин, как и полагается, спиралью пустили по веткам, а дождик просто сверху вниз. Елка получилась не хуже той, что дома. Только игрушек и мандаринов не хватает. А когда вся работа закончилась, Кай предложил:

— Давай заглянем, какая у соседа черная дыра.

— В чужую квартиру, — рассудительно произнесла Гретель, — забираются только воры.

— Мы же не станем ничего трогать. Мы только одним глазком посмотрим — и назад. И вообще, мы не так просто зайдем, мы ему подарок принесем. У нас две елки, а у него — ни одной. Мы эту елочку ему подарим. Вот он приходит домой, а у него — новогодняя елка! После этого он уже не будет таким злым! — и Кай выдернул наряженную елочку из сугроба.

Дети пробежали через парадную и поднялись на третий этаж, где ждала открытая дверь Омбудсмена.

Злой волшебник Омбудсмен жил в однокомнатной квартире. На кухне у него не было кастрюль, а были колбы, реторты для перегонки и старый керогаз, на котором стоял закопченный прибор под названием бурбарбут. И еще было множество банок со всякой сушеной пакостью. Заходить на такую кухню не захотелось ни Каю, ни Гретель.

А в единственной комнате не было вообще ничего, только на полу, ровно посреди комнаты, темнело черное-пречерное пятно.

— Черная дыра! — прошептал Кай.

— А где же он спит? — спросила Гретель.

— Не знаю. Может, он вовсе не спит или на кухне под потолком? Уцепится за лампу и висит, как летучая мышь.

— Елку где поставим?

— В комнате, в углу. На кухне елок не бывает.

Они аккуратно обошли дыру и поставили елочку возле балконной двери. В комнате сразу стало веселее.

— Давай заглянем в дыру? — спросила Гретель.

— Только осторожно, а то провалишься, никто тебя оттуда не вытащит.

Дети взялись за руки и маленькими шажками приблизились к черной дыре.

— Ух ты! — воскликнул Кай.

— Ой, мамочки! — пискнула Гретель.

— Настоящие, — выдохнул Кай, — Викинг Нагано Голд!

— А на крыше — цукаты и марципанчики! — простонала Гретель.

— Погоди, — остановил сестру Кай. — Ты что там видишь?

— Пряничный домик. Хорошенький, каких и не бывает.

— А у меня — коньки. Профессиональные. Ты знаешь, сколько они стоят? Сто пряничных домиков купить можно.

— Вот, значит, куда неполученные новогодние подарки деваются! Слушай, давай достанем наши подарки? Все равно они Омбудсмену не нужны.

— Стой! — возразил разумный брат. — Ты знаешь, где бывает бесплатный сыр?

— Знаю. У мамы в холодильнике.

— Тут не холодильник. Это черная дыра! Провалишься и будешь там торчать до второго пришествия.

— Чьего?

— Колдуна Омбудсмена. А что он с тобой сделает — сама догадайся. Пойдем лучше домой, пока он нас тут не застукал.

— Труба из шоколадок сделана, как из кирпичиков, — пожаловалась Гретель.

— Таких коньков ни у кого в городе нет. Значит, и в дыре их нет. И домика твоего — тоже.

Вздохнул Кай, всхлипнула Гретель, но, как всегда в трудную минуту, взялись за руки, увели друг дружку от соблазнительной дыры и побежали домой, где мама пекла кексы и лежали спрятанные до поры новогодние подарки, может быть, и не самые дорогие, но купленные с любовью.

А за час до Нового года — топ-топ! — на лестнице показался злой колдун Омбудсмен. Поглядел на раскрытую дверь, злорадно покачал головой

и канул в квартире, закрыв дверь на замок, две задвижки и три защелки. Затем, не снимая калош, зашел в комнату и увидал елку.

— Это что такое?! — закричал Омбудсмен гадким голосом. — Немедленно прекратить!

Злой колдун опрокинул елку, принялся топтать ее ногами, затем попробовал сломать. Исколов руки и перемазавшись в смоле, капельку успокоился и сказал сам себе:

— Зато я теперь точно знаю, что противные дети забрались в мой дом и, значит, попались в ловушку.

И Омбудсмен начал готовиться к страшному новогоднему колдовству. А что делать? Новый год приходит для всех, в том числе и для злых волшебников.

Омбудсмен вынес елку на лестницу, затолкал в мусоропровод, подмел пол, проветрил комнату и напрыскал всюду вонючим одеколоном, чтобы запаха не осталось от выброшенной елки. Потом он принялся таскать из кухни банки со всякой дрянью, колдовские амулеты и еще что-то, о чем и рассказывать не хочется. А когда закончил приготовления, то подошел к черной дыре и сказал:

— Попались, воришки? Теперь сидите в дыре. Можете плакать, я разрешаю. Вас никто не услышит. А я сейчас позову ужасного демона Ювенала. Он очень любит кушать таких детишек, как вы. А когда он съест вас, то поможет мне добиться власти над миром!

Омбудсмен заглянул в черную дыру.

— Жаль я не вижу, как вы там плачете и просите пощады. Пощады не будет. Отвратительные дети, вы не здороваетесь со старшими и лазаете по чужим квартирам. За это вас надо скормить Ювеналу. Плачьте сколько угодно, я все равно не вижу ваших слез. Зато я вижу там императорскую корону и удостоверение президента всего на свете. Мне эти

вещи очень пригодятся. С Новым годом, скверные дети, сейчас явится голодный Ювенал!

Омбудсмен начал читать заклинания. Черная дыра заколыхалась, раздулась, и с первым звоном курантов из нее вылез демон.

— Жрать хочу! — заревел он. — Где дети?!

— Там! — гавкнул Омбудсмен. — В дырке сидят!

— Там никого нет! — Ювенал запустил лапу в дыру и вытащил кусок черствого пряника и один сломанный роликовый конек. Именно эти подобранные на свалке вещи казались при взгляде в черную дыру чудесными новогодними подарками.

— Обманули! — закричал Омбудсмен. — Жалкие воришки не полезли воровать!

— Я сам найду этих детей! — завыл Ювенал. — Но сначала я сожру тебя!

— Меня нельзя есть! — завопил Омбудсмен. — Я же тебя вызвал!

— А мальчиков и девочек на обед не приготовил! За это я и сожру тебя!

Так бы, наверное, и вышло, но с первым ударом часов в пустой комнате появились три зеленых воина с копьями в руках. Копья были похожи на еловые иголки, да и сами воины были иголками, опавшими с принесенной елочки и не замеченными колдуном, когда он подметал пол.

Три копья вонзились в бока демона. Ювенал завыл, начал метаться, но не тут-то было. От еловых иголок спасения нет! В три секунды демона загнали обратно в дыру. Черная дыра раздулась и превратилась в старое помойное ведро, которое покатилось по полу, бряцая жестяными боками.

— Моя дыра! — заголосил волшебник Омбудсмен. — Вы ее поломали!

— Что с этим делать будем? — спросил один воин.

— Пусть его. Он уже ничего не может, а нам пора в лес, на елку.

С двенадцатым ударом часов зеленые воины исчезли.

Омбудсмен выполз из угла и схватил ведро. Ничего волшебного в нем не осталось, — обычное помойное ведро.

Во дворе грохотал и вспыхивал салют, играла музыка, звучали голоса. За стеной кричали «Ура!» Кай и Гретель.

Омбудсмен уселся на перевернутое ведро.

— Не надо отчаиваться, — сказал он. — Это не последний Новый год. Все неприятности в жизни временные. Сегодня их нет, а завтра — будут.

Омбудсмен поднял с пола грязный кусок пряника и начал мрачно жевать.

ИНА ГОЛДИН

ЦУП ГОСПОДА БОГА

Называлось это «освоенной планетой». На деле Фар была не больше заправочного астероида и так же пустынна. Астероид-свалка из нее бы вышел хороший. Время тут шло непонятно, скакало, как на земном паруснике, идущем через экватор.

Свалка и есть. Для тех, кто свое отслужил. И для тех, кого лучше запереть на краю Вселенной, куда даже гагаринские корабли ходят раз в пять местных лет.

Здешнее солнце грело достаточно, чтоб планету назвали пригодной для жизни. Но почва здесь лежала замерзшими складками, дни, как и ночи, были безнадежно выстывшими. Почти вся жизнь проходила в белоснежных коридорах базы зимовщиков. Кроме базы, на планете имелась только заброшен-

ная станция связи с торчащим старинным радаром и маленькая шахта, где суетились геологи — больше суетились, чем и впрямь что-то добывали.

Шивон сюда послали вместе с маленькой группой инженеров, помогать в обустройстве Центра информации и связи. На деле же — просто отправили с глаз подальше. Восстанавливаться, выздоравливать.

Странное место для работы ЦИСа, даже вспомогательного. Но Шивон не спорила. Слишком много сил надо на спор. Нужно было наладить связь с тремя ближними планетами и плавучей базой — а те станут передавать сигналы дальше. Корреспонденция все равно неказистая: доклады от геологов, письма домой, просьбы о медоборудовании в Двадцатый галактический. Инженеры-связисты возились с настройками речевых и прочих каналов. Шивон в основном заполняла базы данных, настраивала традукторы. Работали по нескольку здешних суток подряд, как раз укладываясь в привычный корабельный день. На четвертую ночь все оказывались в пабе. Паб обустроили в рекреационной зоне еще первые прилетевшие — как и из чего могли. Висел над стойкой бертийский символ всеобщего равенства, рядом — постоянно мигающая голография Гагарина, потрепанный флаг Галасоюза и картина, изображающая заросший яблонями Марс. На стену прикрепили плакат, призывающий население Леи вежливо относиться к инопланетянам. Стойка — видно, по местной традиции — была исписана на четырех языках. «Астероид Депрессия», «Привет, неудачники», «А ты записался в гагаринцы?», «Я люблю ксено» (и рядом, тем же почерком: «С'^хх'д, выходи за меня!» и неумело нарисованные три теодорских сердца). И еще странное: «Иди на маяк». Кто тут вспомнил Вирджинию Вульф?

Шивон знала, что если задержится здесь, то рано или поздно тоже напишет что-нибудь на стойке. Но пока лингвисты здесь чужие, а на маленьких планетках, как и в маленьких городах, чужих не любят.

В свободные часы Шивон пристраивалась на стуле в углу, тянула местную настойку, которую бармен гнал сам из подземных растений, и почти все время молчала. Говорить было трудно.

Планета была для списанных — и Шивон не удивилась, когда увидела здесь старого знакомого. Любен Корда, бывший Старший брат Ордена Гагарина, стоял в углу паба и хмуро прикладывался к баллончику с кислородом. Когда они возвращались с Сельве, Корду собирались списать на берег. Далекий же берег ему достался...

— Д-доктор Ливингстон! — Восклицание вышло натужным, оттого что не сразу вспомнилось имя, и вся фраза едва не застряла в горле. Но гагаринец все равно не понял намека.

— Господи, — сказал он. — Ни Леоч. Вас-то как сюда занесло?

— Я... А вы? Вас?

— Так я тут... при здешнем медпункте служу. Хотя службу несу в основном у стойки.

Он постарел: черные волосы поредели, нос стал будто уже, острее. Глаза — те же выцветше-голубые.

— По... почему я вас раньше не видела?

— Дежурил, — сказал Корда.

Про дежурство она слышала не один раз. Обязательно кто-то поднимется — бывало, что и двое сразу, — и уходят, вроде бы дежурить пора. Должно быть, местный код: мало ли кому и зачем нужно пойти за паб.

Как-то раз и Корда отставил стопку и поднялся:

— Ну, пора мне заступать. Увидимся.

Но ведь в медпункте — никого, сломавший два дня назад руку геолог сидел тут же. А если будет экстренный случай, «электронная сестра» тут же подаст тревогу; совершенно необязательно там торчать.

— Куда в-вы... — она замолчала, вспоминая слово, — куда вы заступать собрались?

Любен уставился на нее, недоуменно поморгал.

— Ну да. Вы же не знаете.

Он обвел паб глазами, будто спрашивая разрешения. Потом велел:

— Пойдемте.

Им пришлось надеть защитные костюмы и выйти из «города». Занимался хрупкий голубоватый день, почва поблескивала — будто пол во дворце Снежной королевы. Шивон хотела услышать, скрипит ли она под ногами, как снег. Но костюмы, хорошо компенсирующие здешнее притяжение, перекрывали все звуки. Совсем близко висели еще не растаявшие звезды. Она шла за Кордой, глядя ему в спину. Широкие плечи, не погнувшиеся еще от возраста. Он шагал широко, как по хорошо знакомой дороге. Шивон не понимала сперва, куда ее ведут. Потом поняла — на станцию. Идти пришлось в гору — огромный радар, кажется, тех еще времен, когда не знали лазеров, блестел на вершине холма, и саму станцию строили в пещере.

Внутри оказалось надышано. Станция была... живой. Горели экраны, оставшиеся тут, видимо, еще со времен ЦУПа. Уютные огоньки бегали по пульту, мигали на исчерканной созвездиями карте, развернутой прямо посреди залы. У пульта сидело двое: человек и вентиец; Шивон с ними еще толком не познакомилась. При виде их с Любеном вентиец подкатил кресло ближе, оказавшись прямо посреди карты. Лицо рассекли линии созвездий, альфа Центавра пульсировала там, где у человека было бы сердце.

«Все спокойно, — отрапортовал он шестью конечностями. — У вас скоро праздник Рождества, с земного корабля попросили, чтоб их пожелания передали святому Николаю».

— И что ты?

«Зарегистрировал пожелания, запросил координаты святого Николая у вашего космического агентства и оттранслировал».

— Молодец, — хрипло сказал Корда. — Скоро они нас как магазин на диване будут пользовать. Пиццу заказывать.

«А что я мог сделать?» — выкрутил чуть обиженный вентиец.

Он встал и прижал одну из верхних конечностей к висящему на двери расписанию — такому же, как в ЦИСе. Расписание пошло волнами: вентиец сдал вахту.

Шивон даже не заметила, как он ушел.

«С земного корабля попросили...»

«Запросил координаты у вашего агентства...»

Связаться с Землей отсюда невозможно — напрямую и так быстро. Если вентиец и получит координаты Санты, пожелания тому придут только через несколько лет. Даже с помощью изобретенного на Лее передатчика это невозможно.

— Что за... Что это т-такое?

— Маяк, — сказал Корда.

Он усадил ее в кресло у пульта, где только что сидел вентиец.

— Наденьте наушники.

— Им же... Им лет сколько!

— Наденьте.

Она послушалась. И тогда ее захлестнули звуки. Голоса, говорящие на разных языках; столько голосов, что сперва она едва не сорвала наушники в страхе. Но потом, завороженная, закрыла глаза

и вслушалась, пытаясь разобрать знакомую речь. Земные языки; бертийский, хейский, теодорский...

«Говорит «Валентина Терешкова», просим разрешения войти в привасферу...»

«База 6-6-2 вызывает шестнадцатый галактический. Шестнадцатый галактический, отзовитесь».

«Внимание, борт 312, я вас не вижу на маршрутной карте, включите дополнительную систему опознавания».

«...и тут он мне говорит, что в принципе против межпланетных браков...»

«Внимание, прошу освободить эфир, у нас чрезвычайная ситуация. Повторяю, требую тишины в эфире...»

«...экзоскелет пострадал, есть трещина на уровне средних конечностей, опасаемся летального исхода...»

«...система ориентации отказала!»

«Эй, на «Л'лаирхи», вы там не слышите или забыли традуктор включить? Повторяю, у нас карантин, мы никого не принимаем. Следуйте к базе 6-2-15!»

«Это астероид Х-1168, я тут совсем один в башне, скучаю смертельно. Меня кто-нибудь слышит?»

И еще — голоса, голоса... языки, половину которых Шивон и опознать бы не смогла, а половину — не понимала без традуктора.

И все — прекрасно слышно, без затяжек и обрывов связи. Как будто все эти переговоры — с разных орбит, с планет и баз, между которыми бог знает сколько парсеков, из разных звездных систем — велись из кораблей, зависших в небе прямо над Фар.

В конце концов она опомнилась и сняла наушники. В голове теснились вопросы, но она и сформулировать их сейчас не могла и понимала — вряд ли Корда ответит. Спросить вышло только:

— Почему вы называете это маяком?

В одиночестве — и на забытых планетах — такое бывает; даешь вещам имена, только тебе понятные. Имена пристают, потом их сложно соскрести с вещи и найти настоящее. Корда глядел задумчиво:

— Отсюда мы подаем сигналы кораблям. И можем спасти от катастрофы.

Он, кажется, тоже разволновался: хрипел, прикладывался то и дело к баллону.

— Это аномалия, — объяснял Корда. — Естественно, это необъяснимо... В таком далеке от Земли. Да и от остальных планет тоже. Здесь принимаются все сигналы. Голосовые, по крайней мере, насчет других я не знаток. Здесь слышно, — вдохнул со скрежетом, — все, о чем говорят в пространстве. Причем почти без временного разрыва.

— Отчего станция... отчего ее з-забросили?

— Никто ее не забрасывал. Когда я приехал, тут уже дежурили. Просто... кто здесь был, те не болтают.

— Она... засекречена?

— Да нет. Говорю же — не болтают.

— Расскажете... — она опять забыла слово, но Любен понял.

— Расскажу. После.

Корда с хозяйским видом устроился в кресле, нацепил наушники, развернул карту в большем масштабе — у людей зрение слабее, чем у вентийцев.

Шивон всматривалась в крохотные светящиеся точки, перемещающиеся между звездами. Точно — ЦУП здесь и остался. Маяк не маяк, а одна большая диспетчерская. Она проводила пальцем по линиям, отыскивая планету. Ага... Вот они. А вот у одной из соседних планет проходит корабль. Тут карта темная — мало кто путешествует по этому забытому уголку Пространства. А вот дальше — скопления движущихся огней. Шивон присела в одно из пустых кресел, неотрывно глядя на карту. Молчала —

на сей раз не потому, что не хватало слов, а чтоб не спугнуть чудо. Любен сосредоточенно вслушивался, прикрыв глаза и обхватив голову руками.

Внезапно он заговорил:

— «Эйр Галакси-388-S66», говорит диспетчерский центр планеты Фар. Я вас слышу. Я вас слышу, «Эйр Галакси». Вы попали в занос. Не исключено, что из-за этого у вас проблемы со связью. Если будете держаться на двадцать градусов влево, скоро выйдете из зоны заносов. Не за что, «Эйр Галакси».

— Старинные маяки повыключали, когда появились GPS-навигаторы, — говорил Корда за кружечкой в следующую ночь. — Но навигаторы не всегда работают. Иногда самая лучшая техника отказывает. Иногда человек просто не в состоянии ее использовать. И тогда он будет чертовски рад лучу маяка. Обычно у них там, у голосов... все в порядке. Сами разбираются. Но иногда нужна наша помощь.

— Диспетчерский центр?

— Ну, я мог бы представиться ЦИСом, — хмыкнул Корда. — Но тогда к вам будут вопросы.

— А что... до сих пор их нет? Те, кто просил подарок у Санта-Клауса. Они про вас... они...

— Знают?

— Да.

— Ну, так они и про Санта-Клауса знают, — Корда улыбнулся, а потом посерьезнел: — Что вас довело до синдрома? Допереводились?

Значит, Корда думает, что у нее СНИЯ — синдром негативной интерференции языков. С лингвистами часто случается.

— Это не синдром. Это... я не могу рассказать. Я болела.

То, чем она болела, и то, что каким-то образом выздоровела после «речевой» заразы, и даже то, что ее

напарник до сих пор спал на какой-то из баз в анабиозе, — все это было собрано в одно досье, лежащее теперь за семью замками.

— Заедает. Иногда.

— Это пройдет, — мягко сказал Корда.

Сидящий с ними рядом инженер встал и расплатился, буркнув, что «пора на вахту». В пабе осталось еще человека два.

— Какой породы... нет. Какой модели ваши традукторы? — спросила Шивон.

— «Сагиттариус»-15.

Все известные языки... но сколько она услышала неизвестных за те несколько минут в наушниках?

— Их не хватит, — проговорила она медленно. — Людей не хватит. Там столько голосов... У вас тут с ума не сходят?

— Нет. С ума сходят от молчания.

Через десяток местных дней на шахте случилась авария, двух шахтеров ранило, и Корду вызвали в фельдшерский пункт. Вышел он оттуда усталым и спросил у Шивон:

— Хочешь побыть стажером?

Она сперва кивнула, а потом спохватилась:

— Не могу. Говорю... плохо. Особенно если волнуюсь.

Со своими она говорила, чуть запинаясь. С Кордой могла проболтать четверть часа и ни разу не замяться. Но в ответственные моменты речь застревала в горле, не желая выходить.

— Переключитесь в письменный режим, да и все...

«Эйр-Галакси 18-В204, разрешаю посадку на пятой площадке, как поняли?»

«...выйдешь за меня замуж? Я плохо слышу, тут паршивый сигнал! Отвечай громче, пожалуйста! Выйдешь?..»

«Всем кораблям девятнадцатого сектора: ожидаются заносы. Если вылет не срочный, рекомендую остаться на орбите».

«...сижу на этой заправке уже лет сто. Сюда никто даже не летает. Топливо кому-нибудь не подкинуть? А то ж оно у меня прокиснет. Эй, кто-нибудь, ответьте?»

«...с бертийцем. Нет, ты представляешь — бертиец? Это ж как надо извернуться...»

«Это «Восток», начинаю стыковку, подтвердите...»

Боевое крещение у нее случилось через несколько земных дней. Хотя здесь считать время по-земному получалось хуже. Через какофонию голосов пробился один, отчаянный.

«Мэйдей, мэйдей! Я «Имлерран», Гаэллин, статус га'анн, регистрационный номер — 4367. Попал в занос, терплю бедствие. Мэйдей, мэйдей. Всем кораблям в зоне доступа, попал в занос, терплю бедствие...»

Шивон проследила за сигналом. Вот ты где у нас, красавец... Судя по номеру и статусу — частный корабль, далеко же его занесло от дома...

Она сглотнула. Включила на терминале гаэллинский традуктор.

«Имлерран», это диспетчерский центр планеты Фар. Что у вас случилось?»

Отчего-то было обидно, что говорит за нее механический, чужой голос.

— Диспетчер! Великие звезды, спасибо. Система ориентации отказала. Пока пытался найтись, растратил топливо. Не могу ни с кем связаться. Координаты спутаны. Скоро... все системы отключатся...»

Все системы — значит, и жизнеобеспечение. Шивон всматривалась в карту так, что глаза заболели. Не так далеко от гаэллинца — маленькая русская станция... кислород он там найдет, но гаэллинцы — во-

дорододышащие. До гагаринцев он вряд ли дотянет, а больше рядом ничего... Стоп, есть одна точка. Это что еще?

«Подрядился сюда, думал, отдохну, посижу в тишине... Вот и сижу теперь. Интересно, сюда еще кто-нибудь прилетит? Эй, ребята, а у меня есть топливо. Разное!»

Астероид-заправка. А по законам Галасоюза, на каждой заправке должно быть...

«Внимание, говорит диспетчерская Тура. По правилам Галасоюза, у вас должны иметься запасы совместимого водорода для водорододышащих. Есть у вас?»

Обескураженный голос:

— Так точно!

«Недалеко от вас гаэллинец терпит бедствие. Попал в занос на частном корабле без допэнергии. Я его до вас доведу, надо будет обеспечить водород и топливо».

— Есть, мэм, — все так же озадаченно. — Сделаем в лучшем виде! Я здесь гаэллинцев никогда не видел! Я и вообще-то здесь мало кого вижу. Мэм... а вы кто?

«Шивон Ни Леоч, — сказала она. — Диспетчер».

Она больше не удивлялась, что станцию сумели сохранить в тайне. Знали о ней гагаринцы — друзья Корды, знали те счастливчики, которых довел до порта внезапно прорезавшийся голос «диспетчерского центра». Но для них он наверняка уже стал мифом, суеверием. А когда летаешь, к суевериям относишься очень осторожно.

Но все-таки она уже прикидывала — как бы переместить ЦИС в эту башню, заодно — настроить неголосовые каналы передачи, сделать доппрограммы для традуктора...

— Вас же не за этим прислали, Ни Леоч, — сказал Корда.

А кто его знает.

Понимала Шивон и то, почему все на этой станции готовы нести вахту после рабочего дня и никто не пропустит дежурства. Голоса в ЦУПе становились наркотиком: погружаясь в них, невозможно было чувствовать одиночество. Закроешь глаза — и будто ты везде одновременно, на гаэллинском корабле, на теодорской научной станции, в гагаринском приюте; разговоры текут сквозь тебя, будто невидимыми проводами ты подсоединен ко всей Вселенной.

От этого не устанешь.

Только один раз в этой перекличке ей почудились птичьи трели — как в бертийском, только не совсем, — и Шивон сдернула с себя наушники. Сердце заколотилось. Несколько минут она уговаривала себя, что показалось, но снова за наушники взялась с опаской. И говорить в ту вахту ей было трудно.

Она пыталась хоть как-то классифицировать языки, которые слышала, записать повторяющиеся созвучия. Но для нее здесь слишком много работы — даже для огромной лаборатории вроде МЛЦ, не говоря уж об одном лингвисте и паре десятков зимовщиков.

Выщепить нужный голос в этой мешанине и следовать за ним было тяжело. Порой Любен не мог распознать язык, а переключать режимы традуктора наугад в поисках нужного — недопустимая потеря времени.

— Любен, я все понимаю. Но мы должны со... сообщить в Ведомство... или хоть в МЛЦ, — сказала она, когда они в очередной раз вернулись со станции. На Шивон давно уже не глядели с недоверием, остальные «диспетчера» привыкли к ней. Иногда к ней подсаживался выпить вентиец. Говорили, что его работа на Фар — что-то вроде покаяния; он оказался единственным выжившим на сгоревшем в привасфере корабле.

— Вам же не... вам не справиться. Нужны, — она пошарила пальцами в воздухе, разыскивая слово, — специалисты. Традукторы новые. Программы новые. Нормальная... нормальная база.

— Ни Леоч, — сказал он. — Что, ты думаешь, тут будет, если мы сообщим в Ведомство?

— Я думаю... — она замолчала.

Сюда слетятся специалисты со всего Галасоюза; устроят огромную современную базу с сотнями постов, с программами перевода, обновляемыми каждый день, с лингвистами, которым хватит работы до конца жизни.

Или... Или планету окружат и закроют, как закрыли З-310. И начнут исследовать аномалию.

— Бог с ней, с аномалией, — резко сказал Корда. — Отсюда можно прослушивать все переговоры Вселенной. Думаешь, никто этим не заинтересуется?

Такое ей почему-то и в голову не пришло.

— Я уж молчу о том, где мы окажемся, если узнают, что мы все это слушаем. Так что... забудьте. Нас сюда послали, нам с этим и справляться.

Справлялась она пока не слишком хорошо.

Законы дежурства в «диспетчерской», которые никогда не обсуждали вслух, оказались нехитрыми. Поменьше говорить об этом вне ЦУПа. Работать минимум по двое — лишние уши никогда не помешают. Отвечать только на сигналы бедствия, если больше никто не отзовется. Сюда мгновенно приходили сообщения, которых получателям приходилось дожидаться по нескольку недель и месяцев. Иногда не выдерживали и вмешивались: сообщали о родившемся ребенке, о муже, напросившемся в командировку на планету, где зимует жена, о пошедшем на поправку родственнике — пока еще из госпиталя дойдет весть... Шивон иногда разговаривала с человеком на том астероиде.

— Эй, на заправке! У меня тут на карте вентийский лайнер, кажется, он идет за топливом к вам, встречайте.

Лично ей сообщений не приходило. Порой от мелькавших в переговорах имен и названий у Шивон сжималось сердце и она вновь ощущала себя сосланной. Ненужной. Чувство это проходило, когда она связывалась с очередным «счастливчиком».

Но вот сигнала бедствия с собственного корабля она не ожидала.

Шивон только приняла вахту, не успев еще переключиться с голоса на текст, когда услышала знакомые позывные.

«Мэйдей, мэйдей. Это «Джон Гринберг», корабль МЛЦ, Земля. Терпим бедствие, повторяю, терпим бедствие!»

Шивон тряхнуло.

— «Гринберг»?

После того полета их экипаж расформировали, специалистов, кто не заразился, рассовали по разным углам Вселенной — лишь бы подальше от греха. Ответственного за миссию, кажется, хотели вовсе с почетом уволить, но оставили. И помощь вызывал незнакомый связист. Но это был «Гринберг». И на его сигналы никто не отзывался.

— «Гринберг», это диспетчерский центр Фар, что у вас там стряслось?

— Из инженерной говорят — утечка топлива. — Голос доходил с трудом, как через помехи, хотя здесь помех не бывало. — Загорелось... двигатели ни к черту... научный ярус... ничего не видим, плохо со связью.

Шивон лихорадочно искала «Гринберг» на карте. Вот он, тьфу ты господи... Сообщить в СКЦ... и не так далеко — корабль гагаринцев, эти наверняка придут быстрее... Нужно было сказать, что она все

слышит, что помощь близко, но, открыв рот, Шивон запаниковала. Казалось, если она сейчас заговорит, изо рта польются птичьи трели — как на З-310.

Попыталась:

— Г... Грин...

— Диспетчерская... меня слышите?

Слышит, а сказать ничего не может, к горлу подкатила паника, встала комом — ни звука не произнести. Шивон попыталась вспомнить, что говорил психолог, но ее бросило в жар и думать не получалось. Дрожащей рукой потянулась включить текстовый режим — но и букв она сейчас боялась: им ничего не стоит выстроиться по-своему. Самое страшное — сама, когда пишешь, даже не понимаешь, что пишешь ерунду.

— Просим помощи... «Гринберг», корабль МЛЦ...

— «Грин... берг»... — по слогам повторила Шивон и зацепилась за родное слово. За ним уж потянулись остальные: — «Г-гринберг», в-вы... получаете меня? — синоним вместо нужного слова, но и так сойдет. — Я вас слышу. Сейчас.

— Координационный центр, это диспетчерская, планета Фар. Нам поступил сигнал бедствия от «Гринберга», с вами они связаться не смогли, передаю координаты...

Она и забыла, что собственный голос может звучать так ясно, так правильно.

— Внимание, приют Ордена Гагарина, мы получили SOS от корабля «Гринберг»...

Вот бы и ей сейчас Любенова кислорода.

— Связь плохая, трудно понять, что произошло, — объясняла она гагаринцам. — Кажется, из-за утечки топлива произошел взрыв и повредил двигатели.

— Вас понял, ложимся на курс.

— «Гринберг», это диспетчерский центр. К вам идет на помощь корабль гагаринцев, как поняли?

— ...нял. Спасибо. Не... ключайтесь.

— Я не отключаюсь, «Гринберг». Я здесь. Оставайтесь со мной.

Так она и сидела, скрючившись, стиснув руки в кулаки, пока гагаринцы не дошли до «Гринберга» и не занялись аварией. Только тогда заметила, распрямилась, потрясла затекшими пальцами.

— Вы же диспетчерская? — бодрым голосом.

— Диспетчерская, — подтвердила Шивон.

— Докладываю: все обошлось. Экипаж мы к себе эвакуировали, за кораблем пошлют из СКЦ, отведут на базу чинить. Как там брат Корда?

— Как обычно. Ворчит и дышит кислородом.

— Ну, дай ему Гагарин. Передавайте привет, жаль, я не на его вахту попал.

Он замолчал, и Шивон решила уже, что связь прервалась. Но потом голос спросил:

— Мэм, тут такое дело... Вы говорите, связывались с «Гринбергом»?

— А как бы я узнала? Они подали «мэйдей», я ответила.

— Каким образом? У них первым делом вся связь вырубилась, мы еще не поняли почему. Мы их даже не видели, шли по вашим координатам вслепую. Вы что, по телефону господа боженьки с ними разговаривали?

— Может, — по спине пробежал холодок, — и по телефону.

— Неисповедимы пути... — сказал гагаринец и на этот раз отключился.

— Такое вообще бывает? — спросила она у Любена, немного опомнившись.

— Здесь, — сказал Корда, — бывает все.

Он чуть подождал и спросил:

— Что с вами произошло?

Уверенно, будто знал — теперь можно спрашивать.

И верно — можно.

— Я была тогда на «Гринберге». Мы тоже... ответили на мэйдей. Полетели со спасательной миссией, думали, что обнаружили новый язык, набросились на него, как дети на пирожное. А это был не язык, а ловушка. Вирус. Начинаешь говорить — и вся вторая сигнальная разлаживается, а дальше — повреждение мозга и... смерть. До сих пор никто не знает по-настоящему, что это такое. Планету ту прикрыли, конечно. Лоран — мой друг, — он говорил с ними и заболел. Я тоже, но у меня это оказалось обратимо. А он... до сих пор лежит там где-то... я даже не знаю где — это секретная информация...

На следующий день, перед тем как идти на вахту, Шивон нацарапала на стойке: «Добро пожаловать в ЦУП Господа Бога». Бармен покосился, но ничего не сказал.

— Ну, пойду я заступать. — Шивон уже привычно натянула костюм, вышла в льдисто-синий день.

«Нас сюда послали, нам с этим и справляться».

Может, Корда вовсе не начальство имел в виду? Точнее, начальство, только — самое высшее. По Его воле они здесь и оказались — отставной гагаринец, лингвист, не могущий двух слов сказать, кающийся вентиец... Наверное, тщеславие — думать, что Он их выбрал, но какую лучшую службу они могут Ему сослужить?

Она взобралась по холму, оскальзываясь на мерзлой почве. Корда прав: никому об этом говорить нельзя. И не потому, что это опасно. А потому, что о чуде нельзя рассказывать — исчезнет. Шивон все больше казалось, что, прилети сюда настоящая экспедиция, и станция замолкнет, станет тем, чем

сейчас притворяется: покинутой связной базой с устаревшим радаром.

Она кивнула второму дежурному, надела наушники.

Но если... если ее слышат в заносах, слышат, когда все отказало, то вдруг... Вдруг — не только с кораблем она может связаться. Может быть, отсюда можно докричаться до того, который никак иначе ее не услышит. Может быть, с «диспетчерской» ее голос может прорвать туман искусственного сна...

Шивон затаила дыхание. Пользоваться общекосмической связью в личных целях нехорошо, но может, за один раз не попадет...

— Это Шивон Ни Леоч, — четко сказала она. — Вызываю доктора Лорана Дюпре. Вызываю Лорана Дюпре. Лоран, если ты меня слышишь — отзовись. Это Шивон. Они тут без нас чуть «Гринберг» не спалили, пора нам возвращаться. Пожалуйста, Лоран, ответь.

Она закрыла глаза и замерла, пытаясь выловить среди голосов пространства единственный — самый важный.

ИГОРЬ МИНАКОВ
МАКСИМ ХОРСУН

УРОК МИРА

1

В детстве мы любили играть в войну. Старый орбитальный корвет, бог весть какими судьбами оказавшийся на лугу, за ближним лесом, среди кустов шиповника и лещины, идеально подходил для этого занятия.

Если выйти из Опушек по северной дороге и протопать полтора километра в сторону ставков, то рано или поздно наткнешься на почти целый корпус, тускло поблескивающий керамитовой обшивкой. Издали корабль напоминал древнюю подводную лодку, лежащую на боку.

Конечно, реактор, двигатели и оружие с корвета давно сняли. В корпусе зияли дыры, а лужайка вокруг была усеяна обломками. Но нам не нужна была стопроцентная комплектация. И так было весело. Вставил палку в пустую амбразуру турели — вот и лазер готов к бою, развел дымный костерок в кокпите — значит, маршевые двигатели запущены.

Сколько я себя помню, корабль всегда находился здесь, утопленный в глинистую землю, скрытый с одной стороны высокими зарослями амброзии, а с другой — грязно-белыми откосами карстового провала. Из года в год корвет не брала коррозия: ни ливни, ни снег не причиняли ему вреда. Очень, очень долго мы искали на корпусе следы былых боев. В том, что корабль сбили, никто из нас не сомневался.

Иногда на корвет набредали пацаны из Мирного — соседнего села. Тогда территорию приходилось отстаивать кулаками. О, я прекрасно помню азарт тех сражений! Окровавленные носовые платки, порванные рубашки... Нам всегда удавалось отвоевать единоличное право играть здесь. Я думаю, мы побеждали благодаря стратегической близости к родной деревне, откуда иногда оперативно подоспевало подкрепление — старшие братья с дружками.

Да, а еще мы играли в войну. Родители подарили мне игрушечный лучевой пистолет, поэтому я считал себя космодесантником. Нашими воображаемыми врагами были пришлецы. На самом деле с пришлецами мы никогда не воевали и воевать не собирались. В селе их у нас полным-полно. И дирек-

тор гадрозавровой фермы — пришлец, и агроном — пришлец, и участковый — пришлец. Пришлецов так много, и живут они рядом с нами так долго, что порой и мне приходит в голову мысль — а может, и я на какую-то часть инопланетянин? И не поэтому ли всякий раз, глядя на звезды в ночном небе, я ощущал едва уловимый, но пробирающий до глубины души зов?

...Я спрятал гравипед в кустах амброзии и затаился, внимательно оглядывая руины корвета. Там кто-то был. Но точно не мирновцы. Эти себя тихо вести не умеют. Носятся, как обкуренные, лупят палками по керамиту, орут. Достается им в том числе и за это — за неуважение к героическому прошлому.

Из моего укрытия выпуклый борт корабля просматривался хорошо, поэтому не прошло и пяти минут, как я заметил в пробоине над правой скулой силуэт человека. Взрослый... Наверное, бродяга — бремя Федерации, как выражается папка. Бутылки собирает или бычки.

Ладно, сегодня мне мирновцы по рылу не накидают — уже хорошо. А бродяга... что ж, бродягу я переживу. На крайняк — удеру... И все-таки покидать укрытие я не спешил. Настораживало, что для бродяги чужак вел себя слишком осторожно, как будто скрывался... От этой мысли меня обдало жаром. Скрывается — значит, есть причина. И наверное, лишние свидетели ему не нужны.

А может, он убийца, и сейчас по всем дорогам рыщут полицейские на гравициклах. «Именем Федерации вы арестованы!». И вот в руках беглого преступника появляется лучевой пистолет — настоящий, не то что погремушка, которая торчит у меня за поясом, — и из этого пистолета он начинает палить по полицейским. Парни в черных бронниках и зеркальных шлемах открывают ответный огонь. И никому нет дела, что

в скрещении лазерных лучей оказывается мальчишка в выцветшей футболке и линялых шортах...

Черт меня понес к корвету! Лучше бы дома сидел, повторял таблицу умножения.

Я встал на карачки и попятился к гравику. Если рискнуть и дунуть прямиком по козырьку карстового провала, можно успеть уйти незамеченным... Но я не успел.

— Эй, ты! — окликнул меня бродяга, выглядывая из дыры, зияющей в блистере пилотажной рубки. — Кончай засаду! Я тебя давно уже вычислил... Сопишь громко.

Несколько мгновений я размышлял: удрать или все-таки остаться? Потом решил, что звездному капитану Казарову не пристало удирать от какого-то бездомного. Я встал во весь рост, отряхнул приставшие травинки и выбрался из амброзии.

У бродяги были белые волосы, загорелое широкоскулое лицо, синие глаза. Нормальная человеческая улыбка. Он ловко подтянулся на руках, вылез из рубки и скользнул на спине вдоль покатого борта. У меня аж дух захватило. От блистера до земли было метров пятнадцать, но незнакомец, как ни в чем не бывало, выпрямился, вытер ладони о застиранный камуфляж, шагнул мне навстречу, протянул крепкую, покрытую шрамами руку в золотистых волосках на тыльной стороне кисти. На запястье у него была наколка — планета, пронзенная ножом.

— Меня зовут Андрей, — сказал он.

— Санька, — буркнул я.

Я осторожно пожал его лапищу. Будто с промышленным манипулятором поручкался.

— Твой? — спросил Андрей, мотнув белобрысой головой в сторону корвета.

— Наш — опушкинский...

— А вам, опушкинским, известно, что это такое?

«Орбитальный корвет», — чуть было не ляпнул я, но вовремя прикусил язык. Вот сейчас бродяга, так похожий на капитана Старка из «Десанта Федерации II», рассмеется и скажет, что это обычный лихтер малого радиуса дальности — космический извозчик, — и вся магия детских игр обратится в прах.

— Это «Гладиус-5», малый гиперпространственный разведчик, — без улыбки произнес Андрей. — В 2309-м принял бой на подступах к Лунной базе. Был торпедирован, пошел на вынужденную. Экипаж погиб от перегрузок — гравитационный фильтр сорвало с креплений.

— Ух ты! — поневоле вырвалось у меня. — Я так и знал!

Андрей даже не улыбнулся. До меня вдруг дошел смысл сказанного, и я осторожно поинтересовался:

— А кем он был торпедирован?

— Союзниками, — обронил он.

— Пришлецами?

Андрей только кивнул.

Я потрясенно молчал. Нет, конечно, играя в бравых космодесантников, мы крошили коварных чужаков в капусту, но каждый из нас с детского сада знал, что союзники принесли на Землю мир и процветание, супертехнологии и все такое прочее. Бытовых роботов, симпьютеры, генную инженерию, гравитехнику... Хотя, может, я что-то и перепутал, может, это все люди придумали... Зато союзники помогли нам прекратить войны, переловить террористов, приструнить жадные корпорации. Просто не может быть, чтобы они нападали на наши корабли и базы!

— Тебя, конечно, другому учили, Санька, — проговорил Андрей, сплюнув сквозь зубы. — Все мыслящие существа братья, то, се... А эти братья лупили нас из рельсотронов — только куски обшивки летели... Ну ничего, мы еще поквитаемся...

Вдали завыла полицейская сирена, спугнув стайку микрорапторов, примостившихся на выступе ионообменника. Андрей вдруг воровато оглянулся и отступил в тень.

— Вот что, Санька, — сказал он. — У тебя ведь в кустах гравипед?

— Да, — не сразу отозвался я, испугавшись, что этот странный бродяга захочет отобрать у меня гравик.

— И ключи есть?

— Есть.

— Тащи!

Я принес набор с ключами и отвертками. Хотя мог бы и удрать. Не удрал, потому что Андрей мне понравился. Говорил он, конечно, странные вещи, но мало ли что бывает. Космос — штука жестокая, это всем известно. Мы много лет туда больше не летаем, вот у оставшихся не у дел космических пилотов шарики за ролики заскакивают, и злятся они на пришлецов, якобы те виноваты, что космос теперь для всех закрыт...

Андрей покопался в наборе, вытащил универсальный ключ, буркнул:

— Пойдем, поможешь.

Он нырнул в люк, который вел к реакторному отсеку. Реактора там не было. Его демонтировали еще до моего рождения. Я нехотя полез за Андреем. Реакторный — не самое приятное место в корабле, туда мы бегаем по-маленькому. Да и по-большому, если приспичит. Андрей ничего этого не знал и, конечно, тут же вляпался. Выматерился. Оглянулся на меня. Глаза у него стали такими злыми, что я сразу пожалел, что связался с ним.

Сквозь прорехи в корпусе били лучи солнца. Один луч падал на технологический лючок, оброс-

ший ржавой махрой. Раньше я не обращал на него внимания.

— Возьми отвертку! — распорядился Андрей. — Я буду отвинчивать, а ты отверткой отдирай крышку.

Мы провозились с полчаса, пока наконец крышка не брякнулась нам под ноги. Андрей засунул в лючок руки по локти и, пыхтя, выволок массивный сверток.

— А! Цела заначка! — радостно сообщил Андрей.

Меня так и подмывало спросить: а что там? Но я не спросил. И правильно сделал.

— Ну все, малец, — сказал он. — Спасибо за помощь! Планета тебя не забудет... Топай!

Я подобрал брошенный им ключ и «потопал». Мне вдруг страшно захотелось домой.

2

Мамка попросила починить поливального кибера. Я был горд тем, что смогу наконец сделать что-то полезное по хозяйству, и тем, что она это признала. Тяжеленная сумка с отцовскими инструментами сделала мою походку неловкой, какой-то хромой, но я доскакал до дальнего края огорода, удержавшись на узкой пыльной тропинке и не рухнув на грядки.

Кибер застыл среди мясистых кустов томата у штакетника, отделяющего наш участок от дяди-Пашиного. Солнечную батарею робот сложил конвертом — видимо, зарядил аккумуляторы «до краев», а суставчатые манипуляторы зачем-то задрал вверх, будто собрался лить воду в вечернее небо. Так, ясно. Диффузаторы забились. С этим уж я быстро! Сколько раз видел, как отец справляется, брат мой старший, Ромка, даже мать. И я смогу.

Я присел на корточки и раскрыл сумку. Гм... Этот ключ или все-таки тот?

Меня обволок терпкий, густой помидорный дух. Я чувствовал, как дышит жаром земля. Под кустами она, кстати, вся оказалась покрытой трещинами. Который день стояла изнуряющая жара, огород нужно было поливать непрерывно. Хорошо, хоть картошку выкопали. Мама говорит, что уже легче.

Среди помидоров скакали кузнечики: крупные, мелкие, зеленые, серые, с красивыми крыльями или с изогнутыми яйцекладами. Вроде одинаковые, но все такие разные. Прямо как пришлецы. Кузнечики бесперечь стрекотали и, не боясь, запрыгивали мне на одежду.

...Я деловито ковырялся в теплом нутре робота. Запачкал руки до локтей смазкой — не беда, потом отмою. Я старался не прислушиваться к разговору на повышенных тонах, что слышался со стороны нашего двора. Мама и Ромка опять выясняли отношения. И опять — из-за Ромкиной подружки.

Как по мне, то мама была права. Мне тоже Сву никогда не нравилась. Во-первых, из пришлецов, хоть и из гуманоидов. Ходит по дому на цыпочках, смотрит на всех свысока. То белки она усвоить не может, то у нее метаболизм на что-то не рассчитан. То температура ей не подходит, то в колодезной воде опасные для себя примеси найдет. Картошку нам копать не помогала, только и знают с Ромкой, что запираться в его комнате. И воняет от нее морской капустой, хоть дом после проветривай.

Мама говорит Ромке: «Ты посмотри на себя: ни об учебе, ни о работе не думаешь! Устроил отец на ферму, убирать навоз за гадрозаврами, и что?.. Собираешься всю жизнь дурака валять? На что жить со своей красавицей будете? Или вы рассчитываете на нашей с отцом шее до конца своих дней просидеть? Мне такая радость не нужна!»

Хорошо будет, если Ромка уберется жить к своей Сву. Мне тогда достанется его комната и его... СИМПЬЮТЕР!!! Вот будет здорово!

На улице затарахтел гравицикл. Над нашими воротами сверкнул зеркальный полицейский шлем. Мать, поправляя на ходу косынку, поспешила к калитке. Разговор с участковым длился недолго, минуты через две снова завелся гравицикл. Участковый, маневрируя между гуляющими прямо по дороге гипсилофодонами с детенышами, поехал себе дальше.

Я же тщательно прочистил диффузаторы и установил их на место. Запустил робота в тестовом режиме. Кибер развернул и снова свернул солнечную батарею, поднял оба манипулятора и выдул облако водяной пыли, окатив меня прохладной взвесью. Я похихикал, полюбовался повисшей над роботом радугой, затем собрал инструмент и пошел во двор.

Зашуршала занавеска в дверном проеме летней кухни. На пороге появилась сердитая мамка. В одной руке она держала поварешку, а второй отгоняла мух, чтобы не налетели с улицы.

— Так, Саша. Вопрос есть. Надеюсь, ты помнишь, что мы с папой запрещали играть возле старого корабля за ставками?

— Помню, — насторожился я. — А что?

— Ты там был?

— Не-а, — соврал я.

— Узнаю, что был, — уши надеру. А незнакомых людей в селе не встречал?

Я почесал затылок.

— Нет, вроде... Мам, можно я поиграю на симпьютере в «Десант Федерации»?

— Да хоть в «Бесчеловечный космос», лишь бы рядом с тем чертовым кораблем не крутился.

Занавеска вернулась на место.

3

Школу в Опушках переделали в детский сад, и нам, ее бывшим ученикам, теперь нужно было каждый день добираться на квантобусе в Мирное — там в сентябре открыли новую школу с бассейном и зооуголком. Мирное было богатым и опрятным селом, окруженным полями, садами и виноградниками. На его окраине строили многоэтажные жилые дома.

В коридорах новой школы пахло свежей краской, деревом и гвоздиками. Было много незнакомых ребят и взрослых, все улыбались и болтали. Мы с Колькой Ковровым поднялись на самый высокий, третий этаж, остановились у открытого окна в коридоре. Оттуда был виден машинный двор, где старшеклассников будут обучать гравитехнике, краешек стадиона и лоскутное одеяло полей. Шла уборка; харвестеры кружили на малой высоте над угодьями, наполняя танки зерном. У горизонта, размытые жаркой дымкой, виднелись колоссальные блоки недостроенного грузового космотерминала.

— Блин, красиво, — деловито подметил Ковров, усаживаясь на подоконник. — Махнем на гравипедах в воскресенье, посмотрим на стройку?

— Далековато, — ответил я, свешиваясь из окна, чтобы плюнуть на велоцираптора, копошащегося в пыли у цоколя.

Едва я свесился, как получил болезненный тычок в поясницу.

— Офигел? — зашипел я, оборачиваясь. Но это не Коврову вздумалось пошалить.

— Салаги, привет.

Нас обступили полукольцом мирновские мальчишки. Я шмыгнул: знакомые все лица. Мишка Косолапычев, Профессор Колбасинский, Муравей, Тарасик. Мы, опушкинцы, не один раз били их за

то, что они играли на нашем корвете. Причем хорошо так били, у Колбасинского даже рассечение брови было. Его родители потом ходили по домам, искали виноватых, но мне удалось отсидеться в подсолнухах.

Муравей, самый низенький и щуплый, ткнул в меня крошечным, неощутимым кулачком и поинтересовался:

— Махаться будем?

— Один на один? — с сомнением спросил я.

— Если один на один, то он будет, — поспешил высказаться за меня Ковров.

— А у меня брат вернулся из армии, — сообщил Тарасик гнусавым голосом.

Мишка Косолапычев положил мне на плечо тяжелую руку.

— В какой класс перешел, Казаров?

— В пятый, — ответил я, сбрасывая его руку.

— Дерганый, да? — Профессор Колбасинский толкнул меня в бок. А Тарасик подхватил мой рюкзак и швырнул в окно.

— Ты чего? — ужаснулся я. — Там же новый планшет!

Я повернулся к окну и сейчас же получил увесистого пня. Мирновцы заржали. Ковров вжался в стену, чтоб выскользнуть вдоль нее из окружения. Меня же выходка Тарасика привела в бешенство. Мамка в динозавриуме работает, на яйце овирапторов, отец — на ремзаводе, отталкивающие поля на харвестерах настраивает, деньги не за красивые глаза обоим достаются, а эта шпана портит мои новые вещи! Я вцепился в красивую белую рубашку Тарасика, а Мишка Косолапычев — в мой рукав. Заскрипели зубы, затрещала ткань.

— Что здесь происходит? — раздался строгий голос.

Мирновские мальчишки расступились. В дверях класса стоял незнакомый мне учитель в темном костюме. Многочисленные щупальца, окружающие его покрытую бисеринками пота лысую голову, встревоженно шевелились. Три пары глаз отражали сияние сентябрьского солнца, словно катафоты на гравике.

— Ничего, Кмыф Лгович, — поспешили заверить учителя мирновцы. — Мы просто знакомились.

— Знакомились... — повторил недовольным тоном Кмыф Лгович, его щупальца сердито молотили воздух. — Столько лет в одном космохозе живете, в соседних селах, а до сих пор не познакомились? Это кто здесь — никак Косолапычев? — учитель протянул к Мишке руку, указательный палец на которой заканчивался подпиленным хитиновым когтем. — В этом году, друг мой, снова ждать проблем с дисциплиной?

Мишка Косолапычев опустил голову и что-то пробурчал.

— Что? Говори внятно! — потребовал Кмыф Лгович. — Или к директору проводить?

— Нет, — протянул Косолапычев, глядя в пол.

— Смотри, чтоб на педсовете снова не пришлось поднимать вопрос о твоем поведении и успеваемости, — сказав это, учитель поджал хелицеры.

— Кмыф Лгович! — обратился к учителю Ковров. — А еще они рюкзак Казарова в окно выбросили...

Планшет не пострадал. Рюкзак удачно упал пакетом с бутербродами вниз.

4

Открывал учебный год урок мира. Я сидел у открытого окна, глядел то на нового классного преподавателя, трипода с Шиала, то на стадо полосатых

гадрозавров, которых космохозные пастухи гнали по главной улице села.

Трипод, Ш-ш Ышевна, говорила при помощи рта на центральной лапе.

— Детишки, — синие, хаотично расположенные по всему телу классной руководительницы глаза асинхронно моргали. — Космос — страшная, враждебная ко всему живому стихия. Нам всем очень повезло, что во Вселенной существует такая планета, как наша Земля. Да, я не оговорилась, детишки. Земля — наша общая планета. Ну, пятый класс, кто скажет мне, сколько разумных видов живет сейчас на Земле?

Руку подняла моя соседка Инна, девочка из Мирного.

— Да, Рогожина?

— Шесть видов, Ш-ш Ышевна.

Классная руководительница выгнула центральную лапу в сторону Инны.

— А можешь ли ты их назвать?

Инна наморщила лобик.

— Триподы с Шиала, — начала она, глядя на гирлянду мигающих глаз учительницы, — втуки с Пангелиоса, ууты с ИИды, потом... — девочка потерла висок, — потом — кня с... с...

— Ну, кто поможет?

— Кня с Талуты, — ответил я с места.

Ш-ш Ышевна сфокусировала взгляд на мне.

— Мальчик, я пока не знаю, как тебя зовут. Ответ правильный, но тебе — жирный-прежирный минус за то, что не поднял руки. Или у вас в Опушках были другие правила в школе?

Я не ответил, но Ш-ш Ышевна не ждала от меня объяснений. Ее центральная лапа вновь повернулась к Инне.

— Ты можешь еще кого-то назвать?

— Можно, Ш-ш Ышевна, можно! — затряс рукой Тарасик.

— Ну, Тарасенко, помоги Инне.

— Квадрогады с Колосса, — довольно щерясь, произнес Тарасик.

— Правильно! Кстати, а что у тебя с рубашкой?

Тарасик зыркнул в мою сторону.

— Это Казаров порвал.

— Да? — учительница поморгала, задумавшись. — Ну... Чувствую, влетит кому-то...

— А то! — ухмыльнулся Тарасик.

— Так, ладно! — встрепенулась учительница. — И кого мы еще забыли? Давайте скажем все вместе! Три-четыре!

— Люди! — ответил класс.

Ш-ш Ышевна прошлась перед доской, перевела дух и продолжила:

— Вы и я, мы родились в разных мирах, но это не мешает нам жить бок о бок в мире и согласии. Ведь то, что противостоит нам — огромное пространство безжизненного космоса, — заставляет всех мыслящих существ Галактики держаться вместе. Мы подобны малышам, которые испуганно жмутся друг к дружке при раскатах грома. К счастью, нам больше нет нужды летать в космос, все, что нужно для жизни, нам дает Земля — ее щедрые поля, леса, океаны, недра. Вы можете спросить, детишки, почему мы, триподы, живем на вашей планете, а не вы, люди, на нашей? Ответ прост. Родной мир нашей расы, прекрасный Шиал, был уничтожен взрывом Сверхновой. Мы стали бездомными и были вынуждены скитаться в холодных глубинах, пронизанных убийственной радиацией. На уроках всеобщей биологии вам расскажут, детишки, как вредна триподам радиация. Она вызывает неконтролиру-

емые мутации в нашем наследственном веществе. Вот почему мы, триподы, такие разные.

Учительница похлопала всеми глазами. Я же посмотрел в окно и встретился взглядом с Андреем. Тот стоял у школьной ограды, на нем была роба пастуха, в руках он сжимал витой кнут. У меня отлегло от сердца: значит, Андрей не беглец, не преступник, а обыкновенный пастух, который умеет наводить тень на плетень и заговаривать зубы. Мало ли что он там прятал в корабле? Может, и впрямь — заначку... В следующий миг Андрей растворился, словно призрак, в жарком мареве, плывущем над дорогой.

— Но триподы не более разные, чем вы — люди, — Ш-ш Ышевна пошла между рядами. — Среди вас есть темнокожие и светлокожие, желтокожие и краснокожие. Люди бывают громадными и очень маленькими. Умными и глупыми. Талантливыми и не слишком. И эти различия вовсе не делают их врагами друг другу. Так неужели различия между триподами и людьми могут быть причиной вражды? Как и между другими расами Галактики? Нет, нет и еще раз нет. Рука об псевдоподию, псевдоподия об щупальце пойдем мы к вершинам прогресса. В мире и дружбе создадим цивилизацию, в которой не будет места бездушной враждебности космоса!

Меня тронули за плечо. Девчонка с задней парты передала скомканную бумажку. Я нехотя развернул записку.

«Посли уроков за стадионом. Преходи расбиремся».

Тарасик, будь он неладен. Все этим мирновцам неймется. Несладко же нашим здесь придется. В первое время...

— А теперь, чтобы немножко отдохнуть и закрепить наш урок мира и дружбы, давайте поиграем.

Тарасенко, ты будешь изображать у нас трипода, ты, Рогожина, — кню, ты, — учительница махнула лапой, — квадрогада, ты — втука, ты — уута... А ты, как тебя, мальчик?

— Саша Казаров, — представился я.

— Ты, Казаров, так и быть, покажешь нам человека. Мы будем петь народные песни, играть, учиться вместе и друг у друга.

На улице снова трубно заголосили гадрозавры. Очередное стадо вели с пастбищ на ферму.

Короткий учебный день пролетел незаметно. Я вышел из гулкого фойе, остановился на крыльце. Шесть гипсовых колонн поддерживали козырек фронтона, и в обхвате они были шире, чем деревья.

— Казаров! Хватит с колоннами обниматься! — зазвенел девичий голос. Стайка опушкинских девчонок вытекла из дверей, заструилась по ступенькам, в тень от голубых елей, посаженных по периметру школьного двора.

— Идешь на квантобус, Казаров? — окликнули меня снова. — Погнали с нами, на двенадцать-пятнадцать успеем.

Идти на остановку в компании девчонок было стремно. Поэтому я отмахнулся:

— Не, я Коврова буду ждать.

— Ну пока, Казаров!

— Пока!

Девчонки ушли, щебеча. Я огляделся. На крыльце и во дворе кучковались мирновцы, своих недругов я не видел, но в моем кармане шуршала бумажка — напоминание, что меня ждут сейчас за стадионом. Наверное, ждут... Само собой, туда идти не стоило.

Кто же знал, что нас переведут учиться в Мирное?.. Вернее, знать-то знали, но никто не задумывался о последствиях, ведь казалось, что лето будет

длиться вечно. И что на корвете имеем право играть только мы, опушкинцы.

Куда же запропастился Ковров?.. Сейчас бы махнуть с ним на станцию. Не на ту, что в центре Мирного, а на ту, что на выезде из села, возле дубков.

Я протопал через школьный двор, перебежал улицу, зашел в прохладу книжного магазина. Побродил немного среди стеллажей, посмотрел на полки с фантастикой, потом долго копался в стопках с комиксами про суперменов. То и дело я поглядывал сквозь витрину на улицу, но мой друг не появлялся.

— А его папа после линейки забрал, — сообщил мне Колькин одноклассник, который часто торчал в магазине, потому что здесь работала его бабушка. — Давно уже уехал.

Я расплатился в кассе за комикс, уныло побрел к квантобусной станции. Я уже пропустил двенадцатичасовую подачу энергии, следующую нужно было ждать час.

Под навесом станции стояла шайка-лейка: и Профессор Колбасинский, и Косолапычев, и Муравей, и Тарасик со старшим братом — здоровенным дембелем в тельняшке. Были еще какие-то совсем незнакомые взрослые парни в темных спортивных костюмах. Старшие пили пиво и курили, младшие преданно заглядывали им в глаза.

Секунда-другая, и я ощутил на себе взгляды мирновцев. Тарасик задергал своего брата за тельняшку.

Ну не бежать же обратно к школе, микрорапторам на смех. Я обреченно шел вперед, но не на станцию, а мимо. Иду себе по тротуару, будто по своим делам и будто бы никого не замечаю.

Пахнуло морской капустой. Я поднял взгляд: в тенистой аллейке станционного сквера вырисовался похожий на античную амфору силуэт втуки.

— Сву! — обрадовался я.

— О, привет! — улыбнулась мне невеста брата. — А я вот к вам собираюсь.

— Квантобус уже отключился, — сказал я, стараясь не глядеть в сторону недругов, те же, я чувствовал каждой клеткой своего тела, не сводили с нас взглядов. — Теперь после часу только.

— А пойдем через село, на дальнюю станцию? — предложила Сву. — Как раз успеем к подаче энергии.

Я кивнул, и мы пошли рядышком по дорожке, уводящей из сквера, к универсаму «Райпотребсоюза». Там Сву купила нам по мороженому, и мы продолжили неспешную прогулку.

— Ой, Сашка, — вздохнула вдруг Сву, — а меня ваша мама не любит.

Я искоса поглядел в серо-голубые, без белков, глаза втуки.

— Да нет, она просто за Ромку переживает, — откликнулся я. — Ты просто разговаривай с ней почаще и по хозяйству помогай... Мамка и растает... Постепенно...

— Не знаю, — печально проговорила Сву. — Ведь я... чужая вам... Пришлица... У нас и детей с Ромкой не будет...

Я хотел было сказать: ерунда, у вас будет куча ребятишек, но спохватился — откуда могут быть дети у существ с разным хромосомным набором? Вместо этого я сказал:

— Ничего, возьмете детдомовского...

Сву просветлела.

— Мы так и решили! — воскликнула она. — Даже троих детенышей... Человечка, втукыша и уутенка!

«А кто их кормить будет?» — совсем по-взрослому подумал я, но говорить не стал. Зачем портить человеку счастье, даже если он... она и не совсем человек. Мне вдруг захотелось повозиться

с этими разнопланетными пацанятами, научить их в футбол играть, почитать им мои любимые книжки про космос, показать, насколько я крут в «Десанте Федерации II». И я сам не заметил, как взял свою будущую невестку за руку, и мы вприпрыжку побежали к красно-белому пузырю квантобуса, у входного портала которого уже выстраивалась очередь.

5

На следующее утро, когда я вышел из квантобуса, как всегда слегка обалдевший от гиперротации, мирновцы уже поджидали меня. Они лениво снялись с заборчика, который окружал станционный сквер, и вразвалочку направились ко мне. Со стороны могло показаться, что школьники встречают приятеля, чтобы вместе отправиться на занятия. Я затравленно огляделся. Никого из наших поблизости не оказалось.

— Ну че, Казаров? — осведомился Профессор Колбасинский, выплевывая под ноги жвачку. — Потолкуем?

— Не о чем мне с вами толковать, — пробурчал я, высматривая пути для бегства.

— Мамочку ищет, — захихикал Тарасик.

— Не, не мамочку, — пробасил Косолапычев, заходя мне за спину. — Втучку он эту выглядывает, кривоногую...

Этого я вынести не мог. Стремительно, как положено звездному капитану, повернулся к врагу. Мишка ухмылялся. Сейчас он казался мне отвратительнее всех триподов вместе взятых.

— Ты кого втучкой кривоногой обозвал?!

— Да Сву вашу, куриные лапки, — отозвался Косолапычев, которого не так-то легко было взять на испуг.

— Ах ты...

Я размахнулся, чтобы врезать Косолапому по сопатке, но тот быстро толкнул меня в грудь. Я шагнул назад, пытаясь сохранить равновесие, но Муравей ткнулся мне под коленки, и я полетел на асфальт. До асфальта мне долететь не довелось. Чья-то сильная рука схватила меня за шиворот и вернула в вертикальное положение.

— Четверо на одного! — произнес знакомый голос. — Настоящие космодесантники, ничего не скажешь...

Мирновцы не стали вступать в дискуссию с моим спасителем, рванули — только их и видели. Я оглянулся. Это был Андрей. Он расправил на мне помятый воротник форменной куртки и сказал:

— Ничего, Санька, в бою всякое случается... Мы в детстве еще не так дрались: район на район. Без ножа даже за хлебом нельзя было выйти.

Андрей был в стареньком своем камуфляже, который странно топорщился у него вокруг талии.

— Спасибо, — пробормотал я.

— Не за что... Ты на занятия, Санек?

— Ага...

— Ну, тогда проводи... Есть у меня в твоей альма-матер кое-какое дельце...

Я обрадованно кивнул. Старых своих недругов я не особенно боялся, но если уж новой стычки не избежать, то не мешало бы обзавестись подкреплением. В школе я подговорю наших, опушкинских, и мы зададим мирновской банде трепку.

Андрей взял мой рюкзак, хотя я вполне мог нести его сам. Мы пошли рядом. В Мирном меня почти никто не знает, поэтому на нас не обращали внимания. Моложавый дядя провожает племянника в школу. Или старший брат — младшего. Рабочее утро в Мирном было в самом разгаре. Пылили по улице гадрозавры, оглашая окрестности сиплым ревом, на ходу

прихватывая блинчатыми губами листву с тополей. Бабуся, переваливаясь, как утка, несла, прижимая к животу, коробку с выводком микрорапторов. Маленькие динозавры пищали, словно цыплята. По проезжей части перла колонна грузовых гравикаров — везли что-то тяжелое, накрытое брезентом.

Я запомнил тот теплый сентябрьский день в мельчайших деталях.

До школы оставалось шагов триста, как вдруг Андрей заговорил.

— Мы хотели только одного, — произнес он, сжимая кулак, — чтобы чужие оставили нас в покое. Мы ведь едва вышли в межзвездный космос... Впереди у нас было столько открытий, столько побед... А эти... — он с ненавистью посмотрел на семейку уутов, которые, сцепившись верхними парами конечностей, катились через перекресток... — явились без приглашения и установили здесь свои порядки... Спасители... Космос бесчеловечен... Конечно, теперь он остался без человека, с тех пор как нас швырнули обратно на Землю, будто слепых кутят... Я — пилот экстра-класса, мне и сорока пяти нет, больше десяти лет стою на приколе, без права покинуть околоземное пространство...

Мы подошли к школьной ограде, и он замолчал. Я с удовольствием отправился бы дальше один, но у Андрея оставался мой рюкзак. А он еще и положил мне руку на плечо, когда мы стали подниматься по ступенькам. Я попытался вывернуться из-под его цепких как крючья пальцев, но Андрей держал крепко. Мы вошли в дверь. На входе всегда дежурил дядя Сааф — громадный квадрогад, под раздвижным панцирем которого, как поговаривали ребята, скрывались боевые серповидные жала — уж он-то не пустит в школу чужака. Но дядя Сааф лишь равнодушно скользнул взглядом стебельковых глаз по

лицу Андрея и отступил в сторону. Тогда я еще не знал, что квадрогады в принципе не отличают одного человека от другого. Другими словами — мы все для них на одно лицо.

Охранник пропустил нас, и это стало его роковой ошибкой. Потому что Андрей вытащил из-за пазухи игольный парализатор и выстрелил дяде Сафу в основание шеи, как раз туда, где у квадрогадов проходит жизненно важная артерия. Охранник рухнул как подкошенный. Девчонки, которые толклись в вестибюле, завизжали. Андрей рявкнул громовым голосом:

— А ну цыц, малявки!

Все сразу притихли. Было видно, что этот странный дядька не шутит.

— Слушайте меня внимательно! — продолжал Андрей. — Сейчас вы все подниметесь на второй этаж и соберетесь в кабинете общей биологии... А ты, Санек, — обратился он ко мне, — пойдешь к директору и скажешь, что дважды герой Земной Федерации, летчик-космонавт, подполковник Буревой Андрей Васильевич взял в заложники учеников его школы и грозит взорвать вместе с ними кабинет общей биологии, если не будет выполнено его, подполковника, требование. А требование у него только одно — правительство Федерации должно немедленно принять закон о депортации с планеты Земля всех представителей инопланетных рас. Запомнил? Повтори!

Я через пень-колоду, спотыкаясь на каждом слове, повторил. Он поморщился и сказал:

— Ладно, просто позови директора в класс.

И он наконец отпустил мое плечо. Поминутно оглядываясь, я побрел на ватных ногах к директорскому кабинету. А бывший подполковник Буревой, вчерашний герой космоса, сбивал школьников, будто выводок гипсилофодонов, в кучу. Многие уже

плакали. Я заметил в этой толпе свою одноклассницу Инну, закадычного дружка Кольку Коврова, мелькнула перекошенная физиономия Профессора Колбасинского. В голове не укладывалось, что космонавт может оказаться террористом. Не помню, как я добрался до директорского кабинета. Тлу Тлувич — высокий, тонкий и гибкий, как бобовый стебель, кня — сразу вычленил из моего невнятного бормотания главное. Он усадил меня на диван, сунул в руки стакан с ледяной газировкой и позвонил в полицию.

— Иди домой, Саша, — сказал он мне, положив трубку. — С тебя хватит. А мы будем спасать ребят.

И тогда я совершил, наверное, самый глупый поступок в своей жизни.

— Я пойду в класс, Тлу Тлувич, — сказал я. — Там Колька Ковров, Иннка, все наши...

Он посмотрел на меня из-под зеленых, похожих на стручки, бровей и произнес:

— На Талуте не принято отговаривать. Даже молодые проростки у нас сами отвечают за свои решения, но на Земле...

— Чур, мы на Талуте!

Он улыбнулся.

— Тогда давай вытащим наших друзей!

Мы поднялись в класс. Андрей нас впустил и тут же запер дверь. Мне показалось, что здесь собралась вся школа. Ребята расположились за партами и на партах, на полу и на подоконниках, между наглядными пособиями, изображавшими строение инопланетных животных, и шкафами с книгами. Нет, конечно, вся школа в кабинете всеобщей биологии разместиться не могла, но несколько классов — точно. Учителя тоже были здесь — триподы, кня, квадрогады, втуки, ууты, люди. Они стали стеной перед детьми, заслоняя их от террориста собственными телами — щупальце об псевдоподию, псевдо-

подия об руку. Андрей сверлил их злым взглядом, но, по-моему, он растерялся. Что-то пошло не так, как он задумал. За окнами завыли полицейские сирены.

— Эй вы, кто-нибудь, пойдите и скажите этим крысам, что если хоть одна зеркальная задница сюда сунется, я взорву класс!

В руке у него была трубка с кнопкой и проводками, которые подсоединялись к поясу со взрывчаткой. Вот почему он так растолстел в талии. Директор кивнул Ш-Ше Ышевне, и та кинулась к двери. Многочисленные синие глаза ее были полны слез.

— Господин подполковник, — заговорил Тлу Тлувич, успокоительно поводя ветвипальцами, — отпустите детей, оставьте в заложниках преподавательский состав.

— Кому вы нужны... негуманоиды... — проговорил террорист.

— Угрожать жизни детей нельзя даже ради самой святой идеи... Вспомните Достоевского...

Андрей подскочил к нему, задыхаясь от ярости.

— Ах ты, чертов репейник! Достоевского вспомнил... Да я тебя...

— Внимание подполковника Буревого! — вдруг раздался усиленный мегафоном голос. — Я майор полиции Сергеев Аскольд Федорович! Уполномочен районным представительством Федерации вести с вами переговоры. Предлагаю установить способ общения.

— Ну вот, давно бы так...

Террорист отпихнул директора и осторожно, бочком, двинулся к окну. И в этот миг Кмыф Лгович с влажным треском раздвинул четырехугольный панцирь — только костюм полетел клочьями — и выпустил из-под него веера серповидных жал. Заслышав подозрительный шум, Андрей обернулся, но был стремительно сбит с ног преподавателем языков си-

риусянской группы. Серпы Кмыфа Лговича пригвоздили террориста к полу. Бывший подполковник захрипел, забился, а затем обмяк, словно примирившись с поражением.

— Наш мир добрый, да, — процедил он слабым голосом, — но только для своих.

А потом Андрей изо всех сил вдавил смертоносную кнопку.

6

Детеныши квадрогадов смотрели на меня, завороженно приоткрыв жвала. По свету в крохотных рубиновых глазках своих учеников я понимал, что они все еще там, в жарком сентябрьском дне моего далекого детства. За стенами школы уныло шумел тропический ливень, капли дробно барабанили по кожистой листве деревьев-исполинов, гремел гром. Дождь был идеальной завесой, за которой скрывались другие звуки. В эти мгновения из джунглей на школу смотрели сотни глаз, а спецназ наверняка уже был под стенами.

Я присел на край стола, перевел дух.

— А бомба взорвалась? — прозвучал наконец нерешительный вопрос.

Во рту пересохло. Я с трудом сглотнул. Сказал:

— Нет... Андрей был хорошим пилотом, но плохим террористом.

— А что с ним стало?

— Тяжелораненого Андрея забрала «Скорая» и в сопровождении полиции отвезла в райцентр. С подполковником Буревым я больше не встречался, хотя в новостях сообщали, что он выжил. — Я помолчал, потом сухо продолжил: — Разразился грандиозный скандал. На всей Земле поднялась шумиха. Политиканы из ксенопарламента попытались показать ситуацию в выгодном для себя свете.

Это положило начало беспорядкам, — я махнул рукой. — В итоге ксенопарламент распустили. Была пересмотрена внутренняя и внешняя политика Земли. Снова ожили некогда замороженные программы по освоению космоса. В том числе — по межпланетному сотрудничеству в области колонизации необитаемых миров. Поймите, Земля напоминала в те годы кипящий котел, который грозил обернуться кровопролитной войной и геноцидом. Однако избыток энергии удалось перенаправить вовне. Тем, кто помнил прежние времена, пришлось приучать себя к мысли, что космос — не бесчеловечен, как нам внушали учителя-пришлецы. Космос — опасная среда, но у нас были знания и техника, чтобы его покорить. И космос покорился. Мы покинули Землю вместе с пришлецами. Рука об псевдоподию, псевдоподия об щупальце, мы отправились в другие звездные системы. Мы нашли новый дом для триподов с Шиала, мы возродили биосферу на планете кни, мы излечили мир втуков от эпидемии, вызванной иногалактическим вирусом...

— Довольно!

Этот окрик заставил детей вздрогнуть. Обросший ложнощупальцами партизан, ополоумевший боец повстанческой армии Колосса, отвалился от стены, которую он подпирал, саркастически пощелкивая жвалами на протяжении всего моего рассказа. Повстанец тяжело поднял и навел на меня излучатель.

— Вранье, снова вранье. Чего еще ждать от человека? Ты выдумал эту нелепую историю прямо здесь и сейчас, находясь в отчаянии. Твой единственный шанс уцелеть — попытаться убедить всех, будто человечишки принесли в Галактику добро и мир. Дескать, это не нашествие, а освоение космоса. И будто действуете вы в союзе с другими расами.

Это — небылицы. На самом же деле сюда никто вас не звал. Ни вас, ни ваших союзников. На нашу планету свалилось много напастей, но худшая — это люди.

— Разве не квадрогады жили долгое время на Земле, поскольку на Колоссе изменился климат? — Я очень устал, этот урок слишком затянулся.

— Кто-то из наших бежал! — сердито проклацал жвалами партизан. — А кто-то остался на Колоссе, чтобы возродить наш мир из пепла.

— Теперь Колосс вновь обитаем, — сказал я.

— И ты снова хочешь сказать, что так вышло благодаря людям? — Дуло излучателя смотрело мне в лицо. — И кто тебе поверит?

— Мы верим учителю! — пискнули с одной из последних парт; дуло изменило направление взгляда. Но детенышей это не испугало: — Мы верим учителю! Учитель прав! Учитель хороший! — наперебой твердили детеныши.

— Убери оружие, — устало потребовал я, но добился лишь того, что дуло снова уставилось мне в переносицу.

— Но почему? — проскрипел партизан, обращаясь к классу. — Ведь он — чужак. А мы — одной крови. Почему вы верите ему? В то, что было наверняка выдумано! Почему вы — верите...

— Как и мы в свое время не встали на сторону дважды героя Земной Федерации, хотя вещал он вроде дельные вещи, — ответил я за детенышей. — Тому, кто грозит оружием детям, веры нет и быть не может. От того отвернутся и свои и чужие. Я ничего не выдумал, моя история продолжается. Ты можешь застрелить меня, но в глазах детенышей я останусь своим, ты же будешь врагом и отверженным.

— В одном ты прав: я могу тебя убить, — проговорил повстанец, но по его глазам я понял, что

стрелять он не будет. Он тоже пережил со мной и с детенышами тот сентябрьский день, и он разделил с нами эмоции, как делят хлеб путники, которых непогода собрала в одном убежище.

Я отошел к окну. В ливневом сумраке, озаряемом вспышками молний, мне казалось, что под стенами школы мечутся тени велоцирапторов и гипсилофодонов, а дождь говорит со мной голосами из прошлого — Андрея Буревого, Кмыфа Лговича, Кольки Коврова, Сву, матери.

С треском распахнулась дверь. А вот и пожаловал спецназ...

«Именем Федерации вы арестованы!»

И снова мальчишка в линялой футболке и шортах оказался на скрещении лазерных лучей. За триста парсеков от своего дома и сорок лет спустя...

Не стоит величать меня героем. Я лишь звено в цепи событий, начатой Андреем Буревым. Мир добр только для своих. Это он верно сказал. Но граница, отделяющая «своих» от «чужих», находится в непрерывном движении, подчиняясь принципу развития, определяющему течение нашей жизни. Меньше месяца понадобилось, чтобы опушкинские пацаны стали друзьями мирновских мальчишек, около года — чтобы Сву окончательно приняли в семье Казаровых, долгие десятилетия — чтобы Федерация вернулась в космос и утвердилась в спиральном рукаве Галактики.

— Урок окончен, — объявил я классу, когда скованного наручниками партизана выволокли в коридор. — Вы — молодцы, квадрики. Не опаздывайте завтра. Первым по расписанию — русский язык.

КОНСТАНТИН СИТНИКОВ

ЛЕДОВЫЕ КАТКИ ЕВРОПЫ

Вараксин, инженер из реакторного, голый и волосатый, сидя в предбаннике, примерял коньки на босу ногу. Алеша растирал себе спину полотенцем и смотрел на него. Они были одни в душевой. Алеша недавно пришел с дежурства и застал Вараксина здесь. Вараксин, наверное, нарочно задержался в душевой, чтобы примерить коньки. Щуря попеременно то один, то другой глаз, он придирчиво разглядывал плавно изогнутые лезвия.

— Готовитесь? — спросил Алеша, пряча улыбку.

Вот уже целый месяц на орбите только и разговоров было, что о коллективном отпуске на Земле и ледовых катках Европы. Алеша этого не понимал. Как будто заняться на Земле больше будет нечем! Вот посидеть с удочкой на берегу Оби — это да! А тратить отпуск на какие-то ледовые катки...

Попробовав остро наточенное титановое лезвие ногтем, так что оно отозвалось тоненьким сладким звоном, Вараксин удовлетворенно крякнул. Он мечтательно закатил глаза и зачмокал от предвкушения губами.

— Коля из сменной рассказывал: ничто не может сравниться с ледовыми катками Европы. Ты разгоняешься что есть мочи и летишь так, что никакой черт тебя не догонит...

— А кто еще собирается? — спросил Алеша, чтобы поддержать разговор.

— Семенов с Волыной. Дворецкий. Пуртов. Это ночной дежурный с «Джей-5». Ты его не знаешь.

— Толстый такой и вечно лохматый?

— Точно. Галка Рогожкина едет.

— Галка едет? — быстро спросил Алеша. — Она разве тоже?.. — он замолчал и, закусив губу, отвернулся.

— Все наши едут, — подытожил Вараксин. — Один ты остаешься.

— А что я? — пробормотал Алеша. — Разве я против? Давно в Европе не бывал... Тем более, говорите, Галка едет. Скоро?

— Вот с опытами покончим и айда. А хороши конечки, — хмыкнул Вараксин, пряча коньки в пластиковый мешок.

Космическая станция «Джей-7» — одна из двенадцати орбитальных станций, вращающихся вокруг Юпитера. Снаружи она похожа на бублик, утыканный иголками антенн. В свободное от вахт время молодые планетологи собирались на смотровой площадке, откуда открывался великолепный вид на Старину Джупа. Он заполнял своим разноцветным китовым боком две трети панорамного окна. Поверхность планеты-гиганта застилал плотный покров исполинских сине-оранжевых облаков. Чудовищные вихри носились в бездонной атмосфере, и страшно было представить себе падение в эту бездну...

Алеша любил прийти сюда после вахты и постоять перед панорамным окном, мысленно беседуя со Стариной Джупом. Вот и сейчас он направился на смотровую площадку, чтобы немного помечтать в одиночестве. Отворив дверь, он увидел девичий силуэт на фоне Юпитера и в нерешительности остановился на пороге.

Он не ожидал застать здесь Галку. Алеша хотел было незаметно уйти, но тут Галка, не поворачивая головы, заговорила с ним.

— Ну и?.. — спросила она. — Проходи, что ли.

Алеша сообразил, что стоит в ярко освещенном дверном проеме и Галка отлично видит его отраже-

ние в стекле панорамного окна. Он напустил на себя независимый вид, подошел к окну и развязно заговорил:

— Вараксин проговорился о ледовых катках Европы. Вы это серьезно?

Галка, обернувшись, смерила его взглядом.

— Если хочешь, летим с нами, — предложила она. — Вообще-то, я думала, ты предпочтешь повидаться с мамой...

— Успеется, — пренебрежительно отмахнулся Алеша, хотя ему до слез хотелось обнять маму: он не видел ее уже полгода.

— Хорошо, — сказала Галка. — Я скажу Вараксину, чтобы он записал тебя тоже, — и добавила, подумав: — А ты, Алешенька, на коньках-то умеешь?

— Конечно, умею, — буркнул Алеша.

Он давно мечтал об отпуске на Земле. И чем ближе был отпуск, тем труднее было думать о чем-то другом. Теперь к мечтам о встречах с родными и друзьями прибавилась еще одна. Алеша твердо решил, что отправится со всеми в Европу и докажет, что владеет коньками не хуже, а то и лучше некоторых. Вот он легким размашистым шагом выходит на знаменитый каток Вены, где в прошлом году проходила зимняя Олимпиада, и делает первые пируэты... Семенов и Волына боязливо жмутся к бортикам и завидуют... А Галка... Галка не может оторвать от него восхищенного взгляда...

И вот настал долгожданный день.

Когда Алеша увидел космический катер, на котором им предстояло лететь на Землю, у него челюсть отвисла. Это было настоящее корыто, тесное, ржавое, латаное-перелатаное, со стершимися номерами. Скорее всего, катер давно и подчистую списали, и он наверняка не проходил ни по каким документам. К удивлению Алеши, ребята, все до одного,

даже Галка, оделись по-спортивному, и у каждого через плечо были перекинуты связанные шнурками коньки. Им что, так не терпится на лед?

Он последним поднялся на борт катера и с трудом загрузил в багажное отделение сумку, набитую сувенирами — минералами с Ганимеда и других спутников Юпитера, на которых ему довелось побывать за время работы на «Джей-7». Когда Алеша занял место рядом с Вараксиным, тот подмигнул ему, откинул кресло и, по всему видно, приготовился вздремнуть. Днище под ногами задрожало — заработали двигатели форсажа, внизу промелькнули щетинистые антенны, и «бублик» орбитальной станции остался за кормой.

— ...Парень, просыпайся! Мы прибыли! — кто-то толкал его в плечо.

Алеша разлепил глаза и повел осоловелым взглядом вокруг. Что, неужели так быстро? Рядом с ним стоял инженер Семенов и немилосердно тряс его за плечо. Ребята толпились в проходе, торопясь выйти наружу. Они вели себя как-то странно, смешно подпрыгивали, надолго повисая в воздухе, как будто за время их отсутствия сила тяжести на Земле уменьшилась в несколько раз... Алеша тоже чувствовал необыкновенную легкость во всем теле... почти как в невесомости. Ничего не понимая, он отстегнул ремень безопасности, оттолкнулся от кресла и... стукнулся макушкой о потолок. А потом медленно-медленно опустился обратно...

Семенов протягивал ему легкий спортивный скафандр и шлем с солнцезащитным забралом:

— На вот, примерь, — сказал он. — Лучше, чтобы он подошел. Другого все равно нет.

— Где мы? — ошалело спросил Алеша, потирая ушибленную макушку.

В проходе засмеялись:

— Ну и соня! Забыл, куда летел...

— Я на Землю летел, — растерянно сказал Алеша. — К маме...

Семенов внимательно посмотрел на него и потрогал ему рукой лоб.

— Ты, случайно, не перегрелся, парень? — спросил он. — Какая Земля? Какая мама?

— Погоди, — остановил его нахмурившийся Вараксин и обратился к Алеше: — Ты что, и в самом деле думал, что мы летим на Землю?

— Конечно, на Землю! — Алеша едва не плакал. Он не понимал, что происходит. — Вы же сами говорили: ледовые катки Европы... разгоняешься так, что никакой черт не догонит...

— Говорил, — серьезно кивнул Вараксин. — А теперь, дружок, выгляни в иллюминатор. Как, по-твоему, где мы?

Алеша послушно повернул голову к иллюминатору. До самого горизонта, близкого и заметно округлого, простиралась голубая ледовая равнина, а над горизонтом, заливая равнину призрачным светом, вставал рыжеватый, до боли знакомый Юпитер. Старина Джуп.

Чуть поодаль от него в непроницаемой черноте космоса сверкали яркие немигающие звезды.

— Ну, так где мы? — настойчиво повторил Вараксин.

— Не знаю... — пролепетал Алеша.

Кто-то присвистнул. Кто-то, кажется, Волына, пробормотал: «Ну и дела...»

— Это что же, — заговорили в проходе, — получается, парень не знал, куда летел? Так нам что, возвращаться теперь?

— Эх, — огорченно протянул толстяк Пуртов, — плакал отпуск.

На него тотчас зашикали: «У человека горе, а ты...»

— А что я? — огрызнулся Пуртов. — Я ничего. Я как все...

Повисло тягостное молчание. Алеша готов был от стыда лопнуть. Так опозориться перед ребятами... Ему казалось, Галка смотрит на него с негодованием и презрением... А хуже этого на свете ничего не могло быть.

Нарушил затянувшееся молчание Дворецкий, вывалившийся из кабины пилота и обиженно возопивший: «Ну, скоро вы там? У меня все ноги затекли, пока долетели, а вы тянете...» Трагикомичность момента прошла мимо него.

Тут же загалдели все разом.

«В самом деле... раз уж проделали такой путь... давайте покатаемся...»

«Эй, Дворецкий! Все ноги, говоришь? Сколько их у тебя?»

«Ребята! Кто видел мои коньки? Они вот тут, под сиденьем были...»

Кто-то подошел к Алеше. Он поднял глаза и увидел Галку. В руках у нее была запасная пара коньков.

— Пойдем, что ли, чемпион, — позвала она.

...Они стояли, взявшись за руки, на вершине высочайшей горы Европы. Европа — одна из лун Юпитера. Она сплошь покрыта льдом, невероятно гладким, а под ним — пятьдесят километров холодной воды, в которой ходят неясные гигантские тени. Ледовые катки Европы... Они простирались внизу, подобно синему стеклу. Они были похожи на застывший газ, прозрачный, весь в таинственных разводах, какие бывают, когда в стакан воды уронишь каплю синьки. Тут и там виднелись черные точки людей на коньках. Они разгонялись по склону горы, пулей вырывались на простор бескрайней долины

и неслись во весь дух по идеально гладкому катку, созданному природой. Алеша никогда не видел ничего подобного. Это было так красиво, что дух захватывало... И рядом была Галка. О чем мечтать еще?

Он знал, о чем. Теперь — знал. О том, чтобы подпрыгнуть на месте, молодецки гикнуть — и сорваться туда, вниз, где только простор, скорость — и свобода! Свобода, которой не испытаешь больше никогда и нигде, кроме как на ледовых катках Европы.

ЕЛЕНА КЛЕЩЕНКО

СЕРОЕ ПЕРЫШКО

— Мне, батюшка, — оксамиту на платье. Цвету смарагдового. И соболей на оторочку.

— А мне — венец новый. Не из самых дорогих, а сколь не жалко будет... но только чтоб с камнями. И зарукавья.

— А Марье — ягод лукошко, авось вередами пойдет, — тем же смиренным голоском добавила старшая. Поклонилась отцу, поплыла к двери. Средняя, сладко улыбаясь, — за ней.

Марьюшка словечка не сказала в ответ. Знает, что дорогих подарков ей не видать. И так сватают вперед сестер, двоим отец уже отказал. Поил сватов медами лучшими, греческим вином — Марья молода, берите вместо Марьи Гордею, за ней вдвенадцатеро больше дам... Не сладилось дело.

— Марьюшка, — позвал Данила. Дочь подняла ресницы. — Говори, что твоей душеньке хочется?

— Спасибо, батюшка. У меня все есть, ничего мне не надо.

— Так не бывает! Чтобы молоду да веселу и ничего не желалось?! Скажи, может, забаву какую?

Или... — хотел сказать «ягод на меду», но осекся, — или сластей?

Марьюшка взглянула на отца, и сердце Данилы дрогнуло. Чем-то вдруг она напомнила жену-покойницу.

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста Ясна Сокола.

— Перышко? — Данила поднял бровь. — На что тебе соколиное перышко?

— Оно не простое, серебряное.

— Украшение какое?

— Нет, — Марьюшка продолжила шить. — Утеха на праздный час. Купи, батюшка, оно недорого стоит. У баб на базаре спроси, они скажут.

Смарагдовый отрез и венец с зарукавьями давно лежали в суме, а вот с перышком вышла незадача. Никто не знал, что это за диковинка и у кого ее можно сторговать. Купчихи, посадские жены, простые бабы качали головами, смеялись, отмахиваясь от Данилы рукавами. Торговка с пирожками чуть не сомлела от хохота — так залилась, не в силах перевести дух и по-лошадиному всхрапывая, что Данила плюнул и отошел. И то смешно — зрелый муж бегает по базару, словно юродивый, ищет незнамо что.

Спрашивал у мужчин, но и те только диву давались. Один шустрый разносчик радостно закивал, повел Данилу к какому-то балагану, вынес оттуда «перо Феникса» — сушеную пальмовую вайю и на изумление скверно заругался, когда узнал, что не будет ему ни двух гривен, ни даже одной, ни медной полушки... Да где же добыть это окаянное перышко Финистово?!

— Перышко ищешь?

Невесть как подкралась. Пожилая, лет под сорок, одета чисто, голова повязана белым платком не на

русский лад, лицо темное, глаза и брови черные — знать, ясинка или булгарка. Нос тонкий, губы тонкие. Проживет еще столько да полстолько, вылитая будет Баба-яга, как в баснях бают.

— Ищу, дочке в подарок.

— Сам надумал или дочка попросила?

— Дочка.

— А мать позволила? — ягишна усмехнулась одной щекой.

— Вдовец я, — отрезал Данила. — Есть у тебя перышко или попусту болтаешь?

— Есть. Продать тебе?

— Продай.

Не успел выговорить — баба развязала кису, что держала в руке.

Данила думал, Финистово перо окажется затейливым, вроде тех, что украшают боярские охотничьи шапки: кудряво завитое, осыпанное каменьями-искорками... Но на узкой ладони лежала невзрачная сероватая полоска, вроде ивового листа. Такая же заостренная и сероватая.

— Это? Краса, значит, и утеха?

— А ты приглядись, купец. — Баба подняла перышко и повертела вправо-влево. Данила едва не ахнул: по бородкам пера побежали яркие радуги, мелькнули, пропали, появились снова. Он осторожно взял игрушку: вес был не пуховый, стерженек холодил пальцы. Попытался согнуть паутинной тонкости проволочки, нажал легонько, сильней — не гнулись, упруго противились, как настоящее перо.

— Беру.

Ко всему-то Марьюшка приготовилась. И к тому, что отец перышка не найдет, и к тому, что вместо подарка принесет плетку — шутка ли, так налгать родному батюшке!.. Только не к тому, что отец добро-

душно усмехнется и подаст ей перышко. Подивился радужным переливам да спросил, где слыхала о дикой винке. У колодца, сказала Марьюшка. Сестрицы-змеищи кинулись, схватили, со всех сторон обсмотрели, пошипели: дура, мол, дурочка, нацепи в волоса свое перышко и красуйся! — с тем и оставили.

Стыдно, страшно, а назад хода нет. Рано или поздно домашние прознают, какое такое перышко, и тогда... Лучше разом, как с моста в воду.

Новое платье и материно ожерелье лежали на сундуке, ждали своего часа. Наконец утихли и сестры, и девки-чернавки. Марьюшка нарядилась, не зажигая огня. Затеплила самую тонкую лучинку. Все равно огонек получился слишком ярким, кто выйдет во двор или в сени, враз заметит. Но в темноте страха не одолеть.

Бросить перышко об пол... Бросила. Радуги замелькали ярче и быстрее. Сказать шепотом:

— Любезный Финист — Ясный Сокол, жених мой жданный, явись ко мне!

И трижды прочесть «Да воскреснет Бог». Все-таки хоть и не змей огненный, а кто его ведает...

Трижды прочесть молитву Марьюшка не успела. И птицы-сокола не заметила. Загудело, как зимой в трубе, и из воздуха появился он.

Марьюшка, забыв о страхе и стыдливости, смотрела на него во все глаза. Надо же разглядеть, с кем век коротать.

Не высок и не дороден, в поясе тонок. Одет в серебристый атлас или тафту — при лучине не разглядишь, все гладкое, без узоров и оторочек. Шапки нет, волосы светлы, вьются, как быстрый ручей, надо лбом острижены, за ушами длинней. Усы кудрявые, борода не выросла. Лицо чистое, светлое, брови темнее волос, а глаза — и впрямь соколиные: золотые, круглые и не смигивают.

— Здравствуй, краса ненаглядная! — сказал, посмеиваясь. — Биться будем или мириться?

Помолчал краткий миг, добавил:

— Обниматься или целоваться?

— Поговорить бы вперед, — сказала Марьюшка.

Чародейский молодец усмехаться перестал и воззрился на нее, будто это она, Марья, к нему прилетела на рогатом ухвате и предложила непотребное.

— Да ты... красная девица... — обвел глазами светелку — сундук, столик у окна, постель на лавке. Снова уставил медовые очи на нее. На узенький венец и застегнутый до последней пуговки летник. — Не жена, не вдова — как же ты... кто тебя научил этакому? Где перышко взяла?

— Батюшка с базара принес.

— Батюшка?!

— Он не знал, для чего оно надобно.

Молодец произнес несколько слов на неведомом языке, повертел головой, засмеялся.

— А ты-то знаешь, дитятко?

— Где ты дитятко углядел — мне пятнадцать годов, шестнадцатый! Не для худого тебя позвала, а для доброго!

— Для чего же?

Марьюшка собралась с духом, тронула ожерелье на счастье и — как с моста в воду:

— Люба я тебе?

— Люба, — признался молодец. Марьюшка поклонилась до земли:

— Если люба, возьми за себя. Доброй женой буду, век из воли твоей не выйду, только возьми.

— Ку... куда я тебя возьму?

— В тридесятое царство!

— Куда?!

— Где сам живешь, туда и жену возьми! — дерзко сказала Марьюшка. — Не знаю, как твоя

земля зовется, а и ты мне люб. Не оставь погибать, увези. Сестры поедом едят, матушка десять лет на погосте, а батюшка мне от них не заступник. Не отдает меня вперед них, а мне жизнь не мила.

— Сестры поедом, — повторил Финист. Он все еще глядел, как булавой ошеломленный. — Ну что ж, девица... как тебя величать? Марьюшка... Что ж, Марьюшка, хочется поговорить — говори. Спрашивай гостя, как хозяйский долг велит.

Вспомнив о хозяйском долге и девичьей скромности, Марьюшка потупила очи и присела бочком на правый краешек лавки. Молодец присел на левый край, ближе к светцу.

— Поздорову ли, господине Финист. Какого ты роду-племени? Боярин, али купец, али... — «колдун» не выговорилось.

— Да... пожалуй, что купец. А еще мастер... ну, пусть будет корабел и кормчий. Нас тут семеро. Чужестранцы мы, веры не русской. Пришли сюда на... летучем корабле. Слыхала про такие?

— Знаю.

— Вот и славно, что знаешь. Живем тут, у вас, девятый год, домой дела не пускают. К примеру, меха ваши скупаем, ладим у себя развести соболя да куницу, да не выходит пока. А иной раз... гм... тоска берет холостому быть. Наших жен и девиц с нами нет, одна только есть, она над нами начальствует.

— Как начальствует? Хозяйка ваша? Разве жена может купцом быть?

— Наша все может... ну да не о ней речь. С людьми мы мало знаемся, вера у нас иная, родина далеко. Так далеко, что замуж туда ни одна не пойдет, да мы и не сватаемся.

— Так ты из Индии?

— Еще дальше. Со мной уедешь, век весточки домой не подашь... Ну вот, думали мы и придумали. Вера наша возбраняет приступать к жене допрежь того, как она сама позовет. А жены да вдовы в вашей земле по теремам сидят. Вот и сделали наши мастера перышки, записали в них малыми буквами... ну, имена наши, прозвания. Продали на базаре через жен-ведуний, как тайну великую... ох, найду Мирку, будет ей гостинчик... Так где перышко ударится об пол, там нас и ждут. Туда мы и в гости бываем. Поняла али прямей сказать?

— Куда ж прямей, — Марьюшка закраснелась. — А если... если дурная собой перышко купит? Кривая, худая да лысая?

— Не видал еще у вас некрасивых. А кривой глаз я вылечить могу.

— Вы все колдуны?

— Мы мастера. Душу нечистому не продавали.

— Ты, значит, тут жен да вдов утешаешь, а дома тебя супруга ждет?

— Нет у меня супруги, — признался Финист.

— В такие лета и нет? По какому же вы закону живете?

— Про лета особый разговор, а закон... Не православный, сразу скажу. Но женам и девам обиду чинить у нас строго заказано. За это карают без милости.

— Головы рубят али как?

— Лучше бы рубили... Так что, Марьюшка, передумала? Ведь я некрещеный, нас и в церкви не обвенчают.

— А не хочешь ли креститься? — тихо спросила Марьюшка. Головы к нему не повернула, а все равно — светлое лукавое лицо так и стоит в очах...

Финист хлопнул себя по коленям и рассмеялся, но тут же зажал себе рот.

— Ох, девушка милая! Ну а если я все же колдун?

— Что ж, коли так! В Приречном конце Петрович знахарь, жена у него и детишек четверо, все в церковь ходят.

Находчивый ответ заставил гостя призадуматься.

— Да пойми ты, мне у вас не жить. А ты у нас жить не сможешь. На что тебе я, инородец? Такая умница да красавица, обожди, пока сестер со двора сведут...

— Ты их видел, сестер моих?! Сведут их, как же! Раньше я в могилу сойду!..

— Тише! — соколиные зрачки сжались.

— Что?

— Ходят. Смотри сюда, Марьюшка. Другой раз не бросай перо, а возьми... ну хоть иголочку.

Он уверенно сунулся в темный угол, поднял с пола иглу.

— Здесь и здесь острием нажми — видишь крапинки? Ну, приглядись, вот они. А то отдай кому не жалко или брось на улице...

— Нет! Сказала...

Финист приложил палец к губам... и исчез прежде собственной тени, которая, показалось Марьюшке, еще замешкалась на полу.

Не успела дух перевести, в дверь застучали.

— Марья! — окликнул батюшкин голос. — Отвори сей же час!

— Иду!

Отстегивать ожерелье, снимать алый летник на осьмнадцати пуговицах было некогда. Марьюшка побежала к двери.

Батюшка был не один. Тут же стояли старшая с середней и девка Танька, а за батюшкиным плечом маячил Онфим со свечой в левой и дубиной в правой.

— Простите, что помедлила. За работой задремала.

— Глядите, батюшка, на ней платье другое, лучшее! Для кого наряжалась, а?

— Для себя самой, сестрица милая! Кайму подбирала. Батюшка, что они наплели на меня?

Марьюшка сама удивилась, как легко сошла с языка ложь.

...Притворив дверь, Данила обернулся к старшей и средней:

— Дуры.

Отец редко бранился, а при слугах — и вовсе впервой. Дочери молча отдали поклон. Завтра поглядим, чей верх будет...

Кума Пелагея, всем трем сестрам крестная мать, пожаловала еще до обеда. Явилась и сразу начала выспрашивать, что Данила дарил дочкам. Не успел он выговорить про Финистово перышко — кума тяжело осела на скамью, застонала, закрестилась:

— Охти мне! Сором-то какой! — и заголосила певучим басом, будто колокол: — Да ты, кум любезный, али перепил, али недопил, али в самый раз выпил, что родной дочери своими руками этакую мерзость!.. Ой вы, девоньки горькие, покинула вас мать нерадивая на отца бестолкового!..

В сенях хихикали. Старшая со средней, посылая Таньку к крестной и не ждали такой удачи.

Перышко Данила стоптал каблуком — только хрустнуло да блеснуло. Марья вскрикнула, будто ее самое сапогом ударили, и оттого разгорелась в нем лютая ярость. Как Пелагея сказала, что девичьей чести ущерба не было, он поуспокоился, но говорить

со лживой ослушницей не стал. Молча вышел из светелки и сам заложил засов.

Постоял, прислушался. За дверью молчали. Гордо и безжалостно, ему в ответ.

— Ты рехнулся. Это отвратительно!

— Дело вкуса.

— Пусть так. А что ты сделаешь, когда она сбежит, да еще беременная от тебя?! Ты берешься просчитать информационные последствия? Дикие слухи, потом генетику?

— Берусь.

— Ты самоуверен. Нет, уж лучше я все возьму на себя. Как врач и как командор.

— Не посмеешь!

— Знаешь, что посмею!

— Марьюшка, это я, Танька! Не нужно ли чего?

— Сама мне про Финиста баяла, а теперь — «не нужно ли чего»?

— Так, а что я? Я думала, бабы врут... Ой, Марьюшка, что ж теперь с тобой станется?

— Батюшка выдаст за Илью Митрофаныча. Завтра за дьяком пошлет, сговор будет.

— Ой, Марьюшка...

— Танька, выпусти меня. Я тебя не забуду.

— Что мне с твоей памяти, меня Данила Никитич батогами велят забить!

— Не велит. Я уйду через заднее крыльцо, а ты засов задвинь, как было. Подумают — сокол меня унес.

— Ой, Марьюшка, а он... он что, взаправди был?

— Взаправди. Он меня унес бы, да без перышка не позвать его.

— Да Марьюшка, на воротах-то замок!

— А я на амбар и через забор.

— Ножки переломаешь!

— Ты небось не переломала, когда тебе Васька-гончар свистел! Отпирай, кому сказано!

Базар с утра был почти пуст, но бабу Мирку оказалось легко найти. Первый встречный и проводил, и охальничать не стал.

Зато темнолицая веселилась вовсю. Чудно, правда, как-то смеялась. Будто что у нее болело.

— Ты и есть та хитрованка, вдового купца дочь? Али беда приключилась?

— Дай другое его перышко. Вот ожерелье, оно больше стоит, чем мой отец тебе заплатил. И скажи, где они живут.

— Не боишься?

— Не боюсь.

— Храбрая девка. Вот тебе перышко. Пойдешь через Никольский бор, потом ельником. Держи клубочек, да бросать не вздумай: просто гляди, чтобы красные нитки крест-накрест сходились. Неладно свернешь — и они разойдутся. К полудню увидишь железный тын, на нем черепа огнем горят, а за ним железная башня. Стучись в ворота. Перышко побереги да иголку не оброни. Ожерелье себе оставь.

— Спаси тебя Господь.

— Мне не удалось — у тебя выйдет.

Этих слов Марьюшка уже не слыхала. А ведунья перекрестила ее в окно, потом расстелила на скамье плат, увязала в него две рубахи и хлеб в тряпице. Что толку медлить — кабы отец за дочерью не пришел...

Перышко не призвало Финиста. Зато хитрый клубочек вывел верно. Железная башня поднималась выше елей, черепа на ограде слабо светились алым.

Найдя ворота, Марьюшка постучалась. Вышло тихо. Подобрала камешек, стукнула слегка, боялась повредить лощеное железо. Потом сильнее...

Левый воротный столб сердито пропищал что-то.

— Не понимаю по-вашему, — ответила Марьюшка. — Отворяй ворота!

Ворота открылись. Не распахнулись, а поехали вверх, будто их кто на цепи подтянул. Марьюшка подняла голову, выглядывая ворот с работниками...

— Зачем пожаловала?

Во дворе, у башни, стояла женщина. Одета как Финист и так же хороша собой. Молодая, а гордая, прямо княжна.

— Работница не надобна? Могу прясть, ткать, вышивать...

Хозяйка захохотала. Отсмеявшись, спросила:

— Говори, что нужно!

— Я Финисту невеста.

— Невеста... — княжна гадко усмехнулась. — Таких невест у него...

— Как у тебя женихов? — крикнула Марьюшка. — Твое перышко почем идет на базаре?

— Экая ты! — ее будто и не задело. — Ладно... заходи.

Внутри башни все тоже было железным. Светлым и блестящим, как отточенный нож. На стенах ничего. Не говоря про образа — ни тканого, ни шитого нет. И мехов не видать. Полы голые, лавки голые, лестница голая. Двери прячутся в стенах и снова выползают, сами становясь стенами...

— Здесь он. Спит, устал с дороги. Разбудишь — будет твой.

Холод вроде и несильный, а пробирает до костей... Марьюшка уже знала, что увидит.

Железо сменилось серебром. Серебряный свет заполнял горницу. Шесть ледяных гробов пустых,

а в последнем — он. И колдовские огни мерцают в изголовье.

Она заставила себя подойти совсем близко. Нет, не мертвый, вправду спит. Щека холодная, но не мертвенным холодом, а живым, будто с мороза.

— Финист!

Молчание. Дышит ли? Не дышит... Но ведь живой?..

— Финист!..

Что ж теперь? Кричать криком, как в песнях да в баснях? «Встань-пробудись, мил-сердечный друг, никогда я...»

Никогда.

Горючая слеза упала на серебряный атлас.

И скатилась, как росинка с листа.

— Врешь, не заплачу!

Перышко на месте. Игла заколота в ворот. На эту крапинку и на эту...

Ничего.

Но ведь она обещала отпустить его, если Марьюшка разбудит... пусть глумилась, но, значит, возможно?.. Боясь передумать и спугнуть надежду, она взглянула пристальнее на гроб, на колдовские огни.

Тут же, у изголовья, по верхнему краю — узенькие скважинки. Шесть красных, одна зеленая. Как раз под стерженек пера. Красных много, зеленая одна...

Перышко вошло легко и дернулось в пальцах, словно живое, прилегло к стенке. Знакомые радуги побежали ярче и быстрей...

Веки оставались неподвижными, грудь не поднялась вздохом. Зато на ледяной стенке проступила картина. Человеческий образ, написанный не красками, а светящимися линиями, будто сплетенный из путаных нитей. Почти все нити — сапфирово-си-

ние, только там, где грудь, синие петли свиваются в пурпурный узелок. И этот узелок вздрагивает: раз... другой... еще...

Острие иглы провело по стволику пера. Коснулось бородки, другой... У сапфировых линий возле сердца появился аметистовый отлив. Третья... Пискнуло, будто мышь, голос, тот же, что у ворот, произнес несколько укоризненных слов.

— Добро. А так?..

Четырнадцати лет Марьюшка вышила паволоку для собора Косьмы и Дамиана, по обету — от Покрова до Рождества. Такую работу, говорили, вчетвером не поднять, а она закончила до срока. Вся улица знала: лучше вышивальщицы, чем Данилова Марья, нет ни среди девок, ни среди баб. Две-три старухи прежде могли с ней поравняться, а теперь глаза не те.

Много позже она видела во сне, что вышивает образ милого — мелким бисером, что нельзя взять в щепоть, можно лишь поддеть на кончик самой тонкой иголки, а пальцы стынут на холоде, серебряный зимний свет меркнет, и не успеть до звезды...

На самом деле было иначе. Она сидела на полу и, глядя на светящийся рисунок, иглой перебирала бородки пера. Она не могла бы сказать, почему пропускает одни и подцепляет другие, старалась только делать так, чтобы синие линии розовели, наливаясь живой кровью. Писклявый домовой корил ее все реже, а на смену серебряному свету приходил алый и золотой.

Врач-командор, не слыша из гибернатора криков и дикарских причитаний «на кого меня покинул сокол ясный», встревожилась — не умерла ли девчонка? — и осторожно заглянула в дверь.

Девчонка пела. Сидя на полу и не оборачиваясь, напевала невыразительно, размеренно, бездумно — так поют за работой.

— Ах ты зи-му-ушка-зи-ма-а, зи-ма снеж-на-я была...

...Жжет веки, болят исколотые пальцы, сон одолевает...

— Зима снежная была-а... все до-ро-ги за-ме-ла...

...Мышеписк, стенотреск... проступает синь за белой оторочкой окна...

— Все дороги, все пути-и... не проехать, не пройти...

Потеряла разум?

Но не успела врач-командор испугаться, как заметила другое. Еще более страшное.

Схема физиологических уровней была включена — и светилась всеми оттенками желтого. До возобновления функций оставались секунды.

— Ты?!

— Поздорову, господине. Думал сбежать, а вот она я.

Марьюшка потерла саднящие глаза. Финист выпрыгнул из гроба, подхватил ее на руки.

В горнице вдруг стало темно от людей, кроме княжны, появились еще двое или трое. Стали спорить, тыкать пальцами в медленно меркнущий золотой рисунок, который вдруг сменился такими же золотыми строчками мелких, как мураши, буковок, неразличимых глазу. Стали показывать на Финиста, на Марьюшку, что-то выговаривать княжне. Старший, с седой бородой, погрозил кулаком. Княжна прикрикнула на него, подбоченилась, топнула каблучком. Потом обернулась к Финисту и Марьюшке и спросила по-русски:

— Как тебе удалось?

— Что?

— Сама не знает, что сделала! Ты взломала... простым перебором... не зная... даже без... — она безнадежно махнула рукой. — У вас и слов-то нет, это объяснить! Но как ты с ключом управилась, со вводом? Вы же все подслеповатые!

Не тебе, твоя милость, меня судить, хотела сказать Марьюшка. Небось своей рукой ни единой рубашки не сшила, все колдовством получала, сразу да быстро. А посадить тебя за бисер, мигом почивать запросишься. Сама подслеповатая.

— Не кричи, — ответил княжне Финист.

Седой взглянул на них и вдруг подмигнул Марьюшке. И она поняла, что никто ее отсюда не прогонит.

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

1

Итак, новую картину следовало написать на планете Отуссая. А чтобы не отвлекаться на бытовые мелочи, надлежало прихватить с собой Клэр. В трюме моего экранолета место для нее найдется. При этом я не могу оставить жену без ее любимого дома и, стало быть, возьму с собой и ее. Кстати, две хозяйственные и заботливые женщины сделают мой вояж гораздо приятнее. И еще — Ноэми уже давно заговаривала про отпуск на какой-нибудь экзотической планете, в стороне от привычных туристических маршрутов. Вот, теперь ее мечта исполнится. Ну, чем плох план?

Я вздохнул.

Пережить бы еще сборы в дорогу.

— И обязательно надо позаботиться о креме для загара, — напомнила Ноэми.

Вид у нее был очень деловой.

— Зачем? — поинтересовался я.

— Загорать, конечно.

— Это рабочая поездка. Там будет не до развлечений.

— Тебе. А у меня-то отпуск. И я намерена провести его с толком.

— На Отуссае загорать не получится.

— Откуда знаешь?

— Ее орбита расположена необычно.

— Мне помнится, несколько часов назад ты говорил, будто она находится от своего солнца на вполне приемлемом расстоянии? И атмосфера у нее пригодна для дыхания? Уверена, местечко позагорать найдется.

Хоть кол на голове теши.

— Пару следующих недель, — сообщил я, — вся поверхность планеты будет покрыта толстой коркой льда, уникального, особой цветовой гаммы. Если вычесть время на дорогу, то останется неделя, но именно за нее мне необходимо написать гипнос-полотно.

— То есть там будет зима все время нашего пребывания?

— В яблочко.

— А ты будешь писать снег и лед?

— Я хочу запечатлеть этот удивительный лед, его оттенки и отблески, переливы, все пробуждаемые им ощущения. Причем, как и положено, зиму сменит весна, весьма слякотная. Она тоже к солнечным ваннам не располагает. Вот когда мы вернемся на Землю...

— Мне нужен инопланетный загар. — Ноэми была непреклонна. — Увидев его, все подружки с ума сойдут от зависти.

Я снова вздохнул.

— И не хмурься, — сказала Ноэми. — Это тебе не идет.

— Да?

— Конечно. Кстати, я уже придумала, что мы сделаем.

— А именно?

— Ты закончишь картину, а на обратном пути мы завернем на какую-нибудь планету с подходящей атмосферой, на которой в достатке моря, пляжа и солнечной погоды. Согласен?

Я хмыкнул.

Типично женское понимание мира. Если на пути попалась очень высокая стена, вместо того чтобы свернуть в сторону, делаются попытки совершить под нее подкоп или ее перепрыгнуть, перелететь на воздушном шаре, прельстить ее охрану, уговорить случайно встреченного альпиниста перетащить через нее, задействовать знакомого знакомой, работавшего подрывником и поэтому знающего, как в любой стене проделать большую дыру... Упорство, помноженное на изворотливость, сдобренное гранитной уверенностью в успехе дела.

Впрочем, можно ли ожидать от них иного?

— Ты согласен?

Ну что можно ответить? Хотя...

— А как на это посмотрит Клэр? — осторожно спросил я.

— Я ее уломаю, — не моргнув глазом, заявила Ноэми. — Вот прямо сейчас пойду и договорюсь.

Да, тут остается только отойти в сторону.

Я взял в руки емкость с гипнокрасками, подумал, отложил ее в сторону, ухватил в два раза большую.

— Ты слышишь меня?

— Конечно, дорогая, — ответил я, прикидывая, сколько следует захватить метров сонного полотна для будущий картины. — Делай, как знаешь.

— Главное, не встревай. Я все устрою.

Кто бы сомневался? И договорится. Кроме женского понимания мира, существует еще и женская солидарность. Рука руку моет.

2

Всего лишь за час сказочный цветной лед стал лужами и ручьями. Полюбовавшись тем, как гаснут оставшиеся от него радуги, я аккуратно опрыскал мультизакрепителем написанную мной на Отуссае картину. Бережно и сноровисто орудуя манипуляторами, Клэр ее упаковала и отправила в свою кладовую. Кажется, ей такая работа нравилась.

Небо к этому времени стало цвета мохового агата. Я уже знал, что здесь это к перемене погоды.

Подчиняясь приказу погрузиться в трюм, Клэр активизировала ходовую часть дома и заставила мое жилище двинуться к стоявшему на ближайшем пригорке экранолету. Четыре массивные конечности шагали легко, можно сказать, изящно. Сам дом изменялся, приобретал более округлую форму. Окна его вытягивались, стекла в них становились толще. На стенах вспухали выросты, похожие на сосульки. Оказавшись в трюме, он растопырит их, словно ежик, чтобы уберечься от перегрузок во время старта.

Сцепив пальцы на затылке, я с наслаждением потянулся всем телом.

Вот теперь можно заняться и развлечениями. Причем забыть о них не даст некто с точеным профилем и голубыми глазами. Нет, не получится от-

ложить в долгий ящик поиски планеты, на которой можно с комфортом позагорать.

Увидев, что от корабля ко мне спешит моя женушка, я тихо засмеялся, пробормотал:

— Точно. Не получится...

Мне вспомнилась законченная картина. Может быть, лучшая из всех, написанных мной.

Как я ее назову?

Дворец Снежной королевы? Ледяной сон? Дворец королевы льда? Планета обжигающего льда? Дворец ледяных мечей? Ледяная сказка?

Ветер едва не сбил меня с ног, неожиданно и сильно ударив в спину. И тотчас после этого стих, затаился. Снежные птицы, которых он покатил было кубарем, словно покрытые перьями шарики, встали, отряхнулись и вновь принялись копаться в лужах длинными плоскими клювами. Кажется, они выискивали там мелких насекомых, живших в снегу, а теперь утративших подвижность от перегрева.

Я подумал, что у снежных птиц за последние пару дней заметно уменьшились крылья, да и цвет оперения теперь не был абсолютно белым. Появились серые пятна. Интересно, как птицы будут выглядеть еще через пару дней?

— Поднимаем паруса? — спросила Ноэми.

Она была уже неподалеку. Шла легко и уверенно, улыбалась.

— Да. Пора, — ответил я.

— Ты окончательно разделался с работой?

— Осталось лишь придумать название для картины.

— Это можно сделать и на планете, остановку на которой ты мне обещал.

Я улыбнулся.

Все правильно. Она целую неделю безропотно ждала, была усердной помощницей, а также специ-

алистом по быту активно работающего художника. Теперь ее следует вознаградить. Кстати, подходящая планета на примете уже есть...

3

Джунгли, пляж, чистейшая вода, безоблачное небо, в зените — в меру жаркое светило. Идеальные условия для хорошего загара.

Не за этим ли мы сюда прилетели?

— Здесь безопасно? — спросила Клэр, едва выгрузившись из трюма. — Ты уверен?

— В данный момент на планете Поденка нет ни одного хищника, — ответил я.

— Так не бывает. Если есть растительность, значит, должны быть и травоядные. Если есть травоядные...

Я улыбнулся.

— Правильно рассуждаешь. Однако сейчас на планете нет травоядных или хищников. Не будет еще три дня. В лоции есть подробное описание.

— А потом что случится?

— Наступит день, когда из отложенных в землю зародышей появятся травоядные и начнут расти как на дрожжах.

— Вот бы на них посмотреть.

— К этому моменту мы уже будем лететь к Земле.

— Уверена, на них не откажется посмотреть и Ноэми, — заявила Клэр. — Можешь ты удовлетворить наше женское любопытство?

Я хмыкнул.

Впрочем, стоит ли удивляться таким вопросам? Моя жена по профессии домовой врач. Именно она сотворила управляющий домом разум, создала Клэр, она же занималась ее развитием, формировала мышление, вводила алгоритмы поиска решений,

учила общаться. В результате я оказался в обществе двух закадычных подружек, наделенных почти в равной мере женским пониманием мира. Если они сговорятся...

— Конечно, тебе виднее, но если надумаешь показать нам хищников...

— На это не хватит времени, — буркнул я.

— Ты — хозяин.

Удивительная покладистость. Только не куплюсь я на нее. Нет, не куплюсь.

Мы помолчали минуты три. Первой сдалась Клэр.

— Хорошо, тогда начинаю разворачивать солнечные батареи, — заявила она. — Необходимо подзарядиться.

— Ты могла это сделать от корабельной системы, в пути, — напомнил я.

— Почему бы не сэкономить? Я подумала, что на планете, на которой собираются загорать, солнца должно быть вволю.

— Так и оказалось.

— Значит, мой расчет оказался верен. А теперь выкладывай-ка мне всю подноготную о планете Поденка, пока вы с женой не отправились на пляж.

Я взглянул на дверь дома.

Поход к морю требует основательной подготовки. Значит, моя женушка появится еще минут через пятнадцать, не раньше.

— Эта планета уникальна, — сообщил я. — На нее уже было двадцать экспедиций, и сейчас готовятся еще две, большие и очень представительные.

— Вот как?

— Установлено, что Поденка населена одним-единственным организмом. Под поверхностью планеты находится что-то вроде гигантской грибницы, толщиной в несколько километров. Она оплетает всю планету, по сути — ею является. Понимаешь?

— Конечно.

— В грибнице, близко к поверхности планеты, лежат зародыши всех животных, личинки насекомых, с ней сплетаются корни всех растений. То есть она включает в себя не только фауну, но и флору. Благодаря этому жизнь на Поденке идет циклично. Неделя, в течение которой на ней нет ни одного животного, а властвуют растения и насекомые, сменяется днем, когда на поверхность выбираются травоядные. Как я уже сказал, к обеду они достигают взрослых размеров, а к вечеру, уничтожив всю растительность, откладывают в землю потомство. Следующий день будет днем хищников. Они съедят всех травоядных, поместят в землю зародыши и погибнут. Потом в рост ударится растительность. Далее — по кругу. Растения и насекомые, травоядные, хищники.

— Я восхищена, — сказала Клэр.

— И сейчас здесь совершенно безопасно, — подтвердил я. — Ибо в разгаре зеленая фаза. Вот потом...

Хлопнула дверь, и на пороге появилась Ноэми, с объемистой сумкой в руках.

— Я готова, — возвестила она. — Пошли загорать!

— Удачи, — пожелала нам Клэр. — Будьте осмотрительнее, не сгорите там!

Сказано это было с интонациями очень заботливой мамаши. Переглянувшись, мы с веселым смехом бросились на пляж.

4

Два дня прошли незаметно. Клэр занималась хозяйственными делами, а мы полностью отдались теплой воде, мягкому песку и жарким лучам местного светила. Первую ночь провели прямо на пляже. Нам

было просто замечательно и там, а пожелай мы еды или питья, достаточно было позвать Клэр. Не захотели уходить мы с него и на вторую ночь.

Утром следующего дня Ноэми сообщила:

— Все хорошее когда-нибудь заканчивается. Хватит бить баклуши, пора возвращаться к трудам и заботам. Кроме того, сегодня последний день растительного царства. Завтра появятся травоядные. Пора улетать.

Я вдруг понял, о чем будет моя новая картина, представил, как начинаю ее рисовать. Там, на Земле.

Да, пришло время возвращаться.

Собрав вещи, мы отправились обратно к экранолету, благо до него было недалеко. Клэр ждала нас возле корабля. Она явно не теряла времени даром. Крылья солнечных батарей были уже сложены, а стены ее сияли свежей, белоснежной облицовкой. Еще она нарастила пару декоративных башенок и теперь стала смахивать на средневековый замок.

— А они зачем? — спросил я.

— Ты ничего не понимаешь, — вступилась за подругу Ноэми. — Это красиво.

Я пожал плечами.

Ну, значит, красиво. Женское видение красоты. Ничего не попишешь.

— Я — рада! — воскликнула Клэр. — Я очень рада, что вам понравился мой вид!

От удовольствия стекла в ее окнах на мгновение стали разноцветными, словно в детском калейдоскопе.

— Мы сегодня должны улететь, — напомнил я. — Начнем погрузку?

— Ваше желание для меня — закон! — воскликнула Клэр. — Немедленно приступаю. Прощай, гостеприимная планета. Мы улетаем, но когда-нибудь вернемся.

После этого осталось лишь открыть люк экранолета и отойти в сторону, освобождая дому дорогу. Я так и сделал.

Клэр выдвинула ноги, приподнялась на них и резво зашагала. Она успела преодолеть всего лишь половину расстояния до люка, когда из земли вынырнуло огромное, покрытое зеленой чешуей щупальце и мгновенно опутало ее конечности.

5

От моря нас отделяла гряда холмов, смахивающих на сахарные головы. Склонявшееся к горизонту светило окрасило их верхушки в нежные пастельные тона, породило тени, пока еще не очень длинные, но самим своим существованием напоминающие о скором наступлении ночи.

— Не получается, — сообщила Клэр. — Со щупальцами так не сладить.

Вполголоса чертыхнувшись, я швырнул на траву гиперпульсатор. Ствол его от перегрева слегка дымился.

— А если взять пушку мощнее? — предложила Ноэми.

— Для этого придется лететь на Землю, — ответил я.

— Попробуем увеличить разброс огненного шнура?

— Спалим дому ноги.

— Я потерплю, если это нужно для освобождения, — заявила Клэр. — У дома болевой порог ниже, чем у людей. Будет больно, но я потерплю.

— У нас не грузовой экранолет, — сообщил я. — Нет приспособлений для загрузки в трюм целого дома. А без ног ты в него забраться не сможешь.

— Что будет дальше? — спросила моя супруга.

— Завтра день травоядных. Он не страшен. А вот следующий, когда появятся хищники...

Ноэми с тревогой посмотрела на солнце и невольно поежилась.

— Думаешь... — пробормотала она, — считаешь... хищники...

— В теле нашего дома много органики, — напомнил я. — Слишком много. И если мы можем отсидеться в экранолете, то Клэр...

— А если мы с гиперпульсаторами в руках станем ее защищать? Нам надо продержаться лишь один день.

— Представляешь, какие хищники появятся из-под земли? Учти, они должны за один день съесть огромные стада. Я видел кое-какие фотографии. Нет, нашим оружием их не остановить.

— Дело плохо?

— Времени у нас осталось мало. Кто мог представить...

Я сокрушенно покачал головой.

— А как же двадцать экспедиций, признавших эту планету безопасной? — с горечью спросила моя жена.

— Исследователи использовали обычные купола. Живой дом попал на Поденку впервые, и планета не захотела его отпустить. Обрати внимание, она всего лишь удерживает Клэр, она еще не сделала ей ничего плохого.

— Планета? — пробормотала Ноэми.

— Живущий под ее поверхностью симбионт.

— Идея! — подала голос Клэр. — Вдруг это не щупальце, а гибкая ветка или корень? Может такое быть? А травоядные тоже должны быть невероятно прожорливыми. Наверняка они завтра этот корень или ветку съедят.

— Хорошая мысль, — признал я. — Однако щупальце — часть грибницы, а у нее должна была выработаться какая-то защита от своих питомцев. Думаю, травоядные нам не помогут. А на следующий день...

Мы помолчали

— Еще можно скопировать личность Клэр в память корабельного компа и увезти с собой, — наконец сказал я. — В самом крайнем случае, конечно.

— Я знаю объем свободной памяти твоего корабля, — сказала Ноэми. — В нее поместится лишь ее половина. Клэр очень сложная программа, настоящая личность. А из пятидесяти процентов восстановить полный ее объем будет невозможно. Да и не решит копирование проблемы. Настоящая Клэр все равно погибнет на наших глазах. Понимаешь?

Мне стало не очень хорошо. Представилось, как стая гигантских хищников рвет на части наш дом, стремительно орудуя огромными зубами и острыми когтями.

Нет, допустить этого нельзя. Вот только как же спасти Клэр? Все возможности исчерпаны.

— Получается, мужское мышление пасует? — вдруг спросила Ноэми. — Возможностей выручить наш домик не осталось? Планета непобедима?

— Похоже, так и есть, — неохотно признался я.

— Значит, настало время для женской логики.

Я хотел было сказать, что это полная чушь, но передумал. Утопающий хватается и за соломинку. А вдруг?..

— Щупальце все время пытается сжать тебя покрепче? — спросила моя жена у дома.

— Да, пытается, — ответила Клэр.

— А ты сопротивляешься?

— Пока мне удается противостоять его силе, но преодолеть не получается.

— Понятно. Теперь слушай, что надо делать...

6

Экранолет летел к Земле на автопилоте. А мы с Ноэми отправились в трюм, прихватив бутылочку шампанского. Дом занимал большую его часть, но для нас тоже нашлось место. В принципе, мы могли устроиться в гостиной Клэр, но именно сейчас нам хотелось подчеркнуть, что она для нас не просто управляющий жилищем разум, но еще и товарищ.

Мы вынесли из дома пару кресел и поставили их прямо на шероховатый пол трюма. Уселись, я открыл бутылку, наполнил два бокала, и мы с женой выпили за счастливое спасение Клэр. Она нас поблагодарила.

Моя супруга облегченно вздохнула. Вопреки ее опасениям случившееся никак на психику подруги не повлияло.

Тогда я задал вопрос, на который не хватило времени там, на Поденке. Очень мы спешили ее покинуть.

— Хорошо, Клэр освободилась... Так почему симбионт ее отпустил?

— А ты не понял? — спросила жена.

Ничего не оставалось, как признаться:

— Не совсем. Кажется, ты говорила об одном из принципов женского понимания мира. О том, что если нет возможности двигаться дальше, если кто-то загораживает дорогу, то надо сделать так, чтобы он сам захотел ее освободить, получив желаемое. Клэр тебя поняла, кажется. А что она сделала, я так и не уловил. Просто минут через пять она вдруг получила свободу. Почему грибница ее отпустила?

— Ларчик открывается просто, — объяснила Ноэми. — В соответствии с вашей, мужской логикой, встреченное на дороге препятствие можно только

уничтожить. Вы предпочитаете действовать силой, а если ее не хватает, то отступаете. Если не удается отступить, деретесь до конца. Оказавшаяся в подобной ситуации женщина сначала попытается найти компромисс.

— Это понятно. Не ясно, какую лазейку вы обнаружили.

— Надо было просто понять, в чем Поденка нуждается, — объяснила Клэр. — Целая планета. Понимаешь?

— Нет.

— Развитие на ней достигло пика. А если нет борьбы между видами, нет конкуренции — нет и совершенствования. Ей необходимы новые горизонты.

— Ей нужно выйти в космос, дотянуться до новых миров?

Ноэми покачала головой.

— Чисто мужской взгляд, — сообщила она. — Это вы, исследовав все вокруг жилища, отправляетесь дальше, на поиски нового. Женщина привязана к дому. В том случае, конечно, если она не имеет возможности взять его с собой в дорогу.

— Ну хорошо, — промолвил я. — Пусть так. Что делает настоящая женщина, если нуждается в чем-то новом?

— Ждет, когда оно заявится к ней само, создает условия, для того чтобы это новое захотело к ней прийти.

— А потом пытается удержать? — предположил я.

— За все в жизни надо платить. Что делает хозяйка гостиницы, если постоялец намерен удрать, не заплатив?

— Зовет полицию?

— Хватает его за шиворот.

— Понятно. Мы чем-то там не заплатили за проживание. Кстати, а почему планета не пыталась получить плату со всех предыдущих исследователей?

— Величина объекта. Вероятно, для планеты обычные люди слишком малы. Она не воспринимает их. А вот Клэр как раз достаточного размера для признания клиентом.

— Так что это за плата?

— Неужели трудно догадаться? — вмешалась в разговор Клэр. — Новый генетический материал, конечно. Поденка может развиваться лишь за счет генетического материала пришельцев из космоса. Причем, поскольку она не пыталась утащить меня под землю целиком, можно было предположить, что ей хватит и маленького кусочка. Образца. Трудно ли мне было отщипнуть манипулятором у себя от ноги кусок кожи и положить его на щупальце? Как только я это сделала, она меня тотчас отпустила.

Я почесал в затылке.

Ну и дела! Получается, мы установили контакт с планетой-симбиотом с помощью нашего дома. И конечно, мы не были первыми. Интересно, гены каких инопланетных существ хранятся в подземных кладовых Поденки?

— Наш дом — настоящее сокровище, — признал я.

— А ты как думал?

В голосе Ноэми слышалась гордость.

— Кстати, отчего вы все время подчеркиваете женскую сущность этой планеты? — спросил я. — Ну да, грибница, слово «планета» и ее название — женского рода, но все это лишь слова. А сущность... У планет не бывает пола. Вы понимаете это?

— Интуиция, — подсказала Клэр. — Есть еще такое понятие, как женская интуиция. И она очень редко ошибается.

СЕРГЕЙ УДАЛИН

ТОЛЬКО БЫ ЛЕНКА

Половина одиннадцатого утра. Ноябрь. Солнце, вероятно, вовсе передумало вставать в такую-то погоду. С неба сыплется колючее нечто, но до земли, похоже, не долетает. Под ногами хлюпает жидкая, комковатая каша. С другой стороны раскисших ботинок ей весело подпевают мокрые носки. И все это, конечно, было бы смешно, если бы не было так мерзко. Да еще ветрюга сумасшедший. Ленка, должно быть, совсем продрогла, но виду ни за что не подаст. Знает, что я только этого и жду. И мы идем навстречу новым подвигам.

Время от времени я останавливаюсь и диктую сводки с полей. Она записывает, с трудом удерживая ручку озябшими пальцами, и тут же начинает обзванивать инстанции. При этом из последних сил старается не стучать зубами.

Немного спасают от холода магазины. Но мы там надолго не задерживаемся. Посмотрели, понюхали и пошли прочь. Нам еще полгорода нужно обойти. Собственно, только нам одним оно и нужно, но попробуй об этом сказать Ленке — порвет на тряпки. А потом сама же будет плакать. Ей разрыдаться — раз плюнуть. А мне ее всхлипы слушать — как серпом по гландам. Если разобраться, то со слез все и началось...

Обеденный перерыв у нашего отдела немного затянулся. Мы сидели, лениво потягивали кофе и болтали о всяких пустяках. Но такой уж Малинин человек, что не может спокойно смотреть на счастливых людей. Он скорчил умное лицо и пробурчал:

— Ладно, хорош трепаться, работать надо.

И тут я возьми да ляпни:

— А смысл? Через час придет шеф и скажет, что проект снимается. Кто-то там кому-то вовремя не проплатил.

Малинин — флюгер еще тот. Если это ничем не грозит, дурака повалять он и сам не прочь. Так что мое сообщение его не на шутку заинтересовало.

— А ты откуда знаешь?

А действительно, откуда я знаю? Да ниоткуда! Просто только что видел, как в комнату заходит шеф и все это нам объявляет. А часы почему-то показывают без пятнадцати три. Хотя на самом деле сейчас без десяти два.

Это как же, вашу мать?.. Глюки, что ли? Совсем ты, Ленчик, заработался!

Перепуганный своими странными видениями, я на редкость удачно отшутился: «Откуда-откуда, из фастфуда!» — и на всякий случай уткнулся носом в компьютер.

Может быть, все бы еще и обошлось, но Ленке вдруг тоже захотелось пошутить. А у нее с этим делом еще хуже, чем у меня:

— А не предскажет ли нам уважаемый Нострадамус еще что-нибудь? — игриво прощебетала она.

Слишком игриво. Весь отдел и так знал, что она ко мне неровно дышит. А я к ней — наоборот — абсолютно спокойно. Что не мешает тому же Малинину меня регулярно подкалывать в курилке. И непременно при Насте из отдела маркетинга.

В общем, исполнил я Ленкину просьбу в лучшем виде:

— Отчего ж не предсказать? Например, ты, голубушка, сейчас получишь втык от шефа.

— Это за что же?

— А за то, что в спецификации для «Зари» накосячила!

Чудная она все-таки, эта Ленка! Во-первых, сразу мне поверила, а во-вторых, на меня же и обиделась.

— А ты раньше не мог сказать? Я ведь только перед обедом ее сдала!

Признаться, в этот момент я растерялся. Ну не станешь же объяснять, что сам только что об этом узнал. Из того же, непонятно откуда взявшегося, видения. Нет, я, конечно, идиот, но не настолько же.

От растерянности я ей и нахамил — откровенно и неадекватно. Дословно не помню, я очень старался потом позабыть эти слова. Но в том смысле, что не обязан за каждой растяпой следить. И сколько бы она мне глазки ни строила, исправлять ее ошибки не собираюсь. У меня своих хватает.

Ленка удивленно раскрыла рот, потом покраснела и резко отвернулась к стене. А я внезапно увидел, как она плачет. Сидя за своим столом, уронив голову на руки. Плачет навзрыд, никого не стесняясь, потому что некого стесняться. Все давно ушли домой, ведь часы на стене показывают половину седьмого. И меня там тоже нет. Но я ее вижу.

Вот тогда-то я и понял, что не могу долго выносить ее слез. Сразу хочется ее как-то утешить. Но как? Ведь она еще не плачет!

Я совершенно запутался. И даже когда пришел шеф и объявил, что проект в самом деле снимается, а затем, после небольшой паузы, посоветовал некоторым молодым специалисткам быть внимательней — даже такая триумфальная сбыча предсказаний совсем меня не обрадовала. Уходя с работы, я старательно не смотрел в сторону Ленки, все еще сидевшей за компьютером...

По дороге домой я снова и снова вспоминал плачущую Ленку, и поэтому не сразу сообразил, что мои видения продолжаются. Или, может быть, дело

в том, что шел я пешком, почти не останавливаясь, и на ходу картинки получались размытые, призрачные. Но на переходе все-таки пришлось тормознуть. Я посмотрел на счастливую парочку, обнимавшуюся у самого края дороги, и подумал: сейчас их обрызгают водой из лужи.

Так и произошло, но в этом еще не было ничего странного. Достаточно прожить год-другой в нашем городе, чтобы стать таким провидцем. Впрочем, подозреваю, что не только в нашем. Но когда секунд через пятнадцать все повторилось в мельчайших подробностях — ту же самую пару, стоявшую на том же месте, окатило точно таким же фонтаном, и они снова принялись удивленно и растерянно оглядываться, словно только что спустились из заоблачных чертогов на грешную землю, — вот тут до меня наконец дошло. Судя по всему, я сначала заглянул в недалекое будущее, а потом это будущее стало настоящим и получился полный реплэй.

Мне бы тогда испугаться или хотя бы задуматься. А я, дурак, обрадовался. Почувствовал себя сверхчеловеком и принялся экспериментировать, определять границы своих возможностей. Ну-ка, что у нас тут еще должно произойти? Ага, какой-то придурок, выходя из автобуса, толкнет пожилую женщину, и та упадет на грязный, мокрый асфальт. Фонари к тому моменту еще не зажгутся, значит, случится это не позже чем через полчаса. Что ж, подожду, проверю.

Ну и дождался. Откровенно говоря, на этот раз я уже не сомневался, что картина повторится с компьютерной точностью. Женщина упала, выронила кошелку и так же растерянно, как и давешняя молодая пара, оглянулась. Я машинально рванулся к ней, но тут же заставил себя остановиться.

Ишь, красавчик выискался. Сейчас тебя еще и благодарить начнут. Мол, есть же еще на свете

воспитанные люди, дай тебе бог здоровья. А за что тебя благодарить? Ты ведь знал, как все случится, и спокойно стоял в стороне. Наблюдал, проверял, экспериментировал. Да за такое пинком под задницу благодарить надо! Вот и наблюдай теперь, что из-за тебя произошло, экспериментатор. Да-да, не из-за того придурка, а именно из-за тебя. Из-за твоего бездействия.

Минут десять я стоял и с энтузиазмом оплевывал сам себя. А потом решил реабилитироваться. Стать Незнайкой, совершающим хорошие поступки. Лучше всего — спасти кому-нибудь жизнь. Но на этом перекрестке никто не собирался в ближайшее время расставаться с жизнью. И мне пришлось пройти еще два квартала, чтобы найти подходящий подвиг. Я остановился у светофора — оказывается, обязательно нужно остановиться, чтобы картинка получилась четкой, — и заглянул в будущее.

В двух шагах от меня у обочины, прямо под фонарем, стояла машина «скорой помощи» с открытой задней дверцей. И в нее заносили парня в джинсах и красной куртке. Я не большой специалист в медицине, но он, похоже, был живой и даже в сознании, хотя лежал смирно и не шевелился. Но уж больно осторожно его несли, так, по моим представлениям, с покойниками не церемонятся.

Что ж, живой так живой, а я его еще и здоровым сделаю. Хорошо, что куртка у него яркая, проще будет заметить в толпе.

Я ненадолго вернулся в настоящее, а затем попытался отыскать момент, когда с этим парнем случилась беда. Скорее всего, его сбила машина. На то он и пешеходный переход, чтобы на нем сбивали пешеходов. Знать бы еще, когда это случилось. И как увидеть именно этот момент?

Отыскать нужное время и нужного человека с непривычки оказалось непросто. Но постепенно я приноровился пролистывать будущее, словно книгу, и останавливаться на интересующей меня странице. Благо времени для тренировки было достаточно. И вот он, наконец, этот краснокурточник. Перебегает на желтый свет. А черный «Лендровер» с трудноразличимыми номерами, то ли семьдесят — тринадцать, то ли семьдесят восемь — пятнадцать, на желтый, соответственно, проезжает. Короче, оба молодцы.

Только тот, что за рулем, — два раза молодец. «Лендровер» врезается в парня, тот отлетает в сторону, исполнив в полете как минимум тройной аксель, а водитель спокойно едет дальше. Вот ведь скотина! Встретить бы его в темном переулке да объяснить еще раз правила дорожного движения. Но сейчас не до этого. Надо парня спасать. Просто задержать на несколько секунд, чтобы этот урод проехал мимо.

И я таки его задержал. Встретил по ту сторону перехода и попросил зажигалку. Простой расчет — если попросить сигарету, может зажабиться, бросить на ходу, дескать, сам не курит и другим не советует, и побежать дальше — под колеса «Лендроверу». А огня нашим Прометеям не жалко. Парень остановился, достал зажигалку, протянул мне. Я старательно прикидывался безруким дебилом и прикурил только с пятой попытки. Парень нервничал, но терпел, а я краем глаза заметил, как черный «Лендровер» промчался мимо. Все, дружище, можешь идти.

Я посмотрел ему вслед, а затем снова заглянул в будущее. «Скорая помощь» на этом углу не остановится до самой полуночи. А дальше, как выяснилось, мне видеть не дано. Ну да и ладно, мне и этого хватило, чтобы почувствовать себя героем...

Откровенно говоря, идя на работу, я опасался всяческих подколок от коллег вокруг да около вчерашнего. Ну, не то чтобы опасался, просто не хотелось подыскивать глупые ответы на их глупые вопросы. А в том, что они будут глупыми, я не сомневался. И совершенно напрасно. Все оказалось проще и — вот уж чего я от себя не ожидал — обидней. Одного взгляда в будущее хватило, чтобы понять: они уже забыли о моих пророчествах. Вечером по телевизору показывали футбол, Жириновского и какой-то очередной сериал про ментов. Такой конкуренции я, понятное дело, не выдержал.

А впрочем, нет. Один человек, похоже, ничего не забыл. Я еще раз промотал картинку — теперь это у меня получалось легко и непринужденно — и убедился, что прав в своих подозрениях. Ленка время от времени бросала в моем направлении многозначительные взгляды. Не строила глазки, как обычно, и не старалась показать, что смертельно обижена. Вид у нее был такой, будто она случайно узнала наисекретнейшую тайну и ужасно хочет со мной поделиться. Но никак не может решиться. Через полчаса я осознал, что долго не выдержу этих переглядываний. В конце концов, я тоже не Мальчиш-Кибальчиш, мне тоже хочется с кем-то поговорить о том, что случилось вчера. Чем, собственно, Ленка хуже кого-либо другого? Пожалуй, что даже и лучше.

На глазах у изумленной общественности я подошел к ее столу и пригласил Ленку в обеденный перерыв посидеть в соседней кафешке. Не то чтобы намеренно громко пригласил, но и не шепотом. И плевать, что обо мне подумают. Я еще не очень понимал почему, но уже догадывался, что это теперь совсем не важно.

В кафе я без всяких предисловий или, того хуже, извинений выложил Ленке всю правду о своих вче-

рашних экспериментах. Рассказал и про упавшую старушку, и про не сбитого черным «Лендровером» парня в красной куртке. Она слушала не перебивая и, казалось, даже не дыша. Приоткрыла свой кукольный ротик, наморщила кнопочный нос и раскрыла глаза, что называется, на пол-лица. Если бы я сам не был увлечен своим рассказом — точно залюбовался бы. Она не просто верила каждому слову, а словно заранее знала, что я сейчас скажу. Я чуть было не решил, что она тоже ясновидящая. Но нет, такого поворота моя сильно пострадавшая психика уже не выдержала бы. Хотя то, что произошло дальше, было не многим лучше.

— Леня, это же здорово! — сказала она, как только я закончил рассказ. Даже не сказала, а закричала шепотом — некоторые женщины так умеют. — Ты представляешь, скольким людям мы теперь сможем помочь?

Ленка так уверенно, так радостно произнесла это «мы», что у меня не хватило духа поинтересоваться, при чем здесь она. Вместо этого я спросил:

— И как, по-твоему, мы им поможем?

— Ну как же ты не понимаешь? — расстроилась она. — Мы будем ходить по городу и узнавать, где случится несчастье. А потом предупредим... — она запнулась, подбирая слова, — ну, того, с кем оно должно случиться. И он... он просто не пойдет туда, не будет делать то, что собирался. Понимаешь? — Ленка с надеждой посмотрела на меня, увидела, что я вроде как понимаю, и прямо-таки вся засияла. — И с ним все будет хорошо!

Я задумался над ее словами. Наивно как-то все это, по-пионерски. По-тимуровски. Но... если уж на то пошло, а разве не этим я занимался, когда останавливал краснокурточного парня? И разве у меня не получилось?

Но все равно что-то в Ленкиных планах не сходилось.

— Хорошо, допустим, — начал я рассуждать вслух. — А как мы его предупредим? Я же ни фамилии, ни адреса его не знаю. Будем ждать, пока он на месте происшествия появится? Так это может и днем случиться, и вечером. А кто за нас работать будет?

Ленка снова наморщила нос.

— А мы вечером будем ходить, — неуверенно предложила она, будто сама догадывалась, что это не выход.

— Ага, вечером. А то, что с утра может случиться, — нас это, что ли, не касается?

Она скривила рот и недовольно зыркнула на меня, словно это я виноват в том, что ничего не выходит.

— Значит, нужно, чтобы нам кто-нибудь помогал!

— Кто-нибудь — это кто? — скептически усмехнулся я. — Добровольцы-волонтеры? Где мы их возьмем? И что мы им расскажем — что я вижу будущее? Даже если кто-то в конце концов и поверит — сколько времени на это угробить придется?

По-моему, я убедительно возражал, но Ленка уже загорелась идеей и сдаваться не собиралась.

— Почему обязательно добровольцы? Есть же «скорая помощь», милиция, пожарные. Те, кому по работе положено спасать людей. А мы им будем подсказывать, кого и где нужно спасать.

— Ага, замечательно. И как ты себе это представляешь? — Я изобразил дебильное лицо и запищал детским голоском: — «Алло, милиция? В школе номер двадцать восемь заложена бомба!» В гробу они таких помощников видали.

Кажется, я все-таки перестарался. Ленка надула губы и отвернулась. Сейчас заплачет. Только этого мне не хватало.

— Лен, ну правда, я же не виноват, что не получается, — примирительно сказал я. — Мы же не сможем каждый раз объяснять, откуда узнали о том, что произойдет. Мы так ничего не успеем. Вот если бы можно было заранее поговорить с их начальством...

Да уж, размечтался!

Ленка вдруг вскочила, подбежала ко мне и поцеловала в щеку. В ней же росту — метр пятьдесят с каблуками, даже голову наклонять не пришлось.

— Леня, ты гений! — теперь уже действительно закричала она. — Я сегодня же поговорю с дядей.

— А кто у нас дядя? Волшебник? — от смущения особенно удачно пошутил я.

Оказалось, что не волшебник, а гораздо круче. Председатель какой-то там городской комиссии. То ли по социальным вопросам, то ли что-то еще вроде этого — Ленка сама толком не знала. Вот ведь чудачка — такого да не знать! И никому ведь не рассказывала! А мы-то, дураки, чего только при ней не говорили!

Ну да ладно, не в этом дело. А в том, что у нас, возможно, что-то все-таки получится...

Ленка все организовала на удивление быстро. Встречу на высшем уровне назначили на завтра, в половине двенадцатого. Кроме ее дяди ожидалось присутствие замначальника городского УВД, начальника пожарной охраны, главврача областной больницы и еще какой-то шишки из МЧС.

Честно говоря, забоялся я таким людям рассказывать о своих видениях. Несолидно как-то. Все-таки инженер, в некотором роде, проектировщик. А что,

это идея! Допустим, я прибор такой спроектировал, который позволяет будущее видеть. Естественно, спроектировал в свободное от работы время.

Одним словом, решил я серьезным людям лапши на уши навесить. Ну, с самим-то прибором сложностей не возникло. Завалялись у меня где-то на антресолях со времен пейнтбольной молодости очки для ночного видения. Пристроил к ним наушники и подключил все это к старому осциллографу. Вроде как в эти самые очки я все и вижу. Только настроены они под биотоки моего мозга, поэтому другим в них смотреть бесполезно. Ладно, с этим я, предположим, справился. А теоретическое обоснование? Здесь точно попотеть придется.

Полночи я составлял текст выступления. Надергал из Интернета кучу научных терминов, приплел и темную энергию, и квантовую сцепленность, и копенгагенскую интерпретацию. Где не хватало умных слов, сочинил собственные. Одна интерференция темпоральных волн чего стоит! Чушь полнейшая, но звучит красиво. Авось прокатит.

Наутро я взял у шефа отгул — названные имена подействовали безотказно — и отправился в мэрию. Вошел в кабинет Ленкиного дяди, глянул на лица собравшихся, прокрутил картинку на час вперед, и все стало ясно — моей ахинее здесь не поверят. Не те люди. Не стоит даже пытаться. А правде не поверят тем более.

Но там же, в кабинете, в дальнем углу сидела Ленка. Если у меня ничего не получится, она опять будет плакать. Нет уж, пусть лучше меня примут за юродивого, но я не отступлю. Буду ныть, канючить, христарадничать и все время повторять ключевое слово «проверка». Они должны захотеть проверить меня, а там уж — как повезет.

И меня понесло. Да, это ненаучно, я сам не знаю, как это у меня получается. Но какая разница, если это работает? А оно работает — проверьте сами. Ясновидение? Пусть будет ясновидение. Эзотерика, бред сумасшедшего, поповские сказки — я на все согласен, только проверьте. Кому от этого будет хуже? В конце концов, когда батюшка кропит ракеты святой водой — это же никакого вреда не приносит?

Здесь я, конечно же, рисковал. Однако попал в точку. Люди подобрались закаленные, воспитанные на научном материализме. Сначала улыбнулся эмчеэсник, затем главврач, вслед за ним Ленкин дядя.

Что ж, один плюсик я заработал. Теперь нужно закрепить успех.

Да, разумеется, меня необходимо показать специалистам, провести тщательное обследование. Но пока эти специалисты соберутся, пока меня обследуют, сделают выводы — это ж сколько времени пройдет? А в городе каждый день происходят несчастные случаи. Чуть ли не каждый день погибают люди. А вдруг я сумею их спасти? Нет, ну вдруг? Что мы теряем? Почему бы не провести разведку боем, проверку? А через месяц-другой можно посмотреть статистику и решить, что со мной делать дальше. Ведь никакой особой подготовки не требуется. Просто дать указание всем подразделениям: немедленно реагировать на звонки с такого-то телефона. Да какая разница, как им объяснить? Допустим, крупномасштабная проверка готовности. Им проверка, и мне проверка. Проверка... проверка... проверка...

В конце концов они не выдержали моего напора. Ленкин дядя включил телевизор, отвернул его от меня, чтобы я не видел, какой канал транслируется.

А я слово в слово угадал, что скажут в рекламном ролике через пять минут. Благо снять со стены часы никто не додумался. Затем я подошел к окну и перечислил машины, которые проедут по проспекту через десять минут. Тут время пришлось определять на глазок, но у меня уже накопился кое-какой опыт — справился. Наконец я сообщил Ленкиному дяде, что через четверть часа ему позвонит первый заместитель мэра, и вкратце пересказал содержание предстоящего разговора.

Это их добило.

К вечеру Ленка получила список необходимых телефонов: дежурная часть пожарной охраны, все отделения милиции, поликлиники и больницы, диспетчерская служба МЧС. С работой тоже все уладили. Судя по голосу, шеф счастлив отнюдь не был, но все же разрешил нам с Ленкой приходить в контору после обеда. И уходить, соответственно, чуть ли не ночью. Но с этим мы как-нибудь справимся. Главное, что уже назавтра мы могли выйти в свой «утренний дозор».

Ленка была счастлива. И мне поначалу тоже понравилось...

Без пятнадцати одиннадцать. Колючая гадость с неба сыплется все гуще. Захожу в очередной магазин, останавливаюсь, сканирую. Затем выхожу, чтобы не пугать покупателей с излишне развитым слухом, и коротко, привычно даю ориентировку:

— Магазин «Сонет», угол Гагарина и Московской. Четырнадцать сорок. Пожилая женщина в сером пальто и черной вязаной шапке. С синей сумкой. Сердечный приступ. Прямо возле кассы.

Ленка быстро записывает и достает телефон. Я останавливаю ее:

— Подожди, вроде бы откачали. Ага, имя называет, адрес. Смородина... нет, Сиротина Татьяна Ивановна. Тридцать восьмого года. Гагарина, четырнадцать, квартира сорок один. Звони в седьмую поликлинику, пусть участкового пришлют.

Ленка звонит. И, конечно же, начинаются долгие препирательства:

— Почему на дом? Да потому что у человека сердце больное... А она не знает об этом или не обращает внимания... А вы должны, да. Вы же врачи... Я откуда знаю? Мне положено все знать. Про распоряжение одиннадцать-девять слышали? Вот и хорошо... Мне не больше всех надо, мне надо, чтобы вы послали участкового. Лучше участковый, чем «скорая»... А вы все-таки пошлите, для профилактики...

Я еще раз просматриваю картинку и тихо подсказываю:

— Все, Лен, сработало.

— Вот и ладненько, — уже мягче говорит она в трубку. — Большое вам спасибо. Всего доброго.

Ленка молодец. Я бы так не смог. Изо дня в день одно и то же. И каждый раз уговаривать нужно, как будто это не их работа. Хотя Ленка не только уговаривает. Она, как выяснилось, и надавить может, и пригрозить, и обругать. Последнее средство действует лучше всего. Почему-то так людям понятней.

Я вздыхаю и иду дальше.

Нет, наверное, не все так плохо, просто я устал. Второй месяц без выходных. Хотя вроде бы никто и не заставляет. Но ведь несчастные случаи происходят и в выходные. Еще как происходят. Я раньше понятия не имел, сколько людей ежедневно попадают в аварии, скольким ни с того ни с сего становится плохо на улице, сколько переломов, со-

трясений, колотых ран... Разве можно, зная все это, усидеть дома?

Ленка тоже устала. Еще больше, чем я. Мне легче — я хотя бы вижу результат. А она только узнает с моих слов. И верит каждому слову. Откуда в ней столько веры? Если бы и сил столько. Но нет, это она с виду такая бойкая и энергичная, а на самом деле... Да еще работает допоздна. Я как-то сдуру позвал ее в ночной клуб. Думал, отдохнет, расслабится. А вместо этого нашел нам дополнительную нагрузку. Там ведь тоже, как бы так выразиться, несчастные случаи бывают. От передозировки. Теперь приходится по вечерам второй обход делать. Сначала нас кое-куда пускать не хотели, но потом поняли, что это для их же пользы. Там, где мы побывали, по ночам люди в полумасках с автоматами не появляются. Хотя, конечно, наркотиками здесь все равно приторговывают, но с этим мы ничего поделать не можем. Доказательств нет. Мои видения к протоколу не подошьешь. Но, по крайней мере, теперь отсюда хотя бы никого на «скорой» не увозят.

Следующий перекресток. Объявляю результаты осмотра:

— Угол Есенина и Московской. Двадцать три пятнадцать. Пьяная драка за сигаретным ларьком. Черепно-мозговая травма. Затылком об арматурину. Насмерть. Звони в пятое отделение, пусть разгонят.

Ленка набирает номер. Та же история, только изложенная другими словами:

— Да, в двадцать три пятнадцать... Что значит «когда подерутся, тогда и приедем»? Поздно ведь будет, убьют человека... Да, я уверена. Да, та самая... Нет, вы все-таки приезжайте заранее... Так и передать полковнику Звягинцеву? А как?.. Ну вот, это другое дело. Вот и договорились...

Я молча киваю. Действительно договорились, приедут.

Нет, никому все-таки это не нужно, кроме нас. Ни врачам, ни тем более милиции. Да и самим «пострадавшим». Эти алкаши, которых спугнет патрульная машина, они все равно найдут возможность подраться. В каком-нибудь дворе, где я их не увижу. И все-таки разобьют кому-нибудь голову. Не сегодня, так в следующий раз. И тот наркоман, которого вчера не пустили в клуб, тоже где-нибудь достанет колеса. И сегодня, и завтра. И однажды его все-таки увезут на «скорой». И мой самый первый спасенный — парень в красной куртке — он ведь так и будет перебегать улицу на желтый свет. И когда-нибудь не перебежит.

И так все они. Черт возьми, я начинаю потихоньку ненавидеть людей. Спасаешь их, спасаешь, а они упрямо опять пытаются себя угробить. Или других. Мы с Ленкой больше месяца ходим по городу, и хоть бы один раз обошлось без происшествий. А что будет, если с нами что-то случится? Да ничего особенного! Жили же они как-то до того, как мы начали ходить в дозор. Жили и умирали. Глупо умирали, нелепо и страшно. Как и жили. И ничего мы с этим поделать не можем. Мы боремся со следствиями, а причины нам не по зубам. Вот только Ленке об этом лучше не рассказывать...

Пять минут двенадцатого. Эту автобусную остановку я никогда не проверял. Тихое место: рядом небольшой сквер, ни магазинов тебе, ни перекрестков. Да и народа немного. На скамейке сидит старушка, рядом — мамаша со скачущим вокруг нее мальчиком. Чуть в стороне — парочка влюбленных прогульщиков. Еще дальше курит мужик лет сорока. Что тут проверять?

Но Ленка останавливается и вопросительно смотрит на меня. Что ж, мне не трудно. Просматриваю картинку и медленно роняю челюсть на мокрый, грязный асфальт. Нет там больше никакой остановки! Покореженные трубы, осколки стекла, и над ними — как медведь, подмявший под себя добычу, — перевернутый колесами вверх черный «Лендровер». Похоже, тот самый. Ну и как же тебя, придурок, угораздило?

Отматываю картинку чуть назад. Ага, вот он. Пытается обойти «Газель» справа, на полной скорости цепляется колесом за бордюр и, закрутившись винтом, вылетает на тротуар. Несколько раз подпрыгивает и успокаивается, только воткнувшись в остановку. Но ведь там же люди! Он же их — всмятку!

А самое страшное — я узнаю этих людей. Вот курит тот же самый мужик, вот целуются влюбленные. Старушки и молодой мамаши за ними не разглядеть, но мальчик все так же крутится возле скамейки. Значит, это случится совсем скоро. Через минуту или две — точнее не определить.

Что же теперь делать? Мы раньше не сталкивались с такими ситуациями. Всегда в запасе оставалось какое-то время. А как быть теперь? Звонить гаишникам поздно — не успеют перехватить. Этого идиота уже не остановить, нужно уводить людей с остановки. Срочно. Только как им объяснить? Чтобы без лишних вопросов.

А, черт с ним, некогда думать. Даже Ленке объяснять некогда.

— Граждане! Прошу внимания! Срочно отойдите от остановки. Как можно быстрее. Здесь находиться опасно.

Нет, не верят. Удивленно смотрят, неуверенно улыбаются. Думают, что розыгрыш. Да какие уж тут, на фиг, шуточки?!

— Граждане, очень вас прошу, отойдите от остановки. Опасная зона. Очень опасная!

Так, вроде поверили. Вряд ли мне, скорее, Ленкиной испуганной физиономии. Но какая, к лешему, разница? Главное — успеть.

— Мамаша, давайте поторапливайтесь, уводите ребенка. И вы, бабуля. Вон туда, к скверику. Ничего, что мокро, зато живы останетесь. Молодые люди, вас тоже касается. Что? Ну да, считайте, что бомба. Кроме шуток. Ну, скорее же!

Черт, мог бы за это время и научиться с людьми разговаривать!

— Ленка, а ты что стоишь? Уводи людей! Быстро! Да сама-то туда не лезь! Что? Какая, на хрен, собачка? Ты что, сдурела? Уходи немедленно! Ленка!

Мерзкий металлический скрежет заглушает мой крик. Я не успеваю обернуться, лишь слышу тяжелый, гулкий удар и звон разбитого стекла. Мимо проносится какая-то темная тень и скачками, как гончий пес, летит к остановке. Я бросаюсь следом, но не могу за ней угнаться. Снова раздается грохот, и черная бесформенная масса ударяется в столб, поддерживающий навес.

— Ленка-а-а!!!

Я не слышу собственного крика. Бегу к ней. Лезу прямо через раскуроченные останки внедорожника. Растерянно оглядываюсь.

Вот она, лежит в двух шагах от бампера. Голова повернута чуть в сторону, шапка сползла. На лице даже не испуганное, а обиженное выражение, как если бы я опять сказал ей какую-то гадость. Да не буду я больше, не буду!

— Ленка!

Выражение лица не меняется. Не видит и не слышит. А дышит? Я опускаюсь на колени, наклоняюсь над ней, но ничего не могу разобрать из-за собствен-

ного тяжелого дыхания. Стою рядом с ней на коленях и не знаю, что делать. Может быть, ее нельзя сейчас трогать. Но и ждать, пока приедет «скорая», тоже нельзя. Но я впадаю в ступор и просто смотрю на Ленку. На виске у нее бьется тоненькая синяя жилка — словно вздрагивает от боли. А темные волосы на затылке постепенно становятся бордовыми, липкими даже на взгляд.

Ленка, ну ты дура, да? Ну куда тебя понесло-то? Как же теперь? Ну что ж ты такая дура? Ой, да ладно — будь дурой, только будь!

— Пусти-ка, — звучит у меня над ухом голос, настолько требовательный и уверенный, что я машинально отодвигаюсь.

Какой-то молодой парень опускается рядом, берет Ленку за запястье, зажмуривает глаза и настороженно замирает. Долго сидит, слишком долго.

— Как она? — невольно вырывается у меня.

— Подожди, — раздраженно бурчит он.

Я вдруг понимаю, что где-то его уже видел. И красная куртка подозрительно знакомая. Неужели он? Значит, он врач?

— Она жива? — снова спрашиваю я.

— Жива, — отвечает он и протягивает руки к ее лицу.

Но не касается. Останавливает ладони в каких-то миллиметрах, растопыривает пальцы и держит на весу. С каким-то напряжением держит, будто поднимает что-то тяжелое. Смотрю на его лицо — там такое же напряжение. Даже губу прикусил. Колдует он, что ли? Да пусть хоть колдует, только бы Ленка...

— Ничего, — успокаивающе шепчет он мне, не поворачивая головы. — Вытащим. Я за последний месяц и не таких научился вытаскивать.

Мне ужасно хочется узнать, почему он сказал «за последний месяц». Почему-то мне кажется, что это очень важно. Но сейчас не время спрашивать.

ОЛЕГ ДИВОВ

НЕМЦЫ

Война не трогала семью Рау холодными руками до поры до времени: старшие были слишком ценны для страны, чтобы гнать их на фронт с винтовкой, а младшие слишком молоды. Наступление шло стремительно и красиво, победа казалась близкой и сладкой, народ ликовал, и те, кто попроще, не стеснялись в простоте своей поздравлять Рау, когда падал очередной русский город: друзья, готовьтесь, со дня на день фюрер освободит для вас Москву. Поквитаемся тогда за ваших. И за всех наших вообще.

Отец в ответ только морщился. Известно было, что в первые дни войны Россию накрыло жестоким «немецким погромом». Особенно зверствовали патриоты в Москве и Петербурге, спешно переименованном в Петроград. Немцев били, где ловили, не разбирая, заезжий ты Мюллер или обрусевший до полной утраты национальной связности Кисельвроде, была бы фамилия нерусская. Попутно досталось эстонцам и жидам. Многие погибли. Русские в дипломатической ноте опровергли это. Фюрер пообещал для начала выпороть императора на Красной площади, а там разберемся.

Отец беспокоился, конечно. Для него московские Рау были не просто далекими друзьями по переписке, как для юного Саши, который появился на свет в двадцать девятом году уже в Германии и ездил на «вторую историческую родину» один раз совсем

ребенком. С фотографий на Сашу глядели дорогие лица — похожие, добрые, свои, — но живого тепла дяди Игоря и бабушки с дедушкой он не помнил. А для отца это мама с папой и любимый младший брат. Уговорить стариков переехать никто даже не пытался, а вот из-за Игоря отец страдал: брата он звал к себе много раз. Но тот сделал карьеру инженера-дорожника, стал уже к тридцати годам знаменит и о Германии отзывался небрежно: что я там забыл? Ты-то, Дима, понятно, что: свои обожаемые авиационные двигатели. А мне на неметчине делать нечего, с дорогами у вас и без меня наведут порядок. Сейчас Россию надо поднимать, Россию... Где и что теперь поднимал Игорь — бог знает. Отец говорил: если кайло — считай, повезло.

Саше тоже сочувствовали — и в школе, и в гитлерюгенде. Выглядело это обычно глупо, иногда грубо, но Саша не обижался: они ведь от души. И только тощий Циммер, которого звали за глаза «дистрофикфюрер», ляпнул:

— Надо бы тебя в гестапо отвести, пускай проверят, что ты за фрукт.

Саша уже примерился дать Циммеру в морду, но тут рядом возник учитель и сказал:

— А ты сходи, донеси на него. Вот прямо сейчас и сходи. Отпущу тебя с урока ради такого дела.

Циммер задумался и никуда не пошел.

А учитель буркнул, глядя мимо Саши:

— Не обращайте внимания, Рау. Не обижайтесь на дураков. И вообще, это ненадолго. Русские собирают народное ополчение. Значит, войне скоро конец. Когда регулярная армия не справляется и поднимают весь народ — значит, все.

Учитель был ветераном Первой мировой и знал, что говорил. Среди учителей было полным-полно

ветеранов, и все говорили одно: раз уже ополчение, значит, русские — все.

Саша передал слова учителя отцу. Тот криво ухмыльнулся и изрек странное:

— Слушай, ну это немцы. Что они в этом понимают?

Саша отродясь не мог понять, когда у отца немцы умные, а когда глупые. И кого отец больше любит, немцев или русских. Иногда казалось — всех, иногда — никого. Если на работе что-то не ладилось, отец немцев особенно не любил. Говорил, они еще хуже русских.

— А вот насчет «на дураков не обижаются» — это правильно.

Мы не имеем права обижаться, сказал отец, нам гордиться надо: российская история нашего рода насчитывает лет триста как минимум, даже приставка «фон» от фамилии отвалилась. Мы равно принадлежим двум нациям и взяли от них все лучшее. Мы русские немцы, какие уж есть. И нам совершенно наплевать, кто и что про нас думает. Хотя положение, конечно, дурацкое.

После чего, выпив еще пару рюмок, отец затянул «Из-за острова на стрежень». И все подпевали, включая тех, у кого приставка «фон» почему-то не отпала от фамилии, несмотря на те же триста лет. Очень красиво получалось у кузена Гуннара, правда, тот по секрету признался Саше, что совсем не понимает смысла, просто звук воспроизводит. А вот песню про серенького козлика Гуннар правильно запомнил с детства — и вкладывал в нее наравне с музыкальным талантом еще и чувство юмора.

— Водка! Водка! Серенький козлик! — орал Гуннар. Родичи от смеха валились на стол. Правда, водки Гуннару все равно не давали, рано ему еще. Он и от пива веселый.

Говорили по-русски и пели русские песни, сидя посреди страны, которая вела жестокую войну с Россией. Ну вот так получилось, а что теперь делать. Можно, конечно, пить горькую и загибаться от тоски, но это было бы для Рау слишком по-немецки.

Кузен Гуннар фон Рау пропал без вести в сорок четвертом. Как его забрали, так и сгинул, не прислав ни единой весточки. Вот вам и народное ополчение: война затянулась, превратилась в бойню, потом в драку за выживание германской нации, и если ценный специалист еще оставался ценным специалистом, то нежный возраст больше не имел значения.

Сашино время настало в апреле сорок пятого.

Отец почти не появлялся дома — пропадал на заводе, мама кусала губы, чтобы не плакать. Отец не мог спрятать сына от войны, он был для этого слишком на виду. Даже у нацистских бонз дети шли на фронт. Единое общество, все равны, никаких исключений. Здесь вам не Россия, где буржуи и аристократы задирают нос, здесь Германия, и если ей плохо, значит, плохо будет сразу всем. У нас тут нет привилегированных, чего вы хотите? Сами за это боролись. Отец надеялся, что девятиклассников все-таки в бой не бросят. Ничего он не мог поделать, у него и так положение было хуже губернаторского; Саша примерно догадывался, что это нелепое и глупое положение. Отец успел сказать ему только: «Если не дай бог чего, вас одних умирать не пошлют, с вами будут старшие, ты следи за ними внимательно и делай, как они. Ищи ветеранов, тех, кто в прошлый раз воевал, и притирайся к ним поближе. Они знают, как правильно».

Ветеранов оказалось двое: учитель истории из соседней школы и автомеханик с соседней улицы. У них был пулемет и задача удерживать мост.

С той стороны моста уже бабахало, пока еще в отдалении.

— Вот нелепость какая, — говорил учитель механику, рассеянно теребя патронную ленту. — Русские помогали фюреру, практически с руки его выкормили, чтобы тот бодался с англичанами и англичане не мешали русским. А фюрер взял да напал на русских, чтобы те не мешали ему разбираться с Англией! И в итоге бородатые приперлись к нам вместе с англичанами! Да еще американцев притащили. А мы с тобой, значит, опять воюй на два фронта на старости лет...

— Ну, так ихний царь — размазня, это все знают, — говорил механик, поправляя на бруствере мешки с песком. — И король ихний тот еще либерал. Им чего жиды подскажут, то они и делают. У фюрера бабушка была жидовка, слыхал? Подсунули нам какого-то австрийского зяму, а мы и рады...

— Там конституционные монархии, и от царей с королями мало зависит, — говорил учитель. — А вот жидов не надо было трогать. То есть надо было их растрясти, конечно, но поаккуратнее. Отыгрались они на нас и еще отыграются, помяни мое слово. Им теперь одно надо: сжить как можно больше немцев со свету.

— Получается, мы сейчас с тобой делаем то, чего надо жидам? — спрашивал механик.

— Именно, дорогой товарищ, именно, — отвечал учитель.

Девятиклассники слушали этот разговор, вытаращив глаза.

Девятиклассников прислали к мосту аж целое пехотное отделение с винтовками и парой ящиков фаустпатронов. У них была задача стоять насмерть. Собственно, на что еще годятся десять необстрелянных мальчишек — стоять да умирать.

— Осталось день-два продержаться, — заявил тощий Циммер. — Фюрер пустит в ход Оружие Возмездия, и это будет перелом войны. Мы победим!

Механик обернулся к Циммеру, пересчитал взглядом гитлерюгендовские значки у него на шинели и сказал:

— Наломались уже. Напереламывались. Ну-ка, парень, дай взглянуть на твое оружие возмездия. Что-то мне у него затвор не нравится.

Циммер отдал ему винтовку. Механик извлек затвор, кинул его в реку и вернул маузер оторопевшему парню.

— А то мало ли, — непонятно объяснил он.

— Вы... — начал Циммер, краснея.

— Щас в морду, — очень понятно на этот раз объяснил механик.

Циммер огляделся. Никто из отделения не собирался его защищать. Он всем давно надоел со своим Оружием Возмездия. Тут дураков, кроме него, не было.

— Значит, так, молодые люди, — сказал учитель. — Вы меня знаете, ну, некоторые из вас точно. Я не хочу тут проповедовать и разводить философию. Я объясню положение в двух словах. Бородатые будут здесь очень скоро. И они не станут с нами церемониться. Если мы решим отбиваться, нас расстреляют из танков или накроют с того берега минометами. Если мы поднимем лапки кверху, нас все равно пристрелят, к сожалению. У бородатых нет времени с нами возиться, они спешат продвинуться вперед насколько можно, занять побольше нашей территории. Они прихлопнут нас, просто чтобы мы не болтались у них в тылу. Мы покойники в любом случае, если останемся здесь. Есть только один шанс — бросить все и уходить навстречу американцам.

— Измена! — заорал Циммер, и механик далтаки ему в морду.

— Сейчас измена — погубить себя, — сказал учитель, глядя, как Циммер ползает на карачках, собирая зубы. — Ради Германии вы обязаны выжить. Вам заново поднимать нашу родину из праха. Бородатые не задержатся тут надолго, они заберут все, что им понравится, и уйдут восвояси. Они всегда так делают, я ведь историк, я знаю. А мы останемся в разоренной стране. Вас ждет впереди очень много работы. Вы нужны Германии живыми. Все ясно? Хорошо. Помоги мне, Йохан.

Они с механиком подхватили на руки пулемет и швырнули его далеко в реку.

— Жалко, — сказал механик.

— Да, отличная вещь, — сказал учитель. — Ничего, потом вернемся — достанем. Американцы нас долго не промурыжат, зачем мы им нужны... Мальчики, бросайте оружие. Сейчас оружие — это ваша смерть. Бросайте — и побежали.

И они побежали.

Самое страшное, что запомнил из войны Саша Рау, это были не бомбежки и не артиллерийский обстрел, под который он в следующие дни попадал несколько раз. И даже не чавкающий звук, с которым пуля бьет твоего товарища. Нет, самое страшное — это был берег следующей реки, до которой ему посчастливилось дойти живым. За рекой стояли американцы, надо только добраться до них, поднять руки, и твоя война окончена.

Шел дождь. Поверх реки стреляли. Берег был серый и шевелился. Это ползли вниз, к холодной воде, люди в серых шинелях.

Всю последующую жизнь Саше будет сниться эта серая волна.

Он вернулся домой через месяц. Перед домом стоял грузовик, русские солдаты носили в него тюки и чемоданы. Вот как это выглядит, значит, — когда

забирают, что понравится. Саша до боли сжал кулаки и пожалел, что у него сейчас нет пулемета, да хотя бы винтовки. Но тут из дома вышел отец, а с ним двое в синих мундирах.

— Здравствуй, сынок, — сказал отец. — Ты вовремя. Мы едем в Россию.

Вот как это выглядело на самом деле — когда забирают все, что понравится.

Дмитрий Рау был главным инженером одного из заводов Юнкерса, и русские вывозили этот завод по репарации подчистую, вместе с персоналом. В десятый класс Саша пошел уже в подмосковной Дубне.

Жили в Дубне просто, без затей, но как-то по-доброму, и с русскими отношения сложились очень спокойные. Видно было, что русские не держат на немцев зла, у них уже переболело. Ну напали, дураки, так мы их за это наказали, чего теперь с ними делить. Лежачего не бьют. Даже те, кто потерял на войне близких, старались не срываться на «пленных» — это считалось нехорошо. Но в морду немецкую дать все-таки могли. Особенно крестьяне, когда привозили на рынок продукты, а потом с выручки напивались. Крестьян на фронте много полегло, да и потерю они острее понимают. В городе пропал у тебя сосед — и пропал, а в деревне это очень заметно: и пахать некому, и в душе пустота... На рынок только мама ходила, ее не трогали.

К Саше в школе сначала цеплялись, а он сказал: эй, слушайте, я с вами не воевал и не собирался. Я же русский, хоть и немец. Я должен был воевать с Америкой. Понимаете? И рассказал про мост, соврав, будто из-за реки подступали американцы.

В школе все обалдели: для начала десятиклассникам завидно стало, что пятнадцатилетнему мальчишке доверили винтовку и фаустпатрон и отправили убивать американцев. То есть здесь

слыхали про такое, но не верили. Правда, некоторые Сашу осудили: он ведь сдался, не успев никого убить. Америку тут недолюбливали: Россия крепко ей задолжала за военные поставки. Все признавали, что без американской помощи на начальном этапе войны она могла быть проиграна запросто, но должниками себя чувствовать не хотели. И вообще, мы-то кровь проливали, а эти — что? Бензин в основном. Англичан, про которых говорили, что война стряслась исключительно по их вине, уважали, как ни странно, больше. Они и драться молодцы, и наш император с их королем родственники. Хотя оба — квашня квашней. Вот Миротворец, это был царь. А нынешний — лопух. И жена у него немка. А ведь хотели на англичанке женить. Женился бы на англичанке — ничего бы не было, понимаешь? Никакой войны. И Гитлера вашего не было бы. Он бы просто не понадобился. Его же англичане нарочно продвигали и спонсировали, чтобы он немцев против русских настраивал, полужиденыш толстозадый. Не веришь?

Так или иначе, от Саши отстали.

Приезжал в гости дядя Игорь, худой, почерневший, хмурый. О «немецких погромах» он знал только понаслышке: в первый же день войны за ним пришли синие мундиры и услали инженера Игоря Рау работать по специальности куда Макар телят не гонял. Потому что фамилия нерусская. Может статься, уберегли его так от лютой смерти в руках толпы... Бабушка с дедушкой не дожили, тихо угасли в тоске и тревоге за сыновей. Холодно и голодно пришлось им на старости лет, потому что в московский дом попала зажигательная бомба, и он выгорел дотла, а капиталы российских немцев были на время войны заморожены. Скорее всего, конфискованы: возвращать их как-то не спешили.

Игорь обещал, что будет хлопотать, если надо — хоть судиться, и когда вернет деньги, поделится с Димой по-братски. Ему-то сейчас вообще ничего не надо, честно говоря: живой, и на том спасибо. Хотя зачем живой, непонятно... Какие дороги он строил пять лет — не распространялся. Правда, Саша подслушал случайно разговор отца с матерью: тот сказал, что у Игоря, бедняги, волосы заново растут, прежние вылезли. И жена его дождалась, а потом ушла, поскольку как мужчина он теперь никуда не годится. Но это временно, будем надеяться...

Ничего себе дорожное строительство, подумал Саша. Ничего себе пересидел войну в тылу, называется. Да я, пожалуй, легче всех наших отделался. Только страху натерпелся на всю оставшуюся жизнь. Ну, так это даже неплохо: я просто больше не буду бояться никогда и ничего. Хватит с меня.

Он приказал себе — и перестал бояться.

И начал жить.

Отец заново налаживал завод, мама хлопотала по хозяйству, Саша доучивался и занимался тем, чем всегда хотел — сотрудничал в газете. Никто не чинил ему препятствий, только надо было вовремя отмечаться у синих мундиров и спрашивать отдельного разрешения, если собрался в Москву. «Да кому ты нужен, — сказали ему откровенно. — Гуляй свободно и ничего не бойся. Главное, порядок не нарушай. Ну, этому тебя, немца, и учить не надо, слава богу, не то что наших вахлаков». Саша на «немца» привычно не обижался, как на «русского» в Германии.

Все чаще он ловил себя на том, что ему в России хорошо, если бы не одно «но». Ему нравились русские люди, их внутренняя мягкость, доброта и терпимость. Нравилось ощущение простора вокруг. Но простор неприятно удивлял запущенностью

и необустроенностью. А люди тут жили... — Саша побаивался этого слова, вдруг с языка сорвется и оскорбит кого-нибудь, — убого. Не обязательно бедно, но как-то затрапезно. В России мало что выглядело законченным и доделанным. Непременно часть работы брошена на авось. А если все доделано, то ковырни — посыплется. Это казалось национальным принципом, ведь так строили не только дома, дороги и автомобили, так выстраивали и личную жизнь. Некоторых русских это тоже раздражало, правда, они все списывали на войну. «Ничего, теперь заживем!»

— Не слушай, — сказал отец. — Здесь всегда так было. Это Россия. Тут все через левое плечо и когда-нибудь потом. Кому надо хорошо и сейчас, тот уехал. Думаешь, зачем Сикорский в Америке работает? Думаешь, он не патриот? Думаешь, России не нужны вертолеты? Они тут нужны позарез, желательно вчера, и чем больше, тем лучше. Но можно и завтра. А можно и послезавтра... Здесь сами не спешат и другим спешить не дают. Думаешь, я не патриот? Я просто не мог смотреть больше, как мою любимую страну держат в черном теле, вот и уехал... А они зажимают любую инициативу, потому что боятся. Собственного народа боятся. Убеждают его, что он такой особенный, такой духовный и ему всякие немецкие кунштюки незачем. Землю надо пахать и родину любить, остальное приложится. Про закон о «кухаркиных детях» слышал? Два поколения инженеров потеряли на этом идиотизме! Проклятье, Гитлер сюда гнал авиационные технологии одну за другой в обмен на зерно, нефть и кредиты — ничего не освоили как надо, обязательно через пень-колоду. Вот я вернулся, я им сейчас нормальный двигатель дам. А не будь войны, так бы и летали маслом заляпанные до самого хвоста... Тут

силища немереная, ты сам видел, она вермахту хребет сломала. Только эту силу держат в кулаке, не выпускают наружу и не выпустят никогда. Ради войны кулак разжимают, потом опять сожмут...

Да, Саша кое-что уже видел и мог сравнить. Немецкая «тотальная война» была истерикой. Русское «народное ополчение» было именно что страшной неумолимой силой. Блицкриг пронзил Россию аж до Москвы — тут его и стукнула дубина народной войны. И пошла гвоздить, не считаясь ни с чем. Немецкая армия держалась на молодых и бритых, а ополченцы были уже дядьки и, в честь Царя-Миротворца, бородатые, они еще говорили: «Вот когда прогоним фрица, будет время — будем бриться», на этом контрасте и родился миф о поголовно бородатых русских. Плохо обученные, не слишком дисциплинированные, они тем не менее сражались с поразительной стойкостью. Несли огромные потери, но стояли насмерть, а в наступлении отличались редкой неукротимостью. Они не воевали, они убивали. Говоря по чести, «бородатых» хватило ненадолго, но их подвиг дал России главное — выигрыш по времени. За пару месяцев Ставка успела раскрутить маховик перманентной мобилизации, и на фронт одна за другой хлынули свежие дивизии. Эти тоже были слабоваты для настоящих регулярных войск, зато их оказалось больше, чем вермахт мог перемолоть. Наступление захлебнулось. А русская армия с каждым днем набирала силу и опыт.

Народ, который обожал Миротворца и уже забыл, когда в последний раз ходил на войну, поборол хорошо отлаженную военную машину, со всем ее свеженьким опытом.

Четвертью века раньше Миротворец волевым решением не позволил русским влезть в Первую мировую. Встал над схваткой, сложив руки на

груди, — таким его любили отливать в бронзе. Репутационные потери были кошмарны, казалось, Россия никогда не оправится от вселенского позора. Но репутация — это то, что о тебе говорят другие, а русским надо было думать об экономике и народосбережении. У них имелась сильная «партия войны», их мучил стыд из-за того, что бросили народы Балкан на произвол судьбы, что ради мира позволили кайзеру захапать огромные территории, хотя могли взять их себе, — но Миротворец все это задавил. Он сжал кулак очень крепко и не разжимал его до самого конца. Синие мундиры свирепствовали, пресекая вольнодумство, они были повсюду и затыкали рты безжалостно. Страна молилась на царя — и стонала под его железной пятой. Все понимали, что он действует разумно, — и дождаться не могли, когда тяжело больной гигант, для которого любое движение было мучением, уже наконец отмучается. После его смерти должен был произойти сильнейший взрыв, но Миротворец и это предвидел, он переиграл своих политических оппонентов из могилы: согласно заранее утвержденному плану, его наследник дал стране конституцию и множество невиданных ранее свобод. Ни одна свобода не была пустой возможностью наподобие отпуска крестьян из крепости без земли — нет, на этот раз все было продумано до мелочей, подкреплено экономическими стимулами и сработало как надо.

Высчитывали пользу до копейки, планировали на годы вперед. Даже столицу вернули в Москву, дабы перенаправить транспортные потоки и простимулировать развитие близлежащих областей. А что насмерть обидели петербуржцев, так Миротворцу это было все равно, он сам был петербуржец и ни капельки не обиделся и детям заказал.

К несчастью, любые достижения, великие по российским меркам, выглядели так себе по меркам Европы. Россия по-прежнему не обгоняла, а догоняла, и все тут было, если внимательно присмотреться, через левое плечо. И невыносимо медленно. Тем не менее Дмитрий Рау уехал, а Игорь Рау — остался. Хотя оба горели одним и тем же желанием добиться многого и сразу. Не для себя, а на благо Родины, их так воспитали. Разоренная Германия поднималась с колен, там было самое место для быстрых и энергичных, и Дмитрий преуспел. В благополучной сытой России никто никуда не спешил и другим не давал, но Игорь был чертовски хорошим специалистом, и только за счет этого достиг успеха.

Тем временем новый царь играл в большую политику, его министры считали себя ловкими и дальновидными, Англия, как «кухня европейской погоды» и постоянный источник беспокойства, им надоела, с ней надо было что-то решать, и тут кстати подвернулся Гитлер. Особых идейных противоречий с ним поначалу не заметили, а Германия хоть и не считалась интересным рынком сбыта, зато могла расплачиваться технологиями. При должной поддержке она превращалась в новый центр силы, который мог накрепко связать руки британцам, да и по шее им надавать. Не одной же Англии играть Большую Игру.

Когда Гитлер начал трясти еврейские капиталы, это восприняли даже благосклонно. Когда принялся евреев откровенно убивать, а немцев выстроил в колонны и повел куда-то не туда, возникло подозрение, что он псих, да еще заразил сумасшествием целую страну — а мы ведь его финансировали. На это русские как-то не рассчитывали. Только им сумасшедших немцев не хватало. К счастью, псих, как и планировалось, вступил в открытый конфликт с Англией, и русские вздохнули с облегчением — но

сами начали готовиться к войне на континенте. Разумеется, поздно. Разумеется, медленно. Естественно, с упущениями, ошибками, преодолевая головотяпство, коррупцию и кумовство. Но хотя бы так.

И еще долго будут обсуждать вопрос, как бы все обернулось, не догадайся государь обратиться к народу с речью, начавшейся со слов: «Люди русские, братья и сестры...» И собралось ополчение, и вытянуло на себе кризисный этап войны, когда немцы рвались в глубь страны и казалось, что все потеряно...

Обо всем этом говорили открыто, а Саша слушал и не мог понять одного: больше потеряла Россия в результате или приобрела. Людей не вернешь, понятное дело. Но если мыслить, как Миротворец, глядя на десятилетия вперед, стоила ли игра с Гитлером свеч? Насколько оправданна игра самого Миротворца? Ответа не знал никто, ученые строили версии, люди предполагали разное.

Саше запала в голову мысль, что, женись нынешний царь на англичанке, «ничего бы не было». Сама по себе эта нелепая идея стоила полушку в базарный день, но подход к проблеме выглядел интересным. А что если?.. Могла Россия пойти по другому пути? Куда бы он привел ее?

А ведь был один вариант — самый лучший.

К началу Первой мировой в России накопились внутренние противоречия, тут творился какой-то перманентный пир во время чумы, и все ждали, что вот-вот случится нечто. Вот-вот долбанет. Страна встала на грань революции, здесь было сильное рабочее движение, крепла мечта о справедливом социальном устройстве, а про царизм говорили, что он устарел, неэффективен и держится только на личном обаянии Миротворца. Студенчество насквозь пропиталось левыми идеями и заразило профессуру. Богема увлеклась абстракционизмом и гомосексуа-

лизмом. Иоанн Кронштадтский проклинал Льва Толстого, но оба говорили, что так дальше жить нельзя. Всем не хватало свободы. Никто не знал, кого ради этой свободы бить, то ли жидов, то ли немцев; правда, все соглашались, что начинать надо с синих мундиров, — и были морально готовы. Единственным спасением виделось как раз вступление в мировую бойню — чтобы отвлечь народ и загнать самую взрывоопасную его часть в солдаты. Но Миротворец сначала довел страну до точки кипения, а потом сорвал клапан, да так, что о революциях уже никто и не заикался, дай бог дарованную свободу как-нибудь переварить. Только крайние левые на стенку лезли и кричали: глаза разуйте, он вас облапошил! Некоторые с ними соглашались, но в целом всем было не до того.

Саша читал документы левых партий — и ему казалось, что он нашел ответ, правда, совсем не там, где искали другие. Царская воля согнула логичную сюжетную линию: когда история России должна была пойти своим чередом, ее очень ловко завернули вправо. Если бы не игра Миротворца, здесь вполне могла возникнуть первая в мире пролетарская республика, устроенная разумно и по-научному, основанная на идеалах общей цели и общего блага, справедливого распределения и максимальных возможностей для каждого. Открытое и крепко спаянное общество. Оно превзошло бы германский национал-социализм по всем статьям, потому что было наднациональным и надклассовым. Его идеи прекрасно ложились на исконно местные принципы соборности, звучали в лад с православным каноном и вполне могли прийтись каждому русскому по сердцу. Его бы и церковь могла поддержать. И, что самое интересное, запрос на такое общественное устройство был

очень силен в Германии. И раз в России все получилось — русские дали бы пример немцам.

Никакого Гитлера не понадобилось бы никому.

Войны не случилось бы вообще. В крайнем случае социалистическая Россия и социалистическая Германия вместе боролись бы с происками монархической Англии. Хватит экономической блокады, да и просто запереть Черчилля на островах нашим на пару — раз плюнуть. И пускай там сидит.

«Войны бы не было, войны бы не было», — стучало в виски молоточками. Подумать только, десятки миллионов русских и немцев спасены ради счастья и мирного строительства. Невиданное процветание, блестящие перспективы. Кузен Гуннар живой. Бабушка и дедушка увидели прекрасный новый мир, у Игоря все сложилось иначе...

Саша зашел к синим мундирам и попросился съездить в Москву.

— К Ульянову? — удивился капитан охранки. — Этот фантазер еще жив? А ну-ка, поделись, будь добр, зачем он тебе. Не статью же ты про него писать собрался, кому он нужен...

Саша объяснил. Капитан впал в задумчивость.

— Да-а... — протянул он наконец. — Прямо жалко, что я при исполнении, а то бы подискутировал с тобой. Знаешь, как у нас говорят? — лишь бы не было войны. Вот лишь бы не было войны, я, пожалуй, и на рабочую республику согласен. У меня ведь папа в ополчении ноги потерял и брат погиб на Зееловских высотах. Чуть-чуть до Берлина не доехал на танке братишка мой... Кстати, мы вашего Гуннара по-прежнему ищем. Всплывет рано или поздно. Если он у нас в лагерях, конечно... А ведь и тебя, друг ситный, запросто могли хлопнуть — сам подумай, кому это нужно? Лично мне — ни разу. Да вообще, русские воевать никогда не хотели. Не то что немцы, прости

за откровенность. И между прочим Ульянов твой по матери — Бланк. Короче, жид. А кто русских с немцами стравил, не мне тебе рассказывать. Так что не верю я ему, вот хоть убей, не верю. А тебе, представляешь, верю! Слушай, а ты еще кому-нибудь эту свою... концепцию излагал уже? Нет? Если будешь, ты мне потом расскажи обязательно, как люди реагируют. Очень интересно, очень.

Опальный философ и экономист Ульянов, отторгнутый научным сообществом за вредный характер и склонность к пропаганде массовых расстрелов для спасения России, оказался частично парализован, но говорить мог, да еще как.

— Вы прямо луч света в темном царстве, батенька! — сообщил он Саше. — То, что молодежь творчески развивает мои идеи, это архиважно! Но, боюсь, вы несколько идеализируете положение. Мы тогда были в меньшинстве, ведь мы были партией мира, мы поддерживали царя в этом смысле целиком и полностью. Да-да, представьте себе, партия, которая требовала отдать власть народу, вступилась за царя в четырнадцатом году! Все остальные хотели воевать. Они обзывали нас реакционерами! Тогда еще не придумали такого слова, а то бы обозвали и фашистами! Единственное, на чем с нами сходился каждый: расстреливать синие мундиры без суда и следствия! Расстреливать как можно больше! Всю охранку — к стенке!

После чего тараторил битый час, объясняя Саше, как все могло бы сложиться на самом деле. Выходило, по Ульянову, очень похоже на Сашины выкладки, только через порядочную кровавую баню, которая вполне компенсировала отсутствие Гитлера: миллионы бы полегли во имя социализма. Из этой лекции Саша сделал вывод, что плохо знает реалии последних лет царствования Миротворца и что

Ульянов таки да, фашист изрядный и склонен к пропаганде массовых расстрелов.

И все же мысль о бескровном установлении мира в Европе путем социалистической революции никак не шла из головы. Ведь могло же получиться. И не было бы в Сашиной памяти того серого берега реки.

— А ты роман про это напиши, — сказал капитан. — Фантастический. А мы издадим и распространим. Нелегально, хе-хе...

— Да я его в Германии напечатаю, там цензуры-то не будет, когда режим оккупации снимут и жизнь наладится, — ляпнул Саша простодушно.

— Это мы еще поглядим, чего там не будет, — сказал капитан. — У вас там опять англичанка гадит, делать ей больше нечего, заразе. Может, там тебя не будет, для начала. Возьмем да не выпустим. Ты ценный парень, нам такие умные самим нужны.

— Может, я сам не уеду, — парировал Саша. — Мне в России нравится, тут люди душевные.

— Вот ты вражина! — восхитился капитан. — Ладно, ладно, мы еще посмотрим на твое поведение. А то и выгоним тебя взашей, немецко-фашистскую морду!

И захохотал.

Над головой капитана висел портрет Бенкендорфа. Тоже немца, между прочим.

— Ты еще молодой и не понимаешь, — сказал капитан, отсмеявшись. — Книга может выйти, извини, бездарной. Но если книга нелегальная, она обречена на популярность. Люди будут ее перепечатывать и распространять по доброй воле. Не читал «Белые одежды» Презента? О том, как академики затравили гениального агронома-самоучку? И не читай, даже не думай. Чудовищная дрянь и графомания. Только у академиков из-за этой книжонки больши-ие не-

приятности. Потому что когда начали разбираться, выяснилось: допустим, агроном-то мошенник, но и господа ученые половину академии разворовали!

— Я-то тут при чем? — удивился Саша.

— Да и Президент ни при чем, — сказал капитан. — Я так, ради примера. Литература, друг ситный, — великая сила. Особенно русская. Особенно если ей разрешить.

Оглянулся на Бенкендорфа и фамильярно подмигнул ему.

Тем временем Рау и фон Рау потихоньку собирались заново, обменивались весточками, все оказались целы и более-менее здоровы, один Гуннар завис между небом и землей, живым его никто не видел, мертвым тоже.

Саша закончил школу, устроился в типографию учеником печатника и на удивление легко приткнулся стажером в местную газету. Для «пленного», пускай он и сын главного инженера, это было отлично. Саша подозревал, что не обошлось без звонка от капитана. В целом жизнь складывалась неплохо, даже приходилось определенные усилия прилагать к тому, чтобы сдуру раньше времени не жениться. Тоску по родному дому, что накатывала временами, Саша старательно давил. Он не мог себе позволить быть неприкаянным, это казалось ему слишком по-русски, и быть несчастным — это выходило чересчур по-немецки.

Он вообще старался поменьше рефлексировать, потому что когда начинал обдумывать свою историю, на ум шло странное. Однажды Саше вступило в голову, что формально он не кто-нибудь, а бывший солдат вермахта, дезертир и военнопленный, короче — настоящий ветеран Второй мировой войны, только никудышный ветеран, поскольку нарушил воинскую присягу, и по-хорошему надо бы его рас-

стрелять. Это так ошарашило, что он даже водки выпил с перепугу. Ночью ему приснился серый берег, и с тех пор Саша избегал крепкого алкоголя.

Отец, напротив, поддавал все чаще и потом тянул «Из-за острова на стрежень».

— И не смотри на меня так! — сказал он сыну однажды. — Положение у меня хуже губернаторского, знаешь ли.

— Я-то знаю, что это значит, — ответил Саша. — Я все-таки на филфак иду.

На другой год он поступил, и ему разрешили в порядке исключения переехать в Москву, правда, с условием поселения в общежитии — чтобы был под присмотром. Раз в неделю Саша исправно отмечался у синих мундиров. Они в Москве оказались строгие и неразговорчивые, вместо бенкендорфов в кабинетах держали портреты нынешнего министра, и Саша уже скучал по своему капитану. Дядя Игорь глядел молодцом, снова женился и готовился стать папой — похоже, совсем выздоровел после секретных дорожных работ. Он вернул себе прежнее влияние, был вхож во многие высокие дома и довольно быстро пристроил Сашу на радио.

Вот это оказалось действительно неудобное положение: Саша меньше всего хотел быть каким-нибудь младшим редактором, он мечтал о репортажной работе, но с его режимом это было невыполнимо. Тогда Игорь сказал кому следует, и вдруг Саше вышло послабление: отмечаться раз в месяц и перемещаться невозбранно в известных пределах, только чтобы не наглеть, понятно?

— Вам стоит узнать Россию получше, — сказал Саше синий майор, глядя куда-то мимо. — Если останетесь, это пригодится, а если уедете, расскажете там, какие мы на самом деле. А то про нас сочиняют небылицы.

— Про вас — это про госбезопасность? — уточнил Саша.

— Про русских, — сдержанно обиделся синий майор.

Фамилия синего была Берия, и Саша подумал, что рассказывать о нем правду в Германии бессмысленно: ну кто поверит, будто в русское гестапо берут каких-то монголо-татар, да еще позволяют им дорасти до майоров.

Но облегчение режима вышло очень кстати: Саша и правда хотел узнать Россию лучше.

— Это только начало, я слышал, скоро всем будет полегче, — сказал Игорь. — Пора уже, хватит. В конце концов, вы не военнопленные.

— Я был военнопленным, — сказал Саша и помрачнел.

— Ты вообще много успел, братик. — Игорь всегда называл племянника так, да и держался с ним скорее по-братски. — Я тебе даже слегка завидую. Ты у нас везучий.

— Да ну его, такое везение, — сказал Саша искренне.

Из него получился хороший репортер, он много ездил по стране, видел ее во всей красе — и все больше за нее переживал. Ему стало ясно русское убожество и понятна русская безалаберность, и проверил он алгеброй русскую надежду на авось. Здесь не было культа завершенной работы, доведенной до логического конца, и не могло появиться никогда. Здесь такое не особенно поощрялось. Вылизывать все до блеска не считалось необходимым. Это твое личное дело: хочешь — старайся, молодец. Не хочешь — не напрягайся.

В России просто не существовало единого понятия о качестве. Тут жили как бы сами по себе мастера своего дела, и еще те, кто стремился вырасти

мастерами, — и огромная масса всех остальных. Мастера создавали штучные прекрасные вещи и хорошо зарабатывали. Остальные делали ширпотреб, зарабатывали посредственно, но зато не напрягались. Игорь Рау не умел не напрягаться, поэтому строил отличные дороги, но занимал узкую нишу — у него были свои отношения с заказчиками и подрядчиками, выстроенные годами. Он был мастером и работал там, где действительно нужен. В нише нашлось бы место еще для двух-трех инженеров Рау, а для десятка уже нет. И это странное отношение распространялось на все сферы, начиная с точного машиностроения и заканчивая колкой дров.

К несчастью, Россия могла себе позволить такие порядки: она по-прежнему неплохо зарабатывала на сырье, и когда ей требовались действительно качественные вещи — покупала их. Так не могло продолжаться вечно, но об этом можно было подумать завтра, а еще лучше послезавтра или когда-нибудь потом.

Немцы это уже проходили, но по-своему, по-немецки. В прошлом веке, когда товары из Германии считались второсортным барахлом, особенно по сравнению с английскими, на всех германских предприятиях развернулась фанатичная борьба за качество. Она дала свои плоды через несколько десятилетий. И еще много лет понадобилось, чтобы фраза «немецкое — значит отличное» зазвучала действительно гордо, ведь мало делать хорошие вещи, надо еще и потребителям это доказать. Как в похожей ситуации будут справляться русские, Саша не представлял: скорее всего — никак. Они просто не смогут договориться между собой.

Здесь очень гордились своими товарами потому что — свои. Это считалось патриотично. Честно признать, что товары — так себе, непатриотично. То-

вары получались, по большей части, действительно так себе. Но благодаря политике заградительных пошлин, которую ввел Миротворец, и всячески поддерживал нынешний кабинет, рядовому патриоту сравнивать было особенно не с чем. Не по карману.

В этом смысле война с Германией здорово повлияла на русских: патриотизм патриотизмом, но когда ты дошел до Берлина и по дороге увидел, насколько тут все по-другому, в голове сами собой рождаются недоуменные вопросы. Например: а мы, что, так не можем? А почему?.. Саша не раз и не два слышал это от русских, вернувшихся с войны. Им действительно было интересно: почему?

Да по кочану.

Ответ напрашивался сам. Великая Россия, какой ее увидел Саша, была страной неисчислимых людских богатств, талант на таланте, но сколько бы их ни реализовалось, загубленных нашлось бы на два порядка больше. Казалось, русская бюрократия создана нарочно, чтобы гнобить всех, кто высунется, и делать это с максимальной эффективностью. Отец был прав: здесь не спешили и другим не давали. И с каким же плохо скрываемым наслаждением, с каким азартом не давали!

— Именно так, — подтвердил капитан. — Это фильтр, балда ты. Пробьются только самые зубастые. А если всем позволять, они страну порвут на тряпочки.

Саша, как приезжал в Дубну, первым делом к капитану шел — выговориться. С отцом на такие темы общаться было бесполезно, он только лишний раз злился. Он слишком хорошо все это знал, испытал на себе еще в молодости. А Саша хотел понять, отчего здесь так странно.

— Потому что у нас всего боятся, — говорил отец.

— Потому что у нас всего слишком много, — говорил капитан. — Вы, немцы, трясетесь над каждой веточкой, а мы целые леса на дрова изводим. Поэтому душа русская широкая, и ей только дай развернуться, полетят клочки по закоулочкам. Вот ты про революцию думал — радуйся, Саша, что революции не было. Если революция в какой-нибудь Франции задрипанной — ее хватает тряхануть всю Европу, а случись она в России — мы бы ее на весь мир распространили, чтобы сразу всех осчастливить. Мы бы огнем и мечом пронесли свет истины с востока на запад и далее везде. Миротворец это очень хорошо понимал. Он не только Россию спас, он планету в целом уберег от такого кровопролития, что Вторая мировая покажется игрой в войнушку. Мы бы вам показали социализм, хе-хе... Тот социализм, который у вас Гитлер построил, это сравнительно богадельня и вегетарианство.

— Сами же говорили, что русские воевать не хотят, — вспомнил Саша.

— Какая такая война? Исключительно свет истины в каждый дом. Не умеешь — научим, не хочешь — заставим. Нам нельзя, понимаешь ли, быть миссионерами. Мы как идеей загоримся — ни своих, ни чужих не жалеем. Ты про историю раскола читал? Ученые прямо говорят: уму непостижимо, чтобы из-за такой ерунды было уничтожено столько народу и причинен такой ущерб стране. А представляешь, на что русские способны, если втемяшат себе в голову, будто у них есть шанс осчастливить человечество? Ты с Ульяновым общался: думаешь, у нас мало таких?

— Он хотел только добра, — твердо заявил Саша. — Просто не вовремя и негодными средствами. Но в главном-то он прав!

— Спокойно, друг ситный, — сказал капитан. — А вот допустим... Христианство прогрессивнее многобожия? Тогда почему его везде, куда ни глянь, насаждали принудительно, огнем и мечом?

— Ну вы сравнили!

— Спокойно, спокойно. Социализм прогрессивнее капитализма? Тогда зачем Гитлеру понадобились такие жесткие меры, чтобы его установить? И то это был не настоящий социализм, а так, серединка на половинку и во многом фикция. И ведь он с промышленниками договорился по-хорошему, отдал им еврейские капиталы, а иначе всякие Круппы и Тиссены съели бы Адольфика на завтрак и остальными страшными фашистами закусили.

— Некорректное сравнение. Социализм не религия, — сказал Саша.

— Разве? — капитан ехидно прищурился, ну прямо Ульянов.

Саша не нашелся, как ответить — так, чтобы сразу. Все возможные ответы казались слишком развернутыми и потому неубедительными.

— Я просто ищу вариант, при котором не было бы войны, — буркнул он наконец. — А вы?

— А мы заботимся о благе государства, — сказал капитан. — Кстати, иногда государству бывает очень полезна война. Например, Вторая мировая сильно улучшила породу немцев, потому что по ее итогам мы перевешали все ваше самое заметное дерьмо. И в войска СС попадали самые отпетые немецкие кретины — и гибли массово, это тоже хорошо. А выжили по большей части мудрые, вроде твоих учителя с механиком, про которых ты рассказывал, и умные, вроде тебя самого. В обозримом будущем вы не будете страдать ерундой, а будете строить новую хорошую жизнь. Мы уж

проследим за этим. Так что для Германии это очень полезная война.

Саша глядел на капитана во все глаза: с такой оценкой войны он еще не сталкивался.

— Вот для России — нет, не полезная была война, — продолжал капитан. — У нас погибли лучшие. Те самые бородатые, да ты понял. Отцы семейств и патриоты. А молодняк прогулялся по твоим Германиям, насмотрелся там глупостей и сделал неправильные выводы. Теперь кого ни спроси, все говорят, что мы неправильно живем. Там, понимаешь, и рабочим больше платили, и средний класс жировал, и вообще все красиво, а у нас некрасиво. А за чей счет они жировали, а? Кто всю Европу под себя подмял и ограбил?..

Саша мог бы ответить, что Германия, прежде чем ограбить Европу, сама себя вытянула из страшной разрухи. Мог бы сказать, что немцы пахали — как ни одному русскому не снилось. Но промолчал. Это все с чужих слов, по рассказам старших, он-то маленький был и ничего толком не видел. Он помнил уже гитлеровскую Германию — страну весьма своеобразную, мягко говоря. Ее очевидное процветание неспроста закончилось войной: Гитлер спасал экономику. Ну так у Гитлера и социализм был ненастоящий.

Русские могли построить настоящий социализм, и войны бы не было — это все, что Саша знал. Но об этом тоже лучше молчать. А то выходит слишком обидно для русских: будто из-за них одних все так глупо сложилось.

И он замолчал.

Они уезжали в пятьдесят первом. Опять перед домом был грузовик, снова русские солдаты носили тюки и чемоданы, и у крыльца стоял отец, а рядом

синий мундир. На этот раз главный в Дубне — полковник.

— Все-таки уезжаете, Дмитрий Михайлович?

— Да, — сказал отец. — Здесь наша родина, но там — наш дом.

— Ну-ну... — протянул синий.

Пожал отцу руку и ушел, не проронив больше ни слова.

— Надеюсь, ты понимаешь, — сказал отец Саше.

— Конечно. Что ты так смотришь, я же мог остаться. Я тоже хочу домой.

Вдруг в доме — пока еще этом доме — зазвонил телефон.

— Не могу, — отец помотал головой. Он выглядел таким усталым, каким Саша его даже в войну не видел.

— Я подойду, — сказал Саша.

Звонил капитан:

— Не зашел попрощаться, свинтус. Ладно, я понимаю. Есть диплом?..

Саша не успевал доучиться, и пришлось сто раз договариваться, просить разрешения, обивать пороги и так далее, чтобы позволили закончить экстерном. Очень помог майор Берия, хоть он и дулся на Сашу по старой памяти, что тот признал его не за русского, а только за госбезопасность.

— Есть диплом.

— Поздравляю. А у меня есть твой Гуннар. Точнее, у тебя есть. Он уже год как на свободе. Отбухал тут пятерочку на строительстве — и домой уехал.

Саша аж подпрыгнул.

— Сам его теперь ищи и выясняй, чего он писем не писал, — мстительно сказал капитан. — Хорош братец! Хотя он, судя по документам, малость по голове стукнутый. Может, он вас, немчуру, из-за этого разлюбил.

Саша вспомнил, что у капитана родной брат погиб, и решил не обижаться. Дело привычное. Не обижаться и не бояться.

И не вспоминать серый берег холодной реки. И не думать, как тебе повезло.

Гуннар фон Рау был ранен в первом же бою. Он дрался в траншее врукопашную один на один с бородатым русским, и тот почти его задушил, когда откуда-то сбоку пришла очередь из крупнокалиберного пулемета. Гуннар вспомнил это не сразу — красные брызги в лицо и тупой удар по голове. Он себя-то не сразу вспомнил. Его подобрал на поле боя польский крестьянин, привез на тачке к себе домой, выходил и определил в батраки за еду. Но Гуннар страдал головными болями и терял зрение — кому такой нужен. Поляк сдал его русским. Гуннара отправили в Россию, в лагерь, чтобы искупил свои злодеяния честным трудом на строительстве. В лагере Гуннару стало уже совсем плохо, и вдруг ему повезло. Русский главный врач был талантливым хирургом, в мирное время — специалистом по черепно-мозговым травмам. Немецкий парнишка, говоривший по-нашему без акцента, ему приглянулся, и он взялся за лечение с большим энтузиазмом. Через полгода Гуннар был как новенький, только с железной пластинкой в черепе. На тяжелых работах его не использовали, он стал переводчиком. У него хватало времени на раздумья, и он с чисто немецким упорством пытался осмыслить феномен Второй мировой и свое места в ней. Зачем его послали убивать русских? Зачем он пошел? Ну да, выбора не было, он знал, что если дезертирует, его родным отомстят. Но все-таки он теперь военный преступник. И ведь с кем воевал-то, со своими воевал. И они его чуть не убили. А теперь вылечили. Как со всем этим дальше жить?

Приехав домой, Гуннар с удивлением обнаружил, что если в России он был задрипанным пленным солдатиком, никому, в общем, не нужным, то для немцев он — уважаемый ветеран боевых действий, за что ему полагается медаль и скромная пенсия. Медаль за войну с русскими Гуннар фон Рау бросил с моста в реку, проводив ее хлестким русским словом. Сам того не зная, он угодил медалью точнехонько в пулемет, который учитель и механик так и не вытащили, потому что с войны не вернулись, — увы, синий капитан ошибся на их счет... Пенсия была не скромной, а очень скромной, но ее хватало на какую-никакую еду, и Гуннар смог поступить на факультет психологии. Он оказался не оригинален: почти все идут на психфак, лелея надежду разобраться в себе. Факультет был битком забит травмированными ветеранами. Гуннар получил диплом — кто бы сомневался, что он специализировался по психологии комбатантов, — и даже работал в реабилитационной клинике. Он оттаял, стал внешне прежним весельчаком Гуннаром, но для полного счастья чего-то не хватало. И в один прекрасный день он пошел в духовное училище.

И оказалось, что у него талант: если как психолог он работал с бывшими солдатами индивидуально и получалось не всегда хорошо, то словом с амвона он мог утешить и успокоить много ветеранов сразу.

Позже Саша организовал ему передачу на радио. У Гуннара такой голос — для радио в самый раз. И говорил он этим голосом слова, пробиравшие насквозь, очищавшие душу. Даже программный директор Циммер, которому фашисты зубы вырвали клещами за антивоенную пропаганду в сорок пятом году, чудом не расстреляли, и он с тех пор недолюбливал ветеранов вермахта — и то ставил Гуннара всем в пример.

Сейчас пастор Гуннар довольно часто бывает в Москве — читает великолепные проповеди в кирхе на Китай-городе. После работы он идет в гости к «брату Игорю», который на самом деле его двоюродный дядя. Игорь уже отошел от дел, но числится главой попечительского совета автодорожного института не только ради признания заслуг. Он все еще может протолкнуть большой проект, когда его ученики сами не справляются. Бывает, люди стареют, а Игорь стал велик.

Иногда в Москву приезжает Саша, и тогда они душевно сидят втроем. В какой-то момент раскрасневшийся Гуннар не выдерживает и, хлопнув еще рюмочку, начинает петь русские песни своего детства.

— Водка! Водка! Серенький козлик! — орет Гуннар профессиональным пасторским голосом, и Игорь хохочет до слез.

Саша только грустно улыбается. Саша с годами стал очень сентиментален, но старательно давит это в себе, и лишь при братьях выпускает сокровенное наружу. И когда Гуннар, как полвека назад, затягивает «Из-за острова на стрежень», Саша вспоминает отца, родимый дом, проклятую войну, тот мост и двоих с пулеметом — вспоминает все. И еще серый берег холодной реки. И ему хочется плакать.

Иногда он действительно пускает пьяную слезу: по упущенным шансам, по несостоявшемуся всеобщему счастью, по бездарно растраченным жизням немцев, русских, англичан, американцев. Ему всех жалко. Братья знают это за ним и очень ему сочувствуют. Добряк Гуннар — искренне, холодноватый Игорь — несколько через силу.

Саша написал свой роман в жанре альтернативной истории — обо всем этом. Назвал его «Фатерлянд». Надеялся, что люди прочтут и задумаются.

Но роман получился так себе и прошел незамеченным.

Игорь глядит на плачущего Сашу и наливает ему твердой рукой в старческой «гречке» еще рюмочку.

Над головой Игоря, над его креслом в столовой, висит портрет государя. Только не действующего, а Миротворца.

Игорь говорит, портрет ему нужен, потому что русские — без царя в голове, и он так компенсирует свою интеллектуальную недостаточность. А Миротворец — потому что был последний настоящий русский царь, таких больше не делают.

Иногда Саше хочется запустить в портрет рюмкой, но он сдерживается. Он уверен, что знает точно: все могло быть иначе, если бы не царь. Он ненавидит царизм. Но швыряться в портреты — это слишком по-русски.

А горевать о том, что не сбылось, — это вполне по-немецки.

НИКА БАТХЕН

КРУТИТСЯ-ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ

Jingle bells, jingle bells, jingle all theyyy хрррш! Заводная елочка врезалась в стену и остановилась там, скрежеща ветками. Тим мотался по комнате, не находя себе места. Минуты еле ползли, ему страшно хотелось спать. Взрослые шумели и смеялись у себя в зале, Фед резался в «звездных рейнджеров», огрызаясь на брата, стоило тому подойти. За окном сыпал противный снег — не пышные хлопья, а морось пополам с дождем, никаких прогулок, никаких обещанных лыж не жди.

Подарки уже куплены, спрятаны в кладовой — наверняка ерунда, новая куртка или энциклопедия. У Тима защипало в глазах, он всхлипнул от обиды, но реветь не стал. Он взрослый, десять лет... почти десять. И мужчины не плачут.

За окном вспыхнули брызги салюта. В зале хлопнула пробка шампанского, раздалось многоголосое «С Новым годом!». Нарядная мама открыла дверь.

— Федя, Тима, пойдемте посмотрим, что принес Дед Мороз! Да оторвись ты от своей глупой стрелялки!

Не дожидаясь брата, Тим поскакал вперед. Подарки лежали под елкой в больших пакетах. Папа стоял поодаль и хитро улыбался, по его круглой физиономии было видно — он ждет восторгов. Ну скажу я спасибо, скажу.

Так и знал! Унылая обучалка «Дружок, повторяй чиз». Крейсер на батарейках — словно трехлетнему. И еще что-то. Коробка. Тяжелая, плотно упакованная коробка в синей бумаге. Аквариум? Трехмерный пазл? Или?!!

Бумагу он рвал руками, с коробки второпях сдернул сенсор, пришлось разрезать пластик. Пленка отклеивалась кусками, бокс оказался тяжелым и гладким на ощупь. Инструкцию после. Все после.

— Погоди, Тима, осторожней с игрушкой! Давай отнесем в детскую, поставим как следует. Да стой же!

Мама не понимает.

Кнопка мягко подалась внутрь. Бокс медленно заурчал, наполняясь светом, крышка сделалась теплой, замигала сенсорная панель. Плексигласовые стекла стали прозрачными. «Тук!» — словно первый удар сердца. В магнитном поле начала оборот планета. Его планета.

...В классе был общий визор на полстены. На уроках экран работал большой доской. На переменах по

нему крутили рекламу детских роботов, петов, «неотличимых от настоящих животных», и прочей дорогой ерунды. «Планет-бокс» показали между русским и психологией, Тим запомнил и день и час. Голубой шарик висел в подсвеченной пустоте, медленно поворачиваясь. Раз — изображение увеличилось, стали видны контуры континента, змейка большой реки, покрытая снегом равнина. Два — сменились цифры панели, подул ветерок, поднялась буря, смерч, ураган. Три — небо снова расчистилось, стало мирным. Четыре — появилась счастливая мордашка мальчика, который благоговейно заглядывал в куб. «Даешь планету в каждый дом!» — запестрел слоган, механический голос забубнил о последних исследованиях российских ученых, несомненной пользе игрушки и уникальных возможностях удивительного устройства. Тим почти не слышал. У него появилась мечта.

В электронном дневнике засияли десятки, исчезли жвачки с ковров и царапины с панелей. Робоняню перестали стричь и раскрашивать. Даже скандалы с Федькой сошли на нет. Тим ставил на место ботинки и тапочки, научился запускать посудомойку, каждый день чистил зубы. И рассказывал маме с папой, какая замечательная штука «планет-бокс», как игрушка поможет ему учиться и сильно-сильно обрадует.

Ко дню рождения папа с мамой подарили любимому сыну пушистого пета с мягкими лапами и щекотными белыми усами. В первый раз в жизни Тим не заревел от обиды. Но и участвовать в празднике отказался — залез на второй ярус кровати, завернулся в одеяло и замолчал. Ни торт, ни гости, ни любимая бабушка не заставили покинуть убежище. Пета пришлось вернуть — именинник игнорировал дорогую игрушку. Три месяца, оставшихся до Нового года, Тим

вел себя хорошо, мало разговаривал и много рисовал. Мама отвела его к смешливой румяной тете доктору, поиграть на компьютере и ответить на кучу странных вопросов. Потом попросила подождать за дверью и долго спорила с врачом. Тим не стал спрашивать, о чем. Он потерял надежду. И вдруг — сбылось.

...На передней панельке двенадцать кнопок и маленькое окно. «Включить». «Изображение». «Температура». «Ветер». «Осадки». «Вулканическая активность». «Скорость вращения». «Сила тяжести». «Магнитное поле». «Освещенность». «Состав атмосферы». «Катаклизмы». Черный квадратик наверху — ячейка для корма. Бутылки воды и флакона с солями хватает на год. Инструкция: не трясти, не ронять, активировать не реже раза в неделю. Чем больше внимания уделяете вашему питомцу, тем успешнее он растет...

— Отдай! Отдай, пожалуйста!

Долговязый придурок Фед выхватил плексигласовый куб и подняв вверх, разглядывая:

— Не жадничай, посмотрю и верну. Ишь какая штука чудовая! Крутится, вертится. И кнопочки всякие понатыканы — ну-ка?

Брат нажал на что-то наугад. С минуту ничего не происходило, потом шар изнутри наполнился точками ярких взрывов, свет сделался алым.

— Ай, жжется!

Тяжелый куб с грохотом упал на пол. Перепуганный Тим рванулся к нему. На секунду он поверил, что игрушка потухла и умерла. Но куб светился по-прежнему сильно. И голубая планета медленно вращалась внутри. Сверху у самой кормушки Тим заметил небольшую трещинку.

— Цел подарок? Мать башку за него оторвет, они с папкой отпуска отменили. Видишь, крутится твоя хрень, как новенькая. А ты нюни распустил, баба!

Опустив бокс на пол, Тим выпрямился, стряхнул со лба потные кудри и спокойно сказал:

— Тронешь мою планету — убью. Дождусь, когда заснешь, возьму нож с кухни и убью. Понял?

Фед отступил на шаг.

— Взбесился, клоп? Давно не получал?

— Тронешь мою планету — убью, — повторил Тим и неумело выругался.

— Ну ладно, ладно, — примирительно пробурчал брат. — Шуток не понимаешь. Я что, пацан сопливый — в игрушки играть? Спать вали!

Придерживая бокс одной рукой, Тим кое-как забрался по лестнице. Шкаф подошел для подарка — тихо, темно, не жарко. Инструкцию разложил на постели, но прочитать не успел — усталость свалила его мгновенно. Мальчик видел во сне, как управляет космическим кораблем, рассчитывает курс, пробивается сквозь атмосферу и приземляется, наконец, на зеленый луг неизвестной планеты.

Утро первого января оказалось сонным. Папа с мамой не выходили из комнаты до полудня, Фед болтал с кем-то по новенькому мультифону. Нетерпеливого Тима никто не трогал. Первым делом он заклеил трещину пластиком, протер салфеткой прозрачные стенки, расставил вокруг бокса голографии с космосом, звездами и галактиками — пусть все будет по-настоящему. Потом нажал на первую кнопку.

Удивленному Тиму показалось, что он спускается на самолете к самой поверхности. Сначала появился маленький континент, потом стало видно горные хребты, каменные долины, длинный пустой берег моря, белый ровный песок — здорово бы пробежать по такому, наследить, прыгнуть в воду и плавать до изнеможения — это не школьный бассейн! Изображение двигалось пальцем, как на планшете, Тим изучал рельеф, пока глаза не устали, заглянул и на дно

океана, и на вершины, покрытые снегом. Интересней любого кино!

Папа с мамой уже проснулись, позвали обедать, потом предложили прогулку — первого января в «Сокольниках» проводили хорошую детскую елку. Веселый Фед отказался — они с друзьями собрались погудеть в клубе. Тим, недолго думая, пожаловался на тошноту. Мама захлопотала, принесла минералки, заставила робоняню немедленно взять анализы — вдруг мальчик заболел. Папа ничего не сказал, только подмигнул Тиму — он хорошо знал сына. Родители переглянулись, повеселели и ушли одни, брат тоже не задержался.

В пустой квартире всегда есть особое очарование. Начинают сами собой скрипеть двери и половицы, робот-уборщик с урчанием ползает по полам, каплет вода из крана, мигают лампочки сенсоров, оконный свет складывается в причудливые узоры. Самое лучшее время в доме, Тим всегда любил его. Но сегодня он не стал прислушиваться к шорохам и шумам. Планета занимала все внимание мальчика. Он попробовал только одну кнопку — а что делают остальные?

Зачем нужна сила тяжести и что меняет состав атмосферы, разобраться не удалось. В школе этого точно не проходили. Вулканическую активность запускать страшно — куб прочный, но вдруг не выдержит? А вот скорость вращения... Повинуясь циферкам на реле, голубой шарик планеты то крутился как детский волчок, то почти останавливался, зависая в пространстве безо всякой опоры. Тим приблизил изображение — прежде мирные волны бились о берег с неслышным грохотом, превращая тихий пляж в месиво из камней. Красота ушла, стало страшно. Тим вернул показатели к норме, уменьшил

масштаб и, не задумываясь, нажал на следующую кнопку. Пусть на планете тоже будет зима!

Яркий свет, заполняющий куб, потускнел, тучи сгустились, плексиглас стал холодным, на мгновение покрылся изнутри морозным узором. Потом изображение прояснилось. На глазах у Тима огромное море начало замерзать. Покрываться у берега тонкой корочкой, застывать сперва крошкой, потом цельным зеленоватым льдом. Кое-где волны пробивали себе дорогу, но с морозом было не совладать. Пошел снег — крупные мягкие новогодние хлопья...

— Тима, ты кушал?

Мама пришла! И за окнами совсем темно — наступил вечер.

— Маа, иди сюда посмотри!

— Нравится? По лицу вижу, что да. Придумал, как назовешь планету? — улыбнулась довольная мама. От нее пахло духами и еще чем-то сладким.

— А это нужно?

— Думаю, да. У всех игрушек есть имена.

— Тогда... я назову ее Вьюга, можно? Смотри, там внутри снег идет!

— Согласна, мой хороший, — замечательная игрушка. Но ты устал и глаза опять красные. Смотри, не засиживайся, и давай все-таки поедим.

— Маа, снег настоящий!

— Конечно, настоящий. Тебе рыбу или котлету?

Тим вывернулся из-под маминой ладони — я взрослый! — и побежал на кухню. С мамой ему повезло, но каких-то вещей она, как и все девчонки, не понимала.

На следующий день мальчик впервые кормил планету. Пестрые соли растворялись тонкими ленточками, парили, медленно опускаясь. Из воды тут же захотелось устроить дождь. Тим тронул кнопочку, и потоки ливня смыли раскрашенный снег.

«Жаль, что в Москве так нельзя: нажал на сенсор — и солнце, лужи, гулять без шапки, а потом июнь и каникулы. Пусть хоть на Вьюге начнется весна».

Тим выставил температуру +20, приблизил изображение и стал разглядывать мокрые камни долины. Они высыхали на глазах, исходя белесым парком, рассеянный свет играл на булыжниках и валунах, отблескивал на разноцветных полосках глины. Кое-где по земле расползались зеленые пятна солей. Не хватало лишь бабочек и цветов. Но в планет-боксах встроенной жизни не было и, к сожалению, быть не могло.

Планшет валялся под рукой, но Тим сел рисовать планету карандашами на настоящей бумаге. Он представил себе и сказочных зверей, и птиц, и рыбок, и огромные деревья с пышными кронами. А вдруг на Вьюге у всех кустов белые листья или у лошадей восемь ног? Альбом закончился раньше, чем иссякла фантазия. Фед нашел потом рисунки и смеялся над ними, а папа, наоборот, похвалил.

На следующее утро выпал январский снег, густой, мягкий. Повеселевший папа тут же потребовал «Айда на дачу!» — и вся семья улетела за город. Два дня они катались на лыжах, лепили снеговика, сбивали с крыши сосульки. Откуда-то взялась мохнатая собачонка — живая, не пет, мама кормила ее и даже смогла погладить. И Федька на свежем воздухе вдали от противных дружков вел себя похорошему, помогал маме и не спорил с отцом. Тим даже обрадовался, что у него есть старший брат.

По вечерам все вместе сидели у маленького камина, грели руки, смотрели в огонь. Мама пела под караоке, отец рассказывал космофлотские байки. Они начинались одинаково: «заходит второй пилот в бар», но и взрослые и дети смеялись от души. По-

том все расходились по комнатам — на даче у Тима была отдельная детская. От стен вкусно пахло сосной, от постельного белья свежестью, и сны на старой кровати всегда снились волшебные. Счастливый Тим снова сажал корабль на каменистое плато Вьюги и в компании верного пета отправлялся в неизведанные земли.

С боксом за время отсутствия мальчика ничего не случилось. Тим немного переживал за него, но куб светился так же ярко и показатели не изменились — кроме размеров. «При должном внимании и уходе ваш питомец может вырасти до одного метра», — писали в инструкции. Когда Вьюга станет большой, бокс разрешат держать на полу или увезут на дачу? Дома лучше — за волнами, песком и снегом можно наблюдать без конца.

Что бы еще попробовать? Ветер! Страшная буря, совсем как в рекламном ролике, поднимала огромные массы воды, срывала белые шапки с гор, по долинам гуляли смерчи. Казалось, плексиглас выгибается от напряжения и на стеклах вот-вот появятся пенные брызги. «Я король ветра!» — тихонько произнес Тим и засмеялся от счастья. Снизу что-то сердито буркнул Фед, но мальчик не обратил на брата внимания.

Составить карту планеты оказалось не так легко — он четырежды рвал рисунки и дважды стирал на планшете файлы. Наконец замедлил скорость до минимума, сфотографировал — и дело пошло. На Вьюге нашлось место океану Мороженого и морю Кваса, Драконьим горам и горам Зубастиков, пляжу Камушки и реке Буль. Два больших континента стали Мамерикой и Папландией, неприглядный скалистый остров — Землей Федькина, голубая долина — долиной Бабушки, а огромная гора, не снимающая снежной шапки, — пиком Ти-

мура Завоевателя. Не все названия прижились, половина забылась сразу, но давать имена оказалось здорово — словно ты мореплаватель или космонавт, первопроходец на новых землях.

Каникулы кончились незаметно. В школьном аэробусе наперебой хвастали, кому что подарили — пета-тигренка, мультифон, интерактивную книжку. Толстому парню из параллельного класса родители вручили билет в настоящий Луна-парк. Представляете, какой там батут? А американские горки? Тим не выдержал:

— Мне подарили планету. Настоящую, она вертится, и на ней снег идет.

— Тимка, ну ты крутой! Щедрые у тебя прэнты! А в школу возьмешь полукать? Чур, я с тобой сижу! Мы же друзья, Тим, дашь мне первому?

Одноклассники загалдели наперебой. Тим смутился. Он учился средне, дрался плохо и до прошлого года плакал из-за любой обиды. Друзей в школе у него не было. Раньше не было.

— Не, пацаны, принести не смогу — не дотащу! Да погоди ты, почему сразу врешь? Приходите в гости — все посмотрите, и поиграть дам. Ты, ты, ты... хорошо, Серый, и ты тоже.

До конца дня Тим наслаждался неожиданной славой. Его хлопали по плечу, угощали конфетами, подарили наклейку с крейсером и дали потрогать выпавший зуб. Когда второгодник Сырок, которого вот-вот должны были перевести в спецшколу для хулиганов, отвесил Тиму дежурного пинка, одноклассники больше не гоготали. Наоборот! Проныра Махмуд подставил подножку, а близнецы Сидоровы деловито навешали поверженному врагу «лещей».

Дома мальчика ждала робоняня с обедом, взрослые еще не пришли. По-хорошему, разрешение следовало спросить до того, как приглашать ребят. Но

Тим был уверен — мама согласится. Она часто расстраивалась — у Феди полно друзей, даже девушка уже есть, а младший вечно один. И тут гости, целых четверо, — конечно, она обрадуется. Что бы такое выставить для начала, чтобы пацаны ахнули?

Увеличить масштаб! Движением пальца Тим подвинул изображение, выискивая любимый пляж Камушки. Там плескались тихие волны, скалы тянулись в небо, образовывая причудливые арки. Белый песок покрывал берег — и на нем отпечатывались следы. Кто-то трехпалый гулял здесь, переворачивал гальку, прыгал с места на место. Машинально Тим переместил картинку. В море плавали рыбы. Неуклюжие тупомордые рыбы с короткими торчащими плавниками. Скалы покрывал сочный мох, долина заросла какой-то курчавой зеленью, проползла гигантская сороконожка, быстро-быстро перебирая лапками. Что за чудо?

В презентации не было ни намека на живность — только картинки и сладкий голос, рассказывающий о назначении тех или иных функций. Пожав плечами, Тим полез в Паутину. «Планет-бокс», исключить рекламу, исключить магазины, исключить... нет, оставить. Вот свинство! Ну и что, что несовершеннолетний!

Отец свой бук паролил на совесть, даже Феду не удалось вскрыть. А у мамы не хватало фантазии «Елена-18-4» или «4-18» — и готово. «Планет-бокс». «Крах надежд человечества». «Неудачный эксперимент». «Люди не боги — в чем причина провала российских ученых?».

...Попытка реализовать идею великого Циолковского имела шанс на успех. Ученые всего мира с неослабевающим интересом наблюдали за смелым экспериментом. Профессор Крапивин разработал действующую модель геоида, способную автономно

функционировать благодаря использованию явления электромагнитного отклика ядер атомов, вызывающего... Тим перещелкнул страницу.

...Столкнулись с неочевидной проблемой. По достижении определенных размеров наступала стагнация — геоид стабилизировался и переставал развиваться. Все способы стимулировать дальнейший рост планеты оказались тщетны. Ни в условиях Земли, ни в лабораториях Лунаграда, ни на борту космической станции не удалось достигнуть значимых результатов. В руках ученых оказался многофункциональный тренажер, позволяющий моделировать процессы терраформирования, однако ситуацию с перенаселением нашей планеты разрешить не удалось. Расход бюджетных средств... ошибка в расчетах... в добровольное изгнание на астероид... Разработка обучающей игры имела успех. И все.

Ни странички про рыбок, мох или шустрых сороконожек. Аккуратный Тим стер из памяти бука все следы серфинга, вернулся к себе в убежище и стал думать. Жизнь на Вьюге — это здорово и прекрасно! Там появятся леса и прерии, страшные чудовища и милые зверушки, а может быть, даже люди — целый народ, с которым можно дружить. У них всегда будет солнце, лето и хорошая погода. А дальше... А дальше, оборвал себя Тим, придут взрослые и все испортят. Ученые начнут разбираться, почему ожила Вьюга. Они поставят бокс в лаборатории, станут ставить эксперименты. А потом вытащат планету наружу и распотрошат, как лягушку. Журналисты заявятся к нам домой, начнут задавать маме с папой вопросы, напечатают всякую чушь. У бабушки опять поднимется давление, ей вызовут «скорую» и упекут в больницу на целый

месяц. И он, Тим, останется один, без самой-самой важной мечты. Кукиш!

Маме с папой ни слова. Фед наверх не полезет. А пацаны растреплют в два счета. Что же делать?

Шмыгнув носом от огорчения, Тим посмотрел на бокс — планета Вьюга безмятежно вращалась, подставляя свету голубые бока. Темнели контуры континентов, проступали из-за облачных завес моря, на обоих полюсах посверкивали белые шапочки снега. Эврика! Если на Вьюге начнется зима и снег засыплет все толстым слоем, мальчишки ничего не заметят.

Пригасить свет, добавить влажности, снизить тектоническую активность, усилить ветра и напоследок уменьшить температуру. По совету из презентации — в три приема, чтобы резкое оледенение не раскололо геоид. Придвинув изображение, Тим наблюдал — метель укутывает холмы, застывает море. Никто ни о чем не узнает!

Поутру Вьюга напоминала большой снежок. Исчезли горные цепи и синие змеи рек, побелели долины. Никакой жизни здесь не разглядел бы и профессор... как там его? Тим улыбнулся и с легким сердцем поспешил в школу. Ему было что предъявить товарищам.

Хлопотливая мама надела любимое домашнее платье, ласково встретила гостей в прихожей, проследила, чтобы все помыли руки. У мальчишек при виде молочных коктейлей, пирожных и натуральных фруктов громко заурчало в животах. С угощением расправлялись минут сорок. Потом немного поиграли в настолки, Эдик, озираясь — не слышит ли мама, — рассказал неприличный анекдот, братья Сидоровы смешно изобразили разговор кошки с собакой. Дальше откладывать было некуда.

Тим отвел одноклассников в детскую и осторожно спустил бокс с верхнего яруса. Все по оче-

реди потрогали холодные стенки, поглядели, как действуют кнопки, полюбовались снежными бурями и ледяными вершинами. После недолгих, но энергичных переговоров каждому из гостей разрешили разочек нажать на «Ветер». Мальчишки остались разочарованы — Тим видел их недовольные мины и перешептывание. Вряд ли одноклассники захотят дружить с жадиной. Но и травли не будет — он ведь выполнил обещание.

Едва дождавшись, когда последний гость пробурчит «Спасибо-до-свидания-Лен-Ванна», Тим бросился к себе наверх. Потепление запускалось так же осторожно и медленно — если поспешить, осыплются скалы и реки выйдут из берегов. Первыми от снега освободились острова близ экватора. До боли в глазах Тим вглядывался в изображение, но видел только остовы мертвых лесов и снулую рыбу. Бурый мох клочками свисал со скал, по пустой земле текли грязные ручейки. Неужели он сам погубил жизнь на Вьюге?

Этой ночью мальчику снились кошмары — иссохшие сороконожки танцевали вокруг него, кружились в хороводе, держа за плавники рыб с вывалившимися глазами. Мерзлые деревья горели синим пламенем, оставляя на земле уродливые пятна. Маленькие крабы щелкали клешнями и подпрыгивали — за что? За что? Два раза он вскакивал с криком, потом робоняня заставила питомца съесть таблетку и пришел глухой сон. Поутру Тим едва не проспал, Фед два раза стучался снизу, прежде чем разбудил брата.

Пацаны в школе больше не предлагали дружбы, но и враждебности не выказывали — все пошло своим чередом. На уроках Тим отвечал кое-как, на рисовании, к ужасу педагога, изобразил похороны сверчка. Завтрак есть отказался, обед отдал соседу.

Безразличие охватило мальчика, он чувствовал себя преступником.

Дома Тим скинул ботинки в прихожей, не стал вешать куртку и убирать рюкзак — ну и пусть мама ругается, мне все равно! В комнате пнул кресло, смахнул на пол рубашки брата — а чего он разбрасывает? Ну вас всех, ненавижу!

Светящийся бокс стоял на своем месте, планета мирно вращалась. По привычке Тим тронул кнопки — как там живет белый пляж Камушки? Ничего не изменилось — лента берега, гладкий шелк спокойного моря, грозные скалы. Кое-где камни осыпались, обнажая гранитное ложе. Пустота и покой. Лишь песок кое-где шевелится — фиолетовый длинный червяк высунул к свету безглазую голову, изогнулся, словно осматриваясь, и тут же снова ввинтился в землю. Ползун наверняка был противной тварью, скользкой и ядовитой, но Тим обрадовался до слез. Он обнял плексигласовый куб, словно живого зверька, прижался щекой к теплой поверхности — у нас все получилось, хорошая планета, хорошая! Я никогда больше так не буду!!!

Еще два дня жители Вьюги не торопились показываться на глаза, даже мох еле-еле расползался по мокрым камням. А на третий — вдруг началась весна. Бурно тронулись в рост леса, зазеленели заливные луга, заплескались в волнах рыбы — и крохотные, еле заметные, и огромные, словно лодки. По пятнистому мху забегали длинноногие мохнатые пауки и разноцветные многоножки, гигантские черви упоенно объедали леса, а потом лопались, и из них вырастали фантастические колючки. Смотреть в куб оказалось куда интересней, чем пялиться в визор!

Каждый день Тим подсыпал соли, подливал воду, регулировал климат и проглядывал всю планету с плюса до экватора — что творится в его владениях,

кто еще появился. Вот, откуда ни возьмись, взялись змеи, вот в южных болотах защелкали зубами чешуйчатые чудовища, похожие на крокодилов. Вот на маленьких островах близ экватора, тут же названных Земноводными, появились ползучие рыбы, вылезающие на берег, чтобы понежиться на свету. А вслед за ними выползли — да так и остались — большелапые круглые черепахи. Они ворочались, расшвыривая песок, сталкивались панцирями в драке, кусали друг друга за неуклюжие когтистые пятки. Потом ссыпались в море одна за другой. А наутро песок закипел — тысячи крохотных черепашек, шустро-шустро перебирая ногами, заспешили к воде. Счастливый Тим тихо смеялся, любуясь торжеством жизни. В этот день он опоздал в школу.

Первую двойку за год он принес, когда появились цветы. На континенте Мамерике в долине Бабушки синела целая цепь озер, переплетенных тонкими реками. И вдруг от одного к другому понеслось, вспыхнуло на воде хрупкое пламя розовых лепестков. Над ними в пропитанном светом воздухе затанцевали стрекозы. Тим был уверен — вот-вот из ниоткуда возникнут бабочки.

Встревоженная мама видела — сын потерял аппетит, мало спит, скверно учится. Фед не знал, что и думать — младший братишка перестал приставать к нему с вечным «ну поиграй!» и рисовать на страничках карикатуры. У папы, как всегда, не хватало времени — совещания, рейсы, планерки. Но и он наконец заметил — Тим уходит из общей жизни.

На весенние каникулы мальчику подарили билет в детский творческий лагерь в Ялте. Семь дней рисунков и музыки, плавания и игр на пляже, походов по горам и прогулок на настоящей яхте. «Поедешь один, как взрослый», — сделав значительное лицо, пообещала мама. «Поснимаешь мне горы — двад-

цать лет не был в Крыму», — попросил папа. Брат отозвал в сторонку, шепнул: «С девчонкой наконец поцелуешься». Вот еще глупость!

Взять с собой Вьюгу не разрешили, и Тим возражать не стал — вдруг уронит или украдут? Он попросил маму следить за боксом, каждый день активировать, подсыпать корм и ни в коем случае не трогать ни одной кнопки. Пообещал каждый день звонить и слать фотографии, ни с кем не драться, не купаться без взрослых, не играть на деньги, не... не... не... Собрать вещи было минутным делом, отказаться от маминых пирожков и конфет в дорогу — куда более долгим. Папа на флаере ловко облетел пробки, привез Тима на Курский вокзал и сдал с рук на руки проводнику. Через пять с половиной часов скоростной поезд прибыл в Симферополь. Тима, еще трех мальчишек и девчонку из Москвы подхватил улыбчивый и совсем молодой вожатый.

Ян — так звали веселого парня — залихватски водил воздушное такси. С облетом Медведь-горы, прыжком над морем, подъемом до облаков и скоростью, от которой закладывало уши. Перепуганная девчонка ухватила Тима за рукав и сидела, не говоря ни слова. Тощенькая, нескладная, похожая на большеглазого пета из мультиков. Громкое имя Ариадна совсем не подходило к такому ничтожному существу. Но от пальцев, вцепившихся в тонкую ткань, почему-то стало тепло.

Их расселили в комнатушки по двое, в соседях оказался унылый толстяк, постоянно что-то жующий. Все, что его интересовало, — жратва, четыре или пять раз в день кормят, дают ли фрукты, разрешают ли передачи из дома. Тим даже не стал запоминать его имя. В остальном оказалось неплохо — уютная койка, пододеяльник с разно-

цветными рыбками, питьевой фонтанчик, балкон, с которого видно море.

Вечером были занятия — детей собрали в огромном зале со стеклянными стенами, выдали краски и большие листы настоящей бумаги. Арт-терапевт — рыжеволосая девушка в переливчатом платье — сказала: «Сегодня рисуем воображаемую планету. Представьте себе другой мир, дети, пошлите вашей фантазии горячий привет из космоса!» Недолго думая, Тим провел толстой кистью широченную зеленую полосу — это будет трава, пустил по небу восьмикрылых жуков, посадил на поляне летающую тарелку с ушастыми инопланетянами. Добавил двухголового дракончика и решил, что сойдет. У других тоже получалось так себе — желтое море и небо в горошек, корабль, похожий на стриженую сосиску, красные кляксы и подпись: «Сдесь вайна».

У соседки все было по-другому. Изумрудные змейки на светлой поляне среди золотой травы, над ними бабочки с человеческими лицами, вокруг цветы самых причудливых форм, вырастающие один из другого, выпуклый ультрамарин неба и одинокая звезда, вбитая над горизонтом. Тонкие пальчики Ариадны твердо держали кисть, девочка не останавливалась, не замечала ни детей, ни преподавателя. Ее планета рвалась наружу, застывала брызгами красок, впечатывалась в податливую бумагу. Ошарашенный Тим шагнул ближе, пытаясь разглядеть чудо, — и задел локтем банку с грязной водой. Бурое месиво вылилось на бумагу, девочка ахнула. Училка всплеснула руками: разве можно портить чужую работу, немедленно извинись и выйди!

— Он не хотел, — спокойно сказала Ариадна. — Тимур не виноват. Можно еще бумаги?

Раз — грязную воду сбрызнули прямо на пол. Два — новый лист наложили на старый.

— Помоги мне! Прижми, пожалуйста!

Три — белый ватман покрылся причудливыми разводами. Так же невозмутимо Ариадна поменяла воду, прополоскала кисти и начала рисовать заново. Получилось еще причудливее и ярче, цветы налились алым и голубым, звезда засияла. Тим стоял за спиной девочки, не в силах пошевелиться. Он знал, что совершил чудовищную, непростительную ошибку. И заслужил наказание, брань, обиду, что угодно, кроме спокойного «помоги». Перемазанная красками Ариадна обернулась к нему, улыбнулась чуть-чуть:

— Нравится?

Отшагнув от стола, Тим кивнул, попытался что-то сказать и выбежал вон, через пустой коридор к выходу. Свежий соленый воздух слегка отрезвил его. Мальчик не понимал, что происходит, хочется ему плакать или смеяться, носиться по мокрому пустынному парку, снова браться за кисть и рисовать неправильный профиль девочки, слишком высокий лоб, тонкие волосы, в которых играет солнце. «А-р-и-а-д-н-а» — вывел он прутиком по земле, носком ботинка стер написанное и вернулся в корпус.

Оставшиеся шесть дней они не расставались.

Ариадна была с лунной базы. «Там нельзя ссориться. Обидишь человека — и уйти от обиды некуда и сказать некому, а назавтра ты с обиженным рядом плечом к плечу шлюзы чинишь, с кислородом работаешь. Ссора запросто стоит жизни. Поэтому мы такие». Девочка мало разговаривала, ее не нужно было развлекать, утешать, выслушивать дурацкие рассказы «Вася любит Дашу, Даша — Яшу, а мне купили модного пета и новые туфельки». Настоящее, сияющее лицо Ариадны проступало, когда она бралась за кисти или прыгала с вышки в бассейн, а потом долго плавала, словно счастливая рыбка.

Тим находил для нее ракушки и куриных божков на берегу, оставил вкусный апельсин с ужина, рисовал портреты в планшете. Мальчишки пробовали дразниться женихом и невестой — мимо денег. Они с Ариадной ни разу не целовались и даже на прощальной дискотеке не танцевали. Стояли в углу, перебрасываясь короткими фразами о погоде и прочитанных книжках. Тим хотел рассказать Ариадне про Вьюгу, но застеснялся и промолчал.

Поутру он не успел попрощаться — за подругой прилетели родители и забрали еще до завтрака. Оставался, конечно, бук и коммуникатор и призрачная надежда на следующий день рождения выпросить билет в Лунаград. Но в тот день Тиму было паршиво. В поезде он залез на верхнюю полку и угрюмо валялся там, глядя в стену. С отцом, прибывшим его встретить, едва поздоровался — и поэтому не отследил виноватых глаз.

Дома собралась вся семья — Фед, бабуля, дядя с тетей, годовалый племянник Шурка. Мама сделала кучу салатов, испекла любимый пирог, брат расщедрился, подарил старый мультифон, по которому удалось в тот же вечер поболтать с Ариадной. Затеяли игру в крокодила, бабуля раздобыла из необъятной сумки старинную забаву «лото». Уставший от суеты Тим заснул за столом, не добравшись до койки.

Наутро выяснилось — планеты больше нет.

— Игрушка мешала тебе учиться, сынок. Ты замкнулся, перестал разговаривать с братом и звонить бабушке, приносил двойки. Мы за тебя беспокоились. Поэтому отдали планету в хорошие добрые руки, к мальчику, который будет с нею играть. А тебе купим новую, если закончишь год на «отлично».

Мама обещала о ней заботиться. Кормить. Ухаживать. Мама.

— Не огорчайся по мелочам, родной. Забудь, давай поговорим о другом. Воспитатели заметили, ты подружился с девочкой в лагере. Расскажи, какая она и кто ее родители?

Встать оказалось легко. Бросить матери площадное поганое слово — еще проще. А вот пощечины от отца он не ждал — в доме детей никогда не били. Прижав ладонь к горящему лицу, Тим убрался к себе, как наказанный щенок. В голове вертелись обрывки свирепых мыслей: «отомщу!», «убегу!», «убьюсь!». Было слышно, как хлопнула дверь — раз, два. Мать с отцом ушли на работу. Робоняня суетилась внизу, предлагая питомцу то воду, то успокоительную таблетку. Пыхтел робот-пылесос. Капал кран.

...Если б Фед тогда не вернулся из школы, все могло бы кончиться очень плохо. Но брат успел вовремя.

— Слышь, Тимка, хватит нюни распускать. Слазь, кому говорят. Живо!

Фед стащил братишку с кровати, отвел умыться, заставил выпить горячего молока.

— Пошли в гараж, дятел. Никуда прэнты твою планету не отдавали. Спрятали до поры, мать продать потом думала. Подбери сопли, ты же мужик!

Ключа от гаража у Феда не было, но он с легкостью подобрал код. Вьюга стояла в дальнем углу помещения, за стеллажами, прикрытая какими-то коробками. Стены слабо мерцали, тусклый шарик планеты еле вращался. От ящика тянуло тоскливым, тяжелым холодом.

— Фед, она умирает! Ее убили!

Выругавшись, брат встряхнул Тима за плечи:

— Это игрушка, слышишь ты, психопат! Просто игрушка. Сломалась — починим, в мастерскую отправим, у нее гарантия есть. Не наладят, так обменяют. Да погоди реветь, давай разберемся!

Отстранив брата, Фед поднял ящик, смахнул с него пыль рукавом и понес наверх, в дом. В детской поставил на пол, сел напротив, задумчиво поскреб в затылке.

— Тимка, дай-ка сюда инструкцию. Смотри... вот! Активировать раз в неделю. Чем эту фигню активируют, кнопка где? Вода нужна? Тащи воду и корм тоже тащи. Сюда засыпать? Вот, сейчас чертов ящик откроет ротик и сделает «ам». Я кому сказал — откроет ротик?!!

Рассвирепевший Фед стукнул по плексигласу кулаком, зафиксировал пальцем панельку, влил в отверстие воду, сыпанул солей. Потом отвернулся к мультифону — кто-то мигал, требуя немедленно поговорить. Понемногу успокаиваясь, Тим лег на пол, положил голову на руки и стал наблюдать. Он задремал ненадолго, устав от слез и переживаний. А когда снова открыл глаза — планета светилась ровно, уже набрав обороты. Словно ничего и не произошло.

— Глянь, заработало? А ты боялся, брательник! Разнюнился вместо того, чтобы воевать. Понял, зачем нужны старшие братья?

— Нет.

— Давать умные советы! Заруби себе на носу — любую фигню можно исправить, если делать, а не расползаться дерьмом по стеночке. Ботаник ты у меня. Ничего, подрастешь — поумнеешь. Драться тебя поучить, что ли?

Ухмыляющийся Фед взъерошил Тиму волосы — все-таки он любил брата.

— Покажешь игрушку?

Тим проворно подхватил бокс.

— Нет. Это тайна.

— Тайна так тайна, — добродушно согласился Фед. — Вдруг у тебя там картинки с голыми бабами спрятаны, а брательник? Да не дуйся так, шучу!

Под хихиканье брата Тим поднял бокс к себе, на второй ярус. Включать обзор не хотелось, но мальчик заставил себя. Увиденное ужаснуло его. Вымершие леса, груды рыбьих скелетов и черепашьих панцирей на берегах островов Земноводных, дохлые пауки и прочая мерзость. Нет, планета не умерла — кое-где сохранилась чахлая зелень, ползали ящерицы, в морях по-прежнему плавали прозрачные медузы и создания, похожие на акул. Кнопка «Дождь»!!!

Запоздай помощь еще на день или два — не осталось бы ничего живого. Вспомни он о Вьюге днем раньше — часть погибших удалось бы спасти. От его, Тима, воли, капризов, забывчивости, детских выходок зависела судьба целой планеты, любая мелочь приводила к большим несчастьям. А ведь он еще маленький и не может отвечать даже за себя — иначе бы уже сидел в лунном лайнере, считая часы до встречи. Что же нам делать, Вьюга?

Шмыгнув носом в последний раз, Тим обнял прохладный куб, прижался ладонями и щекой к плексигласу — прости меня, прости, пожалуйста. Показалось, что внутри бьется большое живое сердце, слишком большое и настоящее для дурацкой коробки, что стены готовы лопнуть. А Фед говорил — игрушка... «Я — Багира, пантера, а не игрушка человека». Тиму вспомнилась старинная детская книжка, он глубоко вздохнул — и понял, что знает выход.

Когда родители вернулись с работы, Тим начал с того, что попросил у мамы прощения — отдельно за

то, что назвал ее площадным словом и отдельно – за вытащенный без спросу планет-бокс. Он объяснил, что хотел подарить дорогую игрушку девочке, с которой познакомился в лагере, и страшно расстроился, что не сможет выполнить обещание. Ушлый Фед, конечно, заметил скрещенные за спиной пальцы Тима, но встревать в разговор не стал. А мама растрогалась до слез. Она долго обнимала сыночка, гладила по упрямой взлохмаченной голове и говорила, что ни капельки не огорчилась. Надо только познакомиться с папой и мамой девочки... но если у них есть работа на лунной базе и средства на детский лагерь под Ялтой, наверняка они достойные люди.

В отцовский кабинет он стукнулся поздно вечером. Угрюмый отец сидел за буком, на стене, как всегда, мерцала звездная карта. От покаянных слов сына у папы сделалось такое виноватое лицо, что Тиму стало стыдно. Слушая витиеватые оправдания, мальчик пообещал себе обязательно рассказать родителям правду. Потом. Когда все закончится.

— Па... у Ариадны скоро день рождения. Можно мне слетать на Луну?

— По-моему, кто-то позавчера вернулся из Крыма. И на Новый год получил подарок в половину моей зарплаты. Не смотри на меня сиротливым воробушком, хорошо? Билет до Лунаграда я позволить себе не мо-гу! Позвони ей, поздравь, открытку пошли. Есть же бук, мультифон.

— Есть, — уныло согласился Тим, — а толку?..

— Ты вообще не спросил — согласимся ли мы сделать девочке такой дорогой подарок? Разрешат ли ее родители? — раскрасневшийся папа отер со лба пот.

— Разрешат, — робко улыбнулся Тим. — Когда ты был вторым пилотом, ты же подарил маме колечко с лунным камнем, и бабуля ничего не сказала.

— Что-то ты темнишь, приятель, — с сомнением произнес папа. — День рождения я найду на страничке, и с ним ты, скорее всего, врешь. Планет-бук можно отправить почтой, и за неделю посылка до Луны доберется. Но тебе ведь нужно полететь самому?

Тим потупился.

— Настолько нужно, что ты выдумаешь любую чушь, лишь бы встретиться со своей Ариадной. Или решил поиграть в Тома Сойера и сбежать на лунные шахты?

— Ну уж нет! Па, ты представляешь себе меня — в шахте?!

— Не представляю, ты и уборщика запрограммировать не сумеешь. — Папа наклонился и пристально посмотрел Тиму в глаза. — Так что ты скрываешь?

— Все равно не скажу, па.

— Ох уж эти влюбленные. Ладно-ладно. Погодь!

Достав мультифон, папа с минуту водил пальцем по списку, о чем-то думая. Потом решительно ткнул в нужный номер.

— Салют, Бернардыч! Говорить можешь? Да ничего серьезного. Как твои, что с «Викторией»? Подлатали? Слушай, такое дело. Твой грузовичок до Лунаграда летает? До моря Бурь, значит. А оттуда на катере сколько? Сделай доброе дело, по гроб жизни буду обязан. Прихвати моего пацана на Луну. Любовь у него, понимаешь.

Выдержать бой с мамой оказалось неожиданно просто. Для порядка она, конечно, поохала, попереживала немного, но возражать не стала. Даже выбрала в Паутине прелестный кулон с перелив-

чато-розовым ариаднитом с Венеры. И настояла на пирожках в дорогу.

На борт «грузовичка», оказавшегося огромным космическим транспортом, Тима вместе с планетой доставили в ящике из-под бананов — совсем как в книжках. Папа с Бернардычем, он же капитан Марк Бернардович Винтерхальтер, почему-то долго смеялись, упаковывая мальчишку вместе с подарком в контейнер. Экипаж корабля без особого интереса отнесся к новому пассажиру — у второго пилота была мигрень, суперкарго проигрался на бирже и оглашал каюту беспрестанными жалобами, а робототехник вдохновенно учил уборщиков, жалобно мигающих лампочками, танцевать вальс. Тим услышал: «Хорошо, не ночная бабочка» — и мельком удивился: зачем на корабле бабочки? Потом его усадили в кресло и пристегнули ремни. Экипаж тоже занял свои места, перебрасываясь шуточками и незлой бранью.

Сначала ничего не происходило. Тим сидел неудобно и не мог разглядеть ни циферок на экране, ни положения рук капитана, ни выражения его лица. Потом корабль словно бы провалился в упругую мягкую яму, пол завибрировал, еле слышно загудели двигатели. Мягкие ремни врезались в тело, руки и ноги сделались тяжелыми, уши заложило. На минуту стало трудно дышать, словно грудь придавило подушкой. Но испугаться Тим не успел. Пришло восхитительное чувство легкости, парения в пустоте — словно в крови закипели мириады газовых шариков. Жаль, что ремни фиксируют — было бы здорово пролететь по рубке, цепляясь за поручни, как заправскому космонавту... Мимо Тима проплыла чашка кофе, оставляя за собой цепь коричневых пузырьков, кто-то выругался: «Вес включи, олух царя небесного», и все вернулось на круги своя.

— Не тошнит? — заботливо поинтересовался Бернардыч, отстегивая ремни. — Голова не кружится? Наш человек, весь в папаню. Вась, покажи ему наши владения.

Неразговорчивый робототехник провел мальчику короткую экскурсию, объяснил, где гальюн, душевая, камбуз. И напоследок показал предназначенную Тиму каюту, точнее, ящичек с койкой, тумбочкой, в которую тут же спрятали планет-бокс, и крохотным экранчиком визора. Лететь предстояло три дня. О завтраках, обедах и чрезвычайных ситуациях оповещает экран. Можно читать аудиокниги, смотреть кино. Нельзя показываться на остальной территории корабля без разрешения капитана. Легок на помине, Бернардыч!

Бородатый капитан улыбнулся из визора:

— Юнга Тимур Дубровин, прошу на капитанский мостик.

Конечно же, кэп шутил, но на миг мальчику показалось — он и вправду юнга на космическом корабле. И когда-нибудь сможет стать капитаном.

Вслед за робототехником Тим пробрался по узкому коридорчику с поручнями на стенах мимо крохотной оранжереи, откуда пахло огурцами и мокрой землей. Тускло мигали лампочки в стенах, синим зловеще светились панельки анализаторов — кислород норма, радиация норма, сила тяжести 1G. Из какого-то закутка вышел пет, полосатый, пушистый, с недоброй мордой.

— Проснулся, тунеядец! Не любит старта, всякий раз прячется, — с нежностью произнес робототехник. — Хочешь погладить?

Неосторожный Тим протянул руку — и тут же отдернул, едва сдержав крик. На пальце краснела нешуточная царапина.

— Ты б его еще за хвост дернул. Осторожненько надо, ласково, с уважением — корабельный кот все же, значительная персона.

Робототехник присел на корточки, протянул животному ладонь. Пет бы тут же запрыгал, изображая любовь и преданность. От кота сантиментов ждать не приходилось, он брезгливо потерся о человека щекой и удалился, гордо подняв толстый хвост.

В обзорной каюте было темно — чтобы ярче светили звезды сквозь прозрачные стены. Тим видел фотографии, фильмы, но не догадывался, насколько же это красиво на самом деле. Мириады огней, словно облако сказочных светлячков, огромный простор, абсолютная чернота. Человек в ней — как крохотная пушинка, незаметное семечко. Но из семечка вырастает огромное дерево, а корабли достигают звезд!

— Смотри, юнга! Каждый, кто поднимается в космос, должен увидеть Землю.

Голубой бок планеты с ползущими по нему белыми облаками Тим много раз наблюдал по визору. И не понимал, почему космонавты так восхищаются — пока не увидел своими глазами.

— Вот Сибирь — Обь, Енисей. Это пятнышко — озеро Байкал, самое чистое в мире. Бывал когда-нибудь в тех краях?

Тим помотал головой, не отрывая взгляд от планеты.

— По берегам огромные седые скалы, древние, как динозавры. В синей воде отражаются облака. На камнях сидят маленькие тюлени, усатые и с круглыми глазами. Живые тюлени, представляешь, и совсем не боятся людей. Одно из последних на планете незагаженных, светлых мест.

— Еще Крым, — вставил Тим.

— Да, и тайга, и леса Амазонки — иначе бы мы все давно вымерли. Земле трудно приходится, юнга, и сверху это хорошо видно. — Бернардыч коротко вздохнул и сменил тему. — Тебе удобно в каюте? Смотри, без спроса дальше гальюна ни ногой. Если что понадобится — звони, ляжешь спать — обязательно пристегнись. Обратно сам доберешься?

— Конечно, Марк Бернардович!

— Так точно, капитан — так положено отвечать юнге. Понял?

— Так точно, капитан, — ответил Тим. Его немного задело, что с ним обращаются как с мальчишкой, но взрослых не перевоспитаешь.

Найти каюту оказалось не таким простым делом — Тим дважды сбивался с дороги, забредая то на склад, то в какую-то темную аппаратную. Вывел его недовольный кот — подошел, из вежливости потерся о штанину теплой мордой и последовал дальше, оборачиваясь — следует ли за ним глупый маленький человек.

Осмотреть временное жилище не заняло много времени. Кроме мягкой койки с пристяжными ремнями и намертво привинченной к полу тумбочки обнаружился потайной шкафчик в стене, выдвижной столик с углублениями под тарелку и чашку. Коллекция фильмов на визоре была скудной — Бернардыч или кто-то из экипажа озаботился ввинтить фильтр 12+. Фед бы, наверное, смог взломать код, Тим даже не стал браться.

Планет-боксу перелет совершенно не повредил. Целая и невредимая Вьюга неторопливо вращалась, проплывали зеленые континенты, колыхались моря. Вот Драконий хребет, разделяющий Папландию надвое, вот острова Земноводных, вот заросшая пестрым ковром цветов долина Бабушки. Тим приблизил на максимум — наконец-то! Белокры-

лые бабочки кружились над озером, танцевали над розовыми цветами, рисовали в туманном воздухе удивительные узоры. Они были совсем не такими, как Тим их когда-то нарисовал, — и все-таки настоящими. Страшно захотелось потрогать хоть одну, уговорить посидеть на пальце. Мама однажды рассказывала про божьих коровок и смешную песенку, которую пели, чтобы жучок раскрыл крылья и поднялся высоко-высоко...

В последний раз Тим прошелся по континентам и океанам от полюса до полюса. Поглядел на черепах, нежащихся в песке, на смешных ящерок с белого пляжа, на стада серебристых рыб и коралловые поля. Расставаться было безумно жаль, но другого выхода он не видел.

Стыковочный шлюз находился на другом конце корабля, вдали от жилых помещений. Скафандры, если верить Паутине, держали в промежуточной камере, в боксах и без замков, чтобы при аварии не тратить драгоценных секунд на возню с сенсорами. Сумеет ли он управиться со скафандром и выйти в открытый космос — вопрос отдельный. Но должен суметь!

Бернардыч был бы плохим капитаном, если б не знал, что творится у него на корабле. Строгий голос застал Тима у самого шлюза:

— Стоять, юнга! Что это ты здесь делаешь посреди ночи?

Тим поднял взгляд на потолочный визор и решил сказать правду. Почти всю правду. В крайнем случае капитан его отругает и закроет в каюте до самой Луны. Тогда они с Ариадной придумают что-нибудь вместе.

— Капитан, можно с вами поговорить по одному очень важному делу?

— Марш ко мне, там и поговорим.

Через десять минут Тим сидел в рубке с чашкой какао и внимательно слушал. Ему было немного стыдно за свое ребячество. Нет бы сразу объясниться с Бернардычем — он понимает.

— Тебя бы размазало об борт, вздумай ты выйти в открытый космос на такой скорости. Или оборвало бы трос — а в скафандре больше пары часов не протянешь. Вы физику в школе учили? Нет? Ладно, тогда простительно. — Капитан расхаживал по каюте, машинально поглаживая бороду.

— Что же мне делать? — тихо спросил Тим.

— Думать. Прежде чем что-то делать — подумать, зачем оно тебе нужно и как лучше все осуществить. Ты хочешь отпустить на свободу свою планету?

— Да. Она в боксе как в клетке сидит. И из-за любой глупости может сломаться и умереть.

— А в космосе ей, значит, будет лучше?

— Не знаю... наверное.

— Так не знаешь или будет?

— Ей будет лучше на свободе, — твердо сказал Тим.

— Хорошо. Как твоя Вьюга откроет ящик?

— В смысле?

— Как планета сможет выбраться из клетки? Я же говорю — думать надо заранее. Мы надколем плексиглас по углам, а потом в вакууме атмосферное давление изнутри разорвет бокс. И твоя Вьюга окажется на свободе. Наш грузовик построен еще до соглашения о чистоте пространства, поэтому в нем есть мусорный люк, отстреливающий все ненужное в космос. Загрузим твою планету — и пусть летит навстречу своей судьбе!

Мудрый Бернардыч не стал уточнять, что несчастная игрушка превратится в ледяной шарик, бесцельно странствующий по космосу, или войдет в атмосферу Земли, чтобы сгореть дотла. Но зачем

разрушать иллюзии? Дети должны мечтать, тогда из них получаются настоящие космонавты.

Долгие проводы — долгие слезы. Взволнованный Тим собственноручно положил бокс в контейнер и бегом вернулся в рубку. Капитан отправил команду «опорожнить», проверил датчики и включил визор. Сейчас из камеры уйдет воздух, потом откроется люк, и ничего уже не изменишь, не передумаешь. «Божья коровка, улети на небо, там твои детки... Получилось!!!» Тиму казалось, что он кричит, но у него пропал голос. Плексигласовый бокс взорвался тысячами осколков, свободная планета Вьюга отправилась в свое первое путешествие.

Бернардыч чуть заметно пожал плечами, глядя на счастливое лицо мальчика. Подрастет, все поймет сам. Потом застучал по старомодной клавиатуре пульта, корректируя курс — корабль опаздывал к Луне на четыре с половиной минуты.

* * *

Джамп!

Перегрузка вдавила Тимура в кресло. В глазах потемнело, к лицу прилила кровь, желудок скрутило спазмом. Ничего, переживем — главное не промазать мимо орбиты. Иначе придется делать еще прыжок, а к ним за шесть лет работы в дальнем поиске Тимур так и не привык. Недовольный Матрос всем весом плюхнулся на колени к хозяину и улегся, помахивая хвостом — ему тоже не нравился резкий старт. Впрочем, невесомость кот любил еще меньше.

Управление по контролю категорически запрещало животных на кораблях, предписывая пилотам обходиться благонравными петами, не требующими к тому же ни кислорода, ни пищи. Поэтому любой уважающий себя капитан держал на борту зверя,

птицу, в крайнем случае длиннохвостую марсианскую ящерицу. Тимур долго летал один — он не любил рисковать чьей-то жизнью, а джамперы возвращались отнюдь не все. Но Матрос, тогда еще крохотный, похожий на комок грязно-рыжего пуха, попался под ноги в пассажирском зале лунного космопорта. Сонный диспетчер сказал, что котенка потеряли или оставили пять дней назад, никто за ним не пришел и по-хорошему давно пора вызвать санитарную службу. Недолго думая, Тимур подхватил находку за шкирку, невзирая на когти и сопротивление, посадил в безразмерный карман рабочего комбинезона и унес к себе на корабль.

На вопрос «Где на Луне покупают кошачий корм» перемазанная красками Ариадна долго смеялась — домашних животных под куполом вообще не держали. Через час она уже стояла у джампера с бутылкой восстановленного молока и коробкой белкового фарша. Когда перемазанный сытый малыш уснул у девушки на коленях, она улыбнулась Тимуру — вот и матрос в экипаже, будет кому за тобой присмотреть. Как и многих детей Луны, Ариадну настигла «стеклянная болезнь», хрупкость костей. Сопровождать жениха в поисках подходящих для жизни планет она не могла, но и требовать «оставайся со мной» не хотела. Поэтому свадьбу отложили до тридцатого дня рождения девушки. К тому времени Ариадна надеялась стать популярной художницей, а Тимур — сесть за руль собственного грузовичка и курсировать от Земли до Марса или пояса астероидов. А пока дальний поиск, видеосвязь раз в три месяца, свидания дважды в год. С другой девушкой стоило бы беспокоиться — станет ли ждать, сохранит ли чувства. С Ариадной все решилось с первого дня.

В воображении возник уютный коттедж на берегу моря Бурь, разрисованные снаружи гидропон-

ные теплицы, щекастый малец в прыгунках, парадная сервировка в гостиной... С сервировкой он переборщил, в их доме всегда будет пахнуть красками, обедов придется ждать, а роботов программировать самому. И кофе в постель любимой жене носить, хотя бы по воскресеньям! Жаль, что придется жить за стеклом, не видеть живого неба, но на Земле люди тоже перебрались под купола. Брысь, зараза!

У Матроса кончилось терпение, он выпустил когти, намекая: «Неплохо бы пообедать». Тимур не без труда скинул увесистого кота с колен — кто б мог подумать, что пушистый комочек окажется натуральным мэйнкуном — и пошел на камбуз за фаршем.

Череда рутинных забот заполняла время: проверить оранжереи, бак с белковой культурой, уровень кислорода и радиации. Поменять фильтр в водоочистителе, отрегулировать комбиварку и придумать что-нибудь повкуснее на ужин. Заглянуть в почту — иногда сообщения доходили через пару минут, иногда — через пару недель. Помотаться на тренажере, чтобы мускулы не превратились в кисель. Погонять по каюте кота, посветить ему красным лазером. Самое важное — не валяться без дела, не унывать, не скучать.

На минутку Тимур заглянул в каюту полюбоваться подарком Ариадны — живой картиной. Мальчик сидит на подоконнике, ветер трогает занавески, на улице ночь и звезды. В руках ребенка — синий шарик, окутанный светом. Бьют часы, поднимается ветер, маленькая планета улетает высоко-высоко...

Скорее всего, единственный геоид звезды София Ротару из созвездия Орион на самой границе галактического дрейфа окажется таким же унылым и бесполезным, как десятки его предшественников — ядовитая атмосфера, смертоносная радиация, невыносимый холод или жара, кислотные озера

или бешеные вулканы. Десять лет свободного поиска дали два результата, относительно пригодных для жизни. Валькирию, третью Кеплера, почти полностью покрывали первобытные теплые океаны. На Кохаве, четвертой Глизе-581, двадцать месяцев из двадцати двух длилась зима. Терраформировать Марс выходило куда выгоднее, и уже год поговаривали, что дальний поиск пора прикрыть. Поэтому никаких особенных ожиданий Тимур не питал. И не нервничал. Не глотал кофе, не накручивал на пальцы длинные волосы, не приплясывал в такт бодрой музыке, не смотрел на часы... Пора!

Корабль достиг расчетной точки и с легкостью перешел на орбитальный полет. Ни капельки не волнуясь, Тимур включил полный обзор. Перед ним простиралась планета — зеленая, голубая. С белыми лентами облаков, океанами, полярными шапками, густолиственными лесами и цепочками круглых озер. Горные хребты драконьими гребнями прочерчивали спины двух континентов, горстки экваториальных островов походили на крошки хлеба, рассыпанные по скатерти. Очертания материков показались смутно знакомыми — словно кто-то рисовал их неумелой рукой на карте, сделанной из тетрадного листика.

...Хвала тем, кто сочиняет инструкции. Не задумываясь, Тимур запустил код «Эврика-249». Даже если минуту спустя в поисковый корабль врежется метеорит, до Земли долетит сигнал — пригодная для жизни планета найдена в системе звезды София Ротару, сообщил о находке Тимур Дубровин. На втором обороте корабль распахнул люки, в атмосферу ввинтились зонды-анализаторы.

Два часа Тимур не находил себе места — то расхаживал по каюте, то бесцельно полировал кнопки, то сидел и гладил притихшего Матроса. Приборная панель ровно мерцала, экран визора оставался темным,

темным... пошло! Кислород — есть! Двадцать четыре процента, больше, чем на Земле. Вода — есть H_2O! Растительность — есть. Животный мир тоже есть — камера зафиксировала перепуганных четвероногих, врассыпную разбежавшихся с места посадки зонда. Температура — плюс тридцать, плюс восемнадцать, минус двадцать один.

Это значит — города и поля, лошади и собаки, моря для дельфинов и дома для людей. Это возможность разгрузить Землю, очистить ее от векового мусора, восстановить почву и воду, заново высадить вымершие леса. Жить под открытым небом, дышать воздухом, спокойно растить детей. Чудом выпавший второй шанс. Неожиданный новогодний подарок для всех землян. И задача предстоит непростая — стать пришельцами в чужом краю, потеснить местных птиц и зверей, не вредя им.

Тиму вспомнилась детская игрушка, давным-давно подаренная родителями. Воображаемый мир, придуманные цветы и бабочки, черепашки на пляже. Старик Бернардыч удачно тогда подыграл взволнованному мальцу, помог прорасти зернышку славной мечты. И теперь Тимур стал Колумбом, первопроходцем новых земель, капитаном новых морей. А бедный ледяной шарик потерялся в просторах вселенной, был подхвачен космическим ветром — и уплыл далеко-далеко. Для игрушечной планеты — не самая плохая судьба.

Сообщение Ариадне кануло в темноту, оно может дойти через пару минут или несколько дней. С новостями всегда так — чем срочнее, тем дольше запаздывает. Остается лишь ждать... но зато после рейса они поженятся.

Нарочито медленно Тимур завершил дневные дела. Выключил «солнце» в оранжерее, подсыпал еды коту, снял показания с датчиков, проверил связь с зондами, принял душ. Получилось даже накрыть праздничный

стол, с салатом из свежей зелени, почти настоящей на вкус клубникой и маленькой шоколадкой. Осчастливленному Матросу тоже перепал кусочек — корабельный кот, как и его хозяин, до неприличия любил сладости. После ужина — «Десант на Сатурн», классика, которую можно пересматривать до бесконечности. И на покой.

Завтра, вопреки всем инструкциям, он посадит корабль и пройдет по новой земле. В скафандре, в биозащите, но своими ногами по белому песку пляжа и упругой траве лугов. Поищет следы костров, разглядит тропы у водопоя, услышит, как поют птицы и шумит незнакомый лес. Он, Тимур Дубровин, назовет новую землю планета Вьюга. И однажды научит сына дарить свободу.

ЯРОСЛАВ КУДЛАЧ

КОТ ПРИШЕЛ ДОМОЙ

Увертюра

Майкл Ривкин из магазина «Biosoft» сиял, как новенький джетмобиль. Тощий человек с проседью в каштановых волосах не разделял восторгов продавца.

— Мистер Джонсон! — Ривкин театрально приложил руку к сердцу. — Мы знакомы уже пятнадцать лет. Неужели вы думаете, что я могу всучить дешевый хлам?

Тот, кого назвали Джонсоном, невесело усмехнулся:

— Вижу, что не дешевый. Тысяча семьсот евроллов за биоробота!

— Так я же не рободворника предлагаю, а... друга! Верного и, не побоюсь этого слова, вечного!

Джонсон потер лоб:

— Когда умерла Дженни, я зарекся заводить домашних животных. Ужасно хотелось взять котенка, но я представлял себе смерть любимого зверька...

— Клянусь собственным генетическим кодом, — объявил продавец, — наши животные не болеют и не умирают. Более того: они регенерируют при повреждениях. Вашему любимцу не грозит погибнуть в аварии или свернуть шею, упав с балкона. Он останется другом и спутником, пока вы живы.

— А когда меня не станет?

— Тогда кот сам вернется на фабрику и будет утилизирован.

— Какая жестокость!

— Не отпускать же биомеханизм гулять на свободе! Вспомните, что началось в России, когда там завелись одичавшие киберсистемы. Кот предан двум вещам: вашему дому и вам, но когда объект внимания исчезает, служба робота заканчивается.

Джонсон вздохнул:

— Хорошо. А как за ним ухаживать?

— Как за обычным котом, только не нужно обучать — все запрограммировано в первичном слое. Он не будет гадить в тапки, драть кресла и метить территорию. Вторичный слой вы создаете сами, общаясь с котом. Взаимопонимание гарантировано, ведь он наделен телепатическими способностями!

— Робот будет знать, о чем я думаю? — испугался Джонсон.

— Ни-ни! — замахал руками Ривкин. — Только чувствовать настроение и общий ход мыслей. Если вам будет плохо, он приласкается и утешит. Если весело — захочет играть. Он никогда не рассердится, не зашипит, не выпустит когти. Его качества совершенствуются всю жизнь. Обратите внимание: он

всегда будет возвращаться домой при любых обстоятельствах. Подчеркиваю: при любых!

Джонсон покрутил головой:

— Покажите это биотехнологическое чудо!

— Разумеется. Вот образец. Симпатяга, правда?

Джонсон уставился на неподвижное существо.

— Какой же это кот?

— Самый настоящий кот. Загляните под хвост.

— Зачем? Такие коты бывают лишь в детских мультфильмах! Это пародия, карикатура, гротеск!

— Зато клиентам нравится. Зачем покупать дорогого искусственного зверя, если есть сколько угодно настоящих и дешевых? А вот завести сказочного персонажа хотят многие, особенно дети.

— А цвет? Что за желтизна?

Майкл развел руками:

— Вы правы, сэр. Все дело в регенерирующих полимерах. Искусственные животные могут быть черными, желтыми, зелеными или розовыми. Это определяется на молекулярном уровне. Черный цвет слишком мрачен. Розовых зверюшек любят девочки. Ну а зеленый кот — форменное безобразие. Поэтому я предлагаю вам оптимистично-желтую кису. Кстати, в течение трех месяцев вы можете вернуть покупку и получить назад полную сумму.

— От добра добра не ищут, — проворчал Джонсон, — но я рискну.

— Отлично! — продавец выхватил дактилосканер. — Пожалуйста, приложите ладонь к экрану...

На стойку выскочил запечатанный конверт.

— Прошу. Здесь лингвокод, а инструкции находятся в коробке. Деньги будут сняты с вашего счета через две недели.

— Благодарю. А чем его кормить?

— Чем хотите. Он переварит любую органику. Давайте ему остатки от обеда. А можете вообще не

кормить, только выпускайте почаще гулять в солнечную погоду. Аккумуляторы зарядятся сами.

— Какая-то фантастика...

— Не фантастика, сэр, а прогресс. Пусть ваш новый друг сделает вашу жизнь счастливой.

— Спасибо.

— Не за что. Всего доброго!

Придя домой, Джонсон распаковал кота и осмотрел еще раз. Нельзя сказать, что он остался доволен. Морда (или физиономия?) псевдоживотного при очевидной «кошачести» выглядела инфантильно. Так 3D-аниматоры изображают зверей для мультиков. Кот лежал на боку, словно дохлый. Желтая шерсть топорщилась клочьями.

— Товарное соглашение... — листал инструкцию Джонсон. — Техпаспорт... Активация. «Чтобы активировать кота, следует приложить ладонь к его морде для распознавания рецепторами биомеханизма вашего индивидуального химизма...» Ну и насочиняли, филологи... «Не убирая ладони, четко произнесите вслух лингвокод, который вы найдете в конверте...» Где он? Договор, счет, реклама... Ага. «КОТ БЫЛ ТАМ БОГ НЕТ СОН ДОМ». Кхм. Надеюсь, робот не будет называть меня мамой и пытаться играть в прятки... «Подождите тридцать секунд. В случае неудачи повторите процедуру. Внимание! Если вы активируете кота без распознавания индивидуального химизма, кот не будет признавать вас своим хозяином. В этом случае повторите процедуру активации, включая рецепторное распознавание. Учтите, что правильно проведенное распознавание при неверно произнесенном коде не приведет к активации...» К черту!

Джонсон отшвырнул инструкцию. Несколько секунд он смотрел на желтое тело, а затем накрыл рукой кошачью мордочку. Шелковистый уютный нос приятно улегся в ладонь.

— КОТ БЫЛ ТАМ БОГ НЕТ СОН ДОМ!

Ничего не случилось. Джонсон нахмурился и хотел убрать руку, но вспомнил, что нужно выждать полминуты. Время текло медленно, словно желтый мед. Джонсон уже решил, что следует повторить процедуру, как вдруг...

Что-то пощекотало его ладонь.

Тихое теплое дыхание.

Джонсон отступил. С изумлением он смотрел, как шерсть выпрямляется, густеет. Развернулись упругие усы. Тело округлилось, принимая форму. Неожиданно кот уселся. А затем медленно раскрылись огромные зеленые глаза.

Человек и животное молча рассматривали друг друга. Человек с недоверием, кот с радостью. Почувствовав, что пауза затянулась, Джонсон прокашлялся и сказал:

— Привет, зверь!

— Уррр! — отозвался кот, спрыгнул с дивана и потерся мордой о колено. Джонсон потрепал косматый бок. Шерсть оказалась мягкой, а тело мускулистым, как у настоящего кота.

— Привет, зверь! — повторил Джонсон. — Как тебя зовут?

— Мррр! — ответил кот, задрал хвост и засуетился вокруг хозяина.

Джонсон улыбнулся, следя за кошачьими манипуляциями:

— Надо же, совсем ручной. Как же мне тебя называть?

Кот запрыгнул на диван и стал топтаться. В полуприкрытых глазищах отразилось наслаждение.

— Ладно, потом, — махнул рукой Джонсон. — Скажи... Ты есть хочешь?

Кот широко распахнул глаза и (Джонсон был готов поклясться!) усмехнулся.

Первый куплет

Старый мистер Джонсон жил спокойно, без хлопот,
Но завелся в его доме очень вредный желтый кот.
Он валялся на кровати, не хотел ловить мышей,
И тогда решил хозяин выгнать лодыря взашей.
А кот пришел, лишь забрезжил рассвет,
Кот пришел назад, как ни в чем не бывало,
Кот пришел домой, сохранив свой кошачий секрет...[1]

У Джонсона началась новая жизнь. Возвращаясь с работы, он заставал одну и ту же картину: на подоконнике, глазея на улицу, сидел желтый кот. Он видел хозяина издалека и принимался бегать взад-вперед, беззвучно разевая рот. Только Джонсон подходил к двери, кот мчался в прихожую. Он карабкался на руки, мурлыкал, топтался по груди и преданно смотрел огромными зелеными глазами.

Досуг они проводили вместе. Выяснилось, что кот — зверь сообразительный. Джонсон убеждал себя, что все это работа нейронных программ, но самоуговоры разрушались при виде бездонных зеленых глаз. Кот выглядел настолько живым, что воспринимать его как робота было невозможно. Со временем мультяшная карикатурность черт сгладилась, вернее, Джонсон привык к необычному облику своего питомца.

Шли дни, недели. Хозяин и кот гуляли, играли и смотрели 3D-визор. Джонсон долго гадал, что же зверь видит на экране, а потом перестал ломать себе голову. По вечерам он читал вслух. Желтое существо слушало внимательно, следя за шевелящимися губами. Постепенно Джонсон уверился, что его друг понимает каждое слово. На ночь кот всегда оста-

[1] Здесь и далее: фрагменты из стихотворения Гарри С. Миллера «Кот вернулся». Перевод автора с английского.

вался рядом и стерег сон хозяина, чтобы рано утром встретить радостным мурлыканием. Настроение кот чувствовал великолепно и ни разу не повел себя так, чтобы хозяин рассердился. Одним словом, желтый кот был и вправду идеальным. Джонсон знал, что это существо будет рядом до конца и никогда не предаст, не уйдет, не погибнет.

Как-то Джонсону приснился плохой сон. Он увидел себя в постели, а рядом сидел кот и внимательно смотрел огромными зелеными глазами. Ничего особенного, но Джонсону стало жутко. Он застонал и проснулся. На простыне действительно сидел желтый кот и озабоченно смотрел в лицо. У Джонсона перехватило дыхание, но он сообразил, что кот просто услышал стон и забеспокоился. Погладив животное, Джонсон повернулся на другой бок и попытался снова заснуть, но не смог. Он пролежал до утра, напряженно думая.

На следующую ночь сон повторился с небольшой вариацией: кот сидел на холодильнике и жалобно мяукал. Джонсон проснулся и вновь обнаружил зверя у изголовья. С тех пор каждую ночь он видел во сне желтого кота и больше не мог спать. Днем работал спустя рукава, размышляя, что же тут не так. «Дело во мне, — думал Джонсон, — или в том, что кот — робот? Чепуха. Нельзя же невзлюбить, скажем, тостер. То-то и оно, что кот — настоящий. Он безупречен, придраться не к чему. Но как раз это меня радует. Желтый кот останется верным другом навсегда...»

От последней мысли Джонсона прошиб холодный пот. Навсегда. Вот оно. Кот не может умереть, погибнуть или пропасть. Он вечно будет рядом, неизбывно, надежно. Джонсон вдруг осознал: любить можно только то, что когда-нибудь перестанет существовать: жизнь, женщину, ребенка, домашнего

любимца. Нельзя испытывать любовь ко Вселенной или к бесконечному времени, они просто есть, и все. А кота он выбрал сам, добровольно привязав себя к этому обаятельному квазисуществу. Навсегда.

Счастливая жизнь Джонсона закончилась. Его больше не радовала преданность в зеленых глазах. Ночные кошмары перешли в угрюмую монотонную реальность. Вскоре желтый кот из преданного друга превратился в злейшего врага. Он любил хозяина, пытался общаться, но отступал перед угрюмостью и злостью, которые лезли из Джонсона, словно фарш из мясорубки. Однажды ночью, вновь обнаружив кота возле постели, Джонсон яростно швырнул его в стену и тут же испугался: что теперь будет? Но уже через несколько секунд кот, как ни в чем не бывало, сидел на кровати и озабоченно мяукал, мол, что случилось? Джонсону стало стыдно. Однако он понял, что дальше так продолжаться не может. Едва наступило утро, он позвонил в магазин «Biosoft».

— Привет, Майкл.

— Здравствуйте, мистер Джонсон! Как дела? Как поживает кот?

— Я, собственно, из-за него и звоню... Майкл, вы не могли бы его забрать?

— Что вы?! Почему?

— Как вам сказать... Он мне не нравится.

— Чем же именно?

— Понимаете, это все-таки не совсем кот... У меня нет чувства, что он настоящий...

— Ладно, это меня не касается. Сейчас посмотрю, что можно сделать...

— Спасибо, Майкл!

— Мистер Джонсон? Очень жаль, но ничего не выйдет.

— Что?

— С момента покупки прошло три месяца и четыре дня. Еще позавчера я мог бы закрыть глаза на опоздание, но все данные уже заархивированы и не подлежат изменению. Простите, сэр, но деньги вы потеряли.

— Плевать на деньги! Я хочу избавиться от кота!

— Тогда вам придется это сделать самому.

— Но как?

— Увы, не знаю.

— Я согласен заплатить, лишь бы вы его забрали.

— К сожалению, это невозможно. Но я уверен, что вы найдете какой-нибудь способ. Ведь он же не человек, а всего лишь маленький биоробот.

— Верно... Благодарю, вы навели меня на мысль.

— Рад. Надеюсь, вы успешно решите свои проблемы.

— Постараюсь, Майкл. Доброго дня!

— И вам! Счастливо!

Джетмобиль мчался прочь от города. За штурвалом сидел мрачный Джонсон, стараясь не смотреть на кота, примостившегося на пассажирском сиденье. Глаза зверя сияли. Они с хозяином путешествуют! Как хорош этот летающий дом! Как интересно все вокруг! Только хозяин опять не в духе. Его обязательно следует утешить и подбодрить...

Машина опустилась в глухой степи. Джонсон нажал кнопку, и правая дверь распахнулась. Кот благодарно обратил зеленый взгляд на хозяина, а затем бесшумно нырнул в залитый солнцем ландшафт. Джонсон торопливо захлопнул дверь и потянул штурвал на себя. Джетмобиль поднялся, завивая пыль реактивными струями, и заскользил обратно к городу.

Вернувшись, Джонсон купил бутылку джина и напился. Он сидел на гигиеническом диване, бессмысленно пялясь в 3D-визор. «Ну и что? — убеждал он

себя. — Сколько настоящих котов ежедневно оказываются на улице... Подумаешь, робота выбросил. Скоро и 3D-визор поломается, я его тоже выброшу. Вот ведь тварь зеленоглазая, так в душу залезла... К черту кота, к черту магазин, к черту Майкла! Спать хочу...»

Заснул он далеко за полночь. Привиделась пустыня, пыль столбом, потянулись полупрозрачные нити... Затем прорвался беспокойный голос. Он тревожно спрашивал: «Почему? Почему-у-у? Почему-у-а? Му-а-а? Муау?»

Джонсон с трудом оторвал голову от подушки. Головная боль сразу же откликнулась двойным ударом в оба виска. Какой кошмар... Неужели я вчера всю бутылку выпил? Так и есть, вот она валяется... Где мои тапки? А это еще что? Мягкое...

— Мррр!

Джонсон взвился свечой и рухнул обратно на постель. Желтый кот запрыгнул следом и озабоченно заглянул в лицо.

— Ты как... Откуда? — забормотал Джонсон. — Я же тебя...

— Урррмау! — ответил кот и потерся мордой о колено хозяина. Тот отпихнул кота ногой. Зверь не обиделся, сел и стал мирно умываться.

— Понятно, — разочарованно произнес Джонсон. — Я тебя недалеко увез и забыл убрать кошачий лаз в двери. Вот и вернулся кот домой... Но мы это исправим. У меня есть один друг... Сейчас я приду в себя, и мы поедем...

В ответ кот радостно запустил когти в матрац.

Второй куплет

Был у Джонсона приятель, взял кота с собою сам,
Чтобы на воздушном шаре прокатиться к небесам.
Говорят, после полета обращался он к врачу.
Ну а что случилось с шаром? Я об этом умолчу.

А кот пришел, лишь забрезжил рассвет,
Кот пришел назад, как ни в чем не бывало,
Кот пришел домой, сохранив свой кошачий секрет...

Кафе-бар космопорта пустовал. Увертливые рободворники ползали среди хромированной мебели. Двое мужчин за столиком беседовали вполголоса.

— Дружище, я не имею права завести кота. Я даже канарейку не могу взять, не то что прожорливого маленького хищника. У нас очень жесткие правила.

— Да ну, Питер, — досадливо отмахнулся Джонсон. — Ты ассистент мэра Первой базы. Вы же сами пишете лунные законы.

Бледный голубоглазый Питер Харди вздохнул:

— Пишем, но не создаем... Многие селениты хотят завести домашних животных, однако это неразумно. Наши ресурсы ограничены, поэтому и был принят закон, запрещающий ввоз любых живых существ, кроме внесенных в особый список...

Он чиркнул зажигалкой и с наслаждением затянулся.

— Кайф! Когда прилетаю на Землю, дымлю, словно исландский вулкан. Вы, земляне, не цените свою свободу. У нас запрещено все, что горит...

— Кроме самогона из ГМ-грибов, — подмигнул Джонсон, и Питер добродушно рассмеялся. — А ты сам хотел бы кошечку?

— Конечно. И дочурка чуть ли не ревмя ревет: подай ей котенка, хоть из скафандра лезь. Но, видать, не судьба. Либо ты строишь лунное государство, либо отчаливай на Землю и не крошись. Придется жить без кота, ничего не поделаешь.

Джонсон откинулся на спинку кресла, хитро щурясь:

— Уверен, что смогу тебе помочь.

— Чем?

— Про биомеханизм не думал?

— Ах, это... — поскучнел Питер. — Думал. Только они дорогие и на живых зверей не похожи...

— Ты не прав, — Джонсон положил на стол спортивную сумку. — Гляди!

Из сумки высунулась очаровательная желтая физиономия. Питер поперхнулся дымом.

— Это что, кот? — спросил он, откашлявшись.

— Не совсем. Биоробот в виде кота. Не болеет, не дерется, блох не разносит.

— Мррр! — сказал кот и подсунул хозяину голову.

— Видишь, какой милый! — сказал Джонсон, почесывая лохматое ухо.

— Урррх! — объявил кот и затоптался на месте. Питер не сводил с него глаз.

— Погладь кота! — потребовал Джонсон. — Погладь, кому говорю!

Харди потрепал кота по загривку:

— Ты где купил такое чудо?

— В магазине «Biosoft». Дорогая вещь, зато радости сколько приносит... Только вот закавыка...

Джонсон еще раз почесал кота и застегнул сумку.

— У меня обнаружилась латентная аллергия на регенерирующие полимеры. Пока ничего не заметно, но врач говорит, если я не избавлюсь от кота, болезнь разовьется. Ужасно обидно. Прямо не знаю, что делать...

Питер нервно закурил вторую сигарету:

— Тогда продай его мне, — сказал он как бы между прочим.

— Продать не могу, — Джонсон лукаво глянул на собеседника. — Но у твоей дочери скоро день рождения. Подари ей кота от моего имени. Пусть девочка порадуется.

— Дружище... Нет слов...

— Да ладно, чего там, — Джонсон подтолкнул Питеру сумку. — Бери. Только хорошенько следи за ним!

— Можешь не сомневаться, я буду беречь его, как баллон с кислородом. Да и куда он денется с лунной базы!

— Замечательно! Когда у тебя старт?

— Через пять часов. Надо заехать за вещами, да и кота оформить.

— Ну, в добрый путь. Передавай горячий привет семье.

— Передам. Спасибо за подарок!

— Не за что!

Через неделю Джонсону приснился странный сон. Он увидел себя, бредущего по светлым коридорам. На стенах сияли биолюминесцентные лампы, пахло хвоей и лимоном. Тяжелые двери откатывались и с чмоканьем становились на место. Коридоры то поднимались, то разветвлялись, но он знал, куда идет. Иногда попадались люки в полу или широкие отверстия под потолком. Тогда он нырял в дышащие теплым воздухом дыры, полз по узким металлическим ходам и вновь вываливался в светлые коридоры. Так он дошел до просторного помещения, где вдоль стен торчали серебристые цилиндры, подмигивающие разноцветными огнями. Там было очень холодно, его охватил озноб. Он сразу понял, что искомый цилиндр — третий слева. Неизвестные многорукие существа запихивали в черное нутро матовые контейнеры, украшенные ярко-желтыми знаками. Джонсон одним прыжком взлетел на голову многорукому монстру и перемахнул в чернеющее отверстие. И тут же тело охватила жгучая боль, перед глазами все расплылось, в уши полез настойчивый сигнал: пи-ип, пи-ип, пи-ип... Джонсон заворочался и проснулся. На столике верещал

универсальный медиаблок. Джонсон прикоснулся к датчику:

— Слушаю.

— Доброе утро, это Харди.

— Здравствуй, Питер. Что случилось?

— Прости, у меня плохие новости.

Джонсон сел на кровати.

— Говори.

— Твой кот пропал.

— Не может быть!

— Увы. Еще позавчера дочка с ним играла. А на следующий день... То ли дверь осталась открытой, то ли он выбрался в вентиляционную шахту... Короче говоря, исчез. Дочурка обрыдалась, требовала найти кота. Мы организовали поиски, отослали запрос насчет камер наблюдения. В общем, мы нашли запись. Видно, как он залез в люк автоматической транспортной капсулы. Роботы-погрузчики его не остановили, это ведь не живой организм. Капсула стартовала спустя двадцать пять минут. Там такие перегрузки и перепады температур... Прости, но твой зверь не выживет.

— Ничего, Питер, не расстраивайся. В конце концов, все к лучшему.

— Хорошо, что ты не сердишься. А дочка часами плачет, хоть на Землю улетай. Не знаю, что делать...

— Скажи, что не так страшно, когда исчезает кот. Хуже, когда он не уходит...

— Не понимаю...

— Неважно. Пообещай ей другую зверушку.

— Я-то пообещаю, да выполнить будет сложновато... Ладно, справлюсь как-нибудь. Еще раз извини.

— Перестань. Ты ни в чем не виноват.

— Да, так получилось... Ну ладно, будь здоров!

— Счастливо, Питер!

Джонсон вскочил с постели, распахнул окно и с наслаждением вдохнул утренний воздух. В саду посвистывали птицы, гудели серьезные шмели. Джонсон мечтательно посмотрел на облака.

Все, подумал он. Где-то там, в изрытом кратерами пустынном секторе космопорта, вонзилась в глину беспилотная капсула, перевозившая обогащенную руду. Киборги-сортировщики наверняка выбросили комок искусственной шерсти и клонированных мышц.

Джонсон обрел свободу. И все же легкая досада выплыла из глубины души. Нет, он был очень рад, что кота больше нет. Однако появилось и чувство потери. Так человек, сроднившийся с легким, но неизлечимым недугом, испытывает дискомфорт, если внезапно выздоровеет. Кот успел стать частью его жизни. Но это время ушло. Теперь настала пора подумать о том, как...

— Мя-я-УУУ!

Джонсон шарахнулся от окна, споткнулся о тапочки и упал, опрокинув ночной столик. На подоконник вскочил желтый кот и озорно сверкнул зелеными глазами. Еще секунда, и зверь спрыгнул в спальню, мягко приземлившись на гигиенический ковер.

— Брысь! — завопил Джонсон и пнул кота. Тот отлетел, ударился о шкаф и недовольно встряхнул головой. Затем удивленно поинтересовался:

— Уммр?

— Проклятый робот! — застонал Джонсон. — Гнусное живучее псевдосущество!

— Рррах! — довольно ответил кот и улегся на пол, подрагивая кончиком хвоста. Когти месили ковер, веки смежились от удовольствия.

— Нет, нет, нет, — забормотал Джонсон, отодвигаясь. — Меня так просто не возьмешь. Я вычеркну тебя из жизни. Ты исчезнешь, как ночной кошмар...

— Маррр! — отозвался кот, перекатился на бок и начал выкусывать переднюю правую лапу.

Третий куплет

За доллар нанял Джонсон очень злого паренька,
Он решил, что зверя нужно утопить наверняка.
Парень разогнал моторку и помчался по воде,
С этих пор его, беднягу, не встречал никто нигде.
А кот пришел, лишь забрезжил рассвет,
Кот пришел назад, как ни в чем не бывало,
Кот пришел домой, сохранив свой кошачий секрет...

— И не жалко вам такого красавца, мистер Джонсон?

Дежурный центра утилизации держал кота за шиворот. Зверь висел, поджав задние лапы и зажмурившись.

— Ради всего святого, не болтайте вздора, — взмолился Джонсон. — Вы гарантируете успех?

— Что значит «успех»? — удивился дежурный. — Бац — и нет кота. Только смотрите, чтобы потом без претензий. Вещь дорогая, а вы ее, словно мусор...

— Замолчите! — выкрикнул Джонсон. — Делайте свое дело!

Техник пожал плечами.

— Воля ваша, — сказал он, бросив кота в пресс, — но лучше подарить кому-нибудь...

Тяжелый поршень заскользил вниз. Раздался противный чавкающий хруст, и пресс вернулся в прежнее положение. Дежурный заглянул внутрь.

— Ну? — почему-то шепотом спросил Джонсон. — Что с ним?

— Да он плоский, как шутка из пятничного сериала! — техник вытащил за хвост кошачьи останки.

Джонсон отвернулся от раздавленного тела с каплями сукровицы, блестевшими в желтой шерсти, словно роса на траве. Дежурный швырнул кота в бак рядом с трансформатором и достал дактилосканер:

— С вас одиннадцать с половиной евроллов. Приложите ладонь к экрану. Спасибо. Эй, сэр! Эта дверь ведет на склад. Выход в другую сторону!

Вот что сообщает о регенерирующих биополимерах ВИСЮ — всемирный интерсправочник сетевых юзеров:

«Регенерирующие биополимеры (РБ) — класс искусственных полимеров, полученных путем нанообработки природных органических молекул. Делятся на супербелки, вторичные нуклеиновые кислоты и энергополисахариды. РБ состоят из звеньев — квазимономеров, по структуре схожих с натуральными. Выделяют два типа РБ: основные (энергополисахариды) и надстраивающие (супербелки, нуклеиновые кислоты). Принцип регенерации основан на свойствах внутримолекулярной памяти (см.). Принято считать, что для регенерации необходимо наличие накопленной в полисахаридах энергии, но последние разработки позволяют использовать и внешние источники, например, электромагнитные поля, солнечную энергию и пр. Благодаря усовершенствованию системы энергообмена удалось во много раз повысить выносливость самовосстанавливающихся структур и тканей. РБ широко используются в медицине, генной инженерии, робототехнике и т.д.».

Продавец магазина «Biosoft» Майкл Ривкин все это знал и гордился достижениями компании. Джонсон, разумеется, понятия не имел о таких вещах, и ему трудно поставить в упрек отсутствие столь специфических знаний. А вот сотрудникам центра

утилизации следовало ознакомиться с основами современных биотехнологий. Тогда они не стали бы держать мусорные контейнеры рядом с источниками электрического тока.

В железном бачке неслышно закипела бурная жизнедеятельность. Изуродованные ткани расправлялись, ряды молекул, питаемые электрополем трансформатора, становились на свои места. Понеслись по кровеносным сосудам наносборщики, до этого дремавшие в искусственных костях. Беззвучно стали на место возрожденные органы, нейроны вновь отыскали потерянные контакты. Распушилась шерсть, округлилось тело и раскрылись огромные зеленые глаза.

Воскресший кот выпрыгнул из контейнера, потянулся и сладко зевнул. Затем отыскал незапертую дверь, пробрался по коридорам, вылез в открытую форточку и бодро направился домой.

Четвертый куплет

Мистер Джонсон не сдавался: «Погоди же, — говорит.
— Вот куплю себе двустволку, приготовлю динамит,
После буду твое чучело показывать гостям...»
Дом взорвался, ну а Джонсона собрали по частям.
А кот пришел, лишь забрезжил рассвет,
Кот пришел назад, как ни в чем не бывало,
Кот пришел домой, сохранив свой кошачий секрет...

Майкл учуял неладное собственным носом, когда возвращался с работы. Заметив столб дыма в соседнем квартале, Ривкин направил машину к месту пожара и увидел, что сгорел особняк его клиента Джонсона. Огонь потушили, но от дома почти ничего не осталось. Майкл бросился расспрашивать пожарных о судьбе хозяина и наткнулся на него самого. Джонсон сидел у дороги. У него был на редкость счастливый вид.

— Боже мой, сэр! — осторожно приблизился Ривкин. — Какое несчастье!

Джонсон презрительно фыркнул:

— Не было бы счастья, да несчастье помогло. Судьба — индейка? К черту милости в День благодарения! Индейку надо зажарить!

Майкл положил руку ему на плечо:

— Успокойтесь, друг мой. Не надо так переживать. Скажите, дом был застрахован?

— О да! И отлично застрахован! У меня теперь евроллов — завались!

— Ну, слава богу! Вы построите новый дом, лучше прежнего...

— Нет, никогда! — Джонсон привстал от ужаса. — Не надо!

Майкл отдернул руку:

— Ну-ну, что вы! Понимаю, такое трудно пережить...

Джонсон залился истеричным смехом. Бедняга, подумал Ривкин, он действительно не в себе.

— Ни черта вы не знаете! — заявил Джонсон, отсмеявшись. — Пожар, подумаешь! Страховка — тьфу! Я и без всякой страховки бы это сделал. Да, сам! Вот так!

— Вы... подожгли дом?

— Тс-с-с! — Джонсон поднялся и отряхнул брюки. — Не беспокойтесь, ни один сыщик не докопается. Все чисто. Утечка газа в подвале, короткое замыкание — бац! И концы в воду. Главное... Кот ушел!

— Кот?

— Да, ваш кот. Не понимаете?

— Нет...

— Вот и я не сразу понял. Помните, что вы мне сказали? Кот предан двум вещам: хозяину и дому.

А если предмет привязанности исчезает, кот уходит навсегда...

Ривкин не верил своим ушам.

— Вы сожгли собственный дом, чтобы избавиться от кота?

— У меня был выбор: сжечь дом или застрелиться. А жить, знаете, так хотелось...

Ривкин опустил взгляд. Джонсон прищурился на вечернее солнце.

— Майкл, я вам даже благодарен за этого желтого дьявола. Он помог мне избавиться от привязанности к вещам. Раньше у меня был всего лишь дом, набитый мебелью и тряпками. А ныне я чувствую, что мой дом — весь мир. Получу деньги от страховки и поеду его осматривать. Я буду плавать по морям, лазать по горам, гулять по городам... Я смогу даже слетать на Луну, мой друг Питер давно меня приглашает. Майкл, вы слушаете?

Но Ривкин молчал, упорно глядя под ноги. Джонсон тоже посмотрел вниз.

Впервые в жизни Майкл услышал, как человек стучит зубами от страха. Крупная дрожь сотрясла тело Джонсона, пройдя от затылка до пяток. На асфальте сидел желтый кот и невинно таращил глаза, прислушиваясь к разговору.

— Б-б-брысь! — выкрикнул наконец Джонсон. — Тебе некуда возвращаться! Пошел вон, мерзавец!

— Мурррау! — ответил кот, выгнув спину.

— Майкл! Почему он снова здесь?

Ривкин сочувственно вздохнул:

— Думаю, вы сами его позвали. Не забывайте, кот — телепат. Ваш дом сгорел. Но теперь вы целый мир считаете своим домом. Кот почувствовал это и вернулся, как полагается преданному домашнему животному...

Джонсон обессиленно опустился на бордюр и закрыл руками лицо. Кот подошел и потерся о колено.

— Боже мой, — глухо произнес Джонсон, — никуда мне от него не деться...

— А вы посмотрите на ситуацию иначе. У вас есть то, что принадлежит вам одному. Как собственная жизнь. Ее надо прожить с наслаждением, делясь радостью с самым преданным существом на свете...

Кот довольно урчал. Джонсон поднял голову и мрачно посмотрел на зверя.

— Ну что же... — сказал он и протянул руку. — Привет!

Кот привстал на задние лапы от радости, что его не гонят. Непрерывно тарахтя, он лизал пальцы хозяина.

— Будем путешествовать вместе, — усмехнулся Джонсон. — Только как же мне все-таки тебя называть... Ладно, неважно. Куда поедем? На Луне — кхм! — ты уже побывал... Давай для начала слетаем в Ванкувер. Походим по тамошним лесам, поудим рыбу... А потом поплывем на Гавайи. Что ты скажешь насчет Гавайев, а, зверь?

— Урррах! — ответил желтый кот и весело сверкнул огромными зелеными глазами.

Последний куплет

Мистер Джонсон взял билеты и отправился в круиз,
Но в открытом океане налетел внезапный бриз.
А потом газеты мира сообщили лишь одно:
Пассажиры и команда — все отправились на дно.
А кот пришел, лишь забрезжил рассвет,
Кот пришел назад, как ни в чем не бывало,
Кот пришел домой, сохранив свой кошачий секрет...

Через три недели мир потрясло сообщение о гибели пассажирского лайнера, следовавшего маршрутом Ванкувер — Гонолулу. Пароход затонул так

быстро, что экипаж успел передать только сигнал бедствия и координаты. Через два часа спасатели прибыли на место, но не нашли даже обломков. Единственным выжившим оказался некий мистер Джонсон из Канзас-Сити. Когда его обнаружили, он из последних сил цеплялся за хвост желтого псевдокота, плывшего к Гавайским островам. Попытки расспросить пострадавшего ни к чему не привели, он только бормотал о пяти кошачьих жизнях, пропавших зря. Стало ясно, что мистер Джонсон ведет себя неадекватно, поэтому пассажира отправили в психиатрическую лечебницу вместе с искусственным котом. Расставаться с псевдозверем Джонсон категорически отказался, даже потребовал, чтобы кот постоянно находился в палате.

Майкл Ривкин уволился из магазина «Biosoft», купил ферму на Среднем Западе и занялся выращиванием тыкв и цветной капусты. Он весьма доволен жизнью и считает свои овощи самыми обаятельными существами на свете.

Питер Харди прославился тем, что смог протащить на лунную базу пару джунгарских хомячков. Когда обман раскрылся, он чуть не лишился лунного гражданства, но процесс замяли. Харди отделался штрафом, а его маленькая дочка стала самым счастливым ребенком на Луне.

Мистер Джонсон выписался из больницы и стал знаменит своей железной выдержкой и спокойствием. Он неразлучен с желтым питомцем, но до сих пор ничего не рассказал о катастрофе круизного лайнера. Зато стало известно, что он собирается принять участие в экспедиции на Ганимед. Это весьма опасное предприятие, однако, как загадочно выразился сам мистер Джонсон, у него есть в запасе целых четыре кошачьих жизни.

АЛЕКСАНДР ГОЛИКОВ

КОГДА ХОЧЕТСЯ НОВОГО

Здесь не было солнца, вместо неба — светящаяся субстанция, а под ногами ровная, серая, безжизненная и бесконечная твердь. Состав атмосферы не имел значения, каждый в очереди дышал тем, чем привык дышать у себя на родной планете: кто аммиаком, кто азотом, кто фтором, кто прочей химией. Но неудобств, однако, народ не испытывал и атрибутикой жизнеобеспечения не пользовался, хотя каким образом подобная совместимость достигалась, никто и понятия не имел. Кроме землян, разумеется. Но те в очереди не стояли, ибо являлись хозяевами и творцами Приемника, а в какой-то степени и самой очереди, в которой как раз негуманоиды и преобладали.

Квадратные, шарообразные, конусовидные, треугольные и вовсе не пропорциональные; пушистые, лохматые, колючие и гладкие, как бильярдные шары; многоглазые, одноглазые и безглазые; многорукие, членистоногие, со щупальцами, с клешнями, панцирные и кожистые; зелененькие, розовые, белые, черные, в горошек и в крапинку; веселые, хмурые, грустные, радостные и не очень, но все без исключения ожидающие и оттого возбужденные — очередь эта в виде длиннющей, изломанной, шевелящейся и пестрой змеи протянулась, казалось, на мегакилометры.

У очереди имелось начало, и олицетворял его высокий портал (он же Приемник) в виде земной буквы «П». Языковых барьеров тут не существовало вовсе, ибо земляне сразу позаботились о едином лингвистическом социуме. Еще создали микроклимат для каждого индивидуума и поспособствовали

доставке этих индивидуумов к месту назначения, то бишь в хвост очереди. Каким образом такое достигалось, какие средства и возможности для решения подобных задач использовались, гадали немногие: каждый знал, что земляне — величайшая и непостижимая раса, так чего ради лезть с глупыми расспросами? Еще по думалке схлопочешь за излишнюю ретивость, за хомо не заржавеет. Подавляющее большинство изверлючивало мозги на предмет того, что же их ожидает за этой штуковиной в виде «П», и тут же делилось своими умозаключениями, идеями и гипотезами с соседями. Соседи отвечали тем же. Неудивительно, что над очередью стоял несмолкаемый гомон, сливающийся в многоголосое «бу-бу-бу-бу». Так что чего-чего, а скучно в ней не было, хотя бы потому, что стояли тут скученно.

Всевозможные измышлизмы на предмет «А чего ради стоим-то?» по вполне понятным причинам обсуждались весьма бурно и буквально со всех сторон. Где-то в середине очереди одно время превалировала такая точка зрения: земляне, мол, набирают свеженьких рекрутов для межгалактической войнушки и за ценой, конечно, не постоят. Последний факт горькую пилюлю несколько подслащивал, но народу все равно от этого было не легче. Но поскольку все доподлинно знали о несокрушимой мощи землян, их неисчерпаемом потенциале, воистину умопомрачительных возможностях и в целом пацифических взглядах на процессы в Галактике, то версия эта продержалась недолго и вскоре обсуждалась лишь четраном, алгойцем да примкнувшим к ним сепваром. Первый, зеленокожий четырехрукий монстр с Брагона, обожал потасовки и лез с кулаками на любого, с поводом и без (кроме землян, разумеется, — отучили сразу и надолго); второй принадлежал к кочующей расе вечных наемников

и не имел за душой ничегошеньки, кроме алчности и желания потуже набить карман; третий же считал войну неизбежным злом и на всякий случай просто подыскивал широкие спины, за которые в случае чего и спрятаться не грех.

Самые пессимистичные в очереди склонялись к совсем уж мрачной и жуткой мыслишке: зоопаркам на этой Земле вдруг понадобились новые, свежие экземпляры, вот и до нас добрались, пора и нам посидеть за лазерными прутьями на потеху местной публике. Однако даже они понимали: что-то тут не так, не те у землян все же запросы и планки. Ведь всеми декларациями, меморандумами, конвенциями и хартиями разумная жизнь в Галактике провозглашалась уникальной и неприкосновенной. Земляне, что этот закон и ввели, неукоснительно следовали его духу и букве и остальных заставляли делать то же самое. Другой вопрос, что получалось из-под палки и результат желал лучшего: слишком уж много уродов оказалось в семье.

Ближе к хвосту в это же время рассуждали о некой Разведывательной Экспедиции в соседнюю или параллельную Вселенную и об открывающихся в связи с этим вакансиях. Ракообразный китонец и мохнатый воорунг с Угары даже поспорили, кто бы из них мог стать капитаном земного подпространственника-мегатонника, но после вполне мирной дискуссии согласились и на помощника вахтенного в третьей дежурной смене. При этом стоящий за ними хинкон едко заметил, что даже землянам с их мощью и потенциалом пока что не по зубам подобные мероприятия (и это было правдой). А шароид с Эндау, похожий на колобка в боевой раскраске, добавил, что проблем хватает и у себя дома, в своей Галактике, так на кой ляд искать их еще и у черта на куличках (и это тоже было правдой).

А позже буквально всех чуть до инфаркта не довел ужасный слух, будто земляне собираются повсеместно ввести «сухой закон» и таким вот образом заранее предупреждают о своих коварных планах. Но распространителя неправдоподобного слуха вычислили быстро (им оказался несчастный фианец, язвенник, а потому трезвенник) и пригрозили потенциальному саботажнику и паникеру «темной». В самом деле, эта крамольная мысль не выдерживала никакой критики: всем доподлинно было известно, что земляне являлись истинными ценителями и гурманами хороших, качественных вин и, скупая их повсеместно, о ценах думали в последнюю очередь. Волнения поутихли. Впрочем, ненадолго. Рядом начали вдруг рассуждать о генетической корректировке вкупе с синергетикой. Больную тему поднял Зуз, сейфоподобная бугристая глыба откуда-то из центра Галактики. Центристы по праву считались умниками и философами и потому слушали того внимательно. Зуз высказался в том смысле, что вот, мол, каждый народ по отдельности мало что значит, но вот все вместе они бы могли что-нибудь эдакое и сотворить, вот почему их тут и собрали. «А что сотворить-то?» — спрашивал народ заинтересованно. Мысль о том, чтоб побузить где-нибудь поблизости всей разношерстной кучей, привлекала и грела душу. Но Зуз мрачно отмалчивался, вперив шесть глаз в небо, а после начинал по новой: синергетика, мол, корректировка и генетика, блин!..

Тут по рядам прошелестело «просили больше не занимать». Через пару минут выяснилось, что это кентозавр с Бетельгейзе заскучал, стал поглядывать на всех свысока и пустил такую подначку по рядам, для вящего своего удовольствия и хохмы ради. Шутку оценили и поржали вместе с кентозавром. А что еще с того возьмешь?

Ближе к «П» кошачий с Ля-муррса и бочкообразный дудука с Пундаллы высказали мнение, что земляне просто так ничего не делают и в Галактике грядут очередные перемены. С их легкой руки разгорелся диспут о смысле жизни вообще и их конкретном тут положении в частности. Сошлись на том, что жизнь прекрасна. У соседей. Некоторые же на полном серьезе размышляли о том, что людей интересует исключительно мифология и народный фольклор: шутка ли, столько материала под рукой! В конце концов многие стали склоняться именно к этой версии, тем более из «П» так никто и не возвратился, а сами земляне не очень-то и спешили объяснить народу, чего они, собственно, от этого народа в конечном итоге хотят.

Одним словом, очередь бурлила, заглядывала поверх голов, дискутировала на все лады и ждала, когда же наконец придет и его черед, и он пройдет наконец эту «П», чтобы...

Две недели по суб-времени дюжина землян, ни на секунду не прерываясь, делала свое дело. Они тщательно обмеривали, взвешивали и голографировали инопланетян, потом расплачивались той валютой, что требовал сканируемый (в разумных, конечно, пределах), и отправляли того через противоположную «П» восвояси. Эти две недели для кого угодно могли превратиться в сущий ад, но только не для землян. Ибо они давно уже были на «ты» и с пространством, и со временем, и с эзотерическими знаниями, но все свои желания строго соизмеряли со своими возможностями, и первые никогда не возобладали над вторыми. А когда на исходе второй недели последний из очереди, гирфанг с Галкохены, схожий с ажурным чемоданом, покинул Приемник, и твердь наконец опустела, один из землян вдруг

стал что-то тихо напевать, второй в такт мелодии слегка похлопывать в ладоши, а миловидная женщина начала неторопливо заплетать распущенные волосы в тяжелую косу. Все их действия имели свой, потаенный смысл и необратимые последствия, так как после этого твердь стала медленно растворяться, субстанция сама собой загасилась, атмосфера с множеством газовых микрорезервуаров испарилась, а две огромные «П» на входе и выходе истаяли без следа, оставив на том месте весьма странную конструкцию — длинную, поблескивающую серебром коробку с покатым верхом и плывущими, мерцающими гранями. Это была объемно-динамическая платформа одноразового использования.

Модульный биокомпьютер платформы синхронизировал время отбытия последнего инопланетянина со временем распада Приемника и прилегающей псевдореальности, вошел в пространство Хоукинга, там задействовал контур пространственного преобразователя и понесся из центра Галактики к самому краю спирали, к неприметной желтой звездочке по имени Солнце, рядом с которым голубая планета Земля, давным-давно ставшая Единым Детским Садом человечества, уже третью неделю посылала по анзиблю зов за зовом своим мамам и папам, тетям и дядям, бабушкам и дедушкам — дети просили новых, ни на что не похожих, невиданных игрушек. А земляне очень любили своих детей и ничего для них не жалели. И поэтому грузовые отсеки платформы были полностью заполнены биостатическими матрицами инопланетян, чтобы потом из них получить полноценные, необычные и поистине новые игрушки, которые бы восхищали, радовали и смешили неугомонных детишек, потому что те...

...жаждали бесконечно возиться, познавать, удивляться и нести добро этой Вселенной.

Примечания для тех, кто не в курсе. Специфические термины из текста.

Анзибль — аппарат мгновенной связи в Дальнем космосе. Выдуман некой Урсулой Ле Гуин, дамой с весьма богатой фантазией (см. Экуменский цикл вышеназванной леди. Там этими анзиблями чуть ли не гвозди забивают).

Контур пространственного преобразователя — что-то типа силовой установки/генератора. Для входа в подпространство использует энергию молекулярного распада тислия, металла новейшей энергоемкой группы (возможно, его когда-нибудь и откроют, и именно так и назовут).

Приемник — своеобразный «расфасовочный цех» с векторными телепортационными каналами. После трансформируется в галактическую платформу.

Подпространство — из самого названия ясно. Кстати, скептикам! Если существует подсознание, то почему бы не быть и подпространству?

Пространство Хоукинга — выдумано Дэном Симмонсом, автором «Гипериона». Все вопросы к нему. Но наверняка скорость света там становится чисто абстрактным понятием. Что и требовалось.

Синергетика — проверка взаимодействия нескольких составляющих во всевозможных сочетаниях (автор, хоть убей, не помнит, где он про это вычитал. Но вот ведь — пригодилось).

Суб-время — положение, при котором реальное время замедляется в несколько раз (очень удобно, когда вокруг масса срочной работы, а ее необходимо проделать в минимальные сроки).

Эзотерические знания — знания, исключительные по своей сути и предназначенные для посвященных. Как хочешь, так и понимай.

И последнее (вопрос на засыпку): а вы подарили бы своему маленькому это чудо природы — четранчика, алгойчика или кентозаврика, мало чем отличающихся от оригиналов, разве что размерами?

Ответ, думаю, очевиден...

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО

— Бабушка, вот сюда садитесь. Да, да. Вот так... Удобно?

Жанна едва успела отвернуться, чтобы скрыть гримаску, потому что Бинди-Шванхильд приметлива. Бабушка...

Саму-то себя Жанна согласилась считать бабушкой с натяжкой и не сразу, на год позже, чем реально ею стала — то есть в тридцать три. Ладно, это дело прошлое. Пять лет как прошлое. Шесть, точнее, включая тот самый год.

Тут, на детской площадке, ее тоже никто бабушкой не считает, а когда сюда является Сашка со своей девочкой (не слишком-то часто, по правде говоря!), то они Сане, конечно, проходят, как брат и сестра, — старшие Жаннины дети. Еще бы. Сходство с младшеньким налицо.

Тут она опять скорчила гримаску, на этот раз самой себе, своим мыслям по поводу того, что ребята здесь редко появляются. Они с Алексом за Сашкой на игровой двор тоже не часто приходили. В основном пацана выгуливала ее мама — и, разумеется, Бинди-Шванхильд. Ее-то бабушкой зовут на автопилоте, все и всегда. Хотя она даже Алексу — «пра», а наимладшему, то есть Сане, — «да божечки ж мой!», как говорит мама, — «прапрапра» получается. Так не бывает. На весь район, по крайней мере, только у них в семье и есть. Да и на весь город, пожалуй.

Жанна этому давно отвыкла удивляться и сейчас, скорее, самому своему удивлению удивилась: чего бы это вдруг? Был какой-то повод, ускользающая мысль — но ухватить ее за хвост так и не вышло.

Спохватившись, поискала глазами внука. Тот был в полном порядке: с группой ровесников трех цветов кожи, не считая переходных оттенков, болтая на четырех языках, сейчас испытывал в углу детского городка что-то летающее и жужжащее. На бабушку и прапрапрабабушку ни малейшего внимания не обращал.

— Не мешай ему, деточка, — тихо сказала Бинди, — им сейчас не до нас...

Да, до сих пор приметлива, зрение только в прошлом году отказывать начало. С ногами хуже — ну так на то и бегунок. Правда, не любит она его и хотя бы по дому до сих пор сама ходить старается. И вот сейчас тоже в нем не осталась, пересела на скамью-кресло. Это — на площадке всем известно — «ЕЕ место», разве что какая из молодых мам по незнанию иногда его занимает.

— Да все в порядке, бабушка. Еще сорок две минуты может развлекаться, сколько влезет.

— Сорок две... А что сегодня? Музыка?

— Нет, рет-сканнинг: четверг ведь...

Бинди с некоторым недоумением покачала головой. Что такое рет-сканнинг, она в самых общих чертах представляла, но продолжала сомневаться, что это так уж необходимо детям. Жанна, честно говоря, тоже. Но ее дело бабушкино, и если родители считают... А они считали — причем пацан с ними был более чем солидарен. Ладно, примем, что молодежи видней.

Летящее-жужжащее очередной раз вспорхнуло, сделало круг над головами малышни, а потом вдруг пошло в воздухе зигзагом. Оказалось, что оно вдобавок еще и светящееся. Заложило неуклюжий вираж — и унеслось в сплетение кустов и деревьев, стеной поднимающихся за детской площадкой.

Слышно было, как оно там пару раз трепетнуло крыльями — или что там у него — и замерло.

Послышался разочарованный многоголосый гвалт: заросли были непролазные, во всяком случае, для шестилеток.

Жанне отлично было известно, что по крайней мере одному из шестилеток этот аргумент не указ, потому она проворно вскочила, сама еще не решив, будет ли удерживать внука за шиворот или полезет в заросли вместо него (не хотелось бы: именно сегодня на ней дорогое и красивое). К счастью, делать выбор не понадобилось. Какой-то подросток, смутно знакомый, уже шагнул прямо в зеленую стену, точно в море прыгнул. Чей-то брат, надо полагать. Здесь всегда много ребят гимназического возраста.

Она хмыкнула, вспомнив себя и Алекса на этой самой площадке, семнадцатилетних, но уже с полуторагодовалым Сашкой. Что ж, они тогда не гимназисты были, а студенты. Студенческая же семья — более-менее нормально... в основном. Два вундеркинда — пара. Ну и с повтором через поколение, ага. Алекс-Сашка-Саня. Мои мужчины, мальчики мои...

Тут в глубине сознания вновь тенью скользнула какая-то неуловимая мысль, скрытная и шустрая, как мышь, а еще до странности тревожная. Жанна, уже начавшая было опускаться на скамейку, в панике выпрямилась и зашарила глазами по детской площадке, ища внука. Да вот же он, принимает из рук того парня летуче-жужжаще-светящееся — то есть, собственно, теперь оно тихо и неподвижно, хотя парой огоньков продолжает посверкивать.

Никакой опасности. Нигде и ниоткуда. Просто быть не может.

Тем не менее она продолжала стоять, бдительно оглядываясь по сторонам, а пуще всего всматрива-

лась в ту непролазную поросль, куда давеча упорхнула игрушка. Ощущала себя при этом, конечно, полной дурой.

Очень удивилась, обнаружив, что старушка внимательно смотрит в ту же сторону, на сплетенье ветвей и стволов. Правда, опаски в ее взгляде не было, а было... поди угадай. Какое-то непонятное чувство.

Тут Жанна обнаружила, что ощущение беды окончательно развеялось.

— Давно пора все это расчистить, — кивнув на заросли, сказала она, словно лелея свою прежнюю тревогу.

— Там бетон, — коротко ответила Бинди-Шванхильд.

— Где?

— Сразу за этим... палисадником. Ну же, деточка, разве ты не помнишь? С той стороны как раз велосипедная дорожка ведет на Пеликан-штрассе, вы с Алексом по ней все время к озеру гоняли, когда думали, что его родители не видят.

А. Ну да. Древнего вида унылое здание с глухой стеной, перфорированной вместо окон двумя ярусами словно бы... нор, пожалуй. По меньшей мере с двумя глухими стенами, потому что торец у него тоже такой. Еще одну стену не рассмотреть из-за цепочки новых домов, пристроенных почти вплотную, а противоположный торец — он, получается, как раз на прогулочный двор и выходит. Между ним и детской площадкой считаные метры сплошных зарослей.

Что касается поездок на озеро и прочего, то по этому поводу совсем нечего смущаться и краснеть. Она давно уже не «та русская девчонка, непонятно каким способом получившая грант от «Песталоцци-клаб» и сразу же положившая глаз на нашего золотого мальчика», а почтенная супруга этого золотого

мальчика, мать его платинового сына и бабушка совсем уж бриллиантового внука.

Времена тогда были странные и смутные — второй тандем, пятый майдан... В Европе действительно не могли решить, как относиться к пришельцам из-за полониевого занавеса: с ужасом и отвращением или все-таки с сочувствием. Жанна в свои тогдашние даже не шестнадцать об этом, конечно, не задумывалась напрочь, а мамину повышенную осторожность воспринимала по привычной схеме: «ох-уж-эти-взрослые-впервые-оказавшиеся-в-чужой-стране». Слегка застывшие лица родителей Алекса она вообще потом скорее вспомнила, чем заметила прямо тогда, но в любом случае это для нее тоже были: «ох-уж-эти-взрослые».

С некоторых пор она в общем начала понимать первоначальные чувства Алексовых родителей, а когда Сашка учудил такой вот вундеркиндский дубль — поняла и без «в общем». Да уж. Не сложись у нее тогда, в тот первый германский год, совершенно безоблачные отношения с Алексовой прабабушкой...

Но они сложились. Старушка для Жанны так ни разу «фрау Вейдлинг» и не была: «Нет-нет, деточка, зови меня по имени, так мне самой удобней»... Даже на «ты» обращаться просила, но тут уж, по российской привычке, просто язык не поворачивался. Хотя для многих тогдашних тинейджеров это нормально было, для нынешних — тем паче.

Ладно, дело прошлое. Как бы там ни было, вот он — Саня, Санечка: самый младший в семье, самый бриллиантовый из всех внуков планеты Земля и ее окрестностей.

— Ну, не велика проблема — бетон... — по инерции возразила Жанна, думая уже совсем о другом.

— Этот — велика. — Бинди покачала головой. — После восстановления, в... да, в сорок восьмом году, даже и не пытались снести — помнили еще. А в семидесятые, когда весь район перестраивали, кто-то решил, что бульдозеры сильнее английских бомб. Ничего не вышло. Нет, можно, разумеется, — но очень дорого. И тогда, и теперь. Их не так уж много и уцелело, но все, которые уцелели, оставляют как есть. До сих пор. Ты видела, наверно: на Фридхофаллее, в Гарбсене... возле Лейбниц-центрум...

Жанна несколько секунд усваивала информацию. Собственно, ничего диковинного, просто иногда забываешь, НАСКОЛЬКО Санина прапрапрабабушка путешественница во времени. Кроме того, Жанне почему-то всегда казалось (по старым книгам? древним, еще «плоским», фильмам?), что оно должно быть в подвале, а не выситься таким вот отдельно стоящим утюгом.

— Так это... бомбоубежище?

Старушка кивнула.

— И вы...

Снова кивок.

— Да, деточка, — после паузы добавила Бинди-Шванхильд, — я видела его изнутри.

Жанна оглянулась на внука. Он авторитетно объяснял что-то сверстникам, двум мальчикам и смуглокожей девочке: крылатая игрушка была в руках как раз у нее. Тот парень гимназического возраста, что лазил в кусты, тоже стоял рядом, прислушивался с любопытством и удивлением, кажется, не все понимая. Потом младшие закончили консилиум и принялись за дело: положили игрушку на оградку песочницы, склонились над ней, принялись оживлять. Взлететь это чудо детской техники пока не взлетело, но зажужжало почти сразу, а со следующей попытки и засветилось множеством огоньков.

Ладно. Образцовая бабушка — хорошо и правильно, но это не единственная профессия. Жанна села на скамью, активизировала бланкет, вывела на голограмму окно «Роботы Бидермайера». Страница четырнадцать.

— Мы тут всегда жили, — произнесла старушка странным голосом, словно извиняясь. — И играть сюда же ходили. Даже когда этого... бетона не было еще. Площадки детской, правда, тогда не было тоже, а вот дворик — был. Карлхайнц, Хильди, Труди... еще Мозес — но это за несколько лет до, потом его увезли... Куно, Линда... Алекс... Ну и я.

— Да все в порядке, бабушка. — Жанна наконец сообразила, в чем дело: о времени войны Бинди со своей русской правнучатой невесткой говорила редко, но когда это все-таки случалось, в голосе ее неизбежно появлялась виноватость. — Бетон так бетон, заросли так заросли. Наверно, и правда лучше такой «палисадник», чем обшарпанная серая стена. Бабушка, я сейчас немного поработаю, можно?

— Конечно-конечно, деточка. Я за Алексом-наимладшим присмотрю, ты не беспокойся.

Беспокоиться Жанна уже и не думала, но к тексту статьи почему-то вернулась с некоторым трудом. Так, а ну-ка оставим разброд и шатания, всего тридцать шесть минут прогулки осталось, даже не сорок две.

«...таким образом мы приходим к выводу, что термин «бидермайеровский стимпанк», при всей его парадоксальности, может быть сочтен валидным. Причем даже для второго из корней: разумеется, с поправкой на общекультурный контекст 1830 — 1860 гг. Один из характерных примеров тому обнаруживается на листах 2—8, 14—16, 22 и 23 берлинского издания «Tulifantchen». Речь в данном

случае идет не о тексте — автор которого, Карл Иммерман...»

Минуточку, он не просто Карл, а Карл Л. Поиск... мимо. Мимо, мимо... И снова мимо. Ага, вот: Леберехт.

«...не о тексте (автор которого, Карл Леберехт Иммерман, во всех аспектах своего творчества так и остался «человеком 30-х»), а о...»

Одну секунду: а автор ли он? «Ойленшпигель» 1973 года — так, но в музейных каталогах значится как «перевод с английского». Поиск... шесть ссылок: три на девятый том «Ойленшпигеля», две на каталог, одна ошибочная. Первоиздание. Нет, без выходных данных. Репринт... юбилейное издание к столетию — других не было? Плохо... 1930 год, один поврежденный экземпляр, первые шесть страниц не сохранились: если там и были дополнительные сведения от издателя, теперь их не найти. Британские источники. Нет. Поиск. Нет, нет, нет... Нет.

Примем как мистификацию. Для тех десятилетий характерно: «с английского» — поди проверь. И попробуй придерись, если что.

«...а о цикле иллюстраций Теодора Хоземана (1864). «Панк-колорит» в определенной степени характерен для всех них, если же взять...»

Внизу что-то требовательно пискнуло — и Жанна чуть не подпрыгнула от неожиданности.

М-да. Роботы эпохи Бидермайера, значит. Стимпанк.

Стим, конечно, не стим, но в остальном оно — существо? устройство? — словно оттуда и явилось. Потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить: перед ней собачий бегунок. А существо, на которое надето это устройство, — щенок в наголовнике с фотоэлементами, совсем еще крохотный, даже породу не разобрать.

Все-таки это покамест редкость. Жанна о таких штуках читала, конечно, даже писала и в стерео видела, но своими глазами — первый раз.

Щенок, то есть взрослый и даже старый пес, снова требовательно пискнул электронным голосом. Для него, разумеется, это был лай.

— Доброе утро, доброе утро, всем здравствовать! — С дальнего конца площадки, сияя улыбкой, поспешала его хозяйка. Лейла, вот как ее зовут. Давненько не виделись. Насчет песика теперь все понятно. А зовут его, кажется...

— Это Юан-Ли? — с удивлением спросила Бинди.

— Он, он, мое сокровище! — закивала хозяйка. — Видите, он вас с Жаннет сразу узнал... Ах, фрау Вейдлинг, как я вам завидую: все-то вы помните, дай вам бог здоровья, мне бы такую память в вашем возрасте, если доживу, конечно...

Жанна поморщилась. Ну, Лейла в своем репертуаре: тактичности у нее за миновавшие годы не прибавилось.

— Но ведь Юан-Ли еще молодой совсем. — В голосе старушки все еще звучало удивление.

— Что вы, ах, что вы, фрау Вейдлинг, молодой он был, когда Жанночка здесь своего сынишку выгуливала. (Женщина, постаравшись сделать это украдкой, бросила на Жанну сочувствующий взгляд в духе, мол, «вот как сдала старушка»; старания эти были столь неумелы, что Жанне захотелось с размаха врезать ей бланкетом по голове.) А сейчас нам девятнадцать с половиной лет — да? Правда-правда, солнышко мое? — и еще десять дней после перезаписи, видите, до сих пор глазки не раскрылись и ножки не ходят, но это ничего, на то и экзоскелетик, и масочка видящая, да? Вот, вот, молодец ты наш... Играй с мячиком, играй!

Мячик Юан-Ли догнал сразу, точно прижал его коленчатыми лапами бегунка, попытался перехватить зубами — но эта функция у наголовника не была активирована, а крохотная щенячья пастишка тем паче для такого не годилась. Лейла всплеснула руками:

— Ой, фрау Вейдлинг, Жанхен, ну будьте здоровы, побегу я моему малышу помогать. (Однако не тронулась с места.) Ему же не объяснишь, что у него лапки и мордочка, как у новорожденного. Ну ничего, еще пару месяцев — и можно будет снять эту машинерию, уж так-то она нам надоела...

Лейла все не уходила, поглядывала выжидательно, будто желая еще что-то сказать. Но, кажется, так и не нашла нужных слов или просто вдруг смущение испытала, хотя это не в ее стиле. Песик в очередной раз пискнул, шевельнул мяч — и хозяйка наконец поспешила к нему.

Какое-то время Жанна и Бинди-Шванхильд молча смотрели ей вслед.

— Вижу, деточка, тебе неприятно, — старушка нарушила молчание первой. — А зря! Ты тоже в таком, только человеческом, будешь ходить. Я-то не успею, но вы с Алексом — вполне.

— Бабушка, ради бога... Что вы вообще говорите?

— Дело говорю. А может, когда придет ваш срок, уже додумаются, как обходиться без такого. Ко времени младшего и наимладшего — точно придумают.

— Без чего «без такого»? — Жанна едва успела в самый последний момент чуть притушить ярость, так что ответ ее прозвучал просто злобно. — Это же все оболочка, «экзо» с датчиками, оно ведь не работает без тела и мозга! Даже сейчас получается, можно сказать, убийство щеночка — вы что же,

всерьез думаете, что в человеческом варианте такое кто-нибудь допустит?

— Убийство щеночка... — задумчиво произнесла Бинди. — Но ты ведь знаешь, что это все-таки не так, да?

Жанна знала, конечно. Ей еще полгода назад «Бильд» предложил вести полемическую колонку на эту тему — и она мужественно спорила с неовеганцами четыре номера подряд, пока не обессилела. В конце концов, убеждать можно только того, кто готов слушать. А если человеку сквозь его зеленые очки не заметна разница между «наложением» и «вытеснением» и не ясно, что у трехчетырехдневного щенка, слепенького, неходячего, в коре еще просто нет той интегральной активности, которую в принципе можно вытеснять, то какой уж тут спор.

Да, она знала. Знала и то, что в семье с большим интересом следят за этой ее колонкой: все-таки «Бильд» — нерядовое издание, мягко говоря. Но...

— Но! — твердо произнесла она.

— Да, ты права, конечно. — Голос старушки опять был странен, точно доносился откуда-то издалека. — Пока не умеют делать искусственный носитель — о... человеческом варианте, ты так сказала? — даже думать неправильно. А то были у нас такие... думавшие...

Жанна, безошибочно распознав виноватый оттенок, погладила Бинди по руке.

— Ладно, бабушка, ну его, тот носитель. Это как с копированием звука: записывать еще двести лет начали, качественно воспроизводить — тоже лет сто, а сейчас уже и идеальные синтезаторы есть, но вот чтобы роботы в Ла Скала пели — до этого пока далеко. Так что все мы тут равны, все не доживем.

— Ох, деточка, по-твоему, это так много — двести лет? — Бинди лукаво улыбнулась. — Даже меньше, чем два раза моя жизнь. Кто бы мог подумать. У моего поколения, знаешь ли...

Старушка замолчала, а Жанна, сама не зная зачем, вывела на голограмму «Tonaufnahme», потому что двести лет — это фигура речи, а на самом деле, наверно... Ого! Первые удачные опыты — 1850-е. Действительно почти двести.

И, тоже действительно, даже не полностью двойной возраст Бинди-Шванхильд. Которая сейчас, если можно так сказать, молчит очень странным голосом.

— А вот знаешь, — именно в этот миг старушка вновь заговорила, причем голосом совсем не странным, только суховато, как будто давая справку, — очень многие из нас прожили долго. Долго и хорошо.

— Что, из вашего поколения? — Жанна всерьез удивилась.

— Да нет, что ты. Поколению-то не повезло. Но вот те, с кем мы вместе видели это бомбоубежище изнутри — Хильди и Труди, Куно, Карлхайнц... Ребята и девочки с нашего двора и из дома напротив. Так вот, они все — почти все... Я последняя, это правда. Но еще десять лет назад это было не так. Даже восемь лет назад. Линда — помнишь ее?

Жанна действительно не то вспомнила, не то смутно представила себе: какая-то старуха, совсем древняя, на вид гораздо старше Бинди, хотя ей тогда подумалось, что это, конечно же, невозможно. В парке, на лавочке. Точно, была такая встреча — они с бабушкой обнялись и заплакали, а потом принялись болтать, захлебываясь и перебивая друг друга, как две школьницы.

Крылатая игрушка снова взлетела, жужжа чуть иным тоном — и опять немедленно упорхнула туда же, в непролазные заросли перед бомбоубежищем.

Малышня разочарованно взвыла — но все тот же подросток с ангельским терпением опять полез в кусты, нашел, принес.

Повезло кому-то. Жанна, вообще говоря, больше не припоминала тут настолько примерных старших братьев. Кстати, чей все-таки он брат? На детской площадке этот парень появлялся часто, и давно он уже здесь... да, давно, не первый год... Но обычно сидит в сторонке, а если помогает, то сразу всем, так что ассоциировать его с кем-либо из малышей не получалось.

— Заинька! Солнышко! Ко мне, ко мне, ко мне, мой маленький! Домой-домой-домой, все, нагулялись. Вот мячик, вот! Иди к мамочке... Солнышко! Комнекомнекомне, ах ты ж зараза! — Лейла чуть ли не танцевала на краю площадки, потрясала в воздухе мячиком и всячески звала к себе Юан-Ли, то улещивая, то гневно обращаясь к его совести.

Но новорожденно-старый песик в облачении стимпанковского робота не обращал на «мамочку» никакого внимания. Растопырившись, словно насекомое, замер перед группой детей и на что-то уставился. А потом громко пискнул. И снова. Не откликаясь на зов — пишал, пищал, пищал. До тех пор, пока хозяйка, окончательно потеряв терпение, не подобралась, осторожно лавируя между детей, к нему вплотную, не подняла на руки и не унесла, укоризненно объясняя, до чего же он не прав.

Все это выглядело очень смешно, но Жанна на всякий случай привстала, пытаясь увидеть, что же так взволновало Юан-Ли. Ничего особенного на площадке не было. Мамаши и бабушки по сторонам, а в самом детском городке кучка детей — и тот подросток.

— Бабушка, не помните, как того мальчика зовут? С кем он там вообще?

— О ком ты говоришь, деточка?

— Да вон же, лет пятнадцати — вот, видите? Он там один. Я что-то забыла...

— Но там ведь, деточка, такого нет никого. — Бинди с удивлением посмотрела на Жанну. — Все — сверстники Алекса...

— Ко-го?

— Ох... — старушка слабо улыбнулась, — да, одно ведь имя. У нас в семье его дают мальчикам еще с... ладно, не важно. Я своего сына так назвала, он — моего внука... Вот и ты этим заразилась, вижу... И Каролиночка наша рыженькая...

Хм. Внук — это герр Вейдлинг. *Schwiegervater*, «отец супруга», а по-русски — свекр: слово из маминого репертуара, без нее и не вспомнить бы. Да, Алексов папа действительно тоже Алекс, хотя, опять-таки, поди вспомни с ходу: это совсем не тот человек, которого легко по имени называть. А Каролина — Сашкина девочка (да нет, жена: пора бы уж привыкнуть). Уж они-то, детишки самостоятельные, точно ни с кем не советовались, какое имя дать своему раннему и внезапному отпрыску.

Подросток высился среди «сверстников Алекса», как гусенок среди утят, и не заметить его было... трудно. Кажется, Лейла со своим «вот как сдала старушка» все-таки права.

У Жанны защемило сердце — и она поспешно уткнулась в бланкет. Даже работать попыталась. Немного, пару минут всего.

А когда снова подняла взгляд — оказалось, что этот самый паренек стоит прямо перед ними. Тощенький, бледный, странно и бедновато одетый — впрочем, это, конечно, мода такая, стиль кляйдеркарта, ироничное псевдоретро.

Стоит и улыбается до ушей.

Если бы Бинди-Шванхильд и сейчас не заметила его, Жанне оставалось бы разве что тяжело вздохнуть и снова уставиться в голограмму. Но старушка, всем телом подавшись вперед, смотрела прямо на мальчишку.

И он — на нее.

— Привет, Цоо!

Какой-то у него необычный говорок был, кажется, чуть ли не насмешливый. Жанна, всеми и всякими странностями на сегодня сытая уже по горло, невольно оглянулась, но позади них никого не было. Тогда она отложила бланкет и встала, исполненная неполиткорректной решимости преподать юному наглецу урок хорошего тона.

— Да ты что, все в порядке! — тот совершенно не испугался, а улыбка его была не насмешливой, а... ободряющей, что ли. — У нее самой спроси, если хочешь.

— Ничего-ничего, деточка. — Бинди успокаивающе коснулась ее плеча. — «Цоо», зоопарк. Так и есть. Целый зоопарк в одном имени. Потому что «Бинди» — это, представь, «прекрасная змея»...

— На старогерманском, — кивнул подросток, — а «Шванхильд» — «сраженный лебедь».

— Нам это пастор Дириг рассказал, — добавили они в один голос, с неуловимо похожим акцентом. И, покосившись друг на друга, одновременно прыснули.

Пару секунд Жанна стояла в полном и глубоком недоумении. А на третью секунду примчался бриллиантовый внук — и ей стало не до разгадки этих ребусов.

Саня требовал полного внимания и занимал все пространство вокруг, на пять метров и в трех измерениях. Он был слегка расстроен, ему что-то требовалось, но свои пожелания излагал с пулеметной

скоростью, причем одновременно на немецком, русском, английском, испанском и еще каком-то языке, который распознать не удалось, — возможно, это был марсианский. Кивнул Бинди: «Привет, пра!», обиженно сказал подростку: «А вот и не вышло, Нэймсэйк!» Схватил и мгновенно с хрустом умял румяное яблоко (предназначавшееся именно для него, но не в таком же темпе!), так же мгновенно, но благонравно вытер салфеткой губы и рожицу, улыбнулся столь чарующе, что бабушка с прапрапрабабушкой растаяли от умиления, — и, воспользовавшись этим, потащил Жанну в направлении детского городка.

Когда она сообразила, что подверглась похищению, между ней и Бинди-Шванхильд было уже метров двадцать. С внезапным испугом оглянулась — но старушка и странный мальчик беседовали, как лучшие друзья, не обращая на нее ни малейшего внимания. Вот уж правду говорит мама: «Шо старэ, шо малэ»...

Жанна изо всех сил встряхнула свое чувство тревоги, отчего-то ожидая, что оно заговорит. Но чувство молчало как убитое. Оно, конечно, право: ну что случится вот здесь, на этой площадке и посреди дня?

Да и в любом случае сопротивляться наимладшему все равно невозможно...

Остановились возле дерева на дальнем краю площадки. Там ждали давешние шестилетки во главе со смуглой девочкой, у которой уже глаза были на мокром месте. Она залопотала по-испански — Жанна понимала ее через два слово на третье, но Саня частью перевел, частью сам объяснил: тот большой парень, Токайо, оказывается, помог им вправить «стрекозаврику» крыло и пообещал, что теперь-то игрушка будет летать правильно. А стрекозаврик

снова полетел неправильно, заметался туда-сюда, врезался в крону вот этого страшенного дерева и исчез там. Совсем его не видно. Может быть, даже разбился. И не залезть туда никак.

Дерево, к счастью, оказалось вовсе не таким страшенным. Ах, извини, дорогое и красивое, за то, что ты сегодня надето. Эх, бабушка, где твои тридцать восемь... Ох, вот они. Все с тобой. Но как по деревьям лазать, тело еще помнит.

А вот и стрекозаврик. Шестикрылый, как серафим. Целехонек, просто застрял в развилке. Жанна, тронув его пальцем, включила функцию «полет» — и отправила зажужжавшую, засветившуюся игрушку в проем между ветвей навстречу восторженным воплям детворы.

Посмотрела ей вслед. Сквозь этот проем пустой бегунок рядом со скамьей было видно, а вот само «*ЕЕ* место» — нет, его закрывали ветки. Зато хорошо получалось рассмотреть место прямо перед ним, где стоял тот парнишка. Должен был стоять. Сейчас там пусто.

Большой парень, который дважды доставал стрекозаврика из зарослей и вправил ему вывихнутое крыло. Токайо. Это для той испаночки было сказано. А раньше, подбегая к ним, внук его назвал, кажется, по-английски...

— Сань!

— Чего? — «Алекс-наимладший» уставился на Жанну в негодовании: его душа и тело рвались за стрекозавриком, который сейчас выписывал над площадкой ровный круг.

— Этот взрослый мальчик — ну, который помогал вам...

— Наменсбрудер?

— Как ты его назвал?

— Ба, ты что, немецкий тоже забыла? — В голосе внука явственно прозвучали покровительственные нотки. — Тезка же! Ну все, я занят...

И убежал.

Тезка. Жанна попыталась нашупать ногой опору внизу, не нащупала. Перехватив горизонтальную ветвь двумя руками, повисла, как на турнике, сделав ноги стальными для прыжка.

Тезка. *Namesake*. Если для испанской девчушки — *Tocayo. Namensbruder*, брат-по-имени...

По имени Алекс.

Спрыгнув, Жанна сразу окинула взглядом всю площадку. И, нещадно честя себя всякими памятными с детства словами, ни на один из европейских языков не переводящимися, прислонилась к стволу дерева.

Все хорошо. Вон он, внук, несется за летающей игрушкой, прыгает через ограду песочницы, и дела ему нет ни до каких тревог. Вон она, старушка, сидит все там же, на скамье-кресле.

Ведь все хорошо! Что это ей, дуре, дуре, дуре, вдруг подумалось...

Если уж на то пошло — вон и он, тот парень, в десятке шагов отсюда. Ну да, пускай Алекс. И что из этого? Не только в их семье Алексы встречаются! Сидит на корточках, разговаривает с девчонкой чуть помладше себя, тоже в стиле кляйдеркарта одетой, да и ладно: Жанна, слава богу, этим тинейджерам не мама и не бабушка. Еще не хватало... Пусть хоть в рванине ходят, если у них такая мода, хоть вообще голые...

Стояла, прижимая ладонью бешено колотящееся сердце, успокаивалась понемногу. Вот же дура...

— А Густав и Нотке тоже с тобой? — звонко спросила девочка.

У нее был сходный говорок. А, вот в чем дело: это просто диалектизм какой-то, Жанна его тут порой слышала — правда, все больше у стариков, той же Бинди хотя бы.

— Нет, — «тезка» помотал головой. — Им сюда ходу не было, это я их навещал, в Гарбсене и на улице Лейбница... Но только первые пару лет. А потом их и там не стало. У них ведь все по-другому, они же по юнгфольковскому обряду, черному...

— А ты, значит, иначе, — не спросила, а констатировала его собеседница.

— Иначе. Без обряда без всякого вообще. Это на самом деле нетрудно. Просто взять и остаться снаружи. За вас за всех — чтобы каждому хорошо и надолго. Ну и зажмуриться напоследок тоже разрешается. Остальное уже мелочи, если знаешь как.

— Надолго... — задумчиво произнесла девочка, — и вправду.

Паренек коротко глянул на нее — и тут же уставился в землю. Густо, свекольно покраснел:

— Я... это... Ну ладно, да, на тебя я особо загадал. А что, нельзя было? Скажешь — нельзя?

— Не скажу, — девочка в платье стиля кляйдеркарта вдруг засмеялась, как колокольчик прозвенел. Потянулась к «тезке», взъерошила ему волосы — он отшатнулся от нее так, что чуть не упал, и покраснел еще больше, хотя вроде некуда было. — Не скажу, дурачок. Ну, пошли!

Они разом, словно бы единым слитным движением, вскочили с корточек и, держась за руки, легконого зашагали прочь с детской площадки.

Жанна не смотрела им вслед, она и слушала-то их вполуха. Бинди-Шванхильд, откинувшись на высокую спинку, неподвижно сидела в своем

кресле, Саня, наимладший, вместе с испаночкой, снова поймавшие стрекозавра, бурно спорили о его летных качествах, светило солнце, прогулочного времени оставалось еще целых тринадцать минут — и все было хорошо.

СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

СВЕТ ЖИЗНИ

Это был старый дом. Построили его еще в начале прошлого века. Он успел побывать и ночлежкой, и обычной больницей, и даже военным госпиталем, а несколько лет назад стал тем, чем давно хотел быть — родильным домом. Посеченные временем старые стены недавно заново отштукатурили и покрасили какой-то удивительно светлой розовой краской, и теперь дом стоял опрятный и нарядный.

В нескольких десятках метров от проходной к забору, окружавшему дом, пристроилась торговая палатка. Сначала дом невзлюбил ее. За то, что в шесть утра прямо под окнами начинали рычать моторами ранние машины с товаром, за то, что по ночам около палатки громко ссорились пьяные покупатели.

Но однажды к ней подъехала потертая «Газель». Дом снова нахмурился: еще водки привезли, что ли? Но нет — из машины выпрыгнули трое веселых парней, один тут же взялся за стремянку, второй сунулся в окошко к продавцу:

— Мы из «Света жизни». Вас предупредили, что приедем сегодня? Отлично. Тогда распишитесь вот здесь.

Рядом с палаткой раскинуло свои высохшие ветви давным-давно погибшее дерево. Дом помнил те годы, когда оно было еще зеленым, но с тех пор прошло немало лет. Теперь дерево стало людям не нужно, и его давно хотели срубить, да все никак не доходили руки. Разве что окрестные собаки находили в нем известную прелесть.

И вот теперь отыскалось для старого дерева настоящее дело. Троица сноровисто и бесстрашно ползала по высохшим веткам, опутывала их гибким прозрачным кабелем. Дом косился неодобрительно, эта суетливая работа казалась ему кощунственной.

Когда парни закончили, бригадир снова постучался в окошко:

— Принимай работу, затворник. Розетка есть? Нет?! Что ж ты молчал? Ладно, сейчас сделаем...

Несколько минут неразборчивого бурчания и стуков у задней стенки палатки показались дому вечностью. Наконец:

— Включай...

И дом сразу простил все и парням из «Света жизни», и продавцу из палатки, и даже ее хозяину, неопрятному крикливому армянину. Потому что дерево, оплетенное странным кабелем, неожиданно вспыхнуло, по мертвым сухим веткам побежали, словно живые, маленькие светящиеся огоньки.

— Ну как, — радостно хлопнул по плечу выскочившего посмотреть продавца бригадир. — Сойдет?

— Красиво.

— Еще бы! На том и стоим. Ну, бывай...

«Газель», напоследок дружелюбно фыркнув мотором, уползла за поворот. Продавец вернулся в свое баночно-бутылочное заточение, щелкнул невидимым дому тумблером. Дерево погасло. Но вечером, как только опустилась темнота, оно засветилось снова. И с тех пор дом с нетерпением гнал солнце,

как праздник ожидая каждый новый вечер. Пациентки, гуляя по дорожкам небольшого парка перед домом, часто засматривались на светлое дерево.

А потом зародилась традиция.

— Ребята, ребята, ну, замрите же! Нет, я так не могу. Витька, что ты все время дергаешься?!

Под деревом фотографировались на память, обычно все трое — молодой папашка и счастливая мать с вопящим свертком. А то и с двумя — бывало и такое, редко, но бывало. Дому льстило, когда он попадал в кадр, он старался приосаниться, принять официальный вид. Дом часто представлял себе, как кусочек его южной стены, размноженный в тысячах снимков, стоит на полках шкафов, трюмо, каминов или покоится в талмудах семейных фотоальбомов.

Дом многое мог бы порассказать. В его стены, бывало, заходило и горе, случалось равнодушие, когда молодухи, нимало не смущаясь, парой росчерков подписывали какие-то бумаги, легко и быстро отказываясь от самого дорогого. Тогда дом хмурился, горбился под тяжестью лет, а главврач снова писал в мэрию о необходимости выделения средств на ремонт. Но счастья, великого женского счастья, изо дня в день переполнявшего дом от края до края, за все это время накопилось столько, что дом быстро приходил в себя, расправлял кирпичные плечи, пытался руками-балками прикрыть своих пациенток от всех невзгод. С каждым криком ворвавшейся в мир новой жизни дом молодел еще больше, и главврач забывал о письмах, мчался в «детскую» и наслаждался многоголосой перекличкой, будто новоиспеченный отец.

Отцы вообще были у дома любимыми гостями. Он, как заправский коллекционер, собирал маленькие безумства благодарных своим подругам мужчин. Вот буквально три недели назад, в самый

студеный январский вечер, когда у Гали Лавейкиной вот-вот должны были начаться роды, дом очень огорчался про себя, что Саша, Галин муж, куда-то запропастился именно сегодня. Не ходит по приемному покою из угла в угол, как обычно, не пытается задарить извечными шоколадками и коробками конфет сестер и нянечек. Галя очень нравилась дому, спокойная, ласковая девушка никогда не гоняла понапрасну медперсонал и с тихой затаенной радостью говорила о предстоящем появлении Лавейкина-младшего.

— Мы с Сашей хотели мальчика, — весело объясняла она своим соседкам по палате. Дом слушал. — Даже имя уже придумали — Никита. И представляете, вчера на УЗИ мне говорят: точно мальчик! Как здорово!

Галю увезли в десять сорок. Только через семь сложных, изматывающих часов врачи смогли устало улыбнуться под масками — Никита негодующим воплем оповестил мир о своем рождении. Измученной Гале показали сына, и она, счастливо кивнув — ни на что другое сил уже не осталось, — заснула. А Саши все не было, и дом окончательно рассердился на него.

Зато утром он все понял и даже немного покорил себя за недоверие. Напротив Галиной палаты за ночь расцвел великолепный розовый куст. На самом деле, конечно, это был шиповник, зябко прячущий свои ветви от пронзительного январского ветра, но изобретательный Саша к каждой веточке ухитрился привязать пурпурную розу. Он трудился полночи, на весь шедевр ушло больше полусотни роз, но зато когда Галины соседки увидели утром это чудо, они, не сговариваясь, помогли ей подняться и подвели к окну:

— Смотри, Галка...

Галя расширившимися глазами смотрела и молча улыбалась. А внизу пламенел на фоне ослепительного снежного поля куст и размахивал руками безумно довольный Саша. Недалеко от него топтался и ворчал охранник:

— Ну нельзя же... Вот, господи прости, непоседы. Посещения с трех до шести. Э-эх... Да что говорить.

Дом прекрасно знал: грозные с виду охранники в черных комбинезонах только делают вид, что гоняют с территории роддома посторонних. Во-первых, это просто бесполезно. Новоиспеченные отцы хуже тараканов — пролезут в любую щель. И никакие преграды их не остановят. Один, помнится, нанял в трамвайном парке машину с подъемной площадкой, что используют для ремонта проводов. Подогнал ночью к стене да и перелез через забор. Попробуй таких останови. А во-вторых, каждый охранник когда-то и сам был в такой ситуации. Понимать должен.

Да и вреда-то никакого. В палаты их все равно не пустят — там врачи встанут намертво, а под окнами пускай перекрикиваются. Лишь бы не в тихий час.

— Катя! Ка-атя! Я! Тебя! Люблю!

— Ташка! Эгей! Гляди сюда!

Дом посмотрел тоже. Надо же! Этот уже памперсы-чепчики успел купить — вон размахивает! Заботливый. Главное, чтоб не переборщил. И ничего не перепутал. А то конфузов в этих стенах случается миллион... Один вот накупил преогромную кипу памперсов, приволок в роддом, размахивал перед всеми. Врачи — люди хоть и всякого навидавшиеся, но все же сердце у них доброе: так никто и не сказал донельзя довольному отцу, что купил он не то. Памперсы те были на годовалого ребенка, новорожденного целиком завернуть можно. Раза полтора, а то и два. Ну ничего. Разберется по ходу дела.

Но иногда дом все-таки ругал счастливых отцов. И снова обижался на палатку. Предприимчивый хозяин, быстренько смекнув выгоду местоположения своей собственности, наводнил полки ходовым товаром. Вместе с обычным ассортиментом пиво-сникерс-дирол на витрине появились стограммовые пластиковые стаканчики с водкой. Кто-то в свое время метко прозвал сей продукт русским йогуртом, то ли за похожую форму упаковки, то ли еще за что-то неведомое... Товар сразу пошел хорошо — будущие и уже состоявшиеся папаши нарасхват разбирали этот нехитрый подогрев. Дом этого очень не любил.

Но приходил день, когда смущенный от внимания, обуреваемый противоречивыми чувствами папаша забирал из роддома жену. И глядя, как он суетится вокруг, как заботится, чтобы она, не дай бог, не замерзла, чтобы не поскользнулась, дом прощал ему и кислый запах, и нетвердую походку. Пусть...

В ту ночь дом чуть не прозевал большую беду. День выдался счастливым, целая дюжина новых граждан появилась внутри его розовых стен, и дом расслабился, понадеявшись, что все плохое, по крайней мере на сегодня, уже позади. Но в двадцать три сорок «скорая» привезла новую пациентку, Анечку Ромашину. До самой двери приемного покоя ее провожал, крепко держа за руку, муж Вадим, суетливый бородач баскетбольного роста. Он бы пошел и дальше, в родблок, может, даже и рожать бы с ней остался, но врачи не пустили. Оставалось только нервно расхаживать из стороны в сторону по приемному покою, поскрипывая на поворотах вымытым до блеска линолеумом.

А дом насторожился. Лица врачей после первого обследования Анечки показались ему чрезмерно

озабоченными. Что-то было не так. Что-то им не нравилось. Старший акушер Роман, дежурный по отделению сегодня, коротко бросил:

— В третий бокс. Срочно!

Санитары чуть ли не бегом повлекли в патологию каталку с растерянно улыбающейся Анечкой. Роман заспешил следом, на ходу отдавая короткие приказания сестре:

— Вызовите Александмитрича. Знаю, что не дежурит сегодня! Что с того?! Звоните домой!

В родблоке поднималась суматоха. Спокойное ночное дежурство оборачивалось нешуточной операцией. Дом прислушивался к торопливым переговорам врачей: с каждой минутой они становились все более тревожными.

Через два часа приехал Александр Дмитриевич Крепин, акушер с тридцатилетним стажем, быстрым шагом прошел в патологию и тоже надолго застрял там. И вот уже пятый час из-за матовых створок третьего бокса слышались только рубленые короткие фразы, прерывистый писк кардиографа да тревожное позвякивание инструментов. И не было лишь одного звука, которого дом так ждал, — столь знакомого, привычно негодующего первого крика.

Измученный неизвестностью Вадим бросался к любому человеку в белом халате, появляющемуся из-за распашных дверей.

— Что? Что там?

— Успокойтесь, все будет нормально. Врачи делают все возможное.

Дом содрогнулся. Вадим не знал, конечно, всю безысходность этой фразы, поэтому немного успокоился, перестал мерить шагами узкий коридорчик, присел на краешек кушетки.

Когда врачи начинают заранее оправдываться — жди страшной, непоправимой беды. Это

дом усвоил четко. Сколько их было, этих наполненных беспомощностью и горем одинаковых диалогов:

— Доктор! Все в порядке, доктор?!

— Извините, мне очень жаль, но я...

— ЧТО??!!

— Я должен задать вам вопрос.

— Ка... какой?

— Кого спасать — женщину или ребенка?

Каждый такой случай дом помнил наизусть. И не хотел, страшно не хотел вспоминать еще один. Он собрал всю свою силу, всю радость, весь оптимизм, что копил годами в глубине мощных стен и толстенных перекрытий, и выплеснул в третий бокс. Туда, где трое усталых, измученных врачей боролись за жизни, ДВЕ жизни. И руки у них уже готовы были опуститься.

Распашные двери хлопнули снова. Вадим вскочил. Почерневший и осунувшийся от усталости Крепин, на ходу стягивая резиновые перчатки, встал у открытого окна. Достал трясущимися пальцами пачку сигарет, нервно закурил. После второй жадной затяжки он обернулся к Вадиму, который так и не смог вымолвить ни слова.

— Все в порядке. У вас мальчик. Красивый, здоровый мальчик...

— А как... как Аня?

— Она спит. Роды трудные были, ей надо отдохнуть.

А на улице ветер мотал из стороны в сторону засохшие ветви старого дерева. Казалось, огоньки светового шнура затеяли какой-то одним им известный танец, как непоседливые светлячки теплой крымской ночью. В этой суматохе никто, конечно, и не разглядел бы, как на одной из дальних веток пере-

стал тревожно моргать и загорелся чистым ярким светом один из огоньков. Еще секунда — и рядом с ним ослепительной белой точкой вдруг вспыхнул другой, поменьше.

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

БЕГСТВО ИЗ ПАСТОРАЛИ

Меня зовут Майя, мне тринадцать лет, и мне нравится мальчик из дома напротив.

Не подумайте ничего плохого. Мы просто дружим. Ни у него, ни у меня нет других друзей. Просто мы странные, а странные люди всегда тянутся один к другому — тем более здесь, на скучной планете зануд-виноградарей.

Я единственная дочь в семье из пятнадцати мужчин и мамы, и за мной есть кому присматривать и блюсти мою мораль, даже если я сама не захочу этого делать. Так что я еще даже не целуюсь. И вообще, мальчишки — такие дураки! А некоторые из них — еще и дураки приставучие.

Все, кроме Акселя. Ну, он просто особенный. А остальные...

Когда пахаренок Рбышек с Надуванчиковой улицы решил со мной подружиться и не стал давать мне проходу, я даже немного испугалась. Пахари, даже маленькие, все равно очень здоровые и сильные. Слушать Рбышек ничего не хотел, и мне впервые в жизни стало не по себе. И тут оказалось, что иметь такую уйму братьев вовсе не плохо. Троица близнецов — Олле, Милле и Клаус, третья в семье репродуктивная волна — вздула непонятливого ухажера так, что теперь он и вовсе дружит с одними только мальчиками, а на девочек и смотреть забыл.

А ведь ему совсем скоро придется-таки жениться и зачать детей.

Впрочем, кто его станет спрашивать? Женят на подходящей ему девчонке из их, пахарей, рода, и в положенное время она родит ему положенное число детишек. Сколько — будет видно. Планетарный совет ежегодно пересматривает нормативы деторождения — в зависимости от прогнозов на урожаи и перспектив межзвездной торговли на десятилетия вперед.

* * *

Моя мама вошла в детородный возраст в трудный для Скоруса год. Столичные аналитики предсказали бум на вина со Скоруса через четверть стандартвека и не ошиблись в прогнозе. Умники из университетов метрополии распространили по райцентрам и весям вакцину-мутаген, и все женщины фертильного возраста стали беременеть тройнями и вынашивать их в рекордные сроки — всего за полгода и безо всяких отклонений у новорожденных.

Насчет отклонений я могла бы, конечно, поспорить — кому, как не мне, знать своих бестолковых слабоумных братьев, — но я, наверное, просто придираюсь. Непросто быть единственной девчонкой в большой мужской семье. Это сейчас, повзрослев, они обо мне заботятся — а когда братья были поменьше, жизнь моя была сущим адом.

Сейчас она все еще остается адом.

Маме тогда пришлось постараться. Пятнадцать пар умелых рук и столько же пар плоскостопых ног стали вполне себе весомым вкладом одной женщины в отчаянно нуждавшееся в свежих силах виноградарство. Отдав долг родине и обеспечив отца

неслабым подспорьем к старости, мама сделала подарок себе.

Зачала и выносила девочку.

Так что я в семье самая младшая. И теперь, когда опека братьев становится настолько же невыносимой, насколько невыносимыми были еще совсем недавно их непрекращающиеся проказы, я начинаю сомневаться в том, что мне удастся когда-нибудь выйти замуж по любви. Тем более — за виноградаря.

Для этого я слишком умная. О-очень умная. Раньше таких, как я, называли чудо-детьми. Сейчас, в эпоху всеобщей функциональности, — генетическим браком. Как бы то ни было, меня такое положение дел вполне устраивает. Зовите хоть горшком. От меня не убудет.

К тому же мальчик, который мне нравится, вовсе не виноградарь.

У него непослушная копна рыжих волос, большие ступни, огромные кулачищи и пара самых прекрасных глаз в мире над красным носом-картошкой.

Он — клоун. Хотя ума не приложу, как лесбипара из агротехника и генинженера умудрилась завести себе такого странного малыша. Возможно, на самом деле все просто и виной всему — запутанные отношения взрослых между собой, и я просто еще слишком мала, чтобы в этом разобраться.

Но вопрос, что делать клоуну на аграрной планете, никак не дает мне покоя.

А что на этой планете делать мне?

* * *

Я девочка.

Мои ноги и руки почти настолько же функциональны, как руки и ноги моих братьев. Почти — но не совсем. Да, у меня примерно такие же широкие

стопы, и — да, пальцы моих рук только немного короче, чем у мужчин нашей семьи. Обоняние лишь чуть-чуть менее острое и позволяет определять время брожения вина с точностью до полусуток. Но этих «почти» и «немного» как раз хватает для того, чтобы я оставалась балансировать на самой границе понятия «функциональность».

У женщин в профессионально-специализированных родовых подвидах вроде нашего одна роль. Зато основная и главная. Рожать новых специалов.

И мне иногда кажется, что лучше убить себя, чем всю жизнь по команде из столицы рожать новых и новых виноградарей. Я смотрю на свою маму, а вижу свое будущее.

Это ужасный узкий коридор всеобщей — на весь остаток жизни — предопределенности существования.

Не хочу.

Это нежелание совершенно нерационально. Непонятно, как эта поведенческая аберрация прокралась в мою генетически настроенную психику.

Но так случилось.

* * *

Виноградари — мультипримитивы. Представители этой спецветви человечества более специализированы, чем, например, пахари или корчеватели, и стоят в специализационно-функциональной иерархии нашего мира на одной ступени с хлеборобами или фруктоводами. Но родители странного пацана, живущего через дорогу от нас, высокоспециализированные полиуниверсалы, забрались по этой лестнице куда выше нас.

Это не их заслуга. В обществе, члены которого суть продукты генетической инженерии, сложно

говорить о чьих-то заслугах. Наше место в общественной структуре запрограммировано нашими генами. Точка. Ни вверх, ни вниз сместиться не удастся — не позволит четкая упорядоченность ячеек клетки из генетики и обреченности, в которой все мы живем.

Падение со своего яруса иерархической пирамиды вполне себе возможно — если обнаружить свою абсолютную нефункциональность и бесполезность на том месте, которое еще при зачатии тебе указали законы евгеники, общественные потребности и та рулетка, которая разбрасывает мятущиеся во мраке небытия сознания по телам из плоти, крови и достижений генетической инженерии.

Лентяев, лузеров, неумех и прочий генетический брак приспосабливают к общественно полезным работам, в которых специализированность не важна. Кто-то же может помогать спецам-дворникам, ассенизаторам, мусорщикам. Быть на подхвате у посудомойщиков в общественных столовых, и уборщиков, и грузчиков в пунктах соцобеспечения, на складах и прочих столь же важных местах.

Роботы? Не смешите меня.

Роботы никогда не смогут заменить даже самое бестолковое из биологических существ. Самый безынициативный лежебока в тысячу раз эффективнее робота — его не надо сложнейшим образом программировать, постоянно тестировать и чинить. Кроме того, в нашем обществе функционально социализированных граждан не нужно строить заводы, чтобы строить новых роботов... Возможно, где-то именно так и поступают, но в нашем рукаве Галактики мы думаем иначе. Природа совершеннее — и одновременно проще; ее творения автономны, социально адаптированы и способны к регенерации и самовоспроизведению.

Создайте настолько же уникальных и совершенных роботов, и вы — Господь Бог. Или Мать-природа. Наши генинженеры только вносят правки в творения природы, взламывая генетический код.

В результате из универсального хомо сапиенс появляемся на свет мы — специалы. Все более и более специализированные, все дальше и дальше уходящие от исходного гено- и фенотипа.

* * *

Каждый из подвидов неолюдей идеально приспособлен к тому роду занятий, под который создавался. Рыбоводы с Океаниды плавают и ныряют быстрее своих подопечных — супертунцов и мегакальмаров, ориентируясь в глубинах планеты-океана при помощи эхолотов, в которые трансформировались пазухи их черепов. Хлеборобы Персефоны, похожие на огромные комбайны из далекого прошлого, перерабатывают солому срезанных модифицированными резцами колосьев в энергию для своих громоздких тел, а обмолоченное зерно мелют в разнофракционную муку жерновами, которые заменили им зубы, и отправляют в бездонные бункеры защечных мешков. Слепые рудокопы Гефестиона голыми руками пробивают штреки в сверхпрочных недрах своей железной планеты, за один присест вынося на поверхность по многу тонн обогащенной руды в горбах своих тел-кузовов.

Все это пугающее разнообразие не мешает нам оставаться людьми.

Мы все так же способны чувствовать, радоваться жизни и даже любить. Любить не только внутри ниши своей специализации, отыскивая избранника исключительно в среде подобных себе специалов. Человеческие особи способны скрещиваться меж

собой и давать жизнеспособное потомство. При этом пол и физиологическая совместимость для него, потомства, особенного значения не имеют. То, что может помешать полноценности взаимного удовольствия, совершенно не помеха зачатию и развитию потомства.

У единородных спецов рождаются детишки — копии пап и мам, такие же узкоспециализированные, как они сами. У гомопар рождаются исключительно мальчики или девочки, в зависимости от пола родителей. Гентехнологии им в помощь. Если, к примеру, тот же пресловутый Рбышек предпочтет в дальнейшем женской ласке сильное мужское присутствие в своей жизни — без потомства он не останется. Просто оно будет однополым, суровым и очень мужественным. Прирученная человеком лояльная генетика не даст законам природы ни малейшего шанса.

А вот каким будет потомство разноспециализированных пар — можно только гадать. Без спецкоррекции на ранних сроках результат может оказаться совершенно непредсказуемым.

За одним-единственным исключением.

Когда один из родителей — цирковой.

* * *

— Ты ведь незаконнорожденный, верно, Аксель?

— С чего ты это взяла?

Аксель повернулся ко мне, перестав таращиться в голубое, с кудряшками облаков, небо. Травинка, которую он жевал, замерла меж крупных зубов. В голубых глазах, очень ярких на белом-пребелом лице, появился неподдельный интерес.

Солнце ласково грело мою кожу предзакатным золотом лучей, было томно и хорошо. Мы с Акселем

были знакомы пару недель, примерно в одно время достигнув возраста, когда один пол начинает интересоваться другим. Он был старше меня на год.

— Мы как раз начали разбирать в школе неомендевы законы, — ответила я. — Ты не подходишь ни под один из них, сосед.

— Есть исключение, — сказал Аксель, переведя взгляд на облака.

— Клоуны, верно?

— Если точнее — цирковые, — сказал он. — Просто у большинства цирк ассоциируется именно с клоунами.

— И твоя мама...

— Моя мать — шлюха, — сказал Аксель.

Я опешила.

— Я не это имела в виду.

— А ее жена вообще не имеет никакого отношения к моему зачатию. Селия ненавидит меня. Я ублюдок. Меня нагуляли на стороне.

Он говорил это совершенно спокойно, но я чувствовала, как ненависть бурлит в его душе.

— А твой отец? Ты знаешь, кто он? — осторожно спросила я.

— Знаю, конечно. Он капитан звездолета.

— Ого.

— Мама знала толк в мужиках.

— Скучаешь по нему?

— Я его в глаза не видел, — соврал Аксель. Я по голосу поняла, что соврал. Значит, даже если лично и не встречался, точно знает, кто он и какой. — С чего мне по нему скучать?

— А что тогда к нему чувствуешь? Хотел бы встретиться с ним?

Он помолчал. Внизу, под холмом, на вершине которого мы валялись в траве и бездумно таращились в небесную синь, слаженно мурлыкали рабо-

чую песню без слов мои братья. Они и еще тысячи тысяч таких же спецов обрабатывали лозу на уходящих к горизонту виноградниках. Урожай обещал быть выше всяких похвал. Песня летела над виноградниками вслед за клонящимся к закату солнцем, привязанная к этой планете так же прочно, как ее обитатели.

— Я его ненавижу, — сказал Аксель чуть позже. Сказал совершенно спокойно. И добавил: — Значит, мы обязательно встретимся.

И я поверила ему.

* * *

Они встретились этим же летом, когда цирковой звездолет заглянул с гастролью в нашу систему. Там вышел скандал, настоящий, с битьем лиц и судебным разбирательством, но в результате Аксель получил шанс вырваться из пыльного плена нашего сельского захолустья. Он был бы дураком, если бы не воспользовался им.

— Принудительная соцадаптация, надо же, — хмыкнула я, когда Аксель показал мне копию приговора. — Коулротерапия... Лечение клоунами, что ли? Теперь это так называется?

— Угу.

— И что будешь делать?

Аксель пожал плечами.

— Летать по Галактике вместе с папахеном и его кодлой, что же еще? Адаптироваться. Восстанавливать пошатнувшееся социальное здоровье. Ну, там меня научат всему... со временем. А попервости буду, наверное, за слонами убирать в шапито или воду им носить... Надо же с чего-то начинать?

Он улыбнулся — широко, озорно, очень по-мальчишески.

— А ты знала, что цирковые — хранители знаний и генетической стабильности во всем галактическом рукаве? — спросил он потом.

Ни о чем подобном я не знала, но тут у меня в голове щелкнуло, и часть фрагментов мозаики встала на нужные места.

— Поэтому они — единственные, кто может странствовать меж звезд, да?

— Ага, — кивнул Аксель и шмыгнул своим огромным красным носом. Потом выудил из ноздри огромный — под стать носу — платок и трубно в него высморкался. Из глаз у него длинными струйками брызнули слезы, а из ушей порскнули белые мышепрыги. Я рассмеялась. — Папа научил.

— И не скажешь, что он у тебя капитан, — сказала я. — Особенно если судить по выходкам и тому, чему он учит сына.

— У каждого в этом мире свой путь, — заметил Аксель. — Кто-то должен и дурака валять. А это иногда самое сложное.

— Не грустно улетать? — спросила я, чувствуя странный — словно птицекрылка забила крыльями — трепет в груди. Там, где пристало быть сердцу.

Влюбилась я, что ли? Дудки. Не дождетесь.

— Я не могу сказать, что хочу этого всей душой, — сказал мне Аксель. — Но это то, что я должен сделать. Здесь мне не место. Хотя я буду скучать по маме.

— А по мне?

— Вряд ли, — сказал Аксель и жестко глянул на меня из-под своих густых клоунских бровей.

— Ты так говоришь, потому что нарочно хочешь меня обидеть? Чтобы я тебя возненавидела и поскорее забыла?

Он ухмыльнулся во весь свой широченный рот.

— А ты неплохо соображаешь, мелкая, — сказал он и оглядел меня с головы до ног.

Словно в первый раз увидел. Я тоже смерила его взглядом.

— А хочешь со мной? — вдруг предложил он.

Застал врасплох. Этого и добивался: вон как ехидно поблескивают глазенки, густо обведенные, как у енота с легендарной Земли, концентрическими кругами зон гипер- и депигментации кожи!

Я невольно стрельнула глазами туда, где важный толстый папаша моего клоуна в компании таких же нелепых пестро разодетых толстяков загружался в ракету, расписанную афишами Межзвездного Цирка. Толстяки как по команде уставились на меня и сделали мне ручками. Я вяло помахала в ответ, и, как оказалось, зря: они тут же разыграли комическую пантомиму, суть которой сводилась к тому, что благородный клоун вырывает свою избранницу из тисков тяготения и косности людской и уносит к звездам, даря ей свободу и счастье.

— Счас, ага, — кивнула я им в ответ с самой скептической из гримас, на которые только было способно мое не созданное для гримасничанья лицо.

— Не веришь? — печально спросил Аксель.

— Почему? — спросила я. — Верю. А потом я рожу клоуненка и отправлюсь обратно на Скорус, доживать век в позоре, среди всеобщего презрения. Тут простой мир и простые нравы. И переделать этого не сможет никто. Я принадлежу этому миру, а ты нет. И мы оба это знаем.

У клоунов, как и у остальных цирковых, нет генетической привязки к биосферам миров, на которых они родились. У них иммунитет ко всем способам биозащиты, которая призвана навсегда привязать к родным планеткам всех остальных людей. Никто, кроме цирковых, не может надолго покинуть свой

мир — спустя очень недолгое время отсутствие привычных гравитации, газового состава атмосферы, пропорций микроэлементов в пище запустят летальную программу в клетках, и остановить ее может только немедленное возвращение на родину.

Все мы — пленники своих планет.

Кроме клоунов.

Мы помолчали еще немного, переминаясь с ноги на ногу.

Потом Аксель неловко клюнул меня губами в уголок рта и, не сказав больше ни слова, зашагал к ракете своего отца, загребая дорожную пыль носками своих огромных ботинок.

Ракета прыгнула в предосеннее небо на огненном столбе, и я осталась одна среди толпы.

Чужая. Не принадлежащая миру, который был для меня родиной и тюрьмой одновременно.

И тогда я вдруг поняла, что родить клоуненка было не самой плохой в мире идеей.

Уж, во всяком случае, не хуже, чем доживать свой век в тоске и печали одиночества или — и того хуже — навязанного рационального замужества.

Я вспомнила свою маму и вздохнула.

Пора была действовать.

Я и начала.

* * *

Кто сказал, что нельзя забеременеть от поцелуя? В наше продвинутое время возможно все.

Просто абсолютно все. Надо только приложить немного усилий. А еще — знать, к кому обратиться.

— Нет, нет и еще раз нет. — Селия, отчимачеха Акселя, тряхнула головой так, что по оптоволоконным световодам ее волос рассыпались цветные ис-

кры. — Я не стану помогать тебе, девочка. Пальцем о палец не ударю.

И пощелкала у меня перед лицом своими тонкими длинными, по полторы сотни на каждой кисти, пальцами, больше всего похожими на многосуставные ноги степного паукана. На концах они истончались до неуловимого уже невооруженным глазом сечения, превращаясь в неясное марево миража. Там, где у неспециализированных особей находятся ногти, у женщины-генинженера пребывали в постоянном движении мириады невидимых наноманипуляторов, и воздух шел мелкой рябью от их вибрации.

— Я очень вас прошу, тетя Селия.

— Я не тетя тебе, — отрезала Селия. — Я знаю, что ты морочила голову моему... пасынку, но даже не помню, как тебя зовут. И уж точно не стала бы помогать тебе, если бы ты была моей родственницей. Это противозаконно. Ведь ты — несовершеннолетняя? Сейчас с первого взгляда не сразу и поймешь.

— Да, тетя Селия.

Она поморщилась, но на этот раз проглотила. Демонстрация смирения творит подчас чудеса. А у меня очень хорошо получается выглядеть бедной овечкой.

Селия вперилась в меня взглядом. Глаза у нее были очень примечательные. В каждом было несколько десятков зрачков разного диаметра. Похоже было на гроздь объективов сверхмощного микроскопа — да так, по сути, и было. Надо иметь острое зрение и очень чуткие пальцы, чтобы поймать гены за хвостики. А у Селии, по слухам, это получалось очень и очень хорошо. Во всяком случае, гораздо лучше, чем строить отношения в семье.

Я читала в старых книгах, что профессионалы, целиком отдающие себя работе, зачастую несчастны

в личной жизни. Но как быть в мире, где каждый — генетический профессионал?

Однако, как оказалось, старинное правило верно и здесь, и сейчас.

Я вспомнила, как она процедила сквозь зубы слово «пасынок». Вспомнила, что она ни разу не назвала Акселя по имени. Как это типично. Злость на изменившего партнера, принесшего ублюдка в подоле, прощенного при примирении формально, но не в душе. Ненависть к плоду чужой страсти. Подозрения, что между любовниками ничто не закончилось даже спустя столько лет...

В общем, вся та чушь, о которой пишут в сладострастных дамских романах с мускулистыми самцами на обложках. Знали бы сами авторы, что жизнь зачастую еще банальнее, чем их жалкие опусы!

Поэтому, когда я начала свою заранее заготовленную речь, я стреляла точно в цель — в разбитое, кровью и ненавистью сочащееся сердце женщины, которую обманула любовь всей ее жалкой, никчемной, никому, кроме нее, не нужной жизни.

— ...Поэтому нужно сделать так, чтобы там, — в завершение речи я ткнула пальцем в скрытое за перекрытиями и скатами крыши звездное небо, — у него было что-то, что надолго отвлекло бы его от визитов сюда. И в этом мне можете помочь только вы. Как ни крути, у нас похожие цели.

Она молчала, кивая своим мыслям.

— О боги, — устало сказала она, когда я закончила. — А я-то уж обрадовалась, что все закончилось, когда он улетел.

— Аксель будет возвращаться, чтобы навестить мать, — сказала я. — А вместе с ним почти наверняка будет прилетать...

— Ее проклятый капитан, — уставившись в никуда, прошептала Селия.

— Да.

— Нельзя давать им ни единого шанса, — решительно сказала Селия и потянулась своими призрачными руками к моему лицу. — Куда, ты говоришь, он тебя поцеловал?

— Сюда.

Я коснулась пальцем уголка рта — там, где еще чувствовалась влага слюны человека, которого до безумия ненавидела одна очень несчастная женщина-генинженер.

И вовсе я в него не влюбилась.

Какая чушь, право.

* * *

За следующие месяцы случилось многое.

Из столицы спустили директиву, из которой стало ясно, что, по прогнозам аналитиков, в ближайшие две декады Галактику ожидает небывалый, ажиотажный спрос на местные вина. Вместе с директивой прибыли контейнеры с вакциной триплодии.

Родители красавца Зардалека из соседней деревни заслали сватов к моим папе и маме. Те, польщенные вниманием не менее успешной семьи, чем наша, дали свое согласие. В две недели — к чему откладывать неизбежное да очевидное? — сыграли свадьбу. В день свадьбы, когда рекой лились вина из погребов обоих роднящихся домов, мои братья подбили Зардалеку глаз — чтоб не баловал с любимой сестренкой да не вздумал глядеть налево.

В брачную ночь я подбила Зардалеку второй глаз, приставила секатор к судорожно сжавшемуся мужскому достоинству и ласково попросила немного подождать с постельными утехами. Ему ничего не оставалось, как согласиться. К его чести, он ока-

зался верен своему слову и никому ничего не сказал.

Бедняга. Он и не подозревал всего позора, который предстояло пережить ему самому и обеим нашим семьям.

Но мне было плевать. У меня была цель, и я шла к ее достижению.

И все средства были хороши.

Скоро тест показал наличие беременности. Зардалек только скрипнул зубами и ушел с головой в дегустацию молодых вин нового урожая. В амбулатории старушка-фельдшер, похожая на гибрид клизмы, стоматологического кресла и инъектора, сделала мне прививку столичной вакцины.

— Ты в курсе, что все еще девственница, дочка? — спросила меня фельдшерица, выпростав руки-сканеры из моего лона.

— Ага, — беззаботно откликнулась я. Гормональная буря как раз накрыла меня волной довольства и благодушия. — Надо же, как в жизни случается, верно, бабушка?

— И не говори, — откликнулась та.

Наверняка и не такого еще навидалась. Ей было лет сто стандартных. Не меньше.

* * *

Через месяц ультразвук показал, что плодов в утробе — три. Зардалек скрипнул зубами снова, но стерпел и на этот раз. Через неделю мои братья намяли ему бока, подловив на возвращении от веселой вдовушки с другого края деревни.

Я успокоила их, сказав, что это наше семейное дело. Врать к тому времени я могла настолько убедительно, что сама верила своему вранью.

Мама только покачала головой и ничего не сказала. Но я видела, что она все чаще стала задумываться, с тревогой поглядывая на меня тогда, когда думала, что я этого не вижу.

К лету живот у меня увеличился до сказочного размера. Детишки — все трое, как и положено, мальчики — росли крупными. Очень крупными. При очередном плановом осмотре в межрайонном медцентре немолодой акушер, напоминающий гибрид кронциркуля с многоруким божеством одного из пантеонов старой Земли, озабоченно покачал головой и предложил госпитализироваться заранее.

— Для возможно более удачного родоразрешения, — сказал доктор, поблескивая многочисленными линзами кольпоскопов и внутриутробных сканеров, которые заменяли ему глаза.

— А могут быть проблемы? — наивно хлопая глазами, спросила я.

«Проблемы» как раз чувствительно лягнули меня в район желудка и селезенки, и я ласково погладила огромный шар живота.

— Очень крупные малыши, — пожевав кончик длиннющего уса-тестера, сказал доктор. — Необычно крупные для вашего спецподвида. И ультразвук дает странные пропорции. Нехарактерные. Боюсь, придется родоразрешать вас, сударыня, оперативным путем.

— Это как? — продолжая изображать деревенскую дурочку, спросила я.

— Разрежем и вынем, — сказал доктор. — Вы ничего и почувствовать не успеете, милочка.

Я и не почувствовала.

Потом разразился скандал, но мне было уже все равно.

* * *

Детки уродились в папу.

Крепенькие, крупные, с очень светлой, словно выбеленной, кожей, с телами, напоминавшими грушу, большими ручками и ножками, огромными круглыми головами, поросшими рыжим пушком. Вокруг глаз были круги, как у вымерших давным-давно, еще на старой Земле, енотов. Носы, похожие на красные шарики для пинг-понга, грозно сопели, когда детки дрались за мою грудь, а рты, стоило малышам всплакнуть или засмеяться, растягивались до самых ушей.

За окном палаты шеренга пирамидальных кипарисов отделяла больничный сад от раскинувшихся до самых далеких гор виноградников. Дозревал первый урожай этого сезона, и мои сородичи вместе с миллионами подобных им виноградарей готовили сборочные ящики и давильни к приему ягод, полных будущего вина.

— Селия ни за что не сознается, но я знаю, что именно она приложила свои клешни к, эхм... — Аксель не нашел слов и покраснел — так, что стало заметно даже сквозь белила кожного пигмента. — Эта стерва всегда меня ненавидела. От нее одни неприятности.

— Ты называешь своих детей неприятностями? — спросила я, безмятежно улыбаясь.

— Скорее, неожиданностями, — сказал Аксель.

Помедлил.

Улыбнулся в ответ.

В каждой из своих неуклюжих клоунских ладоней он держал по отпрыску, рассматривая их с недоумением и легким — а может, даже и не легким: кто их, клоунов, поймет? — испугом.

На душе было легко и хорошо. Душа парила высоко в наполненном теплом и солнцем небе, и ей, душе, плевать было с высоты птиургова полета на громы и молнии, которые призывали на мою непутевую голову мои братья, на мрачное пьянство отца, на то, что несостоявшиеся родственники повернулись к моей семье задом, а бедолага Зардалек, получив напоследок по шее от моих братьев — «за то, что жену соблюсти не смог!» — окончательно перебрался под теплый бок веселой вдовы...

И только мама улыбнулась мне грустно, погладила по волосам, поцеловала тройняшек в темя и покачала сокрушенно головой: «Ох, горюшко ты мое...»

— Ты ведь знаешь, что я не смогу забрать тебя с собой, — сказал Аксель.

— Конечно, знаю, любимый, — ответила я.

— Перестань называть меня так, — потребовал Аксель. — И прекрати сейчас же так улыбаться!

— Как?

— Глупо и счастливо.

— Я постараюсь, — ответила я и тут же забыла о своем обещании. — Не обращай внимания, милый. Это все травы да настои. Мать должна быть спокойной, чтобы и детишки не волновались. А тут все эти передряги... Но я спокойна как мудав.

— Заметно.

— Как мама? — спросила я.

— Понятия не имею, — ответил Аксель. — Там такая волна из-за вашей кутерьмы поднялась, что я к ней еще и попасть не успел.

— Ты навести ее. Обязательно. Не представляешь, на что готова пойти мать, чтоб ее дети получили шанс выбраться из этой...

Аксель усмехнулся.

— Я-то как раз представляю, — сказал он. — Как странно... Я маме всем обязан, а ты — этой сучке Селии. От любви до ненависти, ха!.. Навещу обеих, надеюсь, обрадуются. Мама — мне, Селия — тому, что нам с папашей теперь еще о-очень долгое время будет не до ее возлюбленной. Папаша ведь меня экспрессом с борта шапито отправил. Тебя спасать, как я понимаю. И внучат. Переживает, дедуля...

Он посерьезнел.

— Велел забрать. Сказал, клоунам в селе не место.

— А то ты сам не знаешь, — хихикнула я, припоминая все тумаки, полученные Акселем в школе и вне ее. — И как — заберешь?

— Непременно.

Я ждала.

— Когда подрастут. Ты им сейчас нужна, а там, наверху, тебе не прожить. Даже клоунам не обойти всех блокировок в генокоде. Увы. А здесь ты будешь на особом положении. Тебя будет курировать сам капитан.

— Дедуля? — я рассмеялась.

— Он самый. Продпаек, соцпакет, мультиминимум, все дела... Ну и свидания с семьей, когда только пожелаешь — вне зависимости от того, где будет гастролировать в этот момент «Большой цирк Тускарелли».

— С чего вдруг такие авансы-реверансы? — прищурилась я.

— А то ты не знаешь. Тройня же! Чтобы клоуны тройней рождались — да такого отродясь не было! Ты молодец, верно все рассчитала. Разведчики, которые инфопотоки с обитаемых миров мониторят, сразу на эту новость клюнули. Мимо такого статистического куншtюка цирк пролететь просто не смог. Аномалия же!

— Угу, — сказала я. — Аномалия, конечно.

Аксель пристально взглянул на меня. Потом расплылся в широченной клоунской улыбке.

— Вот оно что... — протянул он. — А я-то все гадаю, как же так удачно все совпало: и прогнозы на урожай, и вакцинация, и беременность твоя. А оно, оказывается, не совпало... Так?

— Я молодец? — лукаво спросила я в ответ.

— Моя девочка, — сказал Аксель и рассмеялся. — Я тобой горжусь.

Смех у него был хороший. Глубокий и грудной, без обычных клоунских взвизгов. Или это мне так казалось. Говорят, если любишь, в человеке нравится все. Но при чем здесь любовь?

А целуется Аксель и впрямь неплохо.

Талант, наверное.

* * *

— Но как? — спросил Аксель чуть позже.

— Статистика, — ответила я. — Самое слабое звено во всей этой цепочке причин и следствий — статистика. И прогностика, на этой статистике основанная.

— То есть винный бум через двадцать лет Скорусу не грозит?

Я пожала плечами, стараясь не разбудить задремавших крепышей.

— Кто знает? Вдруг генетики или агрономы расстараются? Да и вообще — детей никогда не бывает много. Пусть даже голод и перенаселение давно никому не грозят, но все эти новорожденные руки и ноги надо будет к чему-то пристроить. Войн и походов за край света в ближайшие столетия не предвидится. Время не то. Незачем, некуда, не с кем. Не будем пока загадывать, хорошо?

— Хорошо, — легко согласился Аксель. — Но ты так и не объяснила...

— У девочек свои секреты.

Я закрыла глаза. Солнышко ласкало кожу нежными касаниями лучей. Аксель терпеливо ждал. Я не выдержала и рассмеялась.

— Скажем так: я знаю человека, который знает человека, который может убедительно нашептать статистику не совсем правильные цифры. Главное — выбрать подходящий момент.

— Или, скорее, неподходящий. — Алекс покивал своим мыслям. — Подтасовка фактов — серьезный проступок. Бедная Селия. Это же надо — ненавидеть так сильно!

— Я не называла...

— Иногда имена можно и не называть. А бедной ревнивице клоуны пришлют медаль. Вот она удивится!

— Медаль? С чего бы? И за что?

— За неоценимый вклад в восполнение популяции истинных хранителей наследия Человечества. То есть нас, клоунов.

— Вас, клоунов... Поясни.

— Цирковые от цирковых не родятся. Еще один генблок, привет от мастеров со старой Земли. Ни обойти, ни объехать. Только от других подвидов. А на связи с цирковыми повсеместное генетическое табу, вот и крутятся они, как могут. Вы для них генетический банк — стабильность и видовое разнообразие, препятствие дрейфу генов, все дела... Странное у них, пращуров, было чувство юмора. Ох, странное. Одни только шуты да комедианты в роли хранителей культуры чего стоят... Ты теперь почти что наша. А Селия теперь сваха поневоле.

— Она сквозь землю провалится. А ты, стало быть, свою простушку уже обрюхатил, пройдоха-цирковой? — сощурилась я.

— По всему выходит, что так. Обидно только, что сам я об этом ничего не помню, — улыбнулся Аксель.

Мы помолчали. В окно светило солнце, играя медью Акселевых волос. Гулили на наших руках сыновья. Где-то, будь он неладен, зрел виноград.

— Ты их увидишь, — сказал Аксель. — Потом, позже. Но обязательно увидишь.

— Детей? — спросила я.

— И детей тоже. Но я сейчас про звезды, — ответил Аксель. — Ведь все дело в них, верно?

— Тебе ли не знать, мой капитан? — подмигнула я в ответ.

Все дело в звездах. Всегда и вовек.

При чем здесь любовь?

Я закрыла глаза.

Мои клоуны были сейчас со мной. Все четверо. Вот они, рядом.

Один из них как раз сейчас требовательно обхватывает губами мой сосок.

— Аксель! Немедленно прекрати!

— М-м?..

И правда — при чем здесь любовь?

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

КОМПАС НА ВЕРЕВОЧКЕ

Говорят, его можно встретить на закате между Девичьей башней и Карловскими воротами. Он похож на сумасшедшего — на обыкновенного городского сумасшедшего. У него длинные седые волосы, меховая шапка в любое время года, острый

нос, щеки в пегой щетине. Через плечо перекинут ремень лотка. Когда-то такие лоточники бродили по всему городу, ведя торговлю вразнос, теперь он один остался.

На лотке — это продолговатая коробка с бортами шестьдесят на сорок или вроде того, чтобы ее таскать, нужна особая ловкость — разложена всякая дребедень. Это старые пуговицы и пряжки от ремней, матросских и солдатских, потертые галуны от мундиров, ложки — деревянные и под серебро, складные ножи, у которых хорошо если одно лезвие рабочее, обкуренные трубки и табакерки всех видов и размеров. Не одно десятилетие (возможно, и не одно столетие) старый чудак бродит по узким улицам, предлагая всю эту рухлядь людям, которым она совершенно не нужна.

Умные люди проходят мимо, не останавливаясь, не прислушиваясь и не оборачиваясь.

Но иногда ему везет — навстречу попадается дурак...

О том, что Макаров разводится, знал весь дом. Его ненаглядная красавица имела мощную глотку. Наверняка перед свадьбой он и не догадывался, что хрупкая девочка способна командовать артиллерийским дивизионом в разгар сражения.

Соседи рассудили здраво: чужая семья — потемки, и разбираться, кто там прав, кто виноват, нелепо; оба хороши. Раз оба хороши, то и осуждать можно обоих, докапываясь до подробностей. Сосед Витька Гайдук, приятель Сани Макарова, и тот сразу не проявил нормальной мужской солидарности. Пока соседки радостно делились слухами и догадками, он соблюдал нейтралитет. Наконец Света Макарова убралась с шестью сумками тряпья и посуды. И только тогда Гайдук пошел утешать Саню.

А какое в таких случаях у мужиков утешение? Вот то-то и оно.

Не то чтобы Макаров ушел в запой, вовсе нет. Он продолжал ходить на работу и поддерживал дома порядок, не собирал у себя окрестных алкоголиков. Но ни одного трезвого вечера после отъезда Светы не было.

И странно, если бы такой вечер случился...

На окраине нравы были простые. Молодежь созревала быстро — у шестнадцатилетних уже складывались пары, после чего думать о высшем образовании было как-то неприлично. И старели тут люди быстро. И уходили быстро — потому что откладывали лечение до той поры, когда оно уже не имело смысла.

Это был мир мелких событий и конфликтов. Ивановы отправили на мусорку почти новые кресла — событие, и надо всем миром догадаться, откуда у Ивановых деньги на новые кресла. Петровы вставили стеклопакеты, Сидоровы застеклили лоджию, Васильевы привезли к себе из деревни бабку... Ивановы протекли к Петровым, Петровы повадились зачем-то лазить в почтовый ящик к Сидоровым, Сидоровы наехали колесом своего «гольфика» на клумбу под окнами Васильевых...

С одной стороны, вся эта суета выглядела пошлой и злобной. А с другой — интерес к соседской жизни все же был лучше ухода в мир американских сериалов; хозяйки, жившие на этой окраине, еще не дошли до того, чтобы знать героев сериала лучше, чем своих ближних.

Макаров вырос на окраине. До городского центра было двадцать пять минут на автобусе. Но там Макарову было нечего делать.

То есть трезвому Макарову там точно было нечего делать — не в филармонию же идти на концерт

симфонического оркестра. А пьяный Макаров, решив проехать две остановки на автобусе, банально заснул. И заехал неведомо куда, и даже, вдруг приходя в себя, ужасался пейзажу за окном и порывался выскочить.

Его выставили на кольце. В этих краях он не бывал года три точно. Память подсказала — в узком переулке вроде была то ли рюмочная, то ли бутербродная. И в самом деле, сколько можно квасить на кухне?! Надо это делать достойно, как приличные люди. Макаров пошел искать рюмочную, нашел пивной бар, встретил там одноклассника, и вместе они пошли еще куда-то. Где-то Макаров одноклассника потерял, зато дал кому-то в торец, потом куда-то бежал, где-то упал, непонятным образом вышел к автобусному кольцу и самым последним рейсом уехал домой.

В общем, прокатился взад-вперед весьма полноценно, с маленькими радостями и приключениями.

В одиннадцать часов утра Макаров был бодр и сердит — оказалось, что изгваздал кетчупом штаны и байку. Чистая байка висела в ванной, а вот чистых штанов, кажется, не было. Макаров решил, что можно быстренько застирать пятна, а потом штаны прямо на теле высохнут. Он пошел в ванную, а в ванной, естественно, увидел себя в зеркале.

У него на шее висел кругляшок на веревочке.

Макаров поднес его к глазам. Это был маленький компас: с румбами, с красно-синей стрелкой, все как полагается. Стрелка двигалась.

Макаров хмыкнул — подарочек был в девичьем вкусе, а он с девицами даже не заигрывал и ни одну не подпустил так близко, чтобы та могла накинуть веревочку ему на шею.

В дверь позвонили. Это Витька Гайдук зашел за ним, чтобы вместе ехать на работу. Они трудились

на оптовом складе комплектовщиками заказов. В эту неделю оба выходили во вторую смену, а склад был на другом конце города. Они как раз успевали вовремя приехать и пообедать в служебной столовке.

— Вот, — Макаров показал компас. — Хрен знает, откуда взялся. Может, я его где-то спер?

— А на хрена? — спросил Витька.

— Вот то-то и оно, что на хрена. И откуда?

Макаров попытался вспомнить свои блуждания и довспоминался до Девичьей башни. Когда-то давно там держали пойманных воровок и проституток, потом башню взяла в аренду студенческая корпорация, и в конце концов туда вселили городской музей истории и архитектуры. Всего этого Макаров с Витькой не знали, потому как незачем, но пивной погреб в трех шагах от башни Гайдуку был известен по каким-то подвигам. Возможно, туда одноклассник привел Макарова — в памяти обозначилась лестница с высокими каменными ступенями.

Но только это память и выдала, насчет остального сказала: а шиш вам, пока организм-кормилец не получит утреннюю дозу пива.

Пока шли в гипермаркет за пивом, сцепились с Витькиной тещей, тащившей внука в поликлинику. Потом чуть не подрались с дядей Колей Перфильевым, который нагло и свирепо требовал на опохмелку. Какой-то сволочной пацан запустил Витьке в спину обломком кирпича — ни с того ни с сего. За пацаном погнались, он попытался уйти через дыру в заборе, застрял и схлопотал пару раз по заднице. Вытаскивать не стали — пусть там поторчит, авось поумнеет. Из-за пацана чуть не опоздали на автобус — пришлось тарабанить в уже закрывшуюся дверь, а потом ругаться с шофером. В общем, рабочий день начался чудесно — чуть более бурно, чем всегда.

В автобусе Макаров с Витькой вспомнили про компас. Им стало интересно, как именно петляет маршрут. Они совместили синий кончик стрелки с буквой «N» и стали отслеживать все повороты с истинно младенческим восторгом.

Дорога занимала больше часа, и развлечение пришлось кстати, вот только в одном месте компас закапризничал — синее острие вдруг задергалось и показало куда-то не туда. Но потом все выправилось и вплоть до склада вело себя примерно.

— Хренотень какая-то, — сказал Гайдук. — Можно подумать, где-то там были залежи железной руды.

Макарова очень насмешила мысль, что такие залежи вдруг обнаружатся под кинотеатром «Экран», и на работу он прибыл в удивительно хорошем настроении.

Смена формально заканчивалась в десять вечера, а фактически — ближе к полуночи, потому что желающих выходить в ночную смену обычно было мало и начальство давало второй смене возможность малость подработать. Это бы еще было хорошо, а плохо другое: Витька и Макаров, едучи домой последним автобусом, очень старались не заснуть, но часто засыпали по уважительной причине и проезжали свою остановку. Причина была элементарная — при погрузке ящиков со спиртным они ухитрялись стянуть бутылку, а то и две, подсовывая вместо них заранее приготовленное битое стекло — треснули, мол, бутылочки при корявой разгрузке.

На сей раз они утащили свою, можно сказать, законную бутылку водки, а закуской их снабдили тетки-фасовщицы: они все очень любили Гайдука. Вовремя успев к последнему автобусу, Витька и Макаров уселись и опять стали баловаться с компа-

сом — только для того, чтобы не заснуть. И опять поблизости от «Экрана» стрелка засбоила.

— Месторождение, хрен! — развеселились они. И обсуждали эту безумную идею до самого дома.

Ночью Макарову снились какие-то шахты, вагонетки, чумазые люди (подсознание перепутало железную руду с углем). Витьке Гайдуку же снилась плюющаяся огнем домна, силуэтом — точь-в-точь египетская пирамида. Из нее текли реки расплавленного металла, а Витька стоял на островке посреди огненного озера и пытался определить его объем в кубометрах и гектолитрах.

Встретившись перед отъездом на работу, они обсудили свою аномалию уже более серьезно. Руда — это вряд ли, но какой-то засекреченный склад металлолома — вполне... А почему бы нет?

Через два дня у обоих был выходной, и вопроса, на что бы его убить, больше не стояло: они оделись поприличнее, взяли с собой Витькиного сыночка и поехали к «Экрану». По дороге сами себя убеждали, что просто валяют дурака. Опять же, нужно научить ребенка обращению с компасом. Пусть видит, что родной батя малость получше и поумнее того урода, которого живописует ребенку теща в отсутствие зятя.

Компас повесили на шею пятилетнему Гришке и отправились исследовать окрестности «Экрана». Отыскали немало: бар под названием «Матильда», фирменный магазин армянских вин и коньяков «Хайастан», еще какой-то «Винариум» — тоже явно алкогольное заведение. Заодно определили, где выход из «Экрана»: в проходном дворе чуть ли не посреди квартала. Никаких залежей железа не обнаружили — то есть ничего похожего на склад, цех или просто гору трамвайных рельсов. Оставалось

предположить безумное — руду, причем сравнительно неглубоко.

— Или бункер, набитый техникой. Мало ли что там, под киношкой? — предположил Гайдук.

— Так это какая-то оборонная хрень...

— Хрен ее знает...

— Склад оружия?

— Гришка! Гришка!!! Сань, Гришка сбежал!

Действительно — проворонили парня, причем в чужом проходном дворе.

Бегали, кричали, опрашивали местных жителей. Наконец обнаружили Гришку на улице. Он шел по тротуару, уставившись на компас, и вот-вот оказался бы на проезжей части. Гайдук поймал его в прыжке и изругал всякими хреновыми словами.

— Да ладно тебе! — призвал его к порядку Макаров. — Обошлось ведь... Ты разберись, какого хрена он убежал.

— Стрелка, — сказал Гришка. — Я по стрелке пошел.

Прикинули, откуда и куда он шел, очень удивились — парня учили следить за синим концом стрелки, а Гришка пошел туда, куда показывал красный.

— А он делал вот так, — объяснил Гришка, сжимая и разжимая кулачок. — Как полицейская мигалка, вот...

— Кто?

— Он...

— Точно... — прошептал Макаров. Красный кончик стрелки едва заметно пульсировал.

— Дай-ка его! — велел Гайдук, забрал у сына компас и размахнулся, чтобы бросить под колеса троллейбуса. Макаров перехватил руку.

— Сань, ты чего? — изумился Витька. — На хрена тебе такая холера?! Откуда ты знаешь, что это за ерунда? Может, он вообще радиоактивный!

— Отдай!

— Забирай!

Макаров схватил компас и ссутулился над ним. Витька и Гришка смотрели, ожидая, наверно, чудес и турусов на колесах.

— Что за хрень? — растерянно спросил сам себя Макаров. — Стрелка как стрелка, никакой мигалки...

— Покажь!

Гайдук тоже уставился на компас — и с тем же результатом. Но зрение у него было чуть острее.

— Есть, есть, самую малость... Гришак, а ну — ты!

Гришка забрал компас, и красная стрелка запульсировала вполне отчетливо.

— А че? Рискнем? — вдруг спросил Витька, более склонный к авантюрам, чем сосед. — Сын, ты у нас Сусанин, веди. Но недалеко! Хрен его знает, что там внутри. Пройдем пару кварталов...

Этот район города Гайдук с Макаровым знали плохо. Автобус, что отвозил их на склад и привозил со склада, шел не через центр, где оба более или менее ориентировались, а задворками и закоулками. «Экран» с примыкающим к нему гипермаркетом был географическим и культурным центром микрорайона. В трех сотнях метров от него шла объездная дорога, а за дорогой был частный сектор: окруженные садами домики разной величины и с разной биографией. Одни, маленькие, уцелели с сороковых годов, а другие — помпезные, за чугунными оградами — архитектурные маразмы девяностых.

Возле дороги Макаров с Гайдуком заспорили — переходить или ну ее на фиг. Гайдук опять вспомнил, что он в ответе за сына, а Макаров — что он хозяин

компаса. Пока ругались, Гришка улизнул, и пришлось бежать за ним с криками через дорогу. Пацаненок проскочил между машинами без проблем, а старшие чуть навеки на том шоссе не остались.

— Ну и что? — философски спросил Гайдук. — Ну и куда нас эта хреновина завела?

Стрелка, из тускло-красной ставшая почти огненной, трепетала и указывала на тропинку между двумя земельными владениями, каждое из которых имело свой забор. Пространство между заборами было не шире метра, заросло крапивой и полынью, тропинка имела в ширину сантиметров пятнадцать — как раз для ребенка.

— Столько прошли — еще немного пройдем, — решил Макаров.

Они оказались на лужайке. И вот ведь чудо — пока шли, было тихо, ступили на лужайку — сразу услышали голоса и музыку.

Там собралось маленькое общество. Сидели за столом люди, негромко пели хором песню из тех, что по телевизору не показывают. В сторонке стояла у куста девушка в длинном голубом платье и кружевной косынке. И та же девушка была на картине — эту картину, стоявшую на мольберте, писала женщина. Гайдук с Макаровым видели ее спину, завязки длинного холщового фартука, каштановые волосы, собранные на затылке в узел и заколотые жасминовой веточкой, руку с палитрой. Тут же играли дети, строили из больших разноцветных кубиков замок, прилаживали к стене флажки. Малыш на трехколесном велосипеде нарезал круги по краю лужайки и визжал от неземного восторга.

Художница повернулась и посмотрела на нежданных гостей со спокойным любопытством.

Макаров уставился на девушку, Гайдук — на художницу. И обоим казалось, будто они попали в сон,

и то не свой, а сон какого-то чужого человека, знать не знающего про окраину и окраинные нравы. Лица женщин были чисты и правильны настолько, что даже непонятно — как с ними, с такими, разговаривать, на каком языке?

Нужно было сказать что-то хорошее, приветливое, соответствующее миру лужайки, лицам этих людей, песне и картине. Макаров с Витькой вздохнули и дружно прошептали:

— Блин...

Гришка обернулся и взглянул на них озадаченно. Естественно, во дворе и дома он всяких слов наслушался, как же иначе, не должен был бы удивляться. Но во взгляде пацаненка была тревога. Как если бы взрослый, глядя на детей, забеспокоился: не натворят ли чего дурацкого в приличном обществе?

— Тебе интересно? — спросила Гришку художница, и он побежал к мольберту, раскинув руки, почти полетел.

— Гришак! — крикнул Витька. Но сын его явно не услышал, да и люди на лужайке — тоже. Сын уже стоял у мольберта, уже хватался за толстые и тонкие кисти, уже задавал свой миллион вопросов, и художница отвечала, причем использовала слова, которых Гайдук с Макаровым отродясь не слыхали. Но Гришка откуда-то эти слова знал — не переспрашивал, сам их выговаривал очень четко.

Один из мужчин, сидевших за столом, поднялся, подошел к мольберту, опустился на корточки. И он тоже заговорил с Гришкой, негромко и спокойно, улыбаясь, как родному.

— Что за хрень?.. — бормотал Макаров. — Нет, ты мне скажи, что за хрень?!

— Суки, отдайте ребенка! — заорал Гайдук.

Видимо, голос все же пробился к тем, что на лужайке. Мужчина выпрямился и посмотрел Гайдуку прямо в глаза.

Взгляд был говорящий.

— Чудак ты, право, зачем так вопить, я же все понимаю, — сказал этот взгляд. — А вот кулаки сжимать и на драку настраиваться не надо. У меня кулаки не хуже.

— Отдайте ребенка! — повторил Гайдук уже чуть потише.

— Его никто не держит. Приходи и забирай.

Витька сделал шаг и другой. Вдруг ему стало сильно не по себе — как будто он, вывалявшись в грязной луже, приперся домой, где жена Настя с тещей только что совершили ежеквартальную генеральную уборку.

— Вы это... можно к вам?.. — неуверенно спросил он.

— Конечно, можно, — ответила художница. — Если у вас компас...

— Это мой компас, блин! — вмешался Макаров. — Это я его купил!

— Эти компасы не продаются. Похоже, он к вам случайно попал, — сказала художница.

— Или Мартин послал компас мальчику, — возразил мужчина, уже вслух. — Другого способа, наверно, не было.

— Я его купил, — твердил Макаров. — Купил я его, блин!

— Чего это тебя заколодило, Сань? — спросил сильно удивленный Витька.

— Мой компас. А они его отнимут.

Такие приступы любви к собственности с Макаровым и раньше случались — мог на складе сцепиться с грузчиками, стянувшими у него пару сигарет из пачки. Но тогда Витька только посмеи-

вался над соседской придурью, а сейчас ему стало стыдно. Так стыдно, что вся кровь, сколько ее по телу гуляет, в щеки бросилась.

— Сколько ты за него заплатил, идиот?! — заорал Гайдук. — Ну, сколько? Я его у тебя покупаю! Для Гришки! На хрена он тебе сдался?! Дурак я — раньше надо было купить!

Он полез в карман, вытащил мятые банкноты и горсть мелочи.

— Ему красная цена — полсотни! На, вот сотня — и кончай дурковать! Перед людьми не позорься!

Макаров взял банкноты, не считая, и отвернулся. Перед ним была тропинка и тянула его прочь от лужайки.

— Там гораздо больше сотни, — сказал мужчина. — Гораздо больше.

— Ну и хрен с ними. Для ребенка же... — тут Витька обратил внимание, что другие малыши, оставив свой замок, подошли к мольберту. — Ну, для детишек... Пусть играют, жалко, что ли?

— Хорошо, — ответила художница. — Это повсякому начинается, можно и так... Иди к нам, хороший человек. Своим мы всегда рады.

— Может, Мартин ему компас посылал? — неуверенно спросил мужчина.

— Какая разница, Леша. Дай-ка компас, Гришенька...

Художница покрутила шпенек, нажала на кнопку, которой Макаров с Витькой не заметили. Стрелка успокоилась, огненно-алый цвет угас, теперь южный кончик был обыкновенным, тусклокрасным.

Гайдук осторожно шел по лужайке. Гришка догнал его и ухватился за руку. Люди за столом улыбались.

— Еще два метра, — сказал высокий старик. — Плюс два метра к радиусу, ребята.

— И плюс метр к высоте купола, — добавил рыжий парнишка. — Мы обгоняем всех! Ты что умеешь?

— У меня руки не из... — Витька осекся. — Ну, в общем, правильным концом вставлены. Все, что по дому... и мотор разобрать могу... и проводку!..

— А мечтаешь о чем? — осведомился старик.

— Мечтаю?! — тут у Витьки прямо дыхание перехватило. — Я?! Ну, я... я бы по компьютерной части хотел, только там ведь учиться надо, курсы какие-то...

— Курсы мы тебе подберем. Еще?

— Еще?!

— Не тормоши его, Данилыч, он еще не опомнился. Сам знаешь — трудно, когда с вонючей помойки попадаешь в цветущий сад. Все время боишься — сейчас отнимут. Очень трудно перестать огрызаться и поверить, очень... помнишь?..

— Да все я помню. Ну что же — теперь ты почти наш. Остался только испытательный срок.

Говорят, его можно встретить на закате между Девичьей башней и Карловскими воротами. Он похож на сумасшедшего — на обыкновенного городского сумасшедшего. У него длинные русые волосы, жесткими кольцами падающие на плечи, кожаный ремешок с бусинами, не дающий им падать на лоб, лет с виду — около тридцати. Через плечо перекинут ремень лотка. Когда-то такие лоточники бродили по всему городу, ведя торговлю вразнос, теперь он один остался.

На лотке — это продолговатая коробка с бортами шестьдесят на сорок или вроде того, чтобы ее таскать, нужна особая ловкость — разложена всякая дре-

бедень. Там старые пуговицы и пряжки от ремней, матросских и солдатских, потертые галуны от мундиров, ложки — деревянные и под серебро, складные ножи, у которых хорошо если одно лезвие рабочее, обкуренные трубки и табакерки всех видов и размеров. Свисают с лотка и крученые веревочки — от железных кругляшков, которые следует носить на шее.

Часто рядом с ним можно увидеть старую женщину, малость не в своем уме.

— Отдай Настю! Отдай Гришку! Я же знаю — ты их спрятал! — кричит она и отвратительно ругается. Но он, не обращая особого внимания, только отходит в сторонку.

Если спросить прохожих, часто бывающих в Старом городе, то скажут: не одно десятилетие (возможно, и не одно столетие) чудак бродит по узким улицам, предлагая всю эту рухлядь людям, которым она совершенно не нужна. Это честный ответ — им так кажется.

Умные люди проходят мимо, не останавливаясь, не прислушиваясь и не оборачиваясь.

Но иногда чудаку везет — навстречу попадается тот, кто ему нужен.

И вскоре один из куполов, разбросанных по всей Земле, становится чуть шире и чуть выше...

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

ФОНТАНЫ ЭНЦЕЛАДА

Картина за иллюминатором завораживала. Здесь, вблизи, Сатурн вовсе не выглядел шариком. Желтополосатая стена его заслоняла добрую треть обзора. А другую треть, нижнюю, загораживали подсвеченные лучами солнца, кажущиеся плотными — твер-

дыми! — кольца. Кораблик полз между этих двух плоскостей, словно мушка, угодившая в громадную коробку. Айша знала, что десятки тысяч километров отделяют их от верхней кромки облаков, но разум отказывался соглашаться. Казалось — планета рядом, чуть-чуть, и они свалятся на нее.

Она спохватилась, что смотрит в иллюминатор, приоткрыв рот. И пилот, мальчик совсем, поглядывает на нее, пряча усмешку в уголки губ. Еще бы, звезда гипер-ТВ, знаменитая киноактриса ведет себя как девочка, первый раз попавшая в космос. По правде говоря, так далеко от Земли она действительно оказалась впервые. Но знать об этом поклонникам «Галактической миссии», «Перекрестка Вселенных» и прочих космосаг, в которых она снималась, необязательно.

— Впечатляет, — Айша постаралась придать голосу снисходительный оттенок. — Как будто мы попали в обитель гигантов. Или древних богов!

— Да ничего особенного! — отмахнулся пилот. — Вот если бы мы пролетали над северным полюсом, было бы на что посмотреть. Ураган в форме правильного шестиугольника, и каждая сторона его больше диаметра Земли — можете представить? Причем ураган не прекращается с тех пор, как его обнаружили в конце двадцатого века.

— Ого! Ничего, мне и так впечатлений хватает.

— Не жалеете, что прилетели в нашу глухомань?

— Ни капельки! Даже если потребуется немедленно возвращаться на Землю и я больше ничего не увижу, все равно не пожалею, что потратила эти три месяца!

— Зачем вам улетать так скоро? Вы еще Титан посмотрите. И не только с орбиты, но и походите по нему, увидите, как буровую запустят... — Парень осекся, заметив на приборной панели мигающий

огонек внешней связи. Предложил смущенно: — Может, спуститесь в пассажирский отсек? Там вам будет удобнее. До Титана нам восемь часов лететь.

Ясно, боится схлопотать нагоняй от начальства. Не положено пассажирке, хоть и VIP-персоне, в пилотской кабине находиться.

Айша капризно надула губки.

— Но я оттуда ничего не увижу!

— Так пока и смотреть нечего...

— А потом? — она мигом ухватилась за его оговорку. — Позовете, когда будет на что смотреть?

— Да, обязательно.

Транспорт «ТР-20», прозванный «слоником» за гибкий манипулятор в носовой части, следовал от «Кассини», главной базы в системе Сатурна, к Титану. Точнее, к «Титану-Орбитальному» — с грузом оборудования для монтажа бурильной установки и сопровождающими груз техником и кибероператором. «Слоник» стал неожиданной и приятной оказией, подвернувшейся буквально на следующий день после прибытия Айши на «Кассини». Иначе рейс лунолета пришлось бы ждать неделю. А время поджимало, за выкроенные три месяца отпуска хотелось увидеть как можно больше. Месяц съела дорога от Земли до Сатурна, обратная — съест почти полтора. И будет обидно, если кроме базовой станции она ничего не увидит. Разумеется, есть обсерватория «Гюйгенс», орбитальные станции Реи и Дионы. Но попасть на «Гюйгенс» было еще проблематичнее, а крошечные научные лаборатории вряд ли окажутся достаточно интересными. «Слоник» подвернулся очень кстати.

Отпускать только-только прилетевшую звезду руководство базы не хотело категорически. А как же творческий вечер?! А раздача автографов? А торже-

ственный ужин?.. и т.д. и т.п. Айша пообещала, что все это будет обязательно — когда она вернется с Титана. В конце концов, она летит не куда-то, а к героям, готовым пробить ледяной щит и разгадать величайшую тайну Солнечной системы!

Начальство сдалось, отпустило. Не одну, понятное дело. В сопровождающие навязали штатного психолога базы, Ольгу Волеву. Все бы ничего, но психолог явно не была поклонницей артистического таланта Айши. Ничего, недельку потерпеть можно. И не таких терпела.

Пассажирский отсек «слоника» был крошечный, меньше, чем каюта лайнера «Гелиополь», доставившего Айшу с Земли. Четыре кресла, рядом с каждым — откидной столик. И все. Даже иллюминаторов нет. А, еще за креслами в углу санузел размерами метр на метр, — хорошо, хоть на звукоизоляцию не поскупились.

Впрочем, восемь часов — это не месяц путешествия. Айша прошла к своему креслу, уселась. Подумала, опустила спинку, переводя сиденье в режим дивана.

— Что там, наверху, интересно? — тут же осведомился техник, дядечка лет сорока, с чисто выбритой головой и смешливыми морщинками вокруг глаз, упрямо требовавший, чтобы его называли «просто Саня». Саня так Саня, Айша не спорила. Маленькая собачка до старости щенок. А техник был маленький, макушкой едва доставал ей до подбородка.

— Да, занимательно, — согласилась она.

— Занимательно будет минут через сорок, как рядом с Энцеладом пройдем, — бросил реплику кибероператор Янек, не отрывая взгляда от электронной читалки. Был он на голову выше товарища и лет

на десять-двенадцать моложе. Однако очень уж заурядный. Когда знакомились, кибероператор представился по полному имени и фамилии, но Айша не запомнила. Саня называл его Янеком, пусть так и останется.

— Что ты увидишь с высоты? Криогейзеры разве что. Ледок бы на нем ковырнуть. Эх, не там мы бурить собрались! Не там ищем!

— А что нужно искать на этом спутнике? — удивленно взглянула на техника Айша.

— Как, вы не знаете? Наши умники две сотни лет спорят, из-за чего его недра сохраняют активность, а не промерзли насквозь, как у собратьев. Он же крохотный, ему ни либрация, ни орбитальный резонанс не помогут.

— У тебя, разумеется, есть гипотеза, — хмыкнул кибероператор.

— Есть. Но подтвердить или опровергнуть ее можно исключительно изысканиями, теории да компьютерные модели тут не помогут. О Предтечах слышали? Там, подо льдом, тысячи лет лежит их космический корабль с действующим энергетическим блоком, вот! А может быть, и планетарная станция. Сидят и наблюдают за нами.

Тут уж не один кибероператор, но и Ольга Волева хихикнула. Саня обижено посмотрел на одного, на вторую. Повернулся к Айше:

— А вы что об этом думаете?

— Я? — Айша растерялась. — Наверное, я не эксперт в данной области...

— Кто же тогда эксперт, если не глава миссии гуманоидов на «перекрестке Вселенных», — прошептал себе под нос Янек. Тихо, но вполне отчетливо. Волева услышала, снова хихикнула.

Айша сердито зыркнула на кибероператора. Выходит, и этот «не поклонник»? Вот угораздило.

— Э, ничего вы не понимаете! — обиделся Саня. — Конечно, кто я такой, чтобы меня слушать. У меня ученых степеней нет.

— Ладно тебе, — примирительно возразил Янек. — Руки до всех планетоидов не доходят, мы же всего лет двадцать как в системе Сатурна обосновались. Сначала разберемся с самыми крупными лунами, потом и мелкими займемся.

— Маленькие у вас всегда в последнюю очередь, — пробурчал Саня. Опустил спинку кресла, вытянулся, закрыл глаза, намереваясь дремать.

Айша последовала его примеру. Перетерпит она эту компанию. Восемь часов всего. И не таких терпела.

* * *

Годичный контракт Ольги Волевой заканчивался через неделю. А еще через полторы она улетит на Землю в комфортабельной каюте «Гелиополя». Улетит домой, где ее с нетерпением ждут родители, Серж, а главное — ждет Инулька. Как старшему сотруднику администрации базы, ей полагались ежедневные десять минут связи с Землей. Почти все они уходили на общение с дочерью. Подумать только, Инульке уже шесть лет! Как она, должно быть, выросла за этот год. В последние дни десять минут личной связи стали самым важным делом для Ольги. И еще — ожидание отлета на Землю. Потому что все свои обязанности на «Кассини» он выполнила, отчеты дописаны, картотека сверена. Осталось передать дела сменщице и паковать чемоданы... Но руководство базы посчитало иначе.

Тем же рейсом, что и сменщица, с Земли прилетела Айша Кортес, актрисуля, звезда экранов. И с ходу возжелала посмотреть на главную достопри-

мечательность — бурильную установку на Титане. Как водится, залетной диве требовался сопровождающий, а на «Кассини» все сотрудники ужасно загружены. Кроме психолога, сдающего — но пока не сдавшего! — дела. Смуглую, идеально сложенную красотку с серебристыми волосами, умудряющуюся выглядеть лет на пять-семь моложе ее самой, хоть реально была на столько же старше, Ольга невзлюбила сразу. И не потому, что по милости актрисы придется под занавес контракта переться в командировку. На «Титане-Орбитальном» у нее не будет ежедневных десяти минут встречи с дочерью! В лучшем случае пару раз за неделю выкроят ресурсы на двух-трехминутный звонок.

Весь путь до Титана Ольга вознамерилась проспать — единственный способ не видеть актрису, сидящую в соседнем кресле. Однако исполнить задуманное не удалось.

Из дремы Ольгу вырвал сильный толчок. Подобное бывает, когда самолет проваливается в воздушную яму или мобиль внезапно и резко тормозит. Она так и подумала в первый миг. Во второй вспомнила, что сидит не в мобиле и не в самолете. В пассажирском отсеке космического корабля.

Ясное дело, толчок ощутили все.

— Это что было? — техник Саня Колобков поспешно возвращал кресло в стандартное положение.

— Может, в нас астероид врезался? — неуверенно предположила актрисуля.

— Типун вам на язык... извиняюсь.

Тряхнуло еще раз, пожалуй, сильнее, чем первый. Корпус грузовоза начал мелко, но вполне ощутимо вибрировать.

— Кажется, мы меняем скорость и направление, — тихо заметил кибероператор Янек Зенгер.

Ольга и сама сообразила — ее прижало к левому подлокотнику.

— Ох, не нравится мне это. — Колобков покачал головой. Дотянулся до панельки интеркома, включил: — Леон, ты меня слышишь? Что там у тебя?

Тишина. А в кресло вдавливало все сильнее, и к вибрации присоединился высокий, противный свист.

— Та-а-ак, — техник обвел взглядом спутников. — Думаю, надо сходить проверить, что у Леона случилось.

— Пожалуй, — согласился кибероператор.

Но встать ни Зенгер, ни Колобков не успели. Динамики интеркома ожили, прохрипели голосом пилота:

— Чрезвычайная ситуация. Из кресел не вставать, пристегнитесь. Сейчас жестко будет.

— Вот черти полосатые... — Колобков вновь оглядел спутников. Остановил взгляд на женщинах. — Пристегивайтесь, пристегивайтесь, это не шутка.

Упрашивать себя Ольга не заставила. Как могла быстро застегнула ремни, удерживающие ее в кресле. Затем повернулась к актрисе, уверенная, что та без подсказки не справится. На удивление, справилась. Не иначе, во время съемок натренировалась.

Корпус корабля продолжал вибрировать и свистеть, и хоть толчков больше не было, это не успокаивало.

— Похоже, мы падаем. — Колобков высказал то, о чем Ольга боялась подумать.

— Точнее, экстренно идем на посадку, — поправил друга Зенгер.

— Интересно, куда?

— А есть выбор?

И тут актрисуля не выдержала. Закричала в микрофон интеркома:

— Леон, Леон, вы живы?! Почему вы молчите?! Куда мы падаем?!

— Жив, жив, — ответ пришел не из динамиков, а из отворившегося люка в переборке. Пилот проворно нырнул в пассажирский отсек, захлопнул и задраил люк. Повернулся к пассажирам: — Все пристегнуты? Хорошо. А падаем мы...

Он не успел договорить. Этот удар был не чета двум предыдущим. Леона оторвало от пола, впечатало в переборку, отшвырнуло обратно, словно резиновую куклу. И Ольгу выдернуло бы из кресла, если бы не ремни, впившиеся в тело так, что в глазах потемнело и в ушах завизжало.

Нет, не в ушах и не в глазах. Это вскрикнула и тут же заглохла корабельная сирена. И освещение погасло.

— Приземлились... черти полосатые.

Ольге захотелось заорать от страха. Удержало лишь то, что актрисуля молчала.

Тускло зардели плафоны аварийного освещения. Понадобилось время, чтобы зрение приспособилось. А техник уже отстегивал ремни, поднимался с кресла:

— Целы?.. Ох ты ж!

Он кинулся к креслу актрисы. Только теперь Ольга сообразила, что там, навалившись на Айшу Кортес, лежит бесчувственное тело пилота.

— Доктор, доктор, посмотрите, что с ним.

Ольга не сразу сообразила, что обращаются к ней. Хотела возмутиться — какой же она доктор?! И сама поняла — возмущаться глупо.

Руки дрожали, потому быстро отстегнуть ремни, поднять спинку кресла не получилось. Пока справилась, Колобков и Зенгер перенесли пилота на ос-

вободившееся сиденье. И Айша поднялась, стоит, болезненно морщится, трогая пальцем набухающий кровоподтек под глазом. Не иначе, Леон лбом припечатал, подпортил актрисуле красоту.

Ольга опомнилась — что за глупые мысли в голову лезут?! Никак от стресса. Подошла, присела рядом с пилотом. Так, главное, пульс прощупывается, значит, жив. Дыхание ровное. Но в сознание не приходит. И кровь на подбородке. Будем надеяться, что пилот язык прикусил, а не сломанное при ударе ребро легкое пробило.

— Ну что? — поторопил техник.

— Видимо, сотрясение мозга. Ничего опасного, — Ольга постаралась придать голосу уверенность, — но надо как можно скорее доставить его на базу, в госпиталь. Нужно связаться с «Кассини», вызывать спасателей.

— Угу, связаться. — Колобков покосился на переднюю переборку, рядом с которой зловеще светился красный индикатор разгерметизации. — Отлетался наш «слоник», кабина удара не выдержала. Так что и навигационному оборудованию, и радиостанции каюк.

— Каюк? — переспросила актриса. — Но нас же будут искать? Нас не могут не искать!

— Само собой. Вопрос, сколько времени поиски займут. Боюсь, — Зенгер кивнул на тускло светящиеся плафоны, — система жизнеобеспечения долго не протянет.

— Ничего, здесь четыре скафандра есть, — успокоил Колобков.

— Вот именно, что четыре.

На минуту в отсеке повисла тишина. И нарушил ее опять-таки кибероператор:

— Положим, радиостанцию развернуть нетрудно.

— Ту, что в контейнере? — оживился техник. — Но она без антенны.

— Приспособим что-нибудь. Главное, вывести на поверхность.

— Стало быть, резаки понадобятся. Как думаешь, глубоко мы завязли?

— Метров пятьдесят, не меньше. Здесь же лед везде. Вошли, как нож в масло.

— Пятьдесят? Носом вниз, под углом в сорок градусов... Эх, жаль, грузовой отсек открыть не получится, он к поверхности ближе. Ну не беда, через пассажирский выйдем. В два ствола за пятнадцать минут управимся.

— Постойте! — возмутилась Ольга. — Я ничего не понимаю! Что вы собираетесь резать? Где мы вообще оказались?

— На Энцеладе. Больше падать некуда.

* * *

Янек Зенгер не любил приключения. Зато они его любили с детства. Там, где все бискупинские пацаны плавали и ныряли благополучно, он умудрился «донырнуть» до невесть когда затонувшего военного беспилотника и распахать голень о его хвостовое оперение. Именно он провалился в старую штольню и сидел там в темноте и сырости несколько часов, ожидая спасателей, когда все играли в искателей сокровищ. Дальше становилось только хуже. В тот год, когда он получил диплом кибероператора, эта специальность вдруг понадобилась аж в системе Сатурна! Ясное дело, вся их группа дружно подала заявки на соискание должности. Прослыть белой вороной не хотелось, хоть Янек уже присмотрел себе работу на горно-обогатительном комбинате в Верхней Силезии — всего два часа монорельсом от род-

ного Вроцлава. И чем закончилось? Из всей группы тестирование сдал один он, пришлось с кислой рожей принимать поздравления, паковать чемодан и на три года уматывать к черту на кулички. И вот теперь снова! Казалось бы, чего проще — восемь часов полета от одной космостанции к другой, по давно выверенному маршруту. Откуда здесь взяться приключениям? Так нет же!

С расчетом времени Саня ошибся, за пятнадцать минут они не управились. Янек засек время — на тоннель ушло двадцать семь минут. Долго! Но ничего не поделаешь, главное — пробились.

— Где-то в районе южного полюса упали, — деловито объявил Саня, едва огляделся. — Вон видишь ту гряду? Одна из «тигровых полос».

Янек не спорил. В этом вопросе мнению напарника он доверял полностью. Пусть тот и не дипломированный планетолог, зато фанат Энцелада и всего, что с ним связано. Куда важнее понять, за каким лядом они здесь очутились. Но не узнаешь пока. Леон без сознания, а больше спросить не у кого.

— Пошли назад, а то женщины беспокоятся. Пока будешь радиостанцию распаковывать, я с антенной помозгую.

— Ага, сейчас рекогносцировку проведу только.

Предусмотрительный Саня выудил из сумки бинокль, приставил к забралу гермошлема. Поводил из стороны в сторону. И вдруг охнул, подался вперед.

Янек удивленно покосился на него:

— Что, зеленые человечки?

— Следы... Там следы! — и запрыгал в сторону заслоняющей близкий горизонт гряды.

— Какого... — Янек оторопел на секунду. Спохватился, поспешил за товарищем.

Это в самом деле был след, свежий, не успевший оплыть. Словно нечто достаточно увесистое пробежало то ли на четырех, то ли на шести лапах.

— Откуда?! — Янек пораженно уставился на товарища. — На Энцеладе нет исследовательских экспедиций.

— Наших — нет, — уточнил Саня.

— Что значит «наших»? Ты хочешь сказать, кто-то прилетел сюда не с «Кассини»?

— Не с Земли. Пошли, глянем, куда он побежал.

Энтузиазм друга заражал, Янек не мог ему противиться. Так и скакал следом, успевая заботиться только о том, чтобы не поскользнуться, не ткнуться носом в рытвины, что бесконечной чередой застывших волн преграждали дорогу. И лишь когда до верхней кромки гряды осталось совсем чуть, пришло понимание — они бегут не туда. Судя по следу, незнакомец не ушел за гряду, а явился из-за нее.

Янек оглянулся. И тут же увидел неподалеку еще три цепочки следов. Они шли почти параллельно и сходились в одну точку. К свежему кратеру, выбитому в ледяном щите метеоритом.

Нет, не метеоритом. Их «слоником».

— Стой! Они...

Он не успел договорить, Саня перебил:

— Ух ты, черти полосатые! Ты глянь, что здесь!

Странный звук первой услышала Ольга. Но не придала ему значения. Во-первых, потому что звук шел снаружи. Мало ли, что там? Возможно, лед тает или, наоборот, замерзает. Во-вторых, между ними и звуком был громадный грузовой отсек. Куда важнее, что пилот так и не приходит в сознание. Если он умрет, то скафандров хватит на всех... Да что это за глупости в голову лезут?!

— Там кто-то есть. — Айша тоже услышала поскребывание. Бросилась к переборке, отделяющей пассажирский отсек от грузового, прильнула к экранчику контрольной видеокамеры. Что надеялась увидеть?

Против ожидания, увидела:

— Кто-то пытается войти в корабль.

— Мужчины вернулись, — предположила Ольга. Правда, Колобков упомянул, что открыть грузовой шлюз не получится. Но может быть, нашли способ?

— Нет, это не они. Они бы не стали резать обшивку.

— Что?! — Ольга метнулась к спутнице.

На темном экране одну деталь можно было рассмотреть вполне отчетливо. Яркую белую полосу на потолке отсека. И она становилась длиннее и длиннее. Мгновенно вспомнились нелепые гипотезы техника.

— Нужно... — Ольга сглотнула твердый комок, застрявший в горле, — мужчин предупредить. Ой... у нас же связи нет.

— Есть скафандр. Кто-то должен выйти наружу и позвать их. Иди ты.

«Да, конечно! Я быстро!» — хотелось крикнуть Ольге. Но... это было бы неправильно.

Она покачала головой.

— Нет, я останусь с раненым. Иди ты. У тебя больше опыта со скафандрами и открытым космосом.

* * *

Когда мечта всей жизни, несбыточная и наивная, внезапно исполняется — любой человек растеряется. Но только не Саня Колобков! На дне рытвины лежал космический корабль Предтеч. Он

походил на громадную черепаху с налипшими на пластинчатый панцирь полипами. Голова втянута, мощные короткие лапы вцепились в лед. В первый миг корабль показался Сане огромным. Но это было не так, близкий горизонт планетоида искажал пропорции. Едва ли диаметр «панциря» превышал десять метров. Но маленький не означает несовершенный.

— Видел? — он обернулся к догнавшему, наконец, напарнику. — А вы мне не верили! Надоело им прятаться, на поверхность выбрались.

— Это как же... Стой, ты куда?!

Саня не слушал. Янек — парень неплохой, но трусоватый, сказать по правде. Ну и пусть, тем хуже для него. Такую возможность оставить свое имя в истории проворонит.

Он перевалил через гребень и начал спускаться, перепрыгивая с борозды на борозду. Скользко, черти полосатые! С минуту ничего не происходило. Затем он заметил движение. Один из «полипов» на корпусе корабля сдвинулся. Что там, датчики слежения?

Ослепительно-яркий луч ударил в Саню. Вернее, в то место, где он находился мгновение назад. Лед взорвался облаком пара и кипятка, взвился огромным гейзером. А луч хлестнул еще и еще. Опора ушла у Сани из-под ног, он понял, что летит вниз, в разверзнутую пропасть...

Пропасть оказалась неглубокой, метров двадцать. Крошечная гравитация Энцелада не позволяла покалечиться при падении с такой высоты. Все бы ничего, если бы Саня спрыгнул, а не свалился, не успев сгруппироваться.

— Саня, ты жив? — тут же раздался в наушниках голос Янека.

— Жив, жив. Что это было, а? Ты понял?

— А чего там понимать? Боевой лазер.

— Боевой?! Но мы же им ничем не угрожали!

— Значит, агрессивные пришельцы попались. Ты оттуда выбраться сможешь?

Саня осторожно поднялся, перенес вес тела на одну ногу, на другую. Сморщился от боли.

— Нет, сам не вылезу. Ходить-то могу, но по стенке карабкаться никак.

— Ты ранен?!

— Ногу подвернул.

— Сейчас я тебе веревку сброшу!

— Не высовы...

Поздно! Луч полоснул высоко над головой Сани, над расщелиной, куда он свалился, — по гребню гряды. Сыпануло вниз замерзающими на лету каплями. Вновь полыхнуло... отчего-то не так уверенно и ярко. И второго взрыва не последовало.

— Ха. А у них, кажется, пушку заклинило.

Со дна расщелины космический корабль видно не было. Зато гребень гряды — отлично. И высунувшуюся из-за него голову напарника.

— Осторожней! — прикрикнул на него Саня.

— Да точно говорю, не стреляют, — парень привстал, потоптался на месте. — Ах ты ж...

Он замер внезапно. Попятился.

— Что там?

— Они десант высаживают.

Щеку, скулу, всю правую половину лица саднило. И глаз заплывал, не видел почти ничего. Но это не страшно, это она перетерпит. Не такое терпела.

Айша выбралась из ледяного тоннеля и замерла на секунду, ослепленная контрастом. Снизу — сверкающий лед, сверху — угольно-черное небо с россыпью звезд. Впрочем, небо не было таким уж черным, словно его подернула тончайшая серебристая вуаль.

Ощущение, что это не по-настоящему, что она находится на съемочной площадке, не отпускало. Оно пришло, когда взвыла сирена, потух свет и пилот Леон упал на нее, больно ударив головой по лицу. А теперь оно сделалось только сильнее. Ерунда, она профессионал, справится с ролью, даже если сценарий пока неизвестен.

Светофильтры гермошлема выравняли излишнюю контрастность, и Айша смогла оглядеться. Рядом с тоннелем мужчин не было. Куда они ушли? Ледяная пустошь вокруг собиралась складками, как шкура на загривке у мопса, лишний десяток шагов сделаешь и сама потеряешься.

Айша вспомнила, что в скафандре обязательно должна быть рация. Нужно позвать, и ей ответить. Например, так: «Группа «Браво», вызывает «Альфа», ответьте!» Или хотя бы так: «Второй, Второй, я — Первый, сообщите координаты!» Но в этот раз заученные наизусть реплики не годились. Она вздохнула, произнесла осторожно:

— Саня, а вы где?

Тишина. Ей никто не ответил ни после первого вызова, ни после второго, ни после третьего. И что делать? Хотелось развернуться, послать всех подальше — в конце концов, пусть зовут каскадершу! — но на этой «съемочной площадке» каскадеров не было. Оставалось единственное — отчаяться, сесть на ненавистный лед и разреветься.

Она крикнула в микрофон четвертый раз — без всякой надежды. И тут... Нет, ей опять никто не ответил. На гребне дальней гряды Айша увидела фигурку в красно-желтом скафандре. Она рванула туда бегом... но вместо бега получилось падение. Медленное и долгое, Айша успела и сгруппироваться, как учили, и вспомнить наставления консультантов —

на планетах с малой силой тяжести передвигаются специальным прыжковым шагом. Шагом, значит, шагом. Главное, она знает, куда шагать.

На счастье, десант оказался невелик — всего один... не гуманоид, однозначно. Сильнее всего существо походило на паука, закованного в тускловатый серый металл. Размерами он вполне соответствовал кораблю — не более полуметра, но двигался проворно. А главное, в головной части скафандра у него был закреплен штырь боевого лазера.

В последнем Янек едва не убедился на собственной шкуре. Луч был тоньше и жиже, чем у корабельной пушки, но мощности, чтобы пробить скафандр навылет с расстояния в две сотни метров, ему вполне хватало. Потому Янек поспешил вернуться за спасительный гребень и оттуда наблюдать за противником.

Пришелец уверенно карабкался по склону, используя для этого когда шесть, а когда и все восемь конечностей. Расщелина, на дне которой отсиживался Саня, его не интересовала, видимо, на корабле решили, что эта цель поражена. И тратить боекомплект десантника на вторую они тоже не хотели, справедливо рассудив, что через несколько минут та окажется в полной их власти.

А вот это бабушка надвое сказала! Пусть плазменный резак для перестрелки не годится, но если дойдет до рукопашной, он ни в чем боевому лазеру не уступит. Необходимо лишь выиграть минуту, чтобы нанести удар первым.

И Янек придумал, как ее выиграть. Пришелец двигался по кратчайшей, определить, в каком месте он перевалит гребень гряды, труда не составляло. Там Янек и вырезал во льду ловчую яму, незаметную с противоположного склона. Противник провалится,

как только станет на хрупкую кромку. А резак довершит начатое.

Он все рассчитал верно. Кроме одного. Пришелец остановился у самого гребня, вместо того чтобы перевалить его и с ходу атаковать. Что-то заметил? Не ловушку, однозначно.

Янек обернулся, страшась поверить в догадку. В тридцати шагах от него стоял человек в знакомом скафандре, махал рукой, стараясь привлечь внимание. И он его привлек-таки.

Придумать, что теперь делать, кибероператор не успевал. Даже посетовать на свою «везучесть» времени не было. Он прыгнул. Снизу вверх, оттолкнувшись посильнее ногами, выставив перед собой резак. На Земле так прыгнуть не получилось бы — гравитация не позволяла. Но Энцелад не Земля.

Он перемахнул гребень в тот самый миг, когда сверкнул голубоватый луч лазера. Прямо в лоб... Нет, в кожух резака. Брызнули капли расплавленного металла, но сместить прицел противник не успел — Янек врезался в него. На несколько секунд они слиплись. Но массой человек превосходил, по крайней мере, втрое. Конечности пришельца начали терять сцепление со скользкой поверхностью склона, и Янек понял, что летит. Вниз.

Чужакам понадобилось шесть минут, чтобы прорезать отверстие в потолке грузового отсека. За это время вполне можно выбраться по тоннелю на поверхность и сообщить о вторжении. Или эта дурочка не справилась с такой простой задачей?

Ольга кусала губы от напряжения. Да что там от напряжения — от страха! Мужчины всегда лучше знают, что делать в подобных обстоятельствах. Сейчас они придут и придумают... Но ни Колобков, ни Зенгер не возвращались. А пилот лежал, беспомощ-

ный, как ребенок, не способный ни о ком позаботиться. Это она должна о нем заботиться.

Прямоугольный кусок обшивки упал вниз, на контейнеры с оборудованием, увлекая за собой глыбы льда. А затем в отсек спрыгнули... Сумасшедшая гипотеза Колобкова подтверждалась. Росточком пришельцы были невелики, но сложены крепко. Похожие на пауков, в странных скафандрах, они деловито сновали по отсеку, вскрывали контейнеры, рассматривали содержимое. Каждая из четырех пар их конечностей проворачивалась в суставах на триста шестьдесят градусов, потому могла служить и опорой и манипулятором. Вот один добрался до внутреннего шлюза, ухватился за затворный рычаг. У Ольги похолодело внутри. Метнулась к двери шлюза, заблокировала — как учили на плановых отработках ЧП. Выдохнула облегченно — теперь не доберутся! — смахнула со лба выступившую испарину. И тут же снова холодом обдало — вспомнила о резаках. Пришельцы не знают ведь, что за переборкой люди, что они могут погибнуть, если вскрыть пассажирский отсек. Их следует как-то предупредить, установить с ними контакт, а не прятаться.

Ольга застонала от досады — не обучена она общению с инопланетянами, не читают курс ксенопсихологии ни в одном университете. Потому что не существует таких курсов! Она достала из шкафа последний скафандр, приготовилась надевать, чтобы идти в грузовой отсек, устанавливать контакт...

— Где... все? — пилот очнулся.

Ольга бросилась к нему:

— Леон, как ты себя чувствуешь? Голова болит, кружится? А наши тоннель делают, чтобы антенну тянуть на поверхность. Сигнал подать...

— Не надо... сигнал. Я успел... сообщить.

— Успел?! — от сердца отлегло мгновенно. На «Кассини» знают, что с грузовозом беда, скоро здесь будут спасатели. — А что случилось? Почему мы упали?

— Нас... п... под...

Голова пилота безвольно упала, он вновь потерял сознание. Но Ольга уже не боялась. Их вытащат отсюда, Леона вылечат, а с пришельцами установят контакт — без ее помощи! Кстати, как там они?

Она метнулась назад к экранчику. Возле шлюза никого не было. Судя по всему, незваных гостей груз интересовал куда больше, чем пассажиры. Теперь, успокоившись, Ольга постаралась рассмотреть их подробнее — насколько позволяло тусклое освещение отсека. Словно прочитав ее мысли, один из пришельцев придвинулся вплотную к контрольной камере. На затылке его гермошлема была выдавлена короткая надпись. Текст из латинских букв и арабских цифр.

«s/n 20054».

* * *

Нет ничего страшнее, чем убить мечту собственными руками. Сане Колобкову пришлось это сделать.

Янек шмякнулся в расщелину вниз головой, отлетел в сторону, оглушенный ударом. И в любом случае его исковерканный резак не годился даже на запчасти. Потому сразиться с приземлившимся вполне удачно пришельцем выпало Сане.

Ручной резак — отличное оружие в рукопашном бою. Лучше лазера, жестко закрепленного на скафандре и потому палящего куда ни попадя. Когда облако пара и ледяной взвеси развеялось, Колобков сидел на дне расщелины вполне живой и це-

лый, только лодыжка сильно болела — совсем забыл о ней в суматохе боя. А рядом лежал, поджав лапы, пришелец с располосованным надвое черепом. Внутри его еще искрили уцелевшие контакты, но жизни в расплавленном комке пластика, кремния и металла не было.

Саня повернулся к поднявшемуся на четвереньки, тоже разглядывающему поверженного противника другу и пробормотал растерянно:

— Янек, это робот был.

— Браво, Капитан Очевидность.

— И технологии у них точно как у нас, черти полосатые...

— Я бы сказал, примитивнее, чем у нас. Лет так на сто отстают.

— Примитивнее? — Сане стало обидно за Предтеч. — Они межзвездные расстояния преодолели раньше, чем наши предки с деревьев слезли.

— Угу. Давай лучше думать, как нам это расстояние преодолеть, — кибеоператор кивнул на ледяную стену.

— Да как, ступени резаком выплавим... — Саня задрал голову и вдруг увидел осторожно подбирающуюся к кромке расщелины Айшу Кортес. — О, а она как здесь оказалась? Эй! Помогите нам выбраться!

Женщина развела руками, затем постучала по гермошлему, показывая, что ничего не слышит.

— Наверное, она рацию не включила? — предположил Зенгер.

— Да ну, она про космос все знает... — не поверил Колобков. Но все же ткнул пальцем в воротник гермошлема, где в выемке прятался рычажок. — Рацию, рацию включите!

Айша помедлила, попробовала повторить его движение. Нащупала. И тут же в динамиках раздался ее мелодичный голос:

— Саня? Вы меня слышите?

— Прекрасно! У вас в правом набедренном футляре есть веревка и ледобуры. Один конец закрепите...

— Быстрее будет самим вскарабкаться, чем эту «косморазведчицу» научить, — хмыкнул Янек. Но Саня не согласился. Когда человеку объясняешь правильно, он и делает правильно. Если не полный дурак.

Актриса дурой не была. Не прошло и пяти минут, как все трое стояли у гребня гряды.

— Видели? — Саня кивнул на космический корабль с таким видом, словно это он сам его сюда привел.

Он не ожидал того, что услышал в ответ.

— Видела, — кивнула актриса. — Когда «Миссию — жизнь» начинали снимать, актерам старинную кинохронику показывали. Там точно такие же были. Они называются... сейчас вспомню... ага — «фрегаты»! Их перед Второй Звездной войной строили, чтобы пилотируемые корабли и орбитальные стации захватывать. А потом утилизировали по конвенции о космическом разоружении.

— Это же сто лет назад было! — удивился Янек. — А сюда он как попал? В XXI веке люди к Сатурну не летали.

— Так они и не предназначались для людей. Это корабли-роботы. Может быть, он потерялся? Навигационное оборудование испортилось, вот его сюда и занесло.

— И лежал он здесь все это время без всякого техобслуживания. Теперь понятно, почему у него пушку заклинило.

Саня переводил взгляд с Янека на Айшу, не в силах сказать хоть что-то вразумительное. Разгадка оказалась слишком тривиальна и слишком неожиданна.

— Так это не Предтечи? — вымолвил он наконец.

— Почему же, предтечи. Наши, земные предки. Вернее, их поделка. Я так понимаю, фрегат этот «слоника» и подбил. Молодец Леон, сумел посадить корабль, пусть и жестко...

— Корабль! — неожиданно вскрикнула Айша. — Я же совсем забыла! Там кто-то обшивку режет!

Саня и Янек переглянулись. И все поняли. А что тут непонятного?

Они успели преодолеть чуть больше половины пути до упавшего грузовоза. А затем дорогу им преградили...

Ольга едва сдерживалась, чтобы не захохотать. Это были роботы, обычные земные роботы. Страх и дурацкие гипотезы Колобкова заставили увидеть в них таинственных пришельцев. Хороша же она была бы, «устанавливая контакт». Для такой работы неспециалист по ксенопсихологии нужен, а тот же Зенгер, — он их мигом перепрограммирует.

Впрочем, вмешательство Зенгера не понадобилось. «Пришельцам»» надоело потрошить контейнеры, и они дружно полезли обратно в прорезанную дыру. И пусть их! Спокойнее без такого соседства. Откуда на Энцеладе взялись паукообразные роботы, не числящиеся в арсенале «Кассини», Ольга не задумывалась. Не ее это проблемы. Спасатели во всем разберутся.

— Ольга... что там?

Пилот снова очнулся, попытался приподняться. Тут же отказался от попытки, болезненно помор-

щился. Ольга поспешила к нему, присела рядом. Сообщила:

— В грузовом отсеке какие-то роботы. Дырку прорезали в обшивке, контейнеры вскрыли.

— Роботы?

— Да, смешные такие, на больших пауков похожи. Интересно, откуда они здесь? Экспедиция какая-то? Но они все равно ушли уже.

С минуту пилот смотрел на нее молча. Затем прошептал:

— Это абордажные роботы. Нас подбили из... лазерной пушки... вынудили сесть. Они... не уйдут.

Осмыслить услышанное получилось не сразу. Абордажные роботы? Ольга почувствовала, как волосы на затылке начинают шевелиться. Всплыли в памяти кадры виденного несколько лет назад исторического сериала — того самого, с Айшой Кортес в главное роли. Нет, неправда, в реальности такого не бывает! Космические войны давно закончились!

Она вскочила, бросилась к экрану.

Не все роботы покинули грузовой отсек. Один стоял возле внутреннего шлюза. Из узкого штыря на его «голове» в стену бил ослепительно-белый лучик. И композит переборки проседал, плавился под ним.

Ольга заскулила, отпрянула. Сколько требуется времени, чтобы прорезать стену насквозь? Минуту? Две? Три? И еще несколько, чтобы вырезать люк. Надо спасаться, пока не поздно!

Она обернулась, бросилась к приготовленному скафандру. И споткнулась, зацепившись за взгляд пилота. Тот все понял без слов. Очень скоро в отсек ворвутся ледяной холод и почти полный вакуум. Из двух людей, оставшихся на корабле, один умрет обязательно. И кто это будет, понятно. Даже если бы Леон захотел отобрать скафандр — он не

сможет этого сделать. Беспомощный, прикованный к креслу. Оставленный на ее попечение...

Соленый комок подкатил к горлу. Ольга всхлипнула. Схватила нижнюю часть скафандра, принялась натягивать на пилота.

— Леон, не бойся, тебя вытащат! Спасатели прилетят, и Саня с Янеком рядом. Тебя обязательно вытащат!

Он попытался сопротивляться:

— Ольга, не надо... уходите вы...

Но она прикрикнула:

— Да помоги же, времени нет! Ты бы меня бросил раненую? Смог бы развернуться и уйти? И жить после этого? Нет? То-то... Вот так, теперь верхнюю половину.

Надеть скафандр на крупного, тяжелого мужчину было непросто. Но у Ольги получилось четко и быстро. Куда лучше, чем на учениях по чрезвычайной ситуации. Лишь слезы то и дело застилали глаза. Не от страха и не от жалости к себе. Просто Инульку она никогда не увидит...

Их было трое против троих. Три боевых автомата, сто лет назад запрограммированных уничтожать каждого, кто не ответил правильно на запрос «свой-чужой», против трех людей, не бойцов, не космодесантников — гражданских, все вооружение которых составлял резак из аварийного комплекта. У роботов было преимущество в скорости, в маневренности, в вооружении. У людей — не было ни единого шанса.

— Фрегат не справился с нами сам и отозвал абордажную команду, — объявил Колобков.

— Браво, Капитан Очевидность, — буркнул Янек.

— Они что, нас убьют? — в голосе Айши был не страх, а скорее растерянность. — И нельзя их никак остановить, да?

— Да. Мы — угроза их кораблю. Устранить угрозу — высший приоритет.

— Странно, я снималась в стольких фильмах о войне, и ни в одном меня не убивали. Не знаю даже, что нужно чувствовать, когда тебя убивают. Как себя вести?

— Если стрелять будут метко, об этом можно не беспокоиться. — Шутка получилась не смешной, Янек сам это понял.

— Эх, черти полосатые... Все-таки хорошо, что это не Предтечи. Великая цивилизация не должна...

Закончить свою мысль Саня не успел. Поверхность под ногами внезапно дрогнула, гул, переходящий в рев и грохот, ударил наотмашь — не из динамиков, из глубины планетоида, — смял скафандр, впился в каждую клеточку тела, и Янек понял, что не стоит больше, а скатывается на спине в ложбинку между ледяными волнами. А мир рядом с ним взрывается ослепительно-яркой вспышкой — близко, за грядой, где они были несколько минут назад. И в бесконечную высь взлетает ледяной фонтан, искрящийся в лучах далекого солнца. А вместе с ним летят исковерканные куски металла. Но они не могут угнаться за бьющей в космос струей, замедляются, останавливаются, начинают валиться обратно. Медленно, словно бумажные голуби. Целая вечность понадобится, чтобы они упали...

— Янек, Янек, ты цел? Гляди, что с роботами?

Поверхность продолжала дрожать, но уже не так сильно. Зенгер вскарабкался на гребень «волны», приподнялся.

Роботов не постигла участь их корабля, они были целы и невредимы. Но почему-то не двигались. За-

мерли, присев на всех восьми лапах. Боясь поверить в догадку, кибероператор сделал шаг, второй — смелее, третий — еще смелее. И уже лихо допрыгал к ближайшему «пауку», пнул ногой что есть силы, заставляя опрокинуться набок. Захохотал.

— Янек, что там? Что случилось?

— Это не роботы! Это автономные эффекторы, управляемые корабельным компьютером! Корабль взорвался, и им конец пришел! Теперь это просто куски металла, экспонаты для музея!

— Так мы не умрем? — Айша неуверенно поднялась на ноги. — А почему он взорвался?

— Криогейзер, черти полосатые! Ледяной пузырь лопнул как раз под этим треклятым фрегатом! Ох, вовремя мы оттуда убрались!

— Точно, Капитан Очевидность!

И тут в динамики прорвалось:

— Борт «ТР-20», ответьте! Кто-нибудь, ответьте! Есть кто живой?!

* * *

Служебный отсек спасательного бота был еще меньше, чем пассажирский на грузовозе. Только Леон на правах раненого разместился с удобствами в медицинском боксе. Остальным пришлось лететь, не снимая скафандры, намертво пристегнутыми к узкой, тесной лавке. Зато здесь был иллюминатор. И это все компенсировало.

Энцелад провожал их ледяными фонтанами, превратившими черноту космоса в мерцающее серебро. Замерзшая водяная пыль, капли пока не виданного людьми океана взмывали на многие десятки километров, освобождаясь от притяжения планетоида.

— Красиво, — не в силах смолчать, прошептала Айша Кортес.

— Да, мощно, — тут же откликнулся сидящий рядом Саня Колобков. — Узнать бы, на какой энергии оно работает.

— Корабль Предтеч, — подначил друга Янек Зенгер.

— Почему бы нет? Каким фактам моя гипотеза противоречит?

Ольга Волева не прислушивалась к разговору, занятая собственными мыслями. Сегодня вечером она снова будет говорить с Инулькой!

— Ничего, когда-нибудь мы эту тайну разгадаем, — подытожил Саня.

И Энцелад согласился с ним, выстрелив в космос особенно яркой струей.

НИКА РАКИТИНА

ЗВЕЗДЫ НЕ СТРАШНЫЕ

«Открылась бездна, звезд полна»...

Михайло словно падал в пустоту, потому что Земля перестала быть центром мироздания, точкой отсчета, а становилась лишь капелькой на краю галактики, на краю бездны, от которой — а вовсе не от хмеля — кружилась голова. И казалось, переступи — и тебя понесет вниз, сквозь обгоревшие стропила колокольни к этим звездам, широко раскинутым в зимней ночи.

— От же, олух царя небесного! Мало своей машиной адовой крышу нам пожег, так теперь навернуться вниз хочешь? Чтоб после весь Питер гуторил, как ты пьяный слетел с колокольни и ногу сломал? Ученый, сукин ты сын, прости господи, — прогудел дьяк густым певческим басом. Словно шмель, готовый сесть в ухо.

Падение прервалось, бездна оборотилась всего лишь пологом с небесными лампадами...

А сквозь времена и пространства от этой зимней ночи в пустыне под крылом самолета лежал другой человек, летчик, и глядел на рассыпанные по черноте африканские звезды. Самолет потерпел аварию, было неясно, удастся ли снова поднять его в небо. Но звезды почему-то не пугали. Антуан думал, что каждая из них похожа на колодец со скрипучим воротом и каждая даст напиться. Без воды в пустыне не выжить. Он облизывал пересохшие губы и надеялся, что утром на крылья самолета осядет роса... А в голове складывались слова новой сказки...

— Дедушка! Звезды такие страшные, колючие — как осколки шариков с елки. Совсем не такие, как дома. — Девочка лет шести указала пальчиком на экран, где титры старого фантастического фильма сменила картинка за бортом.

Антон Ломоносов протянул большую ладонь и погладил внучкины волосы.

— Не надо бояться, Машуня. Каждая звезда — как наше Солнце. Солнышко для нового мира, и совсем не страшное. И их бесконечно много. На одну елку, пожалуй, не поместятся.

— А ты летал туда, дед? — вытянула внучка шею, стараясь разглядеть как можно больше.

— Ага. И ты когда-нибудь полетишь, если захочешь. А пока мы летим в детский сад.

— На астероид?

Маша серьезно накрутила на палец белокурую прядку.

Антон кивнул.

— Один умный дяденька давным-давно сказал, что Земля для нас — это колыбель. Но нельзя же вечно оставаться в колыбели.

Маша захихикала. Дед не раз и не два рассказывал ей, как она умудрялась выбраться из коляски. Мама даже хотела установить силовое поле, но отец с дедом отговорили. Потому что нельзя мешать ребенку познавать мир. Впрочем, взрослым тоже не стоит в этом мешать. Характер портится.

А их кораблик между тем совершил разворот и пристыковался к астероиду рядом с горстью других таких же корабликов, похожих на разноцветные воздушные шарики. Старый звездолетчик помог внучке справиться с ремнями и подтолкнул к двери в шлюзовую камеру.

— Дед, — Маша покусала палец. — А ты мне вечером еще расскажешь о звездах?

— Обязательно.

— Как в том стихе, что дяденька придумал на колокольне? «Открылась бездна, звезд полна. Звездам числа несть, бездне дна», — звонко продекламировала внучка. — А он что, тогда упал?

Машуня оттолкнулась от пола и, повизгивая от восторга, закрутилась в невесомости.

— Нет, — звездолетчик улыбнулся, — он полетел.

АЛЕКСАНДРА ДАВЫДОВА

НЬААВЭЛ ТАННЬЯ[1]

Бело-фиолетовый довольный морж занимал всю парту. Массивным клыкам немного не хватило столешницы, поэтому они причудливо изгибались и заползали на стену. Благодаря этому зверь смотрелся

[1] Ньаавэл таннья — «белая волна», название северного сияния по-юкагирски.

как изображение то ли в духе средневековых бестиариев, где реальные твари соседствовали с мантикорами и василисками, то ли с афиши, повествующей о выступлении цирка уродов.

— Имаджинариум какой-то, — профессор Бойко кашлянул и поправил очки. Морж продолжал благодушно взирать на него, всем своим выражением морды и лучиками вокруг глаз демонстрируя солнечное летнее настроение.

За окном серели ранние декабрьские сумерки. Шел дождь со снегом.

— Я это... — нескладный студент-троечник Игорь Прохоров виновато переминался рядом. Он то и дело тянул себя за обтрепанные рукава свитера, то складывал на груди руки с широкими ладонями, то прятал их в карманы. — Я все вытру. Или покрашу. И стену тоже. Если надо.

В качестве ударного завершающего штриха в ластах морж сжимал тщательно прорисованную методичку по солнечно-земной физике.

— Игорь, — профессор оторвался от созерцания шедевра и, прищурившись, поднял глаза на собеседника. — Я не буду вдаваться в комментарии о художественной ценности объекта. И про то, когда и как привести стол в порядок, узнаете у заведующего матчастью. Я спрошу лишь одно: вам не кажется, что вы все-таки ошиблись с выбором специальности?

— Н-нет, — помотал головой Прохоров, успевший единожды уже схлопотать академ и ни разу не осиливший сдачу физических дисциплин с первого раза.

— Кого вы пытаетесь обмануть? Меня? Родителей? Зачем вам сдалась эта физика? Вы ж ее не любите. В этого моржа вложено гораздо больше души,

чем во все ваши контрольные и ответы на семинарах вместе взятые. У вас сколько на него ушло?

— Три часа...

Итоговый семинар по факультативу занимал как раз две пары.

— Игорь, я вам в последний раз советую. Забирайте документы и поступайте заново. В архитектурный, на дизайн, на иллюстратора... вас там с руками оторвут! И все будут счастливы. Мне не придется ставить вам двойки, а ваши моржи будут куда больше востребованы.

За окном совсем стемнело.

Игорь мял в руках методичку. Наконец собрался с духом, убрал с глаз непослушную челку и твердо посмотрел в глаза профессору.

— А можно я сначала все-таки попытаюсь ответить на вопросы? Я готовился. Правда.

* * *

На следующую зиму их группа поехала в Финляндию — праздновать Новый год и Рождество. По приезде студентов заселили в деревянный дом, пахнущий смолой и еще чем-то теплым, неуловимым, не формулируемым обычным, повседневным языком.

— Огнем пахнет, — сказали девочки, ежась от холода перед еще не затопленным камином.

— Оранжевым, — буркнул под нос Сашка и понесся вверх по лестнице, занимать место в самой верхней комнате.

Он всегда как будто стремился забраться поближе к небу. Точнее, к солнцу, луне и звездам — всему, что светит.

* * *

К десяти годам он уже отчаянно боялся темноты — плакал, когда по вечерам гасили лампу, отказывался заглядывать в чуланы и не лазил с друзьями по чердакам и подворотням. Стоило ему закрыть глаза — и казалось, что вот-вот на спину ему опустится мягкая лапа и... Дальше воображение работать отказывалось. Слишком страшно.

Он боялся потеряться, заблудиться, быть украденным. Сказка про Гензеля и Гретель, изданная отдельной тоненькой книжкой со страшноватыми для детей серо-зелеными картинками леса и пряничной избушки, была зачитана до дыр. Всегда оставлять зарубки на деревьях. Сыпать за собой пряничные крошки. Обязательно говорить отцу или матери, куда и зачем идешь.

— Да что ж тебя родители так запугали-то? — причитала бабушка, глядя, как ребенок вместо того, чтобы гонять по всему пригороду с соседскими сорванцами, шатается по маленькому двору. — Вот я в твои годы знаешь, куда гулять уходила...

Игорь в ответ щурился, молчал и кусал губы.

Уж он-то знал, что родители тут были ни при чем. Во всем виновата была полярная ночь.

Осенью, когда Игорь учился в третьем классе, в школе объявили карантин из-за эпидемии ротавируса, и отец взял его с собой в отпуск, «к старикам». Стариками назывались прабабушка и прадедушка, жившие далеко на севере. Сначала летели до Красноярска — в памяти у Игоря сохранилась только смешная самолетная еда: джем, мед и масло в маленьких коробочках. Потом пересели на маленький самолет — «по знакомству», как сказал отец, у него школьный друг занимал какую-то высокую должность в грузовых авиаперевозках по краю.

Вот тут Игорь немножечко понял, что имела в виду мама, которая шипела ночью на кухне: «Сам езжай куда хочешь, но ребенка с собой тащить не дам! Он же там натерпится!» От воздушной болтанки, от посадок и взлетов, от бесконечно тянущейся воздушной дороги ему к вечеру стало так плохо, что хоть кричи. Тошнило, крутило живот, болела голова. И — главное — не было никакой самолетной еды, чтобы хоть немного скрасить горькую путевую пилюлю.

Зато когда они наконец прилетели в Хатангу, Игорь понял, что все мучения стоили этого. Потому что они приземлились в сказку. Над полем маленького аэропорта, над поселком — да и над всем горизонтом окрест — трепыхалось зелено-золотистое огненное полотнище. Он стоял, запрокинув голову, не мог прийти в себя от восторга и просто не понимал, как взрослые могут спокойно ходить, разговаривать и тянуть его куда-то за руку, когда в небе происходит такое чудо.

Потом прабабушка — маленькая, будто игрушечная, почти не встающая с постели и разговаривающая шепотом — рассказала ему все сказки о «белой волне», которые знала. Прадед был русским, а сама она — младшая дочь долганского шамана. Именно из ее шелестящих тихих рассказов, поведанных не обычным человеческим языком, а будто в песнях сверчков, шорохе крыльев ночных бабочек и треске пламени, Игорь узнал тогда про зов предков и белого моржа.

Но сияние приходило не каждый день. Когда его не было, Хатанга вечерами была похожа на мертвый город. Фонари горели только на перекрестках центральных улиц, огни квартир тонули за мутными стеклами, на окраинах выли собаки. Окна у стариков смотрели не на улицу, а на пустырь, за кото-

рым пара маленьких частных домишек — и тундра. И темнота.

Там, в Хатанге, сосед подарил Игорю щенка. Не спросив разрешения у прадедушки или отца, он поймал мальчика во дворе и сунул в руки круглого мехового зверя. Это был щенок хаски, с толстыми щеками, тяжелыми лапами и теплыми ушами — будто специально созданными для того, чтобы прижиматься к ним щекой. Игорь опустил его на землю, и щенок начал бегать вокруг, ласткться и смешно, басовито тявкать. Мечта ребенка, как она есть.

Сначала Игорь радовался подарку, но потом стал думать, как привести его домой. У отца — аллергия на шерсть, и дома, в Петербурге, сроду не водилось домашних животных. Но расстаться со щенком было выше сил, и он придумал, казалось бы, отличный план: гулять до самой ночи, а позже прийти домой с повинной и с собакой — не погонят же их за порог в темноту, так ведь?!

Первая часть плана удалась на ура.

Они бродили вокруг дома где-то до четырех вечера, потом Игорь решил прогуляться на пустырь и вернуться — кругом стало уже совсем темно.

Когда дошли до пустыря, щенок сначала терся о ноги мальчика, а потом стал бегать кругами. Игорь раздумывал, не найти ли какую-нибудь палку и не кинуть ли ему... Но уже было слишком темно.

В том-то и дело. Слишком.

Много лет подряд Игорь не спал ночами, размышляя, что именно тогда произошло: щенок испугался, или услышал чужих собак, или пресловутый голос предков... Он коротко тявкнул и убежал в темноту. Игорь бежал следом, звал его: «Хаски, хаски!» — даже имени так и не успел придумать. В итоге бродил по пустырю до ночи, отец его искал, нашел, привел домой и отшлепал.

Но... Игорь точно знал, что если бы было светло, он бы сумел догнать щенка.

А так темнота украла у него несостоявшегося друга, и Игорь стал ее ненавидеть. Сначала ненавидеть, а потом бояться.

Ведь, как назло, северного сияния в этот день над Хатангой не было.

* * *

Новый год в финской деревне получался волшебным.

Огонь ворочался в камине, как теплый оранжевый кот, огромная наряженная елка во дворе переливалась бело-золотыми огоньками гирлянд, щелкали пробки от шампанского, с неба планировали редкие снежинки — на редкость правильной формы, как из учебника природоведения.

К двенадцати ночи высыпали во двор с бокалами. Зажигать бумажки с желаниями, топить их в шампанском и, давясь, выпивать синхронно со сменой года — чтобы все-все исполнилось! Играть в снежки, лепить снеговика — кособокого и немного странного, с энергосберегающей лампочкой вместо носа и свернутыми конфетными обертками вместо пуговиц на несуществующем фраке. Вместо волос ему приспособили бенгальские огни.

Когда все закричали «ура» и стали чокаться, Игорь вдруг встрепенулся, бросил поджигать снеговиковую шевелюру и ткнул пальцем в небо:

— Смотрите!

Они ничего не видели, пока Игорь не вырубил елочную иллюминацию и свет во всем доме. Зато когда увидели — ахнули.

Над горизонтом развевалась желто-белая, с полосами зеленого светлячкового огня, вуаль. Редкие

снежинки, летящие с неба, искрились и переливались всеми цветами радуги, отражая северное сияние.

— Класс... — только и мог выдохнуть кто-то.

— Красотища-то какая!

— Обидно, и почему у нас такого не бывает, ведь совсем близко?..

— Бывает, — Игорь улыбался. — Еще Ломоносов писал: «Северное сияние нарочито порядочно приметил я здесь, в Санкт-Петербурге, и сколько возможно было смерил...» Просто редко. И очень слабое. Почти никто не замечает.

Утром, когда все сонные, снежно-мокрые, зевающие и по-детски счастливые разбредались по комнатам, к нему подошла Таня — чернявая девушка со зрением «минус шесть» и лучшими оценками по физике на потоке.

— Теперь, кажется, даже я, — она постучала себя по узкой оправе очков, — понимаю, из-за чего тебя занесло на кафедру, где читают солнечно-земную.

— Угу, — Игорь рассеянно кивнул, пытаясь оттереть с дверного косяка свеженарисованного маленького белого полярного медведя.

* * *

— У долганских племен есть легенда. Однажды их бог — огромный морж, большой, как айсберг, старый, как многолетние снега, и белый, как шаман-звезда, — решил выйти из моря, чтобы посмотреть, как живут его дети. Сначала он долго ворочался и примеривался, как бы встать и каким из ластов ступить на берег, но пока он мешкал, подкрался к нему сзади шкодливый крошка-тюлень и укусил за зад. Тогда морж — даром, что бог! — взревел что было сил и рванулся из моря на землю. И от его дви-

жения поднялась такая огромная волна, что пена ее долетела до самого небосвода — да там и осталась. Вот это и есть северное сияние, а по-долгански — ньаавэл таннья, белая волна.

— Красиво. — Таня, покусывая ноготь, смотрела в окно. Автобус стоял на границе, за мутными оконными разводами перемигивались желто-красные огоньки машин. — А много ты еще про него легенд знаешь?

— Порядком, — Игорь улыбнулся. — У каждого племени есть своя. Те, кто живут ближе к полюсу, привыкли к сиянию, как к зубной щетке, и в основном рассказывают не о том, как оно выглядит, а о всяких побочных явлениях.

— Например?

— Зов предков. Когда человек сначала смотрит на небо и разговаривает сам с собой, а потом куда-то уходит. Если ему повезет не замерзнуть, не свалиться в расселину или прорубь, не переломать ноги о камни и не помереть от переохлаждения, очнувшись, он не помнит ничего. Долганы считают, что в это время души умерших говорят с живыми. А современная наука утверждает, что так на организм действует инфразвук, который сопровождает сильные магнитные бури.

— Брр.

— Соглашусь.

Тут автобус дернулся и наконец поехал.

* * *

Когда в восьмом классе учебник физики превратился в натуральный учебник по электричеству, Игорь сообщил всем друзьям, что нашел себе профессию. Инженер-технолог на какой-нибудь крупной электростанции — чем не работа? Правда,

задачки давались ему с величайшим трудом, стоять у доски и мямлить было пыткой, но он решил потерпеть. Игорь до сих пор винил темноту во всех бедах и не мог забыть ей детской обиды. Не мог забыть щенка. Это стало навязчивой идеей... манией, ради которой он готов был поступиться гуманитарным складом ума — в угоду «великой цели».

Но через пару лет он понял, что электричество — не предел и если уж замахиваться на свет, то лучше северного сияния цели нет и быть не может. К тому же словосочетания «солнечный ветер» и «магнитные бури» звучали гораздо интереснее, чем «цепи накаливания» и «сопротивление тока».

Весной перед поступлением в университет Игорь почти не спал — физика и математика поддавались ему со скрипом, будто эти науки были не из гранита, а из алмаза, как минимум. Блокноты для зарисовок и планшет пылились, задвинутые в дальний ящик секретера, а на экране мелькали формулы, формулы, формулы... Родители хвалили за упорство и немного удивлялись тому, что лирик так внезапно превратился в физика.

Ему повезло — проходной балл оказался низким, и результатов тестирования хватало для поступления на теоретическую науку или астрономию. Тогда Игорь вздохнул с облегчением: он не знал, что сложности только начинаются.

* * *

— Игорь, боюсь вас разочаровывать, но... — Бойко постучал пальцами о край стола. Придвинул к себе бумаги. — В теоретическом плане ваша заявка на грант безупречна. Таких базовых знаний не демонстрирует никто из наших студентов. Однако

с практическим воплощением идеи все не так радужно.

— Разве? Уж куда радужнее...

— Вы не поняли меня. Сам замах поражает воображение. Освещать города во время полярной ночи рукотворным северным сиянием — это могли придумать только вы. Представители фонда восхитятся, не сомневаюсь. Однако грант выделят кому-нибудь другому.

— Почему?

— Потому что вы то ли делаете вид, то ли и вправду не представляете огромной сложности, на которую замахиваетесь. По отдельности и в малом масштабе все элементы выполнимы. Создать разреженную газовую атмосферу, бомбардировать ее заряженными частицами... В рамках лабораторного эксперимента — да. Это уже делалось. Но создать целый купол ионосферы над городом — пока это фантастика чистой воды, к сожалению. Перепишите заявку, пока не поздно. Попросите денег на оборудование, даже обустройте лабораторию за полярным кругом — и занимайтесь теорией на здоровье! Это перспективная область исследований, вас ждут публикации в Science и доклады на международных конференциях. Признаться, когда на первых курсах вы рисовали моржей во время моих семинаров, я и представить себе не мог, что художник превратится в одного из самых перспективных студентов кафедры.

— Знаете... — Игорь посмотрел на потолок. Один из плафонов не горел, а тускло мигал. — Если бы я хотел сидеть в лаборатории, я бы справился и без гранта. Вы сами говорите, что это вполне возможно. Но я же не за возможности сейчас борюсь, понимаете...

— Вы боретесь за мечту. Она уже позволила вам перекроить собственные склонности и добиться успеха в той сфере, которая вам дается сложнее всех остальных. Но всему есть пределы. Если вы можете изменить себя, это не значит, что окружающий мир сможет измениться так же легко.

— И все-таки давайте попробуем — подадим документы с моей формулировкой.

* * *

Иногда по ночам Игорю снился Ледовитый океан, который в теле огромного моржа ворочался и терся о материки. Берега стонали и трещали, от ледников откалывались айсберги. Потом морж поднимался, отряхивался и смотрел на юг. Оттуда ему подмигивали Североморск и Архангельск, Петербург и Мурманск, большие порты и маленькие поселки на несколько тысяч человек, растянувшиеся по хребту России. И когда морж делал первый шаг, за спиной его взлетала огромная белая волна — ночь превращалась в день.

Сквозь сомкнутые веки пробивались лучи солнца, за окном шумели машины, а будильник ловил утреннюю программу на «Нашем Радио». Вынырнув из-под одеяла, Таня сопела Игорю в плечо и сонно бормотала: «Где мои очки, ты не помнишь, куда мы их дели?»

Грант ему не дали.

* * *

За дипломную работу Игорь получил «отлично», был зван в аспирантуру и преподавателем на четверть ставки, читать спецкурс вместо Бойко, который, по собственным словам, «устал от студентов

и собирался на покой». Приходилось кивать, улыбаться, принимать поздравления. Он морщился, как от горького лекарства, и уворачивался от предложений «пойти выпить и отпраздновать». Надо было ехать в аэропорт — Таня улетала в Швейцарию. Стажировка «сначала на год, а там посмотрим...».

Все слова были проговорены уже заранее, дежурные «так будет лучше» и «если что — останемся друзьями» произнесены, поэтому они молча стояли и смотрели на взлетающие самолеты, пока не объявили регистрацию на ее рейс.

— Может, все-таки попробуешь приехать? — Таня заправила челку за ухо дрожащей рукой. Та подержалась секунды две и снова упала на глаза.

— Я слишком узко мыслю в этой вашей физике. — Игорь грустно улыбнулся и подул ей на лоб. — К тому же не хочу заниматься теорией. Пока ты возделывала целое научное поле, я бурил скважину. Как оказалось, вода там слишком глубоко. И бурильщики на такую глубину науке не особо нужны. Но ничего, я что-нибудь придумаю. Наверняка есть еще пути...

Таня хотела что-то возразить, потом махнула рукой, поцеловала Игоря и пошла к стойкам регистрации. Губы ее беззвучно шевелились — «все это твой дурацкий зов предков».

* * *

Через десять лет она вернулась в Россию — родители затеяли продавать квартиру, надо было разобраться с документами у нотариуса. Из вечно растрепанной девочки-ботаника в очках она превратилась в худую серьезную леди: строгие костюмы, модельная обувь и линзы изумрудно-зеленого цвета. Еще не светило, но уже звездочка мировой науки,

которая иногда может позволить себе маленькие ностальгические слабости.

Ни на что особо не надеясь, она набрала номер Игоря.

Он ответил.

«Тебе повезло, я редко бываю в городе. Выездные проекты, все дела».

Сначала оба молчали — говорить после стольких лет было вроде как не о чем, потом он предложил:

— Хочешь сегодня вечером на концерт? Сегодня на Дворцовой будут Keith Toyo, а моя фирма делает для них свет. Пойдешь?

— Пойду.

* * *

Над музыкантами и толпой плескались световые волны. Красные и фиолетовые, желтые и зеленые. Потоки заряженных частиц били из установок, стоящих по углам площади, превращая тусклые петербургские сумерки в разноцветный день. В карнавал.

Причем дело было не только в свете. Она чувствовала, как сердце начинает биться в такт музыке, меняется вместе с ним, зовет подчиниться ритму и стать с ним единым целым. Хотелось закрыть глаза и говорить с музыкой о самом сокровенном, забыться, отбросить мысли, умные и глупые, выпасть из памяти, превратиться в девочку, которая тридцать лет назад смотрела в небо на гроздь улетающих шариков.

Игоря рядом не было — он прислал ей билет и договорился встретиться после концерта, у бокового выхода.

Таня начала пробираться туда еще во время последней песни, но выйти без потерь все равно не получилось. Толпа нахлынула, и в давке ей наступили

на ногу, больно прижали локоть, а главное, она потеряла старый, еще университетских времен — крошечная дань ностальгии, — брелок с рюкзака, молочно-белую таксу из агата. Плиты под ногами были почти того же цвета, светлые, и среди мелькания ног здесь нечего было и пытаться найти ее.

Игорь подошел, когда толпа уже схлынула.

— Привет. Извини, что так долго — пятая установка барахлила, никак не могли добиться нужного цвета.

— Привет. Нет слов. Ты все-таки выбил этот грант?

— Нет, — Игорь криво усмехнулся. — Слишком большой замах, ты же помнишь.

— Тогда как?

— То, что не получилось у физика, вышло у художника по свету. Мне повезло — попал на стартап-сессию на базе нашего универа и познакомился с ребятами из концертной индустрии, они заинтересовались. Написали заявку, съездили в Америку на Burning Man и неожиданно выиграли премию. Некоторые музыканты вложились и открытые площадки... Пробивались долго, но — как видишь. Правда, на город в итоге не хватило. Пока максимум — на эту площадь.

— Пока?

— Пока. Если учесть, что все патенты принадлежат мне, а подобных установок по миру — раз-два и обчелся... Я верю, что хорошие деньги, которые нам платят, скоро превратятся в приличное состояние и я смогу наконец поиграть с маленьким северным городом в большого белого моржа. А потом осветить все города за полярным кругом.

— Чтобы почувствовать себя богом?

Игорь улыбнулся, широко и радостно, как в детстве:

— Богом? Не смеши. Знакомые говорили, что я предал свое призвание и рассорился со всеми близкими ради разноцветного света. Бог не поступает настолько опрометчиво. Но если идти к мечте от малого и верить, что она все равно сбудется... Я пока могу почувствовать себя тем, кто даже ночью может найти крошечную собаку на огромной площади, — он протянул руку. На ладони лежала агатовая такса.

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ

С ОКТАВИИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

У Ника во дворе выросла груша.

Это он так ее назвал — груша. Для себя. На самом деле дерево выглядело странно, если это вообще было деревом. Ник Черныш впервые обратил внимание на несколько корявых веток, растопырившихся из покрытого узлами тщедушного ствола, в разгар лета прошлого года. От груши у дерева были только листья. За лето оно отрастило с десяток робких зеленых пластинок, которые из-за ночных заморозков последующей зимы сначала свернулись в трубочки, а потом облетели под напором северного ветра. Ник грушу жалел и терпеливо накрывал ее от морозов картонной коробкой.

Здесь, на Нимбусе, ассимилируемые живут отдельно, в комфортных домах с небольшими участками. За шиловским забором — пруд, в котором по весне шлепают трехметровыми хвостами плеогаторы, и большая поляна, краем обнимающая полтора десятка хвойных деревьев, завезенных на Нимбус с Земли, что служат подлеском для мрачной

чащи джунглей. Плеогаторы шатаются по округе, меняя пруды в поисках яростной весенней любви; месяц-другой выходить за пределы огороженного забором участка Шилова нельзя, но плеогаторы быстро успокаиваются и исчезают до следующей весны в джунглях.

Зима ушла. С ее уходом усилилась постылая боль в зараженной боргом правой руке Черныша. Чувствительность пальцев неуклонно ухудшалась. Каждое утро Ник с ненавистью рассматривал тускло отсвечивающие ружейной чернью отвратительные металлические наросты на предплечье — адиподы, порождение упорной безостановочной работы фемтодронов, микроскопических роботов борга. Страшно сжиться с мыслью, что мириады крохотных механических тварей хозяйничают в твоем теле, по кусочкам, по молекулам перестраивая тебя в киборга.

Ассимиляция. Превращение человека в бездушное, слепое орудие единой воли борга, воли всей колонии. Борг неумолимо поглощал и перестраивал каждое разумное существо на своем пути. Электронно-механический Молох методично расползался по вселенной из Квадранта Дельты. Любые попытки вступить с ним в контакт заканчивались ответом «Сопротивление бесполезно».

Черныш попал в переделку во время ходки карго-крейсера «Мариуполец» на Коронеру. Он был пилотом «Тритона», одноместного истребителя. Каждый карго-крейсер имеет по сотне с небольшим «Тритонов», бесшабашных задирак, увертливых, быстрых, вооруженных четверкой вакуумных пушек.

Штурмовик борга вынырнул из подпространства по правому борту «Мариупольца». В ходе боя борг метко всадил дрон-капсулу в кабину чернышев-

ского «Тритона». Аварийка разгерметизации сработала в момент, но лучше от этого не стало; после разрыва капсулы повалил белесый дым... полчища фемтодронов наполнили кабину. Нику казалось, что дым обжигал кожу, разъедал глаза, травил легкие. Правой руке в гироперчатке управления досталось похлеще — осколки капсулы превратили кисть и предплечье в месиво.

Он очнулся на госпитальной койке. Регенерационная команда восстановила ему руку, однако ассимиляция уже началась. Хирург, пряча глаза, бубнил нечто дежурно-успокаивающее... Черныш, раздавленный новостью, его не слушал.

Тео Нг, капитан «Мариупольца», лично пришел в палату к Чернышу и, честно моргая безресничными лезвиями век, объявил пилоту, что его отправляют лечиться на Нимбус. Слова прозвучали очень буднично.

Ощущение несправедливости судьбы ело Черныша поедом. В лучшем случае его ожидает беспросветная череда «лечебных мероприятий», которые в конце концов закончатся переводом на Октавию, тюремный вариант Нимбуса, где содержат безнадег — тех, чью ассимиляцию не удалось затормозить. Легенды и слухи об электронных Франкенштейнах на Октавии, которых якобы держат в радиационных колодцах, начисто отбивали всякую надежду Ника на благополучный исход.

...Каждое утро процедура повторялась. Подбородок — в лицевую ложбину «чемодана», матрицы тестирования, руки — в стороны, словно Христос на кресте. Жужжание закрываемой крышки. Его тыкают иглами, зондируя тело, берут образцы кожи, волос, ногтей, слюны. Раз в месяц — микропункция спинного мозга, один из наиболее значимых те-

стов. Черныш уже привык, ему безразлична боль, но когда Баронин, его лечащий врач — более издевательское определение трудно подобрать... — параллельно проводит ментальную проверку, Ника переклинивает. Если результаты проверки будут ухудшаться, то Баронин подтвердит прогрессирующую ассимиляцию, и тогда Черныша отправят на Октавию.

С Октавии не возвращаются.

— ...утро, Черныш! Ну, приступим? — Голос Баронина звучит энергично, и это не фальшь, он действительно верит в то, что его детище, проект «Филтринел», сможет остановить ассимиляцию. Ник жалеет лечащего. Сколько было новых лекарств, сколько многообещающих методов... сколько безнадег сменило Нимбус на Октавию.

— Составь пять слов, используя буквы слова «антумбра».

— Натура, бутан, тумба, мантра... бранат...

— Бранат — это что? — спросил Баронин.

— Фрукт... Внутри — зерна красные... или желтые?

— Понято, спасибо. — Голос доктора звучал ровно. Слишком ровно. Ник затосковал.

Палей подвязал пластикабелем неказистый ствол к толстому клину, который он только что вбил рядом с грушей.

— Про говорящих пингвинов показывали. Земных. Мне нравится. Только вот когда они петь начали, мне надоело. Не люблю, когда неправдиво. Пингвины, они не поют.

Ник соболезнующе посмотрел на него.

Палей, пушкарь с «Посейдона», схлопотал заразу куда позже Черныша. Первый адипод появился у Палея на лице. Пушкарь старался пореже выдви-

гать оптикуляр, росший поверх левого глаза, чтобы не нервировать Ника. Палей был висяком. На жаргоне Нимбуса это означало, что его в любой момент могли турнуть на Октавию: ассимиляция пушкаря прогрессировала слишком быстро.

Палей достал небольшой секатор и срезал кончик одной из верхних веток груши. Пожужжал окуляром, осмотрел срез, задумчиво погладил ветку, потом шмыгнул носом:

— Дерево твое, того, ленивое. Я читал где-то, что в старину азиаты такие деревья газетами лупили. По весне. Свернут газету в трубку и метелят. От сердца. Чтобы те проснулись скорее. Помогало, говорят... Вот эти нижние, они от лени, — Палей указал на несколько свежих зеленых побегов у самой земли. — Их срезать надо, они дерево конфузят. — Секатор приблизился к побегу.

— Не надо, обожди, — неожиданно для себя сказал Черныш. Непонятно почему, но логичная, казалось бы, операция вызвала у него неприятное ощущение. — Пусть... так пока будет. Спасибо.

Ночью Нику показалось, что в стену у окна спальни что-то скребется, едва различимо, несмело. Он не стал подниматься.

После утренней рутины (умывание-бритье-тест-яичница-кофе) Черныш закурил и вышел во двор. Груша выпустила несколько почек. Одна из них лопнула, и в глянцевости восковой облатки почки Нику померещилось нечто желтое... Он хмыкнул, затянулся в последний раз и выщелкнул картридж электронной сигареты за забор.

В следующую ночь поскребывание слышалось отчетливее. Ник вышел наружу. Похоже, ветка груши царапала стенку под порывами ветра. «Почка», та самая, стала еще больше и оказалась чем-то вроде

плода. На грушу он не походил. Едва Ник дотронулся до «плода», тот легко отделился от ветки и упал на землю. Пилот поднял хреновину. Овальный плод выглядел солнечным дирижаблем на широкой ладони Черныша.

Он заснул с желтым цепеллином в кулаке. Тепло, исходящее от плода, успокаивало. Пилоту приснился бой со штурмовиком борга. Сон был хорошим: Ник распушил гада в нитки.

Утром, впервые после начала ассимиляции, Черныш ощутил легкое покалывание в фалангах пальцев покалеченной руки. В последующие несколько дней чувствительность пальцев вернулась. Он не знал, что и думать. Оптимизм валил из Баронина тоннами; он без устали трубил, что битва в теле Черныша наконец-то приняла односторонний характер и проект «Филтринел» начал работать. Металл на руке сменился рубцами, потом красными пятнами... и через неделю адипода как и не было.

Матерясь от нетерпения, Ник отыскал в кладовке коробку с гироперчаткой-тренажером для управления «Тритоном»; он не пользовался перчаткой со времен Академии. После двух часов тренинга он ошалело крутил головой, пытаясь понять, что происходит. У него получалось все: и «лилия», и «перемычка», и даже стародавняя «кобра»...

Баронин и слышать не хотел о восстановлении Черныша пилотом. Тогда Ник настоял на прямой телеконференции с капитаном Нг и раз десять кряду проделал для капитана комбинацию фигур высшего пилотажа под названием «смычок», которая даже на тренажере давалась только самым одаренным пилотам. Прийдя в себя, Нг сказал, что «Тритон» Черныша по-прежнему запаркован в ангаре «Мариупольца», и выслал за Ником свой персональный челнок.

В медчасти крейсера Черныша прогнали сквозь все существующие тесты. Результат: процесс ассимиляции Ника был не просто остановлен — организм вернулся к биологической норме...

Обшивка «Тритона» под рукой пилота, казалось, подрагивала от радости.

Прошел месяц. Крейсер грузился к рейду на Виолу, Черныш был занят хлопотами под завязку, и плохие новости с Нимбуса застали его врасплох. Излечение Черныша оставалось единичным фактом. Палея должны были перевести на Октавию со дня на день.

Пилот лежал на жесткой койке каюты, пялился в потолок и механически крутил пальцами маленький желтый овал. Настроение — ни к черту. Да... ему, похоже, повезло больше, чем остальным. Повезло? Больше? Дело наверняка не в глупой фортуне... Ощущение шероховатости кожуры вдруг напомнило Нику, что с тех пор как он пошел на поправку, тепло, излучаемое плодом, исчезло. И еще он понял, что все это время не расставался с грушей, как с талисманом.

...Тео Нг непонимающе смотрел на пилота.

— Где пожар, Черныш? Кого тушить?

— Капитан, мне нужна неделя. Не больше. Если все пойдет, как я думаю. Ну, а нет... В общем, мне нужна неделя.

Груша засохла. Он потрогал ставшие лучинно-хрупкими кривые ветки. Плод тоже съежился и затвердел, словно он и дерево были связаны некой невидимой нитью. Палей был совсем плох и не признал пилота. Морщась от жалости, Ник глядел в бесстрастное лицо пушкаря — оптикуляр уже почти

сросся с ушным адиподом. Палей апатично посмотрел на плод, втиснутый в его ладонь пилотом.

Черныш заорал:

— Держать! Понял? Не выпускать из руки! Приказ, ясно?

Пушкарь кивнул. Ничего человеческого в этом движении уже не было.

Ранним утром следующего дня Ник помчался к Палею. В двери его встретила Теара, старая нянька, что прибиралась в домах безнадег, списанных на Октавию. Встреча с ней — предельно дурной знак, но Черныш переборол себя и, отодвинув няньку плечом, вошел в дом Палея.

Три коробки с инвентарем садовника и потертый чемодан с вещами. Все, что осталось от пушкаря. На столе желтел усохший плод.

...Ночью Черныш опять бредил схваткой с боргом. Как и в прошлый раз, после серии маневров «Тритон» чисто зашел в хвост кораблю врага; истребитель открыл огонь, однако вместо привычной глазу пилота картины прямого попадания вакуумных зарядов броня штурмовика вдруг начала покрываться сетью наростов — не то лиан, не то гибких ветвей... Сеть развивалась с удивительной быстротой, ломая надстройки и орудия, срывая крышки люков и наружные цистерны, сминая антенны и солнечные батареи. Ник видел, как бронеплиты рассыпались в труху, а невероятно быстро растущие зеленые тенета формировали новую оболочку. За несколько секунд, пока «Тритон» Ника шел параллельно штурмовику, тот превратился в странный корабль, чья поверхность была покрыта деревьями, толстым слоем стволов и ветвей, которые переплетались, образуя невероятно сложный узор. Деревья

вызвали у Черныша мимолетную ассоциацию, но новый поворот сна заставил его отвлечься.

Люди. Внутри корабля он увидел людей. Не соло-боргов в панцирях адиподов, но живых людей, прошедших такое же превращение, ту же обратную ассимиляцию, что и корабль...

Мысль, простая по своей очевидности, подбросила Ника с кровати. Он знал, что нужно делать. Едва справляясь с возбуждением, он стал разламывать плод... тот неожиданно легко поддался нажиму пальцев.

На ладони Черныша лежала четверка блестящих черных семян, похожих на большие бобы. Пилот укутал их во влажную салфетку.

Через день из семян показались нежные зеленые ростки.

...Он выпрямил занемевшую спину, воткнул лопату в землю и поднял голову.

Тяжелая завеса туч на горизонте облилась заревом. Гул тормозных дюз транспортного корабля прикатился к поселку мгновениями позже. Новый сполох окрасил тучи короткой радугой. Потом еще. И еще.

Первая волна безнадег возвращалась с Октавии. Палей должен прилететь завтра, второй партией.

Жесткие листья пели на ветру. Бывший пилот озабоченно глянул на подрастающие крохотные деревья, что рядами уходили от дома Черныша к лесу; на многих желтели плоды.

Он вспомнил сон об огромном биокорабле, в который превратился звездолет борга, и улыбнулся. Словно в ответ на его мысли, в соседнем озере трубно замычал плеогатор, ища подругу.

Черныш прикрыл глаза. Борг не всевластен.

Живое спасет живое.

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВА

ВРЕМЯ БОНУСОВ

Им было хорошо. Им никогда прежде в жизни не было так хорошо.

А может быть, думалось Лике, никто и никогда прежде не испытывал похожего счастья за всю свою жизнь.

И вот как раз в эти минуты блаженства в уши вкрался назойливый писк от браслета, лежащего на столе. Лика повернула голову. Самое главное уже закончилось, но Серый был так близко, и ощущать тепло, исходящее от него, было очень-очень приятно, сладко было ощущать даже подушку под головой...

— Мне стоило его выключить, — сказала Лика. — Это «комар».

— Комар? — сказал Серый, потягиваясь. — Здесь, днем?

— Ты не понял, — сказала Лика. — «Комар» — это мой фоник. Я поставила на него мелодию вроде писка комара, вот он и пищит.

— Глупо.

— Я посмотрю: а вдруг родные? Или клиенты? Но, правда, к черту клиентов — и учебу — хотя бы раз в году!

Лика села, протянула руку к браслету — замечательно красивому браслету с Гайенских пляжей (две тысячи двести световых, три пересадки!) — и щелкнула ногтем указательного пальца по крохотному гаджету на этой штуковине. Гаджет был выполнен в виде миниатюрной лягушки с открытым ротиком.

Над столом высветилась голограмма: буква «Ф» и несколько цифр кода, означающих дополнительное уточнение адресанта.

— Это Фил, — Лика зевнула. — Выключить?

— Да нет, не надо. Это даже прикольно.

Лика щелкнула по фонику трижды, и большая голограмма возникла напротив, у стены. Свое собственное изображение Лика посылать не стала: Феликсу уж точно лучше не видеть, что она не одета. Ни к чему ему видеть и Серегу, разумеется.

Серый, тоже зевая, поглядел на изображение. Полненький, но, как говорится, в меру, с пухлыми щеками и розовенький, словно младенец, Фил мог и действительно вызывать скорее смех, а не раздражение. Года на три младше Лики, то есть мальчишка, едва ли не старшеклассник еще. И он ничем серьезным не увлекался, нигде не учился. Тусоваться с друзьями, без конца распечатывать побрякушки, шмотки для коллекций — только это, пожалуй, и занимало его.

— Лика, — сказал Фил плачущим голосом, — а давай все-таки, а?

— Что — давай?

— Ты только погуляй со мной, пожалуйста. Летающие лыжи. Другая галактика. Все, чего хочешь, ну Лика, а?

— Фил, — усмешка Лики была настолько выразительной, что, казалось, Фил увидел эту усмешку на расстоянии даже без всякого голо. По крайней мере, он тяжело засипел. — Если, по-твоему, ты всех круче, то я, знаешь, не такую крутость ценю. Другую. Для меня ты не крут.

— Лика, я тебя...

— Ты меня любишь или хочешь трахнуть? Если любишь, то отстань. Ради меня, любимого человека. Мне-то от тебя плохо, понимаешь?

— Я люблю, — выдохнул Фил. — Но я не могу без тебя, мне с тобой... хорошо, весело. Мне с тобой классно, — он заговорил быстро. — Когда ты

танцуешь, я так хочу, чтобы ты танцевала со мной. Когда ты гуляешь с Серым, я не пойму... при чем тут этот Серый? К тебе? Ты должна жить шикарно, ты должна жить весело.

— Шикарно, весело, классно, — подытожила Лика тоном почти ласковым. — Ты же просто ребенок. Постарайся поискать другую погремушку, не меня.

— Лика, — тихо проговорил Фил. — А ведь я могу и обидеться...

— Так-так, а вот это уже интересно. Подошлешь мне ваших этих... как их?

— Лика, ну ты что? — В голосе Фила опять прозвучали плачущие нотки. — Ты это что придумала? Да я... никогда... я же тебя люблю. Я никогда, действительно не...

— Вот и отлично. Пока. — Лика один раз щелкнула по гаджету. Изображение растаяло.

— Вот дурак, — сказал Серый, натягивая брюки. — Ну, дурак.

— Он же просто мальчик, — ответила Лика.

— Мальчик, правда. И всегда таким будет, сто процентов.

Серый обнял Лику, опустился на широкий двуспальный диван, где лежали смятые простыня и одеяло — напоминанием об их, Лики с Серегой, блаженстве, — и посадил ее к себе на колени.

— Знаешь, а ведь он тебе угрожал — или почти угрожал. Но я ему не верю.

— Я тоже, — сказала Лика, и на этом закончился их разговор о Филе.

«Пара дней еще», — подумалось Лике. Всего только пара дней, а дальше — последняя неделя учебы, работы и затем свобода. Полная. Отдых на два месяца и от учебы, и от конскуча — ну, пусть от интересной, важной работы, настолько интересной

и важной, что Лике завидуют многие, но ведь и отдых тоже замечательная штука, разве нет? Туры по планетам. Парки развлечений, пляжи, исторические местности самые-самые разные. И, главное, с Серегой, первый раз с Серегой: раньше-то они не отдыхали вместе, и трудно представить, что всего год назад, тоже во время каникул, они и не встречались еще, даже не знали друг друга.

— А давай съездим в Нью-Чикаго, — предложил Серый.

— Гениальная идея, — ответила Лика. — Как и идея съездить в любой другой земной город, пожалуй... — Ликиных баллов пока не хватало на частые межзвездные нуль-скачки.

Несколько минут заняла распечатка двух новых комбезов в ближайшем принтер-холле, и еще несколько — перелет по городу. Имитатор на нуль-станции оказался совсем непривычным, в виде древнего способа передвижения, называвшегося — вспомнилось к месту — «метро» и вдобавок очень достоверным.

Лика рассматривала необычные узоры на стенах, ожидая виртуальный «поезд».

— Красиво, — выдохнула она.

— А правда, что твой этот Фил, кажется, бонусник? — спросил Серега.

— Не мой, — сказала Лика, — но что он бонусник — это действительно факт.

— Сдается мне, знаешь ли, что Комплексы содержания просто миф — ну, на сегодняшний день, я имею в виду. Чтоб только создать вольготную жизнь для бонусников. Чтоб даже волосок с их головенок... ну, сама понимаешь.

— Они нежные, — проговорила Лика.

— Это уж точно.

— Где-то я читала, кажется... что в Комплексы и сейчас попадает один человек на десять тысяч. Так что это все же случается, — она задумалась. — Или один на миллион? Там было четыре нуля, не меньше.

— Перепутать четыре нуля и шесть — это можешь только ты, — поддел Серега.

— Да, я не технарь.

Они вошли в «поезд».

Минуту спустя после нуль-скачка — Лика и Сергей уже поднялись на улицу — фоник на браслете опять запищал. На этот раз звонил Михан: голо показало букву «М» и соответствующие цифры.

Отвечать Лике не хотелось, но Михан редко звонил по малозначащим делам. Вместе с Серым Лика вошла в «беседку» — кабинку для переговоров — и включила голо.

Михан возник у противоположной стены, в полутемных очках, как обычно, и, как обычно, с кривоватой усмешкой под короткими усиками. Черные усики топорщились, образ довершали черный костюм и галстук-бабочка. Лике никогда не удавалось понять, чему именно усмехается Михан. Может быть, он и на свет появился с этой кривоватой улыбкой на губах?

— Лика, — сказал Михан нудным голосом, — здравствуй.

Не нудным голосом он говорить не умел.

— Михаил Анатольевич, — заторопилась Лика. — Я сейчас занята. Я действительно... правда очень занята: я отдыхаю.

Она совсем не понимала вкусов мамы, если дело казалось мужчин. Мама вышла замуж за Михана, когда Лике уже было лет восемнадцать, и как же хорошо, что Михан не успел побыть ее отчимом. Или

почти не успел им побыть... или почти не был им и сейчас.

— Знаю, Лика, знаю. Но у меня срочный разговор. Это важно.

— Я слушаю, — ответила Лика и подумала, что у нее, наверно, найдется хоть капля терпения. Но вместе с тем ощутила невольную вину за свое скверное отношение к почти-не-отчиму, пусть даже только мысленное.

— Я насчет Феликса. Он мальчик избалованный и надоедливый, я понимаю. И вообще нехороший во многих отношениях. Но, Лика, постарайся быть хоть немного добрее к нему.

— Михаил Анатольевич, понимаете... он мне неинтересен.

— Очень даже понимаю. Я прошу об этом, Лика, ради тебя. Лишь хотя бы только чуть-чуть, на несколько месяцев. Я ведь все-таки не чужой тебе человек и не хочу, чтоб у тебя были серьезные проблемы.

— Вы о Комплексах содержания? — выпалила Лика. — Но ведь это почти байка... Едва ли не миф. Если кто и попадает туда — то один на миллион. Не больше.

— Два с половиной человека на десять тысяч. Вот так, Лика. Правда, потом им стирают память основательно. Я имею в виду память о том, что там с ними было. Основательно стирают, хотя и не до конца...

— А вы откуда все это знаете?

— Документы в архивах. И старые, лет сто — пятьдесят назад, и новые... ну, почти новейшие, двадцатилетней давности. Многое стерли наши друзья, само собой разумеется. Однако многое и осталось.

— Откуда у вас... — вырвалось у Лики, но Михан очень-очень внимательно взглянул на нее, и она по-

няла: об этом лучше не спрашивать сейчас. Быть может, потом? После отпуска?

«Друзья» — под этим понимали обычно пришельцев. Оваларов. Тех, кто явился и изменил все на Земле к лучшему несколько сотен лет назад.

— Вы говорите о друзьях, как о врагах, — отметила Лика.

— Нет. Я только подчеркиваю, что не все в нашем мире идеально. Изысканная месть — эти Комплексы содержания, а месть — если ты знаешь, среди пунктов в списке бонусных желаний...

У каждого из бонусников — список свой, вспомнила Лика, изменить его они не могут. И похоже, что желание насильно взять ее, Лику, или влюбить ее в себя каким-то невероятным образом в списке Фила, бедняжки, отсутствует.

Бонусники. Ну до чего же это все-таки свинство, когда многим людям приходится терпеть любую прихоть небольшой горстки людей, что родились со сверхспособностями! И никто бы даже не знал об этих суперспособностях, если б не овалары. А теперь без гигантской, колоссальной энергии, которую невольно продуцируют бонусники, никому уже не обойтись. Ни землянам, ни оваларам, ни жителям других миров. И любое исполненное желание — это энергия. Надо много энергии — значит, больше желаний...

Список бонусных желаний обычно не больше ста пунктов, но они весьма разнообразны. В том числе и причинение вреда человеку, хоть чуть-чуть и хоть невольно обидевшему бонусника за всю его жизнь. Чуть-чуть и невольно — или же сильно, осознанно, с серьезным намерением причинить боль. На кого из «виноватых» падет выбор в будущем, не предскажешь: мысли бонусника причудливы, желания — тоже.

— Михан... Анатольевич. Я думаю, это все сказка. Насчет тяжелых условий содержания. Сами-то Комплексы, они вроде...

— И ты была там в детстве, не правда ли? — Михан скептически хмыкнул.

— Да, я была, я видела! Несколько комнат на человека, огромные принтер-холлы, сады... ну просто роскошные, классные.

Михан промолчал.

«Депрессия», — вспомнила Лика. Обязательное условие пребывания в Комплексе, об этом знают все, даже в школах говорят. И начинается она рано или поздно у каждого, кого привозят туда, — а уж как ее продуцируют, знают лишь овалары, пожалуй.

— Да, депрессия, — сказала она, вслух отвечая самой себе. — Ну, это фигня, если честно. Депрессия — просто сниженное настроение, депрессия — не болезнь.

— Я бы не хотел оказаться на месте тех... кто ею страдает. Знаешь, я не могу все изложить так быстро, по фонику... приедешь после отдыха — позвони мне, или нет, лучше в начале отпуска позвони, будет подробный разговор. Главное, о чем прошу: не обижай за это время Феликса! Не оскорбляй его, если будет звонить! Они же такие дети, они непредсказуемы, эти бонусники.

— Михаил Анатольевич, я устала от разговора. Серый меня торопит, надо идти. И знаете, ему не понравится...

— Погоди, — заторопился Михан, — погоди: я, что могу, сейчас расскажу. Условия жизни там — жесточайшие, по несколько десятков человек на палату. Палаты, правда, сравнительно большие, но все равно трехэтажные нары, потому что иначе люди не помещаются. — Что такое «нары», Лика не знала. — Питание там у них... ну, в общем, тот, кто еще не

привык, ничего не съест. Батареи — ты знаешь, что такое батареи? — слабо греют даже в морозы, представители Службы ходят в шубах, узники — нет. Ну а как они обращаются с узниками, это отдельная песня, на которую у меня времени не хватит, пожалуй. Общение с родными даже по фонику воспрещается, ну, может, в месяц раз или в два месяца. Собственно, фоники там изымают, как и другие вещи, как продукты, например... А еще — принудительная работа. Проблемы с водопроводом, с канализацией. От лекарств по-настоящему корчит... ну и прочее. — Лика слушала с возрастающим интересом, как смотрела бы любой сногсшибательный голо-хоррор. — На самом деле мог бы много еще рассказать, но времени не хватит, да и помню далеко не все, что в документах прочел. Есть этап для каждого человека, когда его уже не заставляют работать: слишком сильная депрессия, сосредоточиться уже невозможно. Мешают концентрироваться у кого сильная усталость, у кого ощущение ужаса, жутчайшая тревога, у кого подавленность, у кого сильная печаль... Бывают и телесные ощущения: сердце ускоренно бьется, головокружение, боли в спине, в животе... у кого как. Все — чтоб жизнь малиной не казалась, сама понимаешь.

— Звучит фантасмагорично, — вставила Лика.

— Когда-то там были другие условия, — продолжил Михан. — Пусть и скверные, но не настолько. В палате было по шесть человек... извини, меня зовут, я на работе. В общем, главное тебе я уже рассказал. Позвони потом, ясно?

Сергей взял Лику за руку, когда связь прекратилась:

— Пошли. Не бери в голову.

Лика последовала за ним к выходу из «беседки». «Документы... эти его документы», — вертелось

в голове. Вряд ли Михан имеет доступ к настоящим, серьезным архивам, к любой серьезной документации — или подобным ей вещам. Дилетантство Михана ощущалось каким-то образом — шестым чувством, что ли? Нет, конечно, в голову не стоит брать.

Легкий интерес, смешанный с легкой же безмятежностью, вдруг сменился возмущением. Разве эта его вычитанная где-то якобы в документах чушь может перевесить то, что рассказывают в школах, на вузовских лекциях говорят, пишут... ну даже пусть и в газетах! Нет, не может. И не должна. Но почему же волнуется она, Лика? Если бы это было серьезной информацией, если бы об этом писали, читали — разве овалары не опровергали бы ее публично? Не публиковали бы по этому поводу возражения в газетах, например? Но возражений нет — значит, и обоснованной информации, на которую стоило бы возражать, тоже нет. А Михан... нет, шарики за ролики у него не заехали, за пределами Комплексов содержания сейчас такого обычно не бывает. Но что он странный, это факт. И всегда был странным.

Лике сразу стало легко и ясно на душе.

— Серега, он ведь, правда, странный, наш Михан?

— Он неплохой человек, — ответил Серый, — я это понял сейчас. Даже при том, что ты говоришь мне всегда, будто он плохой. Но этот его рассказ — чушь редчайшая. Я технарь, я верю только в доказанные факты, но и другие серьезные люди, я думаю, в то, что он говорит, не поверят. Да, он странный человек, Лика. Да, — он помолчал. — Как у тебя с твоими клиентами?

Истории с клиентами — Ликин конек, она просто обожала рассказывать об этом. Без конкретных

имен и фамилий, ясное дело. Конскуч — общепринятое сокращение — означает «консультации для скучающих». Для людей, не нашедших себя. И пусть пока еще только вуз, пока еще студенческая практика, но Лике все же казалось, будто она занимается этой работой уже много лет и до сих пор к ней не охладела. Она помнила каждую реплику «скучающих», которых консультировала, помнила не меньше и свои ответы. Прошерстить уйму информации, найти для клиента именно ту, единственную профессию из сотен, быть для него опорой, пока эта инфа не найдена... Что может быть интереснее — и что сложнее? А если слишком сложно, так на то и старшие коллеги, не раз помогавшие Лике.

Погрузившись в мысли об очередной клиентке (бонуснице, которой надоело тусоваться со своими приятелями, такими же, как она, и захотелось чего-то более осмысленного, но вот чего — она пока не знала), Лика совсем не обращала внимания на улицы, по которым шли они с Серегой. На восхитительный, создающий впечатление холмов и ручьев ландшафт слева и справа от пешеходных дорожек, на дома в виде огромных пирамид, с десятками, порой сотнями ярусов, где цветут сады, а двери и окна этих ярусов едва видны между деревьями...

Потом начались булыжные мостовые с ажурными, словно бы воздушными мостиками, перекинутыми через каналы — или скорее ложбины — с водой, которая мягко ласкала сандалии прохожих, то поднимаясь, то опускаясь, будто волна. Дома здесь были похожи на средневековые и почти смыкались над головой. Началась площадь, и Лика с Серым присоединились к сегодняшнему празднику — к танцующему маскараду.

Мысли о работе отступили, отступили раздумья и воспоминания, и остались только эмоции,

только счастье. Конец дня Лика с Сергеем провели на пляже, на разноцветном песке под мягко греющим солнцем. Море здесь было искусственным — и по-настоящему горячим. В воде оказалось жарче, чем на берегу, окунуться можно было лишь на несколько минут, и состояние покоя, необычайной уютности укутывало душу в эти минуты.

Наконец приблизилась ночь. Ужинали они оба уже дома — после нового путешествия сначала по Нью-Чикаго, затем по родному городу, все так же пешком. Если называть это ужином, ведь было далеко за полночь.

Снова вместе в постели, потом сон... Лика проснулась поздно, часов в десять, и долгое время не могла сообразить, понедельник сейчас или воскресенье. Ах да, воскресенье. Можно никуда не спешить. Серый ушел на кухню, изобретает какое-то сверхфантастическое меню.

Клонило в сон, что было странно: обычно Лика не вставала так поздно. На грани сна и на грани яви возникли смутные видения из давнего прошлого, и тяжелое, непонятное беспокойство шевельнулось в груди. Лика не могла осознать суть этого беспокойства — почему, откуда?

Ведь в самих видениях не было ничего плохого. Просто школьное прошлое, учительница Людмила Степановна. Мелькали разрозненные воспоминания: то математика, то уроки «м/п» — межпланетяза. И вдруг — предмет «Мир вокруг нас», который был у них только в первом классе и только раз в неделю. В памяти у Лики зазвучали ее, Людмилы Степановны, слова, но как-то фрагментарно: обрывки предложений, обрывки длинных и цельных пояснений, рассказов. Лишь с запозданием слова эти складывались в сознании нынешней взрослой Лики в непротиворечивую, вполне внятную цепочку фраз.

— ...Ради общества... без войн, без страданий... счастливого... светлого...

Проваливаясь в сон, Лика все же успела мысленно подытожить: не жалко и пожертвовать единицами. Которым, может быть, просто не повезло. Не правда ли?

И в глубоком сне к Лике пришли такие же давние воспоминания. Ощущение чего-то белого, гигантского, мраморного, надвигающегося на Лику из черноты сна. Это белое, мраморное не пугало, оно скорее было приятным. Чувство полета над маленькими домами и заборчиками, которые спрятаны под зеленью парков, садов, но все же видны, если спуститься поближе. Игрушечные парки, игрушечные домики, при помощи конструктора можно создать такие. Мне — шесть лет, с запозданием приходит мысль. Я на экс-кур-сии. Какое трудное слово: экскурсия.

Игрушечные сады, домики — это Комплекс содержания. Вот он, оказывается: разноцветный, нарядный, словно в праздник, а ведь Лика о нем раньше только читала и слышала.

А гигантское, белое, в монументальном стиле видение — это совсем другой дом. Называющийся гораздо понятней и проще: Музей истории.

Но стоп, я ведь не перед музеем сейчас, а над Комплексом. Музей — он уплыл куда-то в прошлое или в будущее. Флаер снизился и мягко опустился перед домиком побольше, розового цвета. Наверное, главным?

Это приемник, сказала Людмила Степановна. Приемное отделение. С крыльца на Лику и ее одноклассников смотрели улыбающиеся люди, некоторые из них в красных махровых халатах (Людмила Степановна пояснила, что это работники Под-

службы содержания), другие — в совсем обычной одежде, пациенты, значит.

Близко, у самого крыльца, стояло высокое дерево, что-то вроде шелковицы, и ветка с ягодами спускалась едва ли не к лицу одного из мужчин — пациентов, жильцов? Он поднял руку, сорвал несколько ягод и протянул их Лике:

— На, возьми, пожалуйста, на.

Наклонился, коснулся Ликиного плеча. Легкое поглаживающее движение, так ласкают незнакомого котенка или щенка.

Их много здесь, думает Лика, жильцов, вроде него, — в пределах этого Комплекса. Сто, может? Или десять тысяч, или тысяча? Их, здесь живущих людей, свозят с большого участка планеты, Людмила Степановна говорила: «большой регион». И все они, значит, такие веселые? Точно, все.

Другой веселый человек проводит Лику, ее одноклассников и учительницу в спортивный зал. Зал высокий, четыре или пять этажей — стало быть, не совсем и игрушечные эти домики? Канаты, уйма перекладин, веревочные лестницы. Все выглядит просто классно, Лика и сама полазила бы по таким, но надо идти дальше: на стадион, где тренируются веселые люди, на ипподром — Лика видит ипподром первый раз в жизни! — и в театр, где жильцы устраивают собственные представления, и в домики для семейных пар... В маленький зоопарк. К тренажерам. В бассейн. К стендам, где висят награды за спортивные достижения, а рядом — самодельные скульптурки, рисунки. В принтер-холлы. К имитациям моря, джунглей, пустыни, к имитации пребывания в космосе и звезд...

Веселые люди вокруг Лики и ее одноклассников. Улыбаются и, как дети, что-то лепечут, к ним обращаясь.

Лика на несколько мгновений вдруг выныривает из сна. Так значит, не прав ты, Михаил Анатольевич, думается ей. Не прав: я ведь это все действительно видела, я была на экскурсии малолеткой. И помнится все мне ясно, будто сейчас. Даже и сна не обязательно, чтоб увидеть.

Фантазер ты, Михан, родной мой. Или легковерен?..

Интересно, страдают ли эти люди из-за того, что лишены свободы, по сути заперты? И из-за того, что они больны, — ведь они становятся больны здесь, в Комплексах? Надо полагать, как раз да, страдают. Иначе и не было бы удовлетворения для бонусников. Но ведь есть и веселье, напускное или реальное?

И снова сон: видение белого монументального Музея истории опять перед глазами, надвигается, закрывает все. Экспонаты из двадцатого века и начала двадцать первого. Длинные тексты-пояснения на стендах. Вселяющие ужас эпизоды прошлого на двухмерных фотографиях. Людмила Степановна идет рядом с Ликой и ее одноклассниками, Лика слышит ее голос:

— Вот, глядите: эта группа экспонатов, дети, о наркоманах. Знаете, что такое наркомания?

— Некромания — это то, когда человек ест или принимает в кровь всякие разные плохие вещества! — выкрикивает кто-то.

— Почти верно, — улыбается Людмила Степановна. — Но только «нарко-», а не «некро-», дети. «Наркомания». Вон, видите, там, на той двухмерной фотографии, страшная рука?

Рука такая страшная, что на нее не хочется смотреть. Хочется закрыть глаза и никогда не открывать их. Это даже не описать: огромные раны, обнажен-

ная до мяса, до костей конечность, черные пятна там, где сохранялась кожа...

— Эти люди брали лекарства, просто лекарства, обычные, — и Людмила Степановна объясняет разные малопонятные вещи. Лике запоминаются слова «аптека», «таблетки», «дозы». Оказывается, если взять таблеток во много раз больше, лекарство становится не лекарством, а... ядом. Чем-то очень опасным. И чтобы доставить себе удовольствие, люди вводили себе в кровь много крошечных кусочков одного из таких лекарств. Совсем непонятно и удивительно: как можно вводить себе в кровь? Она же покрыта кожей... И тогда эти люди заболевали, на руках у них появлялись такие вот страшные раны, и руки удаляли. Навсегда. При чем тут удовольствие, Лика не поняла тоже. Она поняла только: тогда жизнь была такая плохая, что предки были готовы на все — и вводить себе в кровь всякие гадости, и нюхать, и глотать.

Следующие экспонаты. На фотографии — мрачное здание, из которого валит дым. Здесь люди сжигали людей...

Двухмерная картина, нарисованная не тогда, в прошлом, а в нынешнее время известным художником: две женщины, молодая и старая, сидят у кровати больного человека. Этот человек не может открыть глаза, сказать и слова, потому что он спит, глубоко спит. И вдруг он будет спать многие месяцы, даже годы? А эти люди, мать и жена, все будут ходить и ходить к нему в больницу, и ждать, и страдать. А потом, может быть, он проснется, но совсем другой уже, не прежний, станет глупым, вроде неразумного животного. Он просто попал под машину, всего-навсего, и потому уснул. Ведь не было тогда Службы здоровья, и любые болезни, любые травмы, ранения не излечивались моментально, как теперь.

И вновь экспонаты — страшное оружие, из которого стреляли в людей. Лика вскрикивает. И просыпается.

«Не стало войн, дети, — звучат в ее ушах слова Людмилы Степановны. — Не стало убийств себе подобных, болезней, наркомании».

Увидев на тумбочке кушанье, формой напоминающее миниатюрный дворец, из крема, шоколада и экзотических фруктов, Лика мысленно восхитилась. Серега сидел у окна и поглощал другой, очень похожий дворец. Поймав Ликин взгляд, он улыбнулся.

Лика не спешила вставать. Ее мысли словно магнит притягивал сон-воспоминание о Комплексе, почему-то именно о нем, а не о музее. Воспоминание было вполне реальным, но вот эта веселость, улыбки на лицах... Возможно ли такое?

Как могут люди, страдающие от болезни, от изоляции, одновременно быть счастливыми, улыбаться и веселиться? Правдой ли было все то, что она увидела шестилетней девочкой? Михан — он прав или нет? Быть может, все обман, фальшивка, декорации? Наверно, этого ей не узнать никогда.

Вновь наступило забытье, а очнувшись, Лика заметила, что Сереги опять нет в комнате. Ей показалось, какая-то тень проскользнула мимо окна. Флаер? Или большой киборг-птица, которых здесь немало, в их районе?

— Ликусь, — Серега появился на пороге спустя минуту, он был неожиданно бледен. — Там, кажется, тебя. Говорят через дверь.

Лика услышала звук дверного колокольчика.

— Что говорят через дверь? — тихо спросила, и сердце вдруг екнуло.

Серый взял Лику за локоть, подвел к окну:

— Вон взгляни.

Аэрокар со знаком Службы бонусных привилегий на борту — круг и две линии, под углом друг к другу его перечеркивающие, — стоял у подъезда. Узкий, длинный, похожий на автомобильчик. Знак черный... черный знак.

— Черный, — прошептала Лика. Она слишком отчетливо понимала, что это значит. Не красный, не желтый или голубой, а именно черный — цвет Подслужбы содержания.

Неужели об этом и говорило ей предчувствие? Сегодняшнее тяжелое, смутное беспокойство в груди...

— Что делать? — сбивчиво, торопясь заговорил Сергей. — Не пускать? И как же, что же... как быть, звонить куда-то, что делать? — И замолчал: не нашел слов. Любимый, сильный, обычно чуждый робости Серега казался сейчас беспомощным, точно ребенок.

— Они же дверь взломают, — безнадежно сказала Лика. Она читала о таком, но представляла себе эти ужасы со взломом двери как нечто умозрительное, происходящее с кем-то далеко, не с ней.

Один на миллион... или на тысячу? Что говорил об этом Михан?!

И так легко ведь, в сущности, — выйти на балкон, а там мини-флаер. Ну а дальше-то? Догонят, свяжут и на глазах у всей улицы затолкнут в позорный аэрокар с черным знаком на борту. Или она фантазирует, сочиняет такое развитие событий? В конце концов, она еще не в аэрокаре и не в Комплексе содержания. Что, если произошло какое-то недоразумение и перед ней извинятся? Или просто не погонятся, когда она сядет во флаер: что, если это не очень значимо — взять именно ее?

Ведь не должно быть, чтобы ее, Лику... или кого-нибудь из ее родных, друзей...

Один человек на миллион. Два-три человека на десять тысяч. Выбирай.

Ну почему, черт возьми, страх вгрызается в душу, будто хищное животное в тело человека, своей жертвы много веков назад?

— Погоди, — сказала Лика, — я открою. Прятаться некуда.

Она накинула халат, вышла в коридор и на маленьком экранчике увидела трех человек там, за дверью, бритоголовых, в мундирах и лакированных сапогах. Все трое скучающе глядели в камеру, и внешность их показалась Лике одинаковой — не найти различий.

Лика медленно отперла дверь и шагнула через порог.

БОРИС БОГДАНОВ

ГАЛАКТИКА ДЛЯ ЛЮДЕЙ

— Зачем я тут нужен, Витя? Хочется дела, хочется куда-то лететь...

— Тебе пора к внукам, старый.

— Какие внуки? Они давно обходятся без меня. А я не могу без работы. Мне надоели бумажки, мне душно в штабе. Тянет подальше от Земли. Придумай что-нибудь?

— Тянет — это довод. Съездишь с инспекцией? Сюда, сюда... или вот сюда? Выбирай.

— Сюда.

— Хорошо. Отправляйся, адмирал. Справятся без тебя заместители?

— С чем там справляться, комфлота.

* * *

Здесь очень красиво.

Я стою, прижавшись лбом к холодному пластику иллюминатора, а слева выползает Млечный Путь. Алмазными реками светят рукава, прожектором сияет ядро, больно бьет по глазам даже сквозь светофильтры. Я не отвожу взгляда. Если потекут слезы, значит, просто не справилась защита.

Когда долго не мигаешь, галактика начинает мерцать и переливаться, и если забыть, какая она огромная, то можно убедить себя, что ты на Земле и смотришь на ночное небо, например, в пустыне. И пусть там звезд куда меньше, зато они так же уютно мерцают...

Скоро Млечный Путь уходит за правый край иллюминатора. Теперь я вижу только бездну. Если дать глазам привыкнуть, в черноте зажгутся искры. С каждой минутой их будет все больше, и космос превратится в бархат с рассыпанными на нем бриллиантами. Кажется, только протяни руку...

Здесь так красиво, что я даже не плачу.

После обзорной палубы я обязательно захожу в двигательный отсек. Там тоже есть на что посмотреть. На месте гипергенератора распустился удивительный цветок. Он напоминает орхидею, но вряд ли где-то найдется орхидея такого густого пурпурного цвета и такой сложной формы. Ножка завита спиралью, по перекрученным лепесткам бегут бледно-зеленые, голубые и синие огоньки. Тычинки разошлись веером, и над ними дрожит-переливается марево. Папа думает — раньше это был конвертор.

Еще папа говорит, что для яхты движок в полном порядке: системы исправны, энергетика в норме — прыгай хоть сейчас. Папа так удивляется, будто яхта виновата, что у нее нет глаз в двигательном отсеке.

а мозг слабый и непонятливый! Не ставят на такие крошки, как наша — всего девятьсот тонн эквивалент-массы! — мощные машины, нерационально это и даже опасно. Я курсовую на эту тему на третьем курсе писала. У мозга от несоответствия мыслительных сил возможностям тела может случиться расстройство личности. И как потом летать с машиной-шизофреником?

Я трогаю тычинки — воздух сопротивляется, пружинит, покусывает руку. Забавное ощущение — словно долго сидела, облокотившись и положив голову на ладонь, пальцы онемели, и теперь в них возвращается чувствительность. Только не больно, и даже почти приятно.

Точно, конвертор. Это так действуют на нервы вихревые токи.

Бедный, как тебя искорежило! Называется, вернулись из отпуска...

Мы были на Лазурной — лучшей планете для семейного отдыха. Родители год копили деньги, папа даже в выходные мотался по заказчикам, а мама брала работу на дом. Но не зря, не врали проспекты! Небесной голубизны океан, белый песок под ласковым солнцем, вдоль берегов единственного материка — усеянные гейзерами подножия гор. Но самое главное — летний звездопад! Раз в год Лазурная проходит сквозь метеорное облако. На экваторе космический щебень врывается в атмосферу почти в лоб, и в ночном небе расцветают сотни и тысячи фейерверков. В этом году, если считать по земному календарю, зрелище ждали в конце августа. Вадику нынче в седьмой, у меня последний курс, но побывать на Лазурной и не дождаться звездопада!.. Вот мы и тянули.

Домой возвращались новым грузовым маршрутом. Путепрокладчик ходил этим каналом, обозна-

чил старт и финиш. А путепрокладчик — это такая бандура, тысяч под двести тонн эквивалент-массы. По гиперу прет, как экраноплан по заполярному болоту. Выглаживает мелкие препятствия, спрямляет повороты. Настолько, насколько это применимо к гиперу.

Двинулись мы этим путем и нарвались на вихрь. Бывают там такие возмущения редко. Вихрь сглотнул нашу яхту, как болотное окно незадачливого пешехода, и выплюнул в пустоту над диском Млечного Пути.

Папа считает, что повезло: отдачей от перехода могло и по парсекам размазать, а так мы целы и невредимы. Только вместо двигателя теперь — этакое фиолетовое чудо! Значит, связи нет тоже.

Отправляюсь к себе: не хватает разнюниться прямо тут, у движка!

У Вадима, как всегда, приоткрыто, и оттуда несутся визг, вой, скрежет и орудийная пальба. Брат рад дополнительным каникулам и отрывается вовсю. По каюте бродят прозрачные монстры, обвешанные жуткого вида оружием. Вадик проходит очередной уровень «Галактики для людей». Крутится и размахивает руками в виртуальных перчатках! Будто совсем не боится. Будто знает.

Вот и моя каюта! Когда за спиной схлопывается диафрагма люка, я вижу Его лицо. Боиньу Рикарду! Плакатами оклеена вся внутренняя стена. Вот он прорывается к воротам, на ногах вздулись мышцы, сбоку спешит защитник — ему не успеть... Вот Бонюшка завис в прыжке, сейчас он головой вколотит мяч в сетку... Вот в борьбе вытянулся в струну; глаза горят!.. А прямо напротив двери — мой самый любимый плакат: Рикарду спокойно стоит и смотрит мне в глаза, чуть прищурившись, серьезно, но с еле заметной смешинкой, и челка падает на лоб. Словно

говорит: «Не дрейфь, мелкая, прорвемся!» И пусть сто миллионов девчонок в галактике сходят по нему с ума, но я знаю, что так Рикарду улыбается только мне.

Прорвемся... Мы здесь уже порядком, а помощи все нет и нет. Неужели я не попаду на кубковый матч? Я так старалась раздобыть этот билет! Осталось всего ничего. Там будет Боня, и потом он выйдет к фанатам, он всегда так делает, а как же я?

В груди становится горячо-горячо, я больше не могу держаться и реву, как десять коров сразу...

Как хорошо, что в каютах у яхты тоже нет глаз!

— Почему их до сих пор нет? — шепчет мама. — Не может быть, чтобы нас не услышали. Ты точно отправил SOS?

— Конечно, Мила, — отвечает папа. — Яхта делает это сама.

Звуковой канал действует везде, я подключилась к нему и слушаю родителей. Уже четыре года я учусь на кибернетиста, поэтому сложностей тут никаких, разве что немножко стыдно. Да, я слишком любопытна, и таким варварам щемят в дверях носы, но должна я знать, увижусь ли с Рикарду хоть когда-то?

— Тогда где они?! — тихо кричит мама. — Вадику нельзя пропускать, ты же знаешь, какой он впечатлительный, как плохо переносит неудачи. А что подумают учителя? Начнут к нему придираться, и полугодие потеряно... Ему нужно в школу. И у Марины важный год. Придумай что-нибудь!

Раньше я обижалась, что мама любит Вадима больше меня. Вадик то да Вадик се... Про Вадика целая тирада, а я как добавка. «И Марина!» Сейчас я тоже обижаюсь, но меньше. «Глупости!» — будто

говорит Боня с плаката, и я соглашаюсь. Конечно, глупости, так, неприятно чуть-чуть — и все.

— Сколько мы будем тут сидеть? — мама повышает голос. Скоро она начнет обличать. Как же я не люблю эти их ссоры! — Месяц? Два? Или, может быть, год?!

— Милочка, — папа медленно вздыхает. Он всегда так делает, когда уверен, что к нему относятся несправедливо, — мы вместе смотрели регистр. Где и могли принять наш сигнал, так на грузовой базе Разведфлота. Ты представляешь, что такое автономная магистральная баржа?

— Тенин! — говорит мама скрипуче. — Забыл, что я дипломированный штурман?

Это уже вторая стадия. Фамилия как обвинение. Мы с Вадиком тоже Тенины, и нам, бывает, тоже достается. Мама-то у нас Юсупова, и она очень гордится древностью рода. «А вы, Тенины, разночинцы, — говорит в шутку, но и чуточку всерьез. — Зачем я с вами связалась?» Если дойдет до третьей, мама станет демонстративно выкать и величать по отчеству. Меня в такие моменты тянет испариться без следа: умеет она нагнать холоду.

— Тогда посчитай, — отвечает папа, — сколько будет стоить прыжок такой баржи. Сначала к нам, а потом обратно. Эквивалент-массу помнишь или подсказать?

Мама молчит. Наверное, вспоминает эквивалент-массу, оценивает сумму...

Я помню формулы, это был прошлый семестр, и мы проходили спасение в открытом космосе. Сумма получается огромная, несусветная! Чтобы ее покрыть, не хватит никакой страховки. Яхты тоже не хватит.

Сигнал не затерялся в гипере. Его приняли, но посчитали наше спасение слишком дорогой затеей.

Нас списали, как старый халат или сгоревший прибор. Какой-нибудь полковник или даже генерал покачал печально головой, хмыкнул — и отправил гиперграмму в архив. Я представила этого чинушу: наверняка у него грязные, сальные волосы, на воротнике перхоть, мешки под глазами и красный нос. И он им постоянно шмыгает. Есть такие люди, не желают вовремя лечиться. Ходят и сеют вирусы. Ненавижу разведчиков!

Мы зависли тут навечно, и вся моя компания — это мама, папа и прыщавый братик; я их, конечно, очень люблю и все такое, но прожить так всю жизнь? А потом состариться и умереть, так и не познакомившись с Рикарду?!

Как хочется, чтобы папа оказался не прав!

— Это неправильно! — не верит мама. — И зачем посылать баржу? Они могли отправить сигнал дальше, на базу спасателей... Кто-то же должен за нами прилететь?

— Никто не прилетел, Мила.

— Почему же?!

— Слишком далеко. Там ведь не только масса, но и расстояние. В формуле. Далеко нас занесло-то, галактику видим со стороны.

Папа говорит спокойно, подбирает слова. Не представляю, чего ему это стоит. Он у нас молодец, хоть и разночинец.

— Объясняешь? — заводится мама. — Что же за жизнь за такая?! Все копейки считают, из-за копейки удавятся! А ты всех оправдываешь, всегда причину находишь! Какую бы гадость нам ни сделали, ты на их стороне. О детях подумайте, Михаил Петрович!

— Я подумал!

У папы срывается голос:

— Я раньше злился, ненавидел, теперь понял — они не злые, просто рациональные. И когда говорят: «Галактика для людей», это просто красивый и пустой лозунг. Никто нас не спасет, если мы не позаботимся сами... Мы прыгнем. Подождем несколько дней и прыгнем.

— Миша, ты что несешь? — От удивления мама успокаивается. — Куда мы прыгнем и как?

— Куда-то, — говорит папа. — Яхта думает, что привод исправен, просто отрубило систему ориентации в гипере. Без нее прыгать нельзя, но Марина, наверное, сможет запрет отключить. Сможешь, дочь? Я же знаю, что ты слушаешь.

— Аха-а... — от смущения я не сразу нахожу, что ответить. — Смогу, папа.

— Мариночка! — ахает мама. — Как тебе не стыдно!

Если смотреть снаружи, то здесь еще красивее. И честнее: ведь с внешней обшивки сразу видно, что не галактика кружит вокруг яхты, а мы кувыркаемся рядом с ней. Какие-то шесть тысяч парсек, рукой подать. Где-то там Земля, наш дом. Если в этом буйстве света найти отразившийся от Земли лучик, то он покажет волосатых, одетых в шкуры первых людей. Они живут просто и недолго, охотятся на мамонтов, бьются с пещерными медведями и саблезубыми кошками, не брезгуют и соседом из другого племени. Звезды для них — глаза предков и богов.

Меня пробирает дрожь. Между нами тысячелетия, но кажется, что мы живем одновременно. От этой мысли кружится голова. Они смотрели на небо, давали звездам имена, они мечтали увидеть их вблизи, и именно поэтому я могу смотреть на эти звезды из-за пределов Млечного Пути.

Галактика расплывается перед глазами. Мне жутко, я пришла сюда попрощаться. Так, на всякий случай. Никто не знает, куда мы попадем, и попадем ли вообще. Может, вынырнем в короне звезды, может, останемся на месте. Я завидую брату. Узнав о нашей затее, он хмыкнул, сказал: «Круто!» — и вернулся к своим монстрам. «Не парьтесь, предки! Все будет хорошо», — заявил, когда папа начал говорить о возможных опасностях. Счастливый человек.

У нас часовая готовность. Перед тем как вернуться в шлюз, я смотрю на Млечный Путь, и он начинает приветливо мерцать, словно тоже смотрит на меня. Мне не хочется плакать, это просто слабые фильтры...

Галактика мигает все сильнее, потом начинают ныть зубы. Кожу щиплет, будто с мороза, а следом по телу катится горячая волна. Космос вокруг беззвучно стонет от боли, сминаемый великанской рукой. Звездные рукава пляшут, распухают, а потом рвутся, открывают бездонный провал гипера. Оттуда торжественно выдвигается чудовищно огромная черная тень.

Корпус яхты подрагивает: кто-то вышел наружу и встал рядом со мной.

Дыра в пространстве схлопывается, гость расцвечивается огнями и обретает объем. Это модульный танкер серии «Зевс», два миллиона тонн эквивалент-массы. Обшивка по большей части снята, модулей и трюмов на положенных местах нет, и Млечный Путь выглядывает сквозь решетчатые фермы корпуса. Привычный вид жилой надстройки нарушают пятна краски и грубые сварные швы. Сквозь них просвечивает название: «ПЕРУН». Единственный оставшийся грузовой модуль обращен к нам приоткрытыми воротами. Такая яхта, как наша, поместится в нем легко, и не одна.

Как занесло сюда это чудище?!

— Пойдем, Марина, — звучит в наушниках растерянный папин голос. — Приглашают швартоваться. Это за нами.

Мы стоим у яхты, а из дальнего угла трюма к нам спешат трое в форме, среди них врач. У него озабоченное лицо, а в руках саквояж.

— Больные, раненые есть? — говорит вместо приветствия старый сухощавый адмирал.

Папа торопливо мотает головой.

— Хорошо, — адмирал улыбается. — Майор, вы, к счастью, не нужны. Можете идти!

— Позвольте представиться! — продолжает адмирал. — Меня зовут Алексей Михайловский, я временно командую этим хозяйством, — он делает неопределенный жест рукой, — и ближайшие несколько дней, пока шторм не совсем утих, вы погостите у нас.

— Шторм?.. — повторяет за ним папа.

— Спонтанные разрывы связности, — объясняет Михайловский, — очень сильные. Так говорят специалисты. Что поделать, обычных слов им не хватает, — адмирал улыбается. — Каналы опасны для навигации, связь неустойчива. Мы поймали ваш сигнал чудом. Вы, Михаил Тенин, капитан и владелец, мадам Милена и мадемуазель Марина... Рад знакомству! И, конечно, Вадим Тенин, будущий профессор математики, наверное? — Он залихватски подмигивает Вадику.

— Хай! — Вадим солидно машет рукой.

— Вот и отлично! Милена Станиславовна, я заберу ненадолго вашего мужа? Нам нужно кое-что обсудить. Логи бортжурнала у вас с собой, Михаил?

— Конечно. — Папа пожимает плечами и нерешительно смотрит на маму.

— Отлично! — повторяет адмирал. — Лейтенант Игорь Оверро остается с вами.

— Игорь! — беру я быка за рога, когда папа с адмиралом уходят. — Это тот самый Михайловский, который утихомирил Семью?

— Да, — кивает лейтенант.

— Здорово! — кричит Вадик. — Он покажет мне свои ордена?

— Если хорошо попросишь, — смеется Оверро.

Он лопоух, белобрыс и веснушчат, но у него такие обаятельные ямочки на щеках, что я тоже начинаю улыбаться.

В ожидании спокойного гипера мы с лейтенантом третий день гуляем по кораблю. Вадик завис на оружейной палубе, мама лечит нервы старыми фильмами, папа занят с адмиралом, поэтому Игорь развлекает меня одну. Мальчишка! Ему тоже нравятся внезапные отпуска, и мы таскаемся по самым странным местам.

Сейчас мы стоим в отдельном ангаре, наспех оборудованном под двигательный отсек. Гипергенератор прихвачен к полу обычными, только очень большими болтами. В одном месте болтов не хватило, и угол станины посажен на клей. Здесь холодно, изо рта идет пар. Я провожу по ближней стене рукой: она плачет конденсатом, за ней — космос.

— Когда пришел сигнал, — рассказывает Игорь, — мы занимались плановым капремонтом. Представь: пустая база, только «Перун» и пара ремонтных ботов, на которых даже внутри системы не прыгнешь! Гипергенератора нет. Когда начался шторм, мы как раз ждали транспорта с новым двигателем. Пришлось снимать с консервации вот это, — он пинает станину, — маломощное старье.

Ох и гонял нас Сергеич... Совсем раздели бедного «Перуна», зато смогли донырнуть до вашей птички! И даже не опоздали.

Он расписывает в красках случившийся из-за нас аврал, а меня грызет злость. Тогда, в первый день, папа вернулся от адмирала растерянный. «Нет, — ответил он, — яхта остается у нас. Оказывается, мы столкнулись с новой разновидностью вихря. Еще оказывается, флот хорошо платит за такую информацию. Так представляете, адмирал потребовал, чтобы в заявке стояло и его имя!» — «И что ты?» — спросила мама. — «А разве я мог отказаться?»

Лейтенант так раздувается от гордости за своего адмирала, что я не выдерживаю.

— Это он из-за денег, — ехидно говорю я и добавляю все прочее, что положено в таких случаях. Про то, как я зачитывалась в детстве описанием его подвигов, как мечтала встретиться и каким он оказался на самом деле. И, чтобы добить, припечатываю: — Да если бы твой Сергеич не думал подзаработать, никуда бы вы не полетели... Каждую копейку считаете и из-за копейки удавитесь!

— Ну ты даешь, мать! — отвечает Игорь скучным голосом. — Ты при нем не ляпни.

— А то что, арестует?

— Ничего, просто глупо будет. Головой подумай. — Кажется, он обиделся. — Откуда Сергеечу знать, что там с вами случилось? В сигнале сведений всего ничего — регистрационный номер вашего корыта и пара координат, старт да финиш. А что в заявку имя вписал, так нужно ему расходы возместить? Все, экскурсия окончена, двинули назад, мадемуазель!

Возвращаемся молча. Лейтенант пыхтит и играет желваками. Злится.

Возле яхты его прорывает:

— Запомните, Марина Михайловна, — говорит Игорь, хмуро глядя мимо меня, — эта галактика — для людей. Никто не будет брошен, никто не будет потерян! Каждого человека мы будем искать и найдем. Сколько бы это ни стоило! Прощайте!

Что за манера: чуть что — выкать...

Он козыряет и уходит, не оборачиваясь. А я стою у трапа как дура.

Вечером я понимаю, что идиотка, что папа необязательно прав, мир может быть лучше, чем он пытается нас убедить, и что надо обязательно извиниться, но день уже кончился, и я решаю отложить извинения на утро. Я не забуду, я же не хочу остаться в глазах Игоря глупой курицей?

Я смотрю в темноту, на плакат с Рикарду, и вдруг понимаю, что не помню его лица! Перед глазами крутятся веснушки блондина Оверро, его голос и его слова: «Галактика для людей». Наверное, так и надо, понимаю я.

Как хорошо, что успела записать его номер. Обожаю разведчиков!

...Может, убрать Боню со стены?

* * *

Замначфина флота листал отчет Михайловского, поглядывая на того сквозь ресницы. Старый адмирал сидел прямо, не касаясь спинки и подлокотников кресла. Документы, похоже, что из вредности, он оформлял только на бумаге. Алексей Сергеевич ждал разноса, готовился спорить и ругаться, и замначфина послушно опустил уголки губ. Теперь на его лице недовольство и брюзгливость.

Замначфина — импат.

— Не понимаю, как у вас раньше принимали такое. — Он выплюнул последнее слово, как несвежий кусок, случайно попавший в блюдо, — Надо разогнать аудиторов. Форменное вредительство. Это было обязательно — прыгать именно на «Перуне»? Вы не могли найти другое судно?

Михайловский дернул веком. Замначфин почувствовал, что адмирал едва сдерживается, чтобы не сообщить выскочке и крысе канцелярской, как следует называть боевые корабли.

— Мы получили сигнал SOS, — сказал Михайловский, — мы спасали людей. Там все есть!

— Это слова, адмирал, — скучно ответил замначфина. — А это, — он постучал по бумаге, — деньги. По какой статье прикажете списывать эти миллионы?

— По статье Устава «Спасение в космическом пространстве»! — сказал адмирал.

— Демагогия! — взорвался замначфина. — Вы пользуетесь знакомством с комфлота! Мне приказано не обращать внимания на ваши безобразия, а как, — он подхватил бумаги Михайловского двумя пальцами и потряс ими перед лицом старика, — это сделать — не приказано! Идите, адмирал!.. Зачем вы вообще пришли ко мне? Почему вы, как обычно, не отнесли эту дичь моему заму?

— Обходной лист. На отпуск. Я собираюсь в отпуск, на Лазурную. Как входящий в высший комсостав, обязан завизировать у должностного лица в должности не ниже...

— Знаю! Давайте...

Замначфина замер на секунду, а потом кинул на заявление быстрый вензель.

— Все? Разрешаю, уходите наконец!

Глядя в зеркало на дверях опустевшего кабинета, замначфина медленно привел лицо в порядок. Выйди

с такой рожей в коридор — половина управления разбежится, а половина — попрячется.

Не переиграл ли он? У старикана фантастическое, сверхъестественное умение оказываться там, где должно что-то произойти. Но его нужно подогревать, создавать вокруг обстановку нервозности, недоверия, оппозиции.

Замначфина вывел на отчете: «Списать» и положил в секретарскую папку. К исполнению — и в архив. В таком деле деньги не считают. Надо спасать даже таких империофобов, как старший Тенин. Они не дают закиснуть в довольстве и тем крайне полезны. Впрочем, это уже перехлест, какая польза?

У замначфина ослабли колени: они могли потерять Вадима Тенина — потенциально сильнейшего прогностика современности. Знал об этом старик, срывая «Перуна» в прыжок? А если бы на его месте оказался другой командир? А как бы поступил он сам? Замначфина поежился: от рефлексий у него всегда пропадала уверенность в себе. Лучше не думать, случилось то, что случилось.

— Соедините с Лазурной, майор, — сказал замначфина в селектор.

Надо предупредить жену, пускай возвращается. Не просто же так Михайловского потянуло на курорт?

АНТОН ФАРБ
НИНА ЦЮРУПА

Я БУДУ

Наставник!

Самый преданный Ваш ученик достиг наконец-то места своего назначения. Я пишу эти строки под уютное потрескивание поленьев в камине директор-

ского кабинета, прихлебывая горячее вино и привыкая к занимаемой должности.

Путь мой в Дом Вспоможения был долог, труден и скучен. И лишь природа скрашивала однообразие путешествия. Места здесь удивительно живописные: вообразите себе золотые долины, пылающие багрянцем дубовые рощи, сверкающую гладь озер и далекие белоснежные пики, устремленные в пронзительно-синее небо. Но по мере того, как дилижанс забирался все выше по извилистой дороге, пейзаж менялся. Над речушками клубился плотный туман, слизью оседая на окнах экипажа; северный ветер пригнал тяжелые серые тучи, скравшие вершины гор; сумрак сгустился под мохнатыми лапами вековых елей. Приглушенный цокот копыт и скрип колес были единственными звуками, услаждавшими мой слух.

На исходе дня мы миновали ничем не примечательный городок N, затерянный в предгорьях, и где-то час спустя увидели вдалеке огни Дома.

Угрюмый молчаливый сторож из местных отворил кованые ворота и помог мне донести саквояж. В освещенном газовыми рожками вестибюле Дома я почувствовал себя оторванным от течения времени и перенесенным из нашего бурного двадцатого века в благословенный век девятнадцатый. И даже мой заместитель Альберт с его пышными седыми бакенбардами казался частью минувшей эпохи — некогда, как Вам известно, он служил дворецким у благочестивого господина, завещавшего Церкви сей особняк.

Приняв у меня пальто и шляпу, Альберт начал степенно подниматься по рассохшейся певучей лестнице. Я последовал за ним, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Потемневшие от времени резные деревянные панели стен и потолка, старинный гобелен (выцветший настолько, что непонятно, что на нем изображено), некогда роскошные, тисненные золотом, а ныне вылинявшие и обшарпанные зеленые шпалеры, высокие окна, забранные бархатными, пыльными даже на вид портьерами, — все это в мягком газовом свете казалось живым и теплым.

В этот еще не поздний час ни одной живой души не встретилось нам по дороге, ведь обитатели сего Дома Скорби наверняка предавались молитвам, чтению Книги и размышлениям о бренности бытия в своих комнатах.

Облысевшая ковровая дорожка привела нас с Альбертом к дверям моего кабинета. Альберт вручил мне связку ключей, что я воспринял не только и не столько как знак вступления в должность, но как символ ключей от Врат Царства Небесного, дарованных Господом нашим моему тезке, святому Петру.

Признаться, я был взволнован и приятно удивился, когда дородная пожилая дама лет пятидесяти по имени Агата — наша кухарка, как представил ее Альберт, встретила меня кружкой глинтвейна и домашней выпечкой.

Преломив хлеб и вкусив вина, я сел писать первую заметку в этом дневнике, который при случае передам Вам, Наставник.

Прошу великодушно извинить меня за скудость изложения, но спешу преклонить колени и помолиться за обитателей Дома во вверенной мне часовне.

На сим прощаюсь с Вами, дорогой Наставник, и обещаю продолжить записи на следующий день.

Искренне Ваш,

Петер.

* * *

Дорогой Наставник, спешу развлечь Вас занятным происшествием.

Мой крепкий сон прервало кряканье автомобильного клаксона — звук, который я менее всего ожидал услышать в этом захолустье. Как пояснил мне Альберт, когда я спустился в холл, в Дом прибыл новый обитатель. Его ожидали еще вчера, но он задержался в пути. С неподдельным радушием я встретил своего первого подопечного — высокого могучего старика с всклокоченной бородой и покрасневшими от усталости (как я тогда подумал) глазами. В зубах он сжимал погасшую трубку, а облачен был в некогда белый, а ныне помятый и заляпанный поварской китель. Тыльные стороны ладоней гостя украшали татуировки: парусник на левой и якорь — на правой.

Шофер оставил чемодан и молча удалился.

Старик окинул меня осоловелым взглядом и молвил: «Позовите-ка главного, молодой человек». Я приветствовал его в Доме Вспоможения и заверил, что являюсь пастырем и директором сего богоугодного заведения. Слегка качнувшись, старик издал неясный горловой звук и отрекомендовался: «Майкл. Шеф».

Я раскланялся и пригласил нового обитателя присоединиться к утренней молитве. Майкл, поморщившись, сослался на утомленность после дороги и острую головную боль, выразил желание отдохнуть и уточнил распорядок дня.

Когда я направлялся в часовню, а Майкл с Альбертом поднимались по лестнице, вполуха я услышал, что старик просит у моего заместителя бутылочку пива, дабы поправить здоровье. Причина плохого самочувствия Майкла сразу стала мне понятна.

К назначенному времени часовня наполнилась персоналом и обитателями Дома. Наконец-то я сумел разглядеть паству. Скромно и подобающе одетые сестры милосердия помогали немощным старикам и старушкам занять места на жестких деревянных скамьях. Чистую красоту непорочных созданий подчеркивали белоснежные, до хруста накрахмаленные чепцы и отутюженные передники поверх серых платьев. Обитатели Дома пришли на молитву в полосатых пижамах и мятых халатах, шаркая шлепанцами. Некоторых привезли в креслах-каталках.

От вида несчастных, чьи дни в этом мире были уже сочтены, сердце мое преисполнилось скорбью и одновременно радостью: именно на меня возложена обязанность позаботиться о спасении их душ.

Прочитав утреннюю молитву и позавтракав овсянкой, я приступил к рутинным хозяйственным заботам, описанием которых не буду вас утомлять.

Перед обедом я совершил короткую прогулку, дабы ознакомиться с окрестностями Дома. Взору моему предстал запущенный парк, печально-прекрасный в этот ясный день поздней осени. Воздух был первозданно свеж. Я вышел на берег небольшого горного озера, отражавшего лесистые древние склоны. Усладив свой взгляд красотами и нагуляв изрядный аппетит, я вернулся в кабинет, сделал эту запись и переоделся к обеду.

* * *

Дорогой Наставник!

За обеденной трапезой произошло нечто, достойное упоминания в этих записках. Искренне надеюсь, что Вы оцените мое поведение в непростой ситуации. Льщу себе надеждой, что справился с пер-

вым (из многих предстоящих) испытанием, ниспосланным Господом, дабы укрепить меня в вере в Него и служении Ему.

Как Вам наверняка известно, во время Великой войны покойный ныне владелец Дома оборудовал в нем госпиталь, выделив самую большую залу под столовую. С тех пор мало что изменилось: столы на шесть особ, стулья с жесткими спинками, разнообразнейшая посуда — от мейсенского фарфора до алюминиевых солдатских мисок.

Именно здесь, среди неистребимых запахов прогорклого масла, вареной рыбы и нафталина несчастные обитатели Дома принимали пищу для поддержания жизни телесной, готовясь обрести жизнь вечную. Признаться, зрелище было гнетущее. Преодолев невольную оторопь при виде стольких ожидающих смерти людей, я с некоторым облегчением сел за один стол с Альбертом и милыми сестрами милосердия.

Мы помолились и приступили к еде. Добрейшая старушка Агата приготовила паровую треску со шпинатом — пищу крайне полезную и диетическую (хотя не очень вкусную). Только такую и могли усвоить желудки обитателей Дома.

Я успел перекинуться парой фраз с Мартой, прелестной румяной девицей из набожной семьи, нашедшей свое призвание в уходе за стариками, когда один из наших подопечных, а именно — Майкл, о котором я рассказывал чуть выше, затеял скандал.

Демонстративно отказавшись от еды и отодвинув тарелку, Майкл воздвигся во весь свой немалый рост и громогласно потребовал повара. Несмотря на увещевания сестричек и санитаров, вздорный старик не пожелал успокоиться и направился прямиком на кухню. Обеспокоенные, мы с Альбертом последовали за ним.

На кухне, среди начищенных котлов и сковородок, в пару и чаду, милейшая Агата и сорванцы-поварята уже приступили к трапезе за маленьким столиком в углу.

Майкл бесцеремонно прервал их обед и принялся отчитывать кухарку: «Что это?! — разорялся он, тыча пальцем в тарелку. — Как это можно есть? Как вам не стыдно подавать это людям, сударыня? Вы позорите профессию повара! Я сорок лет кормил людей, я прошел путь от простого кока на малайском сухогрузе до шефа в парижском ресторане! И никогда не видел, чтобы так испортили треску!»

Слезы обиды и огорчения выступили на глазах добрейшей Агаты. Потупив взор и теребя не очень чистый фартук, кухарка молча внимала дерзкой проповеди старика.

«А если бы это была ваша последняя трапеза?! — с надрывом рычал Майкл. — Неужто вы предпочли бы вареную тряпку куску сочного жареного мяса? Если уж вам выпала участь готовить в богадельне для умирающих стариков, почему бы не побаловать нас напоследок?»

«Но я не умею!» — всхлипнула кухарка.

В этот момент Альберту пришлось удерживать меня, чтобы я не бросился на защиту обиженной старушки.

«Так я научу!» — прогремел старик.

Агата робко улыбнулась, Майкл прекратил крик. Я вздохнул с облегчением, сочтя инцидент исчерпанным.

«Старый — как малый», — вздохнул Альберт. И я полностью с ним согласился, предчувствуя, что подобные скандалисты еще не раз и не два встретятся среди подопечных. И задача моя как пастыря — не дать одной паршивой овце совратить все стадо с пути истинного.

Я наметил это темой проповеди и вернулся к треске.

За ужином нас всех ждал сюрприз: Агата и поварята, прикрутив газовые рожки, вкатили сервировочный столик с блюдом, несколько неуместным в нашем Доме, но изысканным и способным украсить меню любого ресторана. По наущению и при помощи Майкла (о чем тот безостановочно напоминал) Агата приготовила каре ягненка, которое следовало фламбировать и подать с клюквенным соусом и картофельным пюре.

Когда мясо, политое коньяком, вспыхнуло и пламя озарило Майкла, лицо его напомнило мне изображение языческого жреца, совершающего нечестивое жертвоприношение.

Но обитатели Дома и персонал встретили сие блюдо аплодисментами.

Пока возбужденные старики, перемазавшись соусом, пытались обглодать ребрышки, крайне довольный жизнью Майкл похвалялся тем, что однажды собственноручно убил и приготовил дракона с острова Комодо.

Ваш же покорный слуга отказался вкушать ягненка и попросил Агату о более скромной пище, способствующей смирению плотских желаний, — например, консервированных бобах. Услышав мою просьбу, Майкл прервал словоизлияние единственно затем, чтобы поднять меня на смех: «А спать, любезный пастырь, после такого ужина, я рекомендую при плотно затворенных дверях и открытой форточке! Нашли, молодой человек, чем плоть смирять!»

Первый день моего директорства, таким образом, окончился под гомерический хохот моей паствы. Что поделать, человек слаб и подвержен искушениям — всегда, даже на пороге кончины.

Так я осознал, сколько подводных камней и трудностей ждет меня впереди.

На этой ноте позвольте откланяться, любезный Наставник, ибо мне предстоит много бумажной работы.

Искренне Ваш,

Петер.

* * *

Мой дорогой Учитель!

Нижайше прошу извинить меня за перерыв в записях, вызванный объективными причинами.

Среди обязанностей, возложенных на плечи директора Дома, забота о самочувствии и физическом здоровье подопечных стоит на втором месте после спасения их душ. Обеспокоенный инцидентом в столовой, я спросил у Альберта номер телефона доктора Хуберта, проживающего внизу, в городе N, и оказывающего врачебную помощь обитателям Дома.

Доктор Хуберт заверил меня в категорической недопустимости каких-либо экспериментов с рационом пожилых людей (по его собственному выражению). И я был вынужден отчитать милейшую Агату и наистрожайшим образом запретить выдачу припасов без моего на то разрешения.

Хлопоты по хозяйству отнимают бо́льшую часть моего времени, но без лишней похвальбы хочу заметить, что достойно справляюсь с управлением Домом. Единственное, что вызывает беспокойство, — поведение этого несносного старика, Майкла.

Мало того, что он ни разу не был на проповеди или молитве!

Третьего дня он позволил себе флиртовать с сестрой милосердия Мартой, смутив несчастную девицу чуть ли не до слез.

Неоднократно пытался уговорить Альберта пронести в Дом алкоголь; с багажом Майкла были доставлены запасы неимоверно вонючего кубинского табака и саксофон — поистине дьявольский инструмент, зловредная дудка, каждую ночь своим мяуканьем лишающая нас сна!

Агата дважды выходила из комнаты Майкла, объясняя свое поведение консультациями в области кулинарии. Что никак не соотносилось с ее растрепанной косой и беспорядком в одежде. Удивительно, но женщина, прожившая почти полвека, так легко поддается соблазну плотского греха!

Предвидя дальнейшее падение нравов, я укрепился в намерении сделать темой воскресной проповеди притчу о паршивой овце и добром пастыре.

Однако проповеди этой не суждено было состояться.

Я распорядился произвести в часовне генеральную уборку: смахнуть пыль с резных украшений амвона и органа, отполировать большое распятие и выстирать драпировки. Заранее пригласив паству на проповедь, в назначенное время я ожидал прихожан с Книгой в руке и Богом в сердце.

Но единственным моим слушателем оказался Себастьян, полупарализованный ветеран Великой войны. Марта привезла его и убежала, не объяснившись. Некоторое время я пытался беседовать с калекой. Увы, после контузии он утратил дар связной речи.

Вскоре из холла донеслось истошное мяуканье саксофона, и я, толкая перед собой кресло-каталку с Себастьяном, поспешил на разведку.

Открывшаяся картина потрясла меня разнузданностью.

Зловредный Майкл не придумал ничего лучше, чем устроить импровизированный концерт во время воскресной проповеди!

Восседая в центре холла, козлобородый старик, сладострастно обнимая и лобызая свой саксофон, заставлял его кричать и стонать в той похабной манере, которая в негритянских кварталах Нового Света именуется, если я не ошибаюсь, джазом.

Обитатели Дома, поддавшись безумию, пытались выплясывать, донельзя жалкие, в пижамах и халатах, теряя шлепанцы и задыхаясь от нагрузки и возбуждения.

Сестры милосердия, сняв чепцы и подоткнув, подобно деревенским прачкам, подолы, танцевали друг с дружкой, бесстыже вскидывая бледные ноги.

Казалось, что весь Дом спятил от этой чудовищной музыки, и даже полупарализованный Себастьян пытался подергиваться в такт.

Лишь мне удалось сохранить самообладание и выдержку. Оказавшись в столь сложной ситуации, я выбрал единственно верное решение. Бессмысленно было бы пытаться перекричать какофонию или удержать раскрасневшуюся Марту!

Только музыка небесных сфер, гармония истинной классики, могла вернуть мир и спокойствие в стены Дома.

Я кинулся в часовню, к органу, призвав на помощь Баха.

Могучая акустика божественного инструмента легко заглушила жалкую дудку Майкла. Я растворился в симфонии и позабыл обо всем. Вдохновение снизошло на меня свыше.

Так прекрасно я не играл никогда! Сам Господь направлял мои пальцы!

Стоит ли говорить, что с последними аккордами органной музыки во всем Доме наступила просветленная и одухотворенная тишина. Так, с помощью Бога и Баха, был посрамлен вульгарный джаз, а мне удалось приструнить Майкла и, надеюсь, сделать маленький шажок к спасению его души.

* * *

Дорогой Наставник!

Выигранная битва еще не означает выигранной войны.

Поползновение Майкла сорвать воскресную проповедь, столь блистательно подавленное Вашим покорным слугой и Иоганном Себастьяном Бахом, имело, однако, далеко идущие последствия. Уже утром понедельника среди обитателей Дома началась непонятная мне ажитация, результатом коей стало нашествие бесчисленных полчищ коммивояжеров в нашу удаленную обитель.

Гнусные приспешники Мамоны пытались навязать пастве моей вместо истинных ценностей ложные, сиюминутные, суетные. Ослабевшие духом и верой старики жадно хватали пестрые крахмальные сорочки, накладные воротнички, шелковые галстуки с булавками, лакированные штиблеты и костюмы английского сукна, и даже такие атрибуты людского тщеславия, как одеколон и бриолин.

Непотребней были только старухи! Охапками сгребая флаконы духов, пуховки и пудру, румяна и губную помаду, парики и пакетики хны, они, хихикая, волокли все это в свои комнаты, дабы размалевать себя подобно блудницам. Портнихи, словно гиены, следовали за ними.

Благочинные сестры милосердия поддались общему безумию, укоротив свои платья до пределов

приличия. А Марта даже посмела снять чепец, явив миру бесстыже короткую стрижку, обнажавшую шею с ямочкой в основании затылка.

Вслед за переменой внешней старики стали меняться и духовно, предпочтя молитвам и чтению Книги ежевечернюю игру в покер и жалкие попытки флирта друг с другом. Вопреки моим указаниям наши трапезы становились все более острыми, жирными, пряными, возбуждая плотский аппетит.

Я обратился за помощью к Господу нашему, проводя бессонные ночи в истовой молитве. Лишь паралитик Себастьян составлял мне компанию, но потом Марта увезла и его.

В ужасе я наблюдал, как Дом Скорби превращается в логово разврата и распущенности. Паства моя, забыв о спасении души, погрязла в макабрической пляске.

Утром в четверг я принял решительные меры.

Местом схватки за душу Майкла я избрал свой кабинет, время (неслучайно) было назначено предобеденное.

Как я и ожидал, Майкл опоздал на полчаса, но это не изменило мой настрой.

Когда отставной шеф-повар, смердя табаком, алкоголем и специями, в своем заляпанном соусом кителе предстал передо мной, раздосадованный и недовольный, я приветствовал его радушной улыбкой и предложил присесть.

Я знал, что разговор предстоит нелегкий, поэтому преисполнился терпения, успокоился и произнес заранее подготовленную речь.

«Шеф! — дабы расположить его к себе, начал я. — Человек вашего опыта и возраста должен понимать, что все мы бренны и смерть ожидает нас в конце пути. И оттого все ценности в этой жизни следует разделять на вечные и преходящие. Беспо-

лезно отворачиваться от смерти, тешить себя ложными надеждами и бежать от Бога, который есть начало и конец всему. Никакие сигары, карты, виски и побрякушки не унесешь с собой в могилу. Нет Господу дела до красоты нарядов. Одеколоном и специями не перебьешь вонь тлена и разложения»...

Тут Майкл перебил меня: «О! Кстати о специях! Мне пора, скоро подавать обед!»

Вскочив, я попытался удержать вздорного старика, но его душа, покрытая коростой цинизма и неверия, осталась глуха к моим воззваниям. Потрепав меня по плечу, повар вышел, так и не услышав окончания моей речи.

На обед подали ростбиф.

* * *

С первыми хлопьями снега в Дом пришла беда.

Выйдя на крыльцо и проводив доктора Хуберта, я окинул взором безрадостный зимний пейзаж. Ни чистоты, ни благолепия не было в нем: все пропиталось дождем и туманом, снежинки растворялись в лужах грязи, пожухлая спутанная трава устилала землю, голо и черно торчали ветви деревьев. Серое небо давило на плечи.

«Я ничего не могу сделать, — сказал доктор на прощание, — бедолага не дотянет до утра».

Речь шла о несчастном калеке Себастьяне. Пробил его час.

Вглядываясь в войлочный туман, я с трудом напомнил себе, что там, за тучами, за снежной пеленой, горит вечный свет, имя которому Любовь. И Господь в милосердии своем готов принять и спасти израненную душу ветерана.

Мне же предстояло впервые в жизни исповедовать умирающего, подготовить его к встрече с Создателем.

Помолившись и преодолев дрожь, я вооружился Книгой и отправился в комнату Себастьяна. У постели умирающего дежурила Марта. Неуместно сверкая коленками и голыми руками, она промакивала испарину с воскового лба паралитика. Единственный мой собеседник (если можно так его назвать) дышал часто и хрипло. Легкие его, сожженные в битве на реке Ипр, отказывались принимать кислород даже из специальной подушки.

Лицо Себастьяна было скомкано ужасом, глаза же молили о помощи. Трудно поверить, что несчастный прожил чуть более тридцати лет. Плоть слаба. Дух вечен.

Я подошел к постели и открыл Книгу.

Несчастный забился в припадке, силясь оттолкнуть меня скрюченными пальцами. Марта всхлипнула. Невзирая на страх Себастьяна (такой человечный и понятный мне), я приступил к последней молитве.

Вдруг с грохотом распахнулась дверь, и в комнату ворвался разъяренный Майкл. Обуянный бесами старик взревел: «Ты что творишь, сукин сын?! Ты кого послушал? Сельского коновала? Не сметь отпевать живого! Держись, солдат! Мы еще повоюем!»

Лицо Марты озарилось испугом надежды, и глаза Себастьяна отразили безумие Майкла.

Я выставил перед собой Книгу как щит и воззвал к Господу, дабы вразумил он одержимого старика, посмевшего прервать таинство и заступить дорогу души к спасению. Но Майкл грубо схватил меня за ворот и вышвырнул из комнаты, изрыгая проклятия.

«Я позвоню сыну! — громыхал старик. — Он — врач от бога! Пусть он решает, кому жить! Не тебе, сопляку, дано это право!»

Дверь захлопнулась перед моим носом.

Руки дрожали, сердце колотилось, а колени ослабели. Но дух мой не надломился!

Господи! Ниспошли мне терпения и сил, дабы служить тебе и обуздать Врага!

* * *

Следующие три дня я провел в постели, сраженный нервной горячкой.

Полыхая от жара и сотрясаясь в ознобе, я плавал в липком поту кошмаров. Один и тот же сон преследовал меня: будто я потерял ключи от Дома, и теперь дорога в Царствие Небесное навсегда закрыта для меня и паствы моей. Со стоном пробуждаясь, я видел ангельское лицо Марты, чьи заботливые руки меняли компресс на моем лбу.

Но потом я снова проваливался в трясину кошмара, возвращаясь к постыдному инциденту с моей матушкой, — как вам ведомо, Наставник, ее грехопадение наполняет мое сердце скорбью, и я не устаю молиться о спасении ее души.

На четвертый день, благодаря микстурам доктора Хуберта и заботливости Марты, мне стало лучше. Кошмары оставили меня. Я смог подняться, привести себя в порядок и вернуться в кабинет.

Альберт не замедлил явиться с докладом. За время моей болезни в Доме многое изменилось. Стоило мне захворать, как сюда явился загадочный сын Майкла. Невыносимый старик воспользовался случаем, чтобы установить в Доме свои порядки, плетя дьявольские интриги и строя козни.

Вместо доктора Хуберта исцелением хворых теперь занимался пресловутый сын Майкла. Обитатели Дома отказывались от микстур и порошков после того, как ветеран Себастьян не только не умер, но и вернул способность связно говорить. Естественно, никому из дряхлых постояльцев и в голову не пришло, что на то была воля Господа и все в руках его.

Затуманив разум ложной надеждой, старики приписали чудо самозваному (об этом ниже) доктору.

Я же воздал хвалу Всевышнему и наметил себе обязательно навестить несчастного калеку, как только разберусь с накопившимися делами.

По словам Альберта, сын Майкла успел проведать едва ли не каждого обитателя Дома. Словно сговорившись, старики наперебой похвалялись «чудотворными» способностями новоявленного лекаря. Подагра и ревматизм, артрит и язва, постыдные старческие болезни — все отступало после первого же визита сына. Будто бы издеваясь над современной медициной, сын Майкла не прописывал лекарств, а рекомендовал лишь усиленно питаться, умеренно употреблять алкоголь и больше двигаться, совершая прогулки и принимая участие в ежевечерних танцах.

Так, всего за три дня, Дом Вспоможения превратился в Дом Увеселения умирающих. Увы мне, нерадивому, оставившему паству без присмотра и проигравшему эту схватку с Дьяволом!

Со звуками джаза и винными парами Нечистый овладел сердцами прихожан. Отныне я не сомневался, что Майкл — не просто вздорный старик, но перчатка на руке Сатаны.

И пусть телесные недуги временно отступили, страшная угроза нависла над душами обитателей Дома.

Загадочный сын Майкла даже не открыл старикам имени, в разговорах они так и называли его «сыном». И каждый описывал его по-своему, наделяя разнообразными качествами и привычками.

Из случайно услышанного Альбертом следовало, что сын Майкла — заядлый рыбак, превосходный шахматист, играет на рояле, побывал в Иерусалиме, объездил весь мир и был умелым плотником. Сам Майкл отрицал половину из этого, а над второй половиной смеялся, подтверждая лишь то, что его сын действительно служил армейским хирургом в Великой войне.

А еще сын Майкла был поистине неуловим — за все три дня он умудрился ни разу не попасться на глаза Альберту, Марте или доктору Хуберту.

Последний вечером того же дня нанес мне визит, дабы поинтересоваться моим самочувствием и обсудить сына Майкла.

Мы расположились у камина. В трубе завывал зимний ветер, поленья потрескивали, а доктор Хуберт — милейший и обаятельный толстяк в старомодном сюртуке — потягивал горячее вино и излагал историю своих изысканий.

Обеспокоенный странными методиками новоявленного целителя, доктор Хуберт навел справки о сыне Майкла (насколько это вообще было возможно, не зная его настоящего имени, — Майкл сообщить его отказался в самой грубой форме) в городе N. Как выяснилось, в единственной гостинице города не было постояльцев, в жандармерии не регистрировались приезжие, а коллеги Хуберта ничего не слышали о подобном подходе к лечению. Сам же доктор Хуберт приписывал случаи ремиссии месмерическим способностям сына Майкла, подозревая оного в шарлатанстве и проходимстве.

Как бы там ни было, но Майкл и сын его окончательно захватили власть в Доме, подорвав мой авторитет. Следовало немедленно что-нибудь предпринять. И мы с доктором Хубертом разработали хитроумный план, согласно которому я должен был задержать сына, а доктор — вывести его на чистую воду.

На следующий день Хуберт вернулся в город N, а я сказался больным и попросил Марту позвать сына Майкла. Как я и ожидал, просьба моя осталась неудовлетворенной. Через Альберта и еще нескольких посредников до меня донесли информацию, что сын Майкла буквально только что покинул Дом, направившись по единственной дороге в долину. Я тут же позвонил Хуберту и попросил его приехать.

Разминуться они не могли.

Но по всему выходило, что либо сын Майкла умеет летать, либо старики мне солгали и он не покидал Дом.

Или никогда не появлялся в нем.

Я почувствовал себя объектом дурацкого розыгрыша, ибо старость мелочна и мстительна.

Это следовало немедленно прекратить. Так как час уже поздний, завтра же я свяжусь с родственниками Майкла. Надеюсь, вместе мы найдем на него управу.

* * *

Любезный Наставник!

Я сижу в своем кабинете и пишу эти строки под стоны метели и поскрипывание старого Дома. Мерцает лампа, и отблески ложатся на заиндевевшее окно, проносящиеся во тьме хлопья снега вспыхивают искрами и растворяются во мгле. Душа моя должна бы торжествовать победу, но жалость колет

мое сердце. Я допускаю мысль, что где-то ошибся и что-то сделал неверно, хотя, доведись мне пережить этот день заново, не стал бы ничего менять.

Но обо всем по порядку.

Позвонить родне Майкла я смог лишь к обеду, когда погода уже начала портиться. Через гору перевалила волглая туча, поднялся ветер — все предвещало бурю. Доктор Хуберт срочно отбыл в долину, прекрасно осведомленный о разрушительной мощи бурана в горах. Уезжая, добрейший доктор предупредил меня о том, что ветром, скорее всего, оборвет провода, и Дом останется без связи с долиной. Я поспешил набрать номер племянницы Майкла, которая и определила зловредного старика в наше богоугодное заведение.

То, что я узнал от нее, перевернуло мое представление о Майкле и о происходящем в Доме. Проведя более часа в размышлениях и молитвах, я нашел единственно возможный выход из крайне непростой ситуации. Испытание, ниспосланное Господом на пути моем, я выдержал достойно.

Я велел Альберту собрать всех обитателей и персонал Дома в столовой.

И пусть авторитет мой был подорван, а дисциплина в Доме — практически уничтожена, к ужину спустились все. Запретив Агате накрывать на столы, я обратился к пастве с речью.

Донельзя возмущенный Майкл сверкал глазами и топорщил бороду, пытаясь меня запугать. Но истина дала мне щит милосердия, и я больше не боялся старика.

Я сказал:

«Друзья мои! Братья и сестры! С болью в сердце и скорбью в душе я должен открыть вам правду. Который день подряд вы рассказываете друг другу и самим себе о чудесном докторе — сыне Майкла».

При этих словах Майкл хрюкнул, а Себастьян зевнул.

«По словам нашего многоуважаемого шефа, сын его — бывший армейский хирург, врач от бога, истинный целитель, способный вылечить любую болезнь добрым словом и хорошим стейком». — «Ну да, — хохотнул Майкл, — давайте покороче, пастырь. Ужин стынет». Я не отреагировал на дерзкую выходку.

Мне предстояло сказать горькую правду. И я даже жалел старика.

«Друзья мои. Все вы стали жертвами обмана и массового помешательства. В ваших отчаявшихся душах пустили ростки семена ложной надежды, посеянные Майклом, — безусловно, очень сильной личностью, как часто бывает с теми, кто тронут проказой безумия».

Паства взирала на меня с непониманием и отвращением. Марта побледнела, Агата закрыла лицо фартуком. А Майкл, как ни в чем не бывало, чесал бороду.

«Да, друзья. Ваш сосед Майкл неизлечимо болен душой. Его сын погиб на полях Великой войны семь лет назад. Как мне стало известно, наш шеф практически не поддерживал связи с ним, а узнав о его гибели, повредился рассудком. Не в силах принять волю Господа и раскаяться в ошибках молодости, Майкл, упорствуя в грехе неверия, вообразил, что сын его жив. И сила его воображения столь велика, что все вы поддались ей. Сына Майкла не существует».

Безмолвный вздох прокатился по столовой. Утратив дар речи, все замерли, воззрившись на Майкла.

Старик поднялся в свой немалый рост, хохотнул с презрением.

«Да вы спятили, молодой человек. По-вашему, Себастьян исцелил себя сам?»

«На все воля Божья, — ответил я смиренно. — Все мы смертны, и вечная жизнь возможна лишь в Царствии Его. Надо отпускать тех, чей час пробил!»

«Тьфу на вас! — выкрикнул взбешенный Майкл. — Жизнь — она одна, ее нужно жить, а не готовиться к смерти!»

Он развернулся и вышел прочь.

Ужин прошел в гробовом молчании. А перед отходом ко сну Альберт доложил мне, что Майкла нигде нет. Безумный старик ушел в метель.

* * *

Я был разбужен в третьем часу пополуночи до крайности взволнованной Мартой: Себастьяну стало плохо. Наскоро одевшись, я побежал к умирающему. Он задыхался, царапал себе грудь и с трудом мог говорить.

Телефон по-прежнему не работал, вызвать доктора Хуберта было невозможно. Несмотря на присутствие рыдающей Марты, я чувствовал, что остался один на один со смертью. Буря неистовствовала, швыряя в окна комья снега, дрожали рамы, Дом стонал, и хрипел Себастьян. А в ледяном аду одиночества сейчас, возможно, умирал Майкл.

Я взял Себастьяна за руку и горько пожалел о том, что забыл Книгу.

Но слова молитвы я помнил наизусть. И я начал молиться.

«Не надо... — просипел Себастьян. — Пожалуйста... Позвоните сыну. Позовите его».

Я не нашел в себе смелости отнять последнюю надежду. Мне самому хотелось в эти страшные минуты сделать хоть что-нибудь. Но я был бессилен.

«Петер, — всхлипнула Марта. — Позвони. Позвони ему, пожалуйста».

С тайным облегчением я вышел из комнаты и вернулся в кабинет. Переведя дух, я сел за стол. Мысли мои путались, а перед глазами маячило эбонитовое надгробие телефонного аппарата.

Дорогой Наставник. Только вам я могу рассказать о том, что случилось дальше. Вот уже два года, как вы покинули этот мир, а я продолжаю писать вам — своему другу — письма. Лишь с вами я буду честен до конца.

В дверь поскреблись, и Марта робко просунула голову. Под ее умоляющим взглядом я снял рожок и поднес его к уху.

«Соедините меня с сыном Майкла, — сказал я в мертвую тишину оборванных проводов. — Он срочно нужен. Себастьяну плохо».

И в бесконечно долгую паузу мне искренне захотелось, чтобы он ответил. Чтобы кто-то прогнал смерть из Дома.

«Я буду», — ответил Сын.

ЕФИМ ГАМАЮНОВ

ШЕСТЬ ДНЕЙ ЛУННОГО КОТА

День первый

ЖАЛОСТЬ

Зал прилета накрывал огромный прозрачный купол внешнего контура станции. Правда, разглядеть сквозь него что-либо обычно мешал свет. Но сегодня, в последний день работы станции, большинство ламп уже были потушены, а оставшиеся, «аварийные», давали возможность посмотреть на

неровный круг застывшей в черноте космоса голубой планеты. Плохо, едва видно, да не суть. Скоро он увидит ее, вначале такую далекую, потом все ближе, ближе. А спустя несколько суток почувствует поверхность Земли ногами. Три года достаточно долгий срок, чтобы забыть земную силу притяжения, запахи родной планеты, ощущение живого ветерка на лице. Как это? Он, безусловно, знал, но вот как оно, не помнил.

— Восьмой борт на посадку. — Голос механический, приятный, но все равно неживой. — Просьба не забывать личные вещи и документы.

Костиков посидел, словно запечатлевая последние мгновения, поднялся с дивана, накинул ремешок сумки — совсем уж «личное», остальное добро улетело вчера грузовым рейсом — и зашагал к проходу на посадочную площадку. Там, пока лента самоходной дороги несет через полумрак перехода, уже можно увидеть Землю во всей красе. Несколько десятков секунд под открытой бесконечностью Вселенной, отделенный от нее лишь прозрачным полипластом стен.

Михаил осмотрелся напоследок и отметил легкое, вполне ощутимое огорчение. А ему не очень хочется улетать! Несмотря на многое: тягу к родной планете, заслуженный отдых и ожидания. «А что там ждет-то?». Хотя... человек. Он ведь такой: везде приспособится и устроит себе дом.

Вот поэтому и сидел, подсознательно осознавая нечто этакое, которое и покидать жалко и из-за которого, похоже, последним поедет на борт.

Костиков сунул карточку ключа-унипаса в прорезь миграционного аппарата. Приложил палец к сенсору. «Приятного полета. С возвращением на Землю». — С экрана приветливо махнула рукой компьютерная девушка-диспетчер. Он кивнул

в ответ, качнул запорный рычаг пропускного механизма, зачем-то еще раз обернулся, а что это...

— Ой!

Михаил поспешил шагнуть в сторону и увидел перед собой Надю из сектора подлунного строительства, кажется. Всегда нравилась, да вот времени свободного кот наплакал.

— Извините. Я вас сумкой, да?

— Ничего-ничего, это я сама виновата, загляделась. И так почти опоздала, а еще по сторонам гляжу!

— Необычное состояние сожаления какое-то, да? Не хочется улетать? — пошутил он.

— Очень хочется, — улыбнулась девушка. — Не по себе от этих событий и новостей про купол. Нет уж, скорей бы домой.

— Да, это точно. Вы проходите. — Костиков еще отодвинулся в сторону.

— Ну, вы же уже прошли миграционку?

— Да я сразу за вами, не волнуйтесь. Никому неохота оставаться тут одному!

Надя еще раз улыбнулась, отметила паспорт и исчезла в арке переходной зоны. Рычаг щелкнул и встал на место.

И в голове у Михаила тоже словно щелкнуло: вот что он увидел в пустом зале! Костиков посмотрел и удостоверился, глаза не обманули — на пустом диване у вентиляционной шахты сидел кот. В полумраке не понять, но вроде рыжий.

Костиков наклонился и позвал.

— Кис-кис-кис.

Кот блеснул глазами и даже не подумал подойти.

«Никому не хочется оставаться одному», — так, кажется, он только что сказал? Михаил опустил сумку и пошел за котом, не годится бросать его тут. А на хозяина, шляпу, надо будет в комис-

сию по правам животных сообщить! Кот дождался, пока Костиков почти добрался до дивана, фыркнул, словно чего-то испугавшись, спрыгнул и спрятался за спинку.

— Кис-кис-кис, — повторял Михаил.

Кот выглянул, увидел тянущуюся к нему руку и порскнул по залу к дальней стене.

Костиков бросился следом.

День второй

СТРАХ

Он открыл глаза и уставился в пунктиры еле горящих настенных ламп, изогнутыми трассерами прочертившие темноту длинного коридора. Это же... северное крыло? Костиков внезапно вспомнил, почему он сидит здесь в неудобной позе, с закоченевшими конечностями и затекшей спиной. Далекий космос! Как же он смог уснуть? Как? Шею ломило, на попытку встать тело немедленно откликнулось ноющей болью в ушибленном колене.

— Гад! — скрипнул зубами Костиков. — Ненавижу!

В подтверждение своих слов он дважды саданул по стенным панелям. Гулкий звук породил далекое глухое эхо.

Невероятно! Михаил вспомнил, как гнался за котом, а тот спрятался под выступы проходящего тоннеля воздухообмена. Костиков пытался достать его, кипя злобой и ругаясь. Отдыхал и гнался за животным снова. И снова... а потом, обессилев от всего накатившего, заснул.

Машинально поднес к глазам часы — так и не смог адаптироваться к двухнедельным суткам — восемь. Дня. Получается, он проспал где-то часов шесть. Да часа четыре бегал за котом. Или около

того. «Столько уже времени прошло, значит...» Мысль ударила током, пробежавшим до самых пяток.

Десять часов. И никто. За ним. Не вернулся.

Костиков почувствовал, как будто по спине прошелся ледяной поток воздуха, приподнимая тонкие волоски на шее. Один, совсем один — за ним не вернулись!

— Эй! Есть кто-нибудь? — чтобы не впасть в панику крикнул Михаил.

Прислушался к тишине и вроде бы расслышал далекие шажки, слишком тихие для человека. Кот? Может быть, может быть, а воображение уже услужливо дорисовывало таящееся в полумраке Нечто, не вполне определенное, но от этого только еще более жуткое. Костиков вздрогнул — «Что за бред!» — и заковылял к техническому залу: туда выходили пять основных коридоров, расходящихся по всему комплексу станции. Пугающее чувство непонятной боязни следовало позади, безглазым взором уставившись в спину.

Первая попавшаяся дверь на привычно проведенный по замку унипас отозвалась тишиной. Костиков попробовал опять. И снова — ничего. Ни знакомого пиликанья опознавания, ни щелчка отпираемого замка. Михаил против воли пошел быстрее. В колене стреляло, но накатывающий страх гнал вперед, заставляя ускорять шаг. Пока двигаешься, остается какая-то надежда. Следующая дверь: молчок. Вторая, рядом — то же самое. Костиков побежал, почти не обращая внимания на колено, хотя там словно застряла раскаленная игла. Он проводил паспортом-ключом по всем встречающимся замкам: технических служб, жилых коридоров, приборных отсеков. Система контроля проходов «внешние-

внутренние контуры» станции не отзывалась, будто мертвая.

Задыхаясь, Костиков двигался дальше.

Только вбежав в зал отлета, он остановился. Узнаваемый в полумраке контур миграционного терминала вынудил испытать приступ смятения. Тут все и закончится! Можно бегать сколько угодно, но завершится — а вернее, все уже завершилось вчера и навсегда — этот марафон здесь.

Михаил попытался сглотнуть, но пересохшее горло только болезненно сжалось. Сколько человек может прожить без воды? Дня четыре-пять, может, десять. Глаза нервно осматривали тускло освещенное пространство. Если бы удалось попасть в технические помещения...

Шорох, новый приступ ужаса, еще тысяча холодных мурашек. Михаил всмотрелся и разглядел отсвет пары зеленых глаз. Кот сидел на аппарате — из тех, что устанавливают компании, продающие товары везде, даже в космосе, и не мигая смотрел на приближающегося человека. Дождавшись момента, когда Костиков почти доковылял до него, кот вскочил, выгнулся и заорал, длинно, душераздирающе. Костикова обуял ужас, из тех необъяснимых детских страхов, навеянных темнотой и неизвестностью. Он замер и, казалось, перестал дышать. Кот пропал в темноте за торговым аппаратом, только легкие едва слышимые шажки возвестили — зверюга ушел.

С досады на свой испуг Костиков яростно ударил по неповинному аппарату, тот качнулся, ударился об стену, отскочил и рухнул на пол, едва не придавив Михаила. В стороны брызнули осколки разноцветного полистекла, вмиг обнажив черные внутренности аппарата. Костиков потрясенно уставился на творение своих рук. А потом — миг озарения — он

с натугой перевернул аппарат, открыл поломанную дверцу и вытащил из бокса серебристую бутылочку газировки.

День третий

ГНЕВ

Луч света мазнул по темноте, зажег два ярких глаза и заставил кота зашипеть.

— Попался, тварь! — Костиков переложил фонарик в другую руку, перехватил удобнее оторванный поручень и ткнул в кота. Кот зашипел сильнее, Костиков размахнулся и двинул снова.

Во что попал в темноте, не разглядел, но что не в зверюгу — сто процентов. В руку отдалось, шкаф под Михаилом опасно шатнулся. Костиков замер. Да нет, все нормально. Луч снова зашарил, вот только кота уже нигде не было.

— Скотина!

Костиков посветил вниз, разглядел сложенные вещи, опустил ноги и осторожно, спиной вперед, спустился. Не хватало еще грохнуться и поломать себе что-нибудь. Во мраке нашарил бутылочку воды и сделал несколько глотков, стараясь унять бьющееся сердце. Во тьме чем-то зашумел кот. Мерзкая тварь, будто специально заставляет лазить в самых труднодоступных местах!

— Ну, ничего. Я тебя поймаю. — Михаил вспомнил вчерашний вечер: как он сидел под все слабее горящим светильником и трясся, стыдно вспомнить, от страха. — Вот до чего ты меня довел, гад! И я тебя тоже доведу.

Он посидел еще несколько минут, потом встал и включил фонарик. Повезло, нашел в одном из незапертых «общих» складов, таких же, как вот этот. Приходилось экономить, включать как можно

реже — заряжать теперь неоткуда, солнечные батареи отключены, да и толку от них сейчас — ночь, еще пять или шесть земных суток проклятая лунная ночь. Оставшаяся энергия потихоньку выкачивается из аккумулирующих установок фонарями. Но и они тоже скоро потухнут насовсем.

«И останешься в кромешной тьме».

Нет уж, сегодня Костиков не позволял себе бояться.

— Все, гад, хватит, — голос дарил уверенность. — Твоя очередь!

Снова вспыхнула зеленым пара глаз, и Костиков, не медля, бросился по проходу между рядами шкафов и стеллажей. Колено противно ныло, но это было не важно. Михаил достиг противоположной стены и посветил фонарем по полкам: пусто. Ах ты, сукин сын, тварь ты такая! Смылся!

В углу под настилом зашуршало, Михаил тут же упал на прорезиненное покрытие пола и уставился в глаза забившегося в угол рыжего убийцы — кота.

— Попался! — злорадно заорал Костиков. — Готовься к смерти, мерзавец!

Ширина полки под стандартный контейнер лунной базы полтора метра — дотянуться рукой до шипящей мрази не представлялось возможным. От нахлынувшей злости Костиков тыкнул кота обломком поручня. Тот заорал громче, чем только раззадорил человека.

— На тебе, гад, получай! Не нравится, на тогда еще!

Кот попытался уползти от разящего орудия, но как только двинулся с места, Михаил подцепил его загибом импровизированного оружия, не обращая внимания на врезавшийся в щеку бортик полки, провез орущего кота по стене, дотянулся и схватил пушистого и мягкого зверя. Тот немедленно впился зубами в ладонь, острые коготки разорвали кожу на костиковском пред-

плечье. Человек зашипел не хуже кота, выволок извивающееся тельце, несколько раз ударил об пол. Кот орал, но продолжал яростно бороться за жизнь.

— Ах ты, мразь!

Костиков подобрал оброненный фонарь и заметался между стеллажей. Кошак, словно прилепленный, болтался на руке. Наконец Михаил увидел пустой бокс из-под инструментов на одном из стеллажей и скинул туда гибкое кусающееся животное. Напоследок приложил кота головой о крепкое дно и мгновенно захлопнул крышку — у зверя не оставалось шансов.

— Не нравится? У-у-у, тварь!

Огонь пылал в груди у Костикова: тот, кто виноват во всем этом, должен сдохнуть. Умереть, долго и мучительно — он заслужил!

Только не здесь.

— Пойдем, мерзавец!

День четвертый

ОТЧАЯНИЕ

Волшебная влага закончилась. Костиков еще пососал ребристое горлышко, постучал по донышку. Нет, все, последняя бутылка воды осушена. Весь остаток вчерашних суток он бродил по густеющему сумраку коридоров и доступных помещений — залу прилета, трем перекрестным площадкам, четырем пустым складам и нескольким незапертым пустым же боксам — в надежде отыскать хоть что-то съедобное. Шоколад и вода из разбитого на вторые сутки торгового аппарата закончились слишком быстро, не принося сытости, не даря утоления жгучей жажды.

В одном из складов он обнаружил два вендинговых аппарата; видимо, компания сочла невыгодным вывозить недостаточно дорогое оборудование. К ве-

личайшему сожалению, оба оказались пусты: разбив их, как и первый, Михаил не обнаружил там абсолютно ничего. В другом складе, за сотней пустых пластиковых коробок, он нашел канистру с промывочной жидкостью. В третьем забрал свои вещи, забытые после охоты на кота, и пакет нераспечатанных термокостюмов.

Костиков поднял глаза и уставился на слегка расплывчатое, но хорошо знакомое изображение. Земля. Близкая — казалось, можно прикоснуться. Далекая, словно другой край Вселенной. На глаза навернулись слезы, Михаил даже не собирался вытирать их — к чему? Все равно никто не увидит.

В ящике для инструмента, стоявшем рядом с диваном, заскреблось. Вчера, пока он искал, чем можно забинтовать прокушенную и исцарапанную руку, пока промывал перекисью и забинтовывал — слава Вселенной, аптечки не запирались на замки! — раны, злость на пойманного кота внезапно испарилась. Костикову вдруг пришло в голову, что кроме него и этого несчастного, избитого и запертого животного, на Луне больше никого нет.

— Да, урод рыжий, так и есть. — Михаилу и самому не понравилось, как звучал его голос: слишком плаксиво и напуганно. — Скажи спасибо, что мы одни. Иначе был бы ты уже мертвее космоса.

Все сильнее накатывало странное дурное чувство. Оно сжимало сердце и заставляло вскакивать и некоторое время метаться из стороны в сторону. Так просто не может быть, он что-то недосмотрел, чего-то не сделал во время своих путешествий. Где-то должна быть спасительная дверь! Ему нужно всего лишь добраться до центрального офиса и наладить связь. И тогда за ним вернутся, его спасут!

Только правда была в том, что последние двое суток, между гонками за котом, он отправлялся по

знакомым коридорам. Ощупывал каждую дверь, каждый выступ на них, который мог помочь проникнуть во внутренние помещения станции. Нажимал на все попадающиеся кнопки, пытался взломать шлюзовые переборки всем, что смог найти или оторвать — отвертка, ящик, отломанный кусок перил ограждения миграционной зоны. Все напрасно.

Кот жалобно заныл.

Костиков хотел было привычно двинуть по ящику, но в груди вновь кольнуло, безысходность давила на плечи, вытесняя воздух. Воздух, ведь он больше не подается во внешний контур! Наоборот, он медленно стравливается, выравнивая давление, чтобы повысить устойчивость внутреннего купола! Как Михаил мог про такое забыть! Космос побери: он умрет не от жажды и тем более не от голода. Он задохнется!

Кот продолжал мяукать.

И тогда Костиков внезапно понял, что он сам, абсолютно как этот рыжий, тоже запертый без возможности выйти, задыхающийся и смертельно напуганный.

Михаил сполз с дивана, открыл крышку бокса из-под инструментов и позвал:

— Кис-кис-кис, вылазь, рожа.

День пятый

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

— А ты знаешь, наверное, это правильно, что я останусь здесь. Нет, не смейся, я серьезно.

В голове шумело, горло пересохло, каждое слово давалось с трудом. Совсем не говорить Михаил не мог. Это вроде начавшегося бреда — не важно кому и что рассказывать. Можно и вообще никому,

а у него-то слушатель есть. Костиков повернул голову — там где-то сидит, зараза рыжая.

— Нет, я ничего не хочу сказать, не подумай. На Земле хорошо. Трава... такая зеленая штука, прямо по грунту растет. Нет, не понимаешь? Да откуда же ты поймешь, если не видел. А небо... представляешь, не черное со звездами, а голубое такое, да. В парках птицы чирикают... тебе бы понравилось. Да...

Костиков замолчал и уставился в темноту. Светильники уже не горели, а едва заметно «тлели», не давая света, разве что отмечали места на стенах. Воздух стравлен настолько, что дышать трудно, тепло тоже ушло: в двух термокостюмах еще ничего, но нос ледяной совсем. Да и пальцы на руках мерзнут, если их не прятать под мышки.

В животе сосущая пустота, во рту неприятная желчная горечь.

А если бы он улетел? Ну, допустим, не случилось бы этого кота, этих наполненных невероятным страхом часов, ничего бы вообще не произошло. Что бы тогда? Долетел бы, прошел недельную реабилитацию в спецпоселении, а дальше... А дальше его ждала бы выделенная государством просторная квартира в доме рядом с замечательным парком, с травой, небом, птицами и — одиночество.

Разве?

А разве нет?

«Вот почему тебе было жалко улетать отсюда. Тут ты нужен, востребован, необходим даже! А там ты никто, пусть и герой первой лунной экспедиции-поселения, вынужденно закончившейся из-за проблем с материалами обшивки купола, — никто не мог предположить, что космос так обойдется с проверенными стократными экспериментами материалами. Да и не суть теперь... Самое главное — люди, а людей ведь не бросили. В надежде вернуться сюда

через год законсервировали оборудование, оставили механизмы, машины, оборудование. Но людей вывезли в кратчайшие сроки, пусть и вероятность трещины — полпроцента. Две тысячи семьсот двадцать одного человека».

— А семьсот двадцать второго оставили, понимаешь? А? Да, как и тебя, забыли. Слышишь?

Костиков снова посмотрел вправо, где последний раз видел съежившееся, замершее животное. Хоть и не хотелось отрываться от нагретого телом дивана, поднялся и пошарил. Голова кружилась. Есть! Кот не сопротивлялся, только слабо мякнул.

— А ты мне руку как? Знаешь, как больно? До сих пор.

Он уселся на мгновенно остывший диван, передернулся от холода и запихал кота под куртку.

— Сиди, зараза, раз уж так вышло. Никому неохота оставаться одному.

Это было странное чувство — он снова пригодился. Пусть всего лишь какому-то рыжему коту, пусть совсем ненадолго, но — был нужен. Как и тот ему самому, впрочем.

— Нет, государство у нас хорошее, знаешь: все для людей... Если работаешь честно, без дураков, то и получаешь тоже без дураков. Все бросить и вывезти столько народу, это же безумно дорого и стоит дорогого. Забота... да... а сами мы никак не научимся быть не только полезными и нужными всем, а еще и необходимыми кому-то одному... одной... кому-то. Работаем, работаем... вот. Глубокая мысль, правда?

Кот перестал дрожать и тихонько мурлыкал.

Михаил хмыкнул.

Грустно признаваться самому себе в том, что, пожалуй, это самый подходящий ему конец. Кому он необходим на Земле? Родителей нет уже, даже в двадцать втором веке медицина не всесильна.

А больше и некому «о нем мечтать». Разумеется, о М.И. Костикове вспомнят, когда на миграционке заметят: как вылетевший он отмечался, а как прибывший нет. Не сразу, но вспомнят — через неделю реабилитации и карантина, на земном контроле.

И станет он героем хроники. Конечно, лет двести такого не случалось! И что скажут? Сам остался, роковая случайность, технический сбой или — просто забыли, как вот этого рыжего, — еще что-то? А какая разница?

— Никакой, — сказал Костиков и повторил в темноту. — Никакой нет.

День шестой

НАДЕЖДА

Из груди словно вытащили сердце, так отчего-то было холодно. Михаил разлепил глаза, ощутил потрескавшимися губами кристаллики льда на отросшей щетине усов. Голова была тяжелой, там гулко и мучительно больно стучало. Долгое и хрипучее дыхание с трудом вырывалось между ноющими от мороза зубами. Костиков поднял ко лбу руку и отметил: та непроизвольно тряслась. Вот и все, похоже, финита.

Он пошарил по груди и понял — кот там больше не лежал. Ушел? Куда? И вдруг самым страшным показалось именно это — кот пропал! Неожиданно Костиков понял: и почему не прибил рыжего сразу как тот попался, отчего потом отпустил, зачем согрел. Пока был кот, он, инженер Михаил Илларионович Костиков, не оставался на Луне одиноким.

— Кис-кис-кис, — позвал Михаил — Ко-от.

С сипением вырвавшийся из груди воздух не издал звука, только какой-то писк. Костиков без эмоций отметил — вот, еще и это.

А потом услышал мяуканье. Слабое, тихое, зато абсолютно точно настоящее.

— Кис-кис-кис.

Подняться не получилось, поэтому Михаил просто соскользнул на пол, прислушался и пополз на четвереньках туда, где слышал кота. Голова кружилась, мышцы на руках и ногах лихорадочно тряслись, несколько раз желудок сжимало порывами рвоты, отдавая горечью в сухой рот. Костиков замирал, тяжело дышал и упорно полз дальше. Лишь когда голова уперлась в жесткое покрытие, Михаил остановился, поднял руку и уцепился за поручень. Мысли путались. Так, значит, он приполз к миграционной зоне.

Что это?

Диспетчерская панель тускло светилась. Не веря своим глазам, Костиков, преодолевая мышечную апатию и чудовищную слабость, сумел кое-как подняться и приложил палец к сенсору.

Панель подернулась туманом, а через миг на ней появилось изображение взъерошенного человека.

— Михаил, это вы? Вы меня слышите? Слышите?

В темноте сидел кот. Теперь он совершенно точно остался один: шум, совсем недавно раздавшийся в стылой тишине лунной станции, напугал его, заставил забраться под диван и затаиться. Оттуда кот видел, как люди в белых странных костюмах торопливо забрали Того, Кто Остался, и унесли. Люди разбрелись по залу отлета, перекрещивая темноту лучами фонариков, а затем... они ушли, оставив кота одного

Он вылез и уселся на холодном полу миграционной зоны. Только темнота и тишина. И никого более.

Наверное, кот думал, что Тот, Кто Остался, был не прав, когда говорил, будто никто о нем не вспоминает. Как сказал кто-то, невидимый коту, на светящейся панели, ее звали Надежда, — одна человеческая особь помнила точно. Люди сами выдумывают себе проблемы, убеждая, будто за работой и бытом упускают из виду самые простые и нужные вещи. Люди не коты.

Тот, Кто Остался, доказал, что все помнит.

Ну, и Та, Что Помнит, — тоже.

Темноту прорезал яркий конус. И не успел кот что-либо предпринять, как руки в белых перчатках схватили его и поднесли к стеклянному шлему.

— Вот он, нашел! Рыжий, пойдем-ка со мной, а то твой друг не хочет улетать один.

Никто не знает, о чем думают коты, и думают ли вообще. Но то, что они умеют улыбаться, — совершенно доказанный факт.

ЯНА ДУБИНЯНСКАЯ

ЖЕЛЕЗО

Нельзя спрашивать, как пройти в «Библиотеку».

Нельзя пользоваться каким-либо транспортом, подглядывать в айти-карту и отвечать на вопросы прохожих, всегда готовых помочь, провести или хотя бы указать дорогу.

Ни в коем случае. «Библиотеку» нужно найти самой — и только тогда все будет хорошо. Тогда точно поступишь, поселишься в столице, встретишь верных друзей, большую любовь и станешь сочинителем.

...Короче, был уже поздний вечер, стемнело, один ботинок промок, другой натер ногу, и жутко хоте-

лось есть, нормальной еды, а не тортика. И пускай, решила Лена, не умру. Я в «Библиотеке», я правда в «Библиотеке», я нашла дорогу! — и теперь уже ничего не страшно.

Подошла к стойке и храбро сделала заказ:

— Мне, пожалуйста, кусочек слоеного торта с орехами, безе, кремом из вареной сгущенки... м-м-м... еще с маком, марципанами и шоколадной крошкой. И с вишенкой сверху.

Девушка за стойкой, очень белокожая, светящаяся, улыбалась и кивала в такт. Ее пальцы шелестели по клавиатуре, быстро-быстро, так, что казались отдельными, самими по себе, у айтишников так всегда. Лена внезапно занервничала, смутилась. А вдруг получится какая-то ерунда?.. а ведь «Библиотека».

— Что вы будете пить?

— Чай... с мятой. Просто чай с мятой, и все.

— Присаживайтесь.

Еще входя, Лена присмотрела себе столик, маленький, на двоих, в самом уголке, возле вешалки и одновременно у окна. Общаясь с айтишницей, переживала, что удобный столик займут, — в «Библиотеку» все время подтягивались новые посетители, веселые, раскованные, свои, — но обошлось, не заняли, и она примостилась там, с краю, повесив курточку за спиной. Отсюда было видно все кафе, небольшое, полутемное и конспиративно-уютное, как она себе и представляла. И еще одно такое же — в отражении на темном стекле, сквозь которое просвечивали уличные фонари.

Рядом, сдвинув вплотную два столика и все равно едва умещаясь за ними, заседала студенческая компания, шумная, тоже точно такая, как надо. Ожидая заказа — все будет хорошо, все получится, — Лена завистливо прислушивалась к их разговорам.

— Пересдача во вторник. Если завалю — абзац, пишите письма.

— Не свисти, не завалишь.

— Ну и пойдешь к нам на айти. Будет нормальная профессия в руках.

— По-твоему, сочинитель — ненормальная профессия?

— Не мужская уж точно.

— А ну прекратить мне тут гендерный шовинизм!

— Аня, Анечка, ну согласись, что роль сочинителя всегда чисто вспомогательная. Без айти все ваши выдумки ломаного гроша...

— Ни фига. Наоборот, это вы, айтишники, у нас на подхвате. А прогресс в любой сфере невозможен без...

Загалдели одновременно, перебивая, перекрикивая друг друга, и если бы сидеть вместе с ними за тем сдвоенным столиком, больше ничего и не требовалось бы для счастья. И так будет, мысленно застолбила она. Точно будет. Я же сама нашла «Библиотеку».

— Идиоты, правда?

* * *

Лена даже вздрогнула.

Искоса глянула — не перед собой, а в отражение на стекле. Вот черт, вечно кто-нибудь пристанет. Надо было положить сумку на второй стул. Или повесить куртку.

Парень, весь в черном и сам чернявый, развалился напротив, как у себя дома, локтями на стол, барабаня по скатерти короткими пальцами. На одном из них — выше Лена глаз не подняла — имелся

жуткий перстень в виде черепа с дыркой во лбу, дешевый, из тусклого железа.

— Я сюда иногда специально заглядываю, — сказал парень. — Посмотреть на ритуальные драчки сочинителей с айтишниками. Очень смешно. Такие идиоты — и те и другие.

Лена, конечно, молчала. Если никак не реагировать, то в конце концов отстанет.

Ей принесли заказ. Глядя в столешницу, Лена следила, как на ней появляется сначала прямоугольная дощечка-подставка, затем зеленая чашка на блюдце, от которой пахнуло вкусным мятным паром, и, наконец, тарелочка с тортиком, на вид очень даже ничего. На хвостике декоративной вишни висела маленькая шоколадная капелька — такая, как и было задумано.

— Приятного аппетита, — пожелала официантка.

Лена вскинула глаза, но барышня уже смотрела не на нее, а на парня. Вопросительно и слегка насмешливо.

— Я потом, — сказал он. — Чуть попозже, ага?

Официантка, к сожалению, не стала настаивать и подошла к соседям, которые, передавая по рукам на поднос пустые чашки, принялись наперебой делать новые заказы — с тем же азартом, с каким обсуждали только что место айтишников и сочинителей в жизни.

«А я сижу тут одна, да еще и этот дурак...» — настроение грозило окончательно испортиться. Лена отпила глоточек чаю, чуть не обожглась, поставила чашку на место. Попробовать тортик было боязно.

— Можно чуть-чуть?

Выкрикнуть «нельзя» или отодвинуть подальше блюдце она не успела: через столик протянулась короткопалая рука и быстрым наглым движением отхватила вишенку вместе с изрядным куском крема

и даже верхнего коржа. Лена потрясенно перевела взгляд с уродливой воронки посреди тортика на довольную жующую физиономию напротив. Наконец-то посмотрела прямо, в упор. Ну и ничего особенного.

Парень облизал палец, украшенный железным черепом, и как ни в чем не бывало подмигнул ей нахальным зеленым глазом.

— Супер. Сочини мне чего-нибудь.

И прибавил:

— Ты же приехала поступать на сочинителя, да?

* * *

— А знаешь, почему «Библиотека»?

— Знаю.

— Врешь. Не знаешь ты ни фига. У вас там, наверное, такие недостоверные легенды рассказывают на эту тему, что закачаешься. Короче, смотри.

Отвязаться от него не получалось. Лена уже перепробовала все доступные способы, в который раз пожалев о том, что самый простой и недвусмысленный, с указанием адреса на три буквы, доступен ей категорически не был. А может быть, и ничего, смирилась она. Все-таки темно и незнакомый город, а так хоть кто-то проводит до айти-маршрутки.

Они только что вышли на улицу, свежую и влажную в ночи, освещенную редкими фонарями. Здание кондитерской белело таинственно и лунно, и большие выпуклые буквы над входом, закрашенные и потому почти невидимые днем, сейчас проявились, подчеркнутые серо-лиловой тенью. Б-И-Б-Л-И-О-Т-Е-К-А.

— Когда-то давно, — сказал Влад, тыча в буквы пальцем, — сюда ходили читать книжки. Книжки читать, прикидываешь?

— Я знаю.

— Ага. Да ты себе просто представить не можешь! Нормальному человеку это трудно. Даже если он типа будущий сочинитель.

Прозвучало издевательски, но Лена решила не реагировать. А если уж совсем честно, то вовремя не придумала как. К ночи похолодало, и она застегнула молнию курточки по самую шею.

— Дело ведь не в том, что тогда были книги, — тем временем развивал он. — Главное, что вокруг чтения устраивали столько ритуальных плясок. Специальное место, специальные люди тут работали, крутилась куча всяких бумажек, без которых фиг бы тебе дали почитать то, что нужно. А знаешь, почему все это?

— Почему? — Ей и вправду стало интересно, хотя и стыдно за свой интерес. Она терпеть не могла, когда убалтывают. Ненавидела.

А Влад, разумеется, воодушевился, зачастил:

— Потому что тогдашние сочинители в упор не знали, куда себя девать. Понимаешь? Сочинители уже были, но никто не мог придумать, что с ними делать, в том числе и они сами. Писали свои никому не нужные книжки. Всякие там Гегель, Толстоевский, Чехов «Горе без ума»... И потом приходилось создавать впечатление, будто это ужас как важно. А единственный способ сделать важной какую-нибудь фигню, вроде религии или тех же книг, — наворотить вокруг нее побольше ритуалов. Поэтому и «Библиотека». Сочинительская кондитерская, блин. Тоже мне.

На что-то он намекал. Говорил со значением, с двойным, тайным смыслом, — но Лена и основную-то, неприкрытую его мысль ловила с трудом и жутко злилась на себя.

«Это столица, а я из провинции, наивная дурочка, ничего не понимаю в здешней жизни, а потому меня уболтать — раз плюнуть. Он так думает. Пришла в «Библиотеку» просто потому, что так было надо, так мне сказали, такой ритуал... И ведь это правда, между прочим».

— Ты, кстати, где живешь? В общаге?

— Нет. Снимаю квартиру. Чтобы не мешали готовиться к экзаменам.

— Значит, можешь поздно прийти?

— Не надо, — в который раз попросила Лена, и вышло совсем уж умоляюще и жалобно. — Не хочу я приходить поздно. Стой, мне тут садиться... кажется.

Из темноты возникла айти-маршрутка, такая светлая, надежная, правильная. Обтекаемый силуэт мягко притормозил рядом, ребристая гармошка двери изящно сдвинулась в сторону точно напротив Лены. И ведь это все сначала тоже кто-то сочинил. А потом кто-то запрограммировал, но это уже не так важно, что потом.

— Ничего ты не понимаешь и никогда не поймешь, — веско и будто с обидой сказал за спиной Влад. — Сочинительница, блин. Бывает настоящая жизнь.

Айти-маршрутка постояла с минуту и плавно задвинула дверь.

* * *

— Да недалеко уже. А ты боишься, что ли? Кого, меня?

Он притормозил, схватил ее со спины за плечи и завыл страшным голосом. Лена вздрогнула вся, от шеи до щиколоток, сбросила его руки инстинктивно, как упавшего с потолка таракана, хорошо

хоть не завопила вслух. И чуть было вправду не начала бояться.

Они уже с полчаса шагали по каким-то немыслимым темным задворкам, освещавшимся разве что из некоторых, редких, окон. Лена даже дома старалась не ходить по таким вот районам, тем более по ночам и неизвестно с кем. А в столице, по идее, вообще не должно было быть подобных мест.

Под ноги подвернулось что-то круглое и скользкое, она взмахнула руками и уже далеко не в первый раз привычно вцепилась в его руку.

— Город контрастов, — удовлетворенно сообщил Влад. — Сюда еще не ступала нога ни сочинителя, ни айтишника. Потому что они до сих пор спорят, кто будет первый!

Судя по тому, как он захохотал, это была шутка. До провинциальных дурочек, Лена была в курсе, всегда с трудом доходит столичный юмор.

— Здесь налево. Под ноги смотри.

Они нырнули под квадратную арку, в совсем уж непроглядную темноту. Под ногами хлюпнуло, симметрично промочив второй ботинок. Лена держалась за Владову руку теперь уже всеми десятью пальцами, сумка неудобно болталась на локте. Пройдя с десяток метров, они мимолетно вновь оказались под открытым небом — Лена успела сморгнуть и глотнуть чуть менее сырого почему-то воздуха, — потом Влад на ощупь распахнул дико скрипучую дверь, и дальше они уже продвигались по какому-то коридору, извилистому и узкому, словно катакомба. С ума сойти, а час назад я была в «Библиотеке». И еще гордилась, что сама нашла дорогу.

Наконец впереди забрезжило. Лена шмыгнула носом.

— Пришли, — удовлетворенно объявил Влад.

Толкнул еще одну дверь, и свет со звуком обрушились на них разом, будто прорвав изоляцию. Зажмурилась Лена мгновенно, а вот чтобы заткнуть уши, надо было сначала отпустить его руку и перехватить поудобнее ремешок сумки, но за эту паузу она успела привыкнуть. Тем более что музычка была ничего, непопсовая. Только слишком уж громко.

— Стой тут. Я сейчас.

Лена послушно стояла, усиленно хлопала ресницами, прогоняя причудливые фиолетовые фигуры, мельтешившие перед глазами. Влада уже не было и близко, и насчет его скорого возвращения она отнюдь не питала уверенности. Гремели металлические аккорды, перемигивались цветные лампочки на периферии зрения. Помещение оказалось большое, вроде спортзала, с бетонными стенами и узкими окошками в ряд на трехметровой, как минимум, высоте. Пустое и в то же время невероятно захламленное какими-то предметами и их частями, некрасивыми, нефункциональными, недосочиненными и недопрограммированными.

Конопатый парень, чье лицо было наполовину перемазано чем-то темным, разглядывал ее в упор, другие же не обращали ни малейшего внимания, занятые каждый своим делом.

Что-то с громким лязгом упало на пол. Парень вздрогнул и нагнулся поднимать.

Кажется, железо.

* * *

— Красавец, скажи?

Лена неопределенно кивнула, пожала плечами. Перед ней возвышалось нечто странное и громоздкое, с широким рулем вразлет, узким жестким сиденьем, кучей металлических деталей, сверкающих

и тусклых, и четырьмя ребристыми колесами с резиновыми шипами.

— Ни фига ты не понимаешь. А я его сам собрал!

Влад с гордостью постучал красавца по кожаному седалищу и любовно протер ветошкой зеркальце, похожее на глаз стрекозы. Это зеркальце, непроизвольно принялась сочинять Лена, стоило бы подвинуть чуть-чуть ближе к краю, а на концах руля чтобы такие плавные закругленные выемки для пальцев, и сиденье помягче, эргономичнее, и тогда...

— ...Вот этими вот руками. Без всяких сочинителей. И ни на полстолько айти!

— Ага, — на всякий случай кивнула Лена.

Во-первых, она, конечно, не поверила. Во-вторых, категорически не могла въехать, зачем, с чего это вдруг.

— Познакомишь?

— Ленка, — щедро бросил Влад подрулившему конопатому; тот, видимо, пытался вытереть физиономию, но вместо этого только размазал черную грязь и по другой щеке тоже. — Как дела, Димыч? Решили, когда?

— Ребята склоняются к той неделе. Если ты можешь, конечно.

— Не знаю, не знаю... У Ленки вон экзамены, скорее всего.

— Тогда можно на праздники.

— Вот это уже разговор.

Она с нарастающим изумлением слушала их треп, в котором чьи-то там загадочные планы почему-то обсуждались в связи и даже в зависимости от ее экзаменов... Нет, правда, с чего это вдруг? Пора объясниться. Сказать ему убедительно и твердо, что она уже на все тут посмотрела и хочет домой.

— А где вы учитесь, Лена? — спросил конопатый.

— Она приехала поступать. — Влад и рта ей не дал раскрыть. — На сочинителя.

Оба переглянулись — и грохнули. Так, что обернулись мужики, возившиеся со своими железками вокруг них, и с лязгом покатилась по бетонному полу штуковина, упущенная кем-то из рук. (О провинциальных дурочках и чувстве юмора см. выше.) Лена закусила губу.

— Не обижайся, — сказал Влад. — Я объясню.

* * *

— Весь мир, Ленка, живет по замкнутой схеме. Сочинители придумывают, айтишники воплощают, и так во всех сферах нашей жизни, от закусочных до космического флота. Все прочие занятия носят чисто вспомогательный характер, потому человечество все жестче делится на сочинителей и айтишников. И они постоянно меряются между собой, кто круче, хотя это вообще уже смешно. Сочинители без айтишников ни на что не способны. Айтишники без сочинителей не могут ничего.

— Айтишники — да. Но сочинители...

— Ага, пошла разводить ритуальные драчки. Поступала бы на айти — доказывала бы обратное. А я тебе вообще о другом.

Они сидели вдвоем в крохотной комнатке, примыкавшей к большому помещению, тоже почти сплошь забитой железом, кроме которого сюда были втиснуты две табуретки и перевернутый ящик в роли столика. Конопатый сунулся было третьим, но Влад его турнул под предлогом неимения мест. И Лене это почему-то понравилось.

Они сидели вдвоем и пили кофе: Лена из пластмассовой кружки с мышонком, Влад из одноразо-

вого стаканчика. Такого невкусного кофе она не пробовала ни разу в жизни. Хоть бы молока к нему, что ли, досочинить. Скривилась и накидала побольше сахара.

— Я о том, что схема, замкнутая по кругу, в принципе не способна к жизни. В ней уже заложена червоточина: малейший сдвиг, сбой баланса — и все. Рано или поздно оно обвалится, рассыплется в пыль: сочинители, айтишники... тьфу.

— Почему, — обиделась Лена. — Сочинителям как раз ничего не сделается ни при каких условиях. Когда у тебя все всегда с собой, в голове...

— Так оно там и зависнет, в голове — и что? И фиг! Если вынести за скобки айти, сочинителям придется, что ли, снова книжки писать. Про «Войну и мор». Сочинительство — занятие совершенно бесполезное само по себе, разве ты не понимаешь?

— А что тогда, по-твоему, полезно? Айти?

— Как ты все-таки узко мыслишь. В общем, да, от айтишников есть какая-никакая польза, но, во-первых, они совершенно бесплодны в плане развития, а во-вторых, айти, как и все переусложненные системы, штука очень хрупкая и уязвимая. Она может глюкнуть в любой момент, правда. И что тогда останется?

Лена пожала плечами.

— Останется настоящее, самодостаточное, не зависящее ни от чего. Останемся мы, Ленка. Наши руки и наше железо.

Влад растопырил короткие пальцы, тускло блеснул перстнем, покачнулся на табурете — и сзади с грохотом посыпался металлический хлам, задетый ножками. Шипастая втулка, или что оно там такое, подкатилась прямо под ноги, и Лена задвинула их подальше — не ободрать бы носки ботинок. Все-

таки здесь было как-то чересчур много этого самого железа.

— Ты поймешь, — сказал Влад, — если съездишь с нами на праздники. Поедешь ведь, Лен?

* * *

Потому что надо было готовиться! Надо было сидеть дома и учиться, а не... А теперь поздно. Теперь все. Фамилия под красной чертой на айти-мониторе, и уже ничего не сделать: только пройти побыстрее сквозь счастливые, обнимающиеся толпы тех, кто выше черты, забиться на самую дальнюю скамейку и...

Яркое небо и зелень расползались перед глазами. Запел айти-фон, номер звонившего расплывался тоже, и Лена сбросила звонок, не глядя, не наводя резкости. И так понятно кто. И нечего!..

— Ты плачешь, что ли?

Она передернула плечами и пересела на другую скамейку. Еще и пристает кто-то — опять. Ну почему даже теперь нельзя так, чтобы не приставал никто?!..

— Завалила?

Повернула красное некрасивое лицо: ну, пугаемся и сматываемся, живо! Даже провела кулаком по глазам, нарочито, назло размазывая косметику, проморгалась, присматриваясь. Да нет, откуда? Нет у меня знакомых в столице, и теперь уже не будет, если не считать...

— Тю, Владова девчонка! А где Влад?

Конопатый смотрел весело и совсем уже свойски. Лена много чего имела ему сказать, но не позволяло провинциальное, блин, воспитание. А завтра возвращаться домой, и весь городок будет сочувственно шушукаться за спиной: не поступила, не поступила... Сочинительница, тоже мне. «Библиотека».

— Забей, — посоветовал конопатый. — Придешь вечером в мастерскую?

Лена молчала.

— А послезавтра выезжаем, — мечтательно сказал он. — Хотя можно и завтра, раз ты освободилась. Ага? Скажешь Владу?

Айти-фон снова подал голос, и Лена с вызовом протянула его конопатому:

— Сам скажи!

Шмыгнула носом и уже как следует вытерла глаза, массируя веки кончиками пальцев, отдельно прочистила уголки. Наблюдая, как физиономия конопатого вытягивается и он поспешно возвращает трубу:

— Ой. Это мама твоя.

* * *

Вдоль дороги выстроились, сверкая на солнце, невообразимые железные звери. Двух-, трех- и четырехколесные, коленчатые и шипастые, перевитые трубами и трубочками, отделанные разноцветными щитками со странноватой символикой, ощетиненные зеркальцами, антеннами и черт знает чем, а некоторые еще и украшенные флажками и ленточками. Все это фыркало, рычало, периодически выпускало клубы дыма, так что становилось совершенно нечем дышать. Лена повертела в руках шлем. Одна перчатка с металлическим щитком упала под ноги, и надо было куда-то деть либо другую, либо шлем, чтобы поднять.

— Ну, не тормози, одевайся! Стартуем уже!

Влад подмигнул зеленым глазом из-под забрала. Шлем у него был совсем уж несусветный, с рогами и гребнем вдоль макушки. Лена примерилась к сво-

ему — хотя бы гладкому, и на том спасибо, — уронила вторую перчатку.

— Я сейчас.

— Да ладно, не торопись. Как ты его держишь? Я же тебе показывал, как надо!

Шлем кое-как налез на голову, вернее, это голова пролезла в него с треском, запутав волосы в клубок и содрав что-то на щеке. Щеки так и остались сплюснутыми и приподнятыми, будто она изображала губами аквариумную рыбку. Акробатически нагнулась за перчатками, соображая по ходу, как вообще возможно будет натянуть вторую. Ничего здесь не было сочинено правильно, индивидуально, эргономично, а впрочем... ей-то какая разница теперь?

— Села? Держись крепче. Да не за меня, у тебя поручень сбоку!

Поручень выворачивал запястья. Сидеть было жестко, что-то остро-ребристое упиралось в спину. Ну и пусть. Зато это все — настоящее. Железо.

Да и деться ей все равно больше некуда.

Внизу под ней задрожало, завибрировало, нагрелось, взбрыкнуло — и вдруг вырвалось вперед, по инерции отбрасывая тело в противоположную сторону, и Лена отчаянно вцепилась в поручень, потому что загреметь вот так, прямо на старте, было бы совсем уж стыдно. Влад притормозил, пропуская кого-то, и она с размаху въехала забралом в гребень его шлема, даже странно, что пластик не треснул сразу, как скорлупка яйца. Своих пальцев под жесткими перчатками она совсем не чувствовала.

Постепенно движение выравнялось. Железные чудища вытянулись по дороге в цепочку, в шахматном порядке, так что Лене было видно поверх Владова плеча как минимум двоих. На одном из них, с ярко-оранжевыми дугами над тремя широченными

колесами, тоже сидела сзади девушка в круглом шлеме. Иногда она отпускала руки и раскидывала их, словно крылья.

Лена бы ни в жизнь не рискнула.

А вокруг сверкала яркая, немыслимая, неправдоподобная зелень. Лена не заметила, когда это началось, сначала же ехали по городу, петляя на бесконечных поворотах, потом выбрались на трассу, кратчайшее расстояние между двумя пунктами на карте, красиво сочиненную и точно запрограммированную, утыканную вдоль широкого и гладкого полотна лаконичными объектами инфраструктуры. Но тогда было еще страшно повернуть голову и чуть-чуть ослабить руки — и шлем наползал на глаза, и шум двигателя забивал уши. А потом, когда она немного освоилась и пришла в себя...

Зелень.

И больше ничего.

* * *

— Вот лично я не понимаю, как могут люди сидеть в городах, — говорил конопатый Димыч. — Смотрите, ведь на триста километров еще не отъехали от Кольца! А уже какая красота.

— Потому и красота, что никто не суется, — сказала его девушка, Вита. — Ленка, ты картошку умеешь чистить?

Лена глянула беспомощно. У Виты в руках сама собой крутилась большая картофелина, с которой из-под маленького ножика спускалась, как живая, длинная закрученная змея.

— Откуда, — усмехнулся Влад. — Она же сочинитель. Давай сюда, я почищу.

— Никакой я не сочинитель, — беззвучно сказала она.

Хорошо хоть никто не смеялся. Все были заняты каким-то делом: кто-то тянул из сплошной зеленой чащи громадные сухие ветки, кто-то ломал их на маленькие прутики и складывал домиком, пытаясь поджечь изнутри; поднимался тоненький столбик дыма. Кто-то принес котелок воды из речки, и Вита, прицелившись, пульнула туда очищенной картофелиной. Многие ребята копались в моторах своих макабрических машин, и запах горючего незаметно вплетался во вкусный аромат леса.

— А дело в том, — говорил Влад, ловчее Виты очищая картошку, — что люди отвыкли от простейших ручных навыков. Все сочиняется, все программируется, одни умеют одно, другие другое — и не мыслят жизни друг без друга. Священный союз сочинителей и айтишников сплавил человечество воедино и намертво привязал к местам компактного расселения.

— К чему, к чему? — переспросил Димыч.

— К городам, дурила! К промышленным центрам, курортным поселкам и так далее.

— А-а.

— И это, по сути, неплохо. Они сидят и не рыпаются, а всю остальную Землю оставили *нам*.

— А о проекте Большого купола ты типа не слышал.

Лена не отследила, кто это сказал.

— Фигня! — убежденно парировал Влад. — Никогда у них не будет столько айти-ресурсов, чтобы потянуть такое. Накрыть всю Землю сетью программного обеспечения, включительно с океанами, пустынями, горами... тьфу. Не смешите мои тапочки.

«А сочинить — смогли, — с необъяснимым тайным удовлетворением подумала Лена. — Вот вам и доказательство, что сочинители — сильнее, мощ-

нее, глобальнее во всем, за нами всегда главенство и приоритет, и нечего тут. Если бы сейчас оказаться в «Библиотеке», за сдвинутыми столиками, в кругу азартно и отчаянно спорящих студентов, она бы им сказала. Убийственный аргумент — проект Большого купола. Что эти айтишники могут нам возразить?

Хотя какое там «нам». Я-то сижу здесь, на земле, поросшей примятой травкой, смотрю, как другие разводят костер и чистят картошку, и никому из них ни капельки не интересно, могу ли я сочинить чего-нибудь получше».

— Ленка, — в руки ткнулось шершавое, и она вздрогнула, вскидывая взгляд на смеющиеся Владовы глаза. — А ты все-таки попробуй. Давай-давай, я научу.

Девушка Вита смотрела снисходительно. Ну и дура.

— Давай, — сказала Лена.

И отважно схватилась за нож.

* * *

— Палатка, — сказал Влад. — Залезай, там спальники внутри, давай, я за тобой.

— И ты?..

— А что не так?

Не так было все. Вообще. И она могла бы догадаться, дурочка, с самого начала, когда от большого сочинительского ума согласилась ехать с ним.

К вечеру лагерь порос грибными шляпками палаток, самодельных, брезентовых, страшно тяжелых и неудобных: надо было слышать, как матерился Димыч, пытаясь совладать со своей, пока Влад ему не помог, не придержал ускользавший из-под колышка косой край. Сейчас конопатый уже залез внутрь,

выставив за брезентовый полог свои высоченные ботинки со шнуровкой крест-накрест. И девушка Вита залезла тоже.

А Лена уже совсем было решилась предложить ей переночевать вместе, рискуя нарваться на издевательский смех, но это она уж как-нибудь пережила бы.

— Давай быстрее, — подтолкнул Влад. — Или ты возле выхода хочешь? Я бы лучше сам, если что, к нашему красавцу удобнее вставать...

— Если что? — тупо переспросила она.

— Ну мало ли...

За его спиной переливалось голубым, лиловым, оранжевым и малиновым яркое полосатое небо, Лена никогда раньше такого не видела. Оно было прекрасно: ни отредактировать, ни досочинить. Только бы смотреть и любоваться — если б имелась такая возможность и не было нерешаемых в принципе проблем.

— Ну, Ленка!!!

Влад обернулся в полупрофиль, и на его небритую щеку легли розовые отблески. Лена сглотнула и отважно нырнула в глубь палатки, словно в черную бездну. Стоя на четвереньках, ощутила под ладонями и коленями что-то мягкое, неудобное, бугристое.

— Залезай в спальник. Твой не на молнии, на липучках. Справишься сама?

— Справлюсь, — ответила с вызовом, делая вид, будто все поняла.

...Когда она влезла наконец в подобие длинного мешка, душного и воняющего какой-то химией, Влад уже вовсю храпел рядом, похожий в темноте, к которой глаза успели по-кошачьи адаптироваться, на гигантскую полудохлую гусеницу с человеческим лицом. Изобразить из себя что-то похожее, то есть

застегнуться до подбородка, Лена так и не смогла. Отовсюду что-то кололо и мешало, под спиной ощущались сквозь мешок и коврик-каремат острые камни. Непочатый край работы для сочинителя, но уже не было никаких сил. Извернувшись эмбрионом и подсунув под голову руку, она провалилась в сон.

Успела услышать, засыпая, ровный убаюкивающий шелест откуда-то снаружи, извне, со всех сторон.

* * *

— Абзац!!!

— Накрывай! Помоги, с той стороны!..

— Ветку под колесо подложи!

— Не, ну надо же, блин...

— Кто айти-прогноз смотрел? Кто смотрел прогноз, спрашиваю?!!

— Подставка грузнет! Пацаны, стаканчик есть у кого-то?! Давай бутылку, сойдет...

— Где мой чехол?! Витка, ты чехол куда засунула?!!

— Блин!!!

— Подсветите кто-нибудь!

— Если так до утра, то капец вообще...

Лена повернулась на другой бок и снова мирно заснула под их крики и под залпы, перестук и плеск проливного дождя.

* * *

— Это абзац, — выговорил сквозь зубы Влад.

Конопатый Димыч длинно матюкнулся.

Остальные вообще молчали.

Лена прикрыла рот ладонью и незаметно зевнула. Небо над лесом было серое, без намека на рассвет. Невидимый дождик сеялся отовсюду, вернее, стоял в воздухе постоянной взвесью, мокрой, зябкой. Палатки лаково поблескивали среди луж и прибитой ночным ливнем травы. Машины под разнокалиберными чехлами казались грудой чего-то совсем уж нелепого, лишнего, выставленного за ненадобностью под дождь.

Дорога, по которой они вчера приехали, превратилась в сплошную желто-коричневую вязкую грязь. С расползающимися буграми и длинными узкими лужами в мелкую крапинку.

— Подсохнет — поедем, — оптимистично сказал после паузы кто-то.

Кто-то другой прокомментировал саркастическим смешком.

Дождь незаметно усиливался, барабаня по плечам, чехлам и палаткам. Под воротник просочилась холодная капля. Ну почему здесь нельзя ничего сочинить?.. Вроде силового купола, зонтиков или дождевиков...

— Так и будем стоять? — осведомилась Вита. — Завтрак пора готовить вообще-то. Кто-нибудь мне костер поможет разжечь?

В обширной луже у ее ног появился и лопнул первый пузырь.

* * *

— Вот так Моисей и добыл людям огонь! — с гордостью сообщил Влад. — Хотя боги были против. Что, Ленка, впервые слышишь? А еще по «Библиотекам» тусует, сочинительница!

Раздался дружный необидный смех. Лена не ответила, только придвинулась поближе к костру, тон-

кому, квелому, извлеченному из-под слоя на первый взгляд безнадежно мокрого пепла. Над огнем торчал на треножнике тент от дождя и висел котелок с водой, куда Вита периодически окунала палец и недовольно морщилась каждый раз.

— Что там с прогнозом? — спросил Димыч.

— А понятия не имею, — отозвался худой высокий Костик. Лена уже начинала понемногу различать их лица и запоминать имена. — Тут покрытия нет, ни фига не ловит.

— И даже SOS-сигнал?

Она не отследила, кто это спросил, но ответный хохот был еще дружнее, чем после непонятной шуточки про Моисея или как его там.

— Если что, — обиженно уточнил спрашивавший Вася с прической ежиком.

— Если что? — переспросил Димыч, поменяв акцент, и все опять грохнули.

— Если что, обойдемся и без сочинителей с айтишниками, — сказал Влад. — Не дети малые. И вообще, такой дождик максимум на день, ну на два... Плюс чтобы просохло.

— Трое суток теряем, блин, — с досадой бросил Костик. — И это при лучшем раскладе. А мне на работу девятого.

— А забил бы ты на свою работу, — мирно отозвался Димыч. — Айтишник хренов!

Хохот грянул снова, и Костик смеялся громче всех.

Лена сидела, ощущая слева локоть низенького Васи, а справа ее могуче и собственнически обнимал за плечи Влад. Напротив помещался Костик, рядом с ним молчаливый Сережа, чуть правее Вита с Димычем и еще один, толстый и небритый, с косичкой, которого при ней по имени еще никто не назвал, справа братья Олег и Игорь, рыжие и почти нераз-

личимые. В общем кругу со всеми ними у костра было тепло, хорошо и совсем-совсем не страшно.

По примеру Виты она сунула палец в котелок и сразу отдернула — обожглась.

— Руки! — прикрикнула Вита.

Тут же сама попробовала пальцем воду, кивнула и поднялась.

— Что у нас на завтрак? — спросил Димыч.

— Овсянка.

— Овсянка, сэр! — сказал кто-то из братьев, и это снова оказалось почему-то очень смешно.

— С тушенкой, — уточнила Вита.

* * *

Зверь-машина, к жесткому заднему сиденью которой Лена уже успела привыкнуть, стояла под дождем потерянная и несчастная, едва просвечивая сквозь мутный пластик, обсиженный, словно мушками, маленькими капельками и — внизу — брызгами желто-рыжей грязи. Влад приподнял край чехла, свисающего до земли, и присвистнул:

— Фигассе загруз.

— У меня тоже — по брюхо, — отозвался Димыч. — Как вытягивать будем, не представляю.

— Надо уже, а то ж вообще потонут. Давай хоть побольше веток напихаем под колеса, камней или я не знаю.

Чуть поодаль рыжие братья пытались вытащить из расползающейся грязи своего монстра о четырех колесах и двух щетинящихся рулях, чьи очертания скрадывал сейчас темно-зеленый чехол. Насколько Лена могла судить, монстр стоял намертво, не обращая внимания на их усилия. Безымянный толстый парень с косичкой подошел подсобить: махина качнулась, под колесами что-то хищно чавкнуло. Вита

присела на корточки, подсовывая ветки под залепленные грязью шипастые шины. Обернулась через плечо:

— Ребята, помогите! А ты чего стоишь? Иди камней насобирай, что ли.

Последнее относилось к ней, Лене. То, что Вита вот так запросто взяла на себя право ею командовать, нервировало, но возмутиться мешало одно обстоятельство — она была права.

Лена развернулась и направилась в неприветливый мокрый лес.

Он был дальше, чем она думала. Со стороны лагеря сюда не долетало ни звука. А стоило зайти за первый ряд кустарника и деревьев, как он пропал из виду, исчез вообще. Крикнула, взлетая, какая-то птица.

Прошуршал ветер, и на Лену пролился с дерева локальный ливень, она моментально промокла насквозь, хотя, казалось бы, куда еще. Под ногами валялось полно толстых, наверное, подходящих веток (исполнять Витино приказание в точности она не собиралась), но когда Лена попробовала поднять одну, все они оказались непостижимым образом сцеплены друг с другом, переплетены намертво в один причудливый конгломерат. Лес не хотел делиться никакой частью себя, он вообще не желал терпеть ее здесь, пришлую, чужую. Что-то запуталось в волосах, расцарапало щеку.

Пройти дальше было нельзя: бурелом стоял сплошной стеной, колючей, промозглой, опасной. Лена вцепилась обеими руками в недлинную суковатую палку, потянула на себя и едва не упала с добычей в руках. И хватит. Надо выбираться отсюда.

Она вдруг обнаружила, что не помнит, откуда пришла. И как это вообще у нее получилось — непроходимые заросли высились со всех сторон, и не

было ни тропинки, ни просвета. Прислушалась: шелестел дождь, стонал ветер, пересвистывались птицы, скрипели древесные стволы... и еще множество других звуков, чужих, странных, никогда раньше не слышанных.

Мысль о том, чтобы досочинить и допрограммировать этот лес, этот дождь, этот чуждый мир, казалась нелепой и дикой. Он был нечеловечески совершенен. И ее, лишнюю, ненужную ему — все же не отпускал.

Лене стало по-настоящему страшно.

* * *

— Где ты лазала?! — заорал Влад.

И глаза у него были такие, что Лена втянула голову в плечи: ей отчетливо, до дрожи показалось, что он сейчас ее ударит.

— Я заблудилась.

— Где?! В четырех соснах?!!

Наверное, это была одна из его шуточек. Но никто не засмеялся. Все они стояли полукругом, тихие и злые, мокрые и перемазанные рыжей грязью. Вита зыркнула исподлобья на Димыча, демонстративно глядящего в сторону, а затем на Лену — с неприкрытой ненавистью.

Толстый парень с косичкой шагнул вперед и, сдерживая, положил Владу ладонь на плечо.

— Значит, так, — негромко сказал он. — Устанавливаем правила. От лагеря в одиночку никому не отходить. За водой или за хворостом — только попарно, в порядке дежурства, сейчас составим график. И, кстати, надо собрать продукты, что у кого есть, разбросать по дням.

— На сколько дней? — хмуро спросил Костик.

— На сколько хватит. По минимуму.

Лена смотрела себе под ноги, в сплошную пузырящуюся лужу, похожую на готовый выстрелить гейзер. Ноги промокли совершенно. А дождь этот был, она уже поняла, не то чтобы надолго.

Навсегда.

* * *

— Кстати, кто знает, — спросил Вася, — скоро нас начнут искать?

Отозвались короткими смешками, словно перебросились беспорядочно колючим мячиком. Но по-настоящему, отметила Лена, не засмеялся никто.

— Ты своим сказал, когда вернешься?

— Ну, девятого-десятого.

— Вот тебе и «ну».

Довольный краткостью своего ответа, Димыч обнял Виту, но она поморщилась, повела плечами. Перед ужином, припомнила Лена, они о чем-то негромко спорили в своей палатке, кажется, даже ссорились. Но сейчас лицо Виты было бесстрастным, как камень. Димыч слегка отодвинулся, пожав плечами.

— Предлагаю принять за вводные, что искать нас не будут, — сказал Влад. — Никто и никогда.

— Ты так не шути, — отозвался один из братьев.

— Я? Шучу? Ничего подобного. — Его рука нахально взъерошила волосы Лены. — Я сочиняю. Даю вводные обстоятельства, согласно которым никаких сочинителей и айтишников нет в мире вообще. Как класса. Дивный замечательный мир! Ленка, тебе нравится?

Она ничего не поняла, но кивнула, и потом еще раз, энергично и твердо — чтобы его поддержать. Почему-то это стало очевидным и единственно пра-

вильным: поддерживать его, что бы он ни сказал. А Вита пусть как себе знает.

— И я не вижу, почему бы нам не жить нормально и даже неплохо в таком мире, — продолжил Влад. — У нас же все свое с собой. И руки, и железо.

— Железо ржавеет, — бросил кто-то.

* * *

— Отнеси Костику, — сказал Влад. — Он просил.

Вылезать не хотелось. К вечеру лагерь превратился в сплошное пространство мутной воды и вязкой хлюпающей взвеси, и палатки оставались островками относительной сухости и тепла. Лена сжала в кулачке железку, рассмотреть которую было уже невозможно в темноте.

— А почему ты не сам?

— Ленка, делай что говорят! — Он поперхнулся и закашлялся так, что ей тоже захотелось прочистить горло. — Я, кажется, заболеваю, ну его к черту... Были где-то таблетки, сейчас заглотну, приду в норму.

— Влад...

Надо было что-то сказать, посоветовать или как-то ободрить, но она не придумала ничего. Расстегнула полог и, зажмурившись, нырнула в холодную и мокрую мглу.

Она помнила палатку Костика — большую, оранжевую, — но все равно умудрилась сначала сунуться к Вите с Димычем, в их зеленую, а теперь точно такую же серую во мгле. Пробормотала извинения и отпрянула из-под полога словно ошпаренная; впрочем, неизвестно, заметили ли они ее вообще.

Костик сидел в палатке один, и потому она казалась просторной, как дворец, подсвеченная подвесным фонариком сверху. Но свободного места на бугристом каремате не было все равно: вокруг были разложены в непостижимом, но очень стройном порядке разнообразные железки. Костя подносил их друг к другу, пробовал, присоединял, менял местами. Под его руками выстраивалось что-то недоделанное, недосочиненное, недо...

— Принес? — осведомился он, не поднимая головы.

— Вот.

— А, это ты. Спасибо, Ленка.

Взял железку из ее мокрого кулачка, повертел на свет, кивнул. Повернул конструкцию ребром, выискивая нужное место для недостающей детали. На Лену он не обращал ни малейшего внимания.

— Что ты делаешь?

— Собираю антенну, — откликнулся он. — Покрытия тут нет, но радиоволны-то должно ловить. Как там Влад?

— Он заболел, — сказала Лена. — Немножко. Сказал, у него есть таблетка.

— Таблетка — это хорошо. Единственное, она вряд ли из железа... О! Сейчас, по идее, поймаем.

— Кого?

— Хоть кого-нибудь.

Лена вдруг услышала шелест дождя по внешней поверхности палатки, давно уже фоновый, вынесенный за скобки. В установившейся тишине страшно было вдохнуть.

Раздался треск. Сначала оглушительный, и она запечатала уши ладонями, а потом, когда Костик что-то подкрутил, ровный, шелестящий и безнадежный, как дождь. Он продолжался целую вечность, и Лена сидела в подмокающем углу палатки,

не решаясь шелохнуться. Костик не сдавался. Крутил и крутил свои колесики, гнул во все стороны коленчатый шпиль, тихонько дребезжал плохо подогнанными железками... Наконец вскинул глаза и посмотрел на Лену.

— Белый шум, — пожаловался он. — И все. Пустой эфир совершенно.

Он глядел на нее в упор, сощурив красные утомленные глаза. Так, будто усиленно пытался вспомнить, кто она такая вообще.

— Жалко, — неслышно ответила Лена. — Я пойду. Спокойной ночи.

Через полчаса блужданий под дождем она отыскала наконец их с Владом палатку. Влезла внутрь и присела на корточки, уже привычно нащупывая в темноте колючие застежки спальника.

— Гениально, — невнятно пробормотал Влад. — И резину пора менять. Я тащусь.

Лена мимолетно коснулась его плеча.

Пышущего жаром, как раскаленное под солнцем железо.

* * *

— Как это нет связи?! Ты же обещал!.. А если она умрет?!!

Димыч орал на Костика, подпрыгивая и чавкая в коричневой жиже под ногами, размываемой дождем, и веснушки на его лице казались мелкими брызгами грязи. Виты не было.

— Лазарет, — пробормотал кто-то.

— Передатчик работает. Но тупо нет никого в эфире, — монотонно, в который раз повторил Костя. — Кому оно нужно, это радио? Только придуркам железячникам вроде нас.

— А мы все тут, — пошутил кто-то из близнецов, совсем-совсем не смешно.

— Завтрак будет? — спросил Вася.

Смотрел он почему-то на нее, Лену. Остальные посмотрели тоже.

Она огляделась растерянно, все время натыкаясь на их глаза, блестящие и голодные. Ну что за бессмыслица, разве заболевшая Вита готовила потому, что она девушка, а не по той простой причине, что умеет это делать?!..

— Все равно пытайся, — сказал Костику парень с косичкой. Его небритое лицо осунулось, и он почти не казался толстым. — Лен, пойдем сочиним пожевать что-нибудь.

Она послушно пошла за ним. Чавкая по грязи, добралась до его палатки, придержала полог, несколько секунд потопталась снаружи, а затем отважно сунулась внутрь. Присела на корточки, ожидая, когда он скажет, что ей делать.

Он ничего такого не говорил.

— Самое главное — не допустить паники, — парень размешивал в котле буроватый концентрат с зелеными и оранжевыми кусочками то ли овощей, то ли трав, кружившимися по спирали. — В такие поездки никто не берет много продуктов... Это нам сейчас на завтрак, а тут, смотри, я отсыпал на обед.

— Так мало?

— Хватит. Обедать будут не все.

Лена вопросительно вскинула глаза.

— Своим ходом мы отсюда не уедем, — пояснил парень. — Нужно добираться до ближайшего города пешком. Далеко, но другого выхода все равно нет. После завтрака я предложу. Если вдруг никто не поддержит, поддержишь ты.

Она кивнула.

— Единственное, кому-то придется остаться. Присмотреть за больными и железом.

Она кивнула еще раз.

* * *

Никому не стоялось на месте. Прохаживались, притопывали, чавкая в жидкой грязи, били копытами, как кони. Поправляли чехлы на окончательно загрузнувших машинах, кто-то что-то подкручивал напоследок, выставив наружу тощий зад. У некоторых были плоские рюкзаки на плечах, другие шли вообще налегке. Палатку не собрал ни один.

— К вечеру вернемся с подмогой, — сказал парень с косичкой.

— На айти-вертолете, — пробормотал Костик. Он стоял ближе всех к Лене, и она слышала, а больше никто и внимания не обратил. Все о чем-то переговаривались, жужжали одновременно, перекрывая непрерывный шум дождя.

Им было весело. Они уходили.

— Не скучай тут, Ленка, — с нервозной ухмылкой бросил Димыч. — И это... не обижай Витку мою.

Она не придумала, что ему ответить.

— Не заблудитесь?

Хриплый голос закашлялся, недоговорив, и Лена беспорядочно крутнулась, ступила по щиколотку в лужу, развернулась, увидела.

Влад стоял возле их палатки с откинутым пологом, широко расставив ноги, стоял нетвердо, пошатываясь и щурясь от мелких дождевых капель. Прощаясь, поднял раскрытую ладонь.

— Зачем ты вышел?! — оскальзываясь, метнулась к нему. — Тебе же не... у тебя температура!..

* * *

— Такие дела, Ленка. Я не шучу.

Она и не думала, что он шутит. Съежилась в комочек, поплотнее обхватив колени руками под краем спального мешка. Дождь, кажется, стал еще сильнее, капли лупили в палатку, словно нескончаемый обстрел.

— Раньше люди постоянно готовили себя к чему-то такому, — говорил Влад. — Целая культура была: книжки о необитаемых островах, фильмы, игры на выживание, всякие программы, тренинги, курсы... Еще туризм был!.. Как его, экстремальный. Считалось, что ты реально крут, если можешь выжить, отрезанный от цивилизации. И знаешь почему?

— Нет.

— Потому что цивилизация была разомкнута. И каждый мог начать строить свою собственную. С любого конца, от любой отдельно взятой железки. Согласись, что это круто — цивилизация своими руками.

— Наверное.

— А теперь оно невозможно. Биполярную систему нельзя построить заново с какого-то одного конца, понимаешь? Можно только жить внутри старой, не пытаясь даже... — он закашлялся и закончил на сорванном сипящем звуке, — высунуться наружу.

Мы попытались, подумала Лена. Мы высунулись, и что теперь? Это же правда, то, что он сказал про них... скорее всего, правда.

— Я думал, уж мы-то сможем, с нашим железом. А получается, нужно что-то еще. В голове, в подкорке. Или в спинном мозгу, в хребте, как стержень... у нас его нет, Ленка. А если и был, так тупо

заржавел от первого же дождя. Мы все равно поделены на сочинителей и айтишников, только не хотим себе в этом признаваться.

Он опять закашлялся, засипел, и надо было напоить его чем-то горячим, Лена бы сочинила: темное травяное варево с пряным запахом, невидимое облачко пара, мелкие-мелкие глотки и капельки пота на висках... нужно первым делом опять развести огонь, но как это сделать в сплошном дожде?..

И никто к нам сюда не вернется.

* * *

— Вита?

Спальный мешок не шевельнулся. Скрученная завитком бурая гусеница впотьмах.

Лена присела на корточки, поставив на каремат кружку с бульоном. Упавший полог хлопнул по спине последним порывом ветра с дождем. Протянула руку, нащупала сквозь толстый пружинистый слой что-то кругло-твердое, затылок или плечо...

— Вита... ты спишь? Я тебе поесть...

Гусеница внезапно взвилась пружиной. Лена отшатнулась, едва успев подхватить кружку — к счастью, бульон не доплеснул до края. Спальный мешок опал, словно сброшенный кокон, сидящая Вита протянула руку и сказала хрипло:

— Давай.

В полумраке она казалась осунувшейся и узкой — серый абрис щеки, ниточка губ и сверкающие глаза. Поднесла чашку к лицу:

— Чего так мало?

Лена потупилась:

— Кончился концентрат. Я не стала сильно разводить... но могу долить воды, если хочешь.

— Владику твоему, подозреваю, хватило. И тебе тоже.

— Я поровну делила! — возмутилась Лена.

— Ага. Посочиняй мне тут.

Вита отхлебнула бульона и закашлялась, переломившись пополам, под свитером ходили острые, совершенно птичьи лопатки. Раньше не было заметно, что она такая худенькая, наверное, из-за кожаной куртки. Подняла голову: мокрые пряди на лбу, слезы на глазах, сиплое дыхание. Снова понюхала бульон, отставила в сторону и глянула исподлобья:

— Ты кружку ждешь?.. Я сама потом помою.

— Нет, — Лена приподнялась на полусогнутые и взялась за полог, — я уже... Может, тебе еще что-нибудь нужно?

Вита расхохоталась:

— А что у тебя есть?

— Ну, не знаю... попить... чай могу согреть.

— Чаю давай.

Она откинулась на спину, почти исчезнув в буграх и складках спального мешка, только белели тонкие пальцы, стиснутые на кружке, и тяжелое дыхание шуршало, будто сыпался песок. Лена приоткрыла полог, впуская бьющую наискосок морось. Чтобы нырнуть туда, в промозглую муть, надо было опять, в который раз, собраться с силами...

— Ленка, — тихо сказала Вита. — Ты попробуй. Сочини что-нибудь.

* * *

Разница есть.

Сочинители были всегда. Задолго до появления айтишников — люди сочиняли, точно зная, что никто никогда этого не запрограммирует, что в исто-

риях и картинах, составленных из мыслей и слов, нет и не будет никакого практического смысла.

Все равно это всегда было кому-то нужно. А не только железо.

Железо ржавеет — и это ровно то же самое, как айти выходит из строя, когда садится заряд или пропадает покрытие; и тогда уже не поделаешь ничего. А сочинитель свободен, не связан никакими условиями и ни от кого не зависим. Слово, образ, внутренняя картинка — это стержень, который не заржавеет и не переломится никогда, а выдернуть его получится разве что вместе с самой жизнью. Сочинять можно на краю света и под страхом смерти, в одиночестве и в толпе, беззвучно и в полный голос. Кусочек тортика в кафе — или целый мир, новый, удивительный и без дождя.

Это неправда, что наш мир изначально биполярен. Его все-таки сначала сочинили, а потом уже все остальное.

Можно попробовать.

И проверить.

* * *

— Голубое-голубое. Маленький кусочек пока, но зато с той стороны, откуда ветер дует...

— С наветренной. Как ты огонь развела?

— Слила немного топлива через шланг, как ты говорил, крышку потом на место закрутила... Вкусно? Там травы четырех видов, какие смогла опознать, и листья с липы и малины — я на опушке собирала, не бойся, не заходила далеко. В низине еще вода стоит, а на пригорке, где наши машины, уже подсыхает. Твой красавец, я смотрела, не очень загруз... Ой, обжегся?!

— Чуть. Горячо. Голова квадратная, черт, уже сегодня могли бы стартануть. Витка там как?

— Я заглядывала, она уже спала. Думаю, завтра будет в порядке. А она правда умеет сама ездить? Я думала...

— Умеет-умеет. И ты научишься у меня, сочинительница.

— Не обзывайся. Думаю, с утра и поедем. Позавтракаем теми грибами. Их, правда, не очень много. Я суп сварю.

— Не отравимся?

— Ну тебя. В общем, поедим, соберемся, вырулим на трассу, и... нам же не надо ни в какой город, правильно? Только в торговый центр и на айти-заправку.

— Нарушаешь уговор, Ленка.

— А где еще берут топливо? Я просто не знаю.

— С топливом засада, но мы что-нибудь по дороге сочиним. Торговый центр тоже как-то не очень... Ладно, давай дальше.

— Там же все равно никого не будет. Потому что выходные, или... ну, мы сами удивимся, поймем-то уже гораздо позже. В общем, нигде никого-никого. Мы возьмем только то, что нам действительно необходимо: инструменты, разные материалы. Кстати, в кофр оно все не влезет, надо будет прицеп взять у близнецов. Плюс продукты на первое время, зерно на семена. Как ты рассказывал про этого, забыла, который жил на острове...

— Робинзон Крузо.

— Кстати, Влад, откуда ты столько всего книжного знаешь? Признавайся, тоже хотел поступать на сочинителя?..

— Еще чего. Ну?

— Ну вот. А потом мы поедем дальше, и будет много-много солнца, и блики на зеркалах, и такие

лужицы на дороге: как подъезжаешь ближе, они пропадают, а потом смотришь вдаль — там еще и еще... И леса со всех сторон, сплошные леса, иногда речки или озера: блеснет синим, и нету! Мы же будем очень быстро гнать, я теперь совсем не боюсь. И к вечеру доедем до моря!

— Полторы тыщи километров.

— Хорошо, по дороге остановимся, заночуем где-нибудь. В лесу. Потому что ни одного города нам по дороге не попадется, ни единого вообще. Такая прямая скоростная трасса. А может быть, точно нам знать пока необязательно, их никогда нигде и не было, никаких городов...

— Как доедем, первым делом, конечно, полезем купаться.

— Ага!.. Слушай, у тебя хорошо получается. Давай теперь ты.

— Нет уж. Я больше по железу. Сама, сама. Куда, кстати, Виту денем? Отстанет по дороге?

— Как это? Она отстанет, а мы спокойно поедем себе?! Давай лучше... сейчас... давай ей Димыч эсэмэску пришлет? Что они ждут ее где-то на боковой дороге. Заодно будем знать, что с ребятами все в порядке. Попрощаемся — и дальше уже только вдвоем... Влад!!! Выздоровел уже, да?.. Руки!

— Все-все-все. Я скромен и тих, как Августин Смиренный. И?

— И мы построим дом. Ну, сначала-то палатку поставим, но потом — все-таки настоящий дом, прямо у моря. Еще у нас будет сад, поле, домашние животные, и рыбу ты будешь ловить. Кстати, напомнишь, чтоб не забыли взять удочки... или сам смастеришь? А я буду готовить, и прясть, и шить, и... В общем, мы постепенно научимся делать все-все и построим целую цивилизацию собственными руками, из одной точки, с нуля. Настоящую, здоровую,

разомкнутую, без всяких... Влад, я не могу. Ерунда какая-то...

— Лен, ну чего ты, не надо, не плачь. Ты все хорошо сочинила.

— Ты думаешь?

— Давай спать.

* * *

Мутное, обсиженное каплями окошко палатки не пропускало света — так, сероватую мглу, чуть-чуть отличную от темноты. Айти-фон сел еще вчера, и теперь нельзя было даже посмотреть, который час.

Рядом тихо-тихо дышал Влад. В застегнутом по самый подбородок спальнике белело, как тарелка, его лицо с очень черными дугами бровей и ресниц. Лена приподнялась на локте и коснулась его лба: прохладный. Влад заворочался, что-то пробормотал и повернулся на бок.

Знобило, вылезать из спального мешка не хотелось категорически. Хоть бы тоже не заболеть, только этого не хватало. Надо вставать. Пока он спит, развести костер, согреть чаю... и все-таки прогуляться в лес, должны же там, в самом деле, расти какие-нибудь ягоды или грибы. Хотя с грибами, пожалуй, рисковать не стоит, она же видела их только на айти-картинках, и то в детстве.

И вообще глупо, думала Лена, потягиваясь всем телом внутри спальника и отодвигая момент подъема.

«Ну, с чего это вдруг мы так запаниковали? Конечно, за нами вернутся. Не могут же они и вправду бросить нас тут — Димыч, Костик, Вася, близнецы, тот парень с косичкой... Их-то самих однозначно спасли: город совсем близко, и сеть ловит уже на трассе. Мир сочинен и запрограммирован в точ-

ности так, как надо — в идеальном равновесии, в четком биполярном балансе. Разумеется, еще до обеда прилетит айти-вертолет и заберет нас отсюда. И наше железо.

А потом я подам заявление на курсы и буду учиться, серьезно готовиться весь год, и обязательно поступлю, и когда-нибудь мы еще будем сидеть и спорить с айтишниками в «Библиотеке»...»

Нет, но все-таки пора вставать, утро же. Удивительно, как с утра все всегда кажется по-другому. Особенно если ничего не барабанит по нервам, если нет дождя.

Правда?..

Поспешно выпутавшись из спальника, Лена высунулась из палатки и запрокинула голову.

С наветренной стороны в тучах виднелся кусочек синего-синего неба.

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ

ВЕСНА ПРИШЛА

Глайдер дяди Сурена был все тот же — с потемневшим, словно закопченным, днищем, знакомыми вмятинками на корпусе и облупившейся кромкой правого крыла. А вот дядя Марат прилетел на новеньком, блестящем, с непривычными угловатыми обводами. Наверное, его среди прочего груза доставил последний транспортник с Земли.

«Еще бы! — подумал Димка, щурясь от бликов, вспыхивающих на фонаре кабины. — Если бы я стал начальником Колонии, у меня всегда был бы новый глайдер!»

Он представил, что занял просторное кресло в кабинете дяди Марата и, болтая ногами, распо-

ряжается оттуда, весело хмыкнул и стал разглядывать двор. Всего неделю назад неподалеку от ангара проклюнулась первая темно-зеленая «пирамидка» — трехгранный побег ранее не известного местного растения. А теперь их можно было насчитать десятка три. Весна пришла...

Присев на корточки возле самой крупной «пирамидки», Димка прижал ладонь к одной из граней. И минуты не прошло, как побег расщепился, выпустив множество тонких нитей с белыми пушинками на концах. Димка убрал руку — и они втянулись обратно, после чего «пирамидка» вновь сомкнулась. Этот фокус проделывали многие пацаны, но толком объяснить происходящее не могли пока даже биологи.

В воздухе толклись стрекотухи — с каждым днем их становилось все больше. Одна, громко треща крыльями, пролетела совсем близко. Димка на всякий случай примерился, выбросил руку в ее сторону, но стрекотуха сделала ловкий финт и ускользнула. Эти большие лупоглазые насекомые только казались неуклюжими — до сих пор никому не удалось поймать хотя бы одно из них на лету.

Побродив еще немного по двору, Димка пошел в дом. И застал спор в самом разгаре.

— Я вашему спокойствию удивляюсь! — горячился дядя Сурен, сдвинув густые брови к переносице. Виски у него были уже серебристые, но брови оставались черными, без единого белого волоска, и порой Димке казалось, что они приклеены. — Сколько раз мы с дафнианами пробовали в контакт вступить? — Он обвел строгим взглядом папу, маму и дядю Марата и сам себе ответил: — Вчера шестая попытка была! Это ничего не значит, да? Может, и нет. А если значит? Мы для них чужаки, а с чужаками или договариваются, или

от них избавляются. Что, если они уже удар готовят? Техника у них, конечно, примитивная, но Колония слишком мала, рисковать нельзя. Начнется конфликт — будет поздно. Не хотим, чтобы нас застали врасплох — надо начинать готовиться.

Слушая его, папа морщился и мотал головой.

— Да ну, брось! — сказал он, когда дядя Сурен закончил. — Какой конфликт, о чем ты говоришь? Если они не захотят нас принять, если мы увидим полное отторжение — придется думать об эвакуации. Другого выхода нет. Это не наша планета, у нее есть хозяева.

Дядя Сурен вскочил, нависнув над столом. Его брови сомкнулись окончательно.

— Эвакуация?! — Видимо, он очень не любил это слово, потому что не просто произнес его, а словно вытолкнул из себя. — Дафна — наш дом уже двенадцать лет! Мы на ней корни пустили, здесь наши дети родились. Хочешь так легко от всего отказаться?

— А ну, остыньте! — Дядя Марат недовольно повел могучими плечами. — Нам надо что-то решать, а вы друг друга вот-вот за грудки схватите. Борис прав: выяснять отношения с местными — последнее дело. Но и бросать планету... — Тут он увидел Димку и замолчал.

Мама смутилась.

— Дима, — сказала она, разглаживая на коленях складки платья, — мы обсуждаем один важный вопрос. Пожалуйста, пойди к себе. Или погуляй где-нибудь. А можешь заглянуть в загон к овцеякам.

Димка молча повернулся и вышел.

«Ага, в загон, как же! — подумал он, спускаясь по ступенькам крыльца. — Чего я там не видел-то?»

Овцеяки были первыми животными, которых люди одомашнили на Дафне — ради вкусного жир-

ного молока. Из-за длинной, свисающей до самой земли шерсти они напоминали огромные ходячие щетки. Только спереди торчала небольшая голова с закрученными спиралью рогами.

Димка все-таки заглянул к овцеякам, потрепал их по слюнявым мордам, потом бесцельно прошелся по двору и остановился перед ангаром. Решение пришло мгновенно. Дядя Марат заезжал к ним несколько раз — посоветоваться перед принятием какого-нибудь решения. Раньше чем через два-три часа они с дядей Суреном не уйдут, а за это время можно сгонять на папином глайдере к Близнецам. Папа даже ничего не узнает. Правда, он поставил блокировку, но это ерунда — Влад показывал один хитрый приемчик. Только бы ничего не перепутать...

Ангар никогда не запирался. Димка воровато оглянулся на дом, затем открыл дверцу глайдера, юркнул на водительское сиденье и проделал нужные манипуляции. Двигатель чуть слышно заурчал.

— Есть! — Димка победно вскинул руку со сжатым кулаком, стукнулся костяшками о суперглассовый фонарь и ойкнул от боли. Затем, не теряя времени, тронул машину.

Вообще-то, Близнецы мало походили друг на друга, разве что высотой. Две скалы — узкая, как наконечник копья, и более широкая, трехглавая. Пацаны называли их мерзлыми великанами, потому что каменные глыбы всегда были покрыты ледяной коркой. Лишь недавно полупрозрачный панцирь растаял, стек по склонам, и впервые стало видно, насколько причудливо обглодал тела Близнецов озорник ветер.

Димка опустил глайдер, выключил двигатель и спрыгнул на траву. Не удержавшись, нагнулся и погрузил руку в курчавую зелень. Как и любому

колонисту, трава казалась ему настоящим чудом. И «пирамидки». И странные образования, напоминающие круглые подушечки из листьев на четырех длинных и тонких ножках-стволиках. А ведь еще недавно многие были уверены, что на Дафне почти нет растений! Только редкие карликовые деревца да несколько видов лишайников, которыми питались дикие овцеяки, выкапывая их копытами из-под снега...

А вот и знакомый валун — большой, плоский, наполовину вросший в землю. Его глубоко прорезали две трещины, образующие подобие буквы «У».

Позавчера сюда нагрянула ватага пацанов — поупражняться в скалолазании. Димка стал вторым после Влада — вскарабкался примерно на треть высоты Большого Близнеца. А потом, когда все уже собрались уходить, вскочил на валун, прошелся по нему — и внезапно ощутил зов. Странный, беззвучный, словно исходящий из-под земли. Это было так неожиданно, что Димка споткнулся на ровном месте и чуть не упал.

Он хотел рассказать о зове друзьям, но не решился — вдруг ничего не почувствуют и поднимут его на смех? Димка уже представил, как Влад гогочет и крутит пальцем у виска, а вслед за ним ржут остальные. Что может быть хуже?

Но ощущение маленького чуда осталось. И Димка не мог не вернуться. Хотя бы затем, чтобы отвлечься от неприятных вещей, услышанных в доме...

В обучающих программах говорилось, что Дафна вращается вокруг Феба очень медленно. Из-за этого здешний год в семьдесят раз длиннее, чем на далекой родине колонистов — Земле. Люди прилетели сюда в самый разгар зимы, но и не подумали отступиться. Слишком мало в Галактике планет с

кислородной атмосферой, чтобы ими пренебрегать. А те из них, где еще не развилась разумная жизнь, вообще большая редкость. Так на Дафне появилась Колония. Поселенцы освоились быстро: построили дома, приручили овцеяков, наладили переработку лишайника. Необходимое оборудование, материалы и некоторые продукты присылали гипертранспортником с Земли. «Пока — бесплатно, — говорил папа. — Вот вплотную займемся добычей полезных ископаемых, создадим промышленность — тогда и расплатимся».

Начать масштабные работы колонисты планировали с приходом весны. И вот оранжевый глаз Феба стал светить ярче, в снегу появились первые проталины. Напоенная влагой земля расцвела сочной зеленью, засуетились пробудившиеся от спячки зверюшки, в воздухе замельтешили насекомые. А затем... Затем из глубоких подземных убежищ поднялись подлинные хозяева планеты — дафниане.

Как понял Димка, они были куда более теплолюбивыми, чем люди. Настолько, что с приходом зимы мерзли даже в жилищах, и им приходилось прятаться в пещерах — естественных или рукотворных. Утаскивая туда все, что имели — от орудий труда до построек, разобранных по бревнышку да по кирпичику. И правильно — чего им стоять без дела, покрываясь льдом, когда внизу может пригодиться каждая дощечка?

Биологи до их пор не знали о туземцах почти ничего, гадали даже о том, чем они питались всю зиму. Не иначе, выращивали грибы, которым не нужен солнечный свет...

Как бы то ни было, с пробуждением природы дафниане начали выходить на поверхность. Пока еще местами и небольшими группами (Димка

до сих пор ни одного не видел), но руководители Колонии уже насторожились. Одно дело — обосноваться на дикой планете, совсем другое — заявиться в чей-то временно пустующий дом. А потом встретиться лицом к лицу с его хозяевами, которые упорно не идут на контакт. Попробуй узнай, что у них на уме! Вдруг дядя Сурен прав и они уже строят планы, как избавить Дафну от пришельцев?

Димка сел на край валуна, обращенный к Близнецам, и стал их разглядывать. И чем дольше разглядывал, тем отчетливее видел, что позавчера мог подняться по крутому боку трехглавой скалы и повыше. Надо было только, добравшись до вон того выступа, сместиться вправо, потом немного опуститься, снова передвинуться вправо — а там уже сама природа приготовила «ступеньки» для дальнейшего подъема...

Но на то, чтобы в деталях рассчитать победный маршрут, не хватило времени — пришел зов. Как и позавчера, он был беззвучным. Димке просто показалось, что кто-то мягко скользнул к нему в голову и не произнес, а подумал фразу на загадочном языке. Смысл ее был непонятен, и все же Димка каким-то таинственным чутьем уловил, что ему задают вопрос. Очень простой, на который и ответить надо так же просто — «да» или «нет».

«Да», — без колебаний выбрал Димка.

Примерно минуту ничего не происходило. Но Димка ждал, затаив дыхание, и вот метрах в двух от валуна начал вспухать земляной бугор. Вскоре он лопнул, разбросав в стороны куски дерна с курчавой травой, и показалось странное округлое тело. Оно напоминало огромный плод — широкий в основании, сужающийся к верхушке, покрытый пупырчатой оливковой кожурой с бурыми пятнами.

Выбравшись на поверхность, плод качнулся туда-сюда, словно устраиваясь поудобнее. Затем кожура треснула сверху донизу в четырех местах, ее части стали расходиться, как лепестки цветка, и оказалось, что плод — обманка. Под его оболочкой не было ни мякоти, ни ядра — она служила то ли домиком, то ли транспортным средством удивительному существу.

Конечно, все колонисты видели дафниан в голозаписи. Но, разглядывая виртуальные фигурки, Димка испытывал только удивление и любопытство. А сейчас у него пересохло во рту, странно заныло в груди, все тело сделалось вялым и непослушным — он почувствовал, что не может даже привстать с камня.

Гость был чуть выше его самого. Покрытый серой переливчатой шерсткой и одетый в бежевый комбинезончик, он чем-то напоминал игрушечного медвежонка, которого Димка брал к себе в кровать, когда был совсем маленьким. Только сильно подросшего. У него были большие уши с загнутыми верхними кончиками, черный нос пуговкой и большие золотистые глаза. Но больше всего поражали не размер и цвет глаз, а диковинные зрачки — звездочки с тремя лучами.

— Кто ты? — выдохнул Димка, совсем не уверенный, что дафнианин его поймет. Но тот понял. Он открыл маленький рот, почти не видимый в серой шерсти, и протяжно произнес: «Р-р-ри-и-и-и-и-и-ип».

Наверное, говорить вслух ему было трудно и непривычно, поэтому дальше Рип общался со своим новым знакомым только мысленно. В голове у Димки возникла очередная фраза на загадочном языке, и он, пользуясь своим внезапно проявившимся чутьем, угадал ее смысл: «Ты готов?»

«Да», — не задумываясь ответил Димка. Несколько секунд после этого он всматривался в черные фигурные прорези зрачков Рипа, а потом перед самым его лицом взвился ворох разноцветных искр, и он провалился в подземный лабиринт.

Миру, лишенному солнца, полагалось быть мрачным до жути и уныло-однообразным. Но он оказался неожиданно прекрасен. Димка переходил вслед за Рипом из коридора в коридор, из ответвления в ответвление. И всюду, куда они ступали, на стенах сверкали, искрились, перемигивались россыпи светлячков — желтых, красных, голубых, зеленых... Живые огоньки то были разбросаны в беспорядке, то образовывали грозди, гирлянды, многократно переплетенные цепочки.

Коридоры выводили в просторные залы с искрящимися сталактитами и сталагмитами. Здесь светлячки не только живописно украшали стены, но и мириадами свисали с потолка. А еще всюду были заросли грибов. Димка сразу понял, что это грибы, — вспомнил одну из обучающих программ. Только здешние, дафнианские, по всем статьям превосходили земные и величиной, и разнообразием форм. Одни представляли собой большие студенистые пузыри, другие — зонтики, шарики, диски, кисточки на высоких ножках, третьи напоминали старинные чаши и кубки, четвертые — ветвистые кустики и целые деревья без листьев, пятые — диковинные постройки с множеством шпилей...

«А где же все? — мысленно спросил Димка. — Ну... все ваши?»

«Я их не показываю, — после короткой паузы ответил Рип. — Сегодня показываю, где мы живем. Смотри и знай».

«Красиво у вас! — похвалил Димка. И, вспомнив дядю Сурена, добавил: — А почему вы не хотите с нами разговаривать? Мы же никому плохого не делаем».

На этот раз пауза была чуть длиннее.

«Это взрослые. Они еще думают... не знают, как быть».

«А ты разве не взрослый?..»

«Нет. Мне пока далеко... нужно прожить еще столько же. Но я не хочу дожидаться, когда они вам ответят. Это так долго...»

Дослушав голос в голове, Димка чуть не запрыгал от радости. Во-первых, он догадывался, что Рип — не взрослый, а пацан, и было здорово получить подтверждение. Во-вторых... Слово «конфликт» представлялось ему огромным пауком — черным, мохнатым и смертельно ядовитым. А теперь паук забился в щель и там сдох, словно отравившись собственным ядом. Значит, дафниане не хотят людям зла — они просто долго собираются с мыслями! Надо будет скорее сказать об этом дяде Сурену. И дяде Марату, конечно, — он главный, ему приходится думать за всех...

Они свернули в очередной коридор. Даже не коридор — небольшой скупо освещенный тупичок. Сделав несколько шагов, Рип остановился.

«Я хочу тебе кое-что показать. Но это тайна. Ты никому не скажешь?»

Димка чуть не рассмеялся. В Колонии у мальчишек не было тайн друг от друга. Если кто-то пытался что-нибудь скрыть, с ним переставали разговаривать, и это было худшим наказанием. Но золотистые глаза Рипа смотрели умоляюще, и от этого взгляда Димке стало не по себе. Ладно, если уж так просит...

«Никому не скажу».

Дафнианин еще какое-то время колебался. Наконец, решившись, вынул из стены неприметный с виду камень, за которым открылась глубокая черная ниша. Рип сунул в нее руку, пошарил, что-то достал и, немного помедлив, разжал пальцы. На ладони у него лежала... Алкина брошка.

Димка ошарашенно разглядывал слегка изогнутый голубой трилистник, усыпанный прозрачными стекляшками. Алка со своей брошкой не расставалась, но, видимо, позавчера, наравне с парнями штурмуя Близнецов, умудрилась обронить. Пропажу заметила уже дома — то-то реву было... Да уж, ни один пацан не подумает убиваться из-за блестящей побрякушки!

Стоп, сказал себе Димка. Ни один пацан?..

«Подожди-ка... — он уставился на Рипа так, будто увидел его впервые. — Так ты что же... Ты — девчонка?!»

«Да».

Ответ был короток и ясен, но Димка все еще не мог поверить. Он переводил взгляд с покрытого лоснящейся шерсткой личика Рип на Алкину брошку и обратно, а потом услышал знакомую переливчатую трель. Она становилась все громче, все назойливее — и вдруг в подземный полусумрак ворвался ликующий свет Феба.

...Димка сидел все на том же плоском валуне, а перед ним пушистым столбиком замерла Рип. На запястье во весь голос трезвонил коммуникатор.

Стряхнув с себя оцепенение, Димка включил «прием» — и увидел маму.

— Дима! — глаза у нее были мокрые. — Пожалуйста, ответь! Мы уже летим к тебе, все четверо. Что случилось, почему ты молчишь?

— Я... это... — сказал он внезапно севшим голосом. — Ничего, все в порядке...

Мама говорила еще что-то, Димка машинально отвечал, а потом он увидел, как Рип скрестила руки на груди, и, словно повинуясь этому жесту, оливково-бурые «лепестки» поднялись и сомкнулись. Плод-великан завибрировал и начал погружаться в почву. Когда Димка, окончательно преодолев слабость, поднялся с валуна, он успел лишь прикоснуться к пупырчатой верхушке. Затем не стало и ее.

В воздухе появилась темная точка. Она быстро росла и вскоре превратилась в глайдер дяди Марата. Мама выпрыгнула из машины, едва та коснулась земли. Подбежала, крепко обняла Димку и какое-то время стояла так, не шевелясь. Затем начала ощупывать его спину, плечи, руки, словно хотела убедиться, что он цел-невредим.

Димке стало неловко от того, что дядя Сурен с дядей Маратом это видят.

— Да ладно, мам, — сказал он, отстраняясь, — нормально все...

К нему подошел папа. Взял за плечо, легонько сжал и молча повел к своему глайдеру.

Папа сел в кабину, а за спиной у него мама снова прижала Димку к себе и ни за что не хотела отпускать. Впрочем, теперь ему уже незачем было сопротивляться. От маминых рук исходило тепло, и у него сами собой закрылись глаза.

Вскоре Димка уже спал. Ему снились созвездия мигающих светлячков, фантастические грибные сады и, конечно же, тайничок Рип с заботливо упрятанной от посторонних глаз девчачьей безделушкой. Он разглядывал брошку и думал о том, что все девчонки на всех планетах одинаковы. И пацаны, наверное, тоже. Ну, раз так, то и взрослые. А уж если и взрослые... Тогда на Дафне точно все будет хорошо.

ТИМУР АЛИЕВ

СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ

Шеф вызвал меня с утра. Стоило включить комп, как на рабочем столе высветилось приглашение. Послано с мэйла в приемной со всеми атрибутами – извещением, уведомлением, электронной подписью.

Шеф — тот еще формалист. Чтобы старушку через улицу провести, согласование с тремя организациями устроит — с ГИБДД, Министерством труда и Автодором. Так что я не удивился.

Ирочка, в нарушение секретарских традиций, не раскладывала пасьянс на компьютере, а распекала кого-то по телефону. Не отрываясь от трубки, ртом она изобразила мимическую пантомиму, из которой я уловил: «шеф вас ждет», «там клиент» и напоследок — укоризненное — «опаздываете, Сергеев».

В ответ я лишь покаянно опустил голову — замечания от шефа я легко парирую, но вот перед выговаривающими мне девушками в ажурных колготках теряюсь.

Шеф пил кофе из крохотной чашечки и заедал рассыпчатым печеньем. Но так аккуратно, что ни единой крошки не просыпал.

— У нас клиент, — сказал он и показал на человека на диване, — хочет заказать счастье для всех.

Пришлось посмотреть на клиента внимательнее. Бледный, прическа волосок к волоску, костюм черный, рубашка белая, вид мрачно-торжественный. Примерно таким я и представлял себе человека, желающего осчастливить человечество.

— Понял, — говорю, — ну, я пошел выполнять?

— Куда ты?

— Слышал, в городе открыли магазин волшебных палочек, прикуплю ту, что побольше. Для массового поражения.

Шеф с извинениями повернулся к клиенту:

— Вообще-то у нас был другой специалист по счастливой жизни, но он вчера попал под «КамАЗ».

Клиент вздрогнул:

— И что, ничего нельзя сделать?

— Почему ничего? — удивился шеф. — Мы уже в суд на водителя подали. Стребуем с него компенсацию, семье погибшего обеспечим счастливую жизнь.

Молчу. Шеф про меня вспомнил, пальцем перед лицом покрутил.

— А параметры счастья узнать не хочешь? — раздраженно спросил. — Критерии оценки?

— Хочу, — говорю.

Шеф смягчился.

— Вот сам и разработай. Привлеки специалистов, сколько потребуется. В рамках разумного...

— Я Ромика привлеку, — говорю. — Мы с ним сработались.

— Вот это меня и пугает, — почесал лысину шеф. — Ладно, привлекай Романа.

Уже на лестнице его звонок догнал. Личный.

— Учти, — сказал он, — за него серьезные люди поручились. Из мэрии.

— То есть нам не заплатят... — говорю.

Шеф многозначительно жарко подышал в трубку в ответ.

— Ты мне поговори, — пригрозил. — И давай в темпе. Заказ срочный. Ну, ты ж хороший парень, сам понимаешь...

Говорят: хороший человек — не профессия. Врут. Есть такая профессия. Как раз я хорошим челове-

ком и работаю. Универсальная, надо заметить, специальность. Все сложные заказы на меня валятся.

Вообще-то, человек я средний. Не среднестатистический, а именно средний. Любую компанию дополняю. Если напарник зануда, то я — весельчак. С балагурами — благоразумен. В группе инфантилов лидером выхожу. С командирами — подчиненный. За эту особенность и держат меня в нашем уникальном месте — Агентстве немыслимых инициатив...

По дороге вниз я к Ромику заглянул.

— Пошли, — говорю, — пообщаемся.

Тот оживился, потом сник.

— Слушай, я пока не при монете...

— Нет, — говорю, — клиент один нарисовался. Помочь ему нужно счастье для всех устроить.

— Масштабный человек, — восхитился Ромик. — Как думаешь, стрельнуть мне у него полтинник до получки?..

Ромику всегда не хватает. Даже третьей фразой после «привет» и «как дела» у Ромика шла — «не дашь до получки?» Зарплату он выгребает в аванс, вещи покупает в кредит, даже если может купить сразу. Я как-то видел его на овощном рынке. «А не продаете ли вы в кредит?» — спрашивал он у смуглого непроницаемого южанина в кепке. Торговец арбузами смотрел на него долгим взглядом и, не вынимая изо рта сигарету, говорил: «Нэт»...

Мы спустились на территорию, свободную от категорий «счастье-несчастье», — рюмочную. Синюшные рожи вокруг вызывали мысли о рентгенкабинете. Счастливые на вид люди. Но вот что у них в головах? О чем мечтают?

Оглядев соседей, Ромик задумчиво потянул себя за нос и потребовал придумать название проекту.

— Понимаешь, «Уотергейт», «Ирангейт» — масштабные проекты всегда имеют название. Типа, для успешности.

Я не стал просвещать Ромика насчет «Ирангейта» и предложил назвать свои варианты.

— Счастье!.. А что? Бросим клич — все, кто хочет стать счастливым, приходите к нам. Мы их собираем и...

— Счастье — название для детсада, — говорю, — еще «Ромашка», «Солнышко», «Звездочка».

— Отлично, — загорелся Рома, — садик тоже неплохо. Многие так зарабатывают.

— Не оттуда ты пляшешь, Ромик, — говорю. — Давай подходить методологически.

— Только так и мыслю, — обиделся тот. — Смотри, нам нужны рецепт счастья и механизм его внедрения, так? А счастье — это когда нет несчастья, так?

Я кивнул.

Ромик потянулся к карману.

— Знаю я одну даму, — сказал он, — умеет она осчастливить.

— И я знаю много таких дам, — говорю, — двести баксов за час, пятьсот — за ночь.

Ромик довольно хохотнул:

— Да нет, не то.

Однако руку сунул в другой карман, вытащив оттуда визитку «Ясновидящей Жасмин».

— Это ее имя или фамилия? — спрашиваю. — А где отчество?

— Какое отчество?

— Ну, Ясновидящая — фамилия, Жасмин — имя, а отчество?

— Вообще-то, ее Светлана Петровна зовут, — сдал знакомую Рома. — И никакая она не ясновидящая. Просто мысли читает.

— Это часто встречается, — говорю.

Ромик снова обиделся.

— Сам сказал, понять бы, что у людей в головах. А она изнутри хавает человека. Кому че надо и так далее... Людей как пять пальцев знает. Приходит к ней чел за предсказанием, а она его считала и выдает — знаю, дескать, недостача у тебя, на девок потратился в Сочах, да не переживай, ревизору сунешь в два раза больше, чем обычно, и все пучком...

— Что, — спрашиваю, — занял у нее денег?

Ромик посмотрел на меня восхищенным взглядом:

— Вот за что я тебя люблю, Серега, что ты всегда умеешь глубинную мотивацию найти...

Ромик, конечно, подлиза и фантазер. Но зато с ним комфортно — рядом с этим авантюристом я ощущаю себя эталоном благоразумия. Он словно перегретый реактор на грани взрыва — идеи из него выпрыгивают радиоактивными изотопами. Его замыслы всегда масштабны, дорогостоящи и... провальны. Потому для решения нужно поставить перед Ромиком задачу и отметать все предложенные им варианты. Единственный оставшийся и оказывается верным...

Ладно, что мы теряем... Я набрал шефа.

— Виктор Сергеевич, — говорю, — требуется расширение фокус-группы. Без гонорара не обойтись.

— Этого я и боялся, — вздохнул шеф, — ладно, грабь меня... А Роман твой, — вдруг добавил он, — бездельник.

По громкой связи все было слышно. Ромик, однако, не обиделся.

— Умный человек наш шеф, — сказал он, и я поверил, что сказано от чистого сердца...

«Ясновидящая Жасмин» снимала офис в торговом центре. Едва мы открыли тяжелую дверь, нас окутали клубы сладковатого дискотечного дыма.

— Вижу холод, вижу мрак, — раздался из тумана чей-то пронзительный голос, — вижу... А-а-а, Роман, сукин ты сын...

Ясновидящая и впрямь читала мысли, раз в такой дымке почуяла Ромика. Пока туман разбегался по углам, Ромик брызгал мне в ухо слюной:

— Я ж тебе говорил, она — профи высшего класса.

Когда воздух очистился, я смог разглядеть нашу хозяйку. Из восточного во внешности ясновидящей Жасмин присутствовали лишь кольца из дутого золота в ушах. В остальном Светлана Петровна платиновыми кудряшками, монументальным бюстом и костюмом-тройкой мышиного цвета напоминала чиновницу из районной администрации.

— Какая женщина, — прошептал Рома, — мечта поэта...

Светлана Петровна тенденцию уловила сразу.

— Желают-то все одного — чтоб проблем не было, — вздохнула она, — только знаете, ребятки, проблемы-то у всех, как отпечатки пальцев, — разные. Одному требуется решить задачу, как свести жену с полюбовницей, другому — начальником стать, третьему еще что-то... Индивидуальный подход нужен.

— Исключено, — говорю. — Бюджет ограничен.

— Кажись, есть выход, — почесал в затылке Ромик. — Есть у меня старичок один на примете. Наполеона помнит. Сущий дьявол по части советов. Если бы Мефистофель взял его на полставки консультантом, «Фауст» на одну часть короче вышел бы.

— А нам он зачем... — говорю.

— Не-е, ты не дослушал. Из него советы как песок сыплются. Он мудрый, потому что старый, Мафусаил отдыхает. Ну и типа все люди его потомки. Его мысли прочитать — вроде как мысли человечества узнать. Ходячая генетическая память, короче.

— Случайно, — говорю, — его не Адам зовут?

— Так ты его знаешь? — обрадовался Ромик...

Адам Саваофович оказался тем еще живчиком. Слушал нас, засунув мизинец в уголок рта. В нем чувствовался масштаб строителей Беломорканала.

— Счастье — это чистая химия. Эндорфины. Каждому выдать по таблетке галоперидола — и порядок.

— Что, — говорю, — распылять с вертолета? Нет, мэрия такой расход не потянет...

Поколдовав пару минут вокруг старика, Светлана Петровна высказалась категорично.

— Не пойдет, — сказала она. — Клиент мечтает умереть.

Адам Саваофович согласно поморгал. Ромик обрадовался:

— О, для такого случая есть у меня один знакомый врач. Реаниматолог.

— Да сколько раз меня пытались извести, — осадил Ромика Адам Саваофович. — Ни одному врачу не удалось столько людей на тот свет отправить. Нет, пока жив хоть один человек...

— А что, — оживился Ромик, — в этой мысли есть рациональное зерно. Если убить всех несчастливых, останутся только счастливые. Вуаля...

Ну что ж, думаю, пока фантазия Ромика не исчерпалась, буду подкидывать в нее дров.

— А вы чего хотите, Светлана Петровна? — спрашиваю.

Ясновидящая вздохнула:

— Перестать читать мысли. Устала.

— А как же бизнес? — ахнул Ромик.

— Вернусь в милицию. Да и опыт никуда не денется, человека и так насквозь вижу.

Ромика мы не стали спрашивать о счастье. Он надулся.

— Напрасно вы думаете, что меня только стольник до получки радует. Если исчезнут все деньги, вот тогда...

Логика его была понятна. Строители коммунизма считали так же...

— А вас, Сергей, что радует? — вдруг спросил Адам Саваофович.

Я развожу руками:

— Да я счастлив, в общем-то.

Светлана Петровна подтвердила мои слова кивком головы.

— Ага, — возликовал в очередной раз Ромик, — нужно клонировать Серегу и заменить им всех людей... Стойте! Стойте! Светлана Петровна, что вы там говорили про исполнение желаний?

Ясновидящая недоуменно пожала плечами. Ромик засуетился, вскочил со стула, заходил кругами.

— Универсальность обязывает искать общие решения, понимаете? Выполнить желание одного или выполнить желания всех — что между ними общего?

— Исполнение желания? — говорю.

— Именно. Нам нужна волшебная палочка... Адам Саваофович, у вас нет случайно? Нет. А волшебной щуки? Или еще чего волшебного?

— Сказки это все, — говорю.

— Напрасно вы так скептически настроены, Сережа, — неожиданно поддержала Ромика Светлана Петровна. — Вы знаете, если загадать желание, находясь между тезками, то оно обязательно исполнится. Общая энергетика людей с одинаковыми

именами намного сильнее, чем энергетика человека. Если встать в силовое поле между тезками и пожелать чего-то, то оно может сбыться.

— Во! — поднял указательный палец Ромик. — А если собрать десять тезок? Или сто? И чтобы они были однофамильцами... Надо только определить самое распространенное имя. Я вот читал, что в Англии самое популярное имя Мухаммед.

— Ага, — говорю, — а в Китае самая популярная фамилия Ли. Что, будем искать Мухаммедов Ли?.. Очнись, мы в России.

— Давай тогда Смирновых искать, — не сдавался Ромик. — Александров или Сергеев.

— И пусть сам клиент загадает желание, — дополнила Светлана Петровна. Адам Саваофович согласно заморгал обоими глазами...

Порядка трех сотен Александров Смирновых мы нашли в городе. Спасибо мэрии. Еще пару тысяч навезли из области. Рекрутинговые агентства тоже постарались на славу. Несколько тысяч фальшивок мы отсеяли при проверке пахнущих типографской краской временных удостоверений личности на имя «Александр Смернов» с фотографиями смуглых лиц...

— Главное, чтобы никто не проведал, в чем фишка, — инструктировал я своих. — Иначе загадают, сволочи, что-то свое, так мы счастье и профукаем.

Наши согласились и сами не пришли, чтобы соблазна не было. Даже шефа мы в курс дела не ввели. Я убедил его, что так нужно для дела...

На старом учебном летном поле мы выстроили не очень ровным кругом четыре тысячи Смирновых. Те опасливо переминались с ноги на ногу, поглядывали друг на друга с видимым недоумением, некоторые

соседи уже познакомились, что только усилило их непонимание.

Клиент приехал еще более бледный, чем прежде. И, к счастью, не сильно опоздал, иначе Смирновы уже начинали перешептываться.

Он раздвинул круг, прошел в его центр, задрал руки вверх и поднял лицо к небу — на манер языческих жрецов, взывающих к солнцу. Затем я услышал, как он прокричал что-то невнятное. А потом он взял да и брякнулся на землю.

И все.

Ничего не изменилось. Солнце не погасло. И внутри моего организма ничего не екнуло.

Конечно, я не показатель. Полез в карман. Там купюры шуршат, значит, и Ромик искомое не обрел.

А Смирновы оцепенели. С места не трогаются. Думают, наверное, что так и должно быть. Я их растолкал, к клиенту подбегаю, а у него глаза закатились. Глубокий обморок. От потрясения, должно быть. Ничего, главное, что жив.

Да чтоб весь этот день забыть, в сердцах пожелал я.

И вдруг чувствую — уходит куда-то сердце, солнце завертелось и по небу теннисным мячиком скакнуло, а я...

...Сообщение от шефа ждало меня на рабочем столе уже в девять утра. Послано из приемной со всеми атрибутами — извещением, уведомлением, электронной подписью.

Ирочка-секретарша распекала кого-то по телефону. Не отрываясь от трубки, ртом она изобразила: «Шеф ждет» и «Там клиент».

Шеф пил кофе из крохотной чашечки и заедал его рассыпчатым печеньем.

— У нас клиент, — сказал он, указывая на человека в кресле, — хочет заказать счастье для всех.

Пришлось посмотреть на клиента. Бледный, прическа волосок к волоску, костюм черный, рубашка белая, вид мрачно-торжественный.

— А как ваша фамилия? — почему-то спросил я.

— Какое это имеет значение? — сухо осведомился клиент.

— Сам не знаю, — пожал плечами я. И правда, чего это мне в голову стукнуло?

— Ну, допустим, Александр Смирнов, — ответил клиент, — это что-то меняет?

— Да нет, — сказал я и повернулся к шефу: — Разрешите выполнять?

ДМИТРИЙ НИКИТИН

ТАЛКА

Esse Homo!
Evangelium Ioannem. XIX. V

С чердака раздался радостный визг.

Значит, Талка добралась до старой дедовой библиотеки и теперь не спустится вниз до самого вечера. А может, и вечером не спустится. N-сапиенсы отлично видят в темноте.

Я посмотрел на груду вещей под навесом. Хорошо, что помогли егеря, — привезли на лошадях от Качуга прямо сюда, на дальнюю мою родовую заимку. Повернулся к Анне:

— Ну что? Займемся багажом или сбегаем сначала на озеро? Покажу тебе, как бобры воюют с выдрой.

Анна зачарованно оглядывала встающие вокруг пади горы — то покрытые щетинистым еловым лесом, то голые, серо-бурого камня.

— На озеро? А как же Наташа? Оставим одну, семилетнего ребенка?

Я улыбнулся:

— Она не ребенок! У неасапов с детьми совсем по-другому. Заговорил — уже взрослый. По нашим меркам я бы дал Талке, скажем так, по уму лет пятнадцать...

Анна лукаво прищурилась:

— Пятнадцать, говоришь? А не заревнует, если мы с тобой сейчас сразу в лес, к озеру?

— Она же знает, вернее, чувствует, что мы старые друзья, которые давным-давно не виделись. В этом плане с ней просто. Не надо хитрить, выдумывать что-то. Она сама всегда все понимает. И часто — лучше тебя самого.

Вернулись мы к дому уже в сумерках. В окне плясали отсветы живого огня. Талка разожгла очаг и готовила сразу два ужина — для себя и для меня с Анной. Все же есть разница у нас в пищеварении.

Талка лихо управлялась со всей этой кухонной утварью — ухватами, горшками, сковородками. Хотя с непривычки такое зрелище могло и напугать. Двигалась моя девочка не по-человечески, вернее, не по-наше-человечески — стремительно, но, как сказать... негибко. Когда брала что-то в стороне, поворачиваясь всем телом, словно кухонный кибер. Хотя, когда я в последний раз видел кухонного кибера? Может, они сейчас иначе поворачиваются.

Пока мы с Анной уплетали омлет с черемшой и грибами, Талка, причмокивая, поглощала куски мяса, запеченные в каких-то листьях с кореньями. После ужина Анна пошла к колодцу — мыть посуду, а может, и сама решила освежиться. Я стал разбирать вещи. За окном совсем стемнело. Рдеющие в очаге угли давали мало света, пришлось зажечь лу-

чину. Вкусно запахло смолой. По бревенчатым стенам заходили черные тени.

Талка устроилась в дальнем углу рукодельничать. Зачем-то распорола мою палатку (между прочим, из натурального шелка). Было видно, что девчонка на что-то дуется. Неужели и правда ревнует?

Нет, тут другое. Книжка — брошена на пол. Значит, не понравилась, расстроила чем-то. Что за книга? Поднял... «Земля Санникова».

Понятно. У Обручева всегда грустный финал. Земля Санникова, теплая арктическая страна с доисторической фауной, погибла от геологического катаклизма. Нашел в конце книги: «Ордин запечатлел эту печальную картину на последней уцелевшей еще фотографической пластинке — картину едва открытого для науки и уже погибающего мирка с последними мамонтами, носорогами и представителями первобытного человечества». Да, читать это Талке было, конечно, неприятно.

— Мне за вампу обидно, — пробурчала из своего угла, ловко орудуя иглой (с ее-то пальцами!). — Их же в книге за людей не считают. Вот почему онкилоны — всегда хорошие, а вампу — плохие, полузвери. Их убивать можно без жалости, целое племя?!

Да, это я упустил. В «Земле Санникова» онкилоны, люди современного типа, воевали с племенем вампу — палеоантропами, как их представляли в прошлом веке. И действительно уничтожили их при дружеской помощи ружей открывших остров ученых. Как там у Обручева: «Карательная экспедиция, — засмеялся Ордин, — и мы в роли палачей! Не особенно лестно». Засмеялся, значит...

Старался говорить спокойно:

— Эту книгу написали сто с лишним лет назад. Тогда люди и между собой воевали, и других людей

часто не считали за полноценных. С того времени мы сильно изменились. К тому же Обручев был хороший писатель, но как антрополог — сильно устарел. Онкилонов превратил почему-то в индейцев, а уж вампу точно не были полуобезьянами. Ты же сама знаешь!

Талкины губы тронула усмешка:

— Про вампу он еще глупость написал — дескать, все женщины у них принадлежат всем мужчинам, а дети считаются общими. Как можно не знать, кто чей сын или дочь?

На ночь Талка ушла, деликатно оставив нас с Анной в доме одних. Наверное, устроила себе лежанку где-нибудь рядом, в тайге. Мне не спалось. Перелистывал, лежа на диване, «Землю Санникова» при свете припрятанного электрического фонарика. Вот о чем с Обручевым не поспоришь, так об исходе встречи двух человеческих видов. Для одного из них финал неизбежно был трагичным. Когда-то, в эпоху оледенений, в Европу пришли наши предки кроманьонцы. А там уже сто тысяч лет жили себе неандертальцы. И кроманьонцы их быстро (всего за полсотни веков) свели на нет. Как говорится, историю пишут победители. Или их потомки, для которых само слово «неандерталец» стало символом грубого примитивного дикаря...

Заскрипела кровать. Анна тоже не спала. Эх, Талки здесь нет, она бы быстро разделалась с комарами.

— Кир! Я все о ней думаю...

— О ком? О Наталке-неандерталке?

— Не называй ее так, я же просила!

— Да она не обижается.

— Все равно.

Анна села в постели, завернувшись в одеяло:

— Ты знаешь, я ведь ее боялась... А она умненькая оказалась, начитанная. Да и по внешности, в общем, ничего. Симпатичненький такой боровичок. Гномик эдакий. Я бы ей, правда, прическу посоветовала другую. Зачем ей на затылке такой дурацкий шиньон?

— Это не шиньон. То есть шиньон, но мы так задний черепной выступ у неандертальцев называем.

— А-а-а...

— И почему она должна быть глупенькой? Мозг у неандертальцев, вообще-то, побольше, чем у нас с тобой. Жизнь у них была много сложнее нашей и обычно куда короче. Приходилось очень быстро учиться, осваиваться в мире. Вот Талка у нас учится и осваивается. Плохо, что читать может только с бумаги, это у нас сейчас главная проблема. Мало уже книг бумажных осталось. Да и не всякую книгу ей можно в руки дать.

— Ну да, она же девочка.

— Я имел в виду, она искусственные материалы не выносит, пластик, полимеры. И никакого электричества. Так что живем мы с ней, будто в девятнадцатом веке. Бумажные книги, живая музыка, восковые свечи.

— Романтично как!

Анна привстала, откинула одеяло, лицо ее раскраснелось:

— Все! Хватит! Иди ко мне!

Утром я обнаружил снаружи на двери сделанную сажей надпись:

«КИР И АННА! ГОТОВЬТЕ ЗАВТРАК САМИ. Я ПОШЛА К СВОИМ. НАТАЛКА»

— Она догадалась, что мы... и поэтому ушла! — прошептала Анна.

— Догадалась, конечно. Но, судя по засохшей саже, ушла она до того, как мы...

— А что значит «к своим»?

— То и значит. К своим, к неандертальцам!

Вот, значит, почему она сюда так просилась, стоило мне случайно вспомнить при ней о старом доме, построенном в верхоленской тайге моим прадедом. Да, и добавил тогда еще, что оттуда рукой подать до острова. И Талка как-то сразу загорелась желанием в очередной нечастый мой отпуск побывать в этом фамильном гнезде. И я, балда, ничего не заподозрил! Потому что не ожидал от нее такой хитрости. И такой дурости!

Самому теперь Талку не догнать — на своих, то есть, двоих. Какие-то умники утверждали, что неандертальцы бегали хуже современных людей. Еще как бегают, особенно по лесу да в горах, тут неандерталец даст фору любому нашему легкоатлету. За ночь Талка могла отмахать по тайге километров сорок и теперь, наверное, подходила уже к водоразделу.

Радиостанции, разумеется, здесь не было. Пришлось прибегнуть к более древнему виду связи. Соорудил по-быстрому костер, навалил сверху лапник. Дымный столб заметят — не с базы, так со спутника. Пока ждали флайер, Анна причитала:

— Они убьют ее, съедят!

Ну, во-первых, не убьют. Потому что просто не доберется Талка одна до острова. Но, если перевалит горы и выйдет к берегу Малого моря, может решить переправляться на подручных средствах. А это опасно. Плохие там места, течения сильные, водовороты. Утонет, дурочка!

А что касается того, что съедят... С чего неандертальцам каннибализмом заниматься?

На остров кого только не завозили, чтобы они могли от души поохотиться! Оленей северных и благородных, косуль, горных козлов и баранов, лошадей диких, овцебыков, зубробизонов, а еще волков, рысей, росомах, барсов, медведей. Даже парочку клонов мамонтов в Московском зоопарке выпросили! Мамонтов, впрочем, неандертальцы обходили стороной, возможно, приберегали на «черный день».

На острове, одним словом, не голодали. И ни одного случая людоедства за семь лет мы там не зафиксировали. Как и вообще убийств. Даже брошенных детей они не убивали, а оставляли в маленьких, сложенных из камней домиках. Загадка вообще-то большая, почему они своих детей бросают? Раньше считалось, что неандертальцы как раз очень заботились о малолетних сородичах. Сначала решили, что дети больные были, не выжили бы в племени, но — нет. Вполне жизнеспособные оказались. У Талки, по крайней мере, никаких патологий. Кто-то, наоборот, предположил, что они самых здоровых оставляли. В жертву, мол, приносили в благодарность богам, раз племя чудесным образом оказалось в таком богатом дичью новом месте.

— Зачем она это сделала, зачем?! — по-прежнему причитала Анна.

Мне-то понятно, зачем... Прогрессорша юная! Дескать, как же так, Кир, мы в тепле, чистоте и сытости умные книжки читаем, а там, на острове, живут в каменном веке, в диких первобытных условиях. И вообще, нельзя, Кир, таких же людей, пусть и другого вида, держать в заповеднике, как животных! Может, Кир, их еще в зоопарках будут показывать?! Я ей объяснил, что если просто забрать неандертальцев с острова, поместить в теплые дома, кормить полноценным диетическим питанием, вот тогда они точно превратятся из людей в тупых жи-

вотных. И она, наверное, стала придумывать, как ей вернуться в свое племя и учить остальных колесу, земледелию, грамоте и астрономии!

Хотя, конечно, что-то надо делать с нашими неандертальцами. В принципе, они были восприимчивы к внешнему влиянию. За те пять тысяч лет, пока контактировали с кроманьонцами, много чему от них успели научиться — обработке кости, наскальной живописи, музыке, вероятно, даже. На острове пытались проводить «культурную программу». Правда, вся она пока сводилась к нескольким случаям «немого обмена» — неандертальцы забирали оставленные им раковины с красками или костяные рыболовные крючки и клали взамен вяленое мясо или туесок сушеных ягод. Классический способ стимулирования развития социума каменного века. Только первобытный прогресс растягивается на тысячелетия! Как смириться с таким при нашей скорости жизни, когда десять лет — уже целая эпоха?!

Так что пока адаптация неандертальского человека к новому для них миру происходила только, так сказать, в индивидуальном порядке. Этим занимались мы — те, кто взял на воспитание неандертальских подкидышей. Моя Талка из них — первая, самая старшая. С одной стороны, растить этих первобытных мальчиков и девочек было чертовски сложным делом, ведь все наши электроприборы и вся химия оказались для них крайне опасными. А как прикажете справляться без них с простейшей, казалось бы, бытовой проблемой вроде стирки?! Зато, с другой стороны, воспитанники наши были такими замечательными, такими талантливыми! И ведь, если кому и решать в будущем судьбу неандертальцев, — только им, детям своего племени, получившим знания современного человечества. Но сначала детям надо вырасти! И поумнеть!

Над нами наконец завис, снижаясь, флайер.

— Я тоже лечу! — вцепилась в руку Анна.

— Хорошо, подброшу тебя до Качуга...

— Нет, я полечу с тобой на остров! Девочку спасать от этих твоих первобытных людоедов!

Флайер высадил нас на границе закрытой для полетов зоны. Пришлось идти пешком десять километров по галечному пляжу. Было тяжело, особенно для Анны, но мы все-таки успели. Талка еще не спустилась с высот Приморского хребта, видимо, отдыхала после ночного марш-броска на стоянке. Там ее и заметили с орбиты тепловизором. Я напряженно вглядывался в покрытые клочками мха сумрачные скалы над нами. Где она собиралась выйти к берегу? Везде крутые, почти отвесные обрывы. Нет у нее другой дороги, кроме этого вот распадка!

Настойчиво попросил Анну остаться внизу, а сам полез вверх по склону. Взбирался, поскальзываясь на мокрых камнях, цепляясь руками за колючие ветки стланика. Только при встрече не заругаться! Рассмеюсь и все обращу в шутку, дескать, в следующий раз пусть меня с собой возьмет ночью по горам бегать. И пообещаю свозить на остров. Пора ей, в самом деле, родичей повидать. Где же она? Вроде должен уже до нее дойти. Я оглянулся, успокаивая дыхание. За моей спиной сверкал на солнце хрустальный простор Малого моря. А за ним простирался наш остров. Темный лес перемежался на нем с обнаженными красными скалами, желтоватой песчаной степью. Отсюда, с высоты, остров был виден целиком — от северного мыса Хобой с еле заметным дымком неандертальской стоянки до южных Ольхонских ворот, где располагался лагерь палеоэтнографической экспедиции, замаскированной под поселение кроманьонцев.

Вдруг вверху негромко хлопнуло, и что-то на миг заслонило солнце, стремительно, с легким шуршанием пролетев над головой. Я даже присел невольно. Потом заметил треугольную тень, скользящую вниз по склону. Поднял глаза. В воздухе парил дельтаплан. Вот для чего Талке моя палатка понадобилась! Дельтаплан летел уже над водой, уходя все дальше и дальше от берега, все более удаляясь в сторону острова. Эх, Талка, нарушила ты запрет показывать неандертальцам летательные аппараты! Ну ничего, может, они примут твой дельтаплан за огромного кондора. Только долети! Только не упади, изобретательница моя!

Мы шли впятером — я, Анна, начальник экспедиции профессор Гаусс и два его сотрудника. Все одеты как положено — меховые куртки и штаны, украшенные костяными бусинками. На ногах — расшитые цветными нитками мокасины, в руках — легкие копья и копьеметалки, за поясом — бумеранги из полированного дерева. Одна Анна с несчастным видом несла корзину с дипломатическим угощением — копченым омулем. Я пошел бы без Анны, но за нее заступился профессор Гаусс. Он считал, что Талку будет легче уговаривать в присутствии женщины. Девочка была на острове уже неделю и, насколько мы могли судить по съемкам с дальнего расстояния, неандертальцы ее к себе приняли. Сегодня несколько из них неожиданно двинулись к экспедиционному лагерю.

Мы первыми спустились к ручью, журчащему в поросшей сосняком долине, когда неандертальцы только показалась на противоположном склоне. Невысокие, не сказать малорослые, но большеголовые и широкоплечие мужчины топали вниз с тяжелой медвежьей грацией. Накидки из толстых шкур, стя-

нутые ремнями, смотрелись как кожаные доспехи. Два почти квадратных рыжеволосых громилы были вооружены длинными толстыми пиками с обожженными остриями, коренастый седобородый старик нес на плече большой каменный топор. Четвертой в этой компании была Талка. В обычном своем спортивном костюме. Она сильно похудела и выглядела теперь совсем взрослой. Несла, подняв вверх, палку с привязанным белым лоскутом — очевидный фрагмент бывшей моей палатки.

Подойдя к ручью, неандертальцы положили оружие на землю. Мы, переглянувшись, последовали их примеру.

— Старейший хочет, чтобы парализаторы вы положили тоже! — крикнула Талка. — Он не боится, но просит уважения.

Я первым вынул спрятанный под одеждой пистолет и бросил на сухую хвою, устилавшую песок:

— Просим старейшего и остальных сюда, к нам. Давайте сядем и спокойно поговорим. Переведи им, Наталья! (Быстро же она выучила их язык!)

На нашем берегу действительно было самое удобное место для переговоров — два поваленных дерева лежали рядом почти параллельно.

Мы расположились на стволах друг против друга. Я вглядывался в широкое морщинистое лицо неандертальского вождя. Его выцветшие голубые глаза, казалось, иронично изучали меня из-под козырька косматых бровей.

Первый раз я увидел неандертальца так близко семь лет назад.

Нас тогда внезапно вызвала альпийская спасательная служба.

Патрульный флайер заметил на леднике близ входа в пещеру полузасыпанный снегом палаточный лагерь. Вместо бедолаг-альпинистов горные спасатели встретили такое, что заставило их сразу применить усыпляющий газ (обычно его использовали при нейтрализации буйнопомешанных). Сначала, конечно, решили, это костюмированная мистификация, однако все новые обследования подтверждали невозможное, во что никто не решался поверить. В Альпах было обнаружено самое настоящее палеолитическое племя — пятнадцать представителей homo sapiens neanderthalensis, включая новорожденную девочку, со всем своим инвентарем каменного века.

Как неандертальцы оказались в наши дни в центре Европы? Эта загадка так и осталась неразгаданной. Пока другие спорили об инопланетных пришельцах, вернувших на Землю взятых когда-то древних людей, или о межвременном портале, проходящем через десятки тысяч лет, мы организовывали переезд спящих неандертальцев туда, где можно было воссоздать первобытную жизнь в условиях плейстоцена, — на нашу новую Землю Санникова.

— Ты — Кир!

От неожиданности я чуть не упал с бревна.

— Ты — Кир! — повторил старик. — Ты вырастил мою дочь. Буду тебе всегда благодарен.

Говорил он, сильно искажая звуки и медленно, как на иностранном языке, если на нем долго не разговаривал и вспоминаешь слова на ходу.

— Ты знаешь нашу речь?

— Знает моя дочь. Теперь знаю я. Что знает один, знают другие. Прямо из головы в голову.

— Телепатия?! — вырвалось у меня

Вождь задумался, вероятно, перебирая в памяти новые для себя слова, потом кивнул, качнувшись всем корпусом:

— Да, телепатия! Если далеко — почти совсем нет. Мешают ваши... Радиоизлучение! — Выговорил с трудом. — Если ближе, то лучше. Совсем близко — совсем хорошо, можно быстро, сразу. Чтобы так, позвал сюда дочь.

— Вы и наши мысли видеть можете?

— Нет, с мелкими головами — нет, не получится. Только большая голова с большой головой.

Ну да, если бы Талка мои мысли сразу читала, зачем ей с книжками возиться... Но как он нас — «мелкоголовые»! А якобы брошенные неандертальцами дети на самом деле — инструмент для выкачивания информации. Я перевел взгляд на Талку:

— Зачем скрывала это от меня, зачем обманывала? Думаешь, я бы не понял, не помог?

Талкины изумрудные глаза вмиг наполнились слезами. Когда она заговорила, голос ломали рыдания:

— Кир! Не так было, не так! Я не обманывала! Я в твой старый дом по правде из-за книг просилась. Ты столько рассказывал о библиотеке! А то, что мне на остров надо, уже там поняла, когда отец до меня дотянулся. Я бы тебе не смогла объяснить, сама плохо понимала.

— Как ты можешь! — вдруг вступила в разговор Анна. — Девочку обвиняешь, а сам все на свете прозевал! Ученые! Да ведь это они вас все это время изучали, а не вы их!

Мне показалось, что неандертальский вождь улыбнулся:

— Раньше мелкие головы были хитрее, но злые! Боялись нас, вредили. Не умели... телепатию. Не умели засыпать, когда холода. Пришли большие

льды, мы решили уйти под землю, в пещеру, и уснуть долго-долго, ждать, пока льды уйдут. И мелкие головы тоже исчезнут. Когда проснулись, кругом — одни мелкие головы. Больших голов мало, только мы, другие еще спят. Льдов, холода нет, но стало подругому плохо. Дышать тяжело, вода мутная, невидимые искры вокруг трещат, голова болит, трудно слушать небо и землю. Думали заснуть снова. Но сначала — послали к мелким головам детей, узнать лучше. Видим — головы у мелких не стали больше. Стало больше сердце! Нет злости! Нет вражды! Решили — жить вместе с мелкими головами.

— Постойте! Постойте! — заговорил вдруг один из сотрудников экспедиции. — Ну ладно, допустим, умели неандертальцы погружать себя в анабиоз. Но ведь найдены явные следы их присутствия и после максимума оледенения.

— Значит, не все общины решили заморозиться! — ответил профессор Гаусс. — Но осталось и смешалось потом с кроманьонцами явное меньшинство. Так что загадка, куда исчезла основная часть неандертальцев, теперь решена. Не истребили их наши предки и не съели без остатка...

— Так значит, другие неандертальские племена еще спят в пещерах?

— Или просыпались раньше. Вспомните легенды о гномах.

Завязавшуюся научную дискуссию прервал крупный пегий медведь, внезапно под треск веток выкатившийся к ручью из-за кустов. Я вскочил, рванулся к парализатору, но вождь остановил меня. К зверю уже шли, наставив длинные копья, два его соплеменника. Медведь оскалил желтые клыки и оглушительно заревел. За нашими спинами так же оглушительно завизжала Анна. Медведь остано-

вился, то ли в нерешительности, то ли от удивления. Он не пытался ни атаковать, ни спасаться бегством. Между тем неандертальцы, зайдя с двух сторон, одновременно ударили зверя копьями под ключицы, пригвоздив передние лапы к земле. Медведь издал тоскливый вопль. Вождь, подбежав, с коротким размахом обрушил ему на темя каменный топор. Огромный хищник захрипел, дернулся, заваливаясь набок, а потом неподвижно вытянулся у ног неандертальцев.

— Большая голова, но злой и глупый! — вождь вытирал с лица кровавые брызги. — Долго шел, чуть не опоздал! Свежее мясо лучше сухой рыбы! Наша еда — ваша еда!

Неандертальцы деловито свежевали медведя кремневыми ножами, пока «кроманьонцы» разводили костер на соседней поляне.

— Первый раз наблюдаю охоту неандертальцев так близко! — вещал между делом профессор Гаусс. — А ведь многие не верили, что они могли добывать крупного зверя — медведя, быка или мамонта. Дескать, падальщиками они были! Но как можно было представить себе такое направление в эволюции?! Развитие не технических орудий охоты, как у кроманьонцев, а ментальное подчинение животных... Коллективное племенное сознание! Первобытная телепатическая цивилизация! Однако теперь, я думаю, вся эта наша кроманьонская бутафория утратила смысл. Геноссен! Объявляю о преобразовании Палеоэтнографической экспедиции в Комитет по контакту!

Когда разговоры стихли и все занялись скворчавшими на тонких прутьях кусочками медвежатины, я подошел к Талке, сидевшей к стороне.

— Зря мне сразу не сказала. Я же за тебя волновался!

— Прости! Ты бы ведь не поверил, что мне и вправду надо...

— Поверил. Поехали бы сюда вдвоем. Когда будем собираться обратно?

— Кир! Я должна быть здесь.

— Как же я без тебя? Ты мне нужна!

— У тебя теперь есть Анна. А скоро будут и собственные дети.

— Глупышка! Что ты говоришь?

— То, что знаю. Мальчик и девочка.

Прошло пять лет. Недавно нашлось второе племя спавших в анабиозе неандертальцев. Население их острова увеличилось теперь вдвое. Ольхонская коммуна N-сапиенсов стала полноправной частью Планетарного сообщества. Я часто вижусь с Талкой, когда посещаю остров. Отвожу туда откопированные на бумаге материалы и забираю те, что Талка терпеливо отпечатала на пишущей машинке, одолженной из Политехнического музея. В этих распечатках — первобытный мир, который открылся моей девочке через память ее сородичей.

Иногда Талка сама приезжает ко мне, вернее, мы съезжаемся вместе на старой верхоленской заимке. Я отправляюсь туда со всей семьей. Анна сторонится Талки — подозревает, что та все же может читать ее мысли. Зато мои близнецы — Миша и Маша — готовы все время проводить с «тетей Натой». Она в них тоже души не чает. Они играют, читают вслух книги, бродят вместе по окрестным горам и падям. Наблюдая эту искреннюю дружбу детей двух эпох и двух человечеств, хочется верить в их счастливое общее будущее. Но потом я вижу, как Талка замыкается в себе, как ее тянет обратно на свой остров,

к ставшей привычной общности сознаний, чего она лишена здесь, среди нас. Тогда я начинаю думать, что пути двух человеческих видов слишком разошлись и для одного из них на Земле на самом деле нет уже места...

Очевидно, так думают и N-сапиенсы. Не случайно в тех бумагах, которые я отвожу на остров, столько информации о межзвездных путешествиях. Они готовятся уйти. Тысячелетия сна подобного перелета для них — не преграда. Не станет, думаю, неразрешимой проблемой и создание, с нашей, конечно, технической помощью, корабля, способного преодолеть путь до систем с планетами, пригодными для жизни (хотя лично я не представляю, чем можно заменить на таком корабле электроприборы и полимеры). Неандертальцы снова уйдут, уйдут во Вселенную в поиске для себя нового дома, оставив прежний своему младшему брату, гордо присвоившему имя homo sapens sapiens...

Возможно, впрочем, я могу разглядеть сейчас лишь часть куда более грандиозной картины истории антропогенеза, в которой гармонично связаны вместе и наше, и их человечества. Когда сто сорок тысяч лет назад неандертальцы пришли на территорию Европы, это было ключевое событие для рода хомо! Впервые человек вышел за пределы первой своей колыбели — тропического пояса Земли. Это можно было сравнить по важности только с недавним началом колонизации Луны и Марса — с сопоставимыми этому трудностями.

Тогда древние люди тоже совершили исторический прорыв. Они освоили всю предледниковую Европу, а потом двинулись вдоль кромки льдов на восток, дойдя через лесотундры Центральной Азии и Сибири до самого Байкала, где сейчас, по совпа-

дению, происходит возрождение неандертальского человечества. Сделать такое тогда могли, безусловно, только они — с их крепкими, кажущимися нам примитивными костяками, огромной физической силой, с паранормальными, на современный взгляд, умственными способностями. Второй вид людей — грациозные, изобретательные, рациональные S-сапиенсы пришли спустя тысячелетия на уже освоенные, знакомые человеку просторы Евразии.

Не подобное ли будет происходить на новом, космическом витке человеческой истории? Восставшие так вовремя после тысячелетнего сна, стойкие к трудностям неандертальцы — первопроходцы далеких суровых планет, и идущие во второй колонизационной волне многочисленные наследники кроманьонцев. Что ждет нас в конце этого грандиозного пути по звездной дороге? Не исчезнут ли когда-нибудь в будущем разделяющие нас границы? И, быть может, мои далекие потомки соединятся с потомками Талки в новом едином галактическом человечестве!

АЛЕКС ГРОМОВ
ОЛЬГА ШАТОХИНА

ДРУГ НА МЕСТНОСТИ

Будущее совсем не страшно, если среди тех, кто его формировал, — твой дед. Впрочем, Эдуард Утукин о таких вопросах вообще пока не задумывался. Для него это будущее было уже настоящим.

1. МОЕ ХОББИ – ДРУГ

Эдуард работал в метеослужбе, рассказывал на телевидении (этот способ передачи информации продолжали называть так по традиции, хотя прин-

ципы дальнего вещания неузнаваемо изменились) о видах на погоду в разных уголках земного шара и его ближайших окрестностях. В космосе, понятное дело, погоды как таковой быть не могло, но метеоритные потоки, отдельные блуждающие глыбы и вспышки солнечной активности имели большое значения для благополучной навигации...

А в свободное время в рамках программы «Вторая профессия» он был гидом, сопровождавшим инопланетян по своему родному городу. Это занятие было его любимым хобби. На одном из древних галактических языков слово «гид» означало «друг», поэтому и миссия экскурсовода заключалась не столько в показе достопримечательностей, сколько в том, чтобы новоприбывший на Землю гость мог видеть рядом местного друга.

Гид — весьма непростая профессия. Вернее, как уже сказано, хобби. Не бывает гидов, которые занимаются только этим, — во избежание профессионального выгорания. По-настоящему ценится не заученность рассказа, а искреннее душевное расположение и открытость. Но при этом все гиды проходят тщательный отбор с последующим обучением и имеют лицензию. Вознаграждение они получают в рамках общегалактической межгосударственной программы.

Эдуард общался со многими разумными существами из различных частей нашей галактики. Большей частью, конечно, с гуманоидами — было общепринятым, подтвержденным психологами фактом то, что понимание лучше всего достигается между похожими друг на друга представителями разумных рас. Обширная информационная сеть позволяла общаться даже жителям далеких друг от друга звездных систем. Способы общения были как

привычными — текстом, голосом с видео и без, — так и всевозможные разновидности эмпатии.

Среди его постоянных контактов была Эрия, заслуженный профи корпуса амазонок, работающая ныне в одном из известных транспланетных охранных агентств. Она давно говорила, что хотела бы посетить Землю, поскольку когда-то, в эпоху Первого контакта, там работала ее бабушка, которая была инженером и специализировалась на создании трансферных уровней, специальных «слоев», располагающихся между поверхностью планеты и космосом.

Дедушка Эдуарда тоже был инженером, только ему пришлось на ходу осваивать вышеупомянутые трансферные технологии. И однажды благодаря совместным усилиям его и Эрии-старшей была предотвращена серьезная авария, а потом и решена проблема, тормозившая создание надземной трансферной зоны. Дедушка за это был награжден двумя орденами — галактическим и одним из высших земных.

И вот сегодня, когда Эдик, который всерьез увлекался еще и музыкой, шел домой после репетиции, коммуникатор пиликнул в знак того, что пришло новое сообщение. Оно было коротким.

«Встречай на Земле. Эрия». Ну и дата, конечно.

— Ты будешь моим гидом? — спросила она при первой возможности.

— Разумеется!

— Только у меня будет не много времени и покидать район отеля я не смогу.

— Почему?

— Работа.

— А, так ты не в отпуск...

— Разочарован? — усмехнулась Эрия.

Эдуард ненадолго задумался. Обычно он показывал гостям восхитительные виды на Москву с Воробьевых гор или устраивал прогулки по малым рекам, которых на территории мегаполиса было много. «От Зеркального моста до Голосового оврага», как он говорил, стараясь не шокировать гостей драматической историей создания «зеркального моста», то бишь канала имени Москвы. Суровые тогда были времена...

Большим успехом пользовались и походы по местным каменным джунглям, обставленные так, будто не город вокруг, а местность дикая и неизведанная. Например, для проживающих в той гостинице, нижние ярусы которой находились недалеко от Петровской академии, устраивался целый поход с любимым во всей Галактике геоэкшингом и пикниками. От верховий Жабенки вниз по ее течению, сквозь городские кварталы над речкой, заключенной в трубу, к устью. А потом по Лихоборке, то выходящей на поверхность, то ныряющей в таинственные подземелья, над которыми приходилось снова идти поверху — и так до Ботанического сада, Яузы, а там и до самого древнего Кремля.

Но поскольку жить Эрии предстояло в отеле «Альфа-Дельта» на востоке Москвы, то и пределы маршрутов сужались до речки Серебрянки с прудами и притоками.

— Буду рад тебя видеть, — сказал Эдик. — Покажу Серебрянку. Это рядом с твоим отелем.

— Хорошо. Ты так много рассказывал о своих квестах, что мне было бы досадно не испытать их на практике. А что означает название реки? Рядом добывали этот металл?

— Серебро? Нет, такой информации нет. Скорее всего, она просто всегда красиво сверкала на солнце. При множестве перекатов это делает реку

похожей на ленту серебра. Зато именно тут древний царь Петр испытывал свой первый корабль, знаменитый ботик.

— Так это большая река?

— Нет, но на ней много прудов, есть и весьма обширные.

— Интересно... До встречи!

Распрощавшись с инопланетной амазонкой, Эдик мысленно наметил план действий. Надо будет завернуть в Измайловский парк и посмотреть, действительно ли в Черном и Красном ручьях черная и красная вода. Само по себе не удивительно, если у одного глинистое ложе, а у другого торфяное, то контраст может выглядеть эффектно.

Кстати, возле Черного ручья рос так называемый заповедный ольшаник, что могло заинтересовать Эрию, не раз задававшую вопросы о земной флоре и фауне. Можно рассказать много интересного о таком замечательном дереве. Это реликтовые насаждения, природный памятник, и вполне возможно, что ручей получил свое название не из-за темной торфяной воды, а именно в честь таинственной черной рощи...

Так, что там у нас еще? Реутовское болото, хоть и исток, но вряд ли. Конечно, Серебряно-Виноградный пруд, да и остальные пруды — Лебедянский, Красный, Олений... Серебрянка сливается с рекой Сосенкой и образует реку Хапиловку, а та уходит под землю, и показать можно разве что ее устье в облицовке берега Яузы.

2. ПОЛВЕКА КОНТАКТА

15 мая 2021 года на телеэкранах, в эфире радиостанций и в Интернете внезапно и словно ниоткуда появилось сообщение, в котором говорилось, что Галактический Совет, долго наблюдавший за Землей,

предлагает ей войти в состав этого древнейшего и обширного сообщества. Для этого было обещано предоставить всю необходимую информацию, как о самом Совете, так и о цивилизациях, которые в него входят. На орбите Земли появились корабли Совета.

Вскоре выяснилось, что Земле изрядно повезло. Представители Совета сообщили, что в силу уникальных надпространственных характеристик Солнечной системы здесь может быть обустроена одна из немногочисленных, а потому остро востребованных баз нуль-транспортировки.

Требовалось согласие землян, поскольку насильственная колонизация и неизбежные при этом мятежи, мягко говоря, неактуальны для цивилизованной Галактики. Беспрепятственное движение транспортных и пассажирских кораблей имеет слишком важное значение. Если земляне соглашаются на создание этого транспортного узла — создается много рабочих мест, в том числе высокооплачиваемых. Граждане Земли могут получить одновременно галактический паспорт. Разумеется, кроме преступников и неизлечимо больных опасными инфекциями.

Был проведен общеземной референдум, в ходе которого 95% проголосовали «за». Оставшимся пяти процентам была выделена группа островов в Полинезии и установлена граница. Эти земли и воды получили статус заповедника. Руководство территории заповедника, воочию рассмотрев все блага, провело через 25 лет свой небольшой референдум, после чего вступило в земное содружество, а через него стало полноправным членом галактического содружества, причем уже утратив на земной территории реальную власть, переданную ранее вступившим земным государствам.

На одной из ближних земных орбит была создана трансфер-зона, где разместились территории прилета и отлета, торговые центры дьюти-фри, офисы, вестибюли верхних уровней гостиниц.

За прошедшие с тех пор 50 лет только меньшая часть человечества не смогла приспособиться к орбитальным лифтам по психофизиологическим причинам, и поэтому для них Галактика оказалась закрыта. Ничего удивительного — сходная ситуация наблюдалась и на других планетах. Ведь лифта в привычном понимании там нет, только площадка. Поначалу многие боялись. А потом большинство привыкло отправляться таким способом в трансферную зону, откуда можно было попасть в космопорт, расположенный на орбите. Путешествия в пределах трех нуль-скачков в любую сторону для землян, как обитателей планеты-узла, были бесплатными. Поначалу нашлись было террористы, желавшие заявить о себе взрывами в транспортной зоне, но продуманная и технически совершенная система галактической безопасности легко разрушала эти намерения. Иногда вместе с носителями примитивных бомб.

Для инопланетян построили над земными гостиницами верхние корпуса, примыкающие к трансфер-зоне, — чтобы уберечь от террористов. Потом некоторые стали переселяться в земные корпуса. Верхние номера герметичны, так что там могут останавливаться даже обитатели планет с некислородным типом жизни.

Со временем на Земле появились лекарства от болезней, связанных с инопланетянами, точнее — издержек. Ради наблюдения за подобными явлениями и быстрой их нейтрализации на планете постоянно работает специальная комиссия, неофициально именуемая «Издержки Контакта». Но,

даже учитывая все это, земляне получили больше выгоды, чем проблем... Многие историки теперь сравнивали ситуацию Контакта с образованием Европейского Союза — только на более высоком уровне.

Земля стала не просто важнейшим транспортным узлом, но и центром элитного туризма. Поскольку к моменту Контакта на планете оставалось много аутентичного, будь то полукустарное изготовление сувениров или фермерское производство продуктов, то все это было сохранено. Заключенный с Советом договор гласил: Земля не будет промышленной планетой.

Инопланетянам не позволили массово покупать недвижимость, большинство их живет на верхних уровнях отелей, поэтому никаких инопланетных «чайна-таунов», чего опасались некоторые аналитики, не сформировалось. Более того, была введена специальная квота для инопланетян, желающих работать на Земле. Здесь живут те, кто ищет важные для Галактики дарования. Бизнес Земли — оцифрованные гении, поэты, музыканты, танцоры.

Появилась программа «Вторая профессия» для землян — с получением инопланетной профессии.

Пострадал, пожалуй, только Голливуд — фантастические фильмы перестали пользоваться спросом. Или оказались неэтичными в новой обстановке. Пришлось спешно переснимать даже кое-что из классики. Впрочем «фабрика грез», переняв опыт антуражной фантастики из литературы, достаточно быстро переквалифицировалась на истории о приключениях в космосе, породив новый жанр «спейстерн».

Количество туристов на Земле и поныне оставалось строго лимитированным.

3. УТРО ТЫСЯЧИ КОШЕК

Эрия прилетела глубокой ночью по московскому времени и сразу прислала Эдику сообщение. Но встретиться сразу возможности не было — через несколько часов ей предстояло приступить к своим обязанностям по охране Всегалактической выставки кошек, которая должна была открыться в экспохолле отеля.

— Я должна ознакомиться с местностью, — пояснила Эрия.

— Ну, какая там местность — полторы легенды о древнем блошином рынке, один акустический феномен и две пространственно-временных аномалии, — пошутил Эдик.

— Сколько?!

— Эээ... Две легенды о пространственно-временных аномалиях. Местный фольклор.

— Реальные примеры есть? — деловито уточнила она.

— Подожди, тебе это очень важно?

— Я должна знать все об особенностях охраняемого объекта.

— Про объект не знаю. А сказки рассказывают про изначальную линию метро и про квартал в двух станциях от объекта. Научных подтверждений не имею.

Эрия явственно вздохнула с облегчением.

— Извини, — поспешил добавить Эдик, — я обычно о легендах рассказываю сразу, это же интересно. Все спрашивают.

— Понимаю, тоже профессиональная деформация... А какой самый нелепый вопрос тебе задавали?

— Почему-то многих интересует, на какое расстояние летал ботик Петра.

— Бо... как ты говорил?

— Ботик, маленький кораблик такой. Но он старинный и сугубо для того, чтобы плавать по воде. В космос летать не мог. Если у тебя будет время посмотреть окрестности, покажу водоем, где его испытывали.

— Время будет. Но послезавтра. Точнее, уже завтра.

Разумеется, Эдик поспешил аккредитоваться на выставку, решив, что репортаж о любимой домашней живности будет интересен многим.

В первую половину дня выставка была открыта только для специалистов из различных питомников и клубов, а также для прессы. Особой изюминкой выставки, с точки зрения инопланетных гостей, было то, что на Земле наблюдалось рекордное среди обитаемых систем число аборигенных пород кошек — почти три сотни.

Переступив порог огромного павильона в тот же момент, как часы показали время открытия, Эдик в первый момент ощутил, что оказался на кошачьем концерте. Повсюду раздавалось громкое мяуканье и столь же многоголосые восклицания. Звучала музыка. Ежеминутно оживали репродукторы, выдавая в пространство то сообщения о начинающихся мероприятиях, то рекламные объявления.

— Дайте мне правильную клетку! — раздалось над самым ухом Эрика, да так яростно, что он подскочил от неожиданности. — По уставу выставки организаторы должны предоставить!

— Но ваша клетка соответствует всем необходимым параметрам... — успокаивающе забормотал человек с бейджем «Администрация».

— У меня кот-нибелунг! Ему нужна особая клетка!

Эдик невольно обернулся, желая рассмотреть такого зверя. Кот и впрямь был хорош — дымчатый,

с длинной мягкой шерстью, которая переливалась на свету, словно перламутр, скрадывая общие очертания.

— Нибелунг? — осторожно переспросил Эдик

— Да, нибелунг, «порождение тумана»! — хозяйка при виде значка «Пресса» забыла про клетку и затараторила о своем уникальном питомнике, безупречных родословных питомцев и их отличительных особенностях. — Видите, какой глубокий голубой оттенок и какой выразительный типпинг!

По мнению Эдика, голубым было сегодняшнее утреннее небо, а кот был серым, но говорить об этом вряд ли стоило. Особенно после того, как выяснилось, что «правильная», по мнению хозяйки, клетка отнюдь не означает особой надежности или удобства, а должна по цвету гармонировать с когтями животного.

— Вы же понимаете, это прямой потомок самой Осоки!

Потомок сладко зевнул и лениво прищурил ярко-зеленые глаза. Эдик незаметно запустил поиск на своем коммуникаторе, но, видимо, второпях попал не на тот ресурс, поскольку в качестве ответа выпало: «С генетической точки зрения цвет русских голубых и нибелунгов — осветленный черный».

Со второй попытки удалось выяснить, что у профессиональных кошатников свой язык, на котором серый окрас именуется голубым. Имя Осока, оказалось, носила одна из великих родоначальниц породы нибелунгов, увидевшая свет на северо-западе Москвы в титулованном семействе русских голубых кошек. Порода нибелунг существовала тогда лишь на другой стороне Земли, но специально прибывшие эксперты квалифицировали Осоку как ее представительницу, причем высочайших достоинств.

Эдик с почтением посмотрел на кота, который по человеческим меркам мог быть приравнен то ли к Рюриковичам, то ли к Меровингам. Кот вылизывал лапу и надменно игнорировал любопытство двуногого. Выслушав от заводчицы напутствие никогда не пользоваться розовым шампунем и избегать солнечного света, Эдик двинулся дальше, пытаясь понять, почему он должен сторониться солнца. И только через пять шагов сообразил, что совет относился к правилам содержания котенка породы нибелунг.

Вскоре он убедился, что всякий владелец кота или кошки считает породу своего любимца лучшей не то что в Галактике, а во всей Вселенной, и потому, заметив даже тень интереса, не допускает мысли, что заинтересовавшийся может иметь какие-то предпочтения относительно иных разновидностей хвостатых и мурлыкающих.

Впрочем, несомненно, главной звездой всей выставки был белоснежный персидский кот Лорд Терра Хризантемовый Дракон, продолжатель линии легендарного Фань-Ю-Фаня. Он важно восседал на высокой груде вышитых подушек ручной работы и взирал на почитателей, толпившихся перед его просторной не то что клеткой, а воистину резиденцией! — так, словно хотел сказать: «Я-то персидский, а вот вы — какие?»

Эдик несколько раз видел Эрию, которая будто бы прогуливалась по выставке, но ни с кем не заговаривала и не задерживалась взглядом ни на одной из клеток, цепко фиксируя все происходящее.

4. НА КОГО ТЫ ПОХОЖ?

Немалый интерес у публики вызвал также поджарый и суровый на вид кот породы «боевой красный» по кличке Господин Шаман. Если бы Эдик не успел прочитать название на табличке, прикреплен-

ной к клетке, он, наверное, решил бы, что перед ним обычный рыжий кот. Но история этой породы, подобно многим другим, представленным здесь, была удивительна и захватывающа.

Господин Шаман хмуро глянул на Эдика и фыркнул. Эдик перешел к клетке с плюшевыми персами-экзотами, а потом — к инопланетным участникам. Среди тех были, например, кошки-хамелеоны из системы Фомальгаута, шерсть которых имела столь сложную структуру, что при перемене освещения облик животных менялся до неузнаваемости.

Когда на Эдика зашипел уже третий по счету кот (или кошка — под шерстью длиной в четверть метра различия угадываются весьма приблизительно), он невольно задумался, что с ним не так. Но вот шипение раздалось снова, чуть впереди. Там, возле клеток с мейнкунами, стояла бабушка благообразного вида, многословно и эмоционально объясняя заводчику, как ей хочется котяток от своей Мурки и вот этого породистого котика... Ближайший мейнкун почему-то не обрадовался такой перспективе, прижал уши и опять сердито выдал «ф-ф-ф!».

Эдик успел сообразить, что эта самая бабушка, энергично протискиваясь по проходу, успела чувствительно толкнуть его возле экзота, который тогда тоже шипел. Тут мимо молнией метнулась Эрия, а за ней еще двое из охраны. Бабушка заохала, кто-то злобно завизжал. Начавшаяся собираться толпа дружно вскрикнула. В центре схватки возник некто негуманоидного вида, более всего похожий на шестиногую рысь.

— Метаморф! — услышал Эдик.

Землянам с первого дня Контакта настоятельно не рекомендовали пускать в свое сознание чужаков. Если метаморф проникнет в сознание человека насильно — это карается смертной казнью, как за по-

кушение на жизнь разумного существа. Если же с согласия, то разве что административные санкции, ведь он же не использовал для взлома чужого сознания свои неземные (что с юридической точки зрения было принципиально) возможности.

Когда выяснилось, что рысеобразный в своем настоящем облике метаморф намеревался, по его словам, украсть какую-нибудь кошку в качестве живой куклы для своего отпрыска, Эрии и ее товарищам пришлось прикрывать мошенника от ярости владельцев. Его поспешно вывели с территории, закутанного в специальную сетку, и передали полиции. На всякий случай выдворили и бабушку.

5. ВОДА И ПЕСНЯ

Вечером, после закрытия, Эрия, один из ее напарников и Эдик сидели в местном баре.

— Вот поэтому и был основан наш корпус амазонок, — сказала Эрия. — Во время галактической войны с метаморфами, пытавшимися захватить часть обитаемой Вселенной. Захватить тело женщины они, конечно, могут, но пластика останется мужской, сразу заметно. Ты не обратил внимания, что пожилая дама двигается, как мужчина?

— Как тебе сказать... У нас до недавнего времени таких бабушек с железными локтями водилось великое множество. Или тут тайная база этих метаморфов была?

— Хм, вообще-то мне моя собственная бабушка такое говорила. Со слов твоего, между прочим, дедушки. Надо проверить.

— А их можно одолеть? Хотя, если даже с фарцовщиками умудрились справиться...

Сразу после Контакта и впрямь пытались возродиться легендарные московские фарцовщики, которые рвались на матрешки, шапки-ушанки

и расписные ложки выменивать инопланетные артефакты. Но совместными усилиями спецслужб это было пресечено. Фарцовщиков тогда изрядно проучили. Была проведена операция «Троянский конь», когда группе фарцовщиков подставили фальшивого жадного инопланетянина. Тот предложил артефакты, способные помочь завоевать всю Землю. Обрадованная фарца собрала не только все имущество, имевшееся на продажу, но чуть ли не разделась до исподнего, выложив за артефакты буквально все. Добыча работала, демонстрируя спецэффекты, — но только в руках продавца...

Когда истории из цикла «а вот еще был случай» слегка иссякли, Эдик, которому не раз доводилось выступать в этом баре с концертами, знающий особенности здешней акустики, потянулся за гитарой. Инструмент был похож на электрогитары времен расцвета рок-н-ролла, хотя с тех пор электрошнуры перестали быть необходимым атрибутом. Гитара не только хорошо звучала, но и имела необычный серебристый цвет.

— Красиво подобран оттенок, — сказал напарник Эрии. — У вас на Земле знают толк в синтезе.

— Это дерево, — ответил Эдик. — Настоящее.

И он заиграл:

Космос, в сияющее полымя глаз
Навсегда я влюблен...

Утром следующего дня Эдик встретил Эрию возле отеля и повел показывать Измайловский остров со старинным собором.

— Вон, видишь деревянный городок? — спросил он, указывая на резные башенки. — Здесь и был когда-то знаменитый блошиный рынок. А вон там — царская усадьба. Между прочим, одна из об-

разцовых ферм была, тут даже южные деревья выращивали.

— А можешь показать самое экзотическое место, какое здесь есть?

— Тут мост имеется, под ним надо загадывать желание. Но это, прежде всего, для парочек...

— Забавно. А еще?

— Есть роща болотных деревьев, на их коре в древности писали, как на бумаге. Между прочим, я там свою гитару нашел.

— Гитару? Твой инструмент?

— То, из чего он сделан.

— Как?

— Это дерево пролежало в воде многие годы. Десятилетия, я бы даже сказал. Ну вот, я когда-то был волонтером по благоустройству родной планеты, мы расчищали русло того ручья, чтобы он не замусоривался и продолжал ровно течь. И я набрел на вымытое из болота древнее мореное дерево.

— У вас такие материалы не приравнены к кладам?

— К природным ресурсам приравнен только мореный дуб. Мореную ольху способны взять разве что такие чудаки, как я. Но ведь из ольхи делают лучшие гитары. Я решил попробовать. Хорошо звучит, а?

— Да, прекрасно. Мой товарищ даже вдохновился и хочет себе гитару купить. Поможешь ему?

— Разумеется. Ты завтра работаешь?

— Да. А послезавтра улетаю.

6. «Я ВЕРНУСЬ»

Ранним утром Эрия и Эдуард шли по одной из дорожек гостиничного парка. Скоро ей надлежало быть на борту корабля, который доставит ее в далекую систему, где придется оберегать покой участников

спортивных соревнований. Какой вид спорта развит в той части галактики, землянин так и не смог в полной мере представить. Но учитывая, что именно там находилась и родина шестиногих метаморфов, спортом могло оказаться что угодно. Например, лазание по межпространственному сердечнику с помощью только одной пары лап и двух когтей на каждой...

Эрия хотела увидеть момент, когда сумерки уступают место дню, а на улицах и аллеях в этот же миг гаснет золотистое ночное освещение. Вот Эдуард и повел ее на вершину холма, откуда золотые ожерелья стилизованных под прошлые века фонарей были видны особенно хорошо. Когда они погасли, а с восточной стороны хлынул первый свет утра, Эрия сказала:

— Я вернусь.

— Да, и очень скоро, — отозвался Эдуард.

— Откуда ты знаешь?

Он повернул к ней свой портативный монитор, на котором было выведено расписание ближайших крупных акций, проводимых Обществом охраны и приумножения уникальности. Через два месяца должен был начаться продолжительный Фестиваль аутентичной еды.

Оказывается, на Земле сохранилось необычайно богатое разнообразие традиционных кухонь и кушаний. Рядом с блюдами, приготовленными с минимальным вмешательством в природу и структуру продукта, соседствовали столь же аутентичные, но невероятно замысловатые творения научной кулинарии, изменявшей консистенцию и форму продуктов до неузнаваемости. Повара-молекулярщики могли вывернуть наизнанку куриное яйцо, сохранив нетронутыми желток и белок, просто поменяв их местами. Или изготовить вспененное мясо, желе из маринованных огурцов, чипсы из свежего молока... После

Контакта появились тематические деликатесы вроде колбасы «Галактической». Можно также отметить, что и земные коровы пошли на элитные бифштексы для жителей Бетельгейзе и альфы Лебедя...

Организаторы, судя по всему, замахнулись на грандиозное действо, каким только и могло быть настоящее полномасштабное представление кулинарных традиций всей Земли. На афише среди прочих эмблем — агрофирм, ресторанных сетей — красовался и знакомый логотип охранного агентства.

— Ты информационно подкован, — усмехнулась Эрия.

— Я привык обращать внимание на все, что может быть важным!

— Откуда у тебя такая привычка?

— Люди, как и погода, требуют постоянного внимания. В том числе к условиям своего обитания. Да, иногда попадаются и сюжеты для песен.

— Понятно. А вот это ты видел?

За новостью о фестивале следовало сообщение об одной из тем его научной программы и социальных планов. Обсуждается вопрос о строительстве еще одного уровня — трансфер-2, где будут частные владения и космические огороды. В этом отличие нового уровня от трансфера-1, который можно назвать корпоративным: владельцами территорий там являются либо государство, либо корпорации, личных зон нет.

— Хочешь завести такой огородик? — спросила Эрия.

— Мне-то он зачем?

— Будешь выращивать поющие тыквы для своих маракасов. Они звучат намного интереснее обычных.

— А их разрешат привозить вниз? Насколько я понимаю, такой уровень, чтобы в случае мутаций или иных непредвиденных последствий работы с

инопланетными растениями его можно было просто свернуть.

— Вот на фестивале и узнаем, какие там предусмотрены правила.

— Интересно, сколько таких уровней может быть?

— Сколько угодно. Мне приходилось бывать на планетах, где их полтора, а то и два десятка. Причем одних только транспортных несколько: развязки, скоростные трассы и прочее.

— Впечатляет.

— Хочешь сам увидеть?

— Если мой музыкальный проект пойдет, может, и удастся.

— Обязательное условие?

— Ну, рассказывать о погоде на каждой планете есть кому, верно? А моя музыка, надеюсь, может претендовать на уникальность.

— Музыка у тебя хорошая, да. Я заметила, что наш товарищ, в сентиментальности не замеченный, купил гитару в том магазинчике, который ты нам показывал.

— Он умеет играть?

— Не знаю. Ну вот, мне пора.

Она замолчала. Эдуард тоже молчал. Потом проговорил:

— Надеюсь, тебе Земля понравилась.

— Вполне.

— Очень рад. До новых встреч, как говорится.

— До скорого, как говорят у вас! — усмехнулась Эрия и вошла в стеклянные двери межуровневого лифта.

Ее напарник сидел в зале ожидания с новенькой гитарой в руках и задумчиво перебирал струны. На штативе перед ним мерцал монитор со страницей из самоучителя.

Суровый страж тихонько напевал песню из репертуара Эдика:

Твои глаза, как космос.
Они меня уносят...

Эдуард шел привычным путем мимо музейного депо и старой башни с часами, когда его коммуникатор ожил, даже не завибрировав, а заурчав, как некоторые кошки на недавней выставке. Самообучающийся агрегат усвоил, что этот звук выражает сугубо положительные эмоции. Он еще и сообщение умудрился раскрасить цветными вспышками так, что за этой имитацией фейерверков Эдуард не сразу смог распознать само сообщение.

— Ваш творческий проект представляет интерес, — продублировал текст автопереводчик с общегалактического языка, — приглашаем вас на переговоры...

То есть, может быть, он будет транслироваться на весь обитаемый мир, состоящий из множества планет, станций, модулей и комплексов. «Среди миров, в сиянии светил», возможно, зазвучит его музыка.

СЕРГЕЙ ЗВОНАРЕВ

СВЕЧА НА ВЕТРУ

Идеалы — основа выживания.

Джон Гленн

— Все, больше нельзя, — нервно сказал врач. — Двенадцать часов без отдыха... больше нельзя. Саша, ты слышишь?

Тот смотрел на экран. Картинка из активной зоны термоядерного реактора, пропущенная через визуа-

лизатор, напоминала радугу, согнутую в шар. В центре билось желтое пламя с оранжевой сердцевиной, окруженное холодными сине-зелеными волнами с фиолетовой каймой. «Свеча на ветру, — подумал Саша, — просто чудо, что она еще не погасла».

— Володя, дай ему пять минут, ладно? — тихо сказал он. — Работа почти закончена.

— Пять минут? — врач повернулся к нему. — Ты уже просил их полчаса назад, разве не помнишь?

Неужели прошло полчаса? Да, проверил Саша, все верно. Он взглянул на Аркадия: его лицо почти полностью скрывал интерактивный шлем. Руки лежали на пульте управления; пальцы быстро двигались по панели, уберегая пламя от контакта с холодной плазмой. На краю радужного шара вырос холодный язычок, метнувшийся к центру. Аркадий успел его перехватить — казалось, в последний момент. «Это как спичкой разжечь костер из толстых поленьев, да еще в дождь, — как-то сказал он. — Думаешь, невозможно? Попробуй, с тысячного раза получится».

«Если сейчас прекратить, через неделю все начнется сначала. — Саша представил, какой скандал устроит Аркадий. — Восстановиться он, конечно, не успеет, и все будет только хуже».

— Коля, как плазма? — спросил он и затаил дыхание: «Ну пожалуйста...»

В тишине послышалось жужжание мухи. «Откуда здесь муха? — возмутился Саша и едва сдержался, чтобы не высказать вслух. — Черт знает что такое, это же пультовая! Кто здесь следит за чистотой? Начальника смены ко мне! Начальника... Ну же, говори, что ж ты возишься!»

— Девяносто девять процентов от точки вспышки, — севшим от волнения голосом ответил оператор.

— Прогноз?

— Вспышка в пределах семи минут.

Саша вперился в экран, в центре которого появилось и медленно росло белое пятнышко. Вспомнилось, как полгода назад Аркадий разгонял реакцию для новосибирского термоядерного комплекса. Тогда она вспыхнула через десять часов, и это считалось пределом возможностей, ни один из мастеров не работал с плазмой так долго. Потом были две недели реабилитации; слава богу, все обошлось. А сейчас... обойдется ли? Володя с напряженным лицом застыл над пультом медицинского комплекса. «Сейчас, сейчас, — пробормотал Саша, — еще чуть-чуть, совсем немного...»

Тишину разорвал треск счетчика нейтронов. Радужный шар исчез, прямоугольник экрана полыхнул белым.

— Есть реакция! — объявил оператор.

— Володя, отключай! — закричал Саша, но тот все уже сделал сам, без команды, и теперь осторожно снимал с Аркадия шлем. Волосы на лбу слиплись от пота, глаза были закрыты, черты лица выглядели резче, чем обычно.

Из-под наушника показалась кровь.

— Предупреди Авакяна, — приказал Володя. — Давай, поживее! Пусть едет сюда, скажи, я позвоню через три минуты.

— Что, так плохо? — вырвалось у Саши, но врач не слушал его. Опустив спинку кресла, на котором расслабленно лежал Аркадий, он катил его к выходу из зала, распоряжаясь, чтобы подготовили реанимационную. «Двадцать секунд, горение стабильное», — услышал Саша, набирая номер. Когда Авакян ответил, Аркадия в пультовой уже не было.

* * *

— Десять минут, — сказал Володя, останавливаясь у палаты, — не больше. Под твою ответственность. Может, тебе удастся его урезонить.

— Попробую, — Саша кивнул и открыл дверь.

— А, наконец-то! — воскликнул Аркадий, садясь на кровати. Не глядя, нащупал трость и резким движением поднялся. — Почему так долго не заходил?

— Врачи не пускали. — Саша обнял друга.

— Врачи? С каких пор тебя это останавливает?

— С недавних, Аркадий, — серьезно ответил он, — у тебя, вообще-то, был инсульт.

Тот махнул рукой и широкими ломаными шагами подошел к окну. Из зеленого моря с островками жилых домов вырастал небоскреб «Центра термоядерной энергетики». Вдали синела излучина Протвы с желтой полоской пляжа, а возле нее блестела стеклом станция «магнитки», эстакада которой дугой уходила за горизонт. Поезд, разгоняясь, набирал ход — через пять минут он будет в Серпухове.

— Ерунда, эскулапы вылечат. Знаешь, что? — Он повернулся к Саше, его глаза возбужденно блестели. — Я, кажется, понял, почему возился так долго. Можно было сделать гораздо проще...

— Аркадий, послушай меня, — негромко сказал Саша, — за пульт тебе больше нельзя.

Тот с недоумением уставился на него.

— Шутишь? Как это — нельзя? Что значит — нельзя?

— Никаких шуток. Тебе повезло, что ты вообще можешь ходить и разговаривать, понял? Авакян с бригадой оперировал тебя почти сутки, считай, он заново собрал твой мозг. Такого никто раньше не делал, то есть вообще никто!

— Я благодарен Авакяну, — с холодком ответил тот, — но даже он не может запретить мне делать то, что я умею лучше всех.

— Авакян не может, — согласился Саша, — а вот ученый совет вполне.

— Что?

— Вчера состоялось заседание. Принято решение о прекращении экспериментов.

— Вот как... и тебя послали сказать мне об этом?

Саша молча кивнул. Аркадий уперся в него взглядом.

— Это глупо. Закрывать программу из-за одного несчастного случая — глупость.

— Программу не закроют. Мы создадим группу по моделированию. Французы, кстати, идут тем же путем...

— Группа моделирования! — саркастически воскликнул Аркадий, принимаясь расхаживать по палате. Трость мягко стучала о пол. — Чушь! Твои французы выдохлись, после Лорана у них не осталось достойных мастеров, вот почему они поют эти песни. Нет и не может быть никакого алгоритма, как вы не понимаете! Каждая реакция, каждая зажженная свечка — это... — он на секунду запнулся, — это чудо, произведение искусства — да-да, именно так! Вы сможете создать теорию, как писать картины не хуже Боттичелли, а? Или сочинять музыку, которой позавидовал бы Бах?

— Не надо утрировать...

— Утрировать? Ты не сидел за пультом, ты не знаешь, — зло сказал Аркадий, — и никто из вас не сидел.

— Так расскажи, каково это! Ручаюсь, тебе будут в рот смотреть!

Аркадий тяжело опустился на кровать, уперся локтями в колени. Он поймет, что по-другому

нельзя, подумал Саша, ему нужно время, но он поймет. Эпоха героических одиночек уходит в прошлое, их место займут профессионалы, вооруженные теорией и нужными инструментами. Так было всегда. Гагарин совершил подвиг, а через двадцать лет полеты на орбиту стали рутиной.

— Тебе нужен месяц на восстановление, — сказал Саша. — Потом тебя ждут в университете.

— Физику плазмы некому читать?

— У тебя будет собственный курс, назовешь, как захочешь. Расскажи, как стал лучшим мастером на планете. Уверен, от студентов отбоя не будет.

Аркадий поднял на него взгляд, в котором мелькнула надежда. Саша догадался, о чем его спросят.

— Горбовский был на совете?

— Да, — ответил Саша. Легендарный академик, получивший нобелевку за эффект Горбовского-Лорана, с открытием которого началась эпоха практического термояда, одним из героев которой и стал Аркадий. Сейчас академику было за восемьдесят, но свои мысли он по-прежнему выражал кратко и ясно. «Все равно узнает, — мелькнула мысль, — лучше уж от меня». — Горбовский был. Именно он предложил прекратить эксперименты.

Лицо Аркадия застыло. Такого он не ожидал.

— Уйди, пожалуйста, — услышал Саша. — Мне надо побыть одному.

* * *

Физическая аудитория располагалась в левом крыле главного здания. Аркадий, немного прихрамывая, шел по коридору, ловя на себе заинтересованные взгляды студентов. Аншлаг сегодня обеспечен, это точно. Перед первой лекцией он волновался, сердился на себя за это, но ничего поделать

не мог: укрощение плазмы имело мало общего с публичными выступлениями.

Стараясь не показать смущения, он вошел в аудиторию. Студенты поднялись, раздались аплодисменты. Чувствуя, что краснеет, и надеясь, что с первой парты это незаметно, Аркадий попросил всех сесть и включил доску.

— Тема моей лекции, — начал он с заготовленной фразы, — эффект Горбовского-Лорана и его роль в развитии практической термоядерной энергетики...

Я говорю не то, подумал он, глядя на обращенные к нему лица, все это они могут прочитать в учебниках и методичках, зачем повторять одно и то же в сотый раз? Что там говорил Саша? Расскажи им, как стал мастером. Формулы они выучат сами, без тебя.

Как передать напряжение охоты за крохотными флуктуациями плазмы, неуловимыми, как светлячки в белую ночь? Сколько нужно терпения и внимания, чтобы в их случайном движении разглядеть конфигурацию, способную выстоять в бушующем хаосе и породить устойчивую термоядерную реакцию? Сколько раз придется бросать и начинать заново... Ему вдруг пришла в голову озорная мысль. Аркадий достал из портфеля яблоко, повертел его в руках, словно примериваясь, где куснуть, и внезапно бросил в ряды. Взметнулись руки, но никто не поймал, и оно со стуком упало под парты. Студенты оборачивались с недоуменными смешками, некоторые наклонялись в поисках трофея.

Аркадий присел на стол, стоявший между доской и первым рядом. Он наконец почувствовал себя в своей тарелке.

— Что главное в ремесле мастера? — спросил Аркадий и сам же себе ответил: — Быстрая реакция.

А еще вам нужна предельная концентрация, чтобы видеть и понимать все, происходящее в плазме. Знаете, была бы моя воля, — он возбужденно соскочил со стола, забыв о больной ноге, — я вместо лекции отправил бы вас в Сибирь, поохотиться в тайге.

Раздался дружный смех.

— Нет, серьезно, вы зря смеетесь. Тому, кто принесет белку, зачет, а всех остальных — на пересдачу...

Потом Аркадий рассказал о своей первой удаче, о многолетнем эксперименте, подтвердившем эффект Горбовского-Лорана. Как собирали первый демонстрационный реактор с положительным выходом — да-да, тот самый, который обеспечивает энергией Протвино; как начал возрождаться город, едва не погибший после крушения СССР...

Звонка Аркадий не услышал: он понял, что время вышло, когда у дверей столпились студенты на следующее занятие.

— Аркадий Сергеевич! — окликнули у выхода.

Молодой человек, коротко и ровно подстриженный, аккуратно одетый — вычищенные туфли, отглаженные брюки со стрелками, белоснежные манжеты рубашки вылезают из рукавов джемпера ровно на положенную длину — подошел к нему и протянул яблоко:

— Это ваше.

Аркадий хмыкнул.

— Спасибо. Ты спас мой завтрак.

— Меня зовут Борис Крутов. Я из группы моделирования, и мне нужна ваша помощь. Когда вам удобно поговорить?

«Вот она, молодежь, — подумал Аркадий, — ему нужна моя помощь, видите ли, и он прямо об этом заявляет, не сомневаясь в моем согласии. — Он тут же устыдился своего брюзжания: — А может, это

и хорошо? Наверняка выпускник лицея, по возрасту подходит. Первое поколение, выросшее в атмосфере свободного творческого поиска, когда каждый готов поделиться своей идеей, зная, что встретит дружеское участие...»

— Давайте прямо сейчас, — ответил он и ободряюще улыбнулся. — Подходит?

* * *

А все-таки я на него обижен, понял Аркадий, увидев Горбовского. Всю неделю уверял себя в обратном — оказалось, напрасно.

— Заходи, — пригласил академик. — Как здоровье?

— Спасибо, неплохо, — суше, чем хотелось, ответил Аркадий. Ему стало неловко — Горбовский, конечно, все понял.

Стол в светлой кухне был застелен газетой, на ней сушились ягоды. Хозяин подвинул газету и поставил на плиту чайник.

— Любишь шампиньоны? — спросил академик, доставая из холодильника банку. — Попробуй. Мы их выращивали в ускорителе.

— В ускорителе? Зачем?

— Деньги зарабатывали. В тоннеле отличные условия — постоянный микроклимат, нужный уровень влажности — в общем, идеальный питомник. Лучшие экземпляры росли у выхода в главный контур, уж не знаю почему. Наладили экспорт в Европу, потом и у нас распробовали. Помню, в рекордный год четверть периметра засадили. Знатный был урожай!

Академик аккуратно отрезал половину белой шляпки и отправил себе в рот.

— Замечательно! — прокомментировал он и добавил: — Ты ведь не хочешь, чтобы эти времена вернулись?

Аркадий усмехнулся.

— Я-то как раз не хочу. Если вы помните, следующая реакция была для «Чайна Энергетик». А теперь миллиардный контракт отложен. По решению ученого совета.

— А если бы ты погиб?

— Риск был всегда, и пять лет назад, и десять. Что изменилось?

— Ты остался один.

— Это не так. Кацура Нода, Томас Пешек, Люк Биссон из Парижской школы...

— Кацура не выходил на охоту уже три года, а Пешеку просто один раз повезло, и ты это знаешь. Люк способный мальчик, но он до сих пор не зажег ни одной свечи.

— Значит, у нас нет конкурентов.

Горбовский покачал головой.

— Нам нужен метод, Аркадий.

— И кто его создаст? Боря Крутов?

— Да, с твоей помощью.

Аркадий фыркнул.

— Это невозможно.

Горбовский, поднявшись со стула, разлил кипяток по кружкам.

— Вот заварка, — он пододвинул маленький чайник. — Извини, не люблю пакетиков. Все время мерещится вкус бумаги.

Отхлебнув, он добавил:

— Если невозможно... что ж, тогда мы снова начнем выращивать шампиньоны. Не сейчас, конечно, но лет через двадцать-тридцать.

Аркадий молчал.

— Ты блестящий ученый, — продолжил Горбовский, — но этого мало. Ты должен стать блестящим учителем. Борис — сильный теоретик, а у тебя есть то, чего ему не хватает.

— Что именно?

— Харизма и опыт, — он неожиданно хмыкнул. — Студенты, кстати, от тебя в восторге.

— А если не получится? — вырвалось у Аркадия.

— Конечно, получится! Неужели укротитель плазмы спасует перед вчерашним дипломником?

— Я не об этом...

— Я знаю, Аркадий, но вы должны попытаться, — мягко ответил Горбовский. — Эта работа сейчас важнее всего, и не только для города. Если не выйдет, мы окажемся отброшенными на полвека назад, а то и больше. Да, и вот еще что, — он снизил тон и подмигнул: — Перестань на меня дуться, ладно? Старый учитель еще может тебе пригодиться.

* * *

— Уровень плазмы?

— Семьдесят семь процентов от точки вспышки.

Никуда не годится, подумал Аркадий, древний Токамак и то давал больше. Уже два месяца топчемся на месте. Семьдесят семь процентов! Да я начинал с этого еще студентом...

Синяя волна на экране внезапно накатила на пламя. Система управления реакцией отреагировала, но недостаточно быстро — холодная плазма проникла в горячее ядро. На табло побежали цифры: семьдесят процентов от точки вспышки, шестьдесят пять, пятьдесят восемь... Пламя задрожало и погасло.

Борис вывел на экран последние минуты траектории. Распределение давления, температуры, амплитуды магнитного поля. Мы тонем в мелочах, подумал

Аркадий, целые дни уходят на то, чтобы формализовать интуитивные решения, которые за пультом принимаются за долю секунды.

— Вот оно! — Борис показал на экран. — Вот здесь холодная область пошла вразнос. Сингулярность Хромова, если я не ошибаюсь?

— Да-да, верно, — раздраженно бросил Аркадий, — очевидно же...

Борис колдовал над трехмерной картинкой из зоны реактора — моментальные снимки, объединенные в один файл.

«Через пару часов он скажет, что исправил ошибку, и будет прав, но тут же вылезет другая. Борис упорный парень, въедливый и трудоспособный, но этого мало. Он не видит картины в целом, не чувствует плазму так же, как я. А можно ли передать это чувство? Может, оно уникально и свойственно только мне? Лестное предположение, но вот Горбовский так не считает. И все-таки парень делает только то, что уже привык: разделяет проблему на части, разбирается с каждым кусочком по отдельности. Вполне успешно, надо сказать. Да вот беда — вместе эти куски не складываются. Ну так научи его думать по-другому... Как там сказал Горбовский — стань блестящим учителем. Ну да, конечно...»

Аркадию вдруг пришла в голову сумасшедшая мысль. Может, и впрямь тряхнуть стариной? Он позвонил Саше — тот сначала отнекивался, ссылался на переговоры с японцами, но потом сдался под напором друга. «Так-то лучше, — со злорадством подумал Аркадий, — будет и тебе сюрприз!»

— Борис, хватит пялиться на экран, — весело сказал он, — пойдем проветримся!

* * *

Дорога к «магнитке» вела через сосновый бор. Лесные ароматы пьянили после стерильного воздуха пультовой.

— Ты в курсе, что завтра прилетают японцы? — бурчал Саша. — Все уже сегодня на головах бегают, а что будет завтра, боюсь представить! Не дай бог, потребуют неустойку...

— Тем более, надо развеяться, — парировал Аркадий.

— Развеяться? Ты... ты что задумал? Борис, мы куда идем?

— Проветриться, — серьезно ответил парень, и Аркадий рассмеялся.

Они подошли к станции.

— Три билета до Взлетной, — сказал он, сунув карточку в автомат.

— До Взлетной? — воскликнул Саша. — Ты с ума сошел! Тебе нельзя летать, с твоей-то ногой, да еще после инсульта!

— Мне нельзя, — согласился тот, — а вот тебе можно. И полетишь ты не один, а с пассажиром.

— С каким еще пассажиром?

Аркадий улыбнулся.

— Вот с ним, — он показал на Бориса. — Прокати парня по небу!

* * *

Аркадий ехал на велосипеде по дорожке, ведущей к городу. Двухместный мотодельтаплан проплыл над лесом и скрылся за горизонтом. Парень, конечно, струхнул, но вида не подал — молодец!

Впереди показался щит с названием города и его эмблемой — мускулистая рука, крепко держащая за

узду яростного коня с атомным глазом: ядро и вокруг него электрон на орбите. Тридцать лет назад в будущее Протвино никто не верил, кроме энтузиастов вроде Горбовского. А сейчас — термоядерный комплекс дал толчок к развитию всего южного Подмосковья: Чехов, Серпухов, Пущино оживают на глазах. Университет приобрел международную известность, от студентов отбоя нет, со всего мира едут учиться. А теперь и под Новосибирском запустили станцию.

Слева от дорожки показалась поляна, на которой старшеклассники занимались ботаникой. Учитель возился с 3D-микроскопом; изображение с него висело прямо в воздухе, в метре над поляной. Мальчишки и девчонки возбуждено галдели. «Дети, спокойно! — донесся дидактический голос. — Попробуют все!»

«Они наверняка считают, что так будет всегда, — подумал Аркадий, глядя на детей, — потому что другого не знают. Да и учитель тоже — очень молод, наверняка из бывших лицеистов». Он ощутил беспокойство — как все зыбко, непрочно. Горбовский как-то признался: «Знаешь, иногда мне кажется, что это сон, и я страшно боюсь проснуться в старом общежитии без горячей воды и с электричеством по графику, и надо будет идти на занятия в аудитории, где профессора читают лекции в пальто. Веришь ли, зимой девяносто третьего институт не отапливался — денег не было!» Да, если у нас с Борисом не выйдет с плазмой, придется туго. Как там он, кстати?

Аркадий вызвал Сашу.

— Немного вправо! — раздался голос, заглушаемый ветром. — Вот так, плавненько... что тебе? — это уже Аркадию.

— Садитесь? — крикнул тот.

— Почти сели! Вот, полюбуйся.

На экране планшетника под колесом дельтаплана неслась земля. Слишком быстро, мелькнула мысль, будет трясти.

— Сбавь скорость! — услышал Аркадий. Борис ответил, голос его был напряженным, но спокойным.

— Ты доверил ему посадку? — догадался Аркадий. — Это же его первый полет!

— Справится, куда денется!

Изображение дернулось, послышалось Сашино «черт!», и он отключился.

Аркадий гнал велосипед изо всех сил. Наконец среди сосен блеснула Протва, а вскоре показался пляж. На поляне, протянувшейся вдоль него, косо стоял дельтаплан, окруженный мальчишками. Велосипед запрыгал на кочках; бросив его, Аркадий побежал к дельтаплану. Борис склонился над вывернутым из крепления колесом.

— Ты как? — переводя дух, спросил Аркадий. — А где Саша?

Борис обернулся. Над левым глазом набухала здоровая шишка, но он улыбался. На рукаве джемпера темнело пятно от травы.

— Уже ушел. Сказал, ему некогда.

— Борис Алексеевич! — к ним подбежал парень, держа домкрат. — Вот, как вы просили!

— Молодец! Ставь под шасси и подкачивай.

Парень тут же принялся за дело, подгоняемый разнообразными советами.

— Вот что, Борис Алексеевич, — весело сказал Аркадий. — Дельтаплан дельтапланом, а чтоб завтра в девять утра — в пультовой.

— Да, обязательно, — ответил тот. Казалось, он хочет что-то добавить. За спиной скрипнул и чуть покачнулся дельтаплан, мальчишки загалдели. Бо-

рис, мгновение поколебавшись, обернулся к ним. — Все, достаточно, — распорядился он. — Теперь снимаем колесо... Так, признавайтесь, кто-то из вас это делал?

* * *

— Восемьдесят три процента, — сказал Аркадий и бодро добавил: — Уже лучше!

Борис кивнул, но как-то без энтузиазма. Было видно, что с самого утра его занимает другое.

— Ладно, выкладывай, в чем дело, — предложил Аркадий. — У тебя есть сомнения? Если так, лучше их обсудить.

— Мы идем не с того конца, — выпалил Борис. Волнуясь, он встал с кресла оператора. — Так ничего не выйдет!

— Хорошо, — подбодрил Аркадий робеющего аспиранта. — Ничего не выйдет. Ясное и четкое заявление. А почему?

— Общего решения уравнений Горбовского не существует, верно? Вот почему мы пользуемся эмпирическими моделями, построенными на опыте охотников. Беда в том, что каждая из них работает только в определенном случае.

Аркадий мысленно вздохнул: в теории он был не силен. Борис же, напротив, на глазах обретал уверенность. Он вывел на экран распределение плазмы в свече — той самой, что зажег Аркадий.

— ...А если сделать по-другому? Допустим, решение уже есть — ваше, например, — и мы вносим в него заданное возмущение... — Борис пробежался по виртуальной клавиатуре. — Смотрите, что произойдет.

По плазме, идущей горизонтальным кольцом по центральной линии тора, пробежала волна, потом еще одна. Колебания усиливались.

— Сейчас будет срыв, — с недоумением предсказал Аркадий, — и свеча погаснет. В чем смысл?

— Срыва не будет, — уверенно возразил Борис.

Не отрываясь, он смотрел на экран, пальцы застыли над панелью. «А ведь он мог бы стать охотником, — мелькнула мысль, — и весьма неплохим...»

— Началось! — воскликнул Борис. — Видите?

Высота кольца стала расти, его толщина посередине уменьшалась. Амплитуда колебаний резко увеличилась, Борис тут же среагировал, погасив их.

— Оно делится, — пробормотал Аркадий, — делится, с ума сойти...

В камере реактора теперь было два кольца, одно над другим. Борис, поколдовав над панелью, развел их по вертикали, насколько позволила высота камеры.

— После деления каждая свечка изолируется в отдельный реактор, — сказал он. — Каждую можно размножать до бесконечности, по крайней мере, теоретически...

— Так, собирайся, — прервал его Аркадий. — Пойдем к Горбовскому, пусть он посмотрит.

Борис замялся.

— Что такое?

— Вообще-то я ему показывал. Давно, еще полгода назад.

Аркадий удивленно уставился на него.

— Полгода назад? А почему так долго молчал?

— Горбовский сказал, что мое решение неверно. Сказал, что будет срыв.

Борис виновато улыбнулся.

— Ты считаешь, он прав? — спросил Аркадий.

— Частично, — после секундного колебания ответил Борис. — Понимаете, я показывал ему решение с другими свечами, не с вашей — ее тогда не было. Но ваша свечка, она... она просто уникальна! Вы лепили ее двенадцать часов, у нее особенная структура, неустойчивая к делению, вот что я понял вчера. Но я не знаю, захочет ли Леонид Семенович еще раз это обсуждать...

— Захочет, — решительно сказал Аркадий, — это я беру на себя.

— А если свеча погаснет? — негромко спросил Саша. — Это ведь только теория, Аркадий. Что сказал Горбовский?

— Сказал, что не знает, — ответил он. — Конфигурация плазмы слишком сложна для аналитики, а работать с программой Бориса он не умеет.

«А может, старый лис все просчитал и хочет научить нас принимать трудные решения... — подумал он. — Да, тяжела шапка Мономаха. Если свеча погаснет, японцы разорвут контракт и потребуют неустойку в полмиллиарда. Тогда сказке конец».

— Надо рискнуть, — сказал Аркадий.

— Почему? Давай отдадим реактор и получим деньги.

— Потому что Горбовский рискнул, — ответил Аркадий, — полвека назад, в Кадараше. Ведь сначала никто не верил в эффект, и Рибери чуть не вышиб его из Центра за нарушение субординации. Если бы не заступничество Лорана...

— Горбовский рисковал только своей карьерой, а у нас город с населением в пятьдесят тысяч. Детские сады, школы, больницы, университет. Кто будет за все платить, если мы станем банкротами?

— Саша, другой возможности не будет. Моя свеча уникальна — единственная из тринадцати за-

жженных способная к делению. Если сейчас отдадим, до конца жизни будем себя спрашивать: «А что, если?..»

Саша подошел к окну, распахнул его и оперся о подоконник. Дохнуло вечерней свежестью, ароматом травы. Закатное солнце алело в стеклах высоток, внизу уже было темно. Горели фонари, освещая аллеи в парке.

— Ты сам хочешь провести деление? — спросил он, глядя вдаль.

— Это сделает Борис.

— Значит, Борис, — Саша повернулся. — Судьба города в руках аспиранта.

— Да, как и полвека назад. Только тогда аспиранта звали Леня Горбовский.

Саша хмыкнул.

— Цицерон, елы-палы... Ладно, я тебя поддержу. Сколько у тебя голосов?

Аркадий улыбнулся.

— Теперь большинство.

«Вот я и дома», — подумал Аркадий, выходя из вагона на платформу.

Двери магнитки закрылись, состав плавно тронулся. Аркадий, пренебрегши эскалатором, медленно сошел по ступеням. В любом путешествии больше всего ему нравилось возвращение, он всегда его смаковал. Странно: кажется, все можно запомнить, а вот запах почему-то нет, не запоминается, и везде он особенный, присущий конкретному месту.

В это лето Аркадий наконец исполнил давнюю мечту — побывал на всех термоядерных станциях, где горели свечи мастеров. Теперь их осталось десять — после того, как погасли первые три, зажженные еще им и Лораном. Борис говорит, это

случайность, недосмотр персонала: не подавили вовремя флуктуацию плазмы. Теоретически свечи могут гореть вечно, если подбрасывать топливо. Аркадий хмыкнул: он считал по-другому — они понемногу стареют. Что ж, со временем будет ясно, кто прав.

Сейчас Борис в Гонконге, налаживает реактор. Если все пойдет по плану, через неделю там произойдет очередное, уже седьмое деление. Пять из них оказались удачными — в том числе и первое, проведенное три года назад в Протвино. Теперь это уже история, еще одна глава университетского курса. Вспомнив о нем, Аркадий почувствовал привычное нетерпение, желание поскорее осмыслить и записать все впечатления от путешествия, пока они еще держатся в памяти. И, конечно, освежить лекции. С последним стоит поторопиться — до первого сентября всего неделя.

«Будут ли мои студенты такими же счастливыми, как мы? — подумал Аркадий. — Сколько раз мы рисковали, и нам везло. А если бы тогда, три года назад, свеча погасла?» Бесполезный вопрос, ответа на который не было. Каждому поколению придется решать свои проблемы, это факт. Вон, китайцы уже вовсю приглядываются к технологии деления, через пару-тройку составят нам конкуренцию, а если будем дремать, то и вовсе обойдут. Нужны новые идеи, нужно заинтересовать ребят, сделать так, чтобы глаза горели. Только тогда у нас есть шанс на будущее».

Вот и сделай так, одернул он себя, открывая дверь коттеджа, хватит растекаться мыслью по древу. Давай, руки в ноги и готовиться к лекциям.

КРИСТИНА КАРИМОВА

СДЕЛАЕМ ДРУГ ДРУГУ ХОРОШО

— Саша, скорее! Закроется сейчас! — Жена уже стояла по ту сторону границы, а я на секунду задержался, чтобы переставить время возврата.

Переход стрелки от деления к делению шел с мягким щелчком: «Три... четыре... пять... шесть... семь». Вот так нормально. Ну не прав я был, не прав. Эмоции, будь они неладны. Конечно, Даше надо как следует отдохнуть. Пусть уж будет неделя, которую она хотела. А я как-нибудь потерплю...

Накануне мы немного... хотел сказать «поругались». Но нехорошо это звучит. Пусть будет «поспорили». Разве могут два любящих человека ругаться? К тому же накануне двадцатилетия семейной жизни. Которое наступает как раз в День святого Валентина.

Двадцать лет — солидный срок. За это время научились многому: идти на компромиссы, прощать промахи, уступать... А может, это только я научился? Ведь Дарья в большинстве случаев настаивает на своем, а я предпочитаю отойти в сторону и не спорить. Вот вчера только не выдержал. Сорвался.

— Годовщина и День святого Валентина. Надо отпраздновать как следует, — сообщила Дарья.

Я промолчал. Во-первых, она выбрала неподходящее время: шел чемпионат по сайкболу. Во-вторых, я вообще не понимаю, почему женщины придают датам такое значение. Двадцать лет. Ну и что?

— Махнем на Илану, — уверенно продолжила жена.

— А почему туда? — вяло возразил я, понимая, что трепыхаться бесполезно. Все равно Дарья уже все решила.

На экране стереовизора Подгорный спасовал Вяземскому. Но тот пропустил, и в фаворе оказался Павлыш, который решительно погнал мяч в другой конец пространственного куба.

— Там весело.

Весело! Прилизанные дорожки апарт-отеля. Силовые барьеры безопасности в бассейне, куда, придя в соответствующую кондицию, будут прыгать дамы в вечерних туалетах и мужчины в галстуках. Причем не выпуская из рук бокалов со стимулятором. Животные, и так абсолютно безобидные, но для пущей безопасности обработанные гипноизлучением, обалдело бродящие по художественно выращенной траве. Дарья обожает такие места. Но я их ненавижу!

— Даш, а может, на Мерилуну? — робко предложил я.

— Куда-а-а?! — Возмущения в голосе жены было не меньше, чем ужаса. — Дикий лес, холод, комарье! Да ты с ума сошел!

— Зато там тишина, деревья склоняются над палаткой, бархатное небо со звездами вместо иллюминации... Красота!

— Ага, — скептически кивнула жена. — Есть нечего, заняться нечем. Нет уж, спасибо. В первобытного человека играй сам. А я хочу цивилизации.

— Зато на Мерилуне будем только мы. Разве не так надо праздновать День святого Валентина? Вдвоем. А еда — не проблема. Возьмем из дома. А хочешь, я тебе рыбки поймаю?

— Чтобы я жарила ее в нечеловеческих условиях на костре?! Ну уж нет! Вообще, мог бы мне посочувствовать. Ты и так на своей Мерилуне чуть

не каждый выходной бываешь — рыбку ловишь. А я на праздники не выбиралась уже целую вечность. Так что поимей совесть!

Это правда. Даша обожает вечеринки, но рабочая загруженность не позволяет ей частый отдых. Как-никак, она секретарь Конгресса. Может, и правда, пусть отдохнет, раз время выдалось?

— Согласен? — Жена, поняв, что взяла верх, победно заулыбалась.

Я обреченно кивнул и снова уставился на экран. Хотя смотреть было нечего: в центре квадрата, дотягивая время до конца тайма, перекидывали друг другу мяч Махнев и Самойлов. Это могло длиться бесконечно.

Ладно, подумал я. Пусть Даша отдохнет как хочет, уж один день я на этой Илане выдержу. Ну, даже два, если она захочет поехать с ночевкой. Все-таки День святого Валентина...

— Замечательно! — довольно защебетала Дарья. — К следующему воскресенью вернемся, тогда и отправляйся на свою рыбалку...

— Когда?! — я в возмущении развернулся к ней. — К воскресенью?! Это же целая неделя!

— Ну да. Меня отпустили с работы, представляешь? Оторве-е-емся!.. — мечтательно протянула жена.

Неделя отдыха — это действительно чудо. Вырваться со службы больше чем на три дня Даше обычно не удается. Сначала я возмущался, а потом смирился: что поделаешь, если у человека работа и хобби — одно и то же? Честно говоря, я и сам такой — трудоголик. Только это менее заметно: я ведь музыкант-визуализатор. Работать могу и дома, и в студии. Но предпочитаю Мерилуну. Где, по мнению Даши, маюсь ничегонеделанием. Но она не права. Чтобы творить, нужно вдохновение, а зна-

чит — тишина и спокойствие. Потому провести семь дней на Илане — с воплями и криками отдыхающих, обязательными ежевечерними коктейлями, пустыми разговорами с чужими людьми — это просто жуть!

— Даша, — как можно убедительнее начал я. — Неделя на Илане — мне столько не выдержать. Давай сократим. Два, ну хорошо, три дня на Илане и остальное на Мерилуне. Ты попробуй, тебе понравится...

— Четыре дня в этой глуши?! Да я там свихнусь! Пустая трата времени!

Дарья так и не полюбила природную жизнь, хотя в начале нашего знакомства я активно пытался водить ее в походы. И до сих пор удивляюсь, как мне удалось уговорить ее поставить наш семейный коттедж не в городе, а в окружении двух гектаров леса. Хотя вполне вероятно, что решающую роль сыграли не мои уговоры, а неожиданно нахлынувшая мода на свободные поселения. В лес около коттеджа Даша и носа не казала. Впрочем, я тоже. Мне хватало моей Мерилуны.

— Даша, почему пустая? А я? Ведь там мы будем вдвоем. Помнишь, как молодые?..

— Молодые — глупые были, — отрезала Даша. — Тогда везде романтика виделась. Хоть в шалаше. А сейчас я хочу удобств и комфорта.

— Даша...

— Ты бы хоть обо мне подумал!.. — продолжила жена, и голос ее начал опасно закипать. — Ты в этой глуши-тиши день через день сидишь. А у меня единственный отпуск за много лет! Хотела отдохнуть как человек!

— Даша, ну что ты... — снова начал я, уже готовый согласиться.

«О-о-о!!!» — взорвался стереовизор воплями невидимых зрителей. Я резко обернулся: так и есть! Мяч висел в воротах, команда лупила друг друга перчатками, проигравшие парили в воздухе с кривыми лицами. Забили! Матч года, а я пропустил! Ну почему женщины затевают разговоры в самое неподходящее время?!!

— Жена! — я обернулся к Дарье: возмущение требовало выхода. — Так и быть, согласен на Илану. Но только на два дня.

— Саша!..

— Или я вообще никуда не поеду, — отрезал я.

— Сашка, праздник же!.. И день свадьбы!..

— Знаешь, милая, не ты одна работаешь. Я тоже. И мне тоже надо отдыхать. — Я демонстративно вытащил из встроенного в стену габиона контакты визуализатора, надел наушники, закрыл глаза и, показывая, что ничто больше меня не беспокоит, сложил руки на груди.

Разошлись мы в эту ночь по разным спальням.

Я лежал, ворочался с боку на бок, чувствовал пустое место жены рядом и пытался игнорировать грохот музыки, доносящийся из комнаты дочери. Ну как такое можно слушать? Перепады ударной и нисходящей волны, переход чуть ли не с ультразвука на низкие тона и наоборот. Техно-стейк, чтоб ему было неладно. Повальное увлечение современной молодежи. А ведь это совсем не Ксюшино, она романтик, как и я. А показать это — ни-ни! Чтобы никто и не подумал.

Я накрыл голову подушкой, и она послушно обтекла ее, принимая соответствующую форму. Я начал задыхаться и отбросил удушливую тварь прочь. Перевернулся на спину. В надежде отключить сознание сосредоточился на легком мерцании звезд

потолка, имитирующего ночное небо. Не помогло. Причем дисгармония спокойствия мироздания и музыкальной какофонии оказалась столь велика, что я не выдержал. Рывком сел на кровати — пора призвать дочь к порядку! Но тут же лег обратно, обругав себя последними словами. Не успел помириться с Дашей, а уже готов поссориться и с дочерью?

Я снова натянул на голову подушку. Эх, Даша-Даша... И чего я набросился на нее? Конечно, ей хочется отдохнуть — первый раз за столько лет. Ничего бы со мной не случилось, перетерпел бы недельку. Вот уж невидаль: продержаться семь дней, глядя на белозубые оскалы окружающих, поулыбаться так же дебильно, построить идиотские рожи, демонстрируя счастье от встречи с толпой незнакомцев. Разве стоила такая малость обиды жены накануне Дня влюбленных? Определенно, я был не прав.

Я представил Дашу в ее комнате: наверняка свернулась в комочек, будто маленькая девочка, лежит, подложив ладонь под щеку. Переживает. Эх, решено! Пусть отдыхает как хочет. Сделаю так, чтобы ей было хорошо: переставлю завтра таймер на выходе. Черт с ним, пусть будет семь дней. Счастье любимой дороже.

Утром мы оба делали вид, что ничего не случилось. Даша встала пораньше, приготовила завтрак и отправила вызов на пространственник. Мы успели поесть, выпить по чашке кофе и заказать еще по одной, когда пришел сигнал о прибытии кабинки.

— Ты посуду убери, — велела мне Даша, поспешно вскакивая. — А я пойду координаты задам!

Пространственник — транспорт новый, но пользующийся большой популярностью. Чуть зазеваешься, кто-нибудь перехватит кабинку, и жди потом еще час-два. Я согласно кивнул, и она убежала.

Я несколькими глотками допил кофе и начал складывать посуду в мусоросборник.

— Саша?! — Даша заскочила на кухню. — Ну чего ты возишься? Я уже все сделала, кабинка простаивает!

Жена быстро очистила стол, схватила меня за руку и, будто муравей муху, живо потащила к пространственнику. Когда она уже зашла в кабину, я на секунду задержался у пульта вызова. Кинул беглый взгляд на экран: сколько там Даша отмерила? Один день. «Напугал ее вчера совсем!» — царапнула острым коготком совесть.

Переход стрелки от деления к делению шел с мягким щелчком: «Три... четыре... пять... шесть... семь». Семь дней — будет сюрприз Дашуне. Я нажал «Пуск» и, удовлетворенно вздохнув, шагнул за рамку переходника.

Воздух вокруг задрожал, начал сгущаться, скрывая стены кабины и создавая плотный непрозрачный кокон. Вот не в первый раз пользуюсь пространственником, но каждый раз восхищаюсь, какое это чудо: вызываешь кабинку, задаешь координаты и — р-р-раз! — несколько секунд, и ты за сотни километров от точки отправления. А то и вообще на другой планете — на Илане, Мерилуне, да вообще на любой из имеющихся в справочнике. Ну не волшебство ли? Впрочем, если задуматься, то и стереовидение, и печи мгновенного приготовления, и коммуникаторы — все это тоже в свое время было чудом. Просто мы к ним уже привыкли.

Кабинка мягко качнулась, извещая о прибытии. За стенками забрезжил свет, пахнуло свежестью. «Странно... — озадаченно подумал я. — На Илане сейчас должен быть жаркий полдень...» Остатки защитного кокона осыпались хлопьями, и вокруг обнаружился зимний лес. Темные деревья, основательно запорошенные снегом, изумленно взирали на наши шорты и гавайки.

— Приятного отдыха, — мелодично пропел голос автомата, платформа под ногами исчезла с мягким щелчком, и мы оказались в снегу, холодном и мокром.

— Что это?! — потрясенно пробормотал я и машинально тряхнул сандалией, пытаясь освободить ногу от ледяной влаги. Не помогло: я по щиколотку стоял в сугробе.

— Сюрприз! — воскликнула Даша, радостно улыбаясь. — Милый, я хотела извиниться за вчерашнее. И решила: пусть уж будет Мерилуна. Должны же мы уступать друг другу?

— При чем тут Мерилуна? — растерянно пробормотал я, чувствуя, как тает снег под почти босыми ступнями.

— Ну ты же хотел сюда. Где там твоя палатка?

— Даша... — медленно начал я, оглядывая снежный лес, темные нависающие ветви, небо, затянутое облаками. — Ты хочешь сказать, что задавала координаты Мерилуны?

— Ну да, — уверенно кивнула Дарья. — С Днем святого Валентина, милый! Я хотела, чтобы тебе было хорошо.

— Спасибо, — машинально произнес я. — Только знаешь... Не пугайся, пожалуйста, но на Мерилуне сейчас лето. А здесь...

Лес, окутанный белым одеялом, низкое серое небо и снежинки, превращающиеся в капельки воды на нашей обнаженной коже.

Снег был не таким уж глубоким — по щиколотку, но легкие сандалии сразу задубели и при каждом шаге норовили остаться в сугробе. Пальцы онемели. Кожу сначала жгло, а сейчас она все больше и больше теряла чувствительность. Но я упорно шел вперед — ведь ничего другого не оставалось.

— Я не могу больше, — пробормотала вдруг Даша и села прямо в сугроб.

— Даша, Дашенька, — я наклонился, пытаясь поднять ее. Это было дико — девушка в яркой летней одежде посреди белого леса. — Нельзя останавливаться, пойдем...

Сверху обрушился ком снега: на верхушке ближайшего дерева умостилась какая-то птица. Я закинул голову, пытаясь разглядеть ее сквозь переплетение ветвей: если опознаю, то, может, пойму, на какой планете мы оказались. Но птица, пронзительно свистнув, скрылась в глубине леса. Мы снова остались одни.

— Даша, пойдем... — Я потянул жену, заставляя ее подняться.

«Бесполезно... — прошептал внутренний голос. — Некуда идти. И незачем. Может, здесь вообще нет людей, а только снег, снег и снег...»

Мы пошли — просто так, в никуда, — когда поняли, что попали в ловушку.

— Ты хочешь сказать, что это не Мерилуна? — все еще улыбаясь, спросила жена. — А что тогда?

— Я не знаю.

— Но я выставляла ее координаты! Посмотрела в справочнике... Вот, у меня записано, — она выта-

щила из кармана шорт бумажку, протянула мне. — Правильно?

Я прочитал цифры, которые помнил наизусть. Кивнул.

— Ну вот! Тогда что? Аппарат неисправен? Или ошибка?.. Вечно с тобой так... — недовольно начала она. И оборвала себя, видимо, стараясь не наговорить лишнего. — Ладно, не важно. Надо вызвать кабинку, а то становится холодно. У тебя есть коммуникатор?

— Нет. Ты же знаешь, что он редко мне нужен, — я виновато пожал плечами. — Вызови со своего.

Будучи государственным служащим, жена всегда была на связи — ведь ее могли вызвать в любой момент. Частенько я ругался на это — звонок обычно раздавался в самое неподходящее время.

— У меня нет... — прошептала Даша.

— Что?!

— Я сняла его, не хотела, чтобы нас кто-то беспокоил...

Я стоял, глядя на нее с разинутым ртом: мы были в зимнем лесу, на неизвестной планете, без одежды, еды и коммуникатора.

Я захлопнул рот и попытался трезво оценить ситуацию.

Кабина пространственника вернется, но только через семь дней. И какого черта я переставил цифры?! Если бы там оставались выставленные Дашей сутки, то мы бы продержались. Возможно. Но целых семь дней?.. Я оглянулся кругом: укрыться было негде.

Сколько мы выдержим? Когда-то я читал о военных пробах: испытуемого в целях проверки на выносливость в трикотажном костюме выставляли на мороз в тридцать градусов. Вот уж никогда не

думал, что сам попаду в такую ситуацию! Здесь, правда, не тридцать. Градусов десять, но и это немало. И костюма нет...

Подопытные из эксперимента, те, которые предпочитали сидеть или стоять, замерзали через полтора-два часа. А вот те, которые двигались, продержались в несколько раз дольше. Значит, нам нужно идти. Шанс, что мы куда-то выберемся — к жилью, к людям, — очень мал. Но если оставаться на месте, то его вообще не будет.

— Пойдем, Даша. — Я потянул жену за руку.

— А... А кабина? Вдруг она появится? — Даше было страшно. И отчаянно не хотелось покидать место, которое, пусть иллюзорно, но было связано с цивилизацией.

— Пойдем. Стоять бесполезно. И холодно. А кабина — ты же знаешь, она появится там, где мы к тому моменту будем находиться.

— Трое суток... — прошептала Даша. — Нам не продержаться трое суток. На морозе, в лесу... Я ведь поставила Мерилуна, возврат через трое суток. Ты же так ее любишь... Хотела сделать тебе приятное...

— Как это? На экране стояла единица... Одни сутки...

— Нет, я точно ставила три, — потерянно покачала головой Даша.

Так. Видимо, жена что-то путает из-за шока. Я-то ясно видел единицу, я же ее менял. Вот дурак! Мог и координаты проверить!.. Я оборвал сетования — сейчас они бесполезны. Главное — выжить. Произнес, успокаивая Дашу:

— Значит, сбой системы. Есть шанс, что заметят и начнут искать. Пойдем. Нам надо двигаться, чтобы дождаться спасателей.

Про семь выставленных суток упоминать не стоило.

— А вдруг они будут искать нас здесь? — все еще сопротивлялась Даша.

— Пеленг идет на нас самих, а не на место, куда мы прибыли, — терпеливо повторил я. — Идем уже.

И Даша неохотно подчинилась.

— Саша! Следы! — Даша бросилась вперед. Жадно вгляделась в оставленные на снегу вмятины.

— Даша... — произнес я медленно. — Прости... Это наши следы.

— Как наши?! Не может быть!

— Видишь, отпечаток подошвы? Это от моей сандалии. А рядом — от твоей...

Вспышка надежда сменилась горьким разочарованием. Даша обессиленно привалилась к ближайшему дереву:

— Мы никогда не выберемся! Я больше не могу!

На фоне красной коры, усеянной морщинками и трещинами, девушка с белой кожей и припорошенными снегом волосами казалась фарфоровой статуэткой. Это было красиво. И страшно.

— Даша, пожалуйста! Пойдем. Ради меня... Ради Ксюши...

— Не могу... — помотала головой Даша и сползла по стволу вниз. — Прости меня, Сашка, не могу... Я — пас...

С момента нашего выхода из пространственника прошло больше тридцати минут. Ноги уже потеряли чувствительность. Руки еще держались. Тело била крупная дрожь. Холодно. Очень холодно. Скоро покажется, что стало теплее, захочется спать... Нельзя останавливаться!

— Даша, Даша... — затормошил я жену, видя, что ее глаза начинают закрываться.

— Иди, Саша... — На ресницах Даши лежал иней. — Я тут посижу...

Мне вдруг тоже захотелось присесть рядом. Отдохнуть. Чуть-чуть, совсем немного...

— Даша! Пойдем! Держись за меня! — Я заставил жену встать, закинул ее руку на свое плечо. Обнял за талию. Двинулся вперед. Она почти висела на мне, едва переставляя ноги.

— Дашенька, Дашутка... — забормотал я. — Не уходи, не оставляй меня одного... А помнишь, как мы встретились? На День святого Валентина... Я пролил на тебя свой компот в студенческой столовой...

— Помню... — Я почувствовал, что она пытается улыбаться. Замерзшие губы не слушались.

Я заглянул ей в лицо: глаза ее были по-прежнему закрыты. Нужно было разговорить ее.

— А помнишь, как предложение сделал?

— Помню... Перед самым экзаменом... Я потом еще едва трояк не получила — ни о чем больше думать не могла...

— А Ксюшка? Помнишь, как я вас в роддоме встречал?

— Веник вместо букета приволок... — рассмеялась Даша. Попыталась рассмеяться. — Я люблю тебя, Сашка... Прости меня... Тебе сложно со мной было... Я все время занята... А сейчас все вот так...

— Дашка, что ты! Это ты прости меня!

Я вел, почти нес ее, запинался, чуть не падал, но каждый раз чудом удерживался на ногах. И отчаянно пытался что-нибудь придумать. Мы шли вперед, а сделали круг. Нехорошо. Надо найти ориентиры. Определить юг и север. Солнца нет, остаются приметы. Муравейники — с южной стороны

деревьев. Но под сугробами их не разглядеть... Снег тает быстрее на южных склонах. Да он вообще не тает! Только сыплется мелкой крупой... О! Смола больше выступает на южной части стволов!

— Не молчи, Даша... — Я, поддерживая жену, попытался осмотреть ближайшее дерево. Даша висела тяжелым кулем.

Вспомнилось не к месту, как на свадьбе, поднимая невесту на руки, я на подначку друзей — не урони, мол — не к месту брякнул: «И не такие мешки носили!» Всю жизнь я был недотепой!

Даша начала сползать вниз. Я попытался подхватить ее, но не удержал — мы оба рухнули в снег. Я забарахтался, кое-как поднялся на колени. Потянулся к Даше. И тут увидел ЕГО! Темные ветви домиком и утоптанная площадка вокруг, припорошенная свежим снегом. Шалаш! Люди! Здесь бывают люди!!!

— Даша, Дашутка! Не спи! — Я кое-как приподнял ее, почти волоком потащил к заветной цели. Те, кто построил это жилище, могли оставить в нем что-то: вещи, одеяло, зажигалку. А если и нет, то мы сможем хотя бы укрыться от ветра и снега. И есть надежда, что люди вернутся. — Дашенька, все хорошо, все обойдется!..

Это был не совсем шалаш. Помесь юрты, индейского типи, временного пристанища охотников... Гибрид. Но здесь имелось все, что нужно: две лежанки с одеялами и даже подушками, место для костра с подготовленным сухим хворостом, котелок над ним. Зажигалка!

Я втащил жену внутрь, закрыл пологом вход. Бережно опустил на одну из лежанок. Даша не шевелилась и не отвечала. Глаза ее были закрыты.

Развести костер! Согреть воды!

Промерзшие руки не слушались. Зажигалка несколько раз выскальзывала из негнущихся пальцев. Но зато сухие ветки занялись с первого раза. Теплые языки пламени осветили темное пространство. Дым уходил вверх в оставленное в крыше отверстие.

Я подхватил котелок, вынырнул наружу, поспешно зачерпнул снега. Заполз обратно. Подвесил котелок над костром. Обернулся к Даше. Ее пальцы на руках и ногах были белыми. Я начал осторожно растирать их.

От костра шло живительное тепло, и я мысленно возблагодарил тех, кто создал этот приют. Чудо, что нам удалось его обнаружить!

Руки Даши начали отогреваться. И мои собственные пальцы постепенно оттаивали, наливаясь болью. Что еще сделать? Как быстрее согреть замерзшего человека? В голове всплыл отрывок древнего, невесть когда просмотренного фильма: моряка, вытащенного из ледяной воды, согревают две проститутки. Своими телами и профессиональными действиями. Прости меня, господи, но годится!

Я поспешно сбросил одежду, стянул задубевшие футболку и шорты с Даши. Лег рядом, накинул сверху два одеяла. Тело жены было ледяным. Я обнял ее, прижался, осторожно погладил шею, грудь... Склонился, вглядываясь в родные черты. Нежно коснулся губами глаз, щек...

Костер грел, воздух наполнялся теплом, и губы Даши, поначалу безучастные, наконец-то дрогнули, отвечая на поцелуй...

— Саша... — прошептала Даша. — Сашенька...

— Что? — произнес я, не открывая глаз. Двигаться не хотелось. Говорить не хотелось. В ша-

лаше было тепло, и мы лежали рядом, переплетясь, словно щенки в гнезде волчицы. В теплой норе посреди дикого леса.

— Сашенька, ты спас меня... — прошептала Даша. Ее губы щекотали мою щеку. — Я люблю тебя...

— Обращайтесь... Всегда рады помочь... — пробормотал я. И добавил: — Я тоже люблю тебя, маленькая... С Днем святого Валентина, кстати.

Все позади. Все хорошо. Мы в тепле, защищены. Костер не погаснет. Горячая вода из талого снега у нас есть. А еда — потерпим. Через семь суток появится кабинка пространственника... А может, еще раньше придут люди, сотворившие это чудесное убежище...

— А я и забыла про Валентина. Никак, это он решил нам помочь... — тихонько рассмеялась Даша. И вдруг замерла, вслушиваясь: — Что это?!

Снаружи раздавался скрип снега.

— Ничего себе! — произнес девичий и смутно знакомый голос. — Дым идет! Эдик, к нам кто-то забрался!

— Не волнуйся, сейчас вытурим... — уверенно отозвался мальчишеский басок.

Мы с Дашей ошалело переглянулись и одновременно бросились к выходу. Она, как всегда, успела первая. Высунула голову и плечи с накинутым одеялом наружу, да так и застыла, стоя на четвереньках. Я одним движением набросил на себя второе одеяло, аккуратно потеснил на выходе Дашу. И тоже застыл.

— Мама?! Папа?! — Глаза дочери, выражая непомерное изумление, занимали пол-лица.

Рядом с ней возвышался плечистый молодой человек с озадаченной физиономией. Я вдруг увидел

нас его глазами: непонятные люди, на четвереньках, закутанные невесть во что...

— Дочь? — первой опомнилась Даша, вскочила на ноги. — Откуда ты тут взялась?!

Я поднялся вслед за женой.

— Ну, родичи, вы даете! — произнесла Ксюша, переводя потрясенный взгляд с меня на мать и обратно. — Я здесь праздную День святого Валентина. А вы что делаете?

— Мы? — пробормотала Даша, судорожно стягивая концы одеяла на груди. — Мы?.. Мы тоже... Празднуем...

— Ага... — глубокомысленно произнесла дочь и оглянулась на молодого человека. — Ну, коль уж так все удачно сложилось... Я хотела бы представить... Папа, мама, знакомьтесь, это Эдик. Эдуард, мой жених.

— Здрассте, — осторожно пробормотал представленный жених, видимо, пытаясь свыкнуться с мыслью, что два стоящих перед ним чучела являются родителями его любимой.

— Что?! — пискнула Даша. — Что?!! Какой жених?

— Мой жених, — терпеливо повторила Ксюша. — Через месяц регистрация. А пока хотели вот отпраздновать. Потому, дорогие родители, я вас очень люблю и все такое, но, пожалуйста, освободите помещение, которое вам не принадлежит. Я понимаю, что здесь уютно, — мы с Эдиком старались. Но, может быть, вы сотворите себе что-нибудь подобное самостоятельно и подальше отсюда?

Даша посмотрела на меня, я на Дашу. Потом, как по команде, мы оба уставились на Ксюшу.

— Дочь, — медленно произнес я. — Самый важный вопрос. У тебя есть коммуникатор для вызова кабинки?

— Папа! — возмутилась Ксюша. — Только такое атавистическое существо, как ты, может отправиться куда-то без коммуникатора! — Она окинула критическим взглядом наш наряд и добавила: — И в таком виде. Мама, у тебя тоже нет?

Даша виновато помотала головой. Мы стояли перед собственной дочерью, как два провинившихся школьника.

— Безответственность! — воскликнула Ксюша. — Я, конечно, вызову пространственник, но в наказание вас следовало бы отправить домой пешком!

— Пешком мы примерзнем к первому же попавшемуся дереву... — пробормотал я, наблюдая, как она стягивает варежки, отдает их жениху и начинает набирать цифры на экране.

— Какое дерево?! — возмутилась Ксюша и спрятала коммуникатор в карман. — Здесь до дома всего двести метров!

— Как?.. Как двести метров? — воскликнула Даша.

— А какая это планета? — тупо спросил я.

— Господи! — укоризненно произнесла дочь. — Родители, а ведете себя как дети! Земля, конечно. А вы что думали?

— Илана... — потрясенно пробормотал я. — Вернее, Мерилуна. Мы же туда собирались...

Я, ища подтверждения, оглянулся на Дашу. Та кивнула.

— Ха! — Ксюша торжествующе посмотрела на жениха. — Понял, почему кабинка пришла так быстро? Ее родители себе вызывали! А ты все: «В честь праздника... в честь праздника...»

Эдик смущенно пожал плечами. Ему тоже все было ясно.

— Координаты перед отправкой надо проверять, папочка! — изрекла дочь ехидно. — Только успели мы послать запрос на пространственник, как нам мгновенный ответ — кабинка на месте. Мы обрадовались — бывает же такое! Задали координаты и на секунду — буквально на секундочку! — отошли за сумками с провизией. Возвращаемся — а кабинки и след простыл! Вызвали по новой, а нам сообщение: ожидание более трех часов. Ну, мы и потопали со всеми баулами пешком.

Плечистый Эдик, у ног которого высились плотно набитые сумки, кивнул, молча подтверждая сказанное.

Через полчаса все закончилось. Воздух около палатки задрожал, обретая очертания и форму.

— Добро пожаловать на борт, — произнес вежливый голос автомата. — Задайте координаты...

Тщательно сверяя каждую цифру и букву, я ввел код. Кокон начал сгущаться. Дочь с новоявленным женихом помахали нам и направились к шалашу.

— Прикольные у тебя предки... — донесся голос Эдика.

— До сих пор, вон, друг друга любят, — хихикнула Ксюша. — Это надо же — в наш шалаш забрались!..

Звуки пропали, отсеченные непроницаемыми стенками пространственника.

— Знаешь, — Даша прижалась ко мне, заглянула в глаза. — А ведь я не на таблетках. Может, у нас будет малыш?..

У меня перехватило дыхание:

— А ты... Ты хочешь?

— Конечно, — уверенно кивнула она. — Дочь совсем взрослая, самостоятельная. Улетит из гнезда... Нужно же нам о ком-то заботиться?

— А твоя работа? — все еще не веря, уточнил я.

— Справимся, — беззаботно махнула рукой жена.

— Ура! — прошептал я. — С Днем святого Валентина!

Кокон качнулся, извещая о прибытии.

АНДРЕЙ ТАРАН

ЛАРА

Они летели семь лет. Семь проклятых бесконечных лет, чтобы достичь мертвой планеты!

Капитан Серебряков заложил руки за спину. Экипаж не должен видеть, как побелели кулаки. Стиснул зубы: до боли, до противного скрипа эмали. Сейчас лучше так — с окаменевшим лицом, молча, внушительно. Потому что капитан не может вопить или мямлить. Капитан обязан держать лицо. Всегда. Без исключений.

— Зондирование Лары завершено, — доложил штурман. — Прикажете озвучить все параметры?

— Не стоит, Илья Романович. С цифрами разберутся специалисты, а нам дайте общие выводы.

— Планета непригодна для заселения. Автоматика фиксирует глобальное пылевое облако в стратосфере, ураганные фронты, разломы тектонических плит, обширную вулканическую и сейсмоактивность. Предполагается недавнее столкновение с гигантским астероидом или кометой. — Штурман замолчал и вдруг прошептал с

обидой: — Как же так, Александр Иванович? Выходит, пока мы летели — Лара взбесилась!

Серебряков вздохнул.

Он прекрасно помнил, какой увидел Лару десять лет назад. Автоматический зонд-разведчик прислал данные по новой планете, и ее изображения мгновенно заполнили выпуски новостей. Тогда на нее любовалась вся Земля. Нежно-бирюзовый шар, плывущий в далеком космосе. С кокетливыми полярными шапочками, с узорами из пушистых облаков, со складчатыми, будто шарпейская мордаха, пятнами материков. В нее буквально влюбились. Все, от академиков до оленеводов, заявляли с уверенностью: да, разумеется мы готовы лететь, мы обязательно заселим Лару!

Ведь она была так похожа на Землю.

Сейчас половину обзорного экрана занял бурый шар — грязный, мерзкий, похожий на перебродившую квашню. Гнусная насмешка над людьми, пролетевшими половину галактики.

Тренькнул вызов внутренней связи:

— Капитан, руководство экспедиции выведено из криоконсервации.

— Отлично, я жду их.

Директор Гулуа ртутным шариком влетел в рубку. Он смеялся и размахивал бутылкой шампанского.

— Официально заявляю на весь освоенный космос: Александр Иванович, вы и весь экипаж «Бесстрашного» — герои! Мы долетели! От лица шестисот семнадцати пассажиров, мирно проспавших этот подвиг, благодарю вас и прошу поднять бокалы... Нет, даже так: я настаиваю! я требую!..

Следом вошли замы: планетолог Лингрейв и доктор социологии Бриджит Лавваль. Они вели себя

сдержанней, тихо поздоровались, но и с их лиц не сходили счастливые улыбки.

— Александр Иванович, не томите! Скорее покажите нам Ларочку, иначе я взорвусь не хуже этого шампанского!

Директор Гулуа расхохотался.

Серебряков кивнул на экран.

Они смотрели на грязно-бурый шар, и лица вытягивались, улыбки исчезли, будто стертые мокрыми тряпками, глаза превращались в холодные льдинки.

— Что это? — еле слышно спросил директор. — Это ведь не Лара, правда? Это другая планета. Наверное, «Бесстрашный» сбился с курса...

Серебряков переключил экраны и вывел стройные колонки цифр:

— Здесь данные последнего зондирования, Давид Шалвович, ознакомьтесь. Я отправил их на Землю, через шесть недель будет ответ.

Пока они читали, капитан следил за реакцией. Планетолог Лингрейв смешно подшлепывал губами. Закончив, он вытащил из кармана личный терминал и принялся перепроверять каждую цифру. Он не поверил, он спешил отыскать ошибку. Бриджит Лавваль вцепилась в спинку кресла, распахнула серо-зеленые глазищи и беззвучно шептала французские ругательства. Зато директор не тратил время ни на пустые надежды, ни на отчаяние. Проглотив отчет мгновенно, Давид Шалвович замер, словно испуганный кролик перед удавом, но тут же поднял ладони и с силой потер лицо — раз, другой, третий. Хлопнул себя по вискам, по щекам, встряхнулся, как мокрый пес.

— Ладно, господа, начинаем работать!

Он сцепил пальцы в замок и, вышагивая вдоль стены, стал проговаривать:

— Итак. Во-первых, на Лару рухнул астероид, обезобразил нашу девочку и включил цепную реакцию: вулканы, землетрясения, цунами — бац! — и планета непригодна для жизни. Временно или навсегда — другой вопрос, сейчас мы обсуждаем текущие возможности. Во-вторых, всем нам известно, что ресурсы экспедиции не рассчитаны на обратную дорогу. По планам заселения «Бесстрашный» должен был спуститься на Лару и превратиться в первичную базу. Его корпус, двигатели и прочие агрегаты демонтировались, после чего специалисты должны были собрать на их основе жилые и промышленные модули, энергоузлы и так далее. Теперь... теперь все умные планы полетели к чертям. Мы не можем начать заселение Лары, а значит, мы не станем разбирать корабль. И тогда вопрос: сможем ли мы вернуться?

Они с надеждой уставились на капитана.

— Нереально, — Серебряков развел руками. — Ресурсов не хватит даже на полноценный разгон, не говоря уже про полет. Корабль тяжелый, четыре пятых массы и объема занимает оборудование экспедиции. Плюс блок криоконсервации с шестью-стами пассажирами. Даже если мы сбросим на Лару все, что привезли, такое количество людей — спящих-неспящих, не важно — продержится на ресурсах «Бесстрашного» от силы полтора года. Нужны внешние источники энергии.

— Солнечный парус?

— Хватит лишь на то, чтобы поддерживать связь с Землей. При этом корабль должен быть на высокой орбите, никаких маневров, кроме минимально необходимых, и экипаж не более трех-пяти человек.

— Выходит, — пробормотала Лавваль, — мы застряли. Тупик. И главное: куда девать шесть сотен

человек? На планете они жить не могут, на корабле тоже, до Земли не долететь...

Гулуа звонко хлопнул в ладоши.

— Верно! Мы не можем жить на Ларе. Но мы сумеем проспать на ней следующие семь лет, пока Земля готовит спасательную экспедицию. Смотрите! — Давид Шалвович бросился к экрану и вывел на него макет корабля. — Криоблок рассчитан как отдельная, изолированная капсула с повышенной защитой. Предполагалось, что если в космосе с «Бесстрашным» что-нибудь случится, у пассажиров будет шанс дождаться спасателей. Это мы и сделаем, но на поверхности Лары — будем ждать. Мы разделимся: корабль останется на орбите, чтобы поддерживать связь с Землей и следить за спящими. А криоблок спустим вниз и подключим к внешним источникам...

— На вулканической и сейсмоопасной планете? — спросил Лингрейв. — Это безумие!

— Дайте, — директор протянул обе руки к планетологу, — дайте мне мысль получше, и я расцелую вас, как брата! Лично у меня других вариантов нет. Рискованно? Да. Каковы наши шансы? Не слишком радужные, признаю. Но они хотя бы есть.

Доктор Лавваль кивнула.

— Предстоит много работы, — мягко сказала она. — Нам потребуются специалисты: геологи, сейсмологи, энергетики, инженеры. Пора будить людей.

— Ресурсы, не забываем про экономию ресурсов! Нужно составить списки. Подсчитать, кто необходим сегодня, а кто — вроде биологов или архитекторов — может спать дальше. Думаю, для спуска криоблока и подключения энергии понадобится человек пятьдесят-сто, не больше...

— Нет, Давид Шалвович, — возразила социолог. — Нельзя разделять людей. Пусть хотя бы пообщаются с близкими. Напоследок. Проснуться должны все!

Пашка открыл глаза. Удивительно: он думал, что не сумеет подняться после семи лет на жестком пластике криокапсулы — тело одеревенеет, затечет, голова обязательно разболится, мысли слипнутся комочками вязкого киселя. Ничего подобного! Проснулся легко и радостно, словно провел ночь в удобной постели. Хотелось вскочить, потянуться; хотелось хохотать и прыгать, вспомнив себя неугомонным малолетним сорванцом.

Пашка повернулся на бок.

Нос уперся в прозрачный пластик. Пашка выдохнул, и на перегородке появилось мутное пятнышко. Он нарисовал пальцем круг, поставил две точки, растянул улыбку-полумесяц. Смайлик, веселая рожица его настроения.

За прозрачным барьером, в соседней криокапсуле, свернулась калачиком его Маринка. Забавный смайлик лег на ее лицо, будто клоунский грим. Пашка ткнул в кнопку над головой; перегородка с тихим шелестом ушла в потолок каюты.

Марина еще спала. Или притворялась. Ее губы чуть приоткрылись, дыхание было тихим, как у ребенка. Тонкие ноздри едва заметно раздувались и опадали. Вдох-выдох, вдох-выдох. Пашка ластящимся котом переполз в ее капсулу. Каштановые локоны разлетелись по изголовью, и одна настырная прядка щекотнула его нос. Как эта удивительная девушка полюбила такого невзрачного парня? Как согласилась стать его женой? Вопросы, на которые Пашка не знал ответа. Всякий раз, любуясь Мариной, он чувствовал, что сам становится чище,

светлее, остроумнее; должно быть, именно такой образ нарисовала жена, а он лишь хочет соответствовать. Стать ее идеалом. Сделать счастливой.

Пашка легонько дунул. Дрогнули пушистые ресницы.

«Притворяется!» — решил он, счастливо агакнул и полез целоваться.

Марина рассмеялась, открыла глаза и стала отбиваться — в шутку, чтобы поскорее проиграть. А он, медведь эдакий, уже прорвался к губам, и перебирал длинные локоны, и ласкал маленькое ушко. Ее руки обхватили Пашкину шею, шаловливая нога обожгла бедро.

Через полчаса они приняли душ, оделись и, взявшись за руки, побежали в столовую. В коридорах было людно. Из криокают выходили будущие поселенцы: по одному, парами, иногда целыми компаниями. Они улыбались и здоровались, мужчины жали руки, женщины обнимались. Лица светились, как будто сегодня наступил очень-очень радостный праздник и все собрались на карнавал.

А что? Так и есть: они долетели!

Пашка с Мариной тоже смеялись, и приветствовали знакомых, и обнимались с незнакомцами. Ведь они наконец долетели! Они проснулись возле Лары; захочешь — только руку протяни! И теперь именно они, все вместе, будут строить здесь новый мир! Такой, какой они сами захотят: счастливый, веселый, теплый!

Уже на входе в столовую толстый дядька подхватил Марину и закружил под радостные визги, а его лопоухий сынишка протянул Пашке лимонное мороженое.

Настроение было прекрасным, просто замечательным!

Ожили динамики:

— Говорит директор Гулуа. С пробуждением, дорогие поселенцы! Сейчас приводите себя в порядок, а к восемнадцати часам прошу всех занять рабочие места. Руководители групп сообщат важную информацию. Прошу никого не опаздывать!

В коридорах заулюлюкали и захлопали в ладоши.

— Знаешь, любимый муженек, — сказала Марина, отдышавшись и отобрав у Пашки десерт, — что самое забавное? Я точно помню, что свадьба наша случилась неделю назад. А на самом деле мы женаты семь лет! С ума сойти, да?

— Угу. Может, пора задуматься о детишках? Красавица дочка в маму и пара конопатых оболтусов в меня?

Она улыбнулась и щелкнула его по носу.

— Очень может быть.

Стивен Лингрейв не спал шестые сутки. Он честно пытался: шел в каюту, принимал душ, ложился в криокапсулу, ныне превращенную в обычную постель, и... перед глазами немедля всплывала осквернённая Лара. Мечта, превратившаяся в смерть.

Еще Стивен не мог ходить по коридорам. Шестьсот человек, так ужасающе много! И пусть среди них нет бездельников, пусть они вкалывают по двадцать часов в сутки — но это ведь корабль, закрытое пространство. Хуже муравейника. Всегда кто-то спешит навстречу, кто-то тащит бумаги, кто-то разговаривает... И все смотрят на него! С печальными улыбками, кивая на бегу или останавливаясь, чтобы пожать руку, — и каждый будто спрашивает: как же так? Ведь это ты, Стивен Лингрейв, наш главный планетолог. Как же ты проморгал этот чертов астероид? Почему не просчитал

вулканы? Неужели сотни людей должны умереть из-за твоих ошибок?

Наверное, было бы легче, если б они возненавидели его. Если бы плевали в лицо, ругали, линчевали, в конце концов. Нет, эти люди надеялись. Они не бунтовали, не искали виновных, не оспаривали приказы, они просто работали как проклятые. Они верили в планетолога Лингрейва, заместителя директора экспедиции. И ждали, что лучший на Земле специалист найдет решение. Обеспечит им укрытие на долгие семь лет, пока не прибудут спасатели. Даст им шанс.

Вот только сам Стивен этого шанса не видел.

Экспедиция обречена. И все они обречены. Это очевидно. Подсчитывать варианты на спасение — так же бессмысленно, как делить на ноль. Сколько времени нужно Земле для их спасения? Хорошо, предположим, что у них под рукой найдется подходящий корабль, второй «Бесстрашный». Пара месяцев — и старт. А дальше? Семь лет полета! Семь! Лет! На корчащейся в судорогах планете! В криокапсулах, замороженные! Бессильные что-нибудь сделать, что-либо изменить! Овощи в консервной банке!

Директор Гулуа развил бурную деятельность. Он прекрасный организатор: загрузил людей работой так, что у них нет времени задуматься над неизбежным. Он умница. Помнится, когда директором назначили не его, Стивена Лингрейва, а пробивного Гулуа, в душе поселился прожорливый червяк. Как же так, почему? Ведь это Стив ведущий специалист проекта, именно он разрабатывал концепцию заселения, им проведены сотни исследований и экспериментов, кому лучше знать Лару... Сейчас он готов жечь свечи всем несуществующим богам за то, что директором стал другой.

А Бриджит Лавваль? Она социолог; на Земле рассчитали, что такой специалист понадобится в первые годы заселения. Но сегодня доктор Лавваль бессильна.

Выходит, из руководства именно он, планетолог Лингрейв, отвечает за то, чтобы маленькая плошка с людьми выжила в бурлящем всепланетном супе.

Семь лет!

Невозможно...

Стивен давно не выходил из расчетного центра. Что-то ел, когда приносили, иногда забывался, откинувшись в неудобном кресле, все остальные часы выстукивал судорожные, отчаянные формулы. Лаял на подчиненных, следил за зондами, рассылал маяки, обрабатывал поступающую информацию — и требовал, требовал, требовал новых данных!

Потому что он все еще оказывался прав.

Им не выжить.

Вчера приходила доктор Лавваль. Долго стояла в стороне, наблюдая за его работой. Потом села рядом, заглянула в лицо.

— Стив, плохо выглядишь. Когда ты спал в последний раз?

Он только усмехнулся.

— У тебя вялые глаза, Стив. — Бриджит помолчала, потом тронула пальцами его ладонь. — Они совсем больные. И ты перестал бриться. Заперся перед мониторами, не выходишь, не разговариваешь с людьми. Я понимаю: работы невпроворот, но ты не просто хороший специалист, ты заместитель директора. Им нужны не только расчеты, им нужна твоя уверенность. Нам всем нужна.

Лингрейв промолчал. Как он должен ответить? Что раскаивается, ведь один раз уже подвел их? Или пожаловаться, что шестьсот чужих жизней — дьявольски тяжкий груз? И что скажет она?

Разумеется, хрупкая женщина с прекрасными зелеными глазами попытается разубедить его, начнет утешать. Дескать, нельзя взваливать на себя такое бремя, никто его не винит, а вероятность столкновения Лары с гигантским астероидом изначально не просчитывалась. Нужно бороться!

Да, нужно бороться. С этим Лингрейв не спорил. И знал, что будет работать до конца. Честно, исступленно, если понадобится — за пределами невеликих человеческих сил. Он отыщет на Ларе чертово пятнышко, которое будет гарантированно надежным в ближайшие семь лет. Все рассчитает, все предусмотрит. И чтобы рядом оказались энергоресурсы. И чтобы оставшиеся на корабле могли отслеживать показания криокамер. И чтобы успевали с ремонтом.

Как он это сделает, если сам не верит? Такого места не существует! Проще ткнуть пальцем наугад. И люди спустятся по указаниям планетолога Лингрейва. Обреченные. Чтобы уснуть с ложной надеждой.

Как, как можно решать за всех?!

За последний месяц у капитана Серебрякова не часто выпадала свободная минута. Удалось вырвать пару часов на сон — и то польза. А можно обойтись, продержаться на таблетках.

Они собственными руками разбирали «Бесстрашный», не то переделывали его, не то уничтожали. Маневровые двигатели вручную перетащили к рубке, создали каркас будущего спутника Лары. Укрепили ангар для орбитальных катеров и малый топливный отсек. Растянули солнечный парус. Расчеты подтвердили, что в таком виде корабль продержится на орбите, а энергии хватит для связи с Землей.

Главный двигатель законсервировали. Здесь его не включишь, а спускать на бушующую планету и переделывать в дополнительную энергоустановку — безрассудство. Если шарахнет внизу — удар астероида покажется легким игривым шлепком.

Пилоты «Бесстрашного» натаскивали добровольцев управляться с орбитальными катерами — с пузатыми транспортниками и с юркими малявками-спасателями. Время от времени спускались на Лару: ученым требовались данные, зонды-автоматы не справлялись. Их осталось немного, штук восемь, остальные сгинули в планетных катаклизмах. Ребятам приходилось лезть в самую круговерть, чтобы прицепить очередной маячок-сканер.

За такими полетами Александр Иванович следил лично.

Сегодня спусков на Лару не планировались. Вокруг корабля сновала тройка малых катеров: тренируются, молодцы. Серебряков вывел на экран списки экипажей. Первым номером стоял Павел Игоревич Коваль. Инженер, геолог, а теперь вот на пилота обучается. Подал заявку, чтобы остаться на «Бесстрашном» в ремонтной команде, а не идти на семилетнюю заморозку. Доброволец. Славный парень, вот только... эх, Павел-Павел-Пашка, зятек ненаглядный. А ты рассказал жене о своих планах?

О том, что на борту его дочь, Александр Иванович не распространялся. Незачем. К тому же за неделю до старта Марина Серебрякова стала Мариной Коваль. В предполетной суете праздновать было некогда, так что немногие на борту знали об их родстве.

Но сегодня Александр Иванович решил проведать дочь.

Капитан постучал, и Марина распахнула дверь. Обрадовалась, прижалась лицом к груди.

— Папка, я так рада, что ты зашел! — заглянула в глаза. — Осунулся, устал... чаю будешь?

Александр Иванович кивнул, улыбаясь.

Дочка засуетилась. Выставила чашки, полезла за сахаром. И говорила, говорила, говорила:

— Как ты там, в своей рубке? А у нас все нормально. Пашка, правда, целыми днями на работе, приходит — с ног валится. Но я понимаю, нужно перетерпеть. Сейчас почти все так. А мы, биологи, не у дел. Принято решение, что в ближайшие годы высаживать растения на Ларе нецелесообразно. Оранжерею законсервировали, семена отсортировали и заморозили. А больше заняться нечем. Знаешь, так странно сидеть без дела, когда все вокруг работают на пределе. Унизительно, и... как будто ты инвалид, требующий ухода. Или того хуже — дармоед. Представляешь? Твоя дочка-биолог — тунеядец!

Потом они сидели и прихлебывали горячий чай из стандартных корабельных чашек. Александр Иванович, по старой привычке, разбавил молоком; Марина любила черный с лимоном. Он спрашивал, как у них в семейной жизни, она отшучивалась, грозила пальцем: папка-папка, я теперь взрослая, у меня свои секреты! Еще он рассказывал, как идет подготовка «Бесстрашного» к семилетнему ожиданию; проговорился, что через месяц запланирован спуск основного криоблока. Марина слушала, кивала, ахала. Но Александр Иванович чувствовал, что мысли ее заняты другим, что дочь недоговаривает. Было слегка обидно, ведь самый близкий ему человечек не хочет делиться секретами.

Но он знал причину.

Когда Серебряков собрался уходить, Марина вздохнула:

— Жаль, что ты не встретился с Пашкой. Посидели бы вместе, по-семейному...

И тогда он брякнул, не подумав:

— Мы виделись. Павел тренируется на орбитальных катерах. Хочет остаться на «Бесстрашном».

— То есть как это — тренируется? — вскинулась дочь. — Почему мне ничего не сказал? Вот еще, тайны мадридского двора, скрывать от жены... Голову ему оторву, когда вернется! Нет, ну надо же, вздумал таиться!

Марина завелась вдруг, с пол-оборота, чего за дочкой не водилось никогда.

Александр Иванович взял ее за плечи, развернул к себе и, глядя в глаза, тихо спросил:

— А ты сама ничего не забыла ему рассказать? — и прежде чем дочь начала отнекиваться, сказал: — Я получил отчет медиков. Чем ты думала, дочка? Забеременеть накануне семилетней криоконсервации. Никто не предскажет последствия, такого еще просто не бывало. На семь лет заморозить эмбрион... Своего будущего ребенка! Моего внука! Как же ты посмела, дочь?

Марина всхлипнула, но голос ее оказался неожиданно тверд:

— Пап, я не пойду на заморозку. Я останусь на «Бесстрашном», вместе с Пашкой, в ремонтной команде. Рожу здесь, сама выкормлю и воспитаю. Ты же капитан, папа, ты мне поможешь остаться?

Серебряков вздохнул и закрыл глаза. Он знал правильный ответ, но выговорить его не мог. И думать о нем не мог. Потом, все потом! Сейчас пусть она надеется. Пусть верит во всемогущего отца. Он капитан «Бесстрашного», он отвечает за всех. Что для него еще одна ноша?

Даже правильно, что решать предстоит ему, капитану Серебрякову, а не рядовому биологу Коваль. Потому что, если случится худшее, Маринка не сумеет простить. Никогда. А виновен всегда тот, кто принял решение. Хорошо, что не она.

Что для капитана еще одна ноша...

Он молча поцеловал Марину в лоб и побрел в рубку. Медленно, ссутулившись, по-стариковски шаркая ногами.

Лара встречала поселенцев.

На миг стихли ураганы — парочка локальных над экватором не в счет — объявили передышку землетрясения, вулканы удержали бунтующую магму в каменных желудках. Океан обленился, пригладил грозные цунами до обычных волн. Пыльные вихри остановили танец спятивших псов, собрались в облака; солнечные лучи отыскали лазейки и коснулись планеты.

Белый шар криоблока спускался на Лару.

Четыре катера-тягача несли его на жесткой сцепке. Медленно, аккуратно, словно игрушку из хрупкого фарфора, — нет, еще нежнее. Как гигантское яйцо, под тонкой скорлупой которого скрыта жизнь этого мира.

Шестьсот спящих жизней.

— Крен по уровню почвы семнадцать градусов. Первый тягач — выравняться! Торопишься, Илья Романович!

Под криоблоком играла цветами пустыня. Бескрайние кварцевые пески текли неспешно, разрисовывали Лару молочными, янтарными, багровыми, сапфировыми узорами; граненые крупинки вспыхивали под лучами; маршалитовая пыль смазывала контуры, превращала пустыню в буйство завитков и вычурных пятен.

— Хорошо идете, молодцы! Погрешность посадки — тринадцать метров, в пределах нормы. Даю отсчет до касания: семь, шесть, пять...

Геологи изрыли пустыню колодцами, пока не решились: здесь! Спрессовали стенки, установили заряды. И сейчас заносили в него шар криоблока. Действительно, будто яйцо в кладку.

— Есть касание, чистая работа. Тягачам — отцепляйтесь!

— «Бесстрашный», тестирование систем завершено, к подрыву готовы.

— С богом, Илья Романович!

На стенках колодца распустились тысячи белоснежных бутонов. Пустыня вздрогнула, задумалась на миг — и вот первые крупицы поползли вниз... собрались в ручейки... двинулся кварцевый пласт — нехотя, еще цепляясь за гребень колодца... быстрее-быстрее-быстрее... и рухнул! Взметнулась маршалитовая пыль, зависла облаком над бывшим колодцем, укрыла криоблок от камер.

Тягачи снизились, ударами реактивных струй расчистили воздух.

Яйцо, начиненное спящими людьми, спряталось под пестрым покрывалом пустыни, лишь цилиндрический шлюз торчал над песками.

— Отлично! Вижу аварийный люк, доступ к криокамерам остался. Со временем засыплет, разумеется, но с песочком мы управимся. Тягачи, варим суп!

Четыре реактивные струи ударили в песок. Катера пошли медленным вальсом, выписывая па вокруг погребенного криоблока. Пустыня вскипела. Раскаленный кварц стрелял огненными сгустками, бурлил, растекался кипящим бульоном. Над гигантским варевом заплясало голубое пламя. Вот жидкие пятна разбухли, протянули друг к другу

пуповины-щупальца; вот слились в единое шкворчащее кольцо. Кварцевые брызги падали на шлюз криоблока, сворачивались каплями и застывали на нем, покрывая узором разноцветных страз.

— Тягачи, вижу грозовой фронт к северо-западу, идет к вам. Поторопитесь!

Катера прильнули к Ларе, затанцевали быстрее. С каждой минутой кипящее кольцо под ними бурлило яростнее, словно пыталось дотянуться до вертких мучителей, схватить их, спеленать.

Небо над Ларой почернело. Тяжелые лиловые тучи шли низко, гнали перед собой волны песка и мусора. Воздух загустел, замельтешил тысячами ветвистых молний. Синие, белые, золотые нити ткали электрические узоры, вспарывали землю разрядами.

Лара превращалась в сварливую ведьму.

— Все, уходите на «Бесстрашный»! Гроза остудит пустыню, спекшийся кварц защитит криоблок лучше всякой брони. Мы успели. Светлых вам снов, люди, и легкого пробуждения! Серебряков Александр Иванович, капитан «Бесстрашного», вахту принял.

— Стивен Лингрейв, планетолог, вахту принял. Светлых снов!

— Баньков Илья Романович, штурман, вахту принял. Короткой ночи!

— Габриэль Макаллен, врач, вахту принял. Спите спокойно, родные!

— Коваль Павел Игоревич, геолог, вахту принял. До скорой встречи!

«Здравствуй, Маринка!

Я понимаю, что письмо спящему — это глупость, но я так соскучился, так одичал без тебя, что не сумел придумать ничего получше.

Мы не очень хорошо расстались. Первая ссора в семейной жизни. Когда проснешься, для тебя это будет, как вчера. Наверное, обида останется. А для меня прошло семь лет, и я уже тысячу раз просил у тебя прощения. И миллион раз пожалел, что тебя нет рядом. Честно-честно. Но разве мы могли по-другому? Так уж вышло, что мое место в ремонтной команде на «Бесстрашном», а тебе лучше переждать в криоблоке. Надеюсь, ты простишь. И меня, и своего папу.

Зато тебе все время двадцать, а у меня уже борода с проседью. К твоему пробуждению я побреюсь, но...

Лучше я расскажу, чем жил последние годы.

Поначалу было тяжеловато. Лара брыкалась, подбрасывала гадости. Мы вечно лазили внизу: чинили, латали, регулировали. Справились. Земля подтвердила, что на помощь вылетел корвет «Стремительный», план по криоконсервации поселенцев одобрила.

Первое время я уставал страшно. Думал, что мороки со мной больше, чем пользы. Если бы не Александр Иванович, вовсе скис бы. Он учил меня, нянчился, как с дитем. Еще мы подолгу разговаривали. О тебе, конечно. И про нашего будущего ребенка. Знаешь, как отец мечтал о нем? Постоянно твердил, что нам с тобой оставляет Лару — обустраивайте! — а сам займется исключительно внуком. Или внучкой, ему без разницы. Потрясающий у тебя папа, Маринка!

Вопреки всем неурядицам, первый год прошел спокойно.

На четыреста пятнадцатый день от начала вахты Стивен Лингрейв спустился на Лару. Сказал, что должен проверить горную цепь к югу от пустыни. Дескать, там фиксируются мощные толчки, как

бы не случилось беды. Он вылетел в одиночку, на малом спасательном катере. Связь оборвалась сразу — тогда на Ларе бушевали пыльные смерчи, сигнал почти не проходил. Через три часа катер вернулся на автопилоте. Пустой. Внутри снимки горной гряды, результаты замеров и исследований. И выдранный из скафандра маячок.

Стива мы так и не нашли, хотя горы эти прочесали вдоль и поперек. Задним числом все сошлись: что-то не так было с планетологом. Работал он, конечно, как заведенный, зато на корабле чудил. То усядется перед обзорными камерами — ночь мог просидеть, не шелохнувшись. То вдруг кинется считать — системы висли от его заданий. И никому ни словечка. Только один раз признался мне: дескать, лично он виновен в провале экспедиции. Я тогда подумал: переутомился Стиви, с кем не бывает? А оказывается, эта мысль его давненько жрала.

Ту цепь назвали Горами Лингрейва.

Капитан запретил одиночные полеты.

В одна тысяча двадцать шестой день с начала вахты разбился катер с Баньковым и Макаллен. Мы видели, как он попал в ураган, как отказали двигатели. Обломки раскидало километров на шесть. Мы собрали почти все, ребят похоронили рядом с криоблоком, в ста метрах к западу.

Знаешь, а ведь Илья Романович решился и сделал Габриэль предложение.

Сходим к ним, когда проснешься, проведаем.

Мы с Александром Ивановичем остались одни. Лара потихоньку успокаивалась, настоящие катаклизмы случались все реже, поэтому мы решили никого не будить. Хуже нет, когда дилетант копается в многоуровневых системах. Могли так напортачить, что никакие спасатели не восстановили бы. Мы не хотели рисковать.

Полгода назад — если быть точным, в две тысячи триста семьдесят второй день от начала вахты — у твоего папы случился инфаркт. Я нашел его в рубке. Александр Иванович сидел в кресле пилота; так в подлокотники вцепился, что я едва оторвал. Но ты не волнуйся: медблок на «Бесстрашном» отличный, папа твой отдыхает в корабельной криокапсуле. Будет оказия — переправим его в настоящую больницу, вылечат.

Еще поиграет Александр Иванович с внуками!

Помнишь, как мы мечтали? Красавица дочка в маму и пара конопатых оболтусов в меня.

Что еще рассказать? Последние полгода были скучные, даже поговорить не с кем.

Лара успокаивается; думаю, через пару-тройку лет можно будет строить.

Кстати, ты не сердись, но я забрался в оранжерею и взял немного семян. Понимаю, что глупость. Не удержался — слетал на поверхность и высадил их. Почти все погибли, но бамбук проклюнулся. Теперь на берегу реки, которая огибает пустыню с вашими криокамерами, есть маленькая зеленая рощица. К тому времени, как ты проснешься, я научусь плести из него мебель. Будет здорово — обставить детскую мебелью из ларского бамбука!

Кстати, я освоил гитару, давно мечтал. Так что поиграю тебе.

Вчера пришло сообщение с Земли:

«Корвет «Стремительный» попал в зону гравитационных аномалий. Полученные повреждения критичны, груз для Лары утерян. Команде «Стремительного» отдан приказ на возвращение. К вам стартует корвет «Быстрый». Какова ситуация на Ларе? Продержитесь?»

Что я мог ответить Земле? Разумеется, продержимся.

Продержусь.

Осталось всего-то семь лет. Две тысячи пятьсот пятьдесят шесть дней. Плюс-минус. Еще слегка поспать. А я прослежу, чтобы тебе ничто не мешало.

Пусть сны твои будут светлые!

Скучаю, обнимаю, целую,

твой Пашка.

P.S. Надеюсь, «Стремительный» вернется на Землю без потерь».

МАЙК ГЕЛПРИН

ДРУГИХ ТАКИХ НЕТ

На исходе третьего раунда Карлосу удался его коронный сайд-кик слева в висок. Противник, звероподобный мулат из Сан-Паулу, на мгновение раскрылся, и Карлос, крутанувшись на месте, провел бэкфист.

— Добей! — взревела публика.

Старый заброшенный склад, временно ставший нелегальным спортзалом, был полон.

Карлос примерился. Удар локтем в затылок в прыжке, и мулата унесут с ринга. Тогда можно будет вернуться домой, к Боните и малышам, и несколько месяцев прожить безбедно.

Он не стал добивать. «Не калечь людей, и люди не покалечат тебя», — учил Карлоса отец, черный верзила и силач, два десятка раз выходивший победителем из поединков вале-тудо — бразильских боев без правил. Отца и вправду не покалечили, а попросту пристрелили в суматохе, когда портовый пакгауз, где проходил очередной бой, накрыла полицейская облава. Полгода спустя вместо отца на ринг вышел Карлос.

Мулат дотянул до конца четвертого раунда, затем из его угла замахали белым полотенцем. Под свист лишенной эффектного зрелища толпы, под оскорбительные выкрики и площадную брань Карлос по проходу двинулся в раздевалку. Наскоро принял душ, растерся. Кривясь от боли, помочился кровью, влез в видавший виды спортивный костюм и пятью минутами позже растворился в душных вечерних сумерках одного с ним цвета.

До дома, ничем не отличающегося от соседних ветхих лачуг, притулившихся к кривым заплеванным тротуарам, Карлос добрался, когда сумерки уже переродились в ночь. Облегченно вздохнул — поход через многокилометровую путаницу форталезских фавел был чреват неприятностями даже для человека неслабого и нетрусливого. В своем квартале, однако, неприятностей Карлос не ждал.

— Эй, парень!

На мгновение Карлос замер, затем обернулся через плечо.

— Чего надо? — грубо спросил он небрежно привалившегося к водосточной трубе долговязого хлыща.

— Я от Акосты.

В форталезских фавелах Акоста считался «большим человеком», его ненавидели и боялись. Поговаривали, что именно Акоста навел полицию на портовый пакгауз, в котором застрелили отца. Карлос подобрался.

— И чего ему надо? — прежним грубым тоном осведомился он.

— В январе ты дерешься с Большим Диего, — долговязый протянул треугольный конверт. — Акоста велел передать: во втором раунде ляжешь. Держи, здесь аванс.

Кровь хлынула Карлосу в лицо, кулаки самопроизвольно сжались.

— Передай Акосте, — медленно, растягивая слова, сказал он, — что может поцеловать меня в задницу. Понял?

Долговязый с минуту молчал, затем сплюнул себе под ноги.

— Мы слыхали, что ты ушибленный на голову, — буркнул он. — Но не думали, что настолько. Порасскинь мозгами с недельку, потом я приду опять.

Карлос презрительно хмыкнул.

— Еще раз придешь — изувечу, — пообещал он.

* * *

Эстель пересекла пыльный, с растрескавшимся асфальтом переулок и остановилась перед зданием школы. Бывшей школы, а ныне пустой бетонной коробки с тремя рядами черных слепых глаз в тех местах, где были окна. По ночам здесь отсыпались окрестные клошары. С рассветом они убирались на промысел, и тогда появлялась Эстель. Ежедневно, ровно в половине девятого, как делала все пять лет, что здесь учительствовала.

Школы в парижских предместьях позакрывали сразу после того, как закон об отмене всеобщего образования вступил в силу. От Эстель избавились так же, как от миллионов других школьных учителей. Еще через месяц от Эстель избавился и Жан-Ив, попросту съехав из крошечной мансарды, которую они снимали вдвоем в относительно благополучном районе.

Эстель поежилась на ветру, плотнее запахнулась в старый штопаный плащ, затем медленно взобралась на школьное крыльцо. Сильные мира сего правы — кому нужно сейчас это образование на

пороге всеобщего краха. Экономический, энергетический и социально-демографический кризисы растерзали мир и теперь неспешно, методично его добивали. Земля перенаселена, ресурсы выработаны или истощены, большая часть населения живет впроголодь. Всеобщая нищета, тотальная безработица, разгул преступности, законы не действуют или неэффективны. Локальные войны, восстания, голодные бунты, резня...

Ставка сделана на космические исследования и программы. Эстель мысленно усмехнулась, вспомнив крикливые, пафосные, оскомину набившие лозунги. «Космос — наше будущее». «Прорвемся к звездам». «Марсианские колонии уже через тридцать лет станут рентабельными!» Как же, станут... А если даже станут, Эстель через тридцать лет будет древней старухой, ей и сейчас уже двадцать восемь. «Программа «Прорыв» — единственная надежда человечества». Эстель хмыкнула. Сенсационная новость шестилетней давности на время всколыхнула мир, вызвав взрывы небывалого энтузиазма. Навигаторы межнациональной программы «Прорыв» обнаружили вход в гиперпространственный тоннель между орбитами Юпитера и Марса. Эстель закусила губу, вспомнив, о чем мечтала тогда. Ей казалось — вот-вот. Еще чуть-чуть — и человечество рванется к звездам. Найдет и заселит иные миры, разом решив социальные и экологические проблемы. Романтичная дура! Год спустя энтузиазм поутих, а затем и вовсе сошел на нет. О погрузившихся в тоннель челноках-разведчиках словно забыли. Программа «Прорыв» по-прежнему функционировала и поглощала новые и новые миллиарды в валютах всех стран. Результатов не было.

Эстель вошла в здание школы. Огибая следы ночной клошарской жизнедеятельности, двинулась по

коридору с голыми стенами в классную комнату. Дети из окрестных кварталов стали подтягиваться к девяти утра — как и в прежние времена. В четверть десятого в классе собралось двадцать пять человек — мальчиков и девочек всех возрастов.

— Садитесь, дети.

Они уселись прямо на пол, и Эстель сосредоточилась, мобилизовалась. Не учить она не могла: преподавание было тем единственным, что она умела, а французская поэзия — единственным, что знала и ради чего жила.

— Сейчас я познакомлю вас с одним из моих друзей, — сказала Эстель негромко. — Его звали Артюр Рембо.

* * *

— Навигатор! Я свяжу вас с господином Ковальски через минуту.

Лицо секретарши на экране видеофона сменилось заставкой. Клим подобрался. Этот день он запомнит на всю жизнь — ему предстоит личный разговор с легендарным Стефаном Ковальски, в прошлом марсианским первопроходцем, а ныне директором программы «Прорыв», первым по значимости человеком планеты. Правда, детям рассказывать о беседе Клим не станет: у него нет и не будет детей, как и у любого пилота-межпланетника с искореженными радиацией хромосомами.

— Соединяю.

Клим вытянулся по стойке «смирно». Вот оно, знакомое каждому узкое костистое лицо с резкими чертами и властным, дерзким взглядом глубоко запавших серых глаз.

— Навигатор Клим Платов!

— Садитесь, навигатор. — Директор программы «Прорыв» глядел на собеседника исподлобья, с прищуром, будто оценивая. — Меня интересует ваше профессиональное мнение. Допустим, космическому кораблю предстоит совершить посадку на планету земного типа. Предположим, управление полностью автоматизировано, но случилась беда: экипаж погиб, на борту — только пассажиры. Какие у них шансы благополучно приземлиться?

От неожиданности Клим сморгнул. Он не знал, зачем понадобился директору программы «Прорыв», и никак не предполагал, что для ответов на гипотетические вопросы.

— Теоретически... — неуверенно начал Клим.

— Теоретические шансы мне прекрасно известны, — прервал Ковальски. — Степень надежности автоматики в моей компетенции. Интересует ваше мнение, навигатор. Ваше личное мнение.

— Зависит от того, куда именно высадка, сэр. Насколько хорошо планета изучена, насколько...

— Это понятно, — вновь прервал директор. — Допустим, общие сведения есть. Размеры планеты, география, напряженность магнитного поля, плотность и состав атмосферы — все известно. Итак?

— Процентов пятьдесят, сэр, — выпалил Клим. — Я думаю, шансы уцелеть у пассажиров снизятся вдвое. Любая внештатная ситуация, и...

— Что ж, — директор энергично кивнул. — Спасибо. Благодарю за службу.

— Служу человечеству, — промямлил Клим уставную фразу в погасший экран.

Получасом позже он поднялся на лифте на крышу стоэтажной свечи в центре Москвы. Вывел из ангара флаер и взмыл над городом. Флаер был его гордостью — роскошью, доступной очень не-

многим — на двигательную смесь уходила значительная часть немалой зарплаты навигатора.

Город внизу походил на подбитый исполинский механизм, центральные системы которого еще функционировали, а периферийные устройства уже потеряли мобильность, ороговели и теперь лишь хаотично дергались. Там был дефицит электричества, дефицит продовольствия, там едва ходил транспорт, а люди жили и умирали по своим, трущобным законам, не имеющим ничего общего со справедливостью и гуманизмом.

Клим был оттуда, из самых низов. За счет стальной воли и отчаянного упорства пробившимся, ухватившим шанс, выпадающий раз на миллион. Сейчас, разменяв пятый десяток и превратившись, по сути, в тренированную, волевую, нелюдимую и бесплодную машину, он зачастую жалел, что этот шанс не выпал кому-то другому.

* * *

Стефан Ковальски по очереди оглядел членов совета директоров.

— Подытожим, — предложил он. — Итак, из четырехсот вошедших в червоточину разведчиков восемь вернулись. Выводы?

Челноки-разведчики уходили в тоннель поодиночке, попарно и группами в течение шести лет. Челноки с порядковыми номерами 39, 97, 101, 184, 215, 300, 322 и 373 достигли противоположного конца червоточины, локализовали экзопланету с условным названием Надежда и вернулись невредимыми. Следов остальных трехсот девяноста двух на выходе из тоннеля не обнаружилось. Сгинули они, расщепившись на атомы или погибли в тоннельных рукавах — было неизвестно. До сих пор эту инфор-

мацию держали в секрете. Полностью ею владела лишь управляющая верхушка программы «Прорыв», частично — полудюжина навигаторов.

— Выводы довольно очевидны, директор, — осторожно проговорил первый зам. — Мы собрались здесь, чтобы принять решение, не так ли?

Выводы и в самом деле были очевидными. Тоннель походил на реку с бурным течением. По течению — от Надежды к Земле — беспрепятственно сплавлялись суда. Те же, что пытались преодолеть реку против течения, с вероятностью девяносто восемь процентов гибли. Перемещение в обоих направлениях происходило мгновенно, только на пути туда оно заканчивалось фатально для каждых сорока девяти из пятидесяти стартовавших.

По данным запущенных к поверхности Надежды исследовательских зондов, местные атмосфера и климат идеально подходили для колонизации, а количеством месторождений полезных ископаемых Надежда многократно превосходила Землю. Экспорт металлов и топлива через тоннель мог стать той самой панацеей, которую человечество безуспешно пыталось найти.

— Единственное решение — колонизация, — озвучил общие мысли второй зам. — Только колонизация с шансами в два процента сродни массовому самоубийству.

— В один процент, — резко поправил Ковальски. — В один! При отсутствии профессиональных экипажей на бортах шансы уменьшаются вдвое, я опрашивал навигаторов.

— Дело в добровольцах, сэр, — бросил первый зам. — Весь вопрос, где их взять.

Стефан Ковальски кивнул. Для создания жизнеспособной колонии, скажем, в две тысячи человек пришлось бы послать на смерть двести тысяч дру-

гих. Да и никакой гарантии, что колонисты станут поддерживать бывшую родину, нет. Особенно в следующих поколениях.

Директор программы «Прорыв» поднялся.

— Принципиальное решение есть, — сказал он. — Через месяц я представлю его проект на утверждение. А пока что... Организуйте мне встречу с психологами. С самыми лучшими.

* * *

Большой Диего был тяжелее, на полголовы выше и шире в плечах. Карлос оборонялся — ушел от прямого удара в голову, отразил хук, за ним джеб, отпрянул к канатам.

— Бей его! — ревела, подбадривая фаворита, публика. — Бей черномазого!

Карлос, улучив момент, бросился Большому Диего в ноги, подсек, перебросил через себя и перевел в партер. Провести болевой прием, однако, не удалось: противник вывернулся, из положения лежа нанес раунд-кик в корпус и, вскочив на ноги, принял стойку. Карлос вновь отпрянул к канатам и ушел в оборону. До конца первого раунда он ускользал, закрывался, увертывался и лишь за пару секунд до гонга, растянувшись в шпагате, нанес фронт-кик в голень. Большой Диего шарахнулся, и Карлосу показалось, что выражение жестокого превосходства в глазах противника на миг сменилось растерянностью...

Гонец Акосты приходил к Карлосу еще трижды, предлагал деньги, уговаривал, потом грозил. Увечить его Карлос не стал, но от всех предложений наотрез отказался. «Не гнись, — учил покойный отец, — ни перед кем: стоит один раз согнуться, и уже не выпрямишься». Карлос не гнулся. Во втором раунде он не

лег. Не лег и в третьем, а в начале четвертого перешел из обороны в атаку. За полминуты до гонга Большой Диего пропустил сайд-кик слева в висок. Последовавший за ним апперкот отправил Диего в нокаут.

До дома Карлос добрался за час до полуночи. Остановился, врос в землю при виде настежь распахнутой входной двери. Затем метнулся в проем. На пороге упал на колени и, обдирая локти, пополз к тому, что осталось от Бониты и близнецов. Обхватил руками голову и завыл протяжно, по-волчьи. Кровь из насквозь прокушенной нижней губы марала латаный спортивный костюм.

* * *

— Эй, красотка!

Эстель, опустив голову, ускорила шаг. Она задержалась в школе и теперь возвращалась в свою убогую комнатушку затемно, в тот час, когда выбиралась из притонов на свет божий окрестная шантрапа.

— А ну постой, тебе говорят!

Эстель метнулась вперед. Побежала, тщась уйти от тяжелого топота за спиной. На перекрестке споткнулась, не удержав равновесия, сунулась лицом в землю. Закричала истошно, отчаянно, понимая, что помощи ждать неоткуда.

Ее схватили за плечи, вздернули, потная заскорузлая ладонь с маху залепила рот. Затем ее тащили куда-то, рвали на ней одежду и по очереди насиловали втроем. Жестоко, в кровь, награждая побоями, прежде чем отвалиться и дать место следующему.

На койке в переполненной палате госпиталя для бедных Эстель пролежала два месяца. Мучительно поднималась и, цепляясь за стены, снова училась пере-

ставлять ноги. Приходил Жан-Ив, плакал, истерил, каялся и предлагал деньги. Эстель отказалась. Приходили родители учеников, приносили кто что мог — сухарь-другой, яблоко, головку репчатого лука. Эстель брала.

К пустой бетонной коробке, оставшейся от старой школы, она приковыляла на второй день после того, как покинула госпиталь. В полдевятого взобралась на школьное крыльцо и, огибая следы ночной клошарской жизнедеятельности, захромала в классную комнату.

— Садитесь, дети, — сказала Эстель в девять пятнадцать утра. — Сегодня я познакомлю вас с одним из моих друзей. Его звали Шарль Бодлер.

* * *

Клим в который раз пробежал глазами файл со служебной информацией. То, о чем сообщало сотрудникам руководство программы «Прорыв», не укладывалось в голове. Информация рассекречивалась. На выходе из гиперпространственного тоннеля-червоточины обнаружена экзопланета, идеально подходящая для колонизации. Условное название планеты — Надежда. На космодромах Земли стартовало строительство грузовозов, предназначенных для доставки к Надежде техники. Одновременно начата срочная сборка пассажирских клиперов для добровольческих команд.

Клим утер вспотевший лоб и вчитался в последние строки. Вероятность успешного достижения цели для пилотируемых клиперов оценивается в два процента, для непилотируемых — в один.

О каких, интересно знать, добровольцах идет речь? Клим вскочил и нервно зашагал по помещению. Человек должен быть не в своем уме, чтобы согласиться рискнуть жизнью с такими шансами. Или

этому человеку должно быть нечего терять — к примеру, если он собирался совершить суицид, а тут такое. Чушь, ожесточенно подумал Клим. Хорошая будет колония: наполовину составленная из суицидников, а на другую — из психов.

Есть еще третий вариант — глупцы. Не способные оценить, что это такое — когда шанс выжить один из ста. В глупцах недостатка не будет. Сколько их предстоит набрать? Сто тысяч, двести, четыреста? Это, пожалуй, вполне возможно. Только колония глупцов немногим лучше, чем психов.

Клим замер. Есть еще одна категория, понял он. Люди, согласные умереть из убеждений. Люди принципа. Люди долга.

* * *

— Ну и задачку вы нам задали. — Светило прикладной психологии оглянулся — двое коллег за спиной согласно кивнули. — Знаете, изучению человеческой психики я отдал многие годы. В особенности — изучению психических отклонений. Через меня прошло множество, с позволения сказать, материала: от маньяков-растлителей и презирающих жизнь религиозных фанатиков до субъектов с патологическим бесстрашием, неспособных оценить опасность. Людей необходимого вам типажа мне тоже приходилось встречать. Но скажу сразу: такие люди — чрезвычайная редкость.

Стефан Ковальски нахмурился, взглянул на психолога исподлобья, с прищуром, будто оценивая.

— Чрезвычайная редкость меня устраивает, доктор, — бросил он. — Важно, что они есть в принципе.

— Есть. Но их крайне мало. Может быть, один чудак на много миллионов обывателей. Двухсот тысяч добровольцев, отвечающих вашим требованиям,

не наберется. Да и к тому же... Понимаете, ведь такие люди — фактически цвет человечества. Его совесть, если угодно. Вы готовы пожертвовать ими?

— Мне не нужно двести тысяч, — отрезал Ковальски. — Сто экипажей по двадцать человек — вот все, о чем я прошу. Не возражайте! — Ковальски протестующе вскинул ладонь. — Остальное — мое дело. Вы можете разработать тесты, чтобы отобрать этих людей?

Светило мировой психологии с минуту молчал.

— Мы постараемся, — сказал он наконец. — Но позвольте все же напомнить: вы наберете экипажи легко и быстро, если предложите вознаграждение. Ради оставшихся на Земле близких множество людей охотно пожертвуют собой.

Ковальски отрицательно покачал головой.

— За вознаграждение такие вещи не делаются, — резко проговорил он. — Нам нужны не просто люди, готовые к самопожертвованию. Нам нужны те, которые сделают это бескорыстно, из убеждений, из принципа. Одинокие. Молодые. Волевые. И убежденные. Вот тогда те из них, кто выживет, не предадут нас, оказавшись в другой Галактике. Они нас не бросят, и дети, которых они вырастят, не бросят тоже.

— Хорошо. В какие сроки нужно провести селекцию?

— В наикратчайшие.

* * *

— Ваше имя, возраст, семейное положение, род занятий.

— Карлос Машадо. Двадцать семь лет, бездетный вдовец, без определенных занятий.

Карлос бросил взгляд на свои облепленные датчиками запястья. Отборщик объяснил, что хитрый прибор, называемый детектором лжи, определит, насколько ответы искренни. Карлос мысленно пожал плечами: лгать он не собирался, да толком и не умел.

— Мы ознакомились с вашей анкетой. Вы пишете, что едва не совершили убийство. Пожалуйста, расскажите подробнее.

— Я хотел поквитаться с человеком, который приказал убить мою жену и детей.

— Как вы собирались это проделать?

— Кулаками. Я хотел забить его до смерти.

— Почему вы отказались от своего намерения?

— Я... — Карлос замялся. — Не знаю. Наверное, я его пожалел.

— Вы уверены? Вы на самом деле пожалели этого человека, а не отказались от мести по другим причинам?

— Нет, — Карлос опустил голову. — Я не уверен. Я выследил его, но не смог... Не сумел убить. Не знаю почему. Извините.

Отборщик сверился с показаниями прибора.

— Хорошо, — сказал он. — Вы отдаете себе отчет, что вам предстоит, если пройдете отбор?

— Да. Отдаю.

— Вам не дорога жизнь?

Карлос задумался.

— Не знаю, — сказал он. — Меня не учили таким вещам. Я хочу жить, но я...

Отборщик не торопил, ждал.

— Но я чувствую, что моя жизнь не имеет большого значения, понимаете? Я не могу объяснить почему.

— Попробуйте все же, — мягко попросил отборщик. — Подумайте: у вас очень мало шансов

уцелеть, всего один из ста. Но если вы уцелеете, вам долгие годы придется тяжко трудиться. Очень тяжко, без выходных, практически без отдыха. На износ. Поэтому я повторяю вопрос: вам не дорога жизнь? Почему вы готовы рискнуть ею, зная, что даже если выживете, вам солоно придется?

Карлос стиснул могучие кулаки.

— Послушайте, сеньор, — сказал он с досадой. — Я, наверное, не очень хороший человек и не очень умный. Кроме драки, я ни на что не гожусь. Но я чувствую, понимаете, я знаю: это дело — мое. Будь я проклят, если понимаю почему. Но оно мое, сеньор! Мое — нравится вам это или нет!

* * *

— Ваше имя, возраст, семейное положение, род занятий.

— Эстель Кампан. Двадцать девять лет, разведена, бездетна, бывшая преподавательница словесности.

— Мы ознакомились с вашей анкетой, мадемуазель Кампан. Вы пишете, что два года назад потеряли работу, затем вас оставил муж. Еще через полгода вы подверглись групповому изнасилованию. Скажите: вам после этого стала не дорога жизнь?

Эстель пожала плечами.

— Что значит «не дорога»? — устало переспросила она. — Жизнь дорога любому. Хорошо, пускай почти любому. Но есть вещи, которые гораздо важнее жизни.

— Даже «гораздо»? Например?

Эстель смутилась.

— Например, французская поэзия.

— Вы отдаете себе отчет, что вам предстоит, если пройдете отбор? Призрачные шансы уцелеть,

и даже если они оправдаются, на новом месте вам будет не до французской поэзии.

— Ошибаетесь. — Эстель внезапно улыбнулась, весело и задорно. — Таких мест, где мне будет не до поэзии, не существует, месье. Есть только места, где поэзии затруднительно обучать детей. К примеру, то место, где я живу. Но затруднительно не означает невозможно.

Отборщик бросил взгляд на детектор.

— Другими словами, вы хотите рискнуть жизнью ради поэзии? Признаться, не слишком понятная позиция.

— Точно, — Эстель кивнула. — Не слишком. Я еще не встречала человека, который сумел бы понять. Но кто знает, вдруг я встречу такого там, в другой галактике? И он вдруг возьмет и поймет, ради чего готова сдохнуть тощая французская дура. Возможно, даже поймет, что поэзия тут особо и ни при чем.

— Вы не очень-то последовательны, мадемуазель, вам не кажется?

— Кажется, — Эстель вздохнула. — Я не очень последовательна, не очень самодостаточна и не очень умна, зато донельзя романтична. Я знаю, что пришла не по адресу, я не подхожу вам. Но у меня есть мечта, это вы тоже навряд ли поймете. Мечта, что все будет как надо, и не спрашивайте меня, что это значит. Спасибо за потраченное время, месье. Я пойду.

Отборщик поднялся, протянул Эстель руку.

— Не спешите, мадемуазель, — сказал он. — За последние месяцы через меня прошло около пятисот человек. Я отказал всем. Но вы... Я думаю, вы пришли по адресу.

* * *

— Ваше имя, возраст, семейное положение, род занятий.

— Клим Платов. Сорок восемь лет, холост, бездетен, пилот межпланетных космических судов.

Селекционер программы «Прорыв» укоризненно покачал головой.

— Ваш поступок заслуживает всяческого уважения, навигатор. Но и удивления тоже. Именно по этой причине мы решили пригласить вас на собеседование. У вас неприятности? Вы чувствуете себя нездоровым? Возможно, вам нужна помощь?

Клим скривил губы.

— Я в порядке и абсолютно здоров, в том числе ментально.

— Тогда по какой причине вы решили записаться в самоубийцы?

— Я счел это своим долгом. Со мной у добровольцев будет больше шансов.

Селекционер поднялся.

— Полноте, навигатор, — сказал он. — Пилотов вашего класса считаные единицы, вы понадобитесь при доставке колонистских клиперов к входу в тоннель, и вам об этом известно. Не стоит рваться в герои там, где героизм ни к чему.

— Не надо читать мне морали, коллега, — резко бросил Клим. — Вы отказываете мне?

— Отказываю.

— Могу я узнать, по какой причине?

Лицо селекционера приняло официальное выражение.

— Вы не проходите по возрастному критерию, соискатель. Можете быть свободны.

* * *

— Еще полчаса...

Карлос обернулся к миниатюрной кареглазой шатенке в соседнем кресле.

— Что вы сказали?

— Нам осталось жить всего полчаса.

Карлос вгляделся. Эстель Кампан, вспомнил он имя соседки. Он еще удивлялся, как такую бледную, тонкую в кости, прихрамывающую замухрышку зачислили в добровольцы. Она выделялась в их двадцатке, словно утица с перебитым крылом в стае гордых и сильных птиц.

Карлоса внезапно заколотило, ему стало страшно. Что за черт, ошеломленно подумал он. Последние недели он упорно готовил себя к тому, что им предстоит, и был уверен, что страх в себе изжил. Усилием воли Карлос унял дрожь. За нее, понял вдруг он. Ему страшно не за себя, а за эту едва знакомую малахольную замухрышку с тонкими пальцами, длинным носом с горбинкой и беззащитными карими глазами. Губы ее беззвучно зашевелились, и Карлос сообразил, что она, по всей видимости, молится перед смертью.

— Не бойтесь, — Карлос поспешно накрыл лопатообразной черной ладонью узкое запястье соседки. — Все будет хорошо, вот увидите. Жаль, что я ни в бога, ни в черта не верю, а то тоже помолился бы с вами.

— Что вы, я не молилась, — девушка вдруг улыбнулась уголками губ. — Я читала стихи. Хотите, и вам почитаю?

— Стихи? — Карлос опешил. За исключением рифмованных детских считалок, никаких стихов ему слышать не доводилось. — Да-да, конечно, хочу, — выпалил он. — Почитайте, пожа...

— Внимание! — не дал закончить фразу зычный голос из динамиков. — Говорит первый пилот Клим Платов. Через двадцать пять минут клипер начнет погружение в тоннель.

Шатенка подалась к Карлосу, тот облапил ее за плечи, притянул к себе и, неуклюже перебирая толстыми пальцами каштановые пряди, забормотал что-то успокаивающее и бессвязное. Он не слушал, о чем говорит первый пилот, это стало уже не важно, а важно стало приласкать, успокоить, передать этой пигалице свою силу, свое бесстрашие, и важнее этого ничего сейчас для Карлоса не было, включая собственную скорую смерть.

* * *

— Все, — второй пилот расстегнул ремни и принялся выбираться из кресла. — У нас есть пятнадцать минут. Надо торопиться. Уходим.

Клим, уперев взгляд в панель управления, молчал. Пятнадцать минут. Пять, чтобы добраться от рубки до пришвартованного к левому борту катера. И еще десять — отдалиться на безопасное расстояние.

— Навигатор, — затряс за плечо штурман.

Клим повернул голову.

— Уходите, — глухо сказал он. — Я остаюсь.

— Что-о-о?!

— Я остаюсь! — с ожесточением повторил Клим. — Уходите, оба! Быстро, ну! Это приказ.

* * *

Меня зовут Бонита Машадо, мне восемь лет. У меня есть шесть мам, четырнадцать пап и дедушка Клим. Еще у меня есть восемьсот двадцать девять старших братьев и сестер, а я очень счастливая, по-

тому что особенная. Моих братьев и сестер родил большой черный ящик, который называется генетический сейф, а меня родила мама Эстель через два года после того, как сюда прилетела.

Мы живем на большущей поляне у реки, а вокруг нас лес, в который ходить нельзя, пока мы не станем взрослыми. Это потому, что в лесу живут звери, и некоторые из них опасны, но на поляну они выходить из леса боятся.

Мои мамы, папы и дедушка очень устают, потому что нас восемьсот тридцать, а их всего двадцать один. Но скоро мы подрастем и станем им помогать, и они уставать перестанут.

Наш мир называется Надежда, потому что на нас надеются люди, оставшиеся жить в другом мире под названием Земля. Они надеются, что мы подрастем и выручим их, потому что в мире Земля много зла, а у нас наоборот. Поэтому они присылают всякую всячину, которая сваливается к нам с неба и которая нужна, чтобы мы выучились всему и начали их выручать.

Как мы будем выручать, я не знаю, и мои братья и сестры не знают тоже, зато знает папа Карлос, большой, сильный и очень умный.

Вчера папа Карлос и мама Эстель стали спорить, почему лететь сюда выбрали их, а не других людей. Потом пришли дедушка Клим, папа Хафиз и папа Альберт и тоже начали спорить. Я слушала, и мне было очень смешно, потому что взрослые иногда бывают глупее детей, даже папа Карлос. Я-то знаю, почему выбрали их, а не кого-то еще, об этом написано в книжках, которые я читаю.

Люди бывают злые и добрые. Злых людей много, а добрых очень-очень мало. Мои мамы, папы и дедушка Клим — они все добрые. Понимаете, добрые! Других таких нет!

ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ

ЧТО СНИТСЯ БЛЭКУ?

Я болен. И болезнь моя почти неисцелима. Это «почти» манит надеждой. И меня, и Станиславу...

А начиналось все теплым летним вечером.

Станислава — моя Замечательная — устало хлопнула дверью и, сбросив с ног ерунду на каблуках, рухнула на диван. Снова целый день на работе маялась! Ох уж эти Замечательные...

Забираюсь на подушку. Трусь носом о свою любимицу, укладываюсь ей на живот. Что я пропустил? Туман опускается черным покрывалом, клубится вокруг усов, щекочет ноздри. Пчхи! Небось, с главарем повздорила? Так и есть! Ладно, сейчас исправим.

Мррр!

С головой окунаюсь в морок, разрываю когтями, отпугиваю урчаньем. А он и не особо сопротивляется. Скользит по водной глади, почти не задевая. Не такая моя Стася, чтобы за спасибо туману отдаться!

Мррр! Мррр!

Туман, мелькнув бурой густотой, отступил, упали на водную гладь жемчужные капли. Заблестели на солнце. Красота! Век бы любовался. Заворочалась на диване Стася, потянулась, прижала меня к груди.

— Котохвост мой черноухий!

«Вот вам и благодарность! Ой, задушишь сейчас!»

— Что бы я без тебя делала?!

«Представить боюсь...»

— Идем, покормлю тебя! — «Наконец-то! — со всех ног мчусь на кухню. — После твоего тумана совсем сил нет».

На пороге она еще раз потянулась. Того и гляди мяукнет! Хвост даю, что в прошлой жизни Стася была одной из нас.

— Вот! Ты ешь, — голос Стаськи разбивает мои думы на осколки, — а я скоро вернусь!

«Куда мы собрались на ночь глядя? Говорю же — кошка...»

Стукнула дверь.

Эх!

Обреченно глотаю паштет с запахом кролика и со всех ног бегу в комнату. Спать! Скорее спать.

Вок-зал. Прогудело огромное нечто. Экс-пресс, понял я. Как поезд, только лучше. Бурлит толпа повседневных человечишек. Ну и создания. Пищат хуже воробьев недодушенных, мечутся туда-сюда, будто туалет им три дня не меняли. И клубится над ними туман — серый, черный, бледно-синий... Лишь кое-где промелькнет огонек, лучик солнца, капля воды... О! А вот и Стаська под дождиком. Стоит возле экспресса. Замечательная моя! Как же она отличается от этой толпы.

— Здравствуй, мама... — Нахал-ветер взлохматил темные кудри, засияли глаза, Стаська обняла высокую смуглую женщину.

И полетели на землю крупные капли, превращая легкий дождик в настоящий ливень.

БАХ! Уронил что-то сосед. Повседневное создание! Сердито отряхиваю с себя остатки сна.

Что здесь матушке понадобилось, а, душа-Станислава? Два года нос воротила от дочери, а теперь вдруг примчалась. А Стаська довольна — досадной вражде конец пришел. Радуется. И застыла за гранью водная гладь. Ждет? Выжидает?

Пытаюсь задремать.

Мама. Поживет у нас. Какое-то время...

Крррхбрррр! Сосед, видимо, решил когти о стены поточить. Непонятно чьи. Чтоб его! Вместе с когтями...

Так значит, мы не в гости, а надолго. Что же так пахнет-то дурно?

Когти. Не кошачьи, нет. У нас не такие. Огромные клинки разрывают вязкую темень. Стася в такси, держит за руку мамашу Викторию. Смеется Ненаглядная. И совсем не замечает нависшей над ними когтистой угрозы. Эх, Стаська-Стаська, где твоя «кошачья» интуиция? А память куда подевалась?

Яркий свет, удирает за поворот нахальная иномарка, из ниоткуда возникшая, скользят колеса по мокрой дороге. Крутится мир перед глазами. Ликует невидимая лапа.

Дотянуться, успеть, перехватить...

Летит автомобиль на встречную полосу. Хлещет по стеклам разгулявшийся ливень. Тянутся кошачьи когти к другим — хищным, безжалостным. Скрипят тормоза. Мчится такси на свидание с другой машиной — мощной, огромной.

МИАУУУАААА!!! — Мой вопль сливается с криками Станиславы и матери и еще с чьим-то воем — жутким, незнакомым.

Дотянуться, еще чуток... Есть! Когти впиваются в хищную лапу с клинками, отбрасывают прочь. Шипит невидимый противник, но возвращаться не торопится. Отступает в ночь, поджав хвост. Крутит руль извозчик, в последний момент спасает свою машину.

Невидимая волна набрасывается на меня псом шелудивым, кубарем лечу с дивана, толком не

успев проснуться. Ффрр! Кажется, лапу подвернул. Ничего, главное — Стася в безопасности. Вроде бы...

Да, она была в безопасности. Дом, Пахнущий Лекарством, вообще безобидное место по сравнению с человеческим миром в целом. Извозчик-то зверя своего железного обуздал, а Стаська не удержалась на сиденье — стукнулась головой о дверцу машины. Извозчик порядочный попался. Довез ее бесчувственную до лечебницы. Даже бумажек — так любимых двуногими — не взял.

Впрочем, очнувшаяся Стася принялась требовать, чтобы ее немедленно доставили домой. Потому как Капитан Блэк сидит голодный. Это она обо мне, если кто не понял! Но суровый двуногий в белом халате на все ее доводы привел единственный аргумент: «Сотрясение мозга средней тяжести». Не знаю, что это значит, но звучит жутко. Не только для меня, но и для Стаси — после загадочной фразы попытки удрать домой прекратились.

Я обо всем из своих снов узнал. Откуда же еще? Мамаше, этой Повседневности, даже в голову не пришло поговорить со мной. Ффррр! И зачем Стаська ее в квартиру пустила? Я понимаю, что мать, но от нее ведь беда одна! За три дня это создание умудрилось свести на нет все мои энергопосты, над которыми я два месяца трудился. Теперь по новой настраивать! А времени в обрез — Стаська в больнице.

Обреченно вздыхаю. Каждый уважающий себя кот должен заиметь в доме минимум один стабильный энергопост и хотя бы парочку переменчивых. Для того чтобы без снов с подопечным связываться. Сны — они сильнее, конечно, особенно если не по-

смотреть, а помочь надо. Но нельзя же дни напролет дрыхнуть?

Стабильных постов у меня три. Было.

Три дня. Всего лишь...

Три...

«Мяу! Не смей! Не смей выгонять меня из ванной! Это не я пол затоптал, это ты душем не умеешь пользоваться! Залила мой пост энергетический. Последний, между прочим. И хоть бы вытерла! Дай восстановлю, дверь открой, дверь, миаааууу!»

Два...

«Эй, существо повседневное! Куда фикус дела? Он должен стоять на ЭТОМ подоконнике! Он часть энергопоста! И не грыз я его, я энергетику выравнивал! Стаськину. Этот пост самый сложный был. Уффф!»

Один...

«И куда мы мостимся? Это моя кровать! Моя и Стаськина! А для твоей антихаризмы кресло раскладное имеется. Фи! — осторожно принюхиваюсь к мамаше. — Это и есть твое биополе? Даже не туман — болото какое-то. Да я через него к Стаське никогда не проберусь. Что значит «брысь»? Я вообще таких слов не знаю! Не смей пихаться! Я должен тут спать! С ней. Ах ты ж...»

Переменчивых постов у меня больше. Опять же — было. Тапочки, сумочки, наши общие со Стаськой игрушки — чем больше разумения с любимым двуногим, тем сильнее переменчивый энергопост. При условии, что некто не запихнет этот пост пес знает куда.

Ай! Мокрой тряпкой! Меня!!! Тоже мне, чистю-ля! Куда? Мявк! Куда меня тащишь? Не смей запирать на балконе! Я не путаюсь под ногами, я обхожу территории! В поисках поста хоть какого-нибудь. МЯУ! Тут же дождь! Уаррр!

В комнате запищала труба говорящая. Стася! Моя Замечательная на связи! Эй, ты, Повседневность ходячая, выпусти меня, ее голос — лучший проводник! Мяу! Оглохла, что ли?

— Привет, Стася! Как ты?

«Мяу!»

— А я твою квартиру убираю. Ужас, девушка, вам должно быть стыдно! Квартира, как у закоренелого холостяка — только бутылок из-под коньяка не хватает. Презерватив и тот нашла один. За шкафом. Нет, неиспользованный...

«Мур! Конечно, за шкафом. А нечего было лезть к моей Ненаглядной на третий день знакомства!»

— Ты же знаешь, у меня просто фанатичная чистоплотность...

«Чего?! Не смеши мой хвост! Ты хоть бы мои миски для смеха помыла! Фррр! Стаська, может, и не вылизывает через день зеркала, но зато при ней я не ел консервы с позавчерашней плесенью...»

— Блэк мявчит, кто ж еще. Нет, не голодный, я его на балконе закрыла. Убирать мешал... Что ему там сделается? Не намокнет! Не знаю, почему тебе не мешает... Хорошо-хорошо, сейчас выпущу, угомонись только.

«Наконец-то! Ррр-мяв! Спасибо, Стася».

Стася, Стася, когда ты уже вернешься и поставишь мамашу на место?

В который раз за последние дни прыгаю на кровать, впиваюсь когтями в плед Замечательной. Хоть один нетронутый энергопост остался, для Повседневности он слишком жаркий. Мррр! Туман на усах. Туман вокруг Станиславы. Вот она, моя драгоценная. Улыбается чему-то. Почти рядом. Белая кровать, запах лекарств, трубки от ка-пель-ни-цы... Муррр! И туман. Клубится вокруг головы. Мур! Мур! Муррр! Впиваются когти в зловещую темень,

отступает морок от Стаськи, забирает с собой ненасытную боль.

— Брысь!!! Не смей портить плед!

«Дура повседневная! А еще мать!»

Потерян туман. Разорвана связь со Стасей. А эта лицо довольное сделала, плед — энергопост! последний! — разглаживает, как родной. От злости и отчаяния шерсть встает дыбом, а когти и зубы сами впиваются в руки обидчицы. Темень перед глазами, вкус крови на языке. Прочь от Ее пледа, бестолковая твоя голова! Ай! Она еще и дерется. Дрянь, дрянь, дрянь! Попадешь ты в беду — ни одна душа на помощь не придет! Я точно и усом не дерну.

В шкаф плед спрятала!

Сворачиваюсь клубком на кровати. А что остается — без единого поста-то? Хорошо хоть спать теперь можно спокойно — Повседневность сейчас ко мне и подходить боится. Раны зализывает на кухне...

Туман над болотом. Клубится черными вихрями. Окутывает утопающую в трясине кровать (откуда на болоте кровать? Откуда в Стаськином сне болото?). Моя Замечательная бредет сквозь туман. Чвакает под ногами трясина. Стася, не ходи туда, не надо! Это плохая кровать! Пожалуйста! Подошла... Присмотрелась. И застыла, не в силах оторвать взгляд от спящей Виктории. Беги, Стаська! Неужели не видишь? Нельзя к ней приближаться! Видит она. Видит то, чего в принципе не может быть. Безголовая лежит Виктория. Но живая. И будто ждет чего-то. Дождалась. Всколыхнулся туман. Забурлило болото. Захлестнуло обеих. А когда рассеялся морок, поднялась мать с кровати. И голова на месте. А Станислава...

Проснись же, Станислава! Проснись, пес тебя за ногу! Ты не должна остаться в этой кровати! ОЧНИСЬ!!!

От ее крика переполошилось полбольницы. «Голова. Это просто потому, что у меня болит голова», — уговаривала сама себя Станислава, вцепившись в одеяло.

«Вам приснился плохой сон, вот, выпейте... Сейчас все пройдет», — вторила девушка в белом халате. Да, Стася, дурной сон, сотрясение мозга средней тяжести, о другом — не думай. Вернешься — подумаем вместе. Спи, мой любимый человечек. Спи.

Протягиваю лапы, раздвигаю туман. Спи, Замечательная. Ты меня не видишь, но я здесь, рядом.

Мррр!

Спи.

И вот тогда я решился. Конечно, я должен был прощупать мамашу, как только она ступила на порог. Но... Вы когда-нибудь окунали лапку или хвост в болото? А теперь представьте, что нырнуть в эту гадость нужно целиком. Не хочется? То-то и оно!

В глубине души я жалел Стаськину мать — жить с такой грязью... Она, небось, только и делает, что притягивает неприятности. И к себе, и к близким. Интересно, что появилось раньше — грязь или Виктория? Вопрос на сотню куриных крылышек. И за ответом идти мне. Прямо сейчас.

Уфрр!

Вязкая жижа подступает к усам. Чавкает у самого носа. Пчхи! Вот она — мама Вика. Мечется по вонючей трясине, не замечая ее.

Люди, люди... Ненавижу людей. И не говорите мне, что все хорошо. Все плохо. Ничего не случилось, просто мне так легче. Хватит врать про свет в тоннеле. Неужели не понятно — я люблю, когда темно.

Смех. Не могу, не могу слышать ваш смех. Хочу туда, где его не слышно.

Чвакает болото, наступает, скрывает все живое.

Цветы. Кто придумал эту весну? Скорей бы осень. Осень. Она одна меня понимает.

Стася! Что за бред ты опять несешь? Какой концерт? Там же одни наркоманы! И на сцене, и в зале. Любовь? Где ты ее видела? Любви нет — только любовные привороты. И те не срабатывают. Удача? Она где угодно, только не с нами. Друзья? Дома надо сидеть, а не по друзьям бегать! Может, друзья тебе и жрать будут готовить?

Расслабиться? Я не алкоголик! А по-другому — не расслабляются.

Станислава! От тебя одни проблемы! Какой из тебя журналист, ты же на бухгалтера училась! Ах, не хочешь в конторе сидеть? Я сижу, а она не хочет! Королева! На панель тебе дорога, а не в журналистику!

Парк. Уйти. В глубь этого парка. Осеннего, промозглого. Там нет людей, нет проблем. Шаг-другой, прогнившие листья под ногами. Тишина. Осень впала в депрессию. Осень плачет выжатым облаком. Женщина смотрит на оголенную землю, мнет в руках пожухлый мокрый лист, улыбается. Одними глазами. Чему-то, понятному только ей.

А болото хрипло каркает, силясь засмеяться в ответ. И чавкает, булькает, поднимается все выше и выше.

Ффф!

Открываю глаза, боясь даже мяукнуть. Лапы кошачьи! За пять с половиной жизней я всякое видал, но ЭТО! Нет, в мире полно озлобленных, обиженных, вечно всем недовольных двуногих, но Виктория... Такое впечатление, что кто-то отщипнул от разных людишек по кусочку тумана, умножил на

десять и впихнул в мамашу. А туман не выдержал и превратился в болото.

Слыхал я что-то о болотниках. В прошлых жизнях. Вспомнить бы... Но сначала Стаську вытащить. Уже семь дней в больнице.

— Ты откуда здесь взялась?

— А вам-то что?

— Тебе рассказать, в чьей ты квартире находишься? Станислава где?

«Мяу! Что за шум с утра пораньше?»

— Нет ее сейчас!

— Значит, я подожду.

«Ну вот, мало было мамы, пришла еще и бабушка. Впрочем, Римма Алексеевна мне как раз нравится... Стаська не в мать пошла, нет, а вот в эту пожилую Даму. С большой буквы «Д». Может, хоть она болотницу приструнит...»

— Долго ждать придется! — И противный же у мамаши голос, словно у двери несмазанной. — Она в больнице.

— Что случилось? — Тень пробежала по благородным морщинам, скользнуло незримое пламя по ледяному айсбергу. — В какой больнице? Почему мне не сообщили?

— Очень вы ей нужны! — взвизгнула Виктория. — Я ее мать, и я с ней! А вы...

— Знаешь что? — ни на полтона не повысила бабушка голоса, только невидимая свеча запылала сильнее. — Ты у меня сына украла, внучку я тебе не отдам! Говори, в какой больнице, или я...

— Ах, угрожать будете! — Виктория уже не визжит — каркает надрывно. — Карга старая! Да я...

Полыхает огонь, бьется о лед, вот-вот прорвется пожаром. Хлюпает где-то болото. Кричит мамаша. Стальным тоном отвечает ей бабушка.

А я за всем этим другую картину вижу. Римму Алексеевну Кшестанчик — столичную интеллигентку, на двадцать лет помолодевшую. Викторию Абамову — провинциальную первокурсницу, умудрившуюся забеременеть от гордости университета третьекурсника Алексея Кшестанчика. Самого Алексея — влюбленного по уши в заносчивую и вечно всем недовольную Вику, которую другие парни тридесятой дорогой обходят. Друзей Лешкиных, отчаянно отговаривающих приятеля от женитьбы: «Ты ослеп, что ли?» — «Вы ее плохо знаете! Когда мы вместе, она смеется! Ей просто нужен кто-то, кто бы ее понял и разбудил... Увидите, она изменится». Римму Кшестанчик с поджатыми губами: «Или эта селючка болотная, или я».

Стоп! От услышанного шерсть становится дыбом.

Селючка болотная... бо-лот-на-я... Неужели Римма Алексеевна знает? Вряд ли, она же — двуногая. Чувствует интуитивно? Внимательно всматриваюсь в Стаськину бабушку — сегодняшнюю. У Станиславы — водная гладь, у мамаши ее болото, а у Риммы Алексеевны — огонь, замурованный в лед. Или — лед, охраняющий огонь? Медленно возвращаюсь на двадцать лет назад.

«Или эта селючка болотная, или я!»

Поджатые губы, колючий взгляд... А за гранью — айсберг. Блестящий, величественный. И никакого огня внутри. Только лед. Не был ли он раньше водной гладью?

— Вот что, голодранка несчастная, — выдохнула наконец Римма Алексеевна, — можешь не говорить ничего. Если Станислава действительно в больнице, я ее по фамилии быстро найду. Благо не Абамовы мы какие-то!

И прежде чем Виктория успела каркнуть в ответ, вышла гордо из квартиры. Хорошо ей! Найдет Стаську — уж она-то найдет! — и в гости приедет. А ты сиди и жди, пока вернется Ненаглядная...

Она вернулась спустя еще неделю. Приехала на такси.

Вошла в квартиру с неизменной улыбкой. За ней вплелась мрачная мамаша. Впрочем, чихать на болото повседневное — Стася дома! Прыгаю Ей на руки, трусь мордой о щеку. Муррр. Наконец-то! Закрываю глаза, вдыхаю родной запах. Как же я соскучился! *Никаких туманов, болот — тем более. Только вода. Гладкая поверхность. И мы со Станиславой танцуем на ней, как фигуристы на льду, летят из-под ног серебряные брызги.*

С ней так всегда — скользит, не размениваясь на сомнения, не глядя вниз, не раздражаясь по пустякам. И даже если оступится, быстро выплывает на поверхность и, отряхнувшись, мчит дальше. А если встанет на пути что-то туманное, ему придется познакомиться со мной. И, уж поверьте, я не оплошаю!

Помню нашу первую встречу. Как она зашла в комнату, и сразу стало светлее. Как я выкарабкивался из тесной коробки и, путаясь в лапах, бежал к ней навстречу, опережая братьев и сестер. Как я обиженно пискнул, услышав растерянное: «Ой, вообще-то я рыжего хотела, но раз этот сам прибежал... Пусть будет черный!» Впрочем, я простил ей это. Разве можно что-то не простить Ей?

Бульк!

Возмущенно фыркаю. Кто посмел оборвать наш со Стаськой танец? Ах да, Повседневность болотная. Опять продымилась вся. М-ня, болото с запахом табака — это нечто!

— У тебя балкон не застеклен!

Стася пожала плечами, улыбнулась:

— Я в курсе!

— Мокро же, — процедила сквозь зубы.

«Что вы говорите?»

— Мамуль, я же совсем недавно переехала. Не все сразу.

— Твой кот меня исцарапал всю!

«Еще и ябеда!» — настороженно прижимаю уши.

— Блэк, как не стыдно?! Он переживал из-за меня... Они же чувствуют. Не сердись, мамочка. Идем завтракать лучше. У нас что-то съедобное есть?

— Да, я картошку поджарила.

Бегу на кухню. За тонким туманным шлейфом, нахально возникшим позади Стаськи.

— Так вот, насчет переезда — расскажи, в каких ты отношениях с Риммой? — проскрипела мамаша, едва за стол уселись.

— Э-э-э... В нормальных.

«Ага. А ты, болото повседневное, чуть все не испортило».

Виктория криво усмехнулась.

— Вот уж не думала, что у нее с кем-то могут быть нормальные отношения. А ты — молодец. За два года сделала то, что мне не удалось за двадцать. Теперь бы дожать старуху!

— Да не старуха она. И... что значит «дожать»?

— Не притворяйся дурочкой! Она квартиру на тебя собирается отписывать?

«Так вот зачем мы пожаловали! Перья неощипанной вороны делить...»

— Мама, я не хочу об этом говорить сейчас. Голова болит!

Еще бы ей не заболеть. Устраиваюсь у ног Замечательной, мурчу. «Котохвост муркотливый», — говорит Стася и чешет за ухом. А я вовсе и не лащусь, я туман разгоняю. Не хочет уходить, мерзость та-

кая. Цепляется за жемчужные капли. Что с тобой, Станислава? Раньше ты так просто мареву не давалась. Даже когда тебя увезли с этим... как его? Аппендицитом! Даже когда у нас еще не было своего жилища и мы ютились по временным. Ох и веселые были деньки!

Фух, разогнал вроде...

— Тьфу ты! Лук сгорел!

«Да неужели? И кто же его спалил?»

— Что? — вздрагивает Станислава. — Ай, не страшно!

— Нет ничего омерзительнее сгоревшего лука! — мамаша скривилась, будто ее пес лишайный в нос лизнул, и выскочила из кухни.

И прекрасно. Стася хоть поест спокойно.

— Мама, уже поздно, давай спать ложиться.

— Я же кино смотрю! И я не виновата, что здесь только одна комната!

— Телевизор можно перенести на кухню...

— Значит, *Я* должна сидеть на кухне? Спасибо за гостеприимство, доченька!

Вздыхает Стаська. Хочет что-то ответить (*ну же, Стася, я ведь знаю, как ты умеешь отвечать, если надо!*), но осекается. Морщится от головной боли. Придется дело в свои лапы брать. Закрываю глаза, нащупываю невидимые нити — не туманные, и даже не человеческие, другие. Вообще-то не положено нам, кошачьим, в рукотворную технику лезть, но... Вот, вот, сейчас... Ай, колется! Уффф! Получилось! Побежала серая рябь по голубому экрану. Прости, Стася, но ящик раздора придется в ремонт нести. Иного способа разрешить ваш спор я не вижу.

— Что за... Станислава, что это?! — Мамаша, едва не плача, прыгает вокруг телевизора, жмет кнопки — все подряд.

М-ня, бедный ящик — мадам Болото сейчас закончит начатое мною.

— Не знаю. Завтра разберемся, давай спать, — и к стенке отвернулась.

Молодец, Стаська!

Потухла рябь на экране. Не утихает другая — на водной глади. И клубится над ней туман.

Эх, выбил меня из сил ваш телевизор.

Ладно, сейчас посмотрим, что можно сделать.

Мур, мур, муррр!..

Заснули мама с дочкой, а мне не спится. Укладываюсь на полу между диваном и креслом, между Станиславой и Викторией. Мурк! Мать и дочь всегда связаны. Вот он, мост драгоценный, незаметный двуногим. Итак...

Уехал Алексей Кшестанчик с невестой в ее городок, так и недоучившись. Виктория ака-де-миче-ский отпуск взяла, потом восстановилась на заочном, а Лешка работать пошел, дабы семью новую прокормить. Хорошо моим братьям-котам — поймал воробья, принес... Ой, отвлекся.

Любил Алексей дочку, а вот Виктории от нее радости немного.

— Орет! Ну чего она орет все время, господи, я же не могу над конспектом сосредоточиться!

— Прекрати ныть, не видишь, я с подругой разговариваю! Не так уж ты и замерзла. Не расклеишься под дождем.

— Что значит «не могу идти в школу»? Какая температура? У тебя же контрольная сегодня! Алексей, скажи что-нибудь. Что значит «пусть остается дома»?!

— Новые туфли купить? Ты еще те не доносила! Леша, заткнись, ты ее слишком балуешь!

— Что ты опять разбила в школе, дрянь безрукая? Кто гнался? Об учебе думать надо, а не с мальчишками наперегонки бегать! Пусть отец идет с директором общаться...

— Это все из-за тебя! Из-за тебя умер отец! Ты его доводила своими выходками, пока у него сердце не сдало. Всю жизнь мне испортила!

— ЧТО ты сделала? В какую газету? А доучиваться кто будет? Ну и ходи с бакалавром, недоучка!

— В столицу собралась? Мать бросаешь, значит? Что ж, едь-едь! Только с этой минуты — нет у тебя матери!

Собирает Станислава вещи, а над ней клубится туман, цепляется за водную гладь. Такой же шесть лет назад окутывал Алексея Кшестанчика. Такой же, только в разы гуще и темнее, не отступает ни на шаг от Виктории. Не отступает. Готовясь вот-вот превратиться в болото...

М-ня, и как Стаська после всего этого сохранила свое серебро, свою гладь водную? Почувствовала вовремя, что нельзя с мамочкой оставаться. А что до тумана — двуногие могут и самостоятельно его сбросить, но только очень сильно встряхнувшись. Переезд в чужой город, в никуда фактически — встряска еще та. Станислава рискнула и победила. Только мамаше все неймется...

— Мама, а давай по городу прогуляемся! Ты уже, небось, и забыла, как наша столица выглядит!

«Да-да, уведи эту Повседневность из дома хоть ненадолго. А лучше — потеряй ее в пути».

Ушли гулять. Фух! Можно спокойно квартиру почистить. Впрочем, недолго длилось мое одиночество. Едва закончил с уборкой, как... Настороженно при-

слушиваюсь к шагам в подъезде. Мяв, Римма Алексеевна пожаловала.

Клацнул замок в прихожей. Та-а-ак, кажется, бабушка и сама не знает, для чего пришла. Смотрит по сторонам озадаченно. Будто вспомнить что-то пытается. Что-то, что уже и забыть пора...

Не смогла Римма Алексеевна простить сына. Сильно на невестку взъелась, сама не поняв за что. Внучку — селючкино отродье — ни разу на руках не держала, ни на одно письмо Лешино не ответила, а он в итоге и писать перестал.

Игорек, младший Кшестанчик, — тот, пока за границу не перебрался, наведывался в гости. Подарки Стаське привозил. Тайком от родителей. То есть думал, что тайком...

Сама же Римма Алексеевна к сыну приезжала всего дважды. Первый раз — когда Стаське пять лет исполнилось. Зачем приехала — сама не поняла. Только с невесткой чуть ли не с порога поцапалась и сразу назад, на поезд.

Второй раз — к Алексею на похороны прибыла. На этот раз ни с кем не ругалась. Да и не разговаривала практически. Стаська шестнадцатилетняя при виде бабки вообще в угол забилась. Фыркнула гостья столичная — чего, мол, еще от дочери селючки ждать? Но внутри что-то кольнуло предательски... Обожгло огнем.

И содрогнулся невидимый айсберг.

Треньк!

Запиликал телефон у Риммы Алексеевны в сумочке. Отогнал видение.

— Да, я пришла, а тут нет никого... Не знаю... Сама запуталась. Ты же помнишь, я когда фамилию в газете увидела...

Ага. Я тоже помню. Как раз заснул в тот момент, когда ворвалась мадам Кшестанчик в редакцию

(Стася моя — кор-ррреспон-ден-том в газете работает) и с гордым видом потребовала предъявить ей «журналистку, пишущую под псевдонимом Станиславы Кшестанчик». Мол, фамилию благородную посмели без спросу использовать. И сразу не поверила, не узнала внучку — как-никак восемь лет прошло с последней встречи. А когда поняла, кто перед ней, развернулась, поджав губы, и удалилась, ни слова не говоря.

Только огонь незримый полыхнул с новой силой.

— Я же тогда ушла, а у самой все в груди сжалось: вдруг больше не свидимся? Две недели маялась, прежде чем осмелилась позвонить в редакцию. Не знала, что ей скажу, не представляла, что она ответит...

М-ня. А еще ты не знала, чего стоило Стаське согласиться на вторую встречу.

— А как я жалела о потерянном времени. Наша ведь кровь — Кшестанчиков. Как я раньше этого не поняла? Я и квартиру готова ей отписать. Но только ей, а не этой лахудре.

Согласен! Лахудре здесь не место. А с квартирой история еще та была. Свиделись бабушка с внучкой, поговорили, потом еще раз, и наконец решилась Римма Алексеевна. Говорит: «Приходи в квартиру нашу жить однокомнатную. А со временем я тебе и вовсе ее отпишу. Все равно ведь пустует — покупали для Игоря, а он как за границу уехал, так там и остался. С квартирой, — говорит, — что хочешь, делай. А что мне с ней делать? — Вздох тяжелый. — Приходи. Она хоть и без ремонта, но жить можно».

А Стаська еще и заупрямилась. Не надо, мол, нам подачек барских! Пришлось вмешаться. Нет, я, конечно, понимаю — гордость, достоинство и все такое, но у меня в глазах уже зарябило от бесконечных смен жилищ. За два года пять штук сменили. Только

обживешься, энергопостов настроишь, территорию наметишь — и снова переезжать. Фррр! Надоело, пес их за горло! Одним словом, я в наших снах со Стаськой потолковал. Переубедил упрямицу. Согласилась. С условием, что не будет бабушка в жизнь ее вмешиваться. Ни при каких обстоятельствах.

А Римма Алексеевна на дерзость ничуть даже не обиделась — наша кровь, говорит!

Не обиделась.

Лишь засияло пламя подо льдом.

И вот, не прошло и двух месяцев после новоселья, как мамаша нагрянула.

Чвакнуло болото. Взялось дымкой. Воняет. А где-то журчит-переливается невидимый глазу ручей...

— Мама, что-то случилось?

— М-м-м?

— Ты уже полчаса меряешь шагами комнату.

— А что мне еще делать? У тебя телевизор поломан!

— Гм... Не знаю. Например, газету с вакансиями почитать. Если ты планируешь остаться в столице, тебе бы работу найти.

Молчит мамаша. Продолжает вышагивать из угла в угол.

— Ма-а-ама! Голова болит. Пожалуйста, хватит топать!

Бурлит болото. Настороженно притих ручеек. Не бойся, милый, я ведь рядом. Хвост трубой, когти — наготове, в обиду не дам! Журчит ручеек...

В понедельник Станислава собралась на работу. Впервые за три недели. Проснулась радостная. Запорхала птичкой по квартире. Любила она газету свою. Вообще, она у меня талант! Прирожденный журналист.

— Я же сплю! Можно тише?

— Извини, мамуль! Сумка упала.

Фыркнула Виктория, в одеяло укуталась. А Стаська радостно к выходу поскакала. Ничего ей сейчас настроение не испортит. Ни мамашино бурчание, ни сон увиденный, да к утру позабытый — ею, но не мною. Все тот же сон — про кровать и болото. Только матери в этот раз не было, зато главарь Станиславы был. Ходил по кровати с надменным видом, брезгливо вниз поглядывая. Боялся ноги промочить.

Эх, Стаська, не вышел бы сон в руку...

Вышел.

Радостная прибежала Стася на работу, да нерадостная ушла.

— Простите, Станислава, не хотели вас беспокоить во время болезни... Нам урезали бюджет. Мы вынуждены сократить некоторых сотрудников, в их число попали и вы.

А в глаза-то главарь не смотрит. Обжечься боится. Только вместо огня лед застыл во взгляде Станиславы.

— Почему именно я? — В голосе — только сухой интерес.

— Станислава, как к специалисту к вам претензий нет, но...

ВЖЖЖЖ!

Вздрагиваю, просыпаясь.

Повседневность жужжалку кухонную включила, комбайн то есть. А у меня связь со Стаськой оборвалась. Впрочем, можно и не дослушивать. У них в редакции — стая, все свои. И только Станислава пришлая была.

Та-а-ак! Минуточку! А что это Повседневность на кухне затеяла? Раньше она интереса к комбайну не

выказывала. Уф, опять в болото лезть. Глаз да глаз за мамашей нужен.

Чвакает болото, клубится туман, и робко пробивается сквозь топи тоненький одинокий ручеек. Чистый, прозрачный. Как остался незамаранным среди этого мрака? Стоит на меже Виктория. В ручей не решается окунуться, но и грязи сторонится.

Стоит у края, с ноги на ногу переминается.

— Что на меня нашло? Она же мне дочь, в конце концов, а я... Телевизор мне понадобился... Черти дернули! Пусть я тресну, если еще раз подойду к тому телевизору!

Звенит ручеек. Настороженно булькает болото.

Мяф!

Подозрительно все это.

— Привет! Я на ужин приготовила что-то особенное... — Кажется, Виктория и сама словам своим удивляется.

Стася недоуменно вскинула брови. Зашла в комнату, плюхнулась на диван.

— Спасибо, я не голодна. Голова болит.

Бедная моя! Прыгаю к ней на колени. Весь день по городу бродила. И ведь не ела ничего! Фррр! Не голодная она, как же.

— Что-то случилось? — Мамаша зашла в комнату с двумя стаканами сока в руках.

Подумав, Стася взяла один себе. Подумав еще немного, рассказала все, что я уже видел.

— Что ж! Будем вместе работу искать! — улыбнулась непонятно чему Виктория.

Трусь всем телом о Стаськин живот, спину. *Впиваюсь когтями в туман* — в том, что сегодня его будет много, я даже не сомневался. Кто угодно в такой ситуации затуманится. Мур-мур-мур! *Окунаюсь с головой в дурманящую черноту, отгоняю коварный морок. С ошметками болотной тины...*

Эх, Стаська, Стаська, боюсь, придется звать подмогу. Ты спи, драгоценная. А я пока поработаю. Та-а-ак, где-то здесь должно быть. На этом стуле сидели, помню. Эх, Повседневность со своими уборками! Все запахи уничтожила. Ага, унюхал. Выхожу на связь! Сложно влиять на малознакомых людей. Но, в принципе, реально. Особенно, когда от малознакомого зависит судьба тебе родного человека.

Мррр!

Кажется, получилось!

Теперь можно и самому поспать.

Он приехал ближе к полудню. Незадачливый владелец зашкафного презерватива.

— Ты мне снилась сегодня, — ответил на удивленный Стаськин взгляд. — Я заезжал к тебе на работу. Почему не сказала, что у тебя проблемы?

— Ты не звонил. — К моей Замечательной вернулся дар речи. — Я решила, что не хочешь меня видеть.

— Глупенькая! Я просто... боялся, что ты сердишься из-за того, что я тогда...

— Глупенький!

И славно. Идите, гуляйте. Вадик, он хороший. На фоне большинства двуногих. Вон светится весь, аж искрится! В прямом смысле. Нет, вам, людям, этого, конечно, не увидеть. Как не видите вы Стаськину водную гладь или мамашино болото. А у Вадьки — тоже вода, только блестит на ней не серебро, а свет. Живой, солнечный, вперемешку с неживым, электрическим. Чем счастливее Вадька, тем больше солнечного. Ударили лучи, разогнали туман Станиславы, заиграли на брызгах жемчужных. Красотища! Отлично — я хоть передохну немного. Давно не уставал так. Уффр!

Если это существо повседневное в ближайшее время никуда от нас не денется... Кстати, о существе. И чего мы опять раненым скунсом по квартире мечемся?

Болото. Ликует, бурлит. И еле-еле просматривается в трясине след от ручейка засохшего.

— Дрянь неблагодарная! Как уехала в столицу, так мать уже и не нужна! Сократили ее. Ах, бедняжка! Может, хоть теперь начнет мать ценить!

Плещется болото. Заляпывает след от ручья. Застыла посреди топей маленькая фигурка — улыбающаяся странной улыбкой темноволосая женщина.

Лапы кошачьи! Стаська! Кого же ты к нам в дом пустила?

Ответ на этот вопрос я искал весь следующий месяц. И чем больше наблюдал за матерью с дочкой, тем меньше нравилась одна из них.

Не взяли Стаську в журнал — журчит ручей на болоте у Виктории. Искренне — уж я-то знаю! — сочувствует она дочери, успокаивает, тортик купила. В утешение. Стаська же места себе не находит, на Вадьку из-за ерунды накричала. Опять поссорились. А ручей на болоте еще шире стал. И мамаша работу нашла — в рекламе молока снимается. Стараюсь я, мурлыкаю изо всех сил, отгоняю туман от Стасеньки. Туман-то уходит, но и воды все меньше становится...

Впрочем, так просто водную гладь не победишь, встрепенулось серебро, заблестело на солнце — недолго пробыла без работы Станислава. Теперь она корреспондент социально-политического ежедневника. Опасная работа, но я же рядом! От недовольных властителей Ненаглядную прикрыть — это вам не с Повседневностью болотной бороться. Вон опять ручей засох, трясиной покрылся.

— Я сегодня с Риммой... с бабушкой говорила. Ты почему ее ко мне в больницу не пускала?

— Донесла-таки, дрянь старая!

Смотрит с холодным упреком Станислава на мать. Смотрит Виктория с трусливым вызовом. Зеленые глаза против серых, почти бесцветных. И тогда я увидел. Даже шерсть дыбом встала. Увидел то, что чувствовал давно, но никак не мог уловить взглядом. В одной из первых жизней слышал я о со-общающих-ся сосудах. С ученым мужем жил тогда. Так вот, смотрю на мать с дочерью, а вижу две вазы, связанные, слепленные родственными узами. В одной — вода, чистая, серебряная, в другой — грязь и болото.

Льется прозрачная вода в соседнюю вазу, вытесняет болото, а оно пытается освободившееся, чистое место занять, да только не пристанет грязь к серебру, возвращается трясина в родной сосуд, а у Стаськи — вместо водной глади островки пустоты сплошные. Словно после нашествия лангольеров. Так ведь, глядишь, и вовсе ничего от моей Замечательной не останется. Оболочка пустая. Это еще похлеще мамаши будет! Не потому ли не выдержало сердце Алексея Кшестанчика?

Мяу! Не бывать этому! Фыркаю брезгливо — не хочется снова в болото окунаться, да выбора нет, пропадает Стаська. Падаю в кресло, засыпаю в момент — мы, коты, это умеем. Заснуть за полминуты, в смысле.

Вот оно — болото. Разрослось за долгие годы. И уже не поможешь ничем. Туман еще можно разогнать, но если человек сам себя до болота довел... Каждый двуногий рождается с совсем крохотным, но озером, а дальше только от человека зависит — в болоте жить, тумане или серебре.

Булькает мамашина грязь, удивленно бурлит у прохода, в серебряную вазу просочиться не может, но и ручеек украденный назад не пускает. Бросаюсь вперед, туда, где трясина с водой встречаются. Всем телом наваливаюсь на чвакающую кашу, невидимую для спорщиц. Уррр!!! Разорвана связь. Сквозь сон слышу, как в комнате закашлялась Виктория. А здесь, на стыке двух стихий, всеми четырьмя лапами держусь за край... гм... трубы болотной, из которой это самое болото прорваться пытается. Зубами и когтями впиваюсь в трубу, сам не зная, что делать дальше. А впрочем, вижу — плавится край, запекается от моей ярости, застывает намертво, перекрывая путь трясине, останавливая ручей. Замерло все. Затихло. Лишь где-то за спиной шумит водопад. Шкурой чувствую его жемчужные брызги. И падаю, падаю...

...падаю с кресла. Мать с дочкой утихомирились. Виктория, откашлявшись, убралась на балкон курить. Стаська, успокоившись, удивленно оглядывается вокруг: «Что это на меня нашло?» У*тих водопад, отшумелся, снова все спокойно на водной глади. А если и остался где кусок тумана, то это мы быстро поправим...*

Окинув взглядом обстановку, начинаю лихорадочно вылизывать шерсть. Болото. Фу! На мне. Везде. За год теперь не отмоюсь! Хорошо хоть Стаська этого не видит. Бррр!

На следующий день молочные хозяева отказались с Викторией работать. Сказали, что их творожок и сметанку должно «более искреннее и живое лицо представлять». Уф! А до этого куда смотрели, интересно? Хотя знаю куда. На ручей ворованный, хоть и не видели его.

Впрочем, мамаша и не расстроилась особо. Не до того ей — увлечение новое у дамочки — в Интернете сидит днями напролет. Самца себе ищет столичного, что ли? Ну-ну!

А вечером мне стало дурно. Аукнулось болото коварное. Слишком часто я бросал ему вызов. Поплыла перед глазами комната, ускользнул ковер из-под лап. Сжалось горло в судорогах.

Мяу-у-у! ПОМОГИТЕ! Да кто ж поможет-то? Стаська на работе, а этой болотнице и дела нет. Сидит, нос в монитор уткнула.

Темнеет в глазах, саднит в горле. Болото не отпускает. Ни людей, ни котов.

Клацнул замок в прихожей!

Наконец-то!

— Там твой кот рыгает!

— Э-э-э... Что?

— МИАУУУ!!!

— Блэк? О господи! — увидела, замерла с ключами в руках. — Мама! Тут же вся кухня в крови!

— А я при чем?

— Но ты же дома! Неужели... А фиг с тобой! — метнулась в комнату за корзинкой.

— Мама, помоги мне! Надо к ветеринару. Такси вызови, пожалуйста! МАМА! Ты слышишь? Оторвись от монитора, у меня кот заболел!

— Да чтоб он сдох, твой кот!!!

Задохнулась от возмущения Стаська. Но ничего не сказала. Только глаза заблестели. У меня же в глазах потемнело окончательно. Смутно помню, как Стася положила меня в корзинку, как выбежала на улицу, села в такси.

Уже по дороге запищала трубка говорящая.

— Помоги мне, — прошептала ей Станислава.

Римма Алексеевна приехала в Дом, Пахнущий Лекарством (а также псиной и хомяками), почти од-

новременно с нами. Наклонилась надо мной, смотрит испуганно,

Горит огонь, под его теплом готов расплавиться ледяной айсберг, стать тем, кем был когда-то...

Когда-то...

Теряя остатки сил, проваливаюсь в сон. Возможно — последний в этой жизни. Цепляюсь за воспоминания Риммы Алексеевны. Пытается отмахнуться бабушка от них («Чего это сейчас такая ерунда лезет в голову?»), но не тут-то было. Смотрит на Станиславу, а видит себя...

Чуть младше Станиславы была Римма, когда полюбила. Искренне, беззаветно. Засияли глаза, заблестела серебром водная гладь. А друзья и родные только пальцем у виска покрутили: как ЕГО можно любить? Он же волк нелюдимый, а не человек. В его мире только одна краска — черная. Не слышит Римма, не видит тумана вязкого, готового в болото превратиться. А он подступает, клубится у края, чавкает трясиной, вот-вот сосуд сообщающийся откроется.

Сильно любила Римма. Настолько, что связь с любимым сравнялась с родственной. А избранник ее... тоже любил. Насколько вообще могут любить болотники.

Соединились две вазы, хлынул блестящий поток на болото, да только не такая Римма Кшестанчик, чтобы серебром разбрасываться. То ли сильнее она была своей будущей внучки, то ли любовная связь все же слабее родственной, но не допустила Римма пустоты на своем озере. Заморозила его, превратила в айсберг. Не прольется лед в сообщающийся сосуд, не пристанет болото к мерзлому серебру.

Прошла любовь, исчез «волк нелюдимый». Только лед и остался. Да ненависть к болотникам, вроде Вики...

Открываю глаза. Вот оно как бывает. Надо запомнить, может, пригодится. В следующих жизнях.

Встрепенулась Станислава — пора в лечебную комнату заходить.

— Его рвало. Кровью.

— Долго?

— Не знаю, я на работе...

Шприцы. Таблетки. Капельницы. Противные штуки. Они мне еще тогда, у Стаси, не понравились. А теперь тем более. Лечебница утром, лечебница вечером. И наконец результаты анализов.

Хотя я и без бумажек все знаю. Не выкарабкаться мне.

Люди называют эту болезнь — панлейкопения. Или просто — чумка.

А мы, коты, не называем ее никак. Смысл в умных словах, когда все сводится к единственному — неисцелимая.

Впрочем, дядька в голубом халате сказал, что попробует помочь. Что мы вовремя обратились, вирус только-только проявил себя, и на этой стадии еще есть шанс. Думаю, он просто побоялся огорчить Станиславу.

И снова уколы, капельницы...

Позавчера уехала мамаша. С вещами. После долгого разговора с Риммой Кшестанчик. Если можно назвать разговором карканье, разбивающееся об лед. Отстояла-таки бабушка внучку. Отомстила через двадцать лет за родную кровь! Удрало болото, поджав хвост. А бабушка с внучкой в тот день еще долго сидели обнявшись.

Полыхнул огонь. Последний раз. И рухнул айсберг, пролился серебром, заблестела водная гладь на солнце.

Вчера мне наконец удалось поесть. Впервые за неделю.

Легче не стало, но Стаська страшно обрадовалась, увидев почти пустую мисочку.

Стаська!

Ты самая замечательная из всех людей, которых я видел. В этой жизни, по крайней мере. А видел я многих — в своих снах, твоими же глазами. Только замечал чуть больше, чем ты. А Виктория из всех вас — самая повседневная. Две абсолютные крайности. И они не притягиваются, складываясь в единое целое, как вы, люди, почему-то привыкли считать, — они разрушают друг друга. Даже странно, что вы — мать и дочь.

Стаська, мне страшно. Не за себя — у меня-то еще три жизни впереди — за тебя. Хотя... Если рядом будет Римма Кшестанчик, я, пожалуй, могу уйти спокойно.

Я разрывал твой туман, а свой — не могу. Слишком уж отдает он болотным запахом. Слишком крепко меня опутал. Я вижу его, могу понюхать, лизнуть даже, а разорвать — нет.

Впрочем, что это?

Всколыхнулся туман. Удивленно всколыхнулся, обиженно даже, так уличный грабитель озирается, увидев, что к жертве неожиданно пришла подмога.

Подмога?

Откуда?

Не замечал я в нашей квартире других котов кроме себя. Или?.. Осторожно поднимаю голову. Стаська сидит рядом, Стаська гладит меня по потускневшей шерсти, Стаська... Стаська *потревожила* туман. Не разорвала, нет. Но всколыхнула, припугнула, заставила растянуться, отшатнуться. Это невозможно. Не видел я, чтобы двуногие были на такое способны! Хотя... Я ведь всегда считал, что Стася — почти кошка.

Замечательная моя!

Вряд ли у нее хватит сил, чтобы самой уничтожить туман. Она ведь его даже не видит. Но — теперь, я в этом уверен — чувствует. Интуитивно, на уровне подсознания. И даже этого хватит, чтобы к диагнозу «неисцелимая» добавилось робкое «почти».

И это «почти» дает надежду.

А значит, у нас есть шанс!

АНДРЕЙ КОКОУЛИН

ВИРУС ЧЕМОДАНОВА

День первый

Проснувшись, Чемоданов вдруг понял: все!

Взгляд его затуманился и прояснился, ладонь прошлась по влажному со сна лбу. Он отнял ее — пальцы вздрагивали.

— Кончено, — прошептал Чемоданов.

Он отвердел лицом, покосился налево — супруги не было. Тогда сказал уже громче:

— Надоело.

Слово растворилось в розовом свете.

Чемоданов откинул одеяло и встал. Его шатнуло, спальня поплыла перед глазами. Все это розовое альковное великолепие, пуфики, обои, салфеточки, черно-белый мохнатый ковер, зеркально-розовое трюмо, глянец телевизора — все это едва не опрокинулось на него, но он подставил плечо, упер его в стену и не поддался.

Дальше было легче.

Чемоданов затянулся в халат с квадратами, ногами нашел шлепки и — плям-плям-плям — прошлепал в санузел. Да, подумалось ему, сегодня же!

Включив душ, он долго регулировал напор и температуру воды, потом долго стоял, ощущая покалывание струек — на макушке, на лице, на шее.

Потихоньку становилось легче, легче, легче.

Вытираясь перед зеркалом, Чемоданов обнаружил у себя решительный вид: упрямо поджатые губы, сведенные через складку брови, растертые до красноты щеки.

И глаза.

Светлое «Все!» было в них. И черно-зрачковое «Кончено!».

Перед супругой, колдовавшей на кухне, он предстал все тем же главным бухгалтером небольшого заводика ООО «Пневмопластпром», каким и был еще вчера, и в то же время совершенно другим человеком.

— Катюш, — сказал он как можно мягче.

Уловив неладное, супруга повернулась от соковыжималки, и в руке ее судорожно брызнула янтарными каплями половинка апельсина.

— Что? Наезд? Налоговая?

— Нет.

— Что тогда?

Чемоданов сел за стол, под обеспокоенным взглядом жены переставил тарелку, покрутил вилку в пальцах, затем потянулся к гренкам.

Взял одну.

— В общем... — сказал он, изобразив лицом то ли сожаление, то ли неудобство. — Решено.

Супруга осторожно опустилась на стул.

— Коля...

— Я решил теперь жить честно, — поднял на нее глаза Чемоданов.

— Это как?

— Вот так, *честно*.

Супруга моргнула.

Чемоданов отломил от гренки кусочек. Грустно прожевал.

— Понимаешь, Катюш, тут как... Я проснулся сегодня — до того обрыдло все, в телевизоре, на работе, на работе, в телевизоре, кругом врут, врут, врут. Я сам все время вру — в отчетах, в зарплате, в прибыли. Не могу больше!

Он провел гренкой под подбородком.

— Ты заболел, да? — с облегчением спросила супруга.

— Нет, — печально ответил Чемоданов. — Я, наверное, уволюсь.

— А я, Коля? А мы?

— А зачем я тебе такой? — повесил голову Чемоданов.

— Нет, ты погоди, погоди. — Катя отложила половинку апельсина в сторону. — Ты просто устал. Тебя Сурен Тимурович заездил, да?

Чемоданов вздохнул.

Супруга подала ему стакан свежевыжатого сока, и он его выпил как лекарство, морщась.

— Может, тебе не ходить сегодня на завод? Я позвоню, что у тебя эти... колики твои...

— Будем честными, — возразил Чемоданов, поднимаясь.

— Не поел ничего.

— Ну и ладно. — Чемоданов притянул супругу к себе и шепнул ей, настороженно затихшей, на ушко: — Но я честно тебя люблю.

— «Люблю» на хлеб не намажешь...

Катя хотела добавить еще про семью, про дачу, но испытала вдруг приступ дурноты, и оказалось, хорошо, что муж обнял, хорошо, что придержал.

Кухня мотнулась перед ней, но через мгновение посветлела и стала прежней.

— Честно, — сказала Катя, глядя на раздобревшую за годы семейной жизни спину мужа.

В носу защекотало.

Визит Чемоданова застал Сурена Тимуровича врасплох.

Сурен Тимурович был морщинистый, седой армянин, разменявший шестой десяток. У него были большие уши, густые брови, грустные глаза спаниеля и совершенно замечательный нюх на неприятности.

От Чемоданова этими неприятностями разило.

— Николай, я, конечно... — Сурен Тимурович потерялся и развел руками. — Вам, собственно... Просто скажите мне, по какому поводу...

— Не могу больше! — выкрикнул Чемоданов, садясь в кресло для посетителей.

Сурен Тимурович печально кивнул. Вид у него сделался слегка рассеянный, словно душой он устремился к далекому заснеженному Арарату.

— А конкретней?

— Устал я от того, что мы проворачиваем! — стукнул себя в грудь Чемоданов. — Воротит, Сурен Тимурович. Давайте честно!

Так, подумал Сурен Тимурович, пятьдесят на счете, акции продать, еще десять, квартира — сто, если по-скорому, э-э-э... что-то есть у Зои...

— Что? — отвлекся он от подсчета, наставив на главного бухгалтера бесцветные, много чего повидавшие спаниелевые глаза. — Что за честно?

— По-белому!

Сурен Тимурович вздрогнул.

— Коля, откуда у вас такие мысли? Хотите в отпуск? На аравийское побережье, в пятизвездочный отель? Я вижу, вам это необходимо.

— Не хочу, — сказал Чемоданов. — Честно.

— Ну хорошо, — наклонил седую голову Сурен Тимурович, становясь еще печальнее, — и как вы это себе представляете? — и тут же жестом остановил открывшего было рот Чемоданова: — Не надо, я сам скажу вам, Коля, как участнику нашей долгой совместной деятельности. Допустим... допустим, мы начнем с вами, только мы с вами, наш «Пневмопластпром», работать честно. Это, извините, никаких связей в муниципалитетах, никаких контрактов, никаких кредитных льгот. Бог с ними, Коля, я думаю. Покрутившись, обойдемся без них. Обороты упадут, конкуренты займут наше место... Бог и с этим! Но неужели вы, Коля, хотите отдать все свое кровно заработанное государству?

— Не все, — нахмурился Чемоданов.

— Все, — улыбнулся Сурен Тимурович. — Нас оберут, Коля. Вы же главный бухгалтер. Тридцать процентов с зарплаты. Мы же будем платить честные зарплаты? Двадцать процентов с прибыли, если она еще будет. Плюс имущество. Если честно, если активы не в офшоре...

— И пусть! — выдохнул Чемоданов.

— Да-да, мы будем честные, но бедные... Это тоже, знаете, Коля, вполне можно вытерпеть. Невозможно терпеть, когда за наш счет будут богатеть другие!

— Государство?

— Государство — это тоже люди, Коля. Чиновники и управленцы. И их родственники, их друзья, друзья друзей и бизнес этих друзей. И получится, Коля, как другу вам говорю, не подумайте, что со зла, что вы сухонький хлебушек жуете, а они с икорочкой, только икорочка — она ваша. То есть вами заработанная и вами же добровольно отданная.

Чемоданов посмотрел на Сурена Тимуровича:

— А если они тоже — честно?

Это было настолько смешно, что у Сурена Тимуровича закололо сердце. А звон, послышавшийся ему в большом ухе, позвал в родное и далекое местечко под Армавиром.

Агарац, ес кез каротум ем...

— Ну что ж вы, Коля!

Самое удивительное, что Сурен Тимурович, как обычно, покинул здание заводоуправления в шесть часов вечера, запер сейф, сдал ключи охране, и больше его никто не видел.

День второй

Чемоданову было легко.

Они съездили к детям на другой конец города, потом смотались на дачу. Катя была то задумчива, то весела.

В ее глазах Чемоданов то и дело ловил странные огоньки.

Возвращались с грядок вечером, усталые, навозившиеся в земле с луком и редисом, с огурцами в теплице.

— Знаешь, — сказала Катя уже на подъезде к городу, — как-то спокойней.

— Ты про что? — спросил Чемоданов.

— Про честность твою.

— А-а...

— Я вот вспоминаю, как нас, пятерых, родители растили. Тоже как-то без особых денег. И в школу по очереди ходили, и одежды на всех не было. И пил отец иногда так... с кулаками за мамой бегал... Выросли же.

В голосе супруги послышалась грусть.

— Ну Кать, ну что ты! — сказал Чемоданов.

Супруга всхлипнула, уткнулась мужу в плечо.

— Жили-жила, — сквозь слезы произнесла она, — а вроде и не жила будто, как в тумане все: деньги, деньги. Только сейчас...

И она зарыдала в голос, содрогаясь и щекоча Чемоданова собранными в пучок волосами.

— Да я и сам, — сказал Чемоданов, — я и сам.

За квартал до дома не повезло.

Белобрысый сержант дорожно-постовой службы махнул жезлом, приглашая остановиться у притулившейся к тротуару служебной автомашины.

— Здравствуйте, — заглянул он в окно, едва Чемоданов притормозил, — нарушаем?

— Сегодня — нет, — сказал Чемоданов.

— Ну как же, — сержант дохнул перегаром, — у меня... на радаре, вот...

Под нос Чемоданову на короткое время сунулся прибор, мелькнул стеклянный кругляшок.

— Видите?

— Нет.

Сержант нашел взглядом осоловелых глаз сидящую на пассажирском сиденье супругу.

— Ну вы-то хоть, — обратился он к ней, — сказали бы своему, что я не отстану. Мне же много и не нужно, — икнув, он поелозил в окне. — Максимум — триста.

— А совесть? — спросил Чемоданов.

Сержант сдвинул брови.

— Ну-ка, выйдем из машины!

Он попытался открыть дверь, потом сообразил, что это невозможно, когда сам он внутри, и полез наружу.

— Из ма... вот черт!

Сержант исчез. И не появился.

Чемоданов переглянулся с супругой и отщелкнул дверную ручку.

— Извините.

Сержант, скорчившись, лежал на асфальте и не двигался. Но едва Чемоданов спустил ногу, пошевелился и поднял голову.

Они встретились глазами.

— Помочь? — спросил Чемоданов.

— Уезжайте. — Сержант обнял прижатые к животу колени. — Уезжайте, ради бога!

Щека у него была мокрая.

— Вы уверены?

— Валите!

Он сделал попытку ударить в дверь ладонью и промахнулся.

— Извините, — еще раз сказал Чемоданов.

— Что там? — спросила Катя.

— Лежит.

— Убился?

Чемоданов подумал.

— Да нет, просто лежит.

Он завел двигатель и, хоть на душе у него и было пасмурно, медленно покатил прочь. В зеркале заднего вида, отдаляясь, уменьшался человек в темно-синей форме, эмбрионом застывший у грязно-белой полосы разметки.

— Митя! — Старший сержант Колымарь чуть не вывалился из служебного авто. — Митя!

— Я, — раздалось глухо спереди.

Как бы не из-под капота.

— Митя. — Колымарь, багровея, выругался. — Где ты там? Нам еще до ларька лететь.

— Здесь. — Голос у поднявшегося Мити был неожиданно трезвый.

— Они тебя ударили, Митя? — всмотрелся Колымарь. — Я же щас на ближайший пост...

Он зашарил вокруг себя в поисках рации, не помня ни номера уехавшего автомобиля, ни даже марки.

Пятно какое-то маячило вроде бы, белоё.

— Не надо.

Сержант дернул дверцу и деревянно сел на заднее сиденье, заставив Колымаря торопливо отпрянуть. Смялась фольга, скакнула вниз пустая бутылка.

Черт знает что примнилось старшему сержанту.

— Митя, они... укусили тебя?

Митя усмехнулся.

Поворот головы — и на Колымаря уставились то ли два глаза, то ли две жутких голубоватых дыры.

— Нет.

— А что? — простонал Колымарь, не понимая.

Напарник вздохнул так, что старшему сержанту показалось, будто над ним смялась в «гармошку» жестяная крыша.

И ответил:

— Совестно. Совестно, Леха, господи...

День третий

Оказалось, Сурен Тимурович перед исчезновением продал завод какому-то заезжему питерцу. Высокий, полноватый, круглолицый, в сопровождении мордоворота-охранника, тот ходил по цехам, которых было всего два, и цепким взглядом обмерял площади.

До формовки труб, установки прокладок, нарезания резьбы и продувки ему не было никакого дела.

— Работайте-работайте, — говорил он оборачивающимся мужикам.

Не успевший уволиться Чемоданов видел его через два окна — заводоуправленческое и цеховое.

И успокаивающие жесты «работайте-работайте» при двигающейся челюсти видел тоже.

Вместо заводика в глазах нового хозяина уже поблескивали зеркальные стены торгового центра. Здесь ошибиться было невозможно.

Так и вышло.

Он вошел в кабинет к Чемоданову шумно, с ходу подав крепкую руку.

— Ты, значит, главбух?

— Я, — подтвердил Чемоданов.

Боль в стиснутой ладони была короткой, но запоминающейся.

— Значит, это... — Новый владелец оглянулся на вставшего в дверях охранника. — Площади у вас хорошие, а заводик, извини, полное дерьмо. Так бизнес не делается.

— А как?

— Что у тебя за еврейские подходцы? — Питерец нехорошо посмотрел на Чемоданова. — Каком кверху! Рассчитаешь всех к концу квартала, так и быть, возьму тебя к себе.

— Но люди...

— А что люди? Будут искать работу. Я не богадельня, содержать задаром не люблю. В трубах этих ваших не понимаю.

Он покопался в карманах.

На стол легла связка ключей с брелоком сигнализации, за ней мягко шлепнулся квадратик презерватива, покатилась мятая бумажка, звякнула скрепка, наконец, была извлечена упаковка мятной жвачки.

Вытряхнутая из упаковки подушечка поскакала через стол к Чемоданову.

— Бери-бери, — кивнул на подушечку новый владелец и достал себе новую. — Мне лень бухгалтера искать, а ты, мне сказали, честный.

Чемоданов отодвинулся.

— Мне нельзя.

— Брезгуешь, да? — скривился питерец. — Ладно. Можешь, значит, тоже, заявление... ну, на выход... по собственному желанию.

— Рабочих не надо бы.

— Тю! Трудовую книжку в зубы...

Чемоданов мотнул головой.

— А справедливость?

— Справедливость? — Питерец зло хохотнул. — Ты вообще кто такой, чтобы мне!.. Это мир такой! Мир, а не я!

Он поднялся и снова сел.

— Где ты был, когда меня пацаны из соседнего района на крышу загнали, а там уже или лети, или прыгай? Где ты был? А когда менты мне... — он стукнул себя по левому боку, — ребро сломали? Когда Генка-Папироса меня за непослушание... Где ты был со своей справедливостью, которой ты мне в нос тычешь?

Чемоданов молчал.

— Что? Нет ответа? — выкрикнул, наклоняясь к нему, питерец. Лицо его покраснело, на лбу, с края, запульсировала жилка. — И справедливости нет! Я всегда сам... Ни одна сука... Родители, те вовсе от жизни оторванные... Этого не может быть, о нас позаботятся, талдычили. Шиш! Их эти наши перемены... они так и не оправились... Похоронил обоих. Я!

Голос его прервался.

Чемоданов смотрел, как он с натугой дышит, как пальцы его тискают скрепку, а затем распрямляют в линию.

— И ты мне... Мне!

Питерец судорожно, порциями, заглотнул сухой кабинетный воздух.

— Извините, — сказал Чемоданов.

— Ты больной? Извинения мне твои, знаешь... — Новый владелец ООО «Пневмопластпром», кривя губы, вновь согнул скрепку. В глазах его застыла влага. — А я? Да пусть работают твои работники! Надо мне! У меня, может, и жизни-то такой, как у них...

Он уронил голову на стол, как-то совсем по-детски закрываясь руками. Плечи его вздрагивали. Уже не слова, что-то непонятное, горловое, обиженное говорил питерец кому-то в столешницу.

Чемоданов оглянулся — у дверей, сев, размазывал слезы по лицу мордоворот-охранник. Что ж они, подумалось Чемоданову, ревут-то?

На скамейке перед домом горбилась соседка.

Услышав чемодановские шаги, она боязливо повернула голову. Моргнула, ожидая, видимо, от него какой-то реплики. На сухом лице застыла гримаса, с какой обычно люди ждут про себя гадостей.

Но Чемоданов прошел молча, и тогда соседка пожаловалась ему в спину:

— Что ж это с людьми-то делается, Николай Иванович?

Чемоданов оглянулся по сторонам, не замечая фатальных изменений. Качались на качелях дети, кто-то ползал по гимнастической стенке. Мамаша катила сине-белую коляску по тротуару. В окне автостояночной будки маячил охранник. Прошел человек с пакетами, прижал магнитный ключ, скрылся в подъезде.

— А что с людьми?

Соседка поджала губы.

— А как с цепи! — сказала она. — Вот каждый норовит обхаять! Эта, носатая, из тринадцатой... — Она замолчала, ожидая, что Чемоданов догадается, про кого разговор, и махнула рукой. — Ой, да вы ее

видели! Из тринадцатой. В лицо мне, что я — гадина, представляете?

Чемоданов не представлял.

— Извините, я вас плохо знаю.

— Татьяна я, Алексеевна. Вон мои окошки. — Соседка качнула кривым пальцем. — А потом из пятидесятой на меня тоже... Будто бы я ее свекрови нашептала!

Она опять умолкла, ожидая чемодановской реакции.

— А вы? — спросил он.

Она потупилась.

— Ну, я... Житейский же был разговор! А у меня фантазия! А она вечно идет с улыбочкой такой! От кого, скажите, Николай Иванович, ходят с такой улыбочкой?

Чемоданов вздохнул.

— Не стыдно?

— Вот! — вскрикнула соседка. — И вы туда же! И вы... А у меня никого...

Она говорила все тише и тише, ее некрасивое лицо теряло жесткость, мягчело, обвисало, делалось устало-несчастным.

— Я никому не нужна. А вы у меня и это отбираете...

— Бросьте! — раздраженно ответил Чемоданов.

— И как жить? — совсем тихо спросила соседка.

Она посмотрела на Чемоданова.

— Честно, — сказал Чемоданов. — Честно. Как с чистого листа.

Чемоданов вдруг открыл для себя: все вокруг говорят о честности, справедливости и совести.

В автобусе, на улице, на работе, наверное, даже дома, в семьях. Он слушал и удивлялся: много в лю-

дях всякого накопилось. Может, как и у него — через край хлынуло.

Подступило к горлу и...

Ну, когда-то же должно было, думалось ему. Иначе-то как? Мрак и ужас. Хоть Катьку спроси, хоть кого.

А так — честно.

День четвертый

Телевизор сошел с ума.

То есть новости в телевизоре пошли с сумасшедшинкой.

Утренний выпуск был полон эксклюзива от местной администрации: и глава, и руководители отделов, будто сговорившись, каялись на камеру.

Сначала признавались, потом каялись, потом обещали, что больше никогда!..

Картинка тряслась, и лица чиновников, напряженно-искренние, с выпученными глазами, то пропадали из кадра, то появлялись вновь. Слышались всхлипы, но Чемоданов не мог поручиться, что это не оператор.

— Мы теперь честно! — доносил микрофон.

— Обязуемся служить!

— И не воровать!

Толстая женщина в брючном костюме, видимо, куратор социальных программ, упав на колени, протягивала сцепленные пальцы в объектив:

— Пособия всем! Всем, кому положено! Пожалуйста!

Затем падала ниц, и волосы ее мели по паркетным плашкам.

Сам глава был насуплен и вещал трубным голосом:

— Мы, всем коллективом, единогласно решили, что пока остаются острые проблемы, будем работать в двенадцатичасовом режиме.

Он поднимал палец.

— Без дополнительной оплаты!

И смотрел на зрителей прояснившимися честными глазами.

— Вот как, — сказал сам себе Чемоданов, стукнув кулаком себя по колену. — Давно пора.

«А если это по всему городу? — подумал он. — А если по области? А если...»

У него захватило дух. Он почувствовал, что становится свидетелем чего-то великого, волнующего, окончательного.

— Катя! — позвал он. — Катя!

Супруга появилась аккурат к репортажу из отделения полиции.

К отделению стояла очередь. Хмурая. Мятущаяся. Полная не самых приятных личностей на фоне кирпичной кладки и распахнутой железной двери. Чемоданов решил сначала, что это стоят к открытию магазина.

Раньше так стояли разве что к пивным киоскам.

Но тут торжествующе влез репортер, и оказалось, что ни к пиву, ни к похмельному состоянию собравшихся ситуация отношения не имеет.

— Удивительное событие происходит сегодня на улице Тоцкой! Очередь у отделения полиции! В чем же здесь дело?

Репортер заглянул в камеру и побежал в люди.

— Что вы здесь делаете?

С хитрым лицом он проткнул микрофоном, похожим на черный леденец на палочке, воздух перед щуплым мужичком в джинсовой куртке.

Мужичок смутился.

На лице его отразилась внутренняя борьба, но затем какая-то твердость появилась в его взгляде, ощущение правоты, правильности, что ли.

— С повинной я. Украл.

— А почему стоите?

— Совестно.

Репортер покачал головой и перепрыгнул к следующему очереднику:

— Вы, наверное, тоже сдаваться?

Очередник, хмурый, рослый мужчина в кожанке, отвернул микрофон в сторону:

— Шел бы ты, парень, отсюда. Здесь все такие.

И очередь закивала его словам.

На заводике кипела жизнь.

Именно так ощутил для себя Чемоданов какую-то вдохновленную суету в цехах и даже в заводоуправлении. Все бегали, все мелькали с какими-то радостными лицами, всех куда-то несло, тащило, толкало.

Все почему-то общались или радостным шепотом, или лозунгами какими-то. Чемоданов и сам заметил за собой.

— Товарищи! Премия — в конце месяца! — восклицал он, если и удивляясь внутренне, то совсем недолго.

Или:

— Лучше трудимся — лучше стране!

С питерцем они сработались замечательно.

Тот пропадал черт знает где, а, появляясь, объявлял одну за другой пугающе хорошие новости:

— Расширяемся! Дали госгарантии! Договорился с областными!

Глаза у него блестели, словно наполированные.

— Мы с тобой, Николай, такую стройку отгрохаем! — зажимал он кулак. — Мы так развернемся! Не торговые центры теперь нужны!

После окончания рабочего дня Чемоданов вместе со всеми шел на захламленный пустырь, и они при свете временного электричества разбирали под третий цех многочисленное железо. Так было честно.

Чемоданов, конечно, уставал зверски, но почему-то чувствовал себя молодым. Неполные пятьдесят лет — чушь, молодой он, безусый.

Ближе к полуночи тающая толпа заводских тянулась к центру города, они пели, перекликались с такими же толпами с других производств и расходились по домам.

Дома Чемоданова ждала Катя и в десятый раз подогретый ужин.

Ночью, во сне, Чемоданову было горячо, он метался, губы его были сухи, а пальцы сжимались в кулаки, словно он что-то давил там, в неведомой тьме расторможенного подсознания.

День пятый

День выдался выходным.

Свежий октябрь шевелил шторы, сонное солнце заглядывало в раскрытое Катей окно.

Телевизор сыпал новостями, будто шрапнелью, и за завтраком Чемоданову стало совершенно ясно, что перемены добрались и до столицы.

Сначала показали заунывное интервью с каким-то банкиром. Банкир был похож одновременно на Сурена Тимуровича и на черепаху.

С черепахой его роднил серый пиджак-панцирь и морщинистая длинная шея. С Суреном Тимуровичем — кустистые брови и унылое выражение лица.

— Понимаете, — говорил банкир. — Без лжи жить нельзя. Все лгут. Вся жизнь любого человека состоит из лжи, большой или маленькой, из компро-

миссов с родственниками, знакомыми, незнакомыми людьми или с самим собой. Подумайте, даже у детей есть период, когда они открывают для себя возможность обманывать. И пользуются этим! И вдруг...

Он тяжело, неодобрительно, удивленно качал головой.

— Наш банк вряд ли сможет работать в таких условиях...

Он глядел в камеру, и в его глазах мелькал осторожный испуг.

— Ведь прибыль или банковский процент, получается, тоже ложь. Обман. И как прикажете обойти данную проблему? Ох нет, — шея пряталась в черепаховый ворот, — мы уходим с рынка. И, поверьте, не мы одни...

Репортажи затем посыпались один за другим.

Из Думы. Из Газпрома. Из Генеральной прокуратуры.

Чемоданову казалось, что-то живое, слипшееся желаниями людей, слепленное ими, ворочается, проснувшись, и входит в силу.

Коротким эпизодом с экрана выстрелило происшествие на ВДНХ.

Какой-то растрепанный, донельзя возбужденный человек лет сорока грозил небу газовым пистолетом. Вокруг него образовался молчаливый круг из любопытных, сочувствующих и подоспевшего наряда полиции.

— Где он? — орал человек, размахивая руками. Из-под дорогого плаща выглядывали мятые брюки. — Где эта тварь, что такое сотворила? Всю жизнь мне испоганила!

Щеки его тряслись.

— Это не просто так! — кричал он, аккуратно прихваченный полицейскими под локти. — Это болезнь! Честность — это болезнь! Вы все больны!

Он указывал на зрителей пальцем, и Чемоданова на миг обожгло холодом — палец выпрямился прямо в камеру, на него.

Но дальше... дальше началась какая-то странная, безумная, восхитительная жизнь.

Чемоданову позвонили забытые друзья, извинялись, просили прощения за старые обиды, извинялся и Чемоданов.

Дети стали гостить чаще, внуки с внучкой бегали из комнаты в комнату, пыхая и тых-тыхая, и честно валились на ковры, если считалось, что их убили.

Впереди маячила такая куча дел, что Чемоданову становилось страшно и азартно и как-то даже весело, что ли.

Ах, куча, куча, куча!

Вечерами они гуляли. Всей семьей.

Тротуарами и набережной. Под желтыми яблоками фонарей. И всюду гуляли тоже. Улыбались. Знакомились. Текли живыми ручейками.

Весь город. Думалось, что и вся страна. И весь мир даже.

Разве я болен? — спрашивал себя Чемоданов. Конечно же нет.

Рядом шла Катя.

Рядом сын нес на плечах внука, внук кричал: «Ур-ра!», дочь катила коляску, ток-ток — подскакивало на выбоинках колесо.

Вдали румянились остаточным светом облака.

А в груди Чемоданова шевелилось огромное, казалось бы, потерянное с годами чувство. Бескрайнее, как небо. Бесконечное.

Счастье.

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

НАД НЕБОМ ГОЛУБЫМ

Добраться в межпространственной кабине до другой планеты может только один. Таков закон. Больше — это уже толпа с ее бессвязными мыслями, спутанными стремлениями и мечтами. Подпространство не ответит резонансом на помыслы нескольких людей. Путешествия в нем — удел одиночек.

Ты сидишь, пристегнутый ремнями к креслу, и отсчитываешь мгновения до старта. В твоей душе шевелится страх — мелкий противный страх, который ты пытаешься скрыть от самого себя. Говорят, что подпространство заглядывает в саму сущность человека, выворачивает его мысли наизнанку и приводит в тот мир, которого путешественник достоин. Что, если у тебя ничего не получится и ты создан для другого?

Ты хотел быть как все межпространственники — не лучше и не хуже. Я вернусь, говорил ты Лидии на прощание. Я только открою свой мир и шагну обратно, успокаивал ты себя.

Для этого нужно лишь искренне мечтать и верить. И тогда ты приведешь кабину к миру, пригодному для колонизации. Создашь дорогу для поселенцев.

Минута до старта. Ты закрываешь глаза. Пальцы впиваются в подлокотники, и мысли скачут, сбиваются, перепрыгивают с одного на другое, не позволяя сосредоточиться на главном. Пусть твой мир будет самый красивый, с водопадами и чистыми реками. С белыми птицами в вышине и зверьками, смешными, словно плюшевый медвежонок из детства.

Потом ты чувствуешь, как вздрагивает кабина от электромагнитного импульса и проваливается в иное измерение, оставаясь на месте. Тебя подхватывают

межпространственные течения, и в мыслях ты уносишься ввысь, по ту сторону голубого неба.

«Ну что, салага, сдрейфил?» — ухмылялся Жан, когда ты встретился с ним утром незадолго до твоего путешествия. Жан дважды нырял в подпространство. На его счету две открытые планеты, две новые колонии.

Сдрейфил. Но назад дороги нет. Все тесты пройдены, ты соответствуешь среднестатистическим данным мечтателя.

«Главное четко представлять, что ты хочешь увидеть, и все получится».

«Жан! Что это значит на практике — резонанс с мыслями путешественника? Почему нас приводит в тот мир, который мы представляем? Знаю, что никто этого не объяснит, но ведь ты уже дважды бывал там. Должно же быть какое-то объяснение».

«Приводит? — Жан нагнулся к твоему лицу и хитро улыбнулся одними губами; его глаза при этом оставались серьезными. — А может, создает для тебя твой собственный мир на чужой планете?»

Ты замираешь, будто прикоснулся к той тайне, которая у всех на устах, но о которой никто не говорит вслух. И тогда все научные постулаты о межпространственных течениях и резонансе с мыслями путешественников разбиваются об эту тайну, известную всем. Не приводит, а создает. Кто? Ты сам или силы, что находятся в ином измерении?

Когда Жан улыбается, то напоминает лису, стащившую курицу. Того и гляди заметишь прилипшие к его рту перья.

«Ты поймешь».

И маленький подлый страх внутри — что, если ничего не выйдет и ты создашь пустой мир? Но назад не вернуться.

Тяжело ощущать иную реальность за толстой стеной. Закрываешь глаза и понимаешь, как твое сознание ежесекундно пронизывают миллионы километров чужого пространства. Ты здесь, на Земле. Сделай шаг сквозь шлюз — и очутишься дома. Но ты должен открыть другую дверь, проложить путь на иную планету, связав миры порталами.

Времени не существует, и ты не ощущаешь, сколько занимает путешествие — час, вечность?

Водопады...

Плюшевые звери...

Белые облака и птицы...

Все это чередой проносится перед глазами.

Путешествие заканчивается, кабина проваливается в обычное пространство. Скафандр неудобен, ты кажешься себе игрушкой, которая не может стоять на собственных мягких ногах. С шипением выходит из шлюза воздух, и ты ступаешь в свой мир — придуманный тобой, созданный тобой? Чужой. Над головой багровое небо, под ногами черная земля. На горизонте беззвучно плюется огнем вулкан. Ты опускаешься на колени и набираешь рассыпчатый сухой песок в ладони. Он течет между пальцами, опадая на землю, как пепел пустого мира. Ты не справился. Ты привел кабину к мертвой планете.

Это твое первое и последнее перемещение. Межпространственников-пустышек списывают, как ненужный материал. Не потому, что не доверяют. Просто нет смысла. Раз за разом они будут приводить к пустым мирам.

Кабина потрачена зря. Ее больше нельзя использовать. Здесь не будет висеть табличка «Мир, открытый Гораном Струмицевым в 2059 г.». Кабина останется стоять, словно памятник неизвестному неудачнику. Одна дверь на Землю, вторая — в пустой мир.

Нужно подняться и сделать шаг назад. Ну же, межпространственник-пустышка, поднимайся! Вставай! Имей смелость хотя бы вернуться.

И ты возвращаешься, оставляя свою мечту в пустом мире.

* * *

Фонари на столбах по краям аллеи разгоняют темноту и манят ночных бабочек — толстых и на первый взгляд неуклюжих бражников. С завидным упрямством мотыльки бьются в пыльные стекла, пытаясь добраться до светодиодных ламп. В безветренной тишине звучит выстукиваемая их крыльями морзянка. Тук-тук, тук-тук. Из ночи в ночь. На протяжении всего лета, пока метеорологи не разрешат осенним холодам вступить во владения. Тогда разноцветные листья кленов и берез покроют аллею шуршащим ковром, и еж, которому Алька несет большое красное яблоко, заляжет в спячку.

Упрямые бабочки летят к фонарям, мой друг идет по ночной аллее. Ему не страшно, он ведь не сам, впереди иду я.

«Тебя уже хватились», — сказал я Альке, прислушиваясь к событиям, что происходили в школе межпространственников.

— Шапокляк лютует? — вслух спросил мой друг, хотя это незачем — я легко слышу его мысли.

«Сердится. Не понимает, как тебе удалось проскользнуть сквозь охранные системы».

— Надежно экранируешь?

«Как обычно», — улыбнулся я.

Я позволю найти Альку уже под утро, когда он обойдет заброшенные кабины-пустышки и свернется калачиком на одной из скамеек.

Ночной парк безлюден. Покинутые дома заглядывают сквозь темную листву черными окнами. Их давно оставили обитатели. Кто-то живет на природе, создав для себя собственные биодома. Кто-то ушел в небесные города или в морскую пучину. Другие поселились в тех мирах, где они могут быть счастливы.

А что нужно для счастья моему другу? Я понимаю — переходной возраст, мальчишка мечется, что-то хочет доказать, и мне приходится потакать его выходкам. Раз за разом мы вместе идем на ту сторону парка, к началу межпространственных корпусов. Альке нравится гулять мимо заброшенных кабин, ведущих к пустым мирам.

— Где Колючка? — спросил мой друг. — Уже давно должен был появиться. Смотри, что там впереди?

«Костер».

Сквозь деревья пробивался огонек. Алька, словно индеец из приключенческих фильмов, шмыгнул в кусты. Стараясь не шуметь, ведь в лучших традициях следопытов под ногами не должна хрустнуть ни одна веточка, мы подкрались к костру. Дрожащее пламя отбрасывало тени, которые, казалось, протягивали длинные руки к сидящему у огня человеку.

— Лети на свет, бабочка, — сказал незнакомец, не оглядываясь. — Хватит прятаться.

Алька поднялся и шагнул в круг света.

— Я не бабочка, — сказал он.

Мужчина подбросил в костер несколько хворостинок и обернулся. Алька еще не видел столь старых людей, ведь все стараются изменить лица и выглядеть моложе. Во всяком случае, разгладить глубокие морщины, что делали лицо похожим на растрескавшийся асфальт, не представляло труда.

— Привет, бегун или беглец? — незнакомец усмехнулся, морщины разгладились, и Алькина тревога исчезла без следа. — Ты же из школы межпространственников? Давай, присаживайся, Бабочка.

— Я Алька, — буркнул мой друг и опустился на лежащее полено, почувствовав сквозь плотную ткань брюк шершавую кору. Я сел рядом, ощущая жар от языков пламени.

— Как древние люди у первого костра, — кивнул старик на огонь. — Меня звать Гораном. Давай, Бабочка, рассказывай, чего сбежал. Хотя это ты правильно сделал.

«Почему?» — удивился я.

— Почему? — удивился Алька.

— Тебя же что-то подтолкнуло на этот шаг?

— Не знаю, — пожал худыми плечами мой друг.

«Зато я знаю — упрямство, — сказал я. — И общая вредность».

— Ты же приходишь сюда почти каждую ночь. Что тебя ведет, Бабочка?

— Откуда вы знаете? Вы... следили за мной?

— За тобой? Зачем? Просто вы ходите так шумно, что не мудрено не заметить.

«Вы?! Он же не может меня видеть!»

— Вон твой друг, — сказал Горан. — Тоже к костру пришел. Смотри, не боится.

Из темноты выполз Колючка и повел длинным носом, принюхиваясь. Алька достал из кармана яблоко и протянул ежу. Тот отбежал назад в спасительную тень. Тогда Алька положил яблоко на дорожку и подождал, пока Колючка соизволит выползти на свет, схватит угощение и утащит в темноту.

— Съест, — констатировал Горан.

— Вы что, здесь живете? — спросил Алька.

— Можно сказать и так, — улыбнулся старик. — Каждый же может жить, где ему хочется. Мне нравятся покинутые дома и кабины, ведущие в пустые миры. А возможно, мне просто не хочется расставаться с прошлым.

— Оно как память, — сказал Алька.

— О неудачниках, — добавил Горан. — Жизнь кипит, отправляются новые кабины, но мне нравятся вот эти, давно всеми брошенные, которые больше нельзя использовать.

— Вы путешествовали?

— Это было очень давно. Тогда все виделось по-другому. Мы были первопроходцами, мечтателями, отправляющимися в неведомое.

— Одна из кабин — ваша? — тихо спросил мой друг.

— Номер двадцать три, — ответил старик. — Пустышка.

Он поднял целую вязанку хвороста и подбросил в костер. Взметнулся столп искр.

— Сейчас вас специально учат мечтать, готовят ваши разумы к тому, чтобы открывать новые миры. В мое время еще не знали, что люди после подпространства меняются навсегда.

После этих слов я получше присмотрелся к новому знакомому.

— Но вы же неизменный? — спросил Алька. — Разве вы преступник?

— Думаешь, что неизменными остаются только преступники, которым навязывают это как наказание? Не допускаешь, что это может быть личный выбор? Возможно, я просто хочу оставаться прежним человеком.

— Зачем?

— Долго объяснять, Бабочка. А почему ты не меняешься? Вас же всех уже давно окунули в подпро-

странство. Ты же теперь тоже homo mutatis, можешь изменять как свое тело, так и окружающую действительность.

Я вспомнил длинный коридор, с обеих сторон закрытый дверьми. На стенах — отпечатки детских ладоней. Алька — тогда еще шестилетний малыш, тоже несколько раз оставил на стене выпачканную в зеленую краску ладошку. Когда он шел по коридору впервые, меня еще не было. Потом я дважды проходил этот ритуал вместе с ним. Внутри коридор, где тебя окутывает сумрак, кажется длиннее, чем на самом деле. Ты все идешь и идешь, а он все не кончается. Когда кажется, что твой путь будет бесконечен, в конце коридора вспыхивает свет, и ты возвращаешься в обычное пространство. У одних эта дорога занимает минуту, у других — несколько часов.

— Я неспособный, — сказал Алька. — У меня почти ничего не получается. Ни менять свой геном, ни изменять окружающее.

— В мое время слово «геном» в устах двенадцатилетнего мальчишки вызвало бы удивление. Зажги ветку. — Горан протянул Альке сухую хворостинку. — Попробуй. Нет, не от костра, — мыслью зажги. Ну, смелее!

Алька послушно взял ветку, устремив на нее взгляд.

— Видите, я же говорил, что ничего не получится, — сказал он через минуту.

Я сжалился над другом и зажег ветку в его руке.

— Наверное, меня выгонят, — вздохнул Алька и бросил горящую ветку в костер. — Останусь таким же, как и вы, неизменным.

— Тоже неплохо, — сказал Горан. — Не всем же менять реальность. Кто-то должен просто жить.

— Как вы думаете, наша реальность тоже кем-то придумана, если мы можем ее мысленно менять?

— Не раскрывшая крылья Бабочка хочет вести со мной философские споры о том, что такое реальность? — усмехнулся Горан. Он достал ветку из огня, под его взглядом пламя на ней потухло, появившиеся почки лопнули и распустились зелеными листьями. Горан воткнул ветку в землю. — Видишь, в свое время я тоже услышал голос подпространства. Не такие уж мы с тобой и неумехи. Возможно, в людях это было заложено изначально, и просто пришло время раскрыться, как бабочке, разрывающей куколку.

— Откуда вы знаете? — вздрогнул Алька.

— Знаю про что? — удивился Горан.

Алька поджал ноги, обхватил их и спрятал лицо в коленях.

— Про крылья. Когда-то я мечтал стать крылатым и жить в небесных городах.

— Не получилось? — поинтересовался Горан и посмотрел на спину моего друга, где сквозь натянутую футболку между лопаток выделились два бугорка. — Так и не выросли? Ты передумал, Бабочка?

— Не знаю, просто расхотелось.

— А что ты хочешь?

— Да не знаю я! Говорю же, что ничего толком не умею! Одни улетают в небо. Другие живут в воде. Кто-то выращивает биодома одной силой мысли. А я — пустышка, как те кабины. Почти все мои друзья уже встретили Учителя. Последний экзамен, знаете? Никто не говорит, где и когда тебя найдет Учитель. Насчет себя догадываюсь, каков будет его окончательный вердикт.

— Боишься? — спросил Горан.

— Боюсь, — согласился Алька.

Горан достал из темноты плетеную корзину и выудил из нее две сосиски. Затем подмигнул мне, поднял два прута и пробил ими плотную кожицу сосисок.

— В моем детстве были такие же. Все меняется, а сосиски остаются прежними. Держи, — протянул он одну Альке. — Жарь над костром.

Мой друг улыбнулся.

— Никогда такого не делал.

— Мы многое забыли, — сказал Горан. — Ведь для счастья необязательно меняться. Иногда достаточно зажечь костер. Когда-то я так сидел вместе с Лидой.

— Вы были женаты? Ой, извините.

— Ничего. Видишь, даже тебе кажется, что лучшее слово, которое ко мне подходит, это «был». Отвечаю: нет, не был. Она меня не дождалась. Я задержался в подпространстве на десять лет. Слишком дорого мне обошлась моя несбывшаяся мечта. Но это случилось очень давно. Смотри, как у тебя хорошо получается. Незачем все делать силой мысли.

— Трещит, — сказал Алька.

— Как тебе удается сбежать из школы? — поинтересовался Горан.

Я забеспокоился, ощутив Алькину тревогу. Он мысленно напрягся, выставив колючки, как еж.

— Не хочешь, не отвечай, — сказал Горан и снова посмотрел на меня. — В принципе, мне без разницы.

Он поднес сосиску ко рту и принялся дуть, смешно надувая щеки. Алькины колючки улеглись.

— Я прохожу сквозь коридор, — тихо сказал он. — Друг открывает для меня двери, и я прохожу.

— Коридор? Ты хочешь сказать, что каждый раз ты проходишь сквозь подпространство?

— Да. Я прошу друга открыть двери, шагаю в коридор, представляю на выходе парк и оказываюсь тут.

Алька попробовал откусить кусок сосиски, обжегся и начал ловить воздух ртом, как вытащенная из воды рыба.

— Вкусно, но горячо, — сказал он.

— Ты попадаешь в подпространство сам, без электромагнитного коллапса?

— Нет, не сам. С другом.

«Да, ему помогаю я», — захотелось сказать мне, похвастаться, словно мальчишке, но меня Горан все равно не услышит.

— Ты сумасшедший, Бабочка, — прошептал старик. — Не каждый взрослый сможет столько раз окунаться в безвременье. И ты после этого хочешь сказать, что ни на что не пригоден?

— Ни на что. Кроме этого, я ничего не умею.

— Ты не представляешь, что творишь, Бабочка, — покачал головой Горан. — Подпространство слушает твои мечты, если ты каждый раз оказываешься в этом саду. Не поступай так, тебя может унести куда угодно. Но у тебя яркие мысли. Уму непостижимо. Не делай так больше, иначе я стану за тебя волноваться.

«У нас гость», — сказал я.

Послышался шум крыльев, и на землю опустился крылатый, разметав костер в стороны.

— Извините, — сказал он. — Вкусно пахнет сосисками, прилетел на запах. Я сейчас разожгу.

— Нет, Сергей! — остановил его движением руки Горан. — Пусть это сделает Алька.

— Я?! — удивился мой друг.

— Смелее, — выкрикнул Горан и сердито посмотрел в мою сторону.

Не сквозь меня, а на меня. «Твоя помощь не нужна», — читалось в его взгляде.

Алька зажег костер сам. Пламя под его взглядом сначала робко побежало по веткам, а затем вспыхнуло в полную силу.

— Молодец, Бабочка. Позволь тебе представить моего молодого друга Сережу Репея. Пять лет назад он учился в твоей школе, но оказалось, что открывать новые миры не его призвание. Яркий представитель homo mutatis, которому для счастья нужно только небо.

— И ваши сосиски, дядя Горан, — улыбнулся крылатый.

У него были голубые глаза, и пламя отражалось в их глубине, словно вечерняя заря.

— Только ради них я и возвращаюсь на землю.

— Да уж, зачем людям, создающим летающие города, наша земля. Ты сколько раз был в подпространстве, Сережка? — спросил Горан, протягивая крылатому новую сосиску.

— Три. А что?

— Ничего. Как ты думаешь, если бы существовал человек, который может сам открывать путь в подпространство и возвращаться оттуда, на что он мог быть способным?

— Мне даже страшно представить. А что, есть такой человек? — поинтересовался Репей. — У него свободный доступ к коллапсару?

— Нет, Сережка, этот человек просто шагает в подпространство. Сам. Вполне вероятно, что он сидит сейчас перед тобой. Мне даже кажется, что мы всего лишь его фантазии. Да шучу я, не пугайся, — поднял руки Горан. — А ты, Бабочка, не смотри на меня так грозно. Твоя школьная тайна уже не важна — в школу ты не вернешься.

— Почему? — тихо спросил Алька. — А как же экзамен?

— Зачем человеку, который может больше всех вместе взятых, какой-то экзамен? Может быть, ты просто боишься своих умений, прячешься за своим воображаемым другом?

Я вздрогнул. Мне самому захотелось спрятаться за Алькой.

— Ты убедил себя, что ничего не умеешь, и создал себе друга. Но ведь он — это ты. Все, что умеет он, умеешь и ты. Но ты сдерживаешь себя, пугаешься ответственности, убеждаешь, что не ты, а он способен трансформировать реальность. Не ты, а он открывает путь в подпространство. Ты прячешься от жизни, Алька. Послушай старика: не бойся.

Алька спрятал лицо в ладонях. За его спиной выросли и развернулись крылья с белыми перьями. Деревья вокруг залил лунный свет, и на ветках в такт мыслям моего друга распустились цветы.

— Спроси себя, что ты хочешь, — продолжил Горан. Его голос больше не был мягким и не напоминал голос старика. — Нет, лучше спроси, что ты должен делать. Зачем ты идешь к брошенным кабинам? Может быть, ты хочешь исправить чужие ошибки, в этом твое призвание? Но еще никто никогда не мог изменить миры, порожденные пустыми фантазиями.

— Я смогу, — Алька опустил ладони. Крылья за его спиной растаяли, деревья отцвели и вновь погрузились в ночную мглу. В глазах мальчишки появились далекие искорки. — Я... попробую. Прямо сейчас. Я скоро вернусь.

Он поднялся и пошел в темноту. Я вскочил и бросился следом за ним. Алька словно вспомнил обо мне, остановился, оглянулся.

— Останься здесь, — властно сказал мне Горан. — Твоему другу пришла пора уходить самому.

И Алька ушел. Я устало опустился на траву.

Так мы и сидели у костра, встречая зарю — крылатый, старик и воображаемый друг, придуманный самым всесильным мальчишкой на свете.

— Спасибо, Учитель, — сказал Сережка, когда край утреннего солнца показался над деревьями.

— За что? — удивился Горан.

— Да, пожалуй, за все, — усмехнулся крылатый. — Можно попросить еще одну сосиску? Уж больно вкусные они у вас получаются.

Потом Горан поднялся и направился к заброшенным межпространственным кабинам. Проходил мимо серых кубов и дотрагивался до каждого, что-то шепча себе под нос. Наконец остановился возле кабины под номером двадцать три и, слегка помедлив, вошел внутрь. Внутри царило запустение. Слой вездесущей пыли покрывал пол, кресло путешественника и панель с давно не работающими приборами. Горан ладонью стер с кресла пыль, опустился и немного посидел, закрыв глаза. Затем поднялся, подошел к внешнему шлюзу и распахнул дверь.

За дверью был мир зеленой травы и голубого неба. Разноцветные радуги сверкали над реками с прозрачной водой, а где-то высоко, среди облаков, летели белые птицы. Их призывное курлыканье разносилось над вновь рожденным миром.

СОДЕРЖАНИЕ

Дарья Зарубина
ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ – КОТЛЕТЫ ЛЕПИТЬ 7

Евгений Шиков
Я СОЖГУ ЭТОТ МИР В ПЛАМЕНИ МОЕЙ НЕНАВИСТИ 22

Юлия Рыженкова
КОМАНДИРОВКА НА ТИТАН 35

Марина и Сергей Дяченко
ВНЕ 54

Ольга Погодина
ПРОГРАММА ОПТИМИЗАЦИИ 58

Юлия Зонис
СЕМЕРО ИЗ СТРУЧКА 71

Эдуард Шауров
САМАЯ ВЕСЕЛАЯ ГАЙКА 91

Святослав Логинов
ЧЕРНАЯ ДЫРА 105

Ина Голдин
ЦУП ГОСПОДА БОГА 114

Игорь Минаков, Максим Хорсун
УРОК МИРА 131

Константин Ситников
ЛЕДОВЫЕ КАТКИ ЕВРОПЫ 159

Елена Клещенко
СЕРОЕ ПЕРЫШКО 165

Леонид Кудрявцев
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА 180

Сергей Удалин
ТОЛЬКО БЫ ЛЕНКА 195

Олег Дивов
НЕМЦЫ 214

Ника Батхен
КРУТИТСЯ-ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ 245

Ярослав Кудлач
КОТ ПРИШЕЛ ДОМОЙ 281

Александр Голиков
КОГДА ХОЧЕТСЯ НОВОГО 303

Григорий Панченко
ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО 310

Сергей Чекмаев
СВЕТ ЖИЗНИ 329

Максим Тихомиров
БЕГСТВО ИЗ ПАСТОРАЛИ 337
Далия Трускиновская
КОМПАС НА ВЕРЕВОЧКЕ 359
Игорь Вереснев
ФОНТАНЫ ЭНЦЕЛАДА 373
Ника Ракитина
ЗВЕЗДЫ НЕ СТРАШНЫЕ 401
Александра Давыдова
НЬААВЭЛ ТАННЬЯ 403
Сергей Беляков
С ОКТАВИИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ 418
Светлана Юрьева
ВРЕМЯ БОНУСОВ 427
Борис Богданов
ГАЛАКТИКА ДЛЯ ЛЮДЕЙ 445
Антон Фарб, Нина Цюрупа
Я БУДУ 459
Ефим Гамаюнов
ШЕСТЬ ДНЕЙ ЛУННОГО КОТА 481
Яна Дубинянская
ЖЕЛЕЗО 496
Владимир Марышев
ВЕСНА ПРИШЛА 534
Тимур Алиев
СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ 546
Дмитрий Никитин
ТАЛКА 556
Алекс Громов, Ольга Шатохина
ДРУГ НА МЕСТНОСТИ 573
Сергей Звонарев
СВЕЧА НА ВЕТРУ 592
Кристина Каримова
СДЕЛАЕМ ДРУГ ДРУГУ ХОРОШО 612
Андрей Таран
ЛАРА 631
Майк Гелприн
ДРУГИХ ТАКИХ НЕТ 651
Юлиана Лебединская
ЧТО СНИТСЯ БЛЭКУ? 671
Андрей Кокоулин
ВИРУС ЧЕМОДАНОВА 700
Владимир Венгловский
НАД НЕБОМ ГОЛУБЫМ 719

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ЭТОТ ДОБРЫЙ ЖЕСТОКИЙ МИР

Ответственный редактор *И. Минаков*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *М. Варганова*
Корректор *С. Горшкова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.09.2014.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64.
Тираж 3000 экз. Заказ № 6711.

Отпечатано в ОАО «ПИК «Офсет»
660075, г. Красноярск, ул. Республики, 51
Тел. (391) 211-76-20. E-mail: marketing@pic-ofset.ru

ISBN 978-5-699-76263-7

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: www.**kanc-eksmo.ru**

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. **rdc-almaty@mail.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ЭТОТ ДОБРЫЙ ЖЕСТОКИЙ МИР

Люди могут все: изобрести вечный двигатель, улететь к звездам, даже заказать счастье. Но в любом из открытых миров, окруженный высокими технологиями или хлипкими стенами шалаша, человек останется человеком, пока в нем живет душа, пока он исповедует вечные ценности. Вера, жертвенность и доброта делают прекрасным окружающий мир, а кто этого еще не понял – того сама жизнь научит. Ее методы иногда жестоки, но это всегда уроки Мира. Здесь есть место всему: инопланетный учитель Кмыф Лгович спасает земных детей, бесстрашная хроноинженер Маша пробивает тоннель во времени, мудрый Горан помогает расти крыльям за спиной мальчишки, а Сын подходит к телефону небесной канцелярии…

Олег Дивов, Марина и Сергей Дяченко, Святослав Логинов, Далия Трускиновская, Юлия Зонис и другие в сборнике, посвященном памяти критика и литературоведа Александра Ройфе!

ISBN 978-5-699-76263-7